

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

Salias de Turnemir
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Sobranie sochinenii
ГРАФА

Е. А. САЛІАСА.

Томъ XI.

КУДЕСНИКЪ.
ЯУНКУНДЗЕ.

Изданіе А. А. Карцева.

МОСКВА.

Типо-Литографія Г. И. ПРОСТАНОВА, Петровка, домъ № 17, Савостьяновой.
1895.

КУДЕСНИКЪ.

РОМАНЪ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

БЫЛО лѣто 1765 года.

Среди пустынной и тихой лазури моря, подъ легкимъ вѣянiемъ вѣтерка, съ слабо натянутыми парусами, медленно, едва замѣтно, двигался маленькiй купеческiй корабль. Кругомъ разстилалось, сливаясь съ небомъ, необъятное синее море. Только на сѣверѣ, на самомъ горизонтѣ, бѣлѣлась едва замѣтная розовая полоска — это была земля, городъ и портъ, изъ которыхъ корабль вышелъ въ это утро. Онъ покинулъ Мессину и Сицилiю и направлялся въ Египетъ. На кораблѣ этомъ было очень много товара и очень мало людей. Помимо хозяина, капитана, было всего восемь человекъ экипажа — матросовъ, состоящихъ, по обыкновенiю, изъ сброда наймитовъ: итальянцы, греки, албанцы, алжирцы и даже одинъ негръ. Но что было явленiемъ необычайнымъ — это присутствiе на палубѣ двухъ лицъ, которыя не принадлежали къ экипажу. Это были пассажиры, которыхъ, обыкновенно, торговыя суда малаго объема никогда на бортъ не принимаютъ.

Хозяинъ корабля былъ человекъ еще не старъй, смуглый, неопредѣленной национальности, не то мусульманинъ, не то христианинъ, не то грекъ, не то турокъ, но выдававшiй себя за истаго итальянца. Онъ рѣшилъ измѣнить своему обычаю и взять двухъ пассажировъ до Каира, потому что одинъ изъ нихъ предложилъ ему довольно крупную сумму за проѣздъ.

Эти два пассажира казались капитану сомнительными; но на Средиземномъ морѣ всѣ портовые города, острова большiе и малые, даже берега Францiи, Италiи, кишѣли десятками

и сотнями самых странных личностей. А въ особенности много было ихъ именно въ числѣ путешественниковъ. Поэтому быть строгимъ на выборъ не приходилось. Разумѣется, еслибы десятокъ человекъ, подобныхъ этимъ пассажирамъ, предложили хозяину корабля взять ихъ на бортъ хотя бы и за огромную сумму, то онъ отказался бы.

Этотъ десятокъ людей въ открытомъ морѣ могъ бы легко завладѣть его кораблемъ, умертвивъ экипажъ и его самого. Подобные случаи постоянно бывали, и всякій собственникъ корабля опасался брать съ собой слишкомъ много пассажировъ, которые могли оказаться шайкой разбойниковъ, являющихся подъ различными именами и костюмами съ цѣлю грабежа. Судохозяева опасались ихъ не менѣе встрѣчи въ морѣ настоящихъ пиратовъ, которыми изобиловало Средиземное море. Противъ явнаго нападенія имѣлось хорошее оружіе, а главное—привычка и готовность отстоять себя и свое имущество въ открытомъ бою.

Когда наступили сумерки, жара спала, далекій берегъ Италии потонулъ въ волнахъ, а на морѣ стало особенно тихо, оба пассажира появились на палубѣ изъ маленькой внутренней каюты, и усѣлись на кормѣ. Между ними тотчасъ началась бесѣда, очевидно, продолженіе той, которую они вели еще въ каютѣ.

Капитанъ, сидя вдалекѣ отъ нихъ, прислушивался къ ихъ бесѣдѣ; но затѣмъ, она показалась ему настолько бессмысленною, что онъ слегка пожалъ плечами, усмѣхнулся и отправился въ свою каюту ужинать и ложиться спать.

Ясная и свѣжая ночь, яркій куполъ неба обѣщали на утро ровный попутный вѣтерокъ и хотя медленный, но спокойный путь. И капитану слѣдовало отоспаться за ночь и набраться силы на случай другихъ тревожныхъ дней или ночей, на случай борьбы съ волнами.

Магросы, изрѣдка двигавшіеся на палубѣ у снастей, тоже понемногу исчезли, разошлись отдыхать, и скоро на палубѣ оставалось только три фигуры: рулевой у колеса и два пассажира.

Эти двѣ личности, которыя показались капитану загадочными и сомнительными, не имѣли почти ничего общаго по внѣшности, были двумя противоположностями. Одинъ изъ нихъ отличался степенностью, какой-то даже важностью и въ голосѣ, и въ движеніяхъ, и былъ человекъ лѣтъ около 60-ти,

хотя на видъ много моложе. Это былъ рѣзкій южный типъ. Смуглый оранжевый цвѣтъ лица, носъ съ горбомъ, черные глаза подъ нависшими густыми бровями, высокій лобъ, вьющіеся, черные, какъ смоль, волосы, съ кое-гдѣ блестящей просѣдью, съ густыми усами и большой, длинной бородою клиномъ, лежавшей на груди. На головѣ его была круглая бархатная шапка, гладкая и черная, нѣчто въ родѣ низенькаго клобука. И весь костюмъ былъ смѣсью чего-то полутурецкаго, полумонашескаго. На черныя туфли и черные чулки спускались шальвары, а сверху длинная, распахнутая монашеская ряса или халатъ, подъ которой пестрѣла турецкая куртка, вышитая шелками. За широкимъ, намотаннымъ кругомъ тали лиловымъ поясомъ торчала небольшой кривой кинжалъ, а рядомъ перламутровыя четки.

Костюмъ этотъ и то, что украдкой слышалъ капитанъ изъ рѣчи этого незнакомца—именно и заставили его причислить пассажира къ числу сомнительныхъ личностей, скитавшихся по берегамъ Средиземнаго моря.

Да вообще всякій, встрѣчавшій эту личность еще въ портѣ, даже матросы,—всѣ оглядывали ее удивленнымъ взоромъ.

Онъ сидѣлъ теперь на скамьѣ, поджавъ ноги и сложивъ руки на колѣняхъ, въ спокойной и важной позѣ. Передъ нимъ, за неимѣніемъ мѣста, полулежа и опершись локтемъ на бортъ, помѣстился его спутникъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, въ щегольской одеждѣ такого покроя, какую носила только аристократія. Камзолъ и кафтанъ были синіе, обшитые золотымъ галуномъ по краямъ, съ золотыми пуговицами, а черезъ плечо подъ кафтаномъ виднѣлась португеза, на которой носилась шпага, вынутаая теперь ради удобства въ пути. Свѣтлые каштановые волосы его, вьющіеся короткими кудрями, падали на широкій и высокій лобъ, большіе свѣтло-голубые глаза смотрѣли добродушно, но лукаво, а сильно вздернутый носъ, казалось, еще болѣе придавалъ лукавства всему лицу. Это выраженіе нѣсколько смягчалось толстыми, пухлыми губами, легко и часто улыбавшимися, обнажая рядъ блестящихъ, бѣлыхъ зубовъ. Смугло-бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица и сильный румянецъ во всю щеку придавали лицу что-то ребяческое. Впрочемъ, въ лицѣ этомъ было столько жизни, движенія, игры, что оно мѣнялось ежеминутно. То кажется дѣтски-наивнымъ, почти глуповатымъ, или добродушнымъ до неразумія, то лукавымъ, почти коварнымъ. То смотреть этотъ молодой чело-

вѣкъ своими синими глазами и усмѣхается, какъ шалунъ-ребенокъ, то вдругъ пробѣжить по лицу его какая-то тѣнь, блеснетъ что-то въ глазахъ странное, почти недоброе.

Насколько былъ спокоенъ первый, настолько порывистъ въ движеніяхъ, быстръ въ словѣ и жестѣ, какъ истый итальянецъ — второй. Въ ихъ бесѣдѣ ярко сказывались вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ взаимныя отношенія — учителя и ученика, почти старика и почти юноши.

II.

Вскорѣ послѣ ухода капитана, старшій изъ двухъ пристально и внимательно осмотрѣлся кругомъ. Видя, что палуба опустѣла и лишь остался одинъ рулевой, занятый своимъ дѣломъ, онъ вымолвилъ тихимъ, спокойнымъ и мѣрнымъ голосомъ:

• — Ну, мой юный другъ, началъ онъ, теперь мы можемъ приступить къ желаемому вами объясненію. Вы думаете, что оказали мнѣ большое одолженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вы рассчитываете на то, что за это одолженіе будете вознаграждены сторицею.

Молодой человекъ рѣзко двинулся, хотѣлъ очевидно горячо отрицать это, но пожилой поднялъ на него руку и важнымъ жестомъ остановилъ его:

— Дайте мнѣ говорить. Мнѣ не нужно вашихъ завѣреній, клятвъ и тому подобнаго. Привыкните, мой другъ, лоскорѣе ко мнѣ и къ тому, что я читаю насквозь мысли людскія. Я читаю въ душѣ каждаго, что онъ думаетъ, я даже знаю, что онъ мыслить вчера, и могу сказать, что онъ будетъ завтра мыслить, или что онъ будетъ завтра дѣлать. Привыкните къ этому и не относитесь ко мнѣ такъ же, какъ ко всякому другому, простому смертному. Поймите, мой юный другъ, что въ этомъ смыслѣ я не человекъ. Стало быть, вы не вѣрите, когда я говорю вамъ, что если я когда-то родился — тому назадъ три тысячи лѣтъ, то я никогда не умру. Понимаете вы это?

— Да, да, живо и быстро двинувшись всѣмъ тѣломъ, произнесъ молодой. — Да, вѣрно; но я именно хотѣлъ объясненія загадки, которая...

— Я вамъ его далъ и другого дать не могу. Я ужъ вамъ сказалъ, что я родился лѣтъ за тысячу до вашего людского лѣтосчисления. Слѣдовательно, мнѣ надо считать свои года

столѣтіями. Слѣдовательно, теперь я доживаю 28-ое столѣтіе и проживу еще столько, сколько проживет этотъ міръ. Когда будетъ кончина міра этого, тогда, конечно, видоизмѣнится и мое существованіе. Глупые люди сочтутъ меня за колдуна, волшебника, чародѣя, знающагося съ дьяволомъ, но я вамъ ужъ говорилъ, что самъ не вѣрю въ существованіе этой вражьей силы, и что всѣмъ этимъ я обязанъ наукѣ и изобрѣтенію той цѣлебной воды, при помощи которой и прожилъ столько вѣковъ—и проживу еще много. Но есть еще нѣчто, о чемъ я еще не говорилъ вамъ и что хочу сказать теперь. Вы заплатили нѣсколько червонцевъ за мой проѣздъ до Александріи и, такъ какъ вы богаты, то для васъ эта трата ничего не значить. Но я благодаренъ вамъ за довѣріе, благодаренъ-за вашу дружбу, ваше хорошее чувство ко мнѣ. Но что вы скажете, если узнаете, что та же наука, давшая мнѣ возможность открыть цѣлебную воду или воду „вѣчной жизни“, какъ я ее называю, она же дала мнѣ средство дѣлать, когда я захочу и сколько я захочу, то, что наиболѣе цѣнятъ люди — брилліанты и золото? Я могу при помощи химіи, въ одинъ часъ, сдѣлать столько золота, сколько нужно для покупки цѣлаго города. Слѣдовательно, въ нѣсколько дней я могу составить нѣсколько милліоновъ червонцевъ.

Вѣроятно, лицо молодого человѣка выразило что-нибудь особенное противъ его воли, вслѣдствіе живости его натуры, потому что говорящій улыбнулся и произнесъ:

— Милый мой Джузеппе, я вижу, что мнѣ долго еще придется имѣть дѣло съ вашей подозрительностью и вашимъ недобвѣріемъ ко мнѣ; но когда мы будемъ на мѣстѣ, когда будетъ у меня подъ руками все, мнѣ необходимое, — я не на словахъ, а на дѣлѣ докажу вамъ, что я не морочу васъ. Если же теперь вы зададите мнѣ глупый вопросъ, зачѣмъ я, имѣя возможность дѣлать золото, не имѣю дворцовъ, блестящихъ одеждъ и безчисленной прислуги, а хожу пѣшкомъ, одинъ, въ сравнительно скромномъ нарядѣ и пользуюсь услугами лицъ, у которыхъ есть состояніе, то объясненіе этого очень простое. Мнѣ деньги не нужны, потому что деньги цѣнны лишь потому, что онѣ служатъ средствомъ удовлетворенія разныхъ прихотей и страстей. А у меня ихъ нѣтъ — и, слѣдовательно, мнѣ ничего не нужно. Мнѣ нужно только жить, чтобы быть свидѣтелемъ судьбы человѣчества. Только это мнѣ и любопытно. Я живу изъ вѣка въ вѣкъ, присутствуя при жизни

этого человечества. И чѣмъ болѣе живу я, тѣмъ болѣе презираю его, презираю этотъ міръ и съ нетерпѣніемъ жду его кончины, чтобы видѣть, что будетъ послѣ этого. Я надѣюсь, что будетъ что-нибудь иное, болѣе достойное меня. Но теперь...

Онъ помолчалъ немного и среди наступившей тишины оглянулся кругомъ на безмятежное море, на безоблачное, сіявшее звѣздами небо и проговорилъ еще тише:

— Нѣтъ у Творца вселенной юдоли — хуже этой земли... Но довольно пока. Завтра мы снова побесѣдуемъ. Я надѣюсь, что понемногу, прежде чѣмъ мы прїѣдемъ, вы полюбите меня...

— Я уже теперь люблю васъ, какъ мудраго, несравненнаго учителя! воскликнуть молодой человѣкъ.

— Благодарю васъ... Надѣюсь, что когда мы прибудемъ къ берегамъ Египта, вы привыкнете смотрѣть на меня иначе, чѣмъ теперь, поймете и увѣруете, что имѣете дѣло не съ человѣкомъ. Называйте меня, какъ хотите. Называйте меня особымъ, вышшимъ существомъ, но не злымъ и враждебнымъ человечеству, а способнымъ на дружбу и привязанность. Сегодня я только прибавлю вамъ одно... Вы нѣсколько разъ спрашивали меня за эти двѣ недѣли нашего знакомства, какъ мое имя? Я вамъ отвѣчалъ всегда, что имя человѣка ничего не значить и ничего не говорить. Мое имя, искренно говоря, не существуетъ; какимъ образомъ можетъ называться человѣкъ или существо, живущее вмѣстѣ съ человечествомъ нѣсколько вѣковъ? Я не принадлежу ни къ какой національности, ни къ какой религіи, у меня нѣтъ родины, нѣтъ родныхъ и семьи. Быть можетъ, двадцать слишкомъ столѣтій тому назадъ, мнѣ и было дано какое-нибудь имя, но я, признаюсь откровенно, позабылъ его. Слѣдовательно, если вы хотите какъ-либо называть меня, то называйте — Альтотасъ. Это слово имѣетъ особый смыслъ — кабалистическій, который я когда-нибудь объясню вамъ, но только тогда, когда я буду увѣренъ въ васъ. Это необходимо потому, что знающій и умѣющій объяснить смыслъ этого имени, будетъ вредить мнѣ. И такъ, пока называйте меня Альтотасомъ, не требуя разъясненія. Что касается до васъ, мой юный другъ, не сердитесь и, опять скажу, привыкайте къ тому, что я буду откровенно говорить съ вами и еще болѣе откровенно дѣйствовать. Вы сказали мнѣ, что вы графъ Іосифъ Калиостро. Такъ какъ я читаю мысли людскія такъ же легко, какъ и книгу на разныхъ язы-

кахъ, древнихъ и новыхъ, то я точно такъ же читаю и въ вашей душѣ и скажу вамъ, что это выдумка и ложь.

— Что?! почти вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Вы не графъ Калиостро! мѣрно, тихо и спокойно произнесъ пожилой. Вы такъ назвались ради людской привычки покичиться, похвастать. Вы не графъ, и не аристократъ, и не Калиостро. Но это мнѣ все равно, безразлично, насколько не мѣняетъ нашихъ отношеній, не умаляетъ моей дружбы къ вамъ. Я попрошу васъ только быть со мною столь же искреннимъ, насколько я искрененъ съ вами.

Молодой человѣкъ страшно смутился и, опустивъ глаза, произнесъ виновато и тихимъ шепотомъ:

— Простите меня. Вы мнѣ даете доказательство, что дѣйствительно читаете въ сердцахъ людей. Кромѣ меня, никто не знаетъ, что этотъ титулъ, это имя мною вымышлены. Слѣдовательно вы, дѣйствительно, прѣзорливецъ и чародѣй. Мое настоящее имя—Иосифъ Бальзамо. Мои родители не аристократы, а простые...

— Замолчите! не нужны мнѣ признанія, улыбнувшись произнесъ Альтотасъ, — все это я знаю безъ васъ и могу рассказать вашу жизнь подробно, точно такъ же, какъ бы вы сами рассказали ее. Болѣе искренности, мой юный другъ! Болѣе вѣры въ меня, во все, что я говорю, и тогда только вы можете воспользоваться всѣми сокровищами знанія, которыми я владѣю. Ну, а теперь, повинувся слабости человѣческой природы, пойдѣте на отдыхъ.

Альтотасъ медленно поднялся со своей скамьи. Молодой человѣкъ послѣдовалъ его примѣру и оба сошли съ палубы во внутренность корабля по узенькой и крутой лѣстницѣ. Тайственный Альтотасъ скоро спалъ крѣпкимъ сномъ на своей койкѣ, а молодой человѣкъ, признавшійся, что онъ не графъ Калиостро, какъ называлъ себя, а просто Иосифъ Бальзамо, долго въ бессонницѣ вертѣлся въ своемъ углу съ боку на бокъ и глубоко вздыхалъ. Мысль его, горячая, юная и пылкая, витала, казалась, по всему Божьему міру. Тысяча всевозможныхъ помысловъ, грезъ и мечтаній волновали его вплоть до зари.

III.

Юный путникъ тревожно провелъ всю ночь въ своей каютѣ, главнымъ образомъ потому, что его загадочный „менторъ“ отгадалъ его прошлое, назвалъ его дѣйствительнымъ именемъ,

а онъ и то и другое тщательно скрывалъ. Не опасеніе или боязнь предательства взволновали его, а изумленіе. Это прошлое, которое онъ скрывалъ, было полно всякаго рода житейскихъ бурь. Двадцать лѣтъ назадъ, въ столицѣ Сициліи у небогатыхъ и скромныхъ торговцевъ сукнами и шелковыми матеріями, послѣ нѣсколькихъ дочерей, родился ребенокъ — мальчикъ.

Съ самаго ранняго дѣтства, мальчикъ этотъ обращалъ на себя вниманіе своимъ умомъ, живостью воображенія и рѣдкими способностями.

Ребенку было четыре года, когда отецъ съ матерью и вся родня: тетки и дяди, уже начали мечтать о будущей блестящей карьерѣ своего любимца.

Чтобы пойти въ гору и выйти въ люди въ то время въ Италіи былъ только одинъ путь—духовное званіе. Въ той же странѣ, гдѣ монахъ былъ первымъ лицомъ, свѣтскимъ владыкою половины всего Апеннинскаго полуострова и духовнымъ властителемъ надъ цѣлою частью свѣта,—понятно, что духовенство стояло выше всѣхъ остальныхъ сословій. Вдобавокъ, этотъ владыка, самодержецъ страны, было лицо выборное, званіе его было не наслѣдственное, и поэтому-то всякій отецъ, изумляясь способностямъ своего сына, всегда могъ мечтать о томъ, что ребенокъ будетъ со временемъ на престолѣ Св. Петра.

Все, что было умнаго, блестящаго, способнаго среди молодежи Италіи—все шло въ духовное сословіе, постригаясь въ монахи ради мечтаній сначала объ епископствѣ, потомъ о кардинальской шляпѣ, а послѣ нея и о папской тиарѣ.

Точно такъ же мечтали и торговецъ сукнами Петръ Бальзамо.

Что вышло бы изъ умнаго и даровитаго мальчика, благодаря хорошему воспитанію, отцовской рукѣ, которая бы наложила узду на его огненную натуру, — трудно сказать. Къ несчастію, ребенку не было еще 7 лѣтъ, какъ Петръ Бальзамо умеръ. Мать, слабая и недалекая женщина, не могла справиться съ маленькимъ Джузеппе или Иосифомъ. Чѣмъ болѣе подросталъ онъ, тѣмъ мудренѣе было вести его. Вдова обратилась за помощью къ братьямъ. Четверо дядей взялись за воспитаніе мальчугана, и всякій старался поучать его по своему, но мальчикъ очень скоро сталъ изощрять свое остроуміе насчетъ этихъ дядей и поднимать ихъ на смѣхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Когда Иосифу минуло десять лѣтъ, его отдали въ семинарію; но не прошло полутора года, какъ начальство строго управляемаго духовнаго училища исключило Бальзамо изъ числа учениковъ.

Вернувшись домой, болѣе года воевалъ юный Иосифъ съ матерью, дядями и сестрами. Собрался, наконецъ, семейный совѣтъ и, пользуясь временнымъ пребываніемъ въ Палермо главнаго настоятеля монастыря Бенъ-Фрателли, извѣстнаго строгостью своего устава, дяди рѣшили отдать мальчика въ эту обитель для исправленія его дурныхъ наклонностей. Настоятель, человекъ съ желѣзной волей, даже страшный строгостью своего лица и взгляда, охотно принялъ Иосифа съ рукъ на руки отъ его родныхъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, вѣчно молчаливый и угрюмый настоятель-монахъ и строптивый юнецъ были уже на пути въ дальній монастырь, помѣщавшійся въ горахъ, среди совершенно пустынной мѣстности.

Первое время монахи были довольны новымъ послушникомъ. Онъ забавлялъ ихъ своимъ остроуміемъ, живостью соображенія и мѣткостью отвѣтовъ. Изучивъ нѣсколько наклонности своего новаго питомца, настоятель отгадалъ въ немъ нѣчто самому Иосифу неизвѣстное и отдалъ его въ обученіе монастырскому аптекарю.

Иосифъ со страстью предался новымъ занятіямъ. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ зналъ все то, что зналъ аптекаръ. Любовь его къ врачебной стряпнѣ, къ манипуляціи травами и минералами, вообще, составленію всякаго рода зелья, лѣкарствъ и напитковъ, была чрезвычайная. Но вскорѣ новымъ занятіямъ и примѣрному поведенію наступилъ конецъ, потому что Иосифъ зналъ уже больше, чѣмъ его учитель аптекаръ. Юноша задавалъ учителю такіе вопросы, на которые тотъ не умѣлъ отвѣчать. Его охватила жажда знанія; во снѣ и на яву грезилъ онъ химіей и медициной, а аптекаръ попрежнему умѣлъ только составить нѣсколько лѣкарствъ. И пылкій мальчикъ бросилъ дѣло стряпни зелій, началъ скупать, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался непослушенъ и дерзокъ со всѣми. Наконецъ, онъ сталъ просить настоятеля освободить его изъ монастыря и отпустить на волю, для того чтобы предаться всей душой наукамъ.

Настоятель, конечно, отвѣчалъ отказомъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ тринадцатилѣтній отрокъ, вы меня выгоните сами.

— Какимъ образомъ? спросилъ игумень.

— Я сдѣлаю то, что вы не захотите меня держать въ монастырѣ.

— Что бы ты ни сдѣлалъ, отвѣчалъ старикъ, я тебя буду наказывать, но изъ монастыря не выпущу.

— Мы это увидимъ! дерзко усмѣхнулся послушникъ-полу-ребенокъ и, повернувшись на каблукахъ, вышелъ изъ кельи настоятеля.

Много шалостей дерзкихъ, иногда возмутительныхъ, продолжалъ онъ съ тѣхъ поръ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Много разъ сидѣлъ онъ взаперти въ монастырскомъ карцерѣ; много разъ наказывали его голодомъ: наказывали на всѣ лады, но объ исправленіи не было и помину.

Наконецъ, однажды случилось маленькое происшествіе, взволновавшее весь монастырь. Въ обитель Бенъ-Фрателли пріѣхалъ гость, въ то время очень извѣстный и уважаемый въ Римѣ кардиналъ. Онъ явился навѣстить игумена, своего дальняго родственника.

Въ монастырѣ былъ обычай, что послѣ трапезы, когда всѣ монахи были въ сборѣ, кто-либо поочередно читалъ житіе святыхъ. Раза два или три заставляли читать и строптиваго послушника, такъ какъ онъ читалъ очень хорошо, звучно, четко и лучше многихъ старыхъ монаховъ. Игумень вспомнилъ объ этомъ и, желая угодить кардиналу-родственнику, приказалъ Іосифу, только что выпущенному изъ заперти, гдѣ онъ сидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ, приготовиться послѣ трапезы читать житіе Адриана и Наталіи. Бальзамо очень обрадовался.

Часа черезъ три послѣ этого, въ большой залѣ на сводахъ, полусвѣщенной нѣсколькими свѣчами, всѣ старцы Бенъ-Фрателли были въ сборѣ, а впереди всѣхъ, на двухъ большихъ и высокихъ дубовыхъ креслахъ, изъ рѣзного чернаго дуба, сидѣли игумень и кардиналъ. Юный послушникъ, съ благословенія игумена, особенно весело, но лукаво ухмыляясь, поднялся на маленькую каедрю, установилъ около себя на столѣ два подсвѣчника, раскрылъ громадную, толстую книгу въ коричневомъ столѣтнемъ переплетѣ, и недобрымъ взглядомъ обвелъ всю свою аудиторію.

Началось чтеніе. Голосъ и манера читать этого мальчика сразу понравились кардиналу. Всѣ слушали со вниманіемъ... Но вдругъ, спустя четверть часа, аудиторія шелохнулась какъ

будто по внезапному удару магической палочки. Однако, снова все стихло, а игумень, тоже двинувшись слегка въ своемъ креслѣ, подумаль про себя.

„Должно быть, я ослышался“.

Черезъ нѣсколько мгновений опять-таки сразу, какъ отъ удара невидимой руки, шевельнулись всѣ монахи, человекъ до сорока, и кое-кто ахнулъ.

— Что ты сейчасъ прочелъ? строго спросилъ и отецъ-игумень, прерывая чтца.

Иосифъ поднялъ ласковый и изумленный взоръ отъ книги на игумена и молчалъ.

— Какое ты слово сейчасъ произнесъ, сынъ мой?

Иосифъ кротко, отчасти боязливо прочелъ послѣднія нѣсколько строкъ, слегка бормоча; но въ нихъ не было ничего особеннаго.

— Должно быть, я ошибся, сказалъ вслухъ игумень.

Снова началось чтеніе и длилось нѣсколько минутъ. Всѣ слушатели ужъ увлеклись переливами звучнаго голоса юнаго чтца, чувствомъ, которымъ дышало его чтеніе... Но вдругъ разомъ ахнули всѣ монахи, а нѣкоторые встали съ мѣстъ. Одно слово громко съ всѣхъ сторонъ огласило большую сводчатую залу.

— Что?! Что?!

На этотъ разъ и его свѣтлость, самъ кардиналъ, тоже вымолвилъ вслухъ то же слово.

— Что такое?

Снова поднялъ на всѣхъ кроткій, изумленный взоръ юный чтецъ, но напрасно, тщетно...

— Что ты сказалъ? что ты прочелъ сейчасъ? грозно проговорилъ игумень.

— Такъ въ книгѣ написано.

— Ты лжешь! этого написано быть не можетъ.

Юный чтецъ прочелъ, что святой Адрианъ, не зная, какъ поступить въ одномъ случаѣ, отправился за совѣтомъ къ одной своей большой пріятельницѣ и; при этомъ, послушникъ назвалъ имя извѣстной въ то время въ Палермо женщины самаго дурнаго и срамнаго поведенія.

— Какъ ты смѣлъ назвать это имя въ стѣнахъ нашей обители? Негодяй! произнесъ игумень.

— Простите! Имя подвернулось, тихо и скромно произнесъ Иосифъ съ своей каедрѣ. Однако вы, почтенные старцы-

отцы, объ ней все-таки слышали, если знаете ея имя! про-
 проворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

— Что ты лепечешь, глупецъ? спросилъ игумень.

— Простите. Я въ Палермо такъ часто слыхаль-это имя
 повсюду... Простите...

Голосъ былъ таковъ, что отца настоятеля вмѣстѣ съ кар-
 диналомъ взяло сомнѣніе:

„Дѣйствительно, можетъ же и подвернуться имя“.

Послѣ минутнаго молчанія, игумень снова сурово прика-
 залъ продолжать чтеніе.

Опять минутъ десять безмолвно слушала аудиторія искус-
 наго чтеца, но затѣмъ сразу ужъ, какъ бурный потокъ, за-
 галдѣли всѣ слушатели, повскакали съ мѣстъ, а кардиналъ и
 игумень, быстро поднявшись съ своихъ кресель, уже однимъ
 махомъ придвинулись къ самому столику на каедрѣ: юный
 чтецъ быстро произнесъ нѣсколько такихъ словъ въ описаніи
 одной изъ сценъ житія, которое читаль, что у нѣкоторыхъ
 лысыхъ старцевъ остатки волосъ поднялись дыбомъ. Нѣкото-
 рые уже лѣтъ сорокъ въ стѣнахъ этой обители не слышали
 подобныхъ вещей.

— Возьмите его, заprite въ подваль! внѣ себя прогово-
 рилъ игумень.

Не скоро улеглось общее волненіе. Монахи расходились
 по своимъ кельямъ, а въ ушахъ у нихъ все еще звучали
 ужасныя слова, воображенію ихъ рисовалась та дьявольская
 картина, которую имъ нарисоваль юный послушникъ. Нѣкото-
 рые изъ старцевъ добровольно наложили на себя эпитимію
 на нѣсколько дней, чтобы смыть съ себя невольный грѣхъ.
 Одинъ изъ монаховъ даже досталь ваты, смочилъ ее въ свя-
 томъ маслѣ и, смазавъ уши, заткнулъ ихъ этой священной
 ватой, съ обѣщаніемъ, въ видѣ эпитиміи, не слышать ни еди-
 наго мірскаго слова въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Но, къ
 несчастію, заткнуть той же ватой свою память, которая упорно
 восстанавливала въ его головѣ нарисованную послушникомъ кар-
 тину, онъ не могъ.

Обитель продолжала еще волноваться. Кардиналъ и игумень
 разсуждали у себя въ аппаратаментахъ о томъ, какіе негодяи
 рождаются на свѣтъ, которыхъ исправить нѣтъ возможности,
 такъ какъ ими владѣеть самъ дьяволъ. А 13-ти лѣтній дерз-
 кій мальчуганъ сидѣлъ на земляномъ полу темнаго подвала и
 думаль: „Ну, что же теперь будетъ?“

Одного только онъ не боялся, что его оставятъ здѣсь умирать съ голоду святые отцы, такъ какъ это грѣхъ, на который у нихъ не хватить рѣшимости.

Цѣлую недѣлю просидѣлъ здѣсь Іосифъ на хлѣбѣ и водѣ, но не отчаявался и не терялъ времени даромъ.

На второй же день, въ темнотѣ, попалась ему подъ руку огромная полоса желѣза. Въ одинъ день отточилъ онъ ее, а на второй принялся разрывать яму подъ каменной стѣной. Монахъ, приносившій ему пищу разъ въ день, не могъ видѣть его работы среди темноты. Огромная куча земли, накрытая въ углу подвала, не могла поэтому броситься ему въ глаза.

Черезъ недѣлю, утромъ, у наружной стороны этого подвала показалась изъ земли на свѣтъ Божій при яркихъ, скользящихъ лучахъ восходящаго солнца, красивая бѣлокурая головка отрока, съ беззаботно веселымъ взглядомъ живыхъ синихъ глазъ, съ дерзкой усмѣшкой на губахъ. А затѣмъ живо и все туловище выползло изъ ямы на свѣтъ Божій. Іосифъ былъ на свободѣ, а черезъ нѣсколько дней снова былъ среди улицъ Палермо веселый, счастливый и полный пылкихъ грезъ и мечтаній о своей будущности.

IV.

Юный Балъзамо тотчасъ же широко воспользовался своей завоеванной свободой. Казалось, что онъ хочетъ наверстать все потерянное время въ монастырѣ. Объ ученѣ, занятіяхъ, химіи и медицинѣ, конечно, онъ забылъ и думать.

Въ семьѣ его встрѣтили съ радостью; даже всѣ дяди, упрямившіе его къ игумену Бенъ-Фрателли, и тѣ были рады свидѣться. Но ихъ любимецъ Джузеппе началъ тотчасъ же новую жизнь такого рода, которая принесла имъ не мало заботъ и тревогъ.

Онъ сошелся съ самой отчаянной молодежью; хотя всѣ его новые товарищи были гораздо старше его, тѣмъ не менѣе онъ игралъ видную роль въ новой компаніи. Не смотря на свои года, картежная игра, вино и всякаго рода то шаловливые, то безнравственные поступки скоро познакомили его съ мѣстной полиціей и властями. Черезъ нѣсколько времени дѣло зашло дальше. Джузеппе былъ привлеченъ въ судъ за поддѣлку и продажу фальшивыхъ театральныхъ билетовъ. Но это было только начало новой разнузданной жизни.

Мать, потерявъ терпѣніе, изгнала погибшаго, по ея словамъ, сына изъ дома. Одинъ изъ дядей тронулся жалобами, печалью и раскаяніемъ племянника и пріютилъ его у себя. Черезъ недѣлю Джузеппе, въ благодарность, похитилъ у этого дяди большую сумму денегъ и много золотыхъ вещей. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ всему городу хорошо извѣстный сорванецъ и буянъ побывалъ уже съ полсотни разъ въ полиціи и два раза чуть-чуть не былъ посаженъ въ тюрьму. Замѣчательно, однако, то обстоятельство, что, не смотря на всѣ свои дѣянія, и родня и общество, въ которомъ вращался Бальзамо, не только любили его, но и обожали. Всякаго другого, на мѣстѣ Іосифа, выгнали бы изъ всѣхъ домовъ и онъ остался бы одинъ на улицѣ. Но въ этомъ буянѣ, казалось, все выкупалось чрезвычайной мягкостью и ласковостью нрава, блестящимъ умомъ, чрезвычайными дарованіями. Каждый разъ, если приключалась какая-либо бѣда съ Джузеппе, всѣ, въ томъ числѣ и пострадавшіе отъ него, бросались защищать и спасать его же отъ бѣды.

Но и фортуна не отставала отъ людей. Во всемъ была юному сорванцу особая удача. Такъ, нѣсколько разъ пришлось ему драться на дуэли за себя, иногда и за пріятелей, и только разъ получилъ онъ легкую царапину. А между тѣмъ, получи онъ серьезную рану и проболѣй, быть можетъ, это отрезвило бы его.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Единственной заботой Бальзамо было всяческое добываніе денегъ и ихъ растрачиваніе.

По пословицѣ „на ловца и звѣрь бѣжитъ“, судьба постоянно посылала Джузеппе простодушныхъ людей для ихъ мороченія. Наконецъ, однажды случай свелъ Джузеппе съ богатымъ мѣщаниномъ, нажившимся въ торговлѣ, который считался въ своемъ кварталѣ крайне богатымъ, но отчасти полупомѣшаннымъ, потому что былъ одержимъ маніей особаго рода. Онъ вѣрилъ во всякую бѣсовщину, колдовство, а главное, почти помѣшался на мысли обогатиться сразу еще больше — находкой какого нибудь клада.

Эта манія кладоисканія появлялась въ XVIII-мъ столѣтіи во всѣхъ странахъ какъ эпидемія, длилась по мѣсяцамъ, по годамъ и снова исчезала на нѣсколько лѣтъ.

Незадолго предъ тѣмъ эта манія или эта болѣзнь — искать посредствомъ колдовства клады — снова посѣтила Сицилію.

Самымъ горячимъ искателемъ былъ именно этотъ мѣща-

нинъ, по имени Марано. Съ первой же встрѣчи, Бальзамо подружился съ Марано. Послѣ откровеннаго признанія мѣщанина въ чемъ состоитъ цѣль его жизни, Бальзамо не мало удивиль уже пожилого безумца взаимнымъ признаніемъ, что онъ не только ищетъ клады, но легко находить ихъ, что всѣ его средства, — а бросаль онъ деньги широко, — происходятъ изъ найденныхъ кладовъ. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, Бальзамо уже предложилъ новому другу вмѣстѣ итти вырывать сокровище недалеко отъ городского кладбища. Марано былъ въ восторгѣ, только одно было ему нѣсколько неприятно: приходилось заранѣе закупить тѣхъ чертей, которые должны были уступить имъ кладъ. Приходилось передать посреднику между чертями и имъ, т. е. Джузеппе, сумму очень крупную—шестьдесятъ унцій золотомъ.

Долго не соглашался мѣщанинъ, пода Джузеппе не заявилъ, что пойдетъ брать одинъ этотъ кладъ, въ которомъ, быть можетъ, найдется тысяча унцій. Корыстолюбивый Марано не выдержалъ, согласился и передалъ деньги.

Въ назначенное время, въ полночь, среди темной ночи, молодой колдунъ и глухой мѣщанинъ отправились на мѣсто. Послѣ разныхъ заклинаній, раздався подземный шумъ и перешель въ лай и визгъ, въ дикій вой не то звѣрей, не то вѣтра. Затѣмъ забѣгали вокругъ нихъ огоньки: бѣлые, розовые и желтые; затѣмъ, полуосвѣщенные этими огоньками, стали вырисовываться среди тьмы ясныя очертанія нѣкихъ существъ, которыхъ было не трудно узнать и назвать, хотя Марано ихъ и не видывалъ еще до тѣхъ поръ. У нихъ были рога и хвосты.

Мѣщанинъ не выдержалъ и упалъ лицомъ къ землѣ. Онъ громко вопилъ, что отказывается отъ клада, лишь бы отпустили его душу на покаяніе.

На этомъ бы и остановиться двадцати-лѣтнему колдуну, но любовь къ шалости и дерзости взяла верхъ. Черти не скрылись запросто, а запасенными съ собою тростями жестоко избили Марано. Смѣхъ, шутки, прибаутки, совсѣмъ уже не дьявольскія, а человѣческія, привели Марано въ чувство и заставили его понять всю глупость его положенія.

Исколотивъ кладоискателя, и черти и колдунъ убѣжали. Всѣхъ веселѣе было колдуну: онъ слишкомъ привыкъ къ тому, что все ему сходило съ рукъ. Но на этотъ разъ не прошло и сутокъ, какъ онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ

тюрьму. Его обвиняли въ мошенничествѣ. Дѣло пахло галсрами, кафтаномъ арестанта; но тутъ же явился спаситель, въ лицѣ благодѣтельствованнаго имъ маркиза. По его просьбѣ, два кардинала, — а это была не шутка — заступились за преступника, обвиняя Марано въ томъ, что онъ, какъ настоящій еретикъ, вовлекъ юнаго Бальзамо въ бѣсовщину и кладоисканіе. А если этотъ воспользовался глупостью и преступностью мѣщанина, то — подѣломъ послѣднему.

Главный аргументъ въ пользу преступника, то; что позволяло называть его мошенничество простой шалостью, было простое обстоятельство, о которомъ всѣ позабыли. Этому преступнику еще не минуло совершеннолѣтія. И этотъ несовершеннолѣтній сорванецъ, картежникъ, пьяница, дуэлистъ, поддѣлыватель фальшивыхъ завѣщаній и вызыватель нечистой силы былъ, ради своей юности, выпущенъ на свободу.

Но на этотъ разъ фортуна очевидно перестала служить Бальзамо.

Обманутый кладоискатель поклялся, что, если судь не захочетъ защитить его, то онъ самъ, собственноручно, отмститъ за потерянные деньги и за побои.

Друзья скоро предупредили Иосифа, что богатый мѣщанинъ не хочетъ считать его ребенкомъ и собирается нанять убійцу спадассина, чтобы зарѣзать своего врага. Молодой сорванецъ о двухъ головахъ не повѣрилъ угрозѣ.

Не прошло и четырехъ дней, Бальзамо уже успѣлъ забыть о кладоисканіи, колдовствѣ и объ чертяхъ, имъ вызываемыхъ, какъ вдругъ, въ одномъ изъ маленькихъ переулковъ Палермо, въ сумерки, на него бросился человекъ огромнаго роста, съ кинжаломъ въ рукахъ. Разъ замахнулъ онъ оружіе надъ горломъ юнаго сорванца, но Джузеппе увернулся и избѣгнулъ удара; второй разъ спадассинъ успѣлъ поднять оружіе... но случай явился на выручку: злодѣй поскользнулся, промахнулся и ударъ попалъ по каменной стѣнѣ такъ, что вышибъ искру изъ камня.

Джузеппе бросился бѣжать такъ, какъ никогда, можетъ быть, еще не бѣгалъ. На этотъ разъ онъ былъ спасенъ, но вся родня и друзья посовѣтовали ему, хотя на время, удалиться изъ Палермо.

Дѣлать было нечего. Послѣ долгой дѣятельности въ столицѣ, этому коптителю неба приходилось перенести свое поприще дѣятельности въ другое мѣсто. Джузеппе, однако, не

очень унывалъ отъ необходимости уѣхать изъ столицы, такъ какъ поѣздка эта совпадала какъ разъ съ его новымъ, за-таеннымъ намѣреніемъ, съ новымъ великолѣпнымъ планомъ. Уже три года онъ самъ все собирался съѣздить въ Мессину, и вдругъ, теперь, какъ разъ приходилось поневолѣ пуститься путешествовать.

Въ головѣ Джузеппе былъ планъ вовсе не хитрый. Онъ зналъ и прежде, что въ Мессинѣ живетъ дальняя родственница его покойнаго отца, богатая старуха, по имени Викентія Калиостро.

Незадолго до своего фокуса съ кладонскателемъ, онъ узналъ, что старуха потеряла всѣхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и осталась совершенно одинокою. А состояніе у нея было большое...

Поѣхать, явиться къ теткѣ, прельстить ее, заставить полюбить себя, даже обожать, сдѣлать себя ея единственнымъ наслѣдникомъ—все это было такое пустое дѣло для Джузеппе, что онъ заранѣе готовъ былъ биться объ закладъ о полномъ успѣхѣ.

Иногда въ юной головѣ мелькала даже мысль, что нельзя ли будетъ поскорѣй сдѣлаться наслѣдникомъ старухи, рѣшиться поторопить старуху въ ея сборахъ на тотъ свѣтъ. Но на это, надо сказать къ его чести, согласія его совѣсти еще не послѣдовало. Онъ только отвѣчалъ самъ себѣ: „тамъ видно будетъ“.

И Бальзамо, взявъ мѣсто въ отходящей почтовой каретѣ, черезъ два дня былъ уже на пути въ Мессину. Юный путешественникъ не предчувствовалъ, что эта поѣздка будетъ имѣть огромное значеніе въ его жизни.

Эта поѣздка будетъ первымъ шагомъ на томъ пути, по которому направится все его дальнѣйшее существованіе, весь блескъ его, весь шумъ на всю Европу и на весь міръ!

V.

По пріѣздѣ въ Мессину, Бальзамо началъ усердно розыскивать богатую старуху-родственницу.

Мессина, страшно пострадавшая въ послѣдствіи, разрушенная до основанія ужаснымъ землетрясеніемъ, въ то время была еще цвѣтущимъ, богатымъ торговымъ городомъ.

Понятно, что Бальзамо не сразу могъ найти старуху, по имени Викентія Каліостро.

Послѣ цѣлаго мѣсяца розысковъ, ему, наконецъ, удалось напасть на слѣдъ женщины, отъ которой онъ рассчитывалъ получить состояніе. Но вѣсти, дошедшія до него объ старухѣ, только взбѣсили его: ему указали не ея мѣстожительство, а ея мѣстонахожденіе, то есть ея свѣжую могилу на главномъ Мессинскомъ кладбищѣ.

Викентія Каліостро умерла, будто на смѣхъ юному Бальзамо, ровно за двѣ недѣли до его прибытія. Состояніе свое она завѣщала въ пользу какой-то конгрегациі или братства, наличное же движимое имущество все было роздано ея душеприкащиками нищимъ бѣднѣйшаго квартала. Душеприкащики даже еще не успѣли вполнѣ исполнить завѣщаніе покойной, когда нога Бальзамо ступила на Мессинскія улицы.

Эта первая, быть можетъ, въ жизни неудача озадачила юношу. Онъ сразу никакъ не могъ представить себѣ или понять подобной неудачи. Поѣзжай онъ мѣсяцемъ или двумя ранѣе, то эта старуха умерла бы на его рукахъ и все ея, большое сравнительно, состояніе перешло бы теперь ему. Напрасно ловкій плутъ сталъ хлопотать объ уничтоженіи завѣщанія, о полученіи хотя бы дома и земли, перешедшихъ въ собственность братства: законныя формальности были исполнены—дѣло было проиграно.

Бальзамо не зналъ, что дѣлать: оставаться въ Мессинѣ было незачѣмъ, возвращаться тотчасъ же въ Палермо было невозможно изъ-за проклятаго кладоискателя.

Бальзамо заперся въ своей горницѣ, которую нанялъ въ портѣ, окнами на море, и рѣшилъ обдумать серьезно свое положеніе. Главный вопросъ, который онъ задалъ себѣ—была не легко разрѣшимая задача: что дѣлать, на что употребить свой умъ, свои дарованія, наконецъ свою дерзость и предпримчивость въ достиженіи цѣли.

Плодомъ этихъ думъ было, во-первыхъ,—рѣшеніе исправить себѣ въ Мессинѣ документы, чтобы получить по наслѣдству отъ умершей родственницы, если не ея состояніе, то, по крайней мѣрѣ, ея имя, болѣе красивое, чѣмъ его собственное.

При помощи хлопотъ и небольшихъ денегъ, въ карманѣ молодого человѣка вскорѣ появилось законное свидѣтельство, что онъ, предъявитель сего, Александръ Каліостро. Тогда онъ задалъ себѣ другую задачу; надъ которой самъ прохлопоталъ

цѣлый мѣсяць. И это было выполнено съ успѣхомъ. Въ рукахъ юноши былъ теперь документъ, замѣчательно поддѣланный, въ которомъ онъ значился съ титуломъ графа. И съ этого дня Иосифъ Бальзамо какъ бы умеръ и былъ схороненъ на-вѣки, вмѣстѣ со старухой теткой, а на свѣтѣ остался графъ Александръ Калиостро.

Когда эта мудрая задача была рѣшена, юноша снова остался безъ дѣла, снова почувствовалъ свое одиночество и снова страшная тоска взяла его.

И опять на помощь „удачника“ явился случай.

Сидя у окна своей горницы по цѣлымъ часамъ, онъ всякій день, передъ закатомъ солнца, видѣлъ прогуливающуюся по набережной фигуру. Это былъ пожилой человѣкъ восточнаго типа: турокъ, армянинъ или грекъ, въ фантастическомъ костюмѣ. Онъ всегда гулялъ одинъ, ходилъ мѣрными шагами, глядя себѣ подъ ноги, или, остановившись, подолгу глядѣлъ, поднимая голову, на ясное небо. Очевидно, онъ просто мечталъ или былъ озабоченъ какой-нибудь неотвязной, постоянной думой. Всегда въ одной рукѣ его былъ зонтикъ отъ палящаго южнаго солнца; въ другой рукѣ, на сворѣ, послушно шла около него высокая, красивая собака, изъ породы левретокъ. Эта гладкая, кофейнаго цвѣта собака, съ острой тонкой мордочкой, граціозно ступающая на тонкія ножки, придавала особый отпечатокъ и безъ того странной по одеждѣ фигурѣ.

Одно только могъ навѣрно знать новый графъ, — что незнакомецъ не могъ быть уроженцемъ Мессины и, конечно, не принадлежалъ къ торговому, вѣчно занятому люду богатого порта. Онъ, очевидно, пользовался полной свободой ничѣмъ не занятого человѣка.

Однажды, не зная что дѣлать, и заинтересованный уже давно этой странной фигурой, юноша вышелъ изъ дому и направился на набережную, съ твердымъ намѣреніемъ познакомиться съ этой любопытной личностью неизвѣстной національности.

Теперь со мной всякій пожелаетъ познакомиться, думалъ молодой малый. Вѣдь я уже не господинъ или синьоръ Бальзамо, а „экселленца“ графъ Калиостро.

Повстрѣчавъ незнакомца одинъ разъ, онъ пристально осмотрѣлъ его и пропустилъ. Вблизи эта фигура была еще страннѣе, благодаря оригинальному взгляду большихъ черныхъ глазъ и очень большой черной бородѣ, которая длиннымъ клиномъ лежала на груди его, почти касаясь пояса. Строгость и важ-

ность всей фигуры незнакомца, глубокомыслие и какая-то загадочная тѣнь на лицѣ сразу совсѣмъ разожгли любопытство новаго графа. Онъ рѣшилъ познакомиться съ этой личностью на другой же день... но вдругъ, вслѣдствіе почти невольнаго и необъятнаго толчка—будто дѣйствовала невидимая сила,— онъ повернулъ и догналъ незнакомца. Подойдя къ нему степенно и вѣжливо, онъ постарался какъ можно изящнѣе поклониться ему.

— Позвольте представиться. Я графъ Калиостро.

Незнакомецъ остановился, смѣрилъ этого графа съ головы до ногъ, потомъ просто и добродушно улыбнулся, хотя отчасти съ высоко, и выговорилъ:

— Ну что-жь, пожалуй... Вы мнѣ нравитесь... Вы хотите познакомиться со мной?.. Познакомимся, графъ...

Молодой человѣкъ, невольно смущаясь, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, пролепеталъ нѣсколько словъ объ своемъ одиночествѣ въ Мессинѣ, скукѣ, незнаніи чѣмъ убить время, и желаніи познакомиться съ человѣкомъ, который внушаетъ ему нѣкоторое уваженіе, какъ чужеземецъ.

Разговоръ тотчасъ же перешелъ на великолѣпную погоду, на прелестный видъ залива, взморья и окрестностей.

— Да, здѣсь тишь, миръ, благодать, чудныя краски, синева моря и неба, золото и блескъ солнца, показалъ онъ рукой. А тутъ же рядомъ, позади, злобное, страшное чудовище, геенна огненная, коварная Этна. Здѣсь веселье и счастье, все сулитъ однѣ радости, а тамъ, за спиной, — врагъ всего этого, подобіе какого-то исчадія ада, съ невѣдомыми людямъ дьявольскими силами. Захочетъ этотъ врагъ и въ первую же свѣтлую, тихую минуту прерветъ людскую суету, беззаботное теченіе жизни и прекратитъ сразу все. Такъ было, юный другъ мой, если вы знаете, съ двумя цвѣтущими городами полуострова—съ Помпеей и Геркуланумомъ. Для меня „это“, показалъ онъ на море и окрестности, и „это“, перевелъ онъ тихимъ жестомъ руку на Этну, — олицетвореніе или воплощеніе вашей человѣческой жизни: миръ, тишина, кажущееся счастье, а за плечами—врагъ всемогущій и безпощадный.

— Врагъ человѣческій—это дьяволъ, произнесъ Балзамо.

— Да, но не въ томъ смыслѣ, какъ это понимается людьми.

— Что вы желаете сказать этимъ? спросилъ юноша.

Незнакомецъ смѣрилъ его долгимъ взглядомъ и отвѣчалъ вопросомъ:

— Вы вѣрите въ Люцифера и въ его власть надъ людьми? Бальзамо смутился, не зная, что отвѣчать.

— Да... то есть, нѣтъ... На это мудрено отвѣчать... Я, однимъ словомъ... право не знаю...

Незнакомецъ отвѣчалъ длинной рѣчью, смыслъ которой былъ тотъ, что дьяволъ существуетъ, но что этотъ дьяволъ — сокровенныя силы природы, которыя, изъ вѣка въ вѣкъ, побѣждаетъ борьбою человѣческой разумъ. Это силы, которыя со временемъ будутъ побѣждены человѣкомъ, вызваны изъ сокровенной тьмы на свѣтъ Божій при помощи упорнаго, энергическаго труда.

— И побѣдивъ, подчинивъ себѣ науку, человѣкъ побѣдитъ дьявола, закончилъ незнакомецъ. Къ этому я прибавлю нѣчто, долженствующее удивить васъ. Я льщу себя надеждой, что я лично почти побѣдилъ дьявола — онъ слуга мой, если не настолько, насколько я самъ бы желалъ, то все-таки слуга болѣе покорный мнѣ, чѣмъ кому-либо изъ людей. Во всякомъ случаѣ, слуга болѣе покорный моему всезнанію, нежели молитвѣ святыхъ иноковъ.

— Что?! воскликнулъ невольно молодой человѣкъ изумляясь.

— Я сказалъ... Вы слышали и поняли. Я не повторяю.

Говоря мѣрнымъ, ровнымъ и тихимъ голосомъ, незнакомецъ такими же степенными, ровными шагами давно двинулся съ набережной, сопутствуемый собесѣдникомъ. Они уже прошли часть города, двигаясь въ противоположный отъ моря кварталъ, когда неожиданно, навстрѣчу къ нимъ, съ площади, показалось богатое погребальное шествіе. Хоронили, очевидно, очень важнаго человѣка. Собесѣдники остановились и пропустили мимо себя длинную вереницу монаховъ, священниковъ, кучку родныхъ покойнаго и толпу знакомыхъ, провожавшихъ гробъ.

Когда гробъ несли мимо нихъ, загадочный незнакомецъ улыбнулся и выговорилъ:

— Слабый человѣкъ, неразумный человѣкъ! Я предлагалъ ему жизнь долгую и счастливую — онъ отринулъ мои предложенія и вотъ, не прошло и двухъ недѣль, его несутъ зарывать въ землю.

— А вы знали покойнаго, спросилъ Бальзамо.

— Да. Я познакомился съ нимъ по пріѣздѣ въ Мессину. Это одинъ изъ богачей города. Повѣрь онъ мнѣ — и былъ бы живъ.

Такъ вы медикъ! воскликнулъ Бальзамо. Сразу вся таинственность, которою облеклась для него фигура этого чело­вѣка, какъ бы разсѣялась и исчезла.

Ему показалось, что передъ нимъ стоитъ самая обыкновенная, пошлая личность, простой лѣкаръ, пачкунъ, моритель народа, одѣвѣшійся нарочно полушутомъ, чтобы обращать на себя вниманіе толпы. Бальзамо, какъ и всѣ его современники, недолюбливавшій всякихъ знахарей, готовъ уже былъ небрежно откланяться и отойти. Но ироническая улыбка незнакомца остановила его.

— Медикъ, лѣкаръ... это оскорбительное названіе. Всѣ они обманщики, шарлатаны и невѣжды. Нѣтъ, любезный графъ, я не лѣкаръ. Я презираю медиковъ и медицину въ томъ видѣ, въ какомъ теперь то и другое процвѣтаетъ въ Италіи, да и въ остальныхъ странахъ Европы. Медики существуютъ затѣмъ, чтобы здоровыхъ класть въ гробъ, а я, когда захочу, то умирающаго въ минуту поставлю на ноги... Но я вижу, что вы не вѣрите, вы говорите про себя: ну, да! ты, какъ всѣ эти знахари, дѣлаешь себя исключеніемъ изъ ихъ числа. Такъ ли, мой другъ?

— Правда, милостивый государь! конфузясь произнесъ Бальзамо. Всякій изъ нихъ говорить такъ...

— Повторяю вамъ, мой другъ, что я вовсе не лѣкаръ, никого не лѣчилъ и не лѣчу, а чтобы вполнѣ убѣдить васъ, я васъ попрошу навѣстить меня... Вотъ мое жилище.

Незнакомецъ показалъ на небольшой домъ въ концѣ площади, который, отдѣльно отъ другихъ домовъ, помѣщался уединенно среди большого сада. Внѣшность этого дома была какая-то тоже мрачная и загадочная. Домъ походилъ на его владѣльца или жильца.

— Я ни съ кѣмъ почти не знаюсь, никого не принимаю у себя, хотя охотниковъ войти со мною въ сношеніе много, проговорилъ незнакомецъ. Но васъ, какъ представителя знаменитаго дворянства итальянскаго и какъ любознательнаго молодого чело­вѣка, вдобавокъ, одинокаго въ Мессинѣ, я приму съ удовольствіемъ.

Бальзамо поклонился, но его озадачило обстоятельство, что, при словахъ: „представителя именитаго дворянства“, незнакомецъ загадочно улыбнулся и странно глянулъ ему прямо въ глаза. Онъ не могъ знать правды... Что же онъ такое?.. Не колдунъ же!

— Завтра, новый друг мой, я буду ждать васъ къ себѣ, но не иначе, какъ вечеромъ. День цѣлый я занятъ; передъ заходомъ солнца имѣю привычку гулять, а вечеръ мой свободенъ. Постучите въ дверь кольцомъ пять разъ подъ-рядъ, и вамъ отворятъ. Если вы ошибетесь и постучите менѣе разъ, то потомъ стучите хоть весь вечеръ — вамъ никто не отворить. Пять разъ будетъ условный знакъ между нами... Не забудьте!

— Слушаю! уже съ новымъ приливомъ почтенія къ загадочности этого человѣка, произнесъ Бальзамо.

— Ну, а теперь, мой другъ, какъ можно скорѣй бѣгите въ свою гостиницу — именно бѣгите. Поймите это слово въ буквальномъ смыслѣ. Летите сколько есть у васъ силы въ ногахъ. Пока мы здѣсь съ вами разговариваемъ, вашъ со-сѣдъ по горницѣ, иностранецъ, прїѣзжій изъ Шемонта, отворилъ подобраннымъ ключемъ дверь въ вашу комнату изъ своей и старается раскрыть крючкомъ замокъ того шкафа, гдѣ у васъ лежатъ ваши тридцать унцій золота. Если вы опоздаете, вы будете обокрадены и останетесь безъ гроша денегъ. Скорѣй! Не теряйте времени!..

Бальзамо не двигался и стоялъ какъ истуканъ, глядя въ лицо незнакомцу, спокойно улыбающемуся. Какимъ образомъ могъ узнать все это этотъ человѣкъ?!

— Удивляться успѣете, полушутя произнесъ незнакомецъ, а теперь не теряйте времени.

Бальзамо, сразу повѣривъ въ слова этого необыкновеннаго человѣка, бѣгомъ бросился къ себѣ, и еще болѣе былъ удивленъ, когда, вбѣжавъ въ свою комнату, нашелъ у шкафа неизвѣстнаго человѣка, который работалъ какимъ-то крючкомъ и стамеской около шкафа, гдѣ было его имущество. Тотчасъ же крикнулъ онъ хозяина, прислугу и затѣмъ позвали полицію. Воръ, пойманный на мѣстѣ, былъ сданъ въ руки властей. Вещи и деньги Бальзамо были цѣлы, и, между тѣмъ, молодой человѣкъ въ полномъ смущеніи сидѣлъ у окна, на томъ же креслѣ, изъ котораго онъ въ первый разъ увидѣлъ прогуливающуюся фигуру загадочнаго незнакомца.

„Чтожь это такое, колдунъ, или самъ дьяволъ, превратившійся въ какого-то турка?“ повторялъ Бальзамо съ какимъ-то страннымъ трепетомъ на душѣ.

Онъ, ловкій, хитрый малый, постоянно обманывавшій другихъ, ловко игравшій всякую комедію съ людьми — былъ на

этотъ разъ самъ изумленъ и смущенъ. Тутъ былъ не обманъ, тутъ было прямое колдовство.

До вечера въ себя не могъ прийти Бальзамо отъ новой встрѣчи и новаго знакомства.

VI.

На другой день къ вечеру, Бальзамо, горя нетерпѣнїемъ, былъ уже около дома незнакомца и съ робостью стучалъ въ дверь условленное количество разъ. Послѣ пятаго удара дверь растворилась сама собой; Бальзамо вошелъ въ темный корридоръ, оглянулся и, не найдя никого, увидалъ на двери надпись: „просятъ затворить“. Затворяя дверь, онъ замѣтилъ шнуръ у задвижки, который уходилъ и исчезалъ въ скважинѣ стѣны. Дверь отворялась изъ внутренней комнаты, по обычаю Италїи. Въ концѣ корридора, въ полуотворенную дверь виднѣлся свѣтъ. Бальзамо двинулся, и за этой дверью предсталъ передъ нимъ длинный, узкій залъ на сводахъ, съ довольно низкимъ потолкомъ. Но здѣсь молодой человѣкъ невольно остановился и слегка оробѣлъ. Эта комната, тускло освѣщенная невидимо откуда льющимся, мерцающимъ свѣтомъ, принадлежала, очевидно, не простому смертному, а по малой мѣрѣ—колдуну.

Бальзамо былъ настолько уже образованъ, настолько начался кой-какихъ книгъ и наслушался разсказовъ умныхъ людей, что понялъ сразу, гдѣ онъ находится. Это была лабораторїя ученаго, по всему—алхимика или астролога, гадателя судебъ человѣческихъ, „борца съ сокровенной наукой“—повторилъ онъ невольно наканунѣ слышанныя отъ незнакомца слова.

Комната была завалена и заставлена сплошь всевозможными, самыми диковинными предметами. Пропастъ столовъ и шкафовъ были покрыты громадными фолїантами и сотнями книгъ. Все, что было тутъ, — перепуталось вмѣстѣ. Склянки всевозможныхъ размѣровъ, отъ крошечныхъ до аршинныхъ бутылей, съ разноцвѣтными жидкостями, отъ черной до ярко красной и желтой, цѣлые пучки травъ, цѣлыя связки сухихъ листьевъ по стѣнамъ и на столахъ; стеклянныя трубки разныхъ размѣровъ виднѣлись повсюду, соединяя бутылки между собой. Среди всего стояла громадная жаровня, съ разными приспособленїями для варки. На потолкѣ висѣли шкуры раз-

личныхъ звѣрей; въ углу чернѣлась цѣлая связка съ нанизанными на шнурахъ странными листьями. Приглядѣвшись внимательно, Бальзамо почувствовалъ непрятную дрожь въ спинѣ: это были связки высушенныхъ летучихъ мышей. Если бы среди всей этой колдовской храмины съ бѣсовской рухлядью появилась вдругъ страшная, лохматая и сѣдая вѣдьма—то Бальзамо уже не удивился бы.

Вмѣстѣ съ непрятнымъ чувствомъ смущенія, въ молодомъ человѣкѣ, однако, была и доля довольства. Этотъ новый знакомый оказался дѣйствительно тѣмъ, что предугадывалъ юноша. Онъ не заурядный лѣкарь, моритель народа, — онъ, дѣйствительно, нѣчто въ родѣ колдуна. Встрѣча, теперь, въ его положеніи, съ подобной личностью для него, не знающаго куда дѣваться, что дѣлать, за что взятыя—была опять-таки удачей, подаркомъ фортуны.

— Оробѣли и вы... Стыдно! вывелъ его изъ оцѣпенѣнія знакомый голосъ хозяина.

Онъ взялъ гостя за руку и повелъ за собою въ другую горницу, меньшихъ размѣровъ, но за то свѣтлую, чистую, гдѣ былъ только одинъ дубовый столъ и два высокихъ дубовыхъ кресла. На столѣ горѣлъ канделябръ о трехъ свѣчахъ и бронзовое изображеніе этого канделябра не понравилось юношѣ: какое-то подобіе сказочнаго гнома, горбатаго и кривоногаго, съ бородой до колѣнъ—держало тресвѣчникъ.

Хозяинъ усадилъ гостя и началась бесѣда, продолжавшаяся почти до полуночи. Бальзамо почти не говорилъ, а только слушалъ и слушалъ съ трепетомъ каждое слово, съ затаеннымъ вниманіемъ.

— Знаете ли вы, изъ чего дѣлается хлѣбъ? спросилъ его наконецъ хозяинъ.

— Да... Изъ муки.

— А мука?

— Изъ зеренъ, растущихъ на землѣ.

— Откуда берутся эти зерна?

— Они вырастаютъ.

— Какимъ образомъ земля, получая зерно, даетъ растеніе и плодъ?

— Не знаю... Но этого никто не знаетъ: это тайна природы.

— Но этой тайной природы пользуются, однако, люди: сѣютъ, жнутъ, готовятъ муку, а изъ нея хлѣбъ, которымъ всѣ живы?

- Да.
- И добываніе хлѣба считается самымъ простымъ явленіемъ?
- Да, конечно...
- Какимъ образомъ готовится вино и изъ чего?
- Изъ винограда.
- Какимъ образомъ виноградная лоза даетъ плодъ, изъ котораго дѣлается напитокъ, имѣющій свойство веселить людей, а при злоупотребленіи дѣлать ихъ несчастными? Откуда берется опьяняющее свойство этого напитка?
- Не знаю.
- Скажите мнѣ, изъ чего состоитъ богатство человѣка и, при этомъ, большею частью—счастье земное?
- Бальзамо не понялъ вопроса.
- Что кумиръ людей, чему они поклоняются, чего каждый жаждетъ имѣть больше въ своихъ комодахъ и сундукахъ?
- Денегъ... улыбаясь произнесъ Бальзамо.
- Изъ чего дѣлаются червонцы?
- Изъ золота.
- Изъ золота. А изъ чего дѣлается золото?
- Оно добывается. Его производитъ земля; человѣкъ только пользуется этой добычей.
- А можно ли дѣлать золото, хотя бы, ну, вотъ, изъ золы, или изъ какого-нибудь зелья, политаго на уголь?..
- Говорятъ алхимики, что можно... но я не знаю.
- Вѣрите ли вы въ возможность этого?
- Нѣтъ. Я думаю... Не знаю.
- Вы не вѣрите. Имѣете рѣшимость отвѣтить глупымъ отвѣтомъ.
- Бальзамо смутился и не зналъ, что сказать.
- Вы этого не понимаете, съ этимъ положеніемъ я согласенъ. По вашему, это невозможно? Почему же, когда вы видите поселянина, швыряющаго, какъ-бы зря, землѣ горсти сѣмянъ, — вы не считаете его безумнымъ! Вы знаете, что нѣчто, чрезвычайное, великое, тайное сотворить свое, содѣлаетъ свое дѣло. Въмѣсто этихъ разбросанныхъ зря сѣмянъ, явится поле, покрытое хлѣбомъ, которое возвратитъ ему его зерно съ десяткомъ въ придачу. Этому вы вѣрите, потому что есть тайны природы, которыхъ вы объяснить не можете, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ. Почему же вы не хотите допустить, что тѣ же тайныя силы природы, когда ими

овладѣешь, дадутъ возможность простому смертному изъ трехъ червонцевъ, расплавленныхъ въ огнѣ, сдѣлать сотни и тысячи такихъ же червонцевъ.

— Я этого никогда не видалъ, я только слыхалъ объ этомъ, но если бы я хоть разъ увидѣлъ! восторженно воскликнулъ Бальзамо,—то, конечно, всю мою жизнь посвятилъ бы наукѣ и тому, чтобы осчастливить тысячи бѣдныхъ людей!

— Первому вѣрю, второму не вѣрю, холодно произнесъ незнакомецъ. Ну, да не въ томъ дѣло! Хотите ли вы быть моимъ ученикомъ; и я научу васъ производить золото точно такъ же, какъ крестьянинъ производитъ поле, покрытое хлѣбомъ?...

Бальзамо, конечно, отвѣчалъ восторженнымъ согласіемъ и клялся на всѣ лады въ вѣчной благодарности и въ соблюденіи тайны.

— Клятвы ваши мнѣ не нужны, мнѣ нужно одно: слѣпое повиновеніе моимъ приказаніямъ. Находите ли вы въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы исполнить все, что я прикажу вамъ?

— Конечно, сто разъ да.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, на дняхъ, вы исполните мое первое приказаніе. Вы отправитесь въ портъ и заплатите на корабль, отправляющемся черезъ недѣлю въ Александрію, за два мѣста: за себя и за меня. Мы ѣдемъ въ Египеть.

Молодой человѣкъ выпрямился на своемъ креслѣ и, нѣсколько смущенный, молчалъ.

— Вотъ видите, первое же приказаніе мое вы уже боитесь исполнить.

— Въ Египеть?.. Вѣдь это такая страшная даль!.. Простите меня, но я невольно смущенъ... Въ Египеть... Если бы вы сказали къ берегамъ Франціи, Испаніи... Но въ Египеть, воля ваша, страшно...

— Въ такомъ случаѣ, далѣе намъ не о чемъ и говорить. Теперь ужъ поздно, и вамъ пора домой.

— Нѣтъ погодите... Дайте подумать... заторопился молодой человѣкъ.

— Думать нечего. Вѣрите вы во все, что я говорю? Вѣрите ли вы въ меня и мое могущество—или не вѣрите? Если не вѣрите, намъ нечего дѣлать, нечего и бесѣдовать. Мы разойдемся, какъ сошлись. Если вы вѣрите — то что же намъ

Египеть! Весь миръ, вся эта маленькая планета, именуемая землей, принадлежит тому, кто поработить себѣ ея сокровенныя тайны и силы, невѣдомыя людямъ... И такъ, я жду вашего отвѣта—ѣдите ли вы со мною въ Египеть?

— Ёду, отвѣтилъ Бальзамо, но тихо, робко, едва слышнымъ шопотомъ.

И пока онъ говорилъ это слово, онъ думалъ:

„Что-жь! вѣдь не на краю же свѣта этотъ Египеть? Не-дѣли двѣ пути... Вѣдь можно оттуда и возвратиться... А мнѣ дѣлать нечего: потерянный мною на Египеть годъ, или даже хоть болѣе года дадутъ тамъ, въ Палермо, время улечся злѣбъ кладонскателя. Мнѣ можно будетъ вернуться прямо домой“.

Черезъ пять дней послѣ этой бесѣды, алхимикъ и его юный другъ входили на палубу корабля, поднимавшаго якорь.

И только въ пути къ берегамъ древнѣйшаго царства, гдѣ была колыбель науки, по словамъ мага и алхимика, молодой человѣкъ узналъ, какъ называть своего новаго друга и ментора, узналъ, что этотъ Альтотасъ не имѣетъ родины, ибо никогда не родился и никогда не умретъ.

Много лѣтъ, а не одинъ годъ, продолжалось странствованіе двухъ друзей или вѣрнѣе учителя съ ученикомъ и послѣдователемъ.

Даровитый сициліанецъ былъ находкой для Альтотаса, равно какъ и самъ онъ былъ кладомъ для умнаго, любознательнаго, но и хитраго Бальзамо.

Весь доступный и безопасный Египеть, затѣмъ часть Аравійской пустыни, затѣмъ Сирія и вся Святая Земля — все было пройдено путешественниками.

Средства къ жизни и скитаніямъ были добываемы Альтотасомъ не магическимъ, но изобрѣтательнымъ путемъ. Онъ продалъ въ Александріи, а затѣмъ и въ Сиріи тайну составленія новой ярко-пурпуровой дивной краски богатымъ торговымъ фирмамъ. Помимо химика, онъ иногда являлся въ качествѣ медика, производилъ удивительныя исцѣленія больныхъ и не отказывался отъ вознагражденія за свое искусство.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба постоянно и усердно работали и Альтотасъ посвящалъ своего молодого помощника во всю глубь своихъ дѣйствительно обширныхъ познаній въ алхимию, астрологию, медицину, ботанику и даже магію, именуемой „бѣлою“.

VII.

Прошло десять лѣтъ. Въ одинъ ноябрьскій вечеръ въ Трояновы ворота по дорогѣ изъ Тиволя вѣзжала въ „вѣчный“ городъ элегантная коляска очевидно сановитаго путешественника.

Не смотря на время года, вечеръ былъ ясный, теплый и тихій, какіе въ другихъ предѣлахъ міра, менѣе благословенныхъ Богомъ, выпадаютъ только въ августѣ. Вѣчный городъ—Римъ, хранитель славныхъ историческихъ дѣяній и преданій, полный вѣковыхъ очевидцевъ ихъ — дивныхъ памятниковъ, окутался въ вечерней мглѣ. Находящая ночь сквозила тѣнями и ложилась кой-гдѣ пятнами по вѣковымъ соборамъ, дворцамъ и фонтанамъ, по тысячелѣтнимъ триумфальнымъ аркамъ и колоннадамъ... Сказочно древній и славный старецъ-богатырь Колизей тоже наполовину окунулся во тьму и только верхнія аркады его могучимъ взмахомъ идутъ рядами по мерцающему вечернему небу, гдѣ съ десятокъ звѣздочекъ, уже вспыхнувъ, искрятся на городъ сквозь просвѣты этого гигантскаго гранитнаго кружева, будто нависшаго съ поднебесья на землю. И могъ бы старецъ Колизей гордо глядѣть на вѣчный городъ свысока своего гордаго величія и баснословной древности, но тамъ на горизонтѣ, хотя далеко, но будто рядомъ съ нимъ, воздвиглась иная гранитная громада и, высясь къ небу величавымъ куполомъ, видна за сотню верстъ кругомъ. Говорятъ, что эта громада—храмъ Св. Петра, что это дѣло рукъ чело-вѣковъ и генія одного изъ нихъ. Но едва вѣрится очамъ! Только вблизи, взирая на него, вдругъ съ благоговѣйнымъ смущеніемъ почувешь душу, вложенную въ эту громаду, и повѣришь, что и впрямь геній человѣческій, а не слѣпая и безсознательная стихійная сила создала этого великана во имя Божіе.

И теперь, когда мракъ вечерній уже сгустился въ узкихъ и кривыхъ улицахъ города, необъятное подножіе этого храма тоже утонуло во мглѣ ночи. Но куполь и крестъ его еще плаваютъ въ поднебесьи, среди сумеречнаго, таинственно мерцающаго свѣта.

Здѣсь на землѣ ночь, а тамъ у нихъ, въ выси, день еще кончается.

Резиденція святого отца, могущественнаго главы всего католическаго міра и монарха цѣлаго королевства, мѣстопробы-

ваніе сотни духовныхъ конгрегацій, монашескихъ братствъ, — городъ полный кардиналовъ, священниковъ, иноковъ и паломниковъ со всего христіанскаго міра, городъ молитвы и поста — уже отходилъ ко сну...

Коляска путешественника двигалась по пустыннымъ улицамъ; кой-гдѣ только попадались запоздалые прохожіе или важно двигались ночные караулы папской гвардіи, въ шлемахъ, съ длинными алебардами, внушительно блестящими на плечахъ... И всюду, гдѣ проходили они съ монотоннымъ выкрикиваніемъ двухъ-трехъ словъ, тухли огоньки на улицахъ, въ лавкахъ, въ дверяхъ и окнахъ домовъ и домишекъ... Граждане-обыватели и міряне монашествующаго города волей-неволей шли на покой спозаранку.

Коляска остановилась недалеко отъ площади Барберини у довольно большого дома съ огромной желѣзной дверью, надъ которой висѣло оловянное вызолоченное изображеніе коня... Это былъ постоялый дворъ, скромнаго вида по внѣшности, но лучший въ городѣ.

Въ гостиницѣ „Золотого коня“ останавливались только богатые путешественники. Несмотря на караульные обходы, здѣсь еще виднѣлся огонь въ окнахъ. Хозяинъ водилъ видно хлѣбъ-соль съ алебардистами. Изъ коляски вышелъ человекъ маленькаго роста, уже очень пожилой, и сталъ стучать въ дверь висящимъ на ней желѣзнымъ кольцомъ.

Раздался гулкой звукъ и загудѣлъ на всю улицу, пролетая до площади. Дверь тотчасъ отворилась, на порогѣ появился, позъывая, хозяинъ дома съ мѣдной лампадой о трехъ, ярко горящихъ и дымящихся, фитиляхъ.

— Есть ли свободныя комнаты и стойла? спросилъ старикъ, хотя сѣдой, но бодрый на видъ.

— Есть. Есть... Но для кого? Кто вы? Откуда?

— Для графа Калиостро, капитана королевско-испанскихъ войскъ...

Хозяинъ сразу проснулся и заспѣшилъ.

Черезъ пять минутъ весь домъ, семья хозяина и прислуга — всѣ были на ногахъ.

Изъ коляски вышелъ, не сгѣша, плотный и красивый мужчина средняго роста, въ легкомъ черномъ плащѣ изъ шелковистой матеріи и въ большой черной шляпѣ на бекрень, съ сѣроватымъ перомъ, ниспадавшимъ почти до плеча... Изъ-подъ распахнушагося плаща виднѣлся фіолетовый бархатный

камзоль и темно-лиловый кафтанъ, обшитые галуномъ по борту.

— Что прикажете, ваше сіятельство. Все къ вашимъ услугамъ, говорилъ хозяинъ, вводя гостя въ лучшее помѣщеніе дома съ окнами, выходящими въ садъ сосѣдняго монастыря капуциновъ. Приказывайте, эксцелленца. „Золотой конь“ славится на всю Италію кухней.

— Прежде всего эту славу, отозвался полушутя пріѣзжій, весело оглянувъ горницу красивыми свѣтлыми глазами, — вашу славу, мой любезный, на тарелкахъ, подъ именемъ ужина!

Хозяинъ быстро вышелъ, заказавъ ужинъ женѣ, которая уже растапливала печь, а затѣмъ пробѣжалъ на дворъ, гдѣ отпрягали лошадей изъ экипажа и гдѣ хлопоталъ слуга пріѣзжаго аристократа.

— Издалека? началъ свой обычный допросъ хозяинъ и ради обычнаго любопытства, и ради своихъ хозяйственныхъ соображеній.

— Изъ Неаполя.

— Вашъ баринъ неаполитанецъ?

— Нѣтъ. Графъ уроженецъ Сициліи, господинъ... Не знаю, какъ васъ звать...

— Камбани! Къ вашимъ услугамъ.

— Графъ мой палермитанецъ.

— Тамъ и живетъ всегда?

— Нѣтъ.

— А гдѣ же? допытывался Камбани.

— Вездѣ. Мы вѣчно въ пути. Наше мѣстожителство между двумя станціями на дорогѣ.

— Стало быть и въ Римѣ не на долго? На нѣсколько дней?

— Нѣтъ, здѣсь мы, вѣроятно, мѣсяць проживемъ. Дѣла есть.

— А отсюда куда?

— Въ Женеву.

— О-о! воскликнулъ хозяинъ. Это далеко...

— А изъ Женевы въ Страсбургъ...

— О-о-о!.. Какая даль.

— Да. Мѣсяць пути.

— Много денегъ надо на это, вздохнулъ Камбани.

— Не мало, любезнѣйшій хозяинъ, не мало! Но у насъ ихъ, цекиновъ и дукатовъ, столько же, сколько у васъ овса въ закромахъ.

Между тѣмъ пріѣзжій сидѣлъ на креслѣ въ горницѣ и за-

думчиво глядѣлъ въ темное окно, гдѣ виднѣлись высокія, оголенные отъ листвы, деревья.

„Да. Наконецъ... прошепталъ онъ вслухъ. Наконецъ я въ Римѣ. Завтра свезу письмо великаго командора ордена и увижу что дѣлать. Что дѣлать? Да. Это вопросъ страшный! Отъ этого вопроса, отъ этой мысли „что дѣлать“ у меня кружится голова, какъ еслибы я стоялъ на краю бездны. Я знаю, что я не упаду въ нее, но видъ глубины ея мнѣ захватываетъ дыханіе... Римъ, Болонья, Женева, Базель, Страсбургъ и наконецъ Парижъ. Ну, а потомъ? Да. Потомъ что“?!

Задумчивость и почти печаль долго не сходили съ лица этого человѣка, повидимому, цвѣтущаго здоровьемъ и обладающаго всѣми благами міра, чтобы быть счастливымъ и безпечнымъ. Все у него есть. Прежде всего—молодость и красота, а если ужъ не красота, въ строгомъ смыслѣ слова, то все-таки чрезвычайно привлекательное лицо, умъ, ярко блестящій въ глазахъ, знатность и, наконецъ, большія средства, повидимому, богатство. Ко всему—и званіе капитана королевскихъ испанскихъ войскъ, что очень важно для всякаго дворянина. Да, но все это казалось и вѣрилось только простодушному наблюдателю. Въ дѣйствительности, у Іосифа Бальзамо не было попрежнему ничего этого, за исключеніемъ пылкаго, дерзкаго и изобрѣтательнаго до геніальности ума. А еще, въ придачу, рѣдкій даръ природы соблазнять и прельщать всякаго и, приводя въ восхищеніе, заставляя безъ труда обожать себя.

Впрочемъ, если теперь у графа Александра Калиостро не было попрежнему знатнаго ранга, большого состоянія и упроченнаго общественнаго положенія, то все-таки онъ былъ далеко не тотъ человѣкъ и не въ томъ положеніи, въ какомъ былъ около десяти лѣтъ назадъ, когда направлялся съ загадочнымъ Альтотасомъ къ берегамъ Нила.

Если учитель не посвятилъ ученика въ обѣщанную тайну составленія жизненнаго элексира, чтобы жить вѣчно, и не передалъ ему рецепта лить золото и алмазы изъ простого угля, то многое и многое завѣщалъ загадочный человѣкъ своему юному ученику, другу и послѣдователю.

Альтотаса не было теперь на свѣтѣ, т. е. его нигдѣ не было. Онъ исчезъ, разсѣялся, какъ дымъ, испарился, какъ облако.

Учитель и ученикъ вмѣстѣ прибыли въ Корфу, года три тому назадъ, были радушно приняты командоромъ мальтійскаго ордена. И здѣсь, однажды, мудраго Альтотаса не стало. Его

ученикъ долго гореваль по учителѣ и со вздохомъ, съ какой-то тревогой на лицѣ вспоминаль объ Альтотасѣ и рѣдко произносилъ его имя даже про себя.

Калиостро говоритъ, что Альтотасъ не умеръ... ибо не можетъ никогда умереть, какъ безсмертный. Но гдѣ онъ — неизвѣстно никому!.. Однако, многія вещи, принадлежавшія Альтотасу, теперь у Калиостро, въ томъ числѣ перстень съ большимъ многоцвѣтнымъ брилліантомъ.

Были слухи, что Альтотасъ томится въ Мальтѣ, заключенный въ темницу... Были слухи, что онъ убитъ неизвѣстнымъ злодѣемъ, который воспользовался всѣмъ его имуществомъ, рѣдкими книгами и даже его замѣчательными рукописями и изобрѣтѣіями... Плоды всей жизни и усиленныхъ занятій принадлежать злодѣю-убійцѣ.

Вѣроятнѣе всего, Альтотасъ умеръ и завѣщаль все любимому наперснику, который, скрывая теперь кончину учителя,—даетъ поводъ къ клеветѣ. Послѣ этого исчезновенія Альтотаса, общественное значеніе и обстановка графа Калиостро сразу измѣнились.

Два мѣсяца тому назадъ великій магистръ и командоръ ордена мальтійскихъ рыцарей Пинто назвалъ графа Калиостро „братомъ“, клялся въ вѣчной признательности за оказанныя услуги и снабдилъ въ дорогу рекомендательными письмами и даже крупной суммой денегъ. Графъ отправился въ Римъ, по порученію и по дѣлу командора мальтійцевъ, и долженъ былъ, справивъ порученіе у папскаго престола, ѣхать назадъ... Онъ обѣщаль вернуться.

Но теперь онъ улыбался лукаво и насмѣшливо при этой мысли. Его мечты уже опередили его будущее путешествіе и уже были давно въ столицѣ Франціи, при дворѣ Людовика XVI, недавно вступившаго на престолъ.

Зачѣмъ стремился уже тридцатилѣтній графъ Калиостро въ Парижъ — онъ почти самъ не зналъ. Онъ жаждетъ блеска, шума и славы. А все это пріютилось тамъ.

„Да... Тамъ или нигдѣ... покорю я себѣ людей и все людское будетъ у моихъ ногъ!“ думаетъ онъ...

VIII.

Былъ тотъ же ноябрь мѣсяць, того же года, но въ иномъ, отдаленномъ отъ теплой Италіи, холодномъ краю. Среди необозримыхъ снѣжныхъ равнинъ, кое-гдѣ чернѣлись отдаленные

лѣса, кое-гдѣ, сѣрыми гнѣздами, ютились деревушки. Среди этихъ снѣговыхъ равнинъ широко, размахисто раскинулся большой городъ, тоже сѣрый, деревянный, съ узкими кривыми улицами; только середина города каменная, обнесенная высокой зубчатой стѣною, гдѣ высятся златоглавыя храмы и колокольни. Городъ этотъ мало похожъ на Римъ, а между тѣмъ это тоже Римъ—сѣверный, православный.

Версты за двѣ отъ одной изъ заставъ московскихъ, въ деревушкѣ, по прозвищу Бутырки, на косогорѣ, смиренно и покорно стояла тройка заморенныхъ и худыхъ лошадей. За ними лежалъ на боку, однимъ полозомъ торчавшій вверхъ, большой возокъ. Около лошадей, сбитыхъ въ кучу и какъ бы связанныхъ всею спутанной сбруей и повернувшейся оглоблей, лежащей на спинѣ коренника, затаиутаго поэтому съхвавшимъ хомутомъ, стояли два человѣка, по-барски одѣтыхъ. Оба они стояли неподвижно, опустивъ руки и молча глядя на опрокинутый возокъ.

На дворѣ между тѣмъ быстро наступали сумерки.

Одинъ изъ двухъ путниковъ, поменьше ростомъ, пожилой, оглянулся еще разъ на деревню, чернѣвшую среди снѣговъ въ полуверстѣ, и покачалъ головою.

— Вѣдь сейчасъ и ночь! Что-жъ мы будемъ дѣлать? проворчалъ онъ. Грибы что-ль искать! угрюмо съострилъ онъ.

Стоявшій около него второй путникъ, молодой, высокій, красивый, одѣтый нѣсколько изысканнѣе, въ бархатной шубкѣ съ собольимъ воротникомъ и обшлагами, въ такой-же шапкѣ, отвѣчалъ смѣхомъ.

— Да, смѣйтесь, проговорилъ первый. Мало тутъ веселаго! Мы бы теперь давно въ Москвѣ были. Вѣдь тутъ рукой подать.

— Рукой подать... повторилъ молодой и прибавилъ: Опять этого я не понимаю!

И въ этихъ нѣсколькихъ словахъ молодого путника, произнесенныхъ правильно и чисто, было, однако, замѣтенъ какой-то странный, будто иностранный выговоръ.

— Что это значитъ—рукой подать?

— А, ну васъ! отмахнулся первый. Ну, значитъ близко. Ну вотъ она, Москва-то! Кабы не оврагъ, огни бы видать отсюда... Надо же было этому дьяволу перевернуться тутъ, да и самъ онъ теперь провалился въ тартары.

— Странное названіе. Какъ вы сказали? Тартары. Это названіе деревни?

— Названіе деревни — Бутырки. Тутъ видно прежде одни бутари живали! пошутить пожилой путникъ.

— Вы сказали однако: ушелъ въ тартары.

— Не тартары, а тартарары. И не ушелъ, а провалился.

— Стало быть здѣсь все-таки живутъ татары?

На этотъ разъ пожилой весело расхохотался въ свою очередь.

— Это деревушка-то по вашему татарская? Ахъ вы, умерительные!.. Вѣдь вы какъ есть нѣмецъ. Ей Богу!.. Скажите: за весь нашъ долгій путь вѣдь вы у меня много словъ новыхъ по-русски выучили?

— Много, Норичъ, но только я думаю, что это все такія слова, безъ которыхъ я бы могъ обойтись, отвѣтилъ лукаво усмѣхаясь молодой человѣкъ.

— Почему-жъ такъ?

Не дождавшись отвѣта, пожилой человѣкъ, котораго его спутникъ назвалъ Норичемъ, воскликнулъ.

— А! Вонъ они ползутъ, черти этакіе!

На дорогѣ изъ деревушки къ косогору показалось человѣкъ пять мужиковъ. Впереди ихъ шелъ ямщикъ.

— Ну, ну, живо! Черти этакіе. Что онъ васъ изъ рѣчки что ли выудилъ, какъ окуней? Шутка сказать, мы здѣсь часъ стоимъ! началъ кричать Норичъ. Ну, берись, живо! Поднимай!..

Подошедшіе крестьяне почтительно и даже страховито снимали шапки передъ двумя путниками, потомъ дружно взялись за большой, тяжелый возокъ, приподняли какъ перышко и бережно, какъ еслибы онъ былъ хрустальный, поставили его на полозья. Заморенныя лошади только чуть-чуть шевельнулись.

Молодой человѣкъ полѣзъ въ карманъ. Пожилой увидѣлъ его движеніе и воскликнулъ:

— Ну, вотъ, баловство какое! Очень нужно! Они же, черти, не могутъ дорогу въ исправности содержать, такъ чего-жъ имъ на чай еще давать!

Но молодой человѣкъ, не обращая вниманія на это замѣчаніе, далъ крестьянамъ немного мелочи.

Вся гурьба оживилась при видѣ серебряныхъ монетъ и сразу попадала въ ноги, съ причитаніемъ: „вѣчно будемъ Бога молить“! и т. д.

— Доброе дѣло, баринъ, сказалъ ямщикъ, усаживаясь на облучокъ. Тутъ вся деревня, почитай, голодная сидитъ.

— Отчего!? оживленно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Какъ отчего: хлѣба нѣтъ.

— Почему же хлѣба нѣтъ?

— Какъ почему: не собрали ничего. На сѣмяна не хватило... Да это у насъ не въ диковину.

Оба путника влѣзли въ возокъ, поправивъ предварительно подушки и кое-какую мелочь, которая вся перетряслась при паденіи возка. Черезъ минуту возокъ двинулся.

— Смотри ты, лѣшій, опять насъ не выворотитъ гдѣ!

— Зачѣмъ. Какъ можно... Будьте спокойны! отозвался ямщикъ такимъ голосомъ, какъ будто ничего подобнаго съ нимъ никогда не случалось, и случиться не можетъ.

Онъ задергалъ вожжами, началъ со всей мочи хлестать всѣхъ трехъ замороженныхъ лошадей, и возокъ заскрипѣлъ по морозному снѣгу.

На дворѣ уже былъ вечеръ. Черезъ полчаса, мелкой, плохой рысцою возокъ вѣзжалъ въ заставу города.

— А по Москвѣ намъ вѣдь, помнится, много ѣхать? спросилъ молодой человѣкъ.

— По Москвѣ-то? Да вотъ какъ скажу: черезъ весь городъ. Почитай, на другую сторону.

— Тѣмъ лучше.

— Почему же это: тѣмъ лучше?

— Городъ посмотрю. Я его плохо помню.

— Это бы и послѣ можно было. Какое же теперь смотри! отозвался Норичъ.

Дѣйствительно, возокъ началъ поворачивать изъ улицы въ улицу, направляясь съ одного края Москвы на другой. Улицы были пустынные, только изрѣдка попадались встрѣчные. Маленькіе домишки стояли темны и только на большихъ улицахъ большіе дома, помѣщавшіеся исключительно въ глубинѣ просторныхъ дворовъ, были освѣщены.

Напрасно молодой человѣкъ пытливо выглядывалъ въ отворенное окошко возка — онъ ничего не могъ разглядѣть, благодаря вечерней мглѣ пасмурнаго зимняго дня. Впрочемъ, онъ выглядывалъ на улицу съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, будто хотѣлъ самъ разсѣять себя и успокоить въ себѣ то бурное чувство, которое поднималось и бушевало въ груди.

Пока возокъ двигался по городу, молодой человѣкъ разъ десять спросилъ:

— Скоро ли?

И каждый разъ получалъ отвѣтъ Норича:

— Скоро, скоро.

Не мудрено было волноваться молодому путнику. Онъ былъ чуть не въ первый разъ въ Москвѣ и даже въ Россіи, такъ какъ выѣхалъ изъ нея почти ребенкомъ. Онъ едва помнилъ того, къ кому онъ теперь ѣхалъ. Вдобавокъ, онъ не зналъ, что завтра будетъ съ нимъ, что онъ увидитъ, что онъ услышитъ. Онъ зналъ только, что предстанетъ тотчасъ же предъ человѣкомъ, который одно изъ первыхъ лицъ русскаго государства: богачъ и сановникъ, именитый вельможа. Къ тому же, этотъ сановникъ его родной дѣдъ, котораго онъ Богъ вѣсть когда видѣлъ, совершенно не знаетъ и котораго и не думалъ увидать въ этомъ году, если бы обстоятельства не перевернулись вдругъ такъ ужасно, странно и загадочно.

Чѣмъ ближе была отъ него цѣль его долгаго, шестинедѣльнаго путешествія съ береговъ Рейна къ берегамъ Москвырѣки, тѣмъ болѣе захватывало дыханіе у молодого человѣка. И вдругъ, теперь его стало душить за горло, слезы навернулись на глазахъ. Онъ снялъ шапку и отеръ горячій лобъ. Почему явились эти слезы — онъ самъ не понималъ. Какъ будто предчувствіе чего-то дурного, черезчуръ дурного, скользнуло тѣнью по душѣ. Въ то же мгновеніе невдалекѣ отъ возка появился скачущій всадникъ, съ плеткой въ рукахъ, и кричалъ во все горло:

— Съ дороги!.. Ворочай!.. Съ дороги!

Ямщикъ тотчасъ же свернулъ свою тройку на самый край широкой улицы. Послѣ перваго уже проскакавшаго всадника, появилось еще двое, потомъ еще нѣсколько человѣкъ, а за ними зачернѣлось и двигалось что-то широкое и высокое.

— Онъ! Онъ самый!.. Ей Богу! воскликнулъ Норичъ, высовываясь изъ окна.

— Кто?.. встрепенулся молодой человекъ.

— Онъ... Нашъ графъ!

Въ то же мгновеніе за кучкой всадниковъ, летѣвшихъ въ галопъ, пронесся шибкой рысью большой возокъ, запряженный цугомъ лошадей въ четыре пары. Благодаря зажженнымъ фонарямъ, весь возокъ былъ освѣщенъ и сіялъ поволотой на козлахъ, полозьяхъ и кузовѣ. Большой, полуршпинный, золотой гербъ ярко сверкнулъ въ глазахъ молодого человѣка, выглядывавшаго изъ окна. Въ одно мгновеніе все это: всадники, цугъ великолѣпныхъ рысаковъ, позолоченный возокъ и

еще нѣсколько всадниковъ позади его—все пронеслось мимо съ шумомъ, бряцаньемъ и гулкимъ стукомъ.

— Это онъ... Нашъ графъ, Алексѣй Григорьевичъ, въ гости выѣхалъ. Не застанемъ.

— Какъ же быть? странно выговорилъ молодой человѣкъ.

— Что-жъ! отдохнете; а онъ вернется пока. А то и завтра утромъ васъ приметъ. Что за важность!.. Да вотъ и дворъ.

И Норичъ указалъ рукою, вправо отъ возка, на освѣщенный рядъ большихъ оконъ.

Молодой человѣкъ какъ-то зажмурился и глубоко вздохнулъ.

IX.

„Вотъ и пріѣхали. Что-то будетъ? Неужели беззаконіе! Неужели хуже, чѣмъ я подозреваю!“ подумалъ онъ про себя, но подумалъ не по-русски, а по-нѣмецки.

Когда возокъ остановился у главнаго подъѣзда большихъ палатъ вельможи, десятка два челяди высыпало навстрѣчу. Но не почетъ къ пріѣзжимъ гостямъ сказанъ въ ихъ поспѣшности, а скорѣе одно любопытство.

— Откуда такіе? Къ намъ ли еще?

— Ишь, къ главному подъѣзду подъѣхали! А пѣшкомъ бы, братцы мои! раздалось вдругъ среди этой кучки прибѣжавшихъ людей.

— Ахъ вы, олухи! Это намъ-то пѣшкомъ?.. Не признали? проговорилъ Норичъ, отворяя дверцу.

И сразу вся эта кучка выбѣжавшихъ людей заахала кругомъ.

— Вона кто... Ахъ, Создатель!..

— Игнатъ Ивановичъ! Вона кто... И графчикъ! Ахъ ты, Господи!

— Цыцъ! Ты! Лѣшій! Аль въ Сибирь захотѣлось, съ графчикомъ-то! шепнулъ одинъ лакей постарше.

— Охъ, виноватъ. Запаятовалъ наказъ. Помилуй Богъ!

Норичъ вышелъ первый изъ возка, но тотчасъ-же обернулся и протянулъ руки, чтобы помочь выйти молодому человѣку изъ экипажа. Появленіе его изъ возка магически подействовало на всю челядь. Сразу все стихло, и несказанно удивленные взоры холоповъ впились въ него со всѣхъ сторонъ.

— Что, намъ комнаты отведены? Есть приказъ объ этомъ? спросилъ Норичъ.

— Есть, есть, давно! Алексѣй-то Григорьевичъ выѣхалъ.

— Знаю... Встрѣтили... Ведите барина въ горницы отведенныя.

Поричъ остановился вдругъ, снялъ шапку, шевельнулся немного въ сторону отъ гурьбы лакеевъ, и началъ креститься на сосѣдную колокольную, чуть виднѣвшуюся во мракѣ ночи.

— Слава Тебѣ, Господи! выговорилъ онъ тихо, доѣхали. А ужъ путь-то, путь-то. Коротокъ! Пять недѣль ѣхали слишкомъ. Ну вотъ, Господи благослови, и пріѣхали!

Молодой человѣкъ тоже снялъ шапку, тоже перекрестился, но какъ-то смущенно и нерѣшительно, какъ будто не зная: нужно ли это дѣлать, или нѣтъ. Можетъ быть это обычай, думалось ему, и его долгъ теперь перекреститься, а можетъ быть русскому барину оно и не слѣдуетъ. И тѣмъ же нерѣшительнымъ движеніемъ, какимъ онъ крестился, тѣмъ же будто связаннымъ и робкимъ шагомъ двинулся онъ по ступенямъ главнаго подъѣзда громадныхъ освѣщенныхъ палатъ.

Пріѣзжаго молодого человѣка почтительно и предупредительно встрѣтилъ въ швейцарской пожилой дворецкій и повель черезъ длинный корридоръ въ горницы, очевидно заранѣе приготовленныя для него. Ихъ было три: нѣчто въ родѣ пріемной, спальня и уборная. Между корридоромъ и пріемной была маленькая передняя, въ которой тотчасъ же появилось шесть человѣкъ дворовыхъ, въ одинаковыхъ кафтанахъ, съ галунами, на которыхъ пестрѣли замысловатые гербы ихъ барина-вельможи.

Молодой человѣкъ осмотрѣлся кругомъ и на вопросъ дворецкаго, скоро ли прикажетъ онъ подавать ужинъ, отозвался нерѣшительно.

— Не знаю... какъ хотите... я не голодень.

И затѣмъ, будто собравшись съ духомъ, онъ прибавилъ:

— Прежде, или послѣ моего свиданія съ графомъ.

— Простите, ваше...

И дворецкій запнулся, не зная, какъ величать пріѣзжаго, — „ваше благородіе“, выговорилъ онъ, смущаясь, шопотомъ и какъ бы чужь, стыдясь того, что безсмысленно дерзко умаляетъ титулъ пріѣзжаго. Простите... Но я полагаю, что его сіятельство сегодня врядъ ли успѣетъ повидаться съ вами. Алексѣй Григорьевичъ выѣхалъ на балъ къ генераль-губернатору и вернется поздно.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ и, смущаясь тоже,

опустилъ глаза. Въ его ушахъ все еще странно звучали два русскія величанія: „его сїятельство“ и „ваше благородіе“.

Дворецкій вышелъ, чтобы распорядиться, а молодой человекъ вдругъ сѣлъ на ближайшій стулъ, уперся локтями въ колѣни, опустилъ голову на руку и задумался. Видно тяжела была его дума, такъ какъ много прошло времени, и онъ очнулся, когда въ горницѣ двигались галунные лакеи, ставили столъ и накрывали его скатертью и посудой. Ему, очевидно, стало непріятно, что его застали въ располхъ, въ его далеко не веселой позѣ. Онъ провелъ рукою по головѣ, всталъ и слегка какъ бы встряхнулся, отгоняя отъ себя свои думы. Черезъ нѣсколько минутъ, сидя за столомъ, уставленнымъ всякими кушаньями, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ то же время, на совершенно другой половинѣ дома, въ нѣсколькихъ горницахъ стоялъ шумъ и гамъ. Веселые голоса, раскатыстый хохотъ, крикъ и визгъ дѣтей, бѣготня и суетня взрослыхъ, все сливалось вмѣстѣ. Человекъ болѣе полсотни побывало въ этихъ комнатахъ на минуту, взглянуть на пріѣзжаго Игната Ивановича.

Норичъ, счастливый, веселый, самодовольный, сидѣлъ въ кругу своего семейства: жены, дочерей и даже внучатъ. Всѣ, отъ мала до велика, спрашивали его объ любопытномъ, единственномъ въ своемъ родѣ, чрезвычайномъ, почти невѣроятномъ путешествіи, которое онъ только что совершилъ. Шутка ли, отъ Москвы ѣздилъ черезъ всѣ нѣмецкія земли, числомъ, поди пожалуй, сто, до самой границы французской земли! Еще бы немножко проѣхать ему и онъ бы очутился на самомъ берегу моря-океана, середь котораго, на островѣ на Буянѣ, и конецъ свѣту Божьему.

Всѣхъ интересовалъ одинъ вопросъ: какъ тамъ, въ этихъ заморскихъ земляхъ? Вѣра какая? Злы ли люди? Каковы изъ себя? Понимаютъ ли и говорятъ ли по-русски?

Норичъ усмѣхался и отмахивался рукою, считая нѣкоторые вопросы глупыми. За то и на отвѣты его нѣкоторые отмахивались, какъ бы не вѣря, что онъ говоритъ правду. Только жену его, 50-ти-лѣтнюю Анну Николаевну, интересовалъ одинъ вопросъ: какъ наградить мужа добросердечный и щедрый бояринъ? Шутка ли, какое важнѣющее порученіе исполнилъ ея супругъ! Поди-ка, пошли другого въ такую даль! Въ сказкѣ сказывается: ѣхали за тридцать земель, а Игнатъ Ивановичъ ѣздилъ за сто нѣмецкихъ земель и живъ вернулся.

Среди сумятицы и возни от радости дѣтей и внучатъ, счастливыхъ тѣмъ, что они снова видятъ въ средѣ своей отца и дѣдушку, трудно было женѣ съ мужемъ переговорить о самомъ главномъ, что интересовало ее. Но, наконецъ, воспользовавшись минутою, когда домочадцы занялись подарками, привезенными Норичемъ изъ чужихъ краевъ, Анна Николаевна отвела мужа въ сторону. Она расцѣловала его въ обѣ щеки, перекрестилась, благодаря Бога за благополучное путешествіе мужа, и, пригнувшись къ нему, вымолвила почти на ухо:

— Ну, что онъ?

— Ничего. Что-жь! отозвался Норичъ неохотно.

— Знаетъ, зачѣмъ нынѣ понадобился нашему графу? Что будетъ тутъ?

— Вѣстимо, не знаетъ! отозвался снова Норичъ тѣмъ же голосомъ. И жена замѣтила по глазамъ его, что мужу неприятенъ этотъ разговоръ.

— И невѣдомо ему также, кто онъ такой будетъ теперь?

— По нашему путевому виду, Крафтъ онъ теперь. А что будетъ послѣ... и Норичъ, глядя женѣ въ глаза, запнулся.

— Что же?

— Послѣ... Видать будетъ! Канитель будетъ, думаю.

— Канитель?

— Вѣстимо. Онъ горячъ. Спроста не дастся. Съ нимъ графиня повозится еще. Тутъ наскочила коса на камень, какъ говорится.

— Что-жь тогда дѣлать, коли упрется онъ? Скажетъ, не хочу...

— Его прирѣзать, а намъ итти топиться!

— Что ты это, голубчикъ! Вѣру въ меня что ли потерялъ въ нѣмецкихъ-то земляхъ, вспыльчиво и досадливо отозвалась жена. Что ты мнѣ турусы-то на колесахъ расписываешь! Самъ говорилъ, собираясь въ путь, что дѣло для насъ выигрышное—страсть, самое удачливое счастье наше! А теперь говоришь—ничего не выгорить, и пугаешь. Рѣзаться да топиться. Говорилъ вѣдь ты вѣдучи...

— Говорилъ? Родная моя. Говорилъ?! Вѣдь я его тогда не видалъ еще. А теперь видѣлъ, знаю. Онъ себя въ обиду легко не дастъ. Да и намъ-то лѣзть въ эту канитель боязно и опасно. Какъ бы намъ съ тобой не запропасть. Вотъ что! Графу и графинѣ—шишъ будетъ. А намъ—Сибирь!..

— Что? Что? Сибирь?! Что, очумѣлъ ты? воскликнула женщина изумляясь.

— Крестъ и евангеліе ты цѣловать пойдешь!? А? Пойдешь? вдругъ вспыхливо произнесъ Норичъ.

— Нѣтъ, не пойду, помилуй Богъ!

— И выходить теперь... Поторопились мы. Сунулись въ воду, не спросяся броду. Дѣло начато, а чѣмъ окончится—одинъ Богъ знаетъ. Ну вдругъ заставить насъ присягать. А мы скажемъ: нѣтъ, молъ, простите, не можемъ присягать. Это мы такъ только, зря болтали да мертвыхъ оговаривали.

— Какъ же теперь быть-то, Игнатъ Ивановичъ?..

— Я самъ не знаю. На попятный дворъ если... Такъ надо скорѣе... Сейчасъ. А то поздно будетъ... И не знаю... Ну, да что объ этомъ теперь... Завтра успѣемъ. Можетъ еще все и выгорить просто, безъ шума и безъ бѣды...

Норичъ черезъ силу разсмѣялся, махнулъ рукою и затѣмъ тотчасъ же, снова окруженный дѣтми и внучатами, сталъ рассказывать и объяснять, гдѣ какой кому подарокъ былъ купленъ и сколько заплаченъ.

Никого не забылъ вернувшійся изъ чужихъ странъ Игнатъ Ивановичъ; даже дѣвкѣ-чернавкѣ, прислуживавшей двумъ мамушкамъ, и той привезъ онъ красный платокъ повязывать голову.

Домъ, въ который прибыли Норичъ и молодой незнакомецъ, былъ однимъ изъ самыхъ большихъ зданій этой части города Москвы. Палаты помѣщались, какъ всегда, въ глубинѣ большого двора; только одна часть выступомъ выходила въ переулокъ. За домомъ раскинулся большой садъ, но не густолиственный и не высокій, и было замѣтно, что садъ этотъ разведенъ недавно на пустырь. Въ этихъ палатахъ было, конечно, до сотни большихъ и малыхъ горницъ, залъ, гостиныхъ, помимо одной огромной залы. Во дворѣ было безчисленное количество службъ: отъ конюшенъ, переполненныхъ лошадьми,—до погребовъ и ледниковъ, принадлежащихъ безчисленному штату боярина. Однѣхъ коровъ на дворѣ было до полусотни, но изъ нихъ только пятью пользовались господа—остальныя принадлежали дворовымъ и нахлѣбникамъ, которыхъ было не мало.

Домъ этотъ почти весь освѣщался всякій вечеръ за исключеніемъ огромной залы, гдѣ уже болѣе десяти лѣтъ ни разу не зажигалась ни одна свѣча, такъ какъ домохозяинъ вечеромъ и баловъ не давалъ, а обѣды, на которыхъ иногда было до трехсотъ и пятисотъ лицъ приглашенныхъ, происходили днемъ и оканчивались ранѣе сумерекъ.

Весь этот огромный домъ стоялъ пустой, только въ выступѣ, выходящемъ въ переулокъ, было жилье и онъ казался обитаемъ. Здѣсь, въ восьми или десяти горницахъ, скромно жилъ самъ вельможа, съ молодой супругой и ребенкомъ. Зато флигеля, нижній этажъ и нѣкоторыя надворныя строенія были переполнены многочисленной дворней.

Причина, по которой огромныя палаты были въ запустѣннѣи, была простая: домовладѣлецъ, бояринъ и графъ, сталъ нелюдимъ, мало принималъ теперь и любилъ проводить весь день одинъ одиноконекъ. Изрѣдка, раза два или три въ году, появлялись его родственники, дѣти его покойнаго брата со своими дѣтьми, всего три поколѣннѣи. Недавно и четвертое появилось на рукахъ кормилицъ и мамушекъ. Родня эта бывала въ Москвѣ всегда проѣздомъ. На нѣсколько дней оживлялись палаты. Раздавались веселые, молодые голоса и дѣтскій пискъ и визгъ; но затѣмъ снова наступала та же тишина, и лишь одно было замѣчательно въ этомъ домѣ: всегда пустой — онъ не былъ на видъ урюмъ.

Причина была та, что въ надворныхъ строеніяхъ и во флигеляхъ было пропасть народу, а среди всѣхъ жильцовъ царствовали всегда миръ, тишина и спокойствіе; на всѣхъ лицахъ было написано довольство и счастье. Отъ главнаго управителя и дворецкаго, до послѣдняго мальчишки-самоварника, поваренка или форейтора, до послѣдней дѣвчонки-побѣгушки — всѣ жили дружно, счастливо, въ довольствѣ, сытые и никѣмъ не обиженные:

Въ этомъ домѣ, за много и много лѣтъ, никто никого пальцемъ не тронулъ. Единственное, что строго наказывалось и взыскивалось старымъ графомъ, была незаслуженная обида какая-либо, нанесенная однимъ изъ домочадцевъ другому. Всякій мальчишка-поваренокъ, сынишка дворника, получивъ несправедливо какую-либо, хотя легкую затрещину отъ кого-либо, громко грозился иногда родному отцу или матери:

— Смотри ты: пойду барину пожалуюсь!

Иногда случалось, что обитатель палатъ, такого возраста, что отъ земли не видно, дерзко останавливалъ стараго графа при его выѣздѣ изъ дому и, смѣло приступивъ, заявлялъ:

— Меня обидѣли.

И старій графъ входилъ въ расправу и въ судъ.

— Графъ Алексѣй Григорьевичъ Зарубовскій извѣстенъ на всю Россію! говорилъ самъ графъ про себя. А чѣмъ? Тѣмъ,

что пуще всего правду любить, правдѣ служить холопомъ, якобы сія правда—его барыня.

Х.

За часъ до полуночи, когда весь огромный домъ потемнѣлъ и спать сытымъ, беззаботнымъ сномъ, на дворѣ появился тотъ же раззолоченный возокъ, съ тѣми же конвойными. Высокій, пожилой сановникъ, въ тысячной собольей шубѣ, съ большущей шапкой, глубоко надвинутой на затылокъ, съ наушниками, съ огромной муфтой въ рукахъ, вышелъ при помощи спѣшившихся всадниковъ изъ возка и, поддерживаемый ими, сталъ подниматься по каменной лѣстницѣ.

Никто не вышелъ навстрѣчу. Одинъ изъ пріѣзжихъ расстворилъ дверь и только, когда вельможа уже въ швейцарской снялъ съ себя шубу и шапку и засіялъ, въ лучахъ двухъ горящихъ свѣчей, своимъ сплошь расшитымъ мундиромъ, съ десятками орденовъ и регалій, тогда только нѣсколько человекъ холоповъ, и самъ главный швейцаръ, проснулись и пришли въ себя.

— Проспали барина, тетери! выговорилъ сановникъ сурово, но суровость эта была какая-то особенная, будто дѣланная, ради шутки.

— Тутъ бы ихъ, Алексѣй Григорьевичъ, сонныхъ-то... тутъ бы ихъ передрать всѣхъ! выговорилъ красивый гайдукъ, который былъ начальникомъ команды, конвоировавшей всегда при выѣздахъ вельможу. Пріѣхать бы намъ да тихонько розогъ достать, да ихъ бы тутъ, по-очереди, сонныхъ отпощивать!

— Тебѣ бы только драться! Только у тебя и на умѣ! отозвался вельможа ухмыляясь. Важность какая, что среди полуночи человекъ спать захотѣлъ! Посторонній человекъ такъ разсудить: а вольно-жь, молъ, барину полуночничать, въ полночь по Москвѣ шататься, по баламъ да гостямъ. Вотъ кабы они у меня въ полдень такъ всѣ заснули, иное дѣло — взыскалъ бы!

И графъ, увидя вошедшаго дворецкаго по имени Макара Ильича, прибавилъ удивляясь:

— Ты чего не спишь?

— Дѣло есть до васъ... отозвался дворецкій фамильярно.

— Дѣло? Ночью-то. Бѣлены объѣлся... Поди спать...

— Никакъ нѣтъ-съ. Я за вами пойду съ докладомъ...

— Ну, иди... Шутъ тебя побери...

Графъ двинулся и прошелъ нѣсколько темныхъ гостиныхъ. Передъ нимъ шло двое лакеевъ съ зажженными свѣчами. Большія и высокія комнаты, установленныя богатой мебелью, зеркала, бронза, картины,—все, возставая изъ тьмы, какъ-то вздрагивало въ колеблющихся лучахъ несомыхъ свѣтчъ. Шаги двухъ лакеевъ, самого графа и дворецкаго звонко раздавались по паркету и отдавались далеко въ домѣ, замирая подъ картинами вычурныхъ и расписныхъ потолковъ.

Наконецъ, достигнувъ своихъ сравнительно скромно убранныхъ апартаментовъ, гдѣ была спальня и кабинетъ старика-вельможи, онъ опустился въ кресла. Къ нему тотчасъ же подставили маленькій столикъ, заранѣе накрытый, на которомъ стояло три блюда: простокваша, холодныя галушки, облитыя сметаной, и тарелка съ финиками.

Пріѣзжій съ бала, очевидно, не прикоснулся къ ужину генераль-губернатора, а предпочелъ свой простой, ежедневный ужинъ, одинъ и тотъ же, за двадцать или тридцать лѣтъ. Бояринъ придвинулъ къ себѣ блюдо съ галушками и выговорилъ стоявшему передъ нимъ дворецкому:

— Ну, Макаръ, докладывай! Коли уперся какъ осель...

— Нѣтъ, Алексѣй Григорьевичъ, я еще малость поломаюсь или упрусь. Прежде покушай и о какихъ пустякахъ покалякаемъ, а когда покушаешь—тогда я и докладъ начну. И весь докладъ въ трехъ словахъ будетъ.

— Не балуй! Докладывай! уже нѣсколько досадливо произнесъ графъ.

— Ей Богу, не могу! Прости... не гнѣвайся! Покушай прежде.

Графъ положилъ ложку на тарелку, которую несъ было въ ротъ и, поднявъ изумленный взоръ на дворецкаго, произнесъ спокойно:

— Глупый человѣкъ! Вѣдь я не пѣтый дуракъ какой, вѣдь я понимаю, что если ты хочешь дать мнѣ время поужинать, то, стало-быть, ты знаешь напередъ, что докладъ твой меня растревожить, что я ужинать не стану.

Макаръ Ильичъ замялся, слегка смутился и, какъ-то странно поводя плечами, разведя руками, отозвался вполголоса:

— Нѣтъ, Алексѣй Григорьевичъ, зачѣмъ растревожить, а подивить тебя нечаянность... А ты прежде покушай! Бѣды

нѣтъ, сказываю тебѣ, никакой бѣды нѣтъ... А только что изъ ряду вонъ...

— Ну, говори! произнесъ графъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольнымъ быстрымъ жестомъ, стукнулъ ложкой по тарелкѣ.

Тутъ уже не было двухъ пріятелей, фамильярно шутившихъ въ швейцарской. Сразу оказались другъ передъ другомъ: сидящій вельможа и его крѣпостной—дворецкій.

— Норичъ съ господиномъ пріѣхалъ, произнесъ дворецкій.

Графъ тихо ахнулъ, потомъ потупился и едва слышно вздохнулъ.

— Когда? молвилъ онъ послѣ паузы.

— Да вотъ съ тобой повстрѣчались, сказываютъ, недалеко отъ дому. Ихъ выворотили въ Бутыркахъ, а то бы въ сумерки еще были во дворѣ.

Наступило молчаніе. Сановникъ сидѣлъ неподвиженъ, опустивъ глаза въ тарелку, гдѣ лежали галушки и лежала ложка, которой онъ стукнулъ. Рука его лежала на столѣ около этой ложки; но пальцы выпустили ее и не брали. Макарь Ильичъ пытливо глядѣлъ въ лицо барину и видѣлъ, что докладъ его имѣетъ еще большее значеніе для стараго графа, нежели онъ думалъ.

Всѣмъ было въ домѣ смутно извѣстно, а дворецкому болѣе, чѣмъ кому-либо, что Норичъ, приживальщикъ графа, родомъ польскій шляхтичъ, посланъ въ чужіе края и вернется не одинъ. Какъ проскользнулъ этотъ слухъ въ среду домочадцевъ — сказать было трудно. Порученіе свое Норичу графъ давалъ наединѣ, глазъ-на-глазъ, прошлой осенью. Но у Норича была жена, у жены его были дѣти и пріятельницы, у пріятельницъ были свои пріятели и пріятельницы. Такимъ образомъ, Норичъ не успѣлъ отъ Москвы уѣхать до Смоленска, какъ уже во всѣхъ флигеляхъ передавалось втайнѣ, на ушко, что Норичъ поѣхалъ въ чужіе края, а пріѣдетъ съ графчикомъ заморскимъ.

Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, графъ поднялъ взглядъ задумчивый и, какъ показалось дворецкому, тоскливый, и выговорилъ:

— Видѣлъ ты его?

— Норича? Какъ же, видѣлъ. Теперь, полагательно, спитъ.

— Какой Норичъ! Болванъ! Любопытно, вишь, мнѣ знать, видѣлъ ли ты Норича! Что я его не видалъ что-ли никогда! Спрашиваю: видѣлъ ли того... Ну, его... Ну, господина этого...

Пріѣзжаго гостя, что-ли?.. Дурень!

— Видѣль. Какъ-же-съ. Самъ проводилъ до горницы.

— Моложавъ очень?

— Молодой-съ вѣстимо.

— Красивъ?

— Да-съ. Очень даже изъ себя пригожъ.

— Махонькій, али высокога роста? вымолвилъ графъ съ какимъ-то другимъ оттѣнкомъ въ голосѣ и почему-то опустил снова глаза въ тарелку.

— Роста большого-съ. Такъ-съ... Какъ вамъ доложить... съ васъ будетъ.

— Съ меня? пробурчалъ графъ.

— Съ васъ, повторилъ Макаръ Пльичъ.

— Горбоносый? Носъ-то этакъ крючкомъ, что-ли, шутивымъ тономъ, но какимъ-то неестественнымъ, дѣланымъ голосомъ проговорилъ графъ, будто вопросъ этотъ дѣлался съ умысломъ, былъ хитростью.

— Нѣтъ-съ... совсѣмъ... То-исъ!.. Какъ-бы это сказать... Больше-съ вотъ тоже, какъ у васъ.

— Курносый, стало быть?

— Точно такъ-съ. Даже-съ доложу вамъ... чудное-съ такое обстоятельство. Вотъ сами изволите увидѣть... Есть нѣкоторое сходство... какъ бы это вамъ пояснить... Нѣкоторое у него съ вами удивительное...

— Что?!

— Нѣкоторое удивительное подобіе. Сходствіе съ вами, то-исъ въ ростѣ, въ лицѣ и во всемъ...

— Что ты, болванъ, врешь! Что ты языкъ-то распустилъ, какъ баба какая! Дурень!.. Аль забылъ, что указано было... Пошелъ вонъ! проговорилъ графъ, отодвигая нетерпѣливымъ, гнѣвнымъ жестомъ столикъ и вставая съ диванчика во весь свой ростъ.

Дворецкій сразу поблѣднѣлъ, задохнулся и отступилъ на шагъ. Все закружилось у него передъ глазами. Онъ пролепеталъ что-то, но самъ не зналъ, что болтаетъ его языкъ.

— Пошелъ вонъ! снова разслышалъ онъ сквозь какой-то гамъ и шумъ, гудѣвшій не въ горницѣ, а въ его собственной головѣ.

И затѣмъ, выскочивъ изъ горницы барина, дворецкій окончательно пришелъ въ себя только на подъѣздѣ. Онъ выскочилъ на дворъ освѣжиться отъ перепуга, который испыталъ.

И было чего испугаться. Тридцать лѣтъ былъ онъ уже при баринѣ, восемь лѣтъ былъ уже дворецкимъ — и за всю свою жизнь никогда не видѣлъ своего барина въ такомъ припадкѣ гнѣва, какой видѣлъ сегодня. Никогда онъ не слышалъ такого голоса, который слышалъ сегодня. Если бы утромъ кто-либо сказалъ ему, что добрый и кроткій баринъ способенъ такъ крикнуть, такъ вдругъ разсердиться, то дворецкій разсмѣялся бы такому глупому предположенію.

„Что-жъ я такое сказалъ? бормоталъ онъ про себя, стоя въ дверяхъ на морозѣ. Ужъ я и не помню! Что же, бишь, такое? Обиднаго, али неуважительнаго ничего, кажись, не сказалъ, а какъ онъ осерчалъ. Что за притча? Господи, помилуй и сохрани!

Макаръ Ильичъ вернулся въ швейцарскую, побрелъ въ половину дома, гдѣ жила его семья, и среди первой темной горницы, ощутивъ диванъ, не раздвѣаясь, легъ на него.

XI.

Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ, во время пребыванія въ ея стѣнахъ „великой дщери Петровой“, т. е. всѣми обожаемой царицы Елизаветы—въ боярскихъ палатахъ графовъ Зарубовскихъ пировали цѣлую недѣлю и дворяне, и простой людъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ съ женой Анной Ивановной праздновали свадьбу своего единственнаго сына Гриши.

Пированіе являлось въ силу обычая, а не отъ радости и довольства. Напротивъ того, покойный графъ, а въ особенности графиня—были совершенно недовольны бракомъ сына, его выборомъ. Годъ цѣлый родители и слышать не хотѣли о подобномъ „соблазнительномъ“ для всей Москвы родствѣ, къ которому приведетъ ихъ женитьба Григорія.

Дѣвушка, которую онъ полюбилъ, миловидная, кроткая какъ ангель, очень еще молоденькая, не болѣе 15-ти лѣтъ, была единственной дочерью доктора-нѣмца, родомъ изъ Саксоніи, который лѣчилъ въ домѣ Зарубовскихъ и который за двадцать лѣтъ практики успѣлъ заставить все московское дворянство любить себя. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завелъ складъ аптекарскихъ товаровъ, которыми торговалъ на всю Россію, и составилъ себѣ, сравнительно, крупное состояніе. Но его полсотни тысячъ были ничто въ сравненіи съ громаднымъ со-

стояніемъ графовъ Зарубовскихъ. Вдобавокъ, изъ-за своего аптекарскаго склада онъ былъ называемъ гордой Анной Ивановной—„лавочникомъ“. И вдругъ, единственный сынъ этой женщины, которая по отцу приходилась двоюродной сестрой самой императрицы, женился на дочери нѣмца-аптекаря. А согласиться пришлось поневолѣ, ибо слабый по природѣ и изнѣженный воспитаніемъ Гриша — сталъ тосковать до того, что слегъ въ постель.

— Бывали случаи, что отъ любви неудовлетворенной люди и помирали! говорили многіе Аннѣ Ивановнѣ, ахая надъ тающимъ какъ свѣчка Гришей.

Разумѣется, послѣ свадьбы и обычныхъ пированій, когда молодая чета поселилась въ домъ родителей, жизнь юной, пятнадцати-лѣтней графини Эмилиі Яковлевны стала невеселая. Свекоръ обходился съ ней ласково, но свекровь попрекала ежедневно всѣмъ. Она была „саксонка“ — вотъ то же, что и сервизъ столовый. Она была и „перекрестъ“, т. е. крещена въ православіе предъ самой свадьбой. Она же была и „лавочница“.

Кроткая Эмилиа сносила все, но Григорій Алексѣевичъ страдалъ за жену.

Послѣ долгаго сожителства безъ дѣтей, у нихъ родился сынъ, названный Алексѣемъ въ честь дѣда. Но одновременно молодой графъ сталъ такъ хворать грудью, что ему, ради продленія жизни, было приказано медиками ѣхать жить въ теплыя края. Молодая чета приняла это рѣшеніе и эту участь съ радостью. Быть подальше отъ свекрови — было счастьемъ для юной матери. Къ тому же, если она и родилась въ Россіи, то все-таки была нѣмкой и радостно мечтала объ жизни въ Германіи. Молодая чета съ сыномъ выѣхали...

Не думали Зарубовскіе, что прощаются на вѣки. А между тѣмъ, вскорѣ, на берегахъ Рейна скончался отъ чахотки Григорій Алексѣевичъ, а молодая вдова, оставшись съ сыномъ, не могла рѣшиться на возвращеніе въ Россію, ибо ее увѣряли, что маленькій Алексѣй не вынесетъ климата русскаго. Сначала графъ и графиня настоятельно звали невѣстку-вдову обратно, но затѣмъ вскорѣ все измѣнилось...

Графиня Анна Ивановна, которой было немного болѣе сорока лѣтъ, вдругъ скончалась отъ удара. Не прошло и году послѣ смерти жены, какъ вдовецъ графъ, которому не было еще 60-ти лѣтъ, подпалъ подъ вліяніе молоденькой родственницы, которая впослѣдствіи и сдѣлалась его женой.

Плохо было Эмилиі Яковлевнѣ при жизни свекрови, а тутъ стало еще хуже. Свекоръ будто забылъ объ ея существованіи и объ своемъ внука. Даже средства на жизнь стали присылать скудные.

Тогда-то молодая графиня вдругъ сдѣлала роковой шагъ. Она вышла вторично замужъ за нѣмца-профессора, родила дочь, названную Елизаветой, и чрезъ двѣ недѣли скончалась.

Алексѣю Зарубовскому было тогда только лѣтъ восемь. Послѣ десятка слишкомъ лѣтъ мирной жизни съ умнымъ и добрымъ вотчимомъ, Алексѣй лишился и его, и остался на свѣтѣ съ родной сестрой по матери, но нѣмкой по отцу, безъ всякихъ почти средствъ къ жизни. Въ Россіи онъ былъ, очевидно, послѣ брака его матери совершенно забытъ дѣдомъ. Да и самъ онъ, хотя говорилъ правильно по-русски—чувствовалъ себя полунѣмцемъ. Такъ прошло еще года три, когда на берегъ Рейна явился присланный изъ Москвы, отъ дѣда, г. Норичъ.

ХІІ.

На другой день утромъ тотъ же дворецкій, всей Москвѣ извѣстный Макарь Ильичъ, явился къ молодому барину и доложилъ ему, что графиня Софья Осиповна проситъ его пожаловать въ ея апартаменты.

Молодой человекъ молча смотрѣлъ нѣсколько мгновений въ лицо дворецкого упорнымъ взглядомъ, какъ будто соображая, что значить это неожиданное приглашеніе. Почему не прямо старый графъ желаетъ его видѣть, а прежде его самого, явится онъ передъ лицомъ его всемогущей теперь супруги—Алексѣй зналъ, что такое молодая графиня Зарубовская. Хотя Норичъ не былъ особенно болтливъ отъ природы, тѣмъ не менѣе, во время долгаго пути, скучныхъ стоянокъ или ночевокъ, понемногу онъ выболталъ достаточно о житьѣ-бытьѣ графа Зарубовскаго.

Молодая графиня была вдова, по мужу Самойлова, а рожденная Куровская, дочь двоюродной сестры стараго графа—нынѣшняго супруга. Тотчасъ послѣ смерти первой жены Алексѣя Григорьевича, молодая женщина переѣхала въ домъ родственника и стала полной хозяйкой и въ его домѣ, и въ его сердцѣ.

На видъ суровый, отчасти брюзга, иногда какъ всѣ его современники деспотъ-самодуръ, но порывами, съ маху, Але-

ксѣй Григорьевичъ былъ въ сущности очень добродушный человѣкъ, съ мягкимъ сердцемъ, которымъ при извѣстной ловкости можно было овладѣть легче, чѣмъ всякимъ другимъ, а завладѣвъ, помыкать какъ угодно. Всю свою юность, почти, можно сказать, половину своей жизни, графъ былъ подъ вліяніемъ своего бывшаго ментора и дядьки, а потомъ жены и слѣпо, до самозабвенія, повиновался имъ всѣмъ по-очереди. Изъ рукъ первой жены онъ перешелъ по наслѣдству въ руки второй и, теперь уже болѣе десяти лѣтъ, графиня Софья Осиповна держала мужа въ полномъ повиновеніи.

Она была женщина красивая, умная и, конечно, очень хитрая. Но главная черта ея характера была скупость, почти скряжничество. Ради этой своей слабости или порока, она и съумѣла понемногу отдалить отъ стараго графа всю его родню. Разумѣется, всѣ Зарубовскіе ненавидѣли молодую графиню. Эта ненависть еще болѣе усилилась вслѣдствіе того, что вначалѣ, вскорѣ послѣ смерти жены, графъ искренно полюбилъ одну изъ племянницъ, Елизавету, и она переѣхала жить къ дядѣ. Но появилась вдова Самойлова и быстро овладѣла графомъ, потому что графиня Елизавета Зарубовская была существомъ наивнымъ и добродушнымъ и допустила вдовушку сойтись съ дядей. Вскорѣ послѣ свадьбы, молодая сунруга старика взяла верхъ, и, не желая жить съ соперницей въ домѣ, очень тонко и хитро сбыва съ рукъ и удалила любимицу-племянницу, которой была, однако, отчасти обязана своимъ замужествомъ. Оставшись одна, она стала властвовать нераздѣльно и безъ отчета надъ мужемъ и надъ всѣмъ его огромнымъ состояніемъ. Старикъ сначала обожалъ жену, а затѣмъ сталъ какъ бы даже и побаиваться ее. Со дня же рожденія сына онъ окончательно стусеивался и боготворилъ молодую жену.

Вотъ къ этой-то графинѣ и двинулся Алексѣй, по приглашенію дворецкаго, тотчасъ же, такъ какъ былъ уже съ утра одѣтъ въ свое лучшее платье и готовъ на свиданіе. Только онъ думалъ увидѣть самого графа, а надо было теперь проходить черезъ испытаніе или, быть можетъ, какой-либо допросъ у его всесильной сунруги.

Поднявшись во второй этажъ за дворецкимъ, онъ прошелъ двѣ большихъ гостиныхъ и, достигнувъ маленькой, сравнительно, горницы, остановился по приглашенію Макара Ильича.

— Извольте обождать здѣсь. Я пойду доложу ея сіятельству, сказалъ дворецкій и скрылся за большими дверями.

Молодой человекъ оглянулся. Онъ былъ въ маленькой гостиной съ золотой мебелью, покрытой желтымъ атласомъ. Вся комната была ярко-канареечнаго цвѣта; даже на потолкѣ, расписанномъ очень искусной рукой, было изображено восходящее солнце надъ позлащенной лучами его равниной, и поэтому даже потолокъ былъ тоже свѣтло-желтаго цвѣта. На коврѣ, среди цвѣтовъ и фруктовъ: лимоновъ, апельсиновъ и яблоковъ, возсѣдала какая-то богиня съ лирою, окруженная амурами. Но всѣ эти фрукты, амуры и сама богиня были тоже свѣтлооранжеваго цвѣта. Алексѣю, видѣвшему кое-какіе дворцы въ Германіи, показалась эта комната хотя богатою, но отличающеюся безвкусіемъ. Среди всей этой комнаты, какъ бы пятномъ виднѣлись въ углу пальцы чернаго дерева и такой же табуретъ; а около нихъ на столикѣ и на окнѣ лежало много мотковъ шерсти, шелка, бисера и золотой тесьмы. Очевидно, здѣсь всегда работала графиня. Эти пальцы съ шерстью и табуретомъ были единственными предметами во всѣхъ пройденныхъ имъ комнатахъ, въ которыхъ былъ отгѣнокъ жилья, слѣдъ человѣческаго пребыванія. Все остальное смотрѣло пустынно и, если не угрюмо, то все-таки холодно и неуютно.

— Подумаешь, что хозяйнѣ дома старый холостякъ, прошепталъ вполголоса молодой человекъ по-нѣмецки.

Затѣмъ, глубоко вздохнувъ, онъ проговорилъ вслухъ, какъ бы отвѣчая какому-то тайному помыслу:

— Да. Отъ нея всего ждать можно...

Звукъ растворяемой двери привелъ его въ себя. Передъ нимъ появилась женщина средняго роста, въ довольно простомъ темномъ платьѣ, съ свѣтло-лиловымъ шарфомъ, накинутымъ на плечахъ и перекрещеннымъ на груди, съ узломъ за спиною. На головѣ былъ небольшой чепчикъ съ двумя длинными концами, спускавшимися съ висковъ до шеи въ родѣ наушниковъ; на чепцѣ былъ приколотъ большой фіолетовый бантъ, самый модный во всей Европѣ и называвшійся повсюду узломъ „à la Marie Antoinette“.

Едва переступивъ порогъ, эта женщина устремила на молодого человека такой упорный, такой любопытствующій взглядъ, что онъ невольно смутился и покраснѣлъ. Она пожирала его глазами; но въ этомъ взглядѣ, кромѣ сильнаго любопытства, была маленькая доля пренебреженія. Онъ интересовалъ ее какъ бы какой курьезный звѣрокъ. Слегка кивнувъ головою, она протянула руку, но не ему, а на ближайшее кресло, и проговорила тихо и сухо:

— Прошу васъ садиться.

Сама она сѣла на диванъ довольно далеко отъ указаннаго ею кресла. Снова слегка зарумянилось лицо гостя — первый разъ въ жизни приходилось ему сидѣть и бесѣдовать съ женщиной на такомъ далекомъ разстояніи. Ему казалось, что было бы даже лучше и вѣжливѣе заставить его стоять, а не сидѣть. Онъ повиновался и, занявъ указанное ему кресло, взглядѣлся въ лицо хозяйки.

Трудно было сказать, сколько лѣтъ ей. Цвѣтъ лица ничего не говорилъ — она была сильно набѣлена и нарумянена по обычаю. Сухая улыбочка тонкихъ губъ не выражала ничего; глаза, казалось, принадлежали женщинѣ пожилой. Ей можно было дать и менѣе 30 лѣтъ, и около 40. Собою она была скорѣе красавица, чѣмъ дурна, но во взглядѣ было что-то отталкивающее, неприятное.

— Графъ вчера очень усталъ на балѣ и не очень здоровъ, заговорила она холодно, поэтому онъ поручилъ мнѣ повидаться съ вами, кое-что спросить у васъ, а завтра, по всей вѣроятности, вы повидаетесь съ нимъ. Прежде всего скажите мнѣ: довольны ли вы были въ пути Норичемъ? Былъ ли онъ достаточно предупредителенъ съ вами? Ему было приказано исполнять всѣ ваши желанія.

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но графиня вдругъ воскликнула:

— Ахъ, виновата! Я забыла... Понимаете ли вы меня? Я хочу сказать, прибавила она, замѣтивъ удивленіе на его лицѣ, достаточно ли вы понимаете по-русски? Норичъ мнѣ сказалъ, однако, что вы изрядно говорите.

— Да-съ, произнесъ, наконецъ, молодой человѣкъ. Я говорю, конечно, по-русски. Быть можетъ, нѣкоторыя слова я произношу неправильно отъ долгой жизни въ Германіи...

— Тѣмъ лучше, если вы не совсѣмъ онѣмечились.

— Я не хотѣлъ этого. Я знаю и помню, что я природный русскій дворянинъ. Я бы давно вернулся въ Россію, еслибы не приказъ дѣда жить въ Германіи.

— Вы знаете, что васъ не вызывали долго, а теперь вызвали вслѣдствіе очень важныхъ обстоятельствъ. Чрезвычайно важныхъ...

— Да-съ. Но я, какъ вамъ извѣстно, вѣроятно, ничего не знаю объ нихъ...

— Вотъ именно, графъ, мой супругъ, теперь и поручилъ

мнѣ... Именно мнѣ объяснить съ вами. Въ его преклонномъ возрастѣ всякія волненія и всякія душевныя потрясенія могутъ быть вредны для его здоровья и даже опасны, а объясненіе, которое мы должны имѣть съ вами, сугубо важно. Я предупреждаю васъ, чтобы вы собрали всѣ свои силы душевныя, чтобы устоять передъ тѣмъ горемъ... Графиня запнулась и прибавила: да, что я вамъ сообщу, для васъ будетъ очень горько, но въ этомъ ни я, ни самъ графъ не виноваты. Чтобы пояснить вамъ чрезвычайность настоящаго случая съ вами, я должна обратиться за много лѣтъ назадъ и рассказать вамъ то, что было давно, даже до вашего рожденія на свѣтъ. Вѣдомо ли вамъ, быть можетъ, вы слышали отъ вашей покойной матушки, что она вышла замужъ за молодого графа Григорія противъ воли и желанія всей семьи его.

— Да, отозвался Алексѣй, я это знаю и не разъ слыхалъ отъ матушки.

— Тѣмъ лучше... Первые два года или три года послѣ этой женитьбы Алексѣй Григорьевичъ относился ласково къ своей невѣсткѣ; но супруга его, Анна Ивановна, свекровь вашей матушки, продолжала быть съ нею суровою и неутѣшно плакалась, что ея единственный сынъ не женился на предназначенной ему невѣстѣ изъ стариннаго русскаго рода именитыхъ дворянъ. И это вы, вѣроятно, знаете?

— Да. Матушка мнѣ не разъ сказывала, что она много горя вынесла отъ бабушки Анны Ивановны.

— Ну-съ... Она была отчасти и права: я буду говорить откровенно. Вы теперь уже сами взрослый молодой человекъ, и можете понять, что нѣмка, не нашей вѣры и къ тому же дочь пришельца безъизвѣстнаго и простаго происхожденія, не была завидной партіей для молодого графа Зарубовскаго. Отецъ вашей матушки былъ ни болѣе, ни менѣе какъ медикъ, создавшій себѣ небольшія деньги аптекарскимъ магазиномъ. И вдругъ дочь нѣмца-аптекаря сдѣлалась графиней Зарубовской... Сами посудите, что такое горестное событіе...

— Все это я знаю, тысячу разъ слышалъ, сухо и раздражительно вдругъ отозвался Алексѣй, и право не понимаю, зачѣмъ упоминать о томъ, что было давно. Вѣдь все это грустное приключеніе для дѣдушки я не могу считать грустнымъ. Для меня этотъ виновный молодой человекъ, женившійся противъ согласія родителей,—мой отецъ; эта нѣмка, дочь аптекаря,—моя мать. И я ихъ, какъ моихъ родителей, судить не

могу и не желаю... Да, наконецъ, признаюсь вамъ, осуждать мнѣ ихъ не имѣетъ смысла. Не будь этого горестнаго, какъ вы выражаетесь, происшествія, меня бы на свѣтѣ не было. И Алексѣй грустно, но презрительно улыбнулся. Къ тому же и родители мои, и бабушка, и многіе виновники этого приключенія давно уже на томъ свѣтѣ. Зачѣмъ намъ тревожить ихъ память!

— Вотъ именно тревожить ихъ память мы и должны, сухо, болѣе чѣмъ съ досадой, произнесла графиня. Когда вы мнѣ дадите высказать все, то вы поймете сами, зачѣмъ я тревожу ихъ память. Имѣйте терпѣніе и слушайте до конца! А я постараюсь рассказать вамъ какъ можно короче и толковѣе... Итакъ, графиня Анна Ивановна особенно сурово относилась къ своей невѣсткѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ; дѣтей не рождалось. Она только и угѣшала себя одной мыслью изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, что будутъ у нея внучата, будетъ, наконецъ, младенецъ, который по отцу, все-таки, графъ Зарубовскій, наслѣдникъ всего огромнаго имущества и вотчинъ, и капиталовъ, а главное — наслѣдникъ знаменитаго имени. Кажется, прошло, такимъ образомъ, лѣтъ шесть, или... Не могу вамъ сказать... Послѣ совѣщанія съ разными медиками, съ разными знающими людьми, Анна Ивановна, да и родители вашъ, узнали, что ожидать дѣтей имъ нечего, что у вашей матушки дѣтей не будетъ. Тогда бабушка, женщина замѣчательно твердаго характера, какихъ въ обѣихъ столицахъ не запомнить никто подобныхъ...

— Да, объ этой бабушкѣ и о ея нравѣ я много слыхаль, выговорилъ Алексѣй съ особенной улыбкой, въ особенности много отъ родителей.

— Да... Графиня была женщина такая, что родись она мужчиной, то была бы въ великихъ должностяхъ и почестяхъ. Была бы, быть можетъ, знаменитымъ полководцемъ! серьезно выговорила графиня.

Но Алексѣй снова улыбнулся и подумалъ про себя:

„Да! Баба-Яга была... настоящая“...

— Анна Ивановна объявила тогда сыну и невѣсткѣ, что станетъ хлопотать о разводѣ ихъ и будетъ просить царицу заключить вашу матушку въ монастырь, а сыну ея дозволить жениться на другой... Знаете ли вы это?

— Знаю.

— Вскорѣ послѣ этого все успокоилось. Графиня была

счастлива и довольна, перестала хлопотать о разводѣ, потому что въ семьѣ ожидали рожденія наследника. Затѣмъ явился на свѣтъ слабенькій, больной, еле дышащій мальчикъ.

— Да, выговорилъ Алексѣй, мальчикъ, который и теперь не можетъ похвастаться здоровьемъ.

Графиня ничего не отвѣтила, и пытливо уперлась глазами въ глаза молодого человѣка; потомъ притворно вздохнула, опустила глаза и выговорила почти шепотомъ:

— Здоровье его было настолько плохо, что онъ не прожилъ и полугода.

— Какъ не прожилъ?!

— Такъ... онъ скончался на пяти мѣсяцахъ жизни.

— Развѣ у меня былъ старшій братъ?.. Я этого не зналъ...

— Нѣтъ. Старшаго брата у васъ... то есть двухъ сыновей у вашей матушки не было... Былъ у нея одинъ и умеръ.

ХІІІ.

Графиня замолчала. Наступила пауза. Алексѣй смотрѣлъ на графиню, не понявъ сначала ея словъ, но потомъ, по мѣрѣ того, что онъ мысленно повторялъ эти слова, соображалъ и начиналъ понимать, то выговорилъ отчетливо, но тихимъ голосомъ отъ поразившаго его изумленія:

— Я не понимаю, что вы хотите сказать?!. Старшихъ братьевъ у меня не было... Про какого же мальчика, умершаго черезъ полгода по рожденіи, изволите вы рассказывать?

— Мальчикъ, повторяю я вамъ, родившійся у вашего батюшки отъ вашей матушки, черезъ полгода скончался. Но это узнали мы только теперь. И вотъ въ этомъ-то, именно, все дѣло и то горе, которое обстоятельства, а не мы—должны причинить вамъ.

— Позвольте!.. Позвольте!.. воскликнулъ Алексѣй. Я понялъ! Я понялъ! Вотъ оно! Я предчувствовалъ. И онъ провелъ рукою по лбу, какъ бы боясь, что мысли его всѣ перепутаются. Позвольте, что вы говорите?.. Господь съ вами... Вѣдь это ужасно! Я понялъ! Это все такая ложь, это такая коварная выдумка, что, право, стыдно вслухъ говорить о подобныхъ выдумкахъ!

— Позвольте досказать...

— Что же досказывать? Я все понимаю... Единственный сынъ моихъ родителей, изволите вы говорить, или, то есть, изволите вы выдумывать, клевета на мертвыхъ... Этотъ ре-

бенокъ умеръ, а я, стало быть... Кто же я?.. Я, стало быть, ничто!.. Откуда я взялся?! Въ грядяхъ калусты найденъ... Подкинуть или кушень...

— Почти, что такъ... глухо выговорила графиня.

— Это злодѣйская клевета или... или скоморошество.

— Не волнуйтесь! Позвольте досказать, холодно отозвалась графиня. Ваша матушка настолько была переугана неожиданной смертью, случившейся сразу и среди ночи, что какъ бы потеряла голову и всякое присутствіе духа... И ребенка ей было жалко. Но главное она знала, что на утро, при подобномъ извѣстїи, ея свекровь тотчасъ снова примется за свои хлопоты, горячо и упрямо. А затѣмъ, черезъ какихъ-нибудь два или три мѣсяца, она достигнетъ своей цѣли, то есть, постриженія вашей матушки въ монастырь и развода. И вотъ, тутъ лукавый попуталь ея, а злые люди, дурные, но люди ловкіе—помогли ей. Ея мертвое дитя было скрыто. А на зарѣ оказалось и всѣ домочадцы узнали, что у живущаго нахлѣбникомъ въ домѣ господина Норича за ночь скончался ребенокъ. За то на половинѣ молодого графа, у молодой графини былъ въ люлькѣ ребенокъ, про котораго его бабушка сама всей Москвѣ говорила: „Какъ онъ, голубчикъ, будто въ сказкѣ, сразу пополнѣлъ и похорошѣлъ!“ При этомъ, какъ мнѣ рассказывали еще недавно очевидцы, прошло нѣсколько дней между тѣмъ днемъ, что умеръ ребенокъ господина Норича, и тѣмъ часомъ, когда молодая графиня принесла поцѣловать внука къ бабушкѣ. Его не могли будто принести долго къ бабушкѣ потому, что онъ то почиваль, то хвораль...

Поняли вы меня теперь?

Алексѣй, блѣдный какъ полотно, молчалъ. Онъ поднялъ руку снова ко лбу и рука эта задрожала.

— Какіе есть ужасные люди, звѣри, злодѣи на землѣ! произнесъ онъ глухимъ шопотомъ.

— Да; конечно, отвѣчала сухо графиня. Но ихъ винить очень не слѣдуетъ: они хотѣли услужить молодой барынѣ, которую всѣ любили, спасти ея отъ бѣды. Ей самой, конечно, не слѣдовало бы соглашаться на такой поступокъ...

И не договоривъ, графиня вздрогнула отъ того хохота, которымъ вдругъ разразился Алексѣй.

— Такъ вы полагаете, злодѣями я величаю тѣхъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, или злодѣйкой величаю покойную мать?.. Да что жъ вы изъ ума выжили!.. Злодѣи—вы, сочинившіе всю

ту клевету и ложь. Всю эту дьявольскую клевету!.. Такъ меня подмѣнили, то есть мною, сыномъ Норича, нахлѣбника въ домѣ, подмѣнили того, истиннаго младенца графа Зарубовскаго? Какъ вы можете говорить это мнѣ же въ глаза?.. Ну, вы еще, положимъ... Вамъ, очевидно, все возможно... Но неужели дѣдушка повѣрилъ подобной клеветѣ?.. И, наконецъ, гдѣ же тѣ свидѣтели, которые это видѣли?.. Кто же помогаль матушкѣ въ такомъ преступномъ дѣлѣ?

— Родители, конечно... То есть ваши родители настоящіе.

— Кто! Кто?!

— Тѣ же самые: господинъ Норичъ и его жена. Они живы... Они это сдѣлали и они же въ этомъ теперь покаялись и просили прощенія у графа.

— Такъ, понимаю! Они покаялись тогда, когда у васъ родился ребенокъ, а до тѣхъ поръ раскаяніе ихъ не брало!.. воскликнула Алексѣй.

— Конечно! Что жъ тутъ удивительнаго? Когда не было на свѣтѣ другого законнаго наслѣдника имени, то они молчали; но когда у графа родился вновь, при старости, законный наслѣдникъ, то, понятное дѣло, они не захотѣли брать на душу такого грѣха, такого ужаснаго дѣла — и покаялись.

Алексѣй началъ нервно, раздражительно смѣяться; наконецъ, не выдержавъ и произнесъ, упорно глядя въ глаза графини:

— Вотъ что называется: съ больной головы на здоровую... Такъ я подкинутый младенецъ! сынъ господина Норича?.. И моя мать, зная это, обожала меня... Всю свою жизнь мнѣ посвятила. Стало быть, выходитъ—она сама себя обманывала... А теперь родился настоящій, законный наслѣдникъ отъ дѣдушки. По крайней мѣрѣ этотъ, графиня, совсѣмъ настоящій?

— Что вы хотите сказать? вспыхнула графиня.

— Я спрашиваю: увѣрены ли вы, что вотъ этотъ-то, второй наслѣдникъ, родной братецъ моему батюшкѣ? Можетъ быть, въ этомъ домѣ часто играютъ младенцами, какъ въ бирюльки. Можетъ быть, и этотъ, какъ-нибудь, попалъ въ графскую люльку изъ люльки нахлѣбника.

— Вы разумъ теряете! глухо отозвалась графиня. Если я на васъ не гнѣваюсь, то потому именно, что понимаю ваше душевное состояніе въ эту минуту. Могло съ вами случиться даже худшее. Я думала, что съ вами обморокъ можетъ при-

ключиться отъ страшной и горестной вѣсти, которую я передала вамъ. Но вмѣсто этого вы только бѣситесь и говорите мнѣ такія грубости и дерзости, которыя въ другую минуту нельзя бы и простить. Однако, вамъ необходимо будетъ примириться, привыкнуть, смириться предъ обстоятельствами и ѣхать обратно въ Германію, не упрямясь. Иначе, вы попадете совсѣмъ въ иные предѣлы...

— Скажите мнѣ, не слушая ея, вымолвилъ Алексѣй: дѣдушка, добрый и честный человѣкъ, а повѣрилъ всему этому?

— Какъ же было, позвольте, не повѣрить, когда почтенный человѣкъ, давно, съ молодости живущій въ домѣ и пользующійся всегда милостями графа, пришелъ и покался за свою жену. Онъ не участвовалъ въ этомъ обманѣ, но самъ былъ тогда обманутъ и полагалъ, что потерялъ младенца. Затѣмъ, жена покалась ему, лукавый и его попуталъ. Онъ разсуждалъ, что не все ли равно, если другихъ наслѣдниковъ у стараго графа нѣтъ... Но когда у меня родился сынъ, то онъ, какъ человѣкъ сердечный и честный, явился ко мнѣ и покался во всемъ...

— Явился подкупленный вами холопъ-нахлѣбникъ и оклеветалъ умершихъ. Скажите же мнѣ теперь, какія послѣдствія должно имѣть все это? Вся эта выдумка, все это хитросплетеніе злодѣйское?

— Очень простое. Вы понимаете, что сынъ Норича долженъ называться Норичемъ, а не графомъ Зарубовскимъ, и что мой супругъ можетъ только по добротѣ своего сердца обезпечить существованіе такого несчастнаго молодого человѣка, ни въ чемъ неповиннаго. Но согласиться считать его роднымъ внукомъ, позволить носить званіе и имя свое, отдать ему половину своего состоянія, обдѣливъ законнаго сына... согласитесь сами, что это было бы нечестно, и даже грѣховно.

Наступило долгое молчаніе. Алексѣй сидѣлъ недвижно, какъ истуканъ. Ему казалось, что у него умъ за разумъ заходитъ. Наконецъ, возбужденіе его прошло: силы стали покидать его и онъ, почти въ изнеможеніи, глубже опустил въ креслѣ и уронилъ руки на колѣни.

— Что жъ мнѣ дѣлать? тихо произнесъ онъ.

Эти слова стономъ вырвались у него; глаза наполнились слезами.

— Боже, Господи! Что бываетъ на свѣтѣ!..

Графиня молчала и мертвая тишина водворилась въ гостиной.

— Зачѣмъ же... Зачѣмъ... прерывающимся голосомъ началъ Алексѣй. Зачѣмъ теперь!.. Зачѣмъ не убили меня!.. Зачѣмъ не подослали меня зарѣзать!.. Вѣдь это было бы не трудно—это было бы лучше... Я былъ бы теперь покойникъ, сразу, отъ ножа злодѣйскаго!.. А теперь вы хотите истерзать меня, извести меня понемножку, потихоньку... Да нѣтъ!.. Это невозможно!.. Нельзя!.. Нельзя!.. Я увижу дѣдушку, я скажу... Я увижу Норича... Я убью его!

Алексѣй поднялъ руки къ лицу и началъ что-то бормотать безсвязно, почти безъ всякаго смысла. Что было послѣ этого движенія, которое онъ помнилъ—онъ не зналъ. Когда онъ снова пришелъ въ себя, то вокругъ него хлопотали двѣ горничныя и лакей.

Алексѣй оглянулся сознательно на всѣхъ, на себя и сообразилъ, что съ нимъ была легкая дурнота. Онъ сталъ вспоминать—и вспомнилъ все. Сердце больно сжалось и онъ сталъ искать ненавистную ему теперь фигуру графини, чтобы сказать ей снова, тотчасъ же, это слово, которое звучало въ немъ, во всемъ его существѣ:

— Неправда!.. Неправда!

Онъ прошепталъ это слово нѣсколько разъ, но напрасно искалъ глазами графиню. Ея въ гостиной не было.

— Повести васъ, или вы сами дойдете? говорилъ кто-то.

— Да, да... Нѣтъ... Я самъ, произнесъ Алексѣй, поднялся на ноги, отстранился отъ помощниковъ и самъ двинулся чрезъ амфиладу горницъ. Однако, черезъ часъ, въ своей горницѣ, онъ снова легъ въ постель. Онъ чувствовалъ, что въ головѣ его все путается и что онъ бредитъ на яву.

Вечеромъ онъ позвалъ лакея и приказалъ, чтобы немедленно пригласили къ нему по дѣлу его спутника Норича.

Вернувшійся лакей доложилъ ему, что г. Норичъ не можетъ явиться, такъ какъ это ему строго запрещено графомъ.

— Я убью его! вскрикнулъ Алексѣй громовымъ голосомъ и въ порывѣ гнѣва вскочилъ съ постели.

Лакей испуганно выбѣжалъ изъ горницы.

XIV.

Алексѣй не спалъ всю ночь, дремалъ и бредилъ, приходилъ въ себя и не зналъ, была ли то дремота или обморокъ. Отчаяннѣе было въ душѣ. Если всемогущая въ домѣ, всемогущая надъ

графомъ женщина такъ рѣзко объяснилась съ нимъ, взводя клевету на его мать, то чего же было ждать отъ слѣпо подчиненнаго ей старика-дѣда. Очевидно, все это было дѣломъ рукъ корыстолюбивой графини, давно обдуманной, злодѣйскій планъ.

Успокоившись къ утру, Алексѣй немного заснулъ. Конечно, онъ проснулся поздно и одѣвшись сталъ ждать приглашенія къ дѣду. Онъ перебиралъ мысленно всю свою вчерашнюю бесѣду съ графиней. Сотни разъ спрашивалъ онъ себя, не виновенъ ли онъ по отношенію къ ней въ какой-либо чрезвычайной грубости, и долженъ былъ сознаться, что онъ велъ себя, какъ подобало ему, и только разъ не могъ подавить въ себѣ вспыхнушаго гнѣва и, въ отместку за клевету на его мать, отвѣчалъ ей грубой выходкой на счетъ рожденія ея собственнаго сына.

Въ сумерки одинъ изъ приставленныхъ лакеевъ явился спросить, когда велить баринъ подавать кушать.

Тутъ только вспомнилъ молодой человѣкъ, что онъ съ утра ничего не ѣлъ и что, очевидно, его не позовутъ къ столу наверхъ, а принесутъ подачку съ барскаго стола. Не смотря на то, что графиня около полудня прислала къ нему сказать, что графъ нездоровъ и принять его не можетъ въ этотъ день, молодой человѣкъ видѣлъ, какъ около трехъ часовъ пріѣхало нѣсколько каретъ и гости долго оставались въ домѣ, очевидно, приглашенные къ столу. Прохаживаясь въ своихъ горницахъ изъ угла въ уголь, онъ нѣсколько разъ вымолвилъ по-нѣмецки:

— Какая пытка! Эта неизвѣстность хуже всякой пытки. Но я не уступлю вамъ, графиня! Да, какое бы ужасное рѣшеніе не послѣдовало,—лучше поскорѣе! И тогда къ сестрѣ, домой, на берега Рейна! Нѣтъ, я уѣду, но не смирюсь, какъ вы говорите...

И тутъ только вдругъ вспомнилъ онъ фразу графини, въ которой слышалась угроза, что, въ случаѣ упрямства, онъ вовсе не поѣдетъ обратно въ Германію.

— Что же они хотятъ? Убить меня или сослать въ Азію? Или заключить въ крѣпость? И онъ злобно усмѣхнулся. Алексѣю казалось, что нѣтъ той ссылки, той крѣпости, изъ которой бы онъ не сумѣлъ уйти. Если велятъ зарѣзать, подожгутъ убійцу изъ-за угла,—то другое дѣло.

Среди этихъ волненій и думъ, вплоть до вечера, молодой человѣкъ вдругъ увидѣлъ передъ собою фигуру того же Макара Ильича.

— Пожалуйте къ графу! вымолвилъ дворецкій.
Молодой человѣкъ отъ неожиданности почти не понялъ приглашенія.

— Что? Какъ? выговорилъ онъ.

— Пожалуйте къ графу. Графъ васъ просить къ себѣ.

Буря забушевала въ груди Алексѣя. Онъ такъ приготовился повидаться со старикомъ только на утро, что теперь чувствовалъ, что силы, энергія и готовность на всякое дурное и на всякую бѣду—сразу покинули его. Въмѣсто того, чтобы слѣдовать за дворецкимъ, онъ невольно опустился на близъ стоящее кресло. Макарь Ильичъ замѣтилъ движеніе и, вѣроятно, понялъ его, потому что довольно ласково и какъ бы съ сочувствіемъ выговорилъ:

— Я васъ тутъ, въ корридорѣ, подожду.

И задумчивый старикъ вышелъ изъ горницы.

„Чудное дѣло! думалъ онъ, что эта за притча! Или только грѣхъ одинъ берутъ люди на себя. Вѣдь онъ чудно похожъ съ лица на нашего стараго графа. Дѣло это темное и, пожалуй, страшнѣющее дѣло.

Черезъ нѣсколько мгновеній, Алексѣй вслѣдъ за дворецкимъ снова поднимался по большой парадной лѣстницѣ и затѣмъ повернулъ въ противоположную сторону дома, къ тому выступу большого зданія, который выходилъ въ переулокъ. На этотъ разъ дворецкій не пошелъ докладывать, а прямо растворивъ двери, остановился и пропустилъ мимо себя взволнованнаго молодого человѣка.

Онъ очутился въ очень маленькой горницѣ, съ очень простой мебелировкой, настолько простою, что она поразила его по несоотвѣтствію своему съ остальнымъ убранствомъ всего дома. Простой письменный столъ изъ карельской березы стоялъ у окна и такое же кресло, а затѣмъ нѣсколько простыхъ стульевъ были разставлены кругомъ по стѣнамъ. Между ними былъ только одинъ мягкій сафьянный диванъ и одно огромныхъ размѣровъ сафьянное кресло съ чудовищно большой спинкою. На стѣнахъ не было почти ничего — только одинъ большой портретъ во весь ростъ молодого офицера, въ яркомъ мундирѣ, но безъ орденовъ. Отъ одного мгновеннаго взгляда на этотъ портретъ, сердце Алексѣя дрогнуло. Въ углу горницы, на большомъ креслѣ изъ краснаго дерева, обитомъ краснымъ сафьяномъ, сидѣлъ старикъ. Это былъ тотъ человѣкъ, отъ котораго все теперь зависѣло. Этотъ старикъ, вы-

писавшій его изъ Германіи, — сильный вельможа въ имперіи и при дворѣ. Съ нимъ бороться трудно.

Напрасно старался Алексѣй разглядѣть черты лица дѣда — у него рябило въ глазахъ и красныя пятна то и дѣло застилали все передъ глазами, какъ бы скользя по горницѣ. Сердце стучало молотомъ. Онъ замѣтилъ только темный бархатный халатъ, такую же шапочку на головѣ слегка сгорбленнаго, худощаваго старика. Онъ сидѣлъ, прислонясь къ высокой спинкѣ кресла. По бокамъ его, въ ручкахъ кресла, былъ съ одной стороны придѣланъ кругленькій столикъ, а съ другой нѣчто въ родѣ попитра, на которомъ лежала развернутая книга, а около нея, въ двухъ бронзовыхъ рожкахъ, горѣли цвѣтныя восковыя свѣчи.

Графъ заговорилъ что-то, но молодой человекъ, лишившійся почти зрѣнія, лишился и слуха. Онъ не видалъ, не слышалъ, не понималъ почти ничего. Онъ видѣлъ только движеніе руки дѣда, въ которой былъ рѣзной ножикъ и карандашъ, но не понималъ, что надо взять стулъ и сѣсть. Онъ ждалъ, что старикъ встанетъ или подзоветъ его къ себѣ, и смущался; наконецъ, понемногу придя въ себя, подумалъ:

„Даже не поздоровался, не поцѣловалъ. Все кончено. Рѣшено ими безповоротно.“

— Очень радъ... Грустное происхожденіе дѣла. Да... Но все-таки радъ видѣть...

Вотъ что разслышалъ, наконецъ, Алексѣй.

— Что же вы... Не хотите... Почему же... Такъ неудобно бесѣдовать... продолжалъ графъ пріятливо.

— Что прикажете, выговорилъ, наконецъ, Алексѣй.

— Садитесь, говорю я... Вотъ тутъ... Подвиньтесь. Я сталь тугъ маленько на ухо.

Алексѣй повиновался, взялъ стулъ и сѣлъ. Онъ снова думалъ:

„Хороша встрѣча внука съ дѣдомъ послѣ многихъ лѣтъ разлуки!..“

— Поближе... Сюда... Вотъ хорошо. Ну, теперь. Теперь давайте бесѣдовать. Прежде всего, не называйте меня дѣдомъ. А просто такъ... Ну, графомъ...

Старикъ вздохнулъ, искоса взглянулъ на Алексѣя и, встрѣтивъ его грустный взглядъ, какъ-то робко и стыдливо отвелъ глаза на попитръ съ книгой. Алексѣю вдругъ показалось, что старикъ еще болѣе смущенъ, чѣмъ онъ самъ. Въ голосѣ

и движеніяхъ графа сказывалось какое-то смущеніе и нерѣ-
сительность, доходящая до робости.

— Ну-съ... Вы вчера видѣлись съ Софьей Осиповной?

— Точно такъ-съ.

— И бесѣдовали подробно объ этомъ горестномъ происхожденіи дѣла. Она вамъ все сказала по сущей правдѣ, не щадя вашихъ чувствъ. Что жъ дѣлать?! Божья воля... Мы не вольны... Такъ Богъ судилъ. Обманщики сами повинились нынѣ и рассказали всю правду... Горькую и для васъ, да и для меня...

— Почему же, графъ, вы вѣрите имъ на слово? А если это клевета? Обманъ? Почему вы не хотите считать все это коварствомъ и злодѣйскимъ умысломъ?

— Какая же нужда имъ, мой голубчикъ, вымолвить старикъ, обманывать насъ и на себя теперь преступный поклепъ вводить. Зачѣмъ имъ лгать или клеветать?

— Затѣмъ, что это выгодно для...

Алексѣй запнулся и не зналъ, какъ высказать свою мысль, свое подозрѣніе.

— Устранивъ меня отъ правъ, мнѣ по рожденію принадлежащихъ, они служатъ Софьѣ Осиповнѣ и ея младенцу-сыну.

— Да, за моего сына они болѣли, сказываютъ. Конечно! воскликнулъ графъ. Болѣли всей душой, что онъ имѣетъ якобы сонаслѣдника въ своихъ родовыхъ потомственныхъ правахъ, а этотъ соперникъ на дѣлѣ... незаконный!

— Все это сказки... Все это злодѣйская клевета на мою покойную матушку! горько воскликнулъ Алексѣй.

— Я вѣрю, мой другъ, что вамъ тяжело и трудно примириться съ такой жестокой и незаслуженной судьбой... Лучше было бы вамъ съ младенчества оставаться въ своемъ состояніи, нежели теперь быть... Быть якобы разжалованнымъ... И безъ вины. А по винѣ матушки вашей.

— Грѣхъ! Грѣхъ это! Накажетъ васъ Богъ, дѣдушка, за оклеветаніе покойныхъ, которые не могутъ за себя свидѣтельствовать. Но они могутъ теперь предстательствовать, если жили праведно, предъ престоломъ Всевышняго... И праведный Господь накажетъ всѣхъ, накажетъ и Софью Осиповну, и...

Алексѣй отъ волненія не договорилъ... Графъ молчалъ и тяжело дышалъ... Наступила пауза.

— Смотрите... Вглядитесь въ этотъ портретъ моего батюшки, воскликнулъ снова Алексѣй. Поглядите и на меня... Эта жи-

вопись и мое лицо — ихъ по истинѣ изумительное сходство развѣ ничего не сказываютъ? Развѣ нужно большее свидѣтельство... Вы не видите или не хотите видѣть, что измышленный, самодѣльный сынишка якобы господина Норича—живой портретъ этого портрета вашего сына.

Графъ ничего не отвѣчалъ и снова наступило молчаніе... Рука его безсознательно двинулась къ развернутой книгѣ и Алексѣй замѣтилъ, что сухая желтоватая рука старика дрожить... Онъ перевелъ взглядъ на лицо графа и увидѣлъ, что глаза старика влажны, лицо подергивается...

— Дѣдушка! вдругъ стономъ выпалось у молодого чело-вѣка, и онъ упалъ на колѣни предъ кресломъ старика, горячо обхватилъ его и зарыдалъ.

— Дѣдушка. Не губите меня... Не грѣшите! Если корысть людская произвела все это злодѣйское ухищреніе, то мнѣ ничего не надо... Я не возьму ни алтына отъ всѣхъ богатствъ графовъ Зарубовскихъ, но не позорьте память моей покойной матушки, не лишайте меня моего званія и имени...

Графъ молчалъ и утиралъ набѣгавшія слезы.

— Дѣдушка... Скажите... Вѣдь вы не лишите меня моего законнаго званія?.. Вѣдь не возьмете страшнаго грѣха на душу?..

Алексѣй ждалъ долго и послѣ паузы графъ, наконецъ, вымолвилъ надтреснутымъ голосомъ:

— Алеша! Я не... Я ничего тутъ не могу...

XV.

Въ Римѣ стояла теплынь. Ноябрь походилъ на апрѣль.

Отдохнувъ отъ пути, вновь прибывшій иностранецъ, т. е. графъ Александръ Калиостро, занялся прискиваніемъ себѣ приличнаго своему положенію помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ въ городѣ къ инымъ изъ самыхъ видныхъ лицъ: къ двумъ кардиналамъ и къ нѣсколькимъ мѣстнымъ аристократамъ. Всюду онъ предъявлялъ рекомендательныя письма, данныя ему другомъ, великимъ командоромъ мальтійскаго ордена.

Пинто въ этихъ письмахъ аттестовалъ графа Александра Калиостро, какъ своего друга, какъ будущаго кавалера мальтійскаго ордена, а по своимъ дарованіямъ, пожалуй, и будущаго командора.

Понятно, что онъ, по пріѣздѣ, былъ принятъ любезно разными принцами, маркизами и кардиналами.

Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ новыхъ знакомыхъ, маркизъ Альято, сильно разстроившій свое состояніе и нуждавшійся въ деньгахъ, предложилъ изъ любезности, ради поправленія своихъ дѣлъ, новому знакомому графу весь верхній этажъ своего дворца внаймы. Каліостро съ благодарностью согласился и вскорѣ расположился въ великолѣпномъ помѣщеніи, гдѣ могъ принимать безъ труда всю римскую аристократію.

Время шло. А въ постоянныхъ сношеніяхъ съ римскимъ обществомъ, Каліостро, казалось, уже забылъ о своемъ намѣреніи ѣхать во Францію, но, въ сущности, у него явилось другое намѣреніе — была намѣчена новая цѣль. Удача, которая бывала всегда во всемъ, что онъ ни предпринималъ, не измѣнила ему и здѣсь. Вскорѣ онъ привелъ въ восторгъ все общество какъ своими разказами о своихъ путешествіяхъ по Греціи, Архипелагу, Малой Азіи, Египту и Аравіи, — такъ и своими познаніями.

Если, когда-то, пятнадцатилѣтній отрокъ приводилъ въ восторгъ знакомыхъ и друзей, ведя безобразную жизнь въ Палермо, то теперь, 30-ти-лѣтній, красивый и эlegantный мужчина, еще легче плѣнялъ всякаго.

И дѣйствительно, теперешній графъ Каліостро былъ далеко не похожъ на прежняго Бальзамо, который, когда-то, послѣдовалъ въ далекіе края за Альтотасомъ.

Десять лѣтъ странствованія не прошло даромъ, а все то сокровище науки, въ которое посвятилъ его нынѣ исчезнувшій какъ облако Альтотасъ, дѣлало изъ графа Каліостро такую же странную, таинственную и загадочную личность, какой былъ когда-то для него самого — его учитель.

Первое время графъ Каліостро былъ только любезный собесѣдникъ, краснорѣчивый и интересный, но вскорѣ знакомые его стали замѣчать, что, помимо блестящаго ума и свѣтскихъ манеръ, въ этомъ человѣкѣ есть что-то въ высшей степени любопытное.

Искусный графъ не сразу въ этой игрѣ открывалъ свои карты, а понемногу. Чѣмъ болѣе сближался онъ съ римскимъ обществомъ, тѣмъ загадочнѣе становился для всѣхъ.

Дѣйствительно ли было теперь въ этомъ человѣкѣ нѣчто особенное, или онъ притворялся, игралъ комедію? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Каліостро дѣйствовалъ искусно, съ расчетомъ, съ умысломъ, но нѣтъ также никакого сомнѣ-

ня, что исчезнувший Альтотасъ завѣщалъ ему нѣчто, что было именно той сокровенной силой природы, которую загадочный Альтотасъ, по его словамъ, отвоевалъ у природы. Вскорѣ нѣсколько случаевъ надѣлали много шума въ Римѣ.

Одинъ, еще не старый, кардиналъ умиралъ отъ какой-то непонятной болѣзни. Всѣ медики Рима приговорили его къ смерти, отказались лѣчить, для избѣжанія нареканій. Ближайшіе родственники были въ отчаяніи, сулили золотыя горы тому, кто спасетъ больного; разсылали гонцовъ во всѣ большіе города Италіи, разыскивать искуснаго медика.

Явился любезный, элегантный, великосвѣтскій франтъ, аристократъ, графъ Каліостро и предложилъ осмотрѣть умирающаго и помочь ему.

Предложеніе было принято съ недоувѣріемъ, но утопающій хватается за соломинку, и родня допустила аристократа-чужеземца къ осмотру больного.

Нѣсколько часовъ провелъ Каліостро около постели кардинала и давалъ ему пить зелья своего собственнаго состава.

На другой день умирающій былъ только больнымъ, а на третій день онъ чувствовалъ себя хорошо и, наконецъ, черезъ три дня поднялся съ постели.

Этотъ случай Римъ назвалъ не излѣченіемъ, а исцѣленіемъ. Объ случаѣ было доложено самому святому отцу.

Медики гурьбой бросились къ Каліостро какъ къ учителю, но онъ отказался входить съ ними въ какія-либо сношенія, говоря, что онъ презираетъ медицину. Другой случай, совершенно иного рода, вскорѣ тоже не мало надѣлалъ шуму въ городѣ.

Среди улицы, въ самомъ шумномъ кварталѣ города, былъ найденъ ребенокъ пяти лѣтъ, мальчикъ, потерянный или брошенный родителями. Его принялъ въ домъ одинъ епископъ, а пока полиціи было строго приказано розыскать въ городѣ родителей ребенка. Это было тѣмъ мудренѣе, что мальчикъ не зналъ своей фамиліи, не зналъ квартала, гдѣ жили родные, и не могъ дать никакихъ свѣдѣній объ образѣ жизни отца или матери. Онъ говорилъ только подробно, что у нихъ часто ссорятся и дерутся.

Прошло нѣсколько дней. Такъ какъ многія высокопоставленныя лица интересовались судьбою этого ребенка, то полиція изъ силъ выбивалась выполнить приказаніе, но всѣ поиски были тщетны.

Калиостро, до котораго дошелъ слухъ объ мальчуганѣ, улыбаясь, предложилъ своимъ знакомымъ узнать немедленно, самымъ простымъ способомъ, кто родные ребенка и гдѣ они живутъ.

Въ назначенный вечеръ во дворцѣ Альято, въ апартаментѣхъ графа Калиостро, собралось самое блестящее общество Рима, около сотни лицъ. И здѣсь же, въ большую гостиную былъ приведенъ хорошенькій мальчикъ, которому на видъ казалось менѣе пяти лѣтъ.

Все общество, собравшееся здѣсь, не знало, что именно здѣсь произойдетъ, но знало или чуяло, что будетъ нѣчто изумительное, основываясь на загадочной улыбкѣ хозяина. Репутація Калиостро въ Римѣ была ужъ такова, что отъ него ожидали увидѣть восьмое чудо свѣта.

Хозяинъ, усадивъ всѣхъ, предложилъ нѣсколько минутъ просидѣть въ полномъ молчаніи. Затѣмъ онъ положилъ руку на голову мальчугана, который сидѣлъ у него на колѣняхъ. Затѣмъ былъ принесенъ большой графинъ съ водой. Калиостро поставилъ его на столъ передъ мальчикомъ и кротко сказалъ ему, глядя въ графинъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ и блестящій какъ ледъ на солнцѣ.

— Помнишь ли ты, мой дружокъ, улицу, въ которой ты живешь? Можешь ли ты ее себѣ представить, со всѣми ея домами, дворами или церковью, или чѣмъ-нибудь, что есть на ней? Помнишь ты ее?

— Помню.

— Посмотри въ графинъ, не нарисовано ли тамъ то же самое?

Мальчикъ не сразу понялъ, но послѣ повторенія того же нагнулся къ графину и долго глядѣлъ въ него.

— Видишь ли ты въ графинѣ какъ бы картинку, на которой нарисована твоя улица?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Видишь ли ты домъ, въ которомъ ты живешь?

— Нѣтъ.

— Посмотри хорошенько. Не видишь ли ты въ этомъ домѣ мать, тетокъ, двухъ сестеръ своихъ?

— Нѣтъ, попрежнему отвѣчалъ ребенокъ однозвучно.

— Отца видѣть ты не можешь, потому что онъ умеръ, но мать... неужели, ты не видишь? Посмотри, она сидитъ у окошка и что-то дѣлаетъ, какъ будто шьетъ, что ли... Видишь?..

— Нѣтъ не вижу, также наивно пролепеталъ ребенокъ и, уже осмѣлѣвъ въ этомъ блестящемъ обществѣ, разсмѣялся.

Между тѣмъ общество сидѣло кругомъ въ полномъ молчаніи, не понимая, что творится, и во всѣ головы уже закралось маленькое сомнѣніе и насмѣшка. Для толпы — отъ восторга, благоговѣнія до клеймящаго презрѣнія — одинъ шагъ.

— Ну, довольно! Спасибо тебѣ, дружокъ... сказалъ Калиостро. Теперь дай я погляжу въ графинь... Авось, я буду счастливѣе тебя.

Калиостро близко подвинулся своимъ красивымъ лицомъ къ графину, и зорко устремилъ свои ясные, большіе и умные глаза въ блестящую воду, гдѣ отражались поставленные кругомъ свѣчи.

Долго, казалось, напрягая всѣ свои силы, смотрѣлъ онъ въ воду, наконецъ, при длившемся молчаніи общества, произнесъ мѣрно:

— Да. Совершенно ясно видно... Вотъ домъ со шпиромъ; вотъ церковь, гдѣ край стѣны чуть-чуть обрушился, а вотъ небольшой домикъ съ рѣшетчатымъ окномъ... Я плохо знаю городъ, но мнѣ кажется, что это улица квартала, ближайшаго къ крѣпости Святого Ангела. А вотъ надпись на углу: эта улица называется Санъ-Джіовани. Вѣроятно по церкви, которую я вижу... Но это все равно. На улицѣ много прохожихъ — я дожусь кого-нибудь, кто войдетъ въ домъ... Вотъ. Вотъ ужъ входитъ пожилой человѣкъ... Ему отворили... Какая бѣдная обстановка дома!.. Вотъ, направо дверь, которую онъ отворяетъ... Женщина встала къ нему навстрѣчу... А, наконецъ-то!.. Онъ назвалъ ее по имени... Онъ сказалъ: „здравствуйте, синьора Анжелина!“ Началась между ними пустая бесѣда. Онъ повторяетъ опять: Анжелина“.

Ребенокъ, сидѣвшій на колѣняхъ Калиостро, двинулся и заплакалъ.

Графъ, не обращая на него вниманія, все смотрѣлъ еще въ графинъ нѣсколько мгновений, потомъ вздохнулъ, выпрямился и, окинувъ быстрымъ, почти орлинымъ, взглядомъ все глубоко молчавшее, притаившееся отъ оцѣпенѣнія, общество, произнесъ своимъ простымъ голосомъ:

— Больше я ничего узнать не могу... Но, мнѣ кажется, этого вполне достаточно: улица Санъ-Джіовани, маленькій домикъ съ рѣшетчатымъ окномъ и хозяйка — Анжелина. Этого довольно.

— Анжелина! Такъ зовуть маму, вымолвилъ ребенокъ и началъ снова плакать.

При полномъ изумленіи, которое постепенно переходило въ шепотъ, наконецъ, перешло въ гульливый рокоть похвалъ, аховъ и возгласовъ изумленія, хозяинъ позвалъ своего майордома и приказалъ тотчасъ же послать верхового за свѣдѣніями.

— Выбрать самаго умнаго изъ моихъ курьеровъ и сказать ему, чтобы онъ въ маленькомъ домикѣ, около церкви Сантъ-Джіовани, спросилъ женщину, которую зовуть Анжелиной, и сказалъ ей, что ребенокъ, ею потерянный, или, хуже того, брошенный, находится теперь здѣсь, у меня. Чтобы она тотчасъ, во избѣжаніе кары закона, пріѣзжала сама сюда за нимъ.

Отъ отъѣзда верхового до его возвращенія прошло около часа и за это время въ апартаментахъ Калиостро не прекращался ни на минуту гуль голосовъ пораженныхъ до-нельзя гостей.

Одинъ старый аристократъ, маркизь, богобоязненный, проводившій время въ постѣ и молитвѣ и собиравшійся поступить въ капуцины, не выдержалъ и уѣхалъ. Онъ боялся остаться въ домѣ, въ тѣхъ горницахъ, гдѣ, очевидно, дѣйствуетъ и царитъ дьявольская сила.

Наконецъ, появился майордомъ и доложилъ, что женщина, Анжелина Чіампи, пришла. При смолкнувшемъ обществѣ, среди роскошной обстановки гостиной, появилась бѣдно одѣтая женщина, но еще молодая. Мальчикъ вскрикнулъ, бросился къ матери и стиснулъ ея шею въ своихъ рученкахъ. Женщина зарыдала, но, остановившись передъ хозяиномъ дома, котораго указалъ ей дворецкій, она опустилась на колѣни.

— Простите!.. Пощадите! Пощадите мать, вдову, которой нечѣмъ кормить троихъ дѣтей!.. Да, я бросила его... Я надѣялась, что найдутся добрые люди, которые пріютятъ его, возьмутъ на воспитаніе, у которыхъ онъ будетъ счастливѣе, чѣмъ у меня.

Разумѣется, все общество, крайне заинтересованное всѣмъ этимъ случаемъ, стало развѣзжаться, общаясь сдѣлать все возможное для облегченія участи матери и ребенка.

На другой же день весь Римъ говорилъ о колдунѣ, магѣ и кудесникѣ. Молва объ этомъ волшебствѣ такъ быстро разнеслась по городу, надѣлала столько шуму, что къ графу Калиостро стала появляться масса народу. Всякій шелъ со своей просьбой...

Но не прошло еще и трехъ недѣль, какъ дворець Альята опустѣлъ.

Графъ Калиостро уже не помѣщался въ немъ. Онъ съѣхалъ, но, однако, его не видали и не встрѣчали ни на одной дорогѣ, ведущей изъ Рима. Пріѣзжіе изъ Флоренціи, изъ Неаполя, а равно и изъ Чивита-Веккіи и Болоньи — не видали его... Графъ исчезъ. Общество не на шутку перепугалось. Неужели это былъ самъ дьяволъ въ образѣ человѣка, вдобавокъ элегантнаго аристократа?.. Неужели они были въ такомъ близкомъ соприкосновеніи съ врагомъ человѣческимъ?.. Какимъ постомъ, какою молитвой можно теперь очистить себя и спасти свою душу отъ будущаго возмездія на томъ свѣтѣ..?

Аристократы не знали, что тотъ же графъ Калиостро, подъ именемъ Джіованни Біанко, переѣхалъ въ совершенно иной, глухой кварталъ, поселился въ маленькомъ домишкѣ, въ трехъ горницахъ; одѣвался какъ простой мѣщанинъ и, проводя день въ занятіяхъ, чтеніи книгъ, выходилъ пѣшкомъ только въ сумерки, да и то избѣгалъ всѣхъ людныхъ улицъ. Когда же приходилось ему встрѣчать элегантный экипажъ мѣстной аристократіи, то этотъ прохожій старался больше перекинуть свой плащъ черезъ плечо и глубже уткнуться лицомъ въ его складки. Но этихъ большихъ, странныхъ синихъ глазъ, блестящихъ между низко надвинутой шляпой и перекинутымъ плащомъ, было, казалось, всякому знакомому достаточно, чтобы признать того самаго человѣка, о которомъ молва все еще гремѣла во всѣхъ концахъ вѣчнаго города.

XVI.

Исчезнуть вдругъ изъ общества, гдѣ вращался и восхищалъ всѣхъ Калиостро, и поселиться въ глухомъ кварталѣ Рима — являлось загадкой. Переодѣться въ скромное платье и выходить только въ сумерки и по вечерамъ изъ дому, вмѣсто того, чтобы преспокойно продолжать свое путешевствіе въ Швейцарію и Францію, казалось, не имѣло никакого смысла. Причины были, однако, крайне серьезныя. Колдунъ или кудесникъ, повелѣвавшій таинственными силами природы, былъ самъ подверженъ слабостямъ людскимъ...

Раза два, или три, въ своихъ скитаніяхъ по востоку, Калиостро, въ свой чередъ, какъ и всякій простой смертный, заплатилъ дань богу любви. Но всякій разъ легко освобождался

отъ этихъ узъ и отъ своего чувства, не найдя въ женщинѣ, которая ему нравилась, того, чего онъ искалъ.

Онъ искалъ, однако, совершенно не того, чего другіе смертные: онъ не искалъ красоты, ума, талантовъ, не искалъ даже простой симпатіи въ наклонностяхъ, въ характерѣ, или одинаковыхъ взглядовъ на жизнь и міръ Божій. Въ женщинѣ, которая должна была побѣдить вполне его сердце, онъ искалъ разрѣшенія таинственной загадки, унаслѣдованной, тоже загаданной ему тѣмъ же Альтотасомъ.

Уже давно, еще въ странствованіяхъ своихъ по Египту, Каліостро, углубленный всѣми силами разума и души въ изученіе химіи, ботаники, астрономіи, вдругъ сдѣлалъ открытіе. Это было его собственное завоеваніе изъ того міра, съ которымъ они воевали вмѣстѣ съ Альтотасомъ, изъ міра таинственныхъ и сокровенныхъ силъ природы, чудодѣйственно проявляющихся среди людей.

— Я не обманываю себя! воскликнулъ тогда изумленный и радостный наперсникъ Альтотаса. Я не обманываюсь. Я это чувствую въ себѣ!

Открытіе, сдѣланное молодымъ ученикомъ, восхитило учителя. Оба они нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ промучились надъ этимъ открытіемъ, но понять его, конечно, не могли, даже назвать не могли. Фактъ былъ на лицо. Альтотасъ, а равно и ученикъ, оба знали, что это не есть вмѣшательство дьявола въ ихъ существованіе, такъ какъ оба они не вѣрили въ него. Имъ пришлось рѣшить вопросомъ положеніемъ, что существуетъ на свѣтѣ нѣкая сила, о которой смутно говорится во многихъ фоліантахъ, имѣющихся подъ рукой; что сила эта находится вокругъ нихъ, происходитъ она изъ нѣдръ земли и встрѣчается иногда въ людяхъ, живущихъ на этой землѣ. Сила эта, которую Альтотасъ назвалъ „нѣдровою“, какъ идущую изъ нѣдръ земли, невидимо присутствуетъ или присуща его ученику—Каліостро.

Много опытовъ произвели и ученикъ и учитель, и не только вполне убѣдились въ существованіи факта, а видѣли и чувствовали, что они не обманываютъ другъ друга, и что стоятъ лицомъ къ лицу съ невѣдомой, непонятной, но могучей силой.

Каліостро чувствовалъ въ себѣ эту силу и, конечно, старался развивать ее въ себѣ такъ же просто, какъ развиваютъ физическую силу. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опытовъ надъ собою и надъ разными личностями, Каліостро убѣдился, что

люди раздѣляются на три категоріи, по отношенію къ этой „нѣдровой силѣ“, которую онъ чувствовалъ въ себѣ. Одни, слегка, съ трудомъ уступаютъ этой силѣ; другіе находятся какъ бы вполне заколдованы въ кругу, на который дѣйствуетъ эта сила; третьи, наконецъ, слѣпо и рабски должны повиноваться ей.

Постепенно Калиостро пришелъ къ убѣжденію, что если бы онъ встрѣтилъ на свѣтѣ существо, которое бы могло слѣпо покориться этой нѣдровой силѣ, то онъ могъ бы дѣлать почти чудеса.

Онъ рѣшилъ, что эту личность надо искать, что личность эта должна быть непременно молодая дѣвушка. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что если бы таковая встрѣтилась ему, то онъ, не колеблясь, соединитъ свою судьбу съ нею. Встрѣча эта и приключилась неожиданно теперь въ Римѣ.

Въ числѣ лицъ, обратившихся, не за долго передъ тѣмъ, за его помощью, была старуха, умолявшая Калиостро явиться и спасти ея сына отъ какой-то болѣзни, не облегчаемой докторами. Калиостро, тронутый отчаяніемъ женщины, отправился къ ней въ домъ, осмотрѣлъ больного и вылѣчилъ легко и скоро, такъ какъ болѣзнь была несложная. На этомъ бы дѣло и кончилось. Но проходя, однажды, мимо сосѣдняго дома, Калиостро на этотъ разъ не навѣстилъ больного, а довольно дерзко вошелъ въ этотъ домъ. Его, какъ всякаго простого смертнаго, поразила своей красотой сидѣвшая и что-то вышивавшая у окна молодая дѣвушка. Голова ея была обвязана бѣлымъ платкомъ, очевидно, намоченнымъ въ чемъ-то.

Калиостро остановился и всталъ противъ окна, устремивъ на нее свой свѣтлый, пронизательный взглядъ.

Дѣвушка подняла голову отъ работы, взглянула на него, встрепенулась, вспыхнула, но не двигалась.

Незнакомецъ, который стоялъ за окномъ, отвореннымъ настежь, не смотря на свѣжую погоду, не спускалъ съ нея глазъ ни на секунду. Она испугалась незнакомаго лица, хотѣла двинуться съ мѣста, но не могла. Ей хотѣлось тотчасъ же подняться и уйти отъ окошка, но она чувствовала, что прикована къ мѣсту и ни какихъ усилій не хватитъ, чтобы побѣдить нѣчто, сразу овладѣвшее ею.

— Вы нездоровы? У васъ, вѣроятно, болятъ зубы или голова? произнесъ, наконецъ, Калиостро черезъ окно.

Она молчала, волновалась, какъ будто хотѣла отвѣчать, но не могла.

— Что у васъ?.. Чѣмъ вы нездоровы?.. Отвѣчайте! произнесъ повелительно Калиостро.

— Это пустое... пролепетала молодая дѣвушка. Это у меня часто бываетъ... Боль въ щекѣ и въ вискѣ, которая проходить сама собой!..

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, въ качествѣ медика, произнесъ Калиостро и тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, завернул въ проходную дверь и вошелъ въ домъ.

Пожилой человѣкъ встрѣтилъ его въ первой же горницѣ и, изумляясь, спросилъ его о причинѣ посѣщенія.

— Вы хозяинъ этого дома? спросилъ вошедшій.

— Да-съ...

— Это ваша дочь?

— Да... Я бронзовщикъ и литейщикъ — Феличіани, а это моя дочь—Лоренца.

Калиостро въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ Феличіани свой внезапный визитъ. Его фигура, голосъ, простодушіе въ лицѣ и изящество манеръ—сразу произвели свое дѣйствіе на хозяина дома. Если это медикъ, то, конечно, изъ самыхъ важныхъ. Если онъ предлагаетъ даромъ избавить молодую дѣвушку отъ глухихъ болей, которыя преслѣдуютъ ее чуть не съ самаго дѣтства, то почему же не согласиться? Но, однако, отцовское чувство сказалось сразу.

— Я боюсь разныхъ зельй, господинъ медикъ. Извините...

— Я этому не удивляюсь. Я самъ ихъ не терплю, а всѣхъ докторовъ ненавижу! отвѣчала Калиостро.

— Господа медики часто своими зельями, мазями и другими снадобьями причиняютъ больше вреда, чѣмъ пользы! продолжала хозяйнѣ.

— Совершенно вѣрно, господинъ Феличіани! Но успокойтесь, я никакого зелья или напитка вашей дочери не дамъ. Мое лѣченіе или лѣкарство будетъ самое простое, котораго вамъ и ей бояться нечего. Лѣчить я начну сейчасъ же.

Калиостро сбросилъ плащъ на стулъ, положилъ на него свою шляпу съ широкими полями и обернулся къ молодой дѣвушкѣ.

Лоренца стояла неподвижно, слѣдила за его движеніями и все-таки чувствовала какое-то странное очарованіе. Но это очарованіе было особаго рода. Этотъ незнакомецъ, не смотря на свое красивое лицо, простой и изящный черный костюмъ, положительно не нравился ей. Вдобавокъ, сердце ея принадлежало всецѣло двоюродному брату, за котораго она собиравалась

лась выходить замужъ — и всѣ мужчины какъ бы не существовали для нея. Но, не смотря на отталкивающее чувство, которое внушала ей этотъ незнакомецъ, она видѣла, что окончательно не можетъ противиться ему ни въ чемъ.

— Я попрошу васъ сѣсть вотъ на это кресло, произнесъ Калиостро, глянувъ въ лицо юной красавицы какъ-то особенно, точно будто отчасти влюбленнымъ взглядомъ. Въ то же время, какъ-то особенно ласково и нѣжно, необычайно нѣжно, прозвучала его голосъ.

Лоренца нехотя сѣла. Незнакомецъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ нея, положилъ обѣ руки ей на голову, тихо перевелъ ихъ по вискамъ на щеки, касаясь лица одними кончиками пальцевъ и, молча, тихо, нѣсколько разъ провелъ такъ руки отъ висковъ до шеи и обратно. Отецъ стоялъ около, изумляясь и уже подозрѣвая, что имѣетъ дѣло съ простымъ, дерзкимъ шалуномъ. Онъ ужъ готовъ былъ остановить это своеобразное и бессмысленное для него лѣченіе, похожее на баловство, когда Лоренца едва слышнымъ голосомъ проговорила:

— Нѣтъ... Ничего нѣтъ... Прошло какъ чудомъ... Сразу... Калиостро тотчасъ же отнялъ руки, всталъ и, обернувшись къ Феличіани, сказала улыбаясь:

— Вотъ видите, какъ мое лѣкарство быстро дѣйствуетъ и какое оно простое... Но, Бога ради, господинъ Феличіани, не принимайте меня за колдуна!.. Позвольте мнѣ быть знакомымъ вашимъ, быть у васъ завтра опять и объяснить вамъ, въ чемъ состоитъ мое лѣченіе.

Феличіани пробормоталъ что-то, не зная, собственно, какъ отвѣчать, поблагодарилъ незнакомца и, видя его изящную фигуру, не нашелъ ничего противъ его предложенія.

Между тѣмъ, Калиостро быстро обернулся снова къ дѣвушкѣ, сидѣвшей еще на креслѣ въ какомъ-то изнеможеніи, и пристально, упорно уперся глазами въ ея глаза. Лоренца чувствовала, что она теперь, во сто кратъ болѣе, находится во власти этого человѣка. И вдругъ ей показалось, что кто-то, или что-то въ ней самой приказываетъ ей встать и скорѣе идти въ верхній этажъ дома, чтобы позвать мать.

Лоренца въ первый разъ въ жизни не понимала собственныхъ своихъ ощущений. Сама ли она хочетъ бѣжать и звать сюда мать, чтобы познакомить ее съ этимъ страннымъ человекомъ, или онъ своимъ взглядомъ приказывалъ ей это? Тѣмъ

не менѣе, чувство оцѣпенѣнія вдругъ исчезло, явилась какая-то легкость въ движеніяхъ, будто желаніе бѣгать.

Лоренца быстро поднялась и еще быстрѣе взбѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ и въ ту минуту, когда Калиостро какъ бы задумчиво и медленно прощался съ хозяиномъ, но, очевидно, выжидалъ и оттягивалъ свой уходъ, на лѣстницѣ появилась снова Лоренца, которая вела свою мать. Приблизясь къ Калиостро, она невольно вымолвила:

— Ну, вотъ!..

Эти два слова, невольно вырвавшіяся, удивили ее самое. Что-жъ это значить? Она какъ будто докладываетъ ему, отвѣчаетъ ему, что его приказаніе исполнено. А вмѣстѣ съ тѣмъ не онъ приказывалъ ей бѣгать навверхъ.

Когда молодая дѣвушка съ матерью спускалась внизъ, на лицѣ Калиостро явилась чуть-чуть замѣтная улыбка довольства и удовлетворенія.

Черезъ минуту, простившись съ семьей и провожаемый до порога наружныхъ дверей, Калиостро вышелъ на улицу и произнесъ самъ себя полупенотомъ:

— Да. Кажется... Наконецъ-то нашель... Увидимъ!..

„Сегодня вечеромъ я приготовлюсь, думалъ онъ уже про себя, быстро идя по улицѣ. Приготовлюсь, какъ бывало во времена оны... А завтра вечеромъ не пойду въ домъ къ ней, а попробую вновь разбудить въ себѣ эту, заснувшую почти совсѣмъ, нѣдровую, какъ называлъ Альтотасъ, силу“.

Съ этого дня, Калиостро началъ бывать всякій день въ домѣ литейщика Феличіани. Онъ сознавался себѣ самому, что влюбился въ красавицу Лоренцу, и его ужъ смущало нѣсколько присутствіе въ домѣ красиваго юноши, двоюроднаго брата красавицы, и отношенія между ними, которыя онъ сразу замѣтилъ.

Калиостро рѣшилъ безповоротно произвести одинъ опытъ настоящаго волшебства, чтобы убѣдить не кого-либо другого, а себя самого въ возможности и даже необходимости соединить на-вѣки свою судьбу съ судьбой этой прелестной, кроткой, хотя недалежнаго ума, красавицей.

Послѣ нѣсколькихъ тонкихъ, но ясныхъ намековъ отцу, Феличіани, о себѣ, Калиостро убѣдился, что литейщикъ былъ бы не прочь выдать дочь замужъ за человѣка, который, очевидно, скрываетъ свое знатное происхожденіе и состояніе. Этотъ новый знакомый его, конечно, съумѣлъ очень искусно

дать понять литейщику, что онъ, по разнымъ причинамъ, скрывается въ Римѣ, и что его общественное положеніе гораздо болѣе высокое.

Каждый разъ, что Калиостро бывалъ въ домѣ Феличіани подъ предлогомъ избавить навсегда красавицу отъ ея глухихъ болей, онъ производилъ надъ нею сеансы по полчаса и болѣе, причѣмъ приводилъ ее въ совершенно загадочное и непонятное для нея самой состояніе.

Первые разы красавицѣ не нравились эти сеансы. Она боялась этого новаго знакомаго и той странной власти, которую онъ пріобрѣталъ надъ ней. Но затѣмъ, вскорѣ, Лоренца стала ощущать удовольствіе въ этомъ состояніи, въ которое онъ ее приводилъ прикосновеніемъ пальцевъ къ головѣ, плечамъ и рукамъ. Это погружало ее въ какое-то дремотное, сладкое состояніе. Она сидѣла, какъ опьяненная. Затѣмъ, послѣ подобныхъ сеансовъ, молодая дѣвушка каждый разъ дѣлала нѣчто совершенно неожиданное, выходящее изъ ея обыденныхъ привычекъ. И она стала убѣждаться, что положительно дѣлаетъ это по его тайному приказанію.

Но вскорѣ эта необходимость покоряться и повиноваться ему не была ей тягостна или противна. Напротивъ того, этотъ человѣкъ, по увѣренію ея родителей аристократъ и богачъ, молодой и красивый, добрый и ласковый къ ней, уже заставилъ ее забыть своего жениха.

XVII.

Однажды Калиостро, оставшись съ Лоренцой наединѣ, горячо объяснился въ любви, объявилъ ей свое имя, т. е. назвалъ графомъ Александромъ Калиостро, уроженцемъ Палермо, и прибавилъ, что владѣеть большимъ состояніемъ.

Молодая дѣвушка, недалекая, кроткая какъ агнецъ, наивная какъ дитя, конечно, тотчасъ призналась во взаимномъ чувствѣ.

Калиостро предложилъ ей соединить свою судьбу съ его судьбою, и получилъ ея согласіе.

— Но прежде, нежели судьба наша будетъ соединена передъ алтаремъ, сказалъ онъ, мнѣ необходимо доказательство вашей любви. Если я не получу его, то, впередъ вамъ говорю, я уѣду изъ Рима и вы меня никогда не увидите.

— Но какое же это доказательство? Я готова на все, отвѣчала Лоренца.

— Выслушайте внимательно то, что я скажу вамъ.

— Слушаю.

— Напрягите все ваше вниманіе... Если чего не поймете въ моихъ словахъ—скажите. Я объясню иначе.

— Хорошо! какъ-то особенно послушно отвѣчала Лоренца.

— Вы общаете мнѣ, дадите клятву, за три дня, начиная съ завтрашняго, не боретесь съ самой собою. Поняли меня?

— Нѣтъ, простодушно отозвалась Лоренца.

— За эти три дня, если вамъ придется на умъ что-либо, явится у васъ какое бы то ни было желаніе, хотя бы самое странное или простое, но, конечно, на вашъ взглядъ не пагубное, не безчестное, не грозящее вамъ чѣмъ дурнымъ, то вы не будете бороться сами съ собою и съ этимъ желаніемъ, а исполните все то, что вамъ на умъ придетъ. Поняли? Вотъ доказательство вашей любви, которое я требую отъ васъ.

— Я не понимаю, кротко и наивно повторила молодая дѣвушка.

Калиостро подробнѣе объяснилъ ей то же самое и прибавилъ, полусуто, нѣжно и съ любовью:

— Если вамъ что-нибудь за эти три дня, мой милый ребенокъ, захочется сдѣлать, то дѣлайте. Не боритесь съ желаніемъ, не увѣряйте себя, что это не нужно вамъ. Вотъ что я требую. Вы поняли?

— Поняла, нѣсколько изумляясь отозвалась Лоренца.

— Черезъ три дня я или исчезну и вы никогда не увидите меня, или явлюсь къ вашимъ родителямъ официально просить руки вашей... А теперь, прибавилъ онъ, вставая, до свиданія, моя будущая жена, подруга жизни, или—прощайте, синьорина Феличіани!

На другой день Калиостро уже сидѣлъ одинъ-одинешенскі въ маленькой горницѣ, нанятой въ домѣ прямо противъ дома и оконъ квартиры литейщика Феличіани. Но это помѣщеніе свое онъ обставилъ еще большею таинственностью, нежели пребываніе свое въ Римѣ.

Никогда за всю жизнь онъ не былъ самъ настолько взволнованъ и встревоженъ, какъ теперь. Для него рѣшалась судьба его жизни.

„Не ошибаюсь-ли я? повторялъ онъ. Помимо того, что я люблю ее, мнѣ кажется, она моя суженая. Она будетъ орудіемъ судьбы, чтобы разрѣшить великую загадку. Но не ошибаюсь ли я?“

Въ сумерки Калиостро, хотя былъ одинъ въ своей горницѣ, подвязалъ фальшивую бороду, нацѣпилъ густые усы и, растворивъ окно, облокотился на подоконникъ. Наискось отъ него, за притвореннымъ окномъ, виднѣлась фигура Лоренцы, которая сидѣла съ шитьемъ и съ иглой въ рукахъ. Она чинила кафтанчикъ своего брата. Калиостро сосредоточился, собравъ, такъ сказать, въ себѣ все свои силы и, напрягаясь всемъ существомъ физически и душевно, сталъ смотрѣть на Лоренцу сквозь стекла ея закрытаго окна.

Съ этой же минуты красавица тотчасъ почувствовала себя въ какомъ-то необычномъ волненіи. Съ утра занимало дѣвуху, поглощало даже, ея вчерашнее условіе со своимъ полуженихомъ. Задача, заданная этимъ человѣкомъ, котораго она ужъ полюбила, была неразрѣшима.

„Что же все это значитъ? Какое странное условіе? Какое странное доказательство любви потребовалъ онъ! думала она. И какъ его исполнить“?..

Почувствовавъ теперь на душѣ особаго рода тревогу, Лоренца приписала ее нездоровью. Она рѣшила, что, плохо проведя ночь, ей не мудрено чувствовать себя теперь нехорошо. Ей вдругъ захотѣлось поднять глаза и взглянуть направо, на сосѣдній домъ. Она взглянула и увидѣла въ окнѣ какую-то некрасивую фигуру, съ черными усами и длинной черной бородою. Фигура эта сразу стала ей противна. Она хотѣла отойти отъ окна, но не могла. И черезъ нѣсколько минутъ въ головѣ ея мелькнула мысль бросить работу.

Она бросила ее на подоконникъ. „Нѣтъ, этого мало, будто шепнула ей какой внутренней голосъ. Раствори окно и выбрось на улицу“!

— Какія глупости! отозвалась Лоренца себѣ самой вслухъ.

Но это желаніе растворить окно и выкинуть работу сказывалось все сильнѣе и сильнѣе, какъ какая-то бессмысленная причуда. Лоренца хотѣла уже направиться въ противоположный уголъ дома, гдѣ была ея мать, но чувствовала, что не можетъ этого сдѣлать, что ей непременно надобно исполнить свою прихоть. И вдругъ, неожиданно, мгновенно она вспомнила условіе съ возлюбленнымъ.

„Вѣдь онъ сказалъ: не противиться самой себѣ. Дѣлать все то, что мнѣ вздумается. Какъ это странно!“

Но, тѣмъ не менѣе, Лоренца быстро, повинувшись самой себѣ и находя въ этомъ какое-то особое удовольствіе, отворила

окно, взяла маленькій кафтанчикъ и выкинула его на улицу. Въ ту же самую минуту за ней раздался крикъ матери:

— Ты съ ума сходишь! Что ты дѣлаешь?

И госпожа Феличчани, любившая свою дочь и рѣдко сердившаяся на нее, подступила къ ней съ угрожающей поднятой рукой. Уже лѣтъ десять не трогала она и пальцемъ свою дочь, а теперь была способна дать ей пощечину.

— Ты безумная!.. Что ты сдѣлала?.. Ты выкинула на улицу кафтанъ брата!..

— Да, отозвалась Лоренца.

— Зачѣмъ?

— Простите, матушка... Я сама не знаю... Минута безумства... Я сейчасъ сбѣгаю, подниму его!

И Лоренца двинулась, вышла изъ дому, но въ ту минуту, когда она появилась на панели и шла, чтобы поднять кафтанчикъ, какая-то невидимая сила приковала ее къ мѣсту. Мать выглядывала въ окно и видѣла, какъ дочь остановилась.

— Ну, что-жъ ты? крикнула она дочери.

Лоренца стояла какъ вкопанная и говорила сама себѣ:

„Да, я не хочу поднимать. Я чувствую, что я не могу поднять и не подниму!.. Но, что же это? Съ ума я схожу?“ прибавила она, испуганно ощупывая голову.

— Что-жъ ты? снова крикнула мать.

— Матушка! Бога ради, взмолилась Лоренца, выйдите сюда.

— Что съ тобою? уже тревожно воскликнула госпожа Феличчани. Видя, что съ дочерью что-то происходитъ, она быстро вышла на улицу по двумъ-тремъ ступенямъ подъѣзда и приблизилась къ Лоренцѣ.

— Что съ тобою, Лоренца?

— Ничего, матушка. Должно быть нездоровится. Но только умоляю васъ, не сердитесь и сдѣлайте, что я попрошу васъ... Поднимите сами кафтанчикъ.

— Что?

— Поднимите кафтанчикъ. Вотъ онъ лежитъ. Я его ни за что не подниму!

— Ты съ ума сходишь!

— Не знаю... Можетъ быть!.. Но не сердитесь. Я сама ничего не понимаю. Но одно скажу вамъ: убейте меня, но я его не подниму.

Мать, разумѣется, быстрымъ движеніемъ подняла маленькій кафтанчикъ сынишки и, схвативъ дочь, увела ее обратно въ домъ.

— Что же съ тобой? Ты больна? тревожно обратилась она къ дѣвушкѣ, видя, что та нѣсколько измѣнилась въ лицѣ.

— Теперь ничего... Ей Богу ничего!.. проговорила Лоренца. Это что-то такое странное. Я думаю, что я и впрямь нездорова. Нездорова разсудкомъ, а не тѣломъ.

— Не болитъ ли у тебя что-нибудь?

— Ничего, матушка не болѣло и не болитъ... Но теперь лучше, легче. Прошло.

Лоренца осталась у окна и, усѣвшись, невольнo снова поглядѣла на сосѣдній домъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли еще выглядываетъ эта противная фигура какого-то чернаго, какъ смоль, незнакомца. Но окошко его было закрыто.

„Слава Богу, что эта проклятая физиономія спряталась!“ подумала она.

На другой день, будучи совершенно здоровою, Лоренца въ ту же пору, вдругъ, какъ припадокъ болѣзни, почувствовала ту же тревогу и нервозность, припадокъ прихотничества, какъ называла она самой себѣ свое состояніе.

Она взяла у матери узоръ большого ковра, чтобы разсѣять себя и заняться чѣмъ-нибудь. Отобравъ шерсти и иглы, она уже совсѣмъ приготовилась вышить небольшой уголокъ ковра, который работала ея мать, но вдругъ явилась неотступная мысль, возникло въ ней внезапно совершенно глупое желаніе и не оставляло ее ни на секунду. Ей захотѣлось выйти изъ дому непремѣнно одной, и итти въ извѣстную въ городѣ церковь Святого Петра Инъ Винколи.

Въ этой крошечной церкви не было ничего интереснаго, но это была ближайшая отъ нихъ церковь.

„Зачѣмъ я туда пойду? мысленно повторяла про себя Лоренца. Какой же тутъ смыслъ? Теперь даже службы нѣтъ.“

Но упорное, неотступное желаніе тотчасъ итти въ эту церковь не оставляло ее. Точно снова кто-то толкалъ ее и требовалъ исполненія этой прихоти. И опять, разсуждая сама съ собою и усовѣщевая себя, Лоренца вдругъ вспомнила условіе возлюбленнаго и, конечно, сразу бросилась къ шкафу съ платьями. Она накинула на себя легкую мантилью и быстро, какъ бы боясь, что кто-либо изъ родныхъ остановитъ ее на дорогѣ, вышла на улицу. Невольно глянула она на тотъ домъ, гдѣ вчера виднѣлась эта противная чернобородая фигура. Но всѣ окна были заперты и въ томъ окнѣ, гдѣ она видѣла эту фигуру, не было никого.

„Скорѣй, скорѣй!“ говорила она сама себѣ и какъ будто кто-нибудь гнать ее въ маленькую церковь Святого Петра.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она почти побѣжала.

„Какой вздоръ! Какія прихоти! Или я хвораю, или я, наконецъ, съ ума схожу?“ повторяла Лоренца.

Приблизясь къ церкви, она вдругъ рѣшила, что въ нее не надо входить, а надобно ей непременно подняться на маленькую колокольню этой церкви.

„Зачѣмъ?.. Такъ нужно. Такъ хочется! разсуждала она, Ну, хоть поглядѣть на городъ сверху.

Лоренца никогда не видѣла этого квартала съ вышины какого-нибудь выдающагося зданія. Найдя дверь лѣстницы колокольни запертою, Лоренца остановилась и будто увлекаемая какой-то силой, стала биться въ эту дверь, стараясь открыть ее. Но громадный замокъ не поддавался. Рѣзная гранитная колонка попалась ей на глаза и будто сказала ей: „Лоренца, посмотри-ка, здѣсь, за мной. Нѣтъ ли тутъ ключа?“

Не успѣвъ отдать себѣ отчета въ новомъ движеніи, Лоренца бросилась къ этой колонкѣ, заглянула за нее, и нашла огромный желѣзный ключъ. Онъ былъ отъ двери. И тяжелый, огромный, заржавленный замокъ заскрипѣлъ, тяжелая дверь поддалась какъ бы сама собою, и Лоренца быстро стала подниматься по винтовой каменной лѣстницѣ.

Послѣ нѣсколькихъ десятковъ ступеней, которыя она пробѣжала почти безъ отдыха, она остановилась и произнесла:

— Что я дѣлаю? Я или безумная. Или... Или стала шалить, какъ малыя дѣти. Какія глупости! Вдругъ среди дня бѣжать сюда. И зачѣмъ? Да... Зачѣмъ, зачѣмъ?.. повторяла она вслухъ, громко.

— Затѣмъ, чтобы доказать мнѣ свою любовь, раздался громкій голосъ нѣсколькими ступенями выше ея.

Лоренца вскрикнула. Къ ней спустился Каліостро и протягивалъ ей руки.

— Войдите, мое сокровище, мой ангель! И такъ какъ ты, Лоренца, доказала мнѣ вполнѣ свою любовь, то я, ни минуты не колеблясь, объявляю тебя моею подругой жизни.

Каліостро помогъ взволнованной и смущенной дѣвушкѣ подняться нѣсколько ступеней, усадилъ ее бережно на деревянной скамеечкѣ, опустилса передъ нею на колѣни и, страстно цѣлуя руки ея, пылко заговорилъ восторженнымъ голосомъ:

— Да, Лоренца. Ты не только доказала мнѣ свою любовь,

но ты сама никогда не поймешь, какую великую задачу разрѣшила ты. Ты даже отгадала, гдѣ лѣжится ключъ, которымъ я приказалъ звонарю запереть себя, а затѣмъ спрятать его за колонной. Да. Если бы былъ живъ теперь тотъ, мой учитель, которому я всѣмъ обязанъ, въ какомъ бы восторгѣ былъ онъ!

— Я ничего не понимаю! кротко, боязливо отозвалась Лоренца.

— Не нужно тебѣ ничего понимать. Не нужно! Идемъ домой, я сію же минуту объявлю твоему отцу, что прошу благословить насъ на всю жизнь. Да, ты моя суженая, и должна быть моей женой. А вмѣстѣ—мы завоюемъ все, всѣхъ... весь міръ!!..

Въ тотъ же вечеръ, въ домѣ литейщика Феличіани были гости, которымъ они объявили о помолвкѣ дочери съ именинымъ аристократомъ. По требованію жениха, свадьба была назначена тотчасъ же, и черезъ два дня состоялось вѣнчаніе графа Калиостро съ Лоренцой Феличіани, послѣ котораго новобрачные поселились въ домѣ тестя.

Но едва только въ Римѣ узнали о мѣстопробываніи исчезнушаго изъ дворца Альято чужеземца, какъ явился начальникъ папской полиціи и объявилъ графу Александру Калиостро, что, по распоряженію властей, онъ долженъ, какъ обвиняемый въ чернокнижьи и колдовствѣ, немедленно покинуть Римъ и папскія владѣнія.

Калиостро принялъ это извѣстіе съ улыбкой пренебреженія и сталъ собираться въ путь.

Черезъ двѣ недѣли графъ и графиня уже путешествовали и были около границъ свободной Швейцаріи.

XVIII.

Въ огромныхъ палатахъ графа Зарубовскаго, гдѣ жизнь обыкновенно текла ровно, мирно и безмятежно, теперь было что-то особенное... Повсюду, во всемъ и во всѣхъ, сказывалось какое-то смущеніе, если не смятеніе. Въ домѣ, очевидно, что-то произошло необычайное. Гостей, пріѣзжавшихъ навѣстить графиню, не принимали, и швейцарь или лакеи заявляли, что „ея сіятельство хвораетъ“.

Сама графиня сидѣла безвыходно у старика-мужа или въ дѣтской у младенца-сына. Изрѣдка только, молчаливая, угрюмая, проходила она по горницамъ всего дома, но не глядя ни

на кого, какъ бы не видя и не замѣчая ничего, не отвѣчая даже на доклады или на просьбу кого-либо, къ ней обращенную. Видѣвшіе самого графа, дворецкій и личный его камердинеръ, говорили тайкомъ въ людскихъ и во флигеляхъ, что старый бояринъ много измѣнился, будто осунулся и будто горюетъ. Лакей заявлялъ, что графъ гораздо долѣе стоитъ утромъ и вечеромъ на молитвѣ, предъ своимъ кѣотомъ.

Вся многочисленная дворня ходила или скорѣе бродила какъ-то оробѣвъ. Гнѣва господь никто въ домѣ не привыкъ бояться. Поэтому робость эта являлась послѣдствіемъ чего-то иного. Дворня была просто смущена тѣмъ, что „творилось“ въ домѣ. Она точно совѣстилась...

Нахлѣбники чаще сходились другъ у друга въ гостяхъ и, тоже волнуясь и перешептываясь, качали головами, охали и вздыхали... Иногда кой-кто принимался корить и попрекать...

На устахъ у всѣхъ было имя Норича, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно всѣ говорили: „онъ“ или „его“ или „ему“, не называя имени этого лица. И однако всѣ понимали, о комъ идетъ рѣчь.

Рѣчь шла о „графчикѣ“ Алексѣѣ Григорьевичѣ, котораго привезли изъ чужихъ краевъ подъ какимъ-то другимъ наименованіемъ, а теперь графъ объявилъ всѣмъ чрезъ дворецкаго диковинное обстоятельство.

„По неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, тотъ баринъ, который жилъ всегда въ отсутствіи, но постоянно ожидался всѣми какъ „графчикъ“, внукъ нынѣшняго барина и будущій ихъ баринъ—не существуетъ, не существовалъ... У графа одинъ наслѣдникъ, его младенецъ-сынъ, вновь рожденный отъ молодой жены. Приѣзжай—подкидывъ и сынишка Норича“.

Вотъ какая новость привела неожиданно всѣхъ обитателей палатъ графа Зарубовскаго въ смятеніе. У этихъ простыхъ людей, нахлѣбниковъ изъ бѣдныхъ дворянъ и однодворцевъ, а равно у дворовыхъ и у крестьянъ... у всѣхъ, отъ дворецкаго до послѣдняго кучеренка и поваренка—была православная, чуткая и непокладистая совѣсть, не раба мудрствованія лукаваго...

И вотъ эта совѣсть заговорила теперь противъ барина-графа, а въ особенности противъ молодой графини.

Что касается до самого Игната Ивановича Норича, то у него уже было новое прозвище отъ всѣхъ—Калинь! И этотъ человѣкъ почти не показывался изъ своихъ горницъ, будто

стыдясь народа. Когда же кто изъ нахлѣбниковъ и дворни встрѣчалъ Игната Ивановича, то отводилъ отъ него глаза въ сторону, будто за него совѣстился...

Сначала Норичъ былъ хотя и смущенъ, но все-таки довольно весель и повторялъ всѣмъ одно и то же...

— Да. Что-жь? Покаялись! Былъ тотъ грѣхъ, но мы съ женой не стерпѣли, сняли съ себя эти вериги невидимыя, покаялись графинѣ и легче стало...

Но вдругъ Норичъ измѣнился въ обращеніи со всѣми, немного похудѣлъ лицомъ и сталъ самъ косить отъ всѣхъ озабоченный взглядъ...

Въ палатахъ родился, возникъ неизвѣстно когда, откуда и какимъ образомъ, слухъ... вѣсть...

„Норича съ женой, по указу начальства, заставятъ на великую пятницу, при страстяхъ Христовыхъ, надъ плащаницей присягать въ томъ, правду ли они показываютъ, или оговариваютъ покойницу, графиню Эмилию Яковлевну“.

Этотъ слухъ или эта вѣсть обѣжала домъ и затѣмъ обѣжала и всю Москву, которая не менѣе обитателей палатъ графа Зарубовскаго волновалась отъ событія съ молодымъ „графчикомъ“.

Эта внезапная вѣсть была невѣрнымъ слухомъ, выдуманной.

Молодая графиня выѣхала два раза изъ дому, посѣтила важныхъ сановниковъ и, вернувшись однажды домой, сама спросила:

— Что за глупости такія пущены въ домѣ и къмъ собственно? О присягѣ Норичемъ на страстной недѣлѣ? И кто это балуетъ?

Винный былъ неизвѣстенъ и не нашелся. Слухъ этотъ дѣйствительно возникъ въ домѣ какъ бы самъ собой, на совѣсти обитателей его.

Но что же Алексѣй?!..

Молодой малый, послѣ свиданія съ дѣдомъ, слегъ въ постель: силы его душевныя и тѣлесныя были какъ бы надорваны. Его сломило то, что онъ пережилъ въ два дня... Позванный старичекъ-медикъ изъ нѣмцевъ навѣщалъ больного, и этотъ, владѣя нѣмецкимъ языкомъ лучше чѣмъ русскимъ, горячо все передалъ старику, прося помощи, совѣта... Ему даже не у кого было во всей Москвѣ просить этой помощи, помимо нѣмца-медика...

Старичекъ, простодушный и сердечный, только сочувствовал и ужасался, но посовѣтовать ничего не могъ.

Алексѣй оправился только въ недѣлю времени и, едва поднявшись на ноги, попросилъ свиданія съ дѣдомъ.

Графиня отвѣчала чрезъ Макара Ильича, что готова его принять сама, но что графъ не желаетъ еще тревожить себя и разстраиваться и болѣе „господина Норича“ не приметъ.

— Господина Норича!.. воскликнулъ Алексѣй. Да вѣдь это можно съ ума сойти! Можно все... Можно преступленіе совершить...

Были мгновенія, что Алексѣй, какъ бы теряя рассудокъ, начиналъ серьезно обдумывать, кого ему въ отмщеніе зарѣзать: графиню или Норича?

Но послѣ прилива и вспышекъ дикаго гнѣва и злобы, наступали минуты полного отчаянія.

Такъ прошла еще недѣля.

Алексѣй безвыходно сидѣлъ въ своихъ горницахъ и за все время только разъ пять поговорилъ спокойно съ нѣмцемъ, его навѣстившимъ, и съ дворецкимъ, который особенно сердечно относился къ нему.

Наконецъ молодая графиня не вытерпѣла, ей начинало прискучивать и даже стѣсняло ее общее тревожное состояніе всѣхъ обитателей палатъ.

И графиня Софья Осиповна однажды сама потребовала къ себѣ молодого человѣка, для объясненія.

Алексѣй двинулся къ ней навѣрхъ, быстрой, неровной походкой. Онъ зналъ и чувалъ, что это будетъ рѣшительное и послѣднее объясненіе... И онъ не зналъ, что онъ сдѣлаетъ! Быть можетъ онъ ударить ее и, поваливъ, будетъ топтать ногами...

Войдя въ первую же большую гостиную и собираясь, какъ въ первое посѣщеніе свое, пройти снова всю амфиладу комнатъ, Алексѣй въ изумленіи остановился...

Гостиная эта не только не была пуста, но даже превратилась какъ бы въ судилище...

На диванѣ сидѣла графиня, а около нея, вокругъ стола, сидѣло пять-шесть человѣкъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ, сѣдой старикъ въ регаліяхъ, былъ въ ярко-красномъ мундирѣ, расшитомъ золотомъ...

— Пожалуйте и садитесь! выговорила графиня глухимъ голосомъ, при появленіи Алексѣя на порогѣ.

Молодой человекъ постоялъ, потомъ тихо подвинулся къ столу и медленно, спокойно оглянулъ всѣхъ горящимъ взоромъ...

Посторонний, безпристрастный и правдивый судья, еслибы таковой былъ здѣсь въ это мгновеніе, неминуемо рѣшилъ бы все тотчасъ безъ всякаго колебанія. Вся фигура, лицо, походка и, наконецъ, взглядъ этотъ, которымъ молодой человекъ окинулъ все собраніе свысока своей оскорбленной гордости— все говорило ясно, закрадываясь въ душу этихъ людей противъ ихъ воли и помимо разума:

„Это не сынъ нахлѣбника Норича изъ шляхтичей, это графъ Зарубовскій!“

У правды есть своя великая тайная сила!

Алексѣй сѣлъ на свободный стулъ и уперся огненнымъ взоромъ въ графиню, сидѣвшую прямо предъ нимъ, за огромнымъ круглымъ столомъ...

Начался какой-то разговоръ, говорили всѣ поочереды; затѣмъ маленькій человекъ, въ родѣ подьячаго читалъ что-то, держа бумагу... Алексѣй ничего не слушалъ и ничего не понималъ... Или онъ понималъ тогда все, но затѣмъ забылъ... Во всякомъ случаѣ, онъ никогда не могъ впослѣдствіи вспомнить, что тутъ происходило и какъ произошло...

Только разъ очнулся онъ отъ своего столбняка и разсмѣялся громко, оглядывая это дикое судилище... Эту минуту онъ помнилъ затѣмъ хорошо... Въ эту минуту подошли ближе къ столу Норичъ и съ нимъ рядомъ какая-то дрожащая, перепуганная старая женщина...

Алексѣй не столько понималъ, сколько почувствовалъ внутренно, какую роль играетъ эта женщина въ этой шутовской, но злодѣйской комедіи...

Затѣмъ, скоро ли, или послѣ долгихъ преній, Алексѣй не помнилъ, его попросили подписать бумагу. Ему положилъ на столъ эту бумагу самъ старикъ въ золотѣ и въ регаліяхъ, другой чиновникъ подавалъ перо, пальцемъ указывая что-то...

Въ это мгновеніе Алексѣй какъ-то вдругъ рванулся къ листу бумаги, схватилъ его и, скомкавъ, изо всей силы швырнулъ въ лицо старика. Всѣ повскакали съ мѣстъ...

— Злодѣи!.. Мерзавцы! вскрикнулъ Алексѣй внѣ себя. И голосъ его, загремѣвъ въ домѣ, былъ слышенъ даже на дворѣ. И ты, низкая, безчестная тварь... вышедшая замужъ за старика, чтобы... Ты думаешь, что я подпишу бумагу, которая

покрываетъ позоромъ мою покойную мать. Я стану пособникомъ вашего надруганія надъ покойницей... Ахъ, вы, злодѣи! Подлые, низкіе люди... Я графъ Зарубовскій былъ и вѣкъ свой имъ буду.

Но пока Алексѣй говорилъ, вскрикивая, голосъ его все слабѣлъ и падалъ... И, наконецъ, все исчезло у него изъ глазъ... Онъ лишился сознанія...

Когда молодой человѣкъ пришелъ въ себя, онъ былъ снова въ своей горницѣ и въ постели, и снова добрый нѣмецъ хлопоталъ надъ нимъ.

На этотъ разъ Алексѣй скоро оправился... Но чувствовалъ себя какъ бы тяжелѣе, какъ бы старѣе лѣтъ на десять. Все въ немъ будто перегорѣло, какъ въ горнилѣ мукъ, и за то стало тише на душѣ.

Черезъ нѣсколько дней добрякъ-медикъ, видя его достаточно спокойнымъ, объявилъ молодому человѣку, что онъ получилъ порученіе отъ графини снова предложить Алексѣю, и въ послѣдній разъ, тѣ же условія, на которыя онъ при чиновникѣ не согласился...

— Соглашайтесь, мой юный и несчастный другъ, прибавилъ нѣмецъ со слезами на глазахъ. Съ сильнѣйшимъ нельзя бороться. Это тотъ же видъ самоубійства... Согласитесь на эти условія, или они васъ погубятъ...

— Какія? Я не знаю? наивно и даже удивляясь отозвался Алексѣй. Я не помню... Ничего не помню.

Нѣмецъ, тоже удивляясь, передалъ Алексѣю, что графъ предлагаетъ ему называться Норичемъ, а не Зарубовскимъ, получать ежегодную пенсію въ шесть тысячъ рублей и, выѣхавъ немедленно изъ Россіи, жить въ чужихъ краяхъ, за исключеніемъ однако Германіи, гдѣ былъ довольно извѣстенъ всѣмъ графъ Григорій Алексѣевичъ и гдѣ онъ самъ извѣстенъ.

— Никогда! отозвался Алексѣй тихо, но съ горькой улыбкой. Никогда я не соглашусь позорить память моей матери. Мое согласіе равносильно ея обвиненію въ низкомъ преступленіи. Никогда!

— Но знаете ли вы, мой другъ, что тогда вамъ грозитъ?

— Ничего! Я буду нищій, но что жъ... Я уйду тотчасъ на Рейнь, къ милой сестрѣ, найду себѣ работу и буду жить тамъ, хотя бѣдно, но за то подъ своимъ именемъ.

— Нѣтъ. Васъ подъ именемъ графа Зарубовскаго изъ Россіи не выпустятъ.

— Запрутъ, стало быть, въ этой горницѣ и приставятъ караулъ ко мнѣ, чтобы я не убѣжалъ! усмѣхнулся Алексѣй.

— Нѣтъ. Много хуже... Много хуже...

— Что же? Говорите... Сошлютъ въ Сибирь?

— Нѣтъ. Васъ заключать въ тюрьму, въ крѣпость.

— Какой вздоръ!

— Это рѣшено, мой бѣдный другъ.

— А законъ? Законъ? Правда? Правосудіе?

— На это уже имѣется разрѣшеніе у графа. Указъ высшей власти!.. воскликнулъ нѣмецъ, заливаясь вдругъ слезами и обнимая своего юнаго друга.

Алексѣй понурился и впалъ въ полусознательное состояніе. Онъ былъ пораженъ снова какъ громомъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого дня, молодого челоуѣка, сына нахлѣбника графа Зарубовскаго, по имени Алексѣя Норича, увозили со двора палатъ въ каретѣ, но подъ конвоемъ четырехъ конныхъ солдатъ. Офицеръ сидѣлъ въ каретѣ рядомъ съ преступникомъ.

Какое было имъ совершено преступленіе, офицеръ, конечно, не зналъ, такъ какъ никто сказать этого или назвать преступленіе не могъ.

Офицеру было приказано высшимъ начальствомъ взять господина Норича и доставить въ крѣпость подъ строжайшей отвѣтственностью.

XIX.

Среди многолюднаго города съ узкими, извилистыми улицами, но болѣе или менѣе опрятными, пріютился на одной изъ окраинъ отдѣльный кварталъ, какъ грязное и вонючее воронье гнѣздо среди свѣжей зелени вѣтвей. Съ одной стороны его зеленѣющій берегъ рѣки Сены, которая катитъ мимо быстрыя волны; съ другой — королевскій дворецъ Лувръ; съ третьей — зеленѣющія полянки, еще не застроенныя; съ четвертой — бульваръ, примыкающій къ грозному и ненавистному для всего народонаселенія громадному сооруженію. Высокія каменные стѣны, башни и бастіоны, зубчатые и остроконечные, съ амбразурами и бойницами. А за этой каменной крѣпостной оградой огромное зданіе, знаменитая Бастилія, гдѣ томятся изъ года въ годъ, иногда по десятилѣтіямъ, сотни несчастныхъ заключенныхъ. Грязное гнѣздо, отдѣленное отъ Бастиліи бульваромъ, — предмѣстье Святого Антонія, перепол-

нено людомъ нищимъ, голоднымъ, которое, какъ каиново племя, будто проклятое Богомъ, внушаетъ всѣмъ отвращеніе и ужасъ, а само боится и ненавидитъ глубоко всякаго обитателя другихъ предмѣстій и кварталовъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, на паперти маленькой церкви, въ ту минуту, когда прихожане расходились отъ вечерни, на гранитныхъ ступеняхъ стояла неподвижно, какъ статуя, довольно высокая женщина. По одеждѣ она могла быть простой мѣщанкой предмѣстья Св. Антонія, но однако отличалась отъ большинства мимо идущихъ женщинъ отпратностью своего платья и густымъ, чернымъ вуалемъ, накинутымъ на лицо. Если по платью она была простая обитательница предмѣстья, то этотъ вуаль и бѣлѣющее за нимъ чистое, блѣдное лицо говорили нѣчто другое. Маленькая бѣленькая ручка, придерживающая накинутую шаль на плечахъ, стройность во всей фигурѣ и даже вся поза, нѣсколько надменная, невольно выдавали эту женщину и заставляли нѣсколькихъ прихожанъ пристально всматриваться въ эту „даму“, вдобавокъ, стоящую съ истуканомъ. Она же пропускала мимо себя всѣхъ, мѣряя съ головы до пятъ и будто ища кого-то... И глаза ея ярко блестѣли сквозь дымку плотнаго вуала.

Наконецъ, въ числѣ прочихъ, вышла изъ церкви дама, одѣтая въ черное изящное платье, тоже съ легкимъ вуалемъ на лицѣ, который едва скрывалъ чрезвычайно красивое лицо. Она выходила изъ церкви робко, нетвердой походкой, озираясь по сторонамъ. При ея появленіи, неподвижно стоявшая женщина сдѣлала легкое движеніе, но снова замерла и только пытливо оглядывала выходящую и приближавшуюся къ ней незнакомку.

Тотчасъ же, вслѣдъ за этой дамой, появился на паперти молодой и элегантный офицеръ въ мундирѣ полка мушкатеровъ короля. Онъ одинъ блестѣлъ своею одеждою среди сѣрой толпы обитателей предмѣстья. Очевидно было, что онъ здѣсь не у себя, а Богъ-вѣсть зачѣмъ затесался въ этотъ кварталъ. Проходящіе прихожане оглядывали его, и кто помоложе разѣввалъ ротъ на его красивый мундиръ и любовался. А кто постарше, взглядывалъ ненавистно и презрительно, причѣмъ бормоталъ себѣ подъ носъ, сочетая слова: Бастилія! Король! Наемникъ! Тираны!..

Офицеръ нагналъ выходящую красавицу и предложилъ ей руку, чтобы провести по узкой улицѣ, среди толпы сѣраго люда. Молодая женщина смутилась и робко отказалась. Но

онъ преслѣдовалъ ее, заговаривалъ, и они тихо удалялись вмѣстѣ отъ церкви.

Стоявшая на паперти женщина смѣрила ихъ обоихъ блестящимъ взглядомъ, потомъ долго смотрѣла имъ вслѣдъ, пока они не пропали за угломъ. И только тогда она шевельнулась и двинулась вслѣдъ за послѣдними выходившими изъ церкви. Когда она сошла съ гранитныхъ ступенекъ и тихо зашагала срединю маленькой улицы, къ ней навстрѣчу, изъ-за угла появился снова тотъ же мушкатеръ.

— Ну, что? выговорилъ онъ, приближаясь и смѣясь.

— Поздравляю... красавица... отозвалась эта.

— Милая Иоанна, божусь тебѣ, что, кромѣ тебя, я не знаю ни одной женщины красивѣе ея.

— Лъстець и лгунъ, улыбнувшись произнесла молодая женщина. Скажи лучше, какъ ваши дѣла?

— Ничего... слава Богу. Все идетъ на ладъ.

— Однако, она не позволила тебѣ проводить ее.

— Нельзя же! Усмѣхнулся мушкатеръ. Черезъ нѣсколько дней, погоди, будетъ ручная.

— То-то же... Помни это! Я терять время не могу, нѣсколько суше и не шутивымъ голосомъ произнесла молодая женщина, ускоряя шагъ. Надо скорѣе... время дорого!.. продолжала она не глядя на идущаго рядомъ съ нею офицера и опустивъ глаза въ землю. Ты лѣнишься, болтаешься Богъ-вѣсть гдѣ, забавляешься пустяками, а время идетъ.

— Клянусь тебѣ!.. воскликнулъ громко офицеръ. Впрочемъ, что же клясться... Кто когда-либо убѣдитъ въ чемъ-либо ваше сіятельствво...

— Ты съ ума сошелъ!.. Здѣсь! Ты хочешь этимъ титулованіемъ навлечь на меня какую-нибудь исторію! шепнула молодая женщина, озираясь.

— Э! Онѣ всѣ глупыя, глухія, оглянулся офицеръ на нѣсколько шедшихъ невдалекѣ старухъ. Да и это у меня на что же? Нападутъ мужчины—я обнажу шпагу.

— Очень благодарна... А потомъ огласка, пересуды, вопросы: какъ я въ эту трущобу попала, зачѣмъ и почему. Сущій мальчишка четырнадцати лѣтъ! Ну, до свиданія!.. Вечеромъ увидимся?..

И въ эту минуту, когда офицеръ прощался и готовъ былъ удалиться въ противоположную сторону отъ своей спутницы, она вдругъ выговорила:

— А какъ ея имя?

— Лоренца.

— То-есть по нашему Лорентина?

— Да.

И они разошлись въ разныя стороны.

Молодая женщина, пройдя нѣсколько узкихъ и страшно грязныхъ переулковъ, завернула въ тупой переулокъ, оканчивающійся деревяннымъ заборомъ и пустыремъ. Здѣсь она прибавила шагу и, озираясь кругомъ себя, остановилась у большой желѣзной двери и стукнула кольцомъ. Изъ окна надъ дверью высунулась лохматая, сѣдая голова старухи, лѣтъ, по крайней мѣрѣ, 80-ти. Молодая женщина подняла голову и вымолвила:

— Это я, Матильда.

— Госпожа Реми?

— Ну да, Матильда. Вы ужъ и по голосу перестали узнавать.

— Иду, иду! отозвалась подслѣповатая старуха. Но видно ноги ея уже отказывались служить, потому что двери растворились только черезъ минуту, если не болѣе.

— Кто тамъ сегодня? спросила проходя молодая женщина.

— Трое, сударыня: Канарь, докторъ и Роза.

Дверь захлопнулась. Старуха, еле двигая ногами, начала подниматься по лѣстницѣ, когда молодая женщина уже миновала первый этажъ. Она быстро, юной и легкой походкой, почти бѣгомъ поднялась въ самый верхній, четвертый этажъ, миновала грязный корридоръ, темный и душный, но въ ту же минуту одна изъ дверей отворилась и освѣтила корридоръ. Она вошла. Въ маленькой комнаткѣ, опрятно, но бѣдно убранной, съ простыми деревянными столами и стульями, съ двумя шкапами и съ однимъ небольшимъ зеркальцемъ, сидѣли трое, очевидно, ее дожидавшіеся: двое мужчинъ и старуха. Пришедшая небрежно кивнула головою и вымолвила:

— Докторъ, пожалуйста! И она, не останавливаясь, прошла въ слѣдующую комнату.

Одинъ изъ двухъ мужчинъ послѣдовалъ за нею и плотно притворилъ дверь за собою. Эта комната была еще меньше первой, но по убранству немножко лучше. Здѣсь былъ маленькій диванъ и кресла съ полинявшею позолотой, крытые шерстяной матеріей, столъ съ красивой сѣрой скатертью, а въ углу, на этажеркѣ, виднѣлись кое-какія бездѣлушки: фарфоръ и бронза. Большой, даже громадный, дубовый древній рѣзной шкафъ занималъ почти треть всей комнаты. На немъ

по серединѣ висѣлъ на пробоѣ почтенныхъ размѣровъ замокъ, фунтовъ въ пять вѣсу. Незнакомка сѣла и жестомъ попросила садиться господина, именуемаго ею докторомъ.

— Ну-съ. Дайте мнѣ отдохнуть отъ этой проклятой лѣстницы, отдышаться и затѣмъ начинайте докладъ.

XX.

Молодая женщина быстрымъ, но мягкимъ движеніемъ бросила свою шаль на стулъ и сняла шляпу съ вуалемъ. Это была чрезвычайно эффектная женщина, на видъ не болѣе 18-ти лѣтъ, хотя въ дѣйствительности ей было уже 25. Ярко блѣдное лицо съ правильными чертами, свѣтлокаштановые, вьющіеся локонами, волосы на высокомъ, красивомъ лбѣ, со страннымъ, какъ бываетъ у дѣтей, перехватомъ на вискахъ; маленький, слегка поднятый носикъ, въ которомъ было что-то насмѣшливое и дерзкое; тонкія губы, какъ бы вѣчно сжатые, и большіе голубые глаза, надъ которыми двумя угольными черточками рѣзко выдѣлялись совершенно черныя брови. Эти глаза и эти брови на блѣдномъ лицѣ производили какое-то особенное, странное впечатлѣніе. По первому взгляду на эту красавицу, конечно, девяносто человѣкъ на сотню должны были подумать: „Какая красавица! Но какая, вѣроятно, злая женщина!“

— Ну-съ... Извольте докладывать, любезный господинъ Дюге! заговорила она дѣловитымъ голосомъ.

— Новаго мало... madame Реми, отвѣтилъ этотъ, но я не теряю надежды... Вѣроятно, скоро кое-что и устроится... Если Господь поможетъ, то черезъ мѣсяць...

— Ну, нѣтъ! Намъ не поможетъ! усмѣхнулась красавица. Наши надежды надо возлагать на дьявола.

Госпожа Реми начала задавать доктору вопросы, называя разныя фамиліи и какъ бы интересуясь судьбою разныхъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и старухъ. Нѣсколько хорошо извѣстныхъ, даже знаменитыхъ именъ высшаго придворнаго круга были произнесены здѣсь. Въмѣстѣ съ тѣмъ не разъ бесѣдующіе упомянули слово: „Бастилія“. Нѣсколько разъ, рядомъ съ громкими именами двора и высшаго круга, собесѣдники произнесли имена полицейскихъ сыщиковъ, наводившихъ панику на весь сѣрый людъ столицы. Наконецъ, молодая женщина выговорила:

— Да, совсѣмъ забыла! А герцогиня?.. Какъ бишь ея фамилія?.. Ну, эта испанка?..

— Маркиза Кампо д'Оливасъ? произнесъ докторъ.

— Ну да, она... только вы произносите неправильно. Ее при дворѣ зовутъ Олива.

— Эта ваша французская манера не произносить букву *c* на концѣ слова. На югѣ Франціи и въ Испаніи эта буква произносится. Поэтому я и говорю: маркиза д'Оливасъ, а не Олива!

— Вѣдь это, кажется, поле оливокъ?

— Точно такъ-съ. Старинное имя.

— Какая глупая фамилія!

— Не скажу: есть французскія фамиліи много глупѣе этой.

— Ну, Богъ съ ней, съ грамматикой! Что же ваша маркиза, докторъ?

— Ничего. Я бываю у нея раза три, четыре въ недѣлю. Теперь мы почти друзья... А ея племянница прелестное созданье!

— Знаю. Но какъ она къ вамъ относится?

— Полюбила еще больше, чѣмъ ея тетюшка.

— Ну, а этотъ русскій князь, сѣверный бояринъ, но безъ золота въ карманахъ, бываетъ всякій день?.. Когда же мы отъ него отдѣлаемся?

Докторъ молчалъ и какъ-то робѣлъ.

— Просто отдѣлаться нельзя. А путемъ насилія или преступленія опасно. Мы можемъ, то-есть я могу попасть на галеры, въ каторгу, попасть подъ руку палача.

— О, господинъ медикъ! Если вы будете говорить такія глупости, такъ лучше молчите. Если вы будете опасаться палача, галеръ, каторги, тогда мы ничего не достигнемъ. Сдѣлайте лучше какъ я... давно рѣшила я, что, рано или поздно, я буду на этихъ галерахъ или буду въ рукахъ палача; но когда это еще будетъ—неизвѣстно. А до тѣхъ поръ, да здравствуетъ неустрашимость, свобода дѣйствій и ихъ плоды, то-есть, золото и золото! И чѣмъ больше будетъ у насъ этого презрѣннаго металла въ рукахъ, тѣмъ менѣе мы рискуемъ попасть на галеры. Повѣрьте!

Говоря это, госпожа Реми оживилась. Легкій румянецъ покрылъ ея блѣдныя щеки, яркіе глаза заблестѣли и красиво, и зловѣще.

— Ну, ступайте и ведите себя лучше. Черезъ три дня я

буду опять здѣсь и надѣюсь, что господинъ докторъ принесетъ мнѣ какую-нибудь хорошенькую вѣсточку. Если понадобится намъ вѣрная рука, то она здѣсь. Вѣдь вы знаете его храбрость?

— Кто не знаетъ его свѣтлости, господина Канардье, или какъ попросту зовутъ его въ Парижѣ—Канарь. Его именемъ не только самыхъ капризныхъ дѣтей усыпляютъ ночью, а даже и почтенные люди, взрослые и пожилые, при его имени вздрагиваютъ.

И докторъ размѣялся не столько весело, сколько раздражительно и сухо.

Молодая женщина поняла этотъ смѣхъ. Она поднялась и вдругъ выговорила страннымъ голосомъ, не то надменно, не то повелительно и грозно.

— Знаете что, господинъ докторъ, мнѣ иногда кажется, что вы не за свое дѣло взялись, что вы не въ свою среду попали. Мнѣ иногда кажется, что вы намъ не товарищъ, или хуже того—плохой товарищъ. Вамъ иногда не по душѣ то, что для насъ самое задушевное. Я увѣрена, что вы, напри-мѣръ, не рѣшитесь собственной рукой воткнуть ножикъ кому-нибудь не только въ грудь, но даже изъ-за угла въ спину, какія бы горы золота вамъ не обѣщали.

— А вы, графиня, рѣшитесь?

— Я вамъ говорила уже не разъ—меня здѣсь не называйте такъ. Отвѣчая вамъ на вашъ вопросъ, скажу искренно: не знаю. Мнѣ кажется, что если бы было нужно—я бы рѣшилась. Во всякомъ случаѣ, занеся руку съ ножомъ и дѣлаясь убійцей, я бы боялась только одного, что если у меня хватить силы на сердцѣ, то не хватить силы въ мышцахъ руки... Ну, да не въ томъ дѣло... Если вы намъ не сочувствуете, то бросьте насъ.

Докторъ молчалъ нѣсколько мгновений и, наконецъ, выговорилъ:

— Не могу.

— Почему?

— Станный вопросъ. Вы лучше меня знаете. Потому, что вы будете меня бояться какъ доносчика на васъ, и по вашему приказанію на третій же день этотъ самый вашъ Канарь испробуетъ свое искусство на мнѣ. А я умирать еще не желаю... Впрочемъ, бросимъ этотъ разговоръ. Я съ вами, въ вашемъ обществѣ, принесъ вамъ клятву въ соблюденіи тайны,

объщался дѣйствовать по мѣрѣ силъ и разума, почти не щадя себя и рискуя идти въ каторгу всякій день. Чего же вамъ больше? А лежить ли у меня сердце къ этой вашей дѣятельности, раскаиваюсь ли я, какое вамъ дѣло, графиня... Виновать, сударыня.

Докторъ вышелъ и прошелъ первую горницу, не останавливаясь и не прощаясь ни съ кѣмъ. Молодая женщина появилась на порогѣ и позвала старуху, снова затворивъ двери.

— Ну, что, Роза? выговорила она, снова садясь.

Старуха по сѣдымъ волосамъ и морщинамъ на лицѣ, но въ сущности женщина лѣтъ не болѣе 50-ти, начала рассказъ о своихъ похожденияхъ и снова случилось то же. Въ рассказѣ появлялись довольно извѣстные имена высшаго придворнаго круга, магистратуры, но и подонковъ Парижа, имена личностей того дна морского или людского моря, которое есть во всякомъ густо населенномъ городѣ. Роза, къ которой такъ не шло это имя, окончила быстро свой докладъ и просила приказаній.

Молодая женщина достала изъ кармана большой ключъ, подошла къ громадному шкафу, быстро отворила его и дала держать старухѣ замокъ. Роза покачала замокъ въ рукахъ, какъ дѣлала всегда, и прибавила въ сотый разъ, если не въ тысячный:

— Недурно!.. Этимъ можно легко убить человѣка.

— Убить человѣка всѣмъ можно, милая Роза, и этотъ тяжелый замокъ одно изъ самыхъ плохихъ орудій. Вотъ это будетъ лучше.

И красавица, едва замѣтно усмѣхаясь, подала старухѣ пузырекъ съ какой-то желтоватой жидкостью.

— Помните только, что сначала не болѣе ложки, а потомъ удваивайте порцію съ каждымъ разомъ.

— И въ три дня будетъ готовъ?

— Въ три дня не будетъ готовъ, а въ недѣлю — навѣрное... усмѣхнулась красавица.

— А если, madame Реми... Если они доктора позовутъ. Онъ дастъ противоядіе.

— Нѣтъ. Онъ дастъ лѣкарство отъ выдуманной имъ болѣзни. А оно не поможетъ.

Заперевъ шкафъ и отпустивъ старуху, молодая женщина позвала ожидавшаго ее, тучнаго, пожилого человѣка съ красноватымъ лицомъ и отвратительнымъ выраженіемъ во взглядѣ

маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Онъ, сопя и ни слова не говоря, полѣвъ въ карманъ, досталъ оттуда мѣшочекъ, развязалъ его и высыпалъ на столъ нѣсколько горстей червонцевъ.

— А!.. странно произнесла госпожа Реми и взоръ ея блеснулъ. Спасибо, милый Канарь, mon petit canard... мой маленькій утеночекъ... Вы не чета другимъ моимъ слугамъ. Вы всегда съ радостной новостью. У васъ меньше словъ, а больше дѣла.

Красавица протянула руки къ кучкѣ монетъ, тускло сиявшей на столѣ отъ сумерекъ, хотѣла тронуть нѣсколько золотыхъ, но вдругъ отдернула руку и пригнулась ближе къ столу.

— Что это?!.. выговорила она наклоняясь, и легкая гримаса немного исказила ея лицо.

— Что? произнесъ лѣниво и какъ бы соннымъ голосомъ Канарь.

— Мнѣ кажется, на нѣсколькихъ монетахъ... да... положительно... Кровь...

— Можетъ быть... тѣмъ же соннымъ голосомъ произнесъ Канарь. Не мыть же мнѣ ихъ. Я не прачка...

— Да, но хоть предупредите... Это гадко, противно... Отчего это онѣ испачканы...

— Право же не знаю... Можетъ быть, отъ рукъ...

— Вы мнѣ, Канарь, на-дняхъ будете нужны.

— Радъ служить, госпожа Реми. Когда прикажете?

— Приходите сюда черезъ четыре дня.

— Ради грабежа... или ради... устранения?.. улыбнулся отвратительной улыбкой этотъ краснолицый человѣкъ.

— Ради устранения! размѣялась госпожа Реми. Прелестное слово. Да, надо устранить помѣху въ видѣ мужа.

— Вашего мужа? удивленно выговорилъ Канарь.

— Вы съ ума сошли! воскликнула красавица, но тотчасъ весело размѣялась. Мой въ качествѣ мужа давно умеръ, а какъ обыватель этой планеты мнѣ не мѣшаетъ. Нѣтъ, не моего мужа, а другого мужа. Я вамъ тогда скажу. Прощайте.

Госпожа Реми, оставшись одна, улыбаясь, собрала золото, завернула въ платокъ, и затѣмъ начала одѣваться...

XXI.

Въ тотъ же вечеръ, въ центрѣ Парижа, неподалеку отъ Лувра, въ большомъ домѣ, тоже походившемъ на маленькій дворецъ, всѣ окна ярко горѣли огнями, а по прилегающимъ

улицамъ и на дворѣ двигались, подъѣзжая и отъѣзжая отъ главнаго подъѣзда, цѣлыя вереницы экипажей. Домъ этотъ, или hôtel, какъ зовутъ парижане большіе и богатые частные дома, принадлежалъ придворному сановнику, принцу Субизу.

Уже 70-тилѣтній старикъ, фельдмаршалъ, бывшій министръ, принцъ два раза въ году давалъ балы, на которыхъ всегда появлялись король, королева и всѣ члены королевской фамиліи, а за ними, конечно, и вся знать. Бывать въ числѣ приглашенныхъ принца-фельдмаршала служило какъ бы знакомъ отличія и рекомендаціей. Переступавшій порогъ этого полудворца, тѣмъ самымъ какъ бы приобрѣталъ право бывать въ домахъ всей аристократіи.

Самъ принцъ былъ любезный и привѣтливый старикъ. Когда-то, въ юности, онъ былъ адъютантомъ Людовика XV и носилъ прозвище: „сердечный другъ короля“. вмѣстѣ съ тѣмъ, за всю свою жизнь, онъ былъ пріятелемъ всѣхъ фаворитокъ покойнаго короля, близкій другъ госпожи Помпадуръ, а затѣмъ наперсникъ смѣнившей ее, знаменитой Дюбарри. Черезъ бракъ его дочери съ знаменитымъ принцемъ Конде, аристократъ древняго происхожденія вторично и ближе породнился съ королевской семьей.

Богато убранныя залы и гостиныя отеля принца скоро переполнились густой толпою всего, что было самага блестящаго въ Парижѣ. Король, всѣ члены королевской фамиліи присутствовали на балѣ, а вмѣстѣ съ ними были тутъ же десятки лицъ, оставшихся безсмертными въ исторіи и въ лѣтописяхъ Франціи. Тутъ были принцы Конде и Конти, герцогини Шверезъ и Лонгвиль, графиня Ламбаль, герцоги Шуазель и Монморанси, и другіе. Въ числѣ гостей были тутъ и полудуховныя лица, кардиналы и аббаты, но не въ своей, имъ полагающейся по званію, одеждѣ, а въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ. Въ красивой кардинальской одеждѣ, но не самой парадной, присутствовалъ только одинъ папскій нунцій.

Кромѣ стариннаго дворянства были тоже и извѣстныя лица изъ недавно вышедшихъ въ люди, вродѣ Неккера, и, наконецъ, въ числѣ приглашенныхъ гостей попадались чужеземцы: англійскіе лорды съ семьями, итальянскіе принчипе и испанскіе гранды.

Гостиныя были переполнены сплошь. Въ большой залѣ шли танцы. Повсюду говоръ толпы гостей сводился только къ одному вопросу: „почему королевы нѣтъ на балѣ“. Многіе утвер-

ждали, что Марія-Антуанета нездорова; другіе увѣряли, что она не пріѣхала, вслѣдствіе своей давнишней ненависти, загадочной и необъяснимой, ко всей сѣмьѣ Рогановъ, а въ особенности къ знаменитому страсбургскому епископу, кардиналу Рогану. Эти толки и пересуды имѣли нѣкоторое основаніе. Родственникъ принца Субиза, прямой потомокъ знаменитаго дома Рогановъ, Людовикъ, присутствовалъ на балѣ и былъ нѣсколько смущенъ, какъ бы сознаваясь внутренно, что королева изъ-за него не почтила балъ Субиза своимъ присутствіемъ.

Людовикъ Роганъ былъ личностью весьма извѣстной и популярной въ Европѣ. Когда-то, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, онъ былъ посланъ ко двору Маріи Терезіи и былъ главнымъ агентомъ Франціи при переговорахъ о бракосочетаніи ея дочери съ дофиномъ, и сталъ близкимъ человѣкомъ къ императрицѣ Австрійской. Но затѣмъ, когда ея дочь, Марія Антуанета сдѣлалась женою наслѣдника французскаго престола, и она сама и Марія Терезія стали относиться къ кардиналу Рогану сухо и сдержанно. Когда же дофинъ сдѣлался королемъ, то королева Марія-Антуанета явно выказывала крайнее пренебреженіе, а подчасъ и отвращеніе къ пожилому, но молодящемуся кардиналу Рогану, а изъ-за него и ко всей его роднѣ.

Король пробылъ на балѣ не болѣе получаса. За послѣдніе годы, сильно пополнивъ, какъ бы облѣнившись, король все менѣе появлялся въ публичныхъ мѣстахъ.

Хотя и много было красавицъ среди тысячной толпы приглашенныхъ, тѣмъ не менѣе одна изъ нихъ, при проходѣ изъ одной гостиной въ другую, обращала на себя особое вниманіе. Не столько правильной красотой поражала она, сколько выраженіемъ лица и изяществомъ всей своей фигуры, походкой, движеніями, манерой держать себя нѣсколько надменно, но граціозно. Великолѣпное платье ея, даже среди многихъ другихъ великолѣпныхъ женскихъ нарядовъ, бросавшееся въ глаза, было шито изъ толстой серебристой, ярко сіяющей ткани, корсажъ, рукава и шлейфъ были убраны красивыми бантами, гдѣ перемѣшивалось черное кружево съ голубыми лентами. Эта отдѣлка платья, нѣсколько оригинальная, имѣла свой смыслъ или цѣль. Въ этой красавицѣ было нѣчто, одна особенность, къ которой именно и шла эта отдѣлка. У другой женщины она не имѣла бы того же смысла. Больше

темноглубые глаза, съ совершенно черными, какъ уголь, бровями и были причиной отдѣлки... Къ этимъ-то глазамъ и бровямъ кокетка какъ бы пригоняла свой нарядъ. И всякій, среди многолюдной толпы гостей, невольно замѣчалъ это и говорилъ, что отдѣлка изъ чернаго съ голубымъ—подъ цвѣтъ прелестныхъ глазъ и оригинальныхъ бровей,—чрезвычайно эффектна.

Молодая женщина не обращалась сама ни къ кому и нѣсколько высокомерно ждала, чтобы другіе подошли къ ней и заговорили. Но при этомъ замѣчалась та исключительная черта, что за весь вечеръ къ ней не подошла ни одна женщина, ни пожилая, ни молодая, какъ бы ожидая перваго шага съ ея стороны. Всѣ подходившіе были мужчины и большинство изъ нихъ поклонники красавицы. Самъ принцъ Субизъ, привѣтливый ко всѣмъ гостямъ, при ея появленіи нѣсколько насутился, нѣсколько сухо отдалъ ей поклонъ на ея низкій реверансъ. Когда же красавица отошла, хозяинъ дома обратился къ ближайшему своему сосѣду и выговорилъ:

— Мой двоюродный братецъ, кардиналъ, награждаетъ меня изрѣдка не совсѣмъ пріятными для меня посѣтителями.

— Вы говорите о графинѣ Ламоть? удивленно спросилъ гость, провожая глазами гостью въ блестящемъ костюмѣ.

— Да. Признаюсь, я не долюбливаю ее. Красавица, но у нея чрезвычайно злое выраженіе лица... Но не въ томъ дѣло... А я не люблю видѣть на женщинѣ, двусмысленнаго происхожденія и не имѣющей извѣстнаго, на глазахъ у всѣхъ существующаго, богатства, такіа дорогія парюры. Посмотрите на ея ожерелье, на ея браслеты, на всѣ эти брилліанты, жемчугъ и камни!

— Да, на ней всегда замѣчательныя вещи и по изяществу, и по цѣнности! отозвался гость.

— А откуда это?! Я вѣрю, что только ея хорошенькая шейка и ея прелестныя плечи ей законно принадлежать! Но все, что на нихъ—врядъ ли. На всю эту парюру можно было бы купить такой же отель, какъ мой, а у нея нѣтъ и маленькаго свсего дома въ Парижѣ.

Красавица, къ которой такъ недружелюбно отнесся хозяинъ, была дѣйствительно на этомъ балѣ, благодаря кардиналу, епископу страсбургскому. Онъ выхлопоталъ ей приглашеніе у принца и дѣйствительно въ этотъ вечеръ графиня Ламоть, не подходившая сама ни къ кому, при видѣ кардинала Людовика, быстро направилась къ нему. И тотчасъ же вмѣстѣ перешли

они въ крайнюю, маленькую гостиную и довольно долго бесѣдовали въ полголоса.

Многіе изъ гостей, пройдя по всѣмъ апартаментамъ, входили и въ эту маленькую гостиную, но при видѣ бесѣдующихъ—знаменитаго кардинала Людовика съ не менѣе извѣстной красавицей графиней Ламоть, всякій тотчасъ уходилъ, чтобы не мѣшать имъ. Но, наконецъ, въ этой комнатѣ появился молодой человѣкъ высокаго роста, изящный, красивый, въ мундирѣ королевскаго полка, именовавшагося Кравать. Не зналъ ли онъ въ лицо всей Франціи извѣстнаго кардинала Рогана, или по разсѣянности, но онъ преспокойно остался въ крошечной комнаткѣ, сѣлъ на диванъ и, не глядя на нихъ, глубоко задумался.

— Какъ это глупо! произнесла графиня Ламоть довольно громко и слегка дернувъ красивымъ плечикомъ; она какъ бы указывала этимъ движеніемъ на расположившагося по близости офицера.

— Да, не совсѣмъ вѣжливо, произнесъ Людовикъ Роганъ. Это потому, что я въ свѣтскомъ придворномъ платьѣ, а будь я сегодня въ моей кардинальской одеждѣ, онъ бы отнесся ко мнѣ съ большимъ почтеніемъ и не расположился бы передо мною въ двухъ шагахъ, какъ еслибъ онъ былъ у себя дома или въ казармѣ.

Молодой человѣкъ могъ это слышать, но былъ слишкомъ поглощенъ какой-то тревожной думой, отражавшейся на его лицѣ и позѣ. Красивое лицо его, по сдвинутымъ бровямъ, опущенному взору и задумчиво сжатымъ губамъ, было сумрачно, даже болѣе, онъ какъ бы томился.

— Это все равно, говорила между тѣмъ графиня Ламоть, если бы вы были теперь даже въ вашемъ кардинальскомъ облаченіи, онъ не удостоилъ бы васъ своего вниманія. Знаете ли вы, кто это? Это личность довольно интересная.

— А вы знаете, графиня?

— Конечно.

— Мнѣ кажется, что вы не только весь Парижъ, но вы знаете весь міръ.

— Болѣе или менѣе, господинъ кардиналь.

— Кто же этотъ неучъ, графиня?

— Повторяю, очень интересная личность, уже шепотомъ заговорила красавица. Вы такихъ, быть можетъ, еще нигдѣ никогда не видѣли, хотя и много путешествовали. Это иностранецъ, но какой?—вотъ вопросъ. Откуда?

— Индѣецъ? разсмѣялся Роганъ.

— Почти.

— Однако?

— Русскій, ваша свѣтлость.

— Русскій?

— Да, русскій бояринъ. Этотъ гость здѣсь почти прямо съ береговъ Невы.

— Это очень любопытно! проговорилъ Роганъ, вглядываясь въ задумчиваго молодого человѣка. Что жъ онъ: бояринъ или князь?

— Онъ просто—господинъ Норичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по увѣренію нашего министра иностранныхъ дѣлъ, почти имѣетъ косвенныя права... весьма высокія...

— Что вы говорите, графиня?! Вы шутите!?

— Нисколько... Когда-нибудь я могу рассказать вамъ, какимъ образомъ простой русскій дворянинъ можетъ имѣть такія права въ сѣверныхъ странахъ.

— Я увѣренъ, графиня, что это чистѣйшая выдумка, разсмѣялся кардиналь. Мы, французы, часто выдумываемъ Богъ вѣсть какія нелѣпости на чужія страны и государства.

— Онъ внукъ великаго Петра, ваша свѣтлость.

— Съ боку, по природѣ, а не по закону—надѣюсь.

— Конечно. То, что мы называемъ: татаръ.

— Можетъ быть. Но здѣсь скучно... Расскажите теперь и мы уберемъ время.

— Это трудно, ваша свѣтлость. Онъ можетъ перестать глубокомысленно мечтать, вдругъ очнуться и, придя въ себя отъ своихъ мечтаній, услышать свою біографію. Это будетъ очень глупо...

— Да. Вы правы, графиня. Такъ уйдемте отсюда.

XXII.

Тотчасъ, вслѣдъ за Роганомъ и красивой графиней, которые, выйдя, потерялись въ густой толпѣ другихъ гостей, въ ту же самую комнату вошли двѣ женщины. Молодой человѣкъ невольно сразу пришелъ въ себя, поднялся и, поздоровавшись съ обѣими, уступилъ имъ диванчикъ, на которомъ сидѣлъ передъ тѣмъ.

Эти двѣ госты на балу у принца Субиза отчетливо и рѣзко, какъ пятно, отдѣлялись отъ всѣхъ. Обѣ онѣ, съ головы до пятъ, были въ черномъ, а между тѣмъ элегантныя черныя платья были не трауромъ, а обычаемъ ихъ отечества. Обѣ

онѣ были испанки. Одной изъ нихъ было лѣтъ 50, но казалось еще больше, не отъ сѣдыхъ волосъ, которыхъ не было видно подъ пудрой, а по толстому, оплывшему лицу. Она была черезчуръ толста, неуклюжа въ походкѣ и въ лѣнливыхъ движеніяхъ и очень некрасива. Это была маркиза Кампо д'Оливасъ.

Испанская грандесса по отцу и старая дѣва, она была прежде аббатисой или настоятельницей одного изъ испанскихъ женскихъ монастырей, но теперь покинувшая свою должность и жившая уже съ годъ въ Парижѣ. Она была извѣстна всему двору и аристократіи, какъ благодаря своему происхожденію, такъ и по милости громаднаго состоянія. Это болѣе чѣмъ миллионное состояніе заключалось въ большихъ помѣстьяхъ въ Андалузіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ корабляхъ, плававшихъ между испанскими портами и колоніями. Конечно, въ столицѣ Франціи это состояніе преувеличили и говорили, что оно въ нѣсколько миллионѡвъ. Однако, все это принадлежало не старой дѣвицѣ, по имени Ангустиасъ, а той, которая теперь вошла и сидѣла около нея, то есть ея племянницѣ, по имени Эли. Да, все громадное состояніе принадлежало круглой сиротѣ, грандессѣ, маркизѣ Эли Кампо д'Оливасъ.

Шестнадцатилѣтняя красавица-дѣвушка была лишь подъ опекой своей родной тетки.

Въ этой юной и чрезвычайно красивой представительницѣ южной Испаніи не было однако ничего, что составляетъ отличительныя черты красавицъ Андалузіи. Тамъ, у себя, она была замѣчательнымъ исключеніемъ. Здѣсь же въ ней не было, повидимому, ничего особеннаго. Дѣло въ томъ, что Эли была совершенно бѣлокурая, съ синими глазами, съ блѣднымъ лицомъ. Она скорѣе могла походить на англичанку и еще болѣе на голландку, но никакъ не на испанку. Эту личность тамъ, на родинѣ, объясняли тѣмъ, что ея прабабка по отцу была дѣйствительно истая фламандка. Но если Эли не была красива на подобіе андалузскихъ красавицъ, то была все-таки чрезвычайно хороша собой: высокая, стройная, съ матовымъ овальнымъ личикомъ, какъ у креолокъ, и при этомъ маленькій орлиный носикъ съ горбинкой, хорошенькій крошечный ротикъ, съ нѣжно розовыми, пухленькими губками и съ чрезвычайно милой улыбкой. Тетка-опекунша, конечно, обожала племянницу. Она очень рада была покинуть свое аббатство, отказаться отъ своей почетной должности, чтобы заняться воспитаніемъ сироты и въ то же время приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ ея дѣлъ.

Покойный герцогъ Кампо д'Оливасъ велъ такую распущенную жизнь, что преждевременно убилъ себя и въ то же время чуть-чуть не уничтожилъ до тла все огромное состояніе, скопленное его предками и отцомъ. Самое пребываніе старой дѣвицы-маркизы вмѣстѣ съ племянницею въ Парижѣ было вызвано устроеніемъ дѣлъ. Французская флотилія, гдѣ-то въ колоніяхъ, среди океана, грабительски захватила цѣлый островъ и водрузила знамя французскаго короля, а въ томъ числѣ большія помѣстья сироты-грандессы вдругъ сдѣлались собственностью французскаго государства. И вотъ старая дѣвица, напрасно прохлопотавъ заглазно цѣлый годъ, рѣшилась, вмѣстѣ со своей племянницей, ѣхать въ Парижъ, лично просить о заступничествѣ Людовика XVI, чтобы вернуть обратно завоенное или захваченное его солдатами.

Молоденькая, граціозная, на видъ наивная и даже черезчуръ какъ бы простодушная и ребячески неразвитая, Эли была въ сущности самое избалованное, своевольное и капризное дитя, которое когда-либо существовало. Сначала, чуть не съ рожденія, ее баловала мать, послѣ ея смерти еще болѣе баловаль отецъ, затѣмъ все общество, затѣмъ всѣ тѣ, на которыхъ, какъ всегда бываетъ, имѣло неотразимое вліяніе будущее богатство маленькой дѣвочки. Наконецъ, теперь эту избалованную и прихотливую сироту уже не могла не баловать опекунша-тетка. Было уже поздно измѣнять наклонности и характеръ этого маленькаго деспота. Впрочемъ, старая дѣвица и не хлопотала объ исправленіи нрава Эли. Она была совершенно поглощена огромными дѣлами юной питомицы и думала только о томъ, какъ бы распутать и снова привести состояніе въ порядокъ. Конечно, одновременно, старая дѣвица мечтала и о томъ, чтобы блестящимъ образомъ выдать замужъ своего баловня и деспота. Но въ этомъ случаѣ маркиза понимала, что хотя ея власть опекунши признается во всѣхъ владѣніяхъ герцоговъ Кампо д'Оливасъ и даже въ дальнихъ владѣніяхъ, среди Океана, но что власть эта окончательно не признана и не имѣетъ ни малѣйшаго значенія въ одномъ только крошечномъ мѣстечкѣ: въ сердцѣ юной сиротки! Для нея неотразимымъ закономъ была ея минутная вспышка, прихоть, капризъ, фантазія... Деспотъ надо всѣми, Эли была, такъ сказать, рабою своихъ прихотей. Она горько плакала иногда отъ жда, мѣшавшаго тотчасъ выйти на прогулку.

И въ отношеніяхъ старой дѣвицы и ея племянницы была

та особенность, что маркиза, заправлявшая всѣмъ и имѣвшая огромный авторитетъ во многомъ и во мнѣніи многихъ, не имѣла никакой власти надъ своей питомицей: Эли дѣлала положительно все, что хотѣла, до безразсудства.

Такъ теперь, уже мѣсяца съ два какъ онѣ могли вернуться къ себѣ въ Андалузю, а между тѣмъ оставались и жили въ Парижѣ. Эли этого хотѣла. Сначала она даже не объясняла теткѣ-опекуншѣ, почему она ни за что не хочетъ покинуть Парижъ и только за послѣдніе дни рѣшилась сознаться, такъ какъ старая дѣвица уже сама стала понимать причину.

Въ Парижѣ удерживало юную и капризную красавицу чувство, которое запало ей въ душу. Сначала она относилась къ нему шутливо, и только теперь обратилось оно въ сердечную привязанность, если не серьезную и глубокую, то, вслѣдствіе помѣхъ и затрудненій, въ упрямую и капризную, прихотливо-страстную вспышку. Она влюбилась и всѣмъ своимъ существомъ, всѣми помыслами принадлежала этому самому молодому человѣку, который сидѣлъ теперь около нихъ. Но для обѣихъ испанокъ онъ былъ не просто господиномъ Норичемъ, какъ называла его сейчасъ графиня Ламоть. Для нихъ онъ былъ московскій бояринъ, царственного происхожденія, по имени графъ Зарубовскій.

Только за послѣдніе дни пылкая и своенравная Эли, послѣ бесѣды наединѣ со своимъ возлюбленнымъ, была задумчива и разсѣяна, какъ будто она узнала отъ него что-либо новое, дурное, что тревожило ее. Тетка ничего не замѣчала и, вообще привыкнувъ исполнять всѣ прихоти своей питомицы, дружески встрѣчала Норича. Ея самолюбію льстило, что богачка-племянница, быть можетъ, выйдетъ замужъ за молодого, красиваго аристократа, съ такимъ же титуломъ какъ и онѣ, да, вдобавокъ, съ косвенными правами на какой-то престолъ.

Этому вымыслу многіе вѣрили въ Парижѣ и, конечно, сеньора Ангустиасъ, въ томъ же числѣ простодушныхъ людей, глядѣла на „господина Норича“ какъ на внука Петра Великаго, скрывающагося въ столицѣ подъ строгимъ инкогнито, ради политическихъ соображеній французскаго правительства.

Въ этотъ вечеръ Эли, уже довольно много потанцовавъ, казалась усталою. Она задумчиво и даже грустно поздоровалась съ Норичемъ и послѣ нѣсколькихъ фразъ бесѣды объявила теткѣ, что хочетъ домой.

— И вы съ нами! сказала она Норичу. Къ намъ, кушать мороженое и пить шербетъ моего стряпанья.

— Помилуй, Эли... Теперь полночь, возразила опекунша. И намъ и ему пора ѣхать спать, а не мороженое...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Эли. Когда я хочу... Иначе я проплачу всю ночь и вы хуже не заснете, тетушка.

— Что съ тобой дѣлать. Поѣдемте, Норичъ, вздохнула опекунша.

Молодой человѣкъ немного оживился, лицо его стало мегѣ сумрачно, потому что Эли дѣлала ему за спиной тетки какіе-то знаки и посылала ручкой поцѣлуй.

XXIII.

На краю города, почти въ предмѣстьѣ, названіе котораго Марэ, т. е. „болота“, свидѣтельствовало о томъ, насколько мѣстность эта была нездорова, видѣлось большое неуклюжее зданіе. Въ немъ въ это время былъ временно расположенъ королевскій полкъ Кравать. Нѣсколько небольшихъ домиковъ среди садовъ и пустырей были заняты, преимущественно, офицерами съ ихъ семействами.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, за небольшимъ палисадникомъ, на близкомъ разстояніи отъ казармы, жилъ прикомандированный къ полку полуофицеръ, полукапраль, происхожденіемъ иностранецъ. Товарищи офицеры обращались съ нимъ какъ съ равнымъ, посѣщали его и любили за его добрый нравъ. Онъ жилъ одинъ съ молоденькой сестрою и помимо этой полудѣвочки у него не было никакой родни. Небольшія средства къ жизни являлись изъ невѣдомаго никому источника. Деньги высылались откуда-то издалека. Какимъ образомъ онъ былъ причисленъ къ полку, откуда явился, было и товарищамъ неизвѣстно. Знали только одно, что онъ не французъ по его выговору, не испанецъ—по его внѣшности. Можетъ быть, онъ нѣмецъ, голландецъ. Нѣкоторые считали его американцемъ. Говорилъ онъ на многихъ языкахъ и, кажется, всего легче и лучше по-нѣмецки. Вообще, личность этого капрала была загадочна, вся жизнь и обстановка облечена какой-то тайной.

Это былъ Алексѣй, прежде графъ Зарубовскій, а теперь просто господинъ Норичъ.

Но для товарищей имя графа Зарубовскаго не существовало.

Товарищи знали, что Норичъ небогатый чужеземецъ, имѣетъ

доступъ въ дома высшихъ сановниковъ Франціи, что онъ изрѣдка бываетъ у такихъ лицъ, какъ Шуазель, Конде и другіе. Самъ онъ не любилъ говорить о себѣ, о своемъ прошломъ, о своей родинѣ, о надеждахъ и планахъ на будущее. Онъ говорилъ шутя, что онъ полунѣмецъ, полуславянинъ. Полковой командиръ утверждалъ, что Норичъ полякъ, но этому противорѣчило, однако, то обстоятельство, что молодой человѣкъ не зналъ по-польски ни слова и былъ не католикъ. Никогда никто не видалъ его въ церкви, не только католической, но даже и въ протестантской.

Когда-то, два года тому назадъ, молодой двадцатилѣтній малый, привезенный въ Россію по порученію графа Зарубовскаго, былъ заключенъ въ крѣпость, вслѣдствіе рѣшительнаго отказа согласиться на позорныя условія, предложенныя старымъ графомъ. Послѣ болѣе года пребыванія въ крѣпости, Алексѣй былъ выпущенъ, но не освобожденъ, а сосланъ въ Ярославскую губернію на жительство.

Здѣсь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, предварительно устроивъ чрезъ новаго пріятеля, раскольника, все для своего побѣга, молодой человѣкъ пѣшкомъ прошелъ все разстояніе, отдѣлявшее Ярославль отъ Москвы. Въ Москвѣ одинъ бояринъ и богачъ, къ которому онъ имѣлъ письмо отъ ярославскихъ раскольниковъ, принялъ его къ себѣ въ домъ, обласкалъ его, далъ денегъ и устроилъ его тайное путешествіе въ Ревель. Здѣсь молодой человѣкъ долженъ былъ сѣсть на корабль и очутиться внѣ предѣловъ русскихъ, чтобы вернуться въ Германію. Тамъ томилась одна въ ожиданіи, единственное существо ему близкое и дорогое—дѣвочка, которую онъ звалъ сестрой. Но тотъ же самый бояринъ, явившійся къ нему на помощь въ дѣлѣ бѣгства, вѣроятно своей болтливостью погубилъ молодого человѣка.

Въ ту минуту, когда Алексѣй сѣлся на корабль, онъ былъ арестованъ ревельской полиціей, закованъ въ кандалы, посаженъ въ мѣстную тюрьму, а затѣмъ, чрезъ мѣсяць, въ этихъ же кандалахъ препровожденъ въ Петербургъ. Съ отчаянія, нѣсколько разъ покушался молодой малый на свою жизнь, но неудачно: за нимъ былъ строжайшій присмотръ. Строго приказано было доставить его живьемъ. Здѣсь онъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и въ его камерѣ не было даже гвоздя, которымъ бы онъ могъ распороть себѣ горло. Оставалось развѣ разбить голову о каменную стѣну. Но че-

резь нѣсколько дней въ казематѣ появился пожилой, кругленькій человѣчекъ. Онъ сразу узналъ гостя—это былъ коварный и подлый нахлѣбникъ и наперникъ графа Зарубовскаго, тотъ же самый Норичъ, съ которымъ онъ провелъ такъ много времени въ путешествіи изъ Германіи въ Россію.

— Ахъ, еслибъ былъ у меня теперь ножъ! встрѣтилъ Алексѣй появившагося ненавистнаго ему человѣка.

Нахлѣбникъ этотъ, по порученію отъ графа, снова предложилъ молодому человѣку тѣ же условія и затѣмъ, конечно, немедленное освобожденіе съ обязательствомъ уѣхать изъ Россіи.

— Не губите себя, закончилъ рѣчь Норичъ. Если вы будете стоять на своемъ и противиться—вы умрете въ этомъ казематѣ. Это рѣшено!

Алексѣй чувствовалъ, что силы его надломлены и нравственно, и физически. Онъ упалъ духомъ, и теперь, даже не размышляя, согласился на все, клятвенно обѣщая исполнить всѣ условія договора. Черезъ недѣлю онъ былъ снова въ кабинетѣ графа Зарубовскаго, жившаго уже въ Петербургѣ, по прихоти молодой жены. Графъ принялъ его ласково, грустно смотрѣлъ на него, какъ бы сочувствуя и сожалѣя, но твердымъ голосомъ повторилъ свои условія. Алексѣй молчаливо соглашался на все, лишь бы позволили ему бѣжать изъ Россіи. И черезъ двѣ недѣли послѣ этого сѣлся на корабль въ Кронштадтѣ молодой человѣкъ съ именемъ Норича.

Вернувшись на Рейнъ, гдѣ юная и милая дѣвушка чуть не сошла съ ума отъ радости и счастья, молодой человѣкъ, отнынѣ господинъ Норичъ, объявилъ ей новость. Они должны были немедленно покинуть Германію и переселиться во Францію: это входило въ условія графа Зарубовскаго.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, въ Парижѣ, Алексѣй былъ принятъ, благодаря письму отъ французскаго посланника въ Петербургѣ герцогу Шуазёлю, въ королевскій полкъ Cravatte. Не будучи родомъ простолюдинъ, онъ не могъ быть солдатомъ, не будучи французскимъ дворяниномъ, онъ равно не могъ быть зачисленъ прямо офицеромъ. Онъ былъ принятъ какъ чужеземецъ, съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ, какъ-нибудь выслужить себѣ чинъ, а пока онъ считался капраломъ на льготныхъ правахъ и между прочимъ съ правомъ ношенія офицерскаго мундира. Юная сестра Лиза и здѣсь стала слыть за родную сестру его. Она была въ восторгѣ, какъ ребенокъ, увидя брата военнымъ, въ мундирѣ...

Вскорѣ послѣ того, что Алексѣй съ сестрой поселился въ Парижѣ, на этой маленькой квартиркѣ около казармъ, онъ получилъ приглашеніе отъ нѣкоего барона Бретейля пожаловать къ нему. Баронъ оказался сановникомъ. Когда-то, при Елизаветѣ и Петрѣ III и въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, Бретейль былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Изъ бесѣды бывшаго дипломата съ молодымъ человѣкомъ выяснилось, что Бретейль знаетъ Россію, пожалуй, еще лучше, чѣмъ г. Норичъ. Онъ попросилъ молодого человѣка быть съ нимъ вполнѣ искреннимъ и рассказать всю свою исторію, не скрывая ничего. Алексѣй, сдѣлавшись господиномъ Норичемъ поневолѣ, былъ слишкомъ однако честный человѣкъ, чтобы не сдержать клятвы, данной графу Зарубовскому, молчать обо всемъ съ нимъ происшедшемъ и, такъ сказать, о тайнѣ его существованія. На уклончивые отвѣты молодого человѣка, баронъ Бретейль объяснилъ ему слѣдующее:

— Мой юный другъ, если вы не хотите отвѣчать на мои вопросы, то только повредите себѣ, лишите меня возможности всячески быть вамъ полезнымъ. Я получилъ письмо изъ Россіи, въ которомъ меня просятъ сдѣлать для васъ все возможное, всячески облегчить ваше существованіе. При этомъ личность, которая мнѣ пишетъ, которую я знавалъ хорошо въ Россіи, очень и очень высокопоставленная особа... Назвать ее я не могу и не назову. Эта личность въ письмѣ своемъ объясняетъ мнѣ подробно все то, о чемъ вы дали клятву умалчивать. Поэтому, я знаю всю вашу судьбу.

Когда Бретейль дѣйствительно передалъ Алексѣю все, что онъ самъ зналъ о себѣ, то прибавилъ:

— Мнѣ нужно только одно, чтобы вы сказали мнѣ: правда ли все это, или выдумка? Ваша клятва, данная графу Зарубовскому, не мѣшаетъ вамъ отвѣтить мнѣ одно слово: „Да“, или слово: „Нѣтъ“.

Молодой человѣкъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да... Все это истинная правда... Горькая правда... ужасная правда!.. Такая правда, которая заставитъ меня раньше или позже прекратить свое существованіе самоубійствомъ.

— Нѣтъ, мой другъ, отозвался Бретейль, эта правда, напротивъ, должна помочь вамъ, если не вернуть все то, что вы потеряли и на что имѣли бы право,—то по крайней мѣрѣ завоевать себѣ положеніе лучше, чѣмъ то, въ которомъ вы теперъ находитесь. И въ этомъ я помогу вамъ.

Не далѣ какъ черезъ мѣсяцъ капралу Норичу было положительно обѣщано, что онъ при первой возможности будетъ произведенъ въ офицеры, а затѣмъ переведенъ въ число мушкетеровъ короля, которые составляли его личную стражу во дворцѣ. Въ ней служилъ цвѣтъ молодежи изъ аристократическихъ фамилій.

XXIV.

Вскорѣ послѣ этого поступленія въ полкъ, красивый, умный и элегантный молодой человекъ, говорящій на многихъ языкахъ, много сравнительно путешествовавшій и много видавшій, еще болѣе испытавшій, былъ представленъ въ нѣкоторые дома высшаго круга. Тайственность, которой облечена была его личность, конечно прибавляла не малую долю успѣха въ обществѣ.

Норичъ сдержалъ свою клятву и никогда никому не говорилъ о своемъ происхожденіи. По всей вѣроятности баронъ Бретейль, не дававшій никакой клятвы, не считалъ долгомъ умалчивать о томъ, что зналъ о молодомъ русскомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ *le batard imperial de Noritch* былъ приглашаемъ повсюду на вечерахъ и балахъ всего высшаго столичнаго общества. А въ Парижѣ гуляла легенда объ его царственномъ происхожденіи.

И вотъ тогда-то, на одномъ изъ баловъ у герцогини Швербъ, онъ встрѣтилъ двухъ такихъ же иноземокъ, какъ онъ самъ. Это была маркиза Кампо д'Оливасъ съ сиротой-питомицей. Алексѣй былъ представленъ маркизѣ и скоро появился у нея въ домѣ. Затѣмъ онъ сталъ бывать чаще, и наконецъ, незамѣтно, въ первый разъ въ жизни, почувствовалъ себя влюбленнымъ страстно и пылко въ это юное и граціозное существо, вокругъ котораго толпилась куча поклонниковъ. Казалось, что хуже выбрать предметъ любви было трудно. Во всемъ Парижѣ было, быть можетъ, не болѣе пяти молодыхъ дѣвушекъ, на руку и сердце которыхъ было столько претендентовъ, сколько у юной Эли д'Оливасъ. Норичъ понималъ безсмысліе своего поведенія. Но сердце не спрашивается! При первой вспышкѣ любви слѣдовало перестать бывать въ домѣ. Но онъ не совладалъ со своимъ сердцемъ.

Послѣ цѣлой зимы тайныхъ мукъ, Норичъ уже готовъ былъ снова вернуться къ мысли о самоубійствѣ, но уже по другимъ причинамъ — отъ безнадежной любви. Простой случай

спасъ его или раскрылъ ему глаза. Слишкомъ большая доля честности или сердечной наивности, а, быть можетъ, просто природной скромности, помѣшали молодому человѣку раньше увидѣть и понять, что баловница судьбы, красавица и сирота, обладающая несмѣтнымъ богатствомъ, любить его взаимно.

Молодые люди объяснились и причудливая, пылкая Эли объявила возлюбленному, что никогда, ни за кого не пойдетъ замужъ помимо его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ аристократка-грандесса прямо спросила у возлюбленнаго, справедливы ли тѣ темные слухи, которые ходятъ объ его происхожденіи и объ его трагической судьбѣ. И на этотъ разъ молодой человѣкъ не могъ сдержать клятвы, данной графу Зарубовскому. Онъ искренно и правдиво рассказалъ всю свою судьбу. Эли была поражена какъ громомъ, узнавъ всѣ обстоятельства несчастной судьбы любимаго ею человѣка.

— Стало быть то, что говорить весь Парижъ о вашемъ происхожденіи отъ Императора Петра Россійскаго—вымыселъ? тревожнымъ голосомъ спросила она послѣ долгой паузы.

— Конечно... Все это выдумки праздныхъ людей.

— Ни слова нѣтъ правды въ этомъ?

— Ни слова.

— Это ужасно, Алекъ. Тетушка да и я—мы были увѣрены... Иначе...

— Вы бы и не обратили на меня вниманія!?. воскликнулъ Алексѣй.

— Зачѣмъ лгать... Не знаю. Можетъ быть, и да.

— Я въ этомъ не виноватъ. Да и вообще ни въ чемъ не виноватъ! Я не назывался у васъ вымышленными званіями... Напротивъ того, будучи по закону графомъ Зарубовскимъ—я зовусь фамиліей какого-то польскаго шляхтича, нахлѣбника моего дѣда.

— Стало быть, баронъ Бретейль самъ выдумалъ все...

— Да. Баронъ... Или другой кто...

— Но зачѣмъ, съ какой же цѣлью? допытывалась дѣвушка въ волненіи и смущеніи.

Алексѣю казалось, что она не вѣритъ ему, что она все еще надѣется на что-то... Она, будто утопающая, которая хватается за соломинку, выспрашивала и пытала его, надѣясь въ какомъ-нибудь отвѣтѣ найти противорѣчіе... А это противорѣчіе заставитъ ее сомнѣваться въ истинѣ всего, что она узнала. А сомнѣніе позволить ей еще надѣяться...

— Да неужели же вы теперь никогда снова не будете, ну, хоть только графомъ Зарубовскимъ!

— Никогда! Если умреть этотъ младенецъ, сынъ дѣда, тогда можетъ быть... Но вѣдь у графини могутъ родиться еще другія дѣти! говорилъ Алексѣй.

Эли была настолько поражена, что нѣсколько дней не выходила изъ своей горницы. Алексѣй, не видя ее, сталъ смущаться, скучать и томиться. Наконецъ, она снова появилась и тайно отъ тетки-опекунии вела себя съ нимъ непринужденно, ласково и любовно и относилась къ Алексѣю какъ бы къ жениху своему. Наступило для нихъ время единожды бывающее въ жизни людей, время первой, пылкой, взаимной страсти двухъ существъ.

Чувство восторга и упоенія отъ счастья продолжалось лишь нѣсколько дней и снова отчаяніе овладѣло сердцемъ молодого человѣка. Онъ видѣлъ, что Эли страстно любитъ его первой любовью южной натуры, порывисто и пылко, но не смотря на это возлюбленная стала часто говорить ему, что не рѣшится выйти за него замужъ какъ за господина Норича, и даже господина Зарубовскаго. Поэтому прежде чѣмъ думать объ ихъ бракѣ, надо добиться и устроить мудреное дѣло. Надо ему называться графомъ Зарубовскимъ.

— Тетушка того же мнѣнія, — сказала Эли. Но мнѣ все равно, что думаетъ и говоритъ тетюшка. Я исполняю только то, что мое желаніе, моя воля. Въ этомъ отношеніи признаюсь, что мое желаніе далеко не прихоть, чтобы вы добыли снова себѣ всѣ тѣ права, которыя у васъ отняли. Поѣзжайте въ Россію, возвращайтесь графомъ Зарубовскимъ — и я ваша! Если на это нужны деньги, возьмите ихъ. Сколько бы ни было! Я съ удовольствіемъ даю ихъ вамъ на это общее наше дѣло. Если нужно даже сто, двѣсти тысячъ, то возьмите ихъ. Тетушка говоритъ, что она дастъ вамъ ихъ.

Напрасно Алексѣй съ отчаяніемъ на сердцѣ объяснялъ возлюбленной, что деньгами въ данномъ случаѣ ничего сдѣлать нельзя, что тотъ человѣкъ, т. е. его дѣдъ, отъ котораго все зависитъ, самъ владѣетъ миллионнымъ состояніемъ.

— Поймите, Эли, что это невысказано! говорилъ Алексѣй. Если я поѣду отвоевывать себѣ титулъ и имя графа Зарубовскаго, то останусь гдѣ-нибудь въ крѣпости около Петербурга или окажусь на дальней окраинѣ Сибири, пожалуй, въ Камчаткѣ. Поймите, что коварной графинѣ Зарубовской по-

кровительство въ Россіи самые могущественные люди. Есть одна личность, которая могла бы мнѣ помочь...

— Кто?

— Я не хочу пока называть вамъ ее. Эта личность, конечно, однимъ мановеніемъ властной руки можетъ все сдѣлать, но... очевидно не хочетъ! Слѣдовательно, намъ надо разстаться. Другого исхода нѣтъ.

Искренно огорченная Эли отвѣчала со слезами на глазахъ:

— Дайте мнѣ еще подумать.

Съ этого дня молодые люди видѣлись нѣсколько рѣже. Эли никогда не заговаривала и не напоминала объ этой бесѣдѣ. Она стала опять беззаботно весела, нѣсколько сдержаннѣе съ нимъ, но иногда, однако, онъ ловилъ на себѣ ея взглядъ, задумчивый и грустный. Раза два рѣшился онъ спросить у возлюбленной, къ какому заключенію пришла она. Эли отвѣчала все то же:

— Дайте мнѣ подумать.

Время шло, и что творилось на душѣ юной красавицы, прихотливой, избалованной судьбою и людьми, окруженной всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать богатство и общественное положеніе,—трудно было сказать. Переживало ли что-нибудь ея сердце или нѣтъ?! „Быть можетъ (говорилъ самъ себѣ иногда Алексѣй) она забыла думать о томъ, что гложетъ его сердце“. За это послѣднее время, нѣсколько разъ, Эли, шутя, иногда насмѣшливо, съ остроуміемъ, прибаутками, рассказывала наединѣ Алексѣю, кто за ней ухаживаетъ, кто когда объяснялся въ любви.

Наконецъ, теперь, послѣ бала у знаменитаго принца Субиза, когда молодые люди сидѣли одни въ гостиной отеля маркизы, а тетка ея, уставшая отъ бала, уже легла въ постель,—Эли рассказала Алексѣю о новой побѣдѣ, о новыхъ предложеніяхъ руки и сердца.

— Знаете вы мушкатера короля, кавалера д'Уазмонъ? Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе на балѣ у Субиза. Я ему сказала, что мнѣ очень мудрено выйти замужъ, ибо я дала себѣ клятву выйти за того молодого человѣка, который, будучи знакомъ со мной три мѣсяца—въ теченіе ихъ не предложитъ мнѣ руку и сердце.

Алексѣй даже не улыбнулся на эту штуку дѣвушки, въ которой была доля правды. Черезъ мгновеніе, однако, онъ рѣшился и спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Такъ скажите то же и мнѣ! Когда будетъ конецъ моимъ мукамъ... Когда же дадите вы мнѣ окончательный, послѣдній отвѣтъ?

— Завтра, отозвалась Эли чуть слышно.

— Завтра? невольно воскликнулъ Алексѣй.

Она грустно повторила то же слово и прибавила:

— Но что я вамъ отвѣчу, я, вотъ какъ предъ Богомъ, сама еще не знаю.

— Вы сами не знаете?..

— Да не знаю. То я думаю, что „да“, то думаю, что „нѣтъ“.

Пристально, пытливо смотрѣлъ молодой человекъ въ глаза своей возлюбленной, но не могъ угадать или прочесть ничего на лицѣ ея. А между тѣмъ, она рѣшить вопросъ о его существованіи. Послѣ отказа этого обожаемаго имъ существа, котораго онъ перенести не надѣялся, ему не оставалось ничего на свѣтѣ. Онъ твердо рѣшилъ, передавъ формальнымъ образомъ свои права на пенсію изъ Россіи молоденькой сестрѣ, покончить съ собой.

— Завтра... завтра... завтра... задумчиво повторяла дѣвушка.

— Но прежде чѣмъ узнать вашу отвѣтъ, вымолвилъ вдругъ Алексѣй измѣнившимся отъ волненія голосомъ, я долженъ вамъ сказать, Эли, что ваше „нѣтъ“ будетъ для меня смертнымъ приговоромъ. Я далъ клятву себѣ...

— Какимъ образомъ, Алекъ?

— Я застрѣлюсь...

— Ахъ, еслибы я вѣрила этому?.. Еслибы могла вѣрить! воскликнула Эли съ глубокой грустью. Но я не вѣрю...

— Повѣрите... Но будетъ поздно тогда.

— Не вѣрю что... повѣрю! Ну, а теперь прощайте. Поздно уже...

И этотъ деспотъ, въ образѣ юной, свѣтловолосой полудѣвочки, съ наивно ласковымъ взглядомъ, тихой, робкой походкой побрелъ изъ гостиной, оставивъ Алексѣя въ тревогѣ.

„Да, я вижу... Я чувствую, какой это отвѣтъ? подумалъ онъ, выходя изъ дома маркизы. И завтра въ эту пору меня, конечно, уже не будетъ на свѣтѣ“.

XXV.

Франція въ концѣ XVIII вѣка, накануне почти единственной въ исторіи соціальной грозы и политическаго шторма, представляла изъ себя разлагающійся и распадающійся на

части трупъ организма, давно покончившаго счеты съ жизнью. Въ подобной мертвечинѣ, какъ человѣческой, такъ и государственной, должна неминуемо зарождаться всякая тля, отвратительная и вредная.

И вотъ, въ этомъ блестящемъ и позлащенномъ снаружи, но гнойномъ внутри государственномъ организмѣ, наканунѣ разгрома всего вѣкового строя его, естественно народилась въ его высшемъ слоѣ, среди представителей, древнѣйшей въ Европѣ, феодальной аристократіи, такая личность, какъ госпожа Реми—содержательница притона воровъ и убійць, но въ то же время и графиня Ламотъ, блестящая красавица, танцующая въ одномъ менуэтѣ бокъ-о-бокъ съ членомъ королевской семьи. Да, эта женщина была порожденіемъ этихъ дней, исключительныхъ, едва понятныхъ дней страшной эпохи, когда, по выраженію одного мыслителя, два брата, Лафеть и Хамъ, убили Сима, мстя ему за его вѣковыя злодѣянія. И Богъ не проклялъ ихъ, какъ когда-то проклялъ братоубійцу Каина. Они были и неправы, и невиноваты.

Красавица съ пепельными волосами, голубыми глазами подъ черными бровями, была именно образчикомъ этихъ смутныхъ дней, этого общества, которое было наканунѣ своего издыханія. Въ иные дни и въ иной странѣ эта женщина была бы, конечно, чѣмъ-нибудь другимъ, а здѣсь теперь, всѣ дары природы, всѣ таланты, данные ей отъ Бога, стали орудіями дьявола. Красота, умъ, очаровательная наружность, сила воли, твердость духа, предприимчивость и страстность натуры, однимъ словомъ: „искра Божья“ въ душѣ—все это, если не было зарыто ею въ землю, какъ талантъ раба въ притчѣ Иисусовой, то было въ рукахъ ея страшнымъ талантомъ, приносившимъ барышъ сторицею, но барышъ этотъ былъ данью сатанѣ, а не Богу.

Лѣтъ за двадцать пять назадъ, въ парижской главной городской больницѣ, именуемой Hôtel-Dieu, умеръ въ отдѣленіи чернорабочихъ и бродягъ баронъ Де-Люзь-де-Сень-Реми-де-Валуа. Последняя фамилія говорила очень много, напоминая о династіи, вѣками пребывавшей на престолѣ феодальной Франціи. Дѣйствительно, баронъ, умершій рядомъ съ бродягою, умиравшимъ отъ голода и нищеты, и около каменьщика, разбиившагося при паденіи съ лѣсовъ, былъ потомокъ не очень древняго, но знатнаго рода. Его предокъ былъ побочнымъ сыномъ короля Генриха II. Баронъ былъ послѣд-

ній въ родѣ и умеръ въ больницѣ, въ качествѣ безпріютнаго шатуна.

Но въ это время, въ Шампань, въ маленькомъ городишкѣ Баръ, оставались на свѣтѣ двѣ маленькія дѣвочки—двухъ и четырехъ лѣтъ, круглыми сиротами, безъ средствъ къ жизни и безъ родни. Эти двѣ крошки-дѣвочки, поражавшія всякаго своею красотой, были послѣднія баронессы Сень-Реми-Валуа. Нашлись добрые люди, прельщенные, вѣроятно, прелестными глазками и личикомъ этихъ крошекъ, которые занялись ихъ судьбой. Обѣ малютки были отправлены въ Парижъ и отданы на воспитаніе въ одинъ изъ лучшихъ монастырей—въ Лоншанскій, помѣщавшійся въ окрестностяхъ Парижа. Но этотъ монастырь, или лучше этотъ институтъ, гдѣ всему учили монахини, гдѣ была своя начальница, аббатиса, былъ, вѣроятно, слишкомъ близокъ отъ сердцевины разлагающагося политическаго тупа. Близость Парижа и издыхающей старой Франціи занесла, вѣроятно, и въ его стѣны ту заразу, которая шла и отъ предмѣстій св. Антонія, и отъ Версаля, и Марли.

Двѣ дѣвочки, помѣщенные въ монастырь, считались первыми не столько по происхожденію, сколько по красотѣ своей и, въ особенности, по страстности огневой природы. Обѣ сестры, хотя между ними и было два года разницы, казались близнецами—настолько были похожи одна на другую, и лицомъ, и наклонностями, и даже мельчайшими чертами характера. Тринадцать лѣтъ пробыли въ монастырѣ молоденькія баронессы Валуа. Когда одной было 15 лѣтъ, а другой уже 17, обѣ онѣ уже смущали начальницу и многихъ монахинь-надзирательницъ. Упрямство, своеволие, дикая рѣшимость на все въ этихъ юныхъ существахъ была по истинѣ поразительна.

— Что изъ нихъ выйдетъ? Что съ ними будетъ? часто говорила, съ искреннимъ участіемъ, начальница.

— Не сносить имъ обѣимъ счастье своихъ буйныхъ головъ! говорили и всѣ монахини-воспитательницы.

Наконецъ, однажды, случилось хотя и совершенно невѣроятное происшествіе, но оно никого не удивило въ монастырѣ. Всѣ будто ожидали чего-либо подобнаго. Двѣ синеокія и чернобровыя красавицы-дѣвушки, почти дѣвочки, исчезли изъ монастыря сразу, какъ бы волшебствомъ, будто провалились сквозь землю. Ихъ видѣли въ полдень, гуляющими вмѣстѣ, какъ всегда, обнявшись, по дорожкѣ сада. Часа въ два ихъ хватились, но ихъ нигдѣ не было.

Въ тотъ же день, вслѣдствіе доклада начальницы самой сестрѣ короля, или *madame Royale*, какъ ее звали, какъ покровительницѣ Лонпанскаго монастыря, вся полиція парижская, всѣ стражники,—все было поднято на ноги. Но двухъ бѣглянокъ, самовольно отлучившихся, или насильственно похищенныхъ, не было нигдѣ. Никто ихъ не видѣлъ, не замѣтилъ, не встрѣтилъ, а между тѣмъ эти двѣ дѣвочки были слишкомъ красивы, чтобы кто-либо изъ встрѣчныхъ не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Это исчезновеніе произвело панику въ монастырѣ. Всѣ были убѣждены, что дѣвочки были убиты и зарыты въ землю. И только годъ спустя начальницу монастыря увѣдомили, что двѣ юныя баронессы Валуа снова появились въ своемъ родномъ городкѣ Барфѣ. Дѣйствительно, сестры тайно бѣжали изъ монастыря и до дерзости предпримчиво сѣумѣли вдвоемъ, почти безъ денегъ, проѣхать половину Франціи, чтобы вернуться на родину.

Въ Барфѣ сиротки, конечно, могли бы умереть съ голоду, но, по счастью, нашлась какая-то сердобольная старушка, одинокая, которая пріютила обѣихъ прелестныхъ голубокъ. Когда же проявилось ихъ своенравіе и своеволіе, то старушка, уже кончавшая свои дни на землѣ, по странной прихоти судьбы, еще больше полюбила ихъ. Сердобольной старухѣ, наканунѣ смерти, послѣ спокойной и независимой жизни, понравилось очутиться рабыней двухъ прелестныхъ существъ. Дѣвушки помыкали благодѣтельницей, а она была счастлива этой тираніей.

Скоро въ этомъ захолустыи, на сто версть кругомъ, если не болѣе, знали двухъ молоденькихъ баронессъ, восхищались ихъ красотой, изумлялись ихъ уму и бойкости. Старшая, Иоанна, была еще нѣсколько степеннѣе и благоразумнѣе, но младшая, Луиза, была такова, что многіе благоразумные люди начинали считать ее немножко тронутой разумомъ.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ въ скромномъ уголкѣ міра, въ маленькомъ Барфѣ, разыгралась драма, которая осталась въ памяти у обитателей на весь вѣкъ. Луиза полюбила молодого человѣка, сына зажиточныхъ буржуа-торговцевъ. Не смотря на свое полуцарственное происхожденіе, которымъ обѣ дѣвушки гордились, Луиза была не прочь выйти замужъ за своего возлюбленнаго. Но, не смотря на ея красоту, молодой человѣкъ не отвѣчалъ ей взаимностью. У него была своя привязанность къ другой дѣвушкѣ. Родители его точно также

предпочитали тихую и смирную, богобоязненную дѣвушку изъ своей среды красивой, но черезчуръ своевольной, баронессѣ.

И вотъ, однажды, въ воскресенье, на маленькомъ бульварѣ, на берегу рѣченки, гдѣ въ праздники собиралось многолюдное общество Бара, произошло страшное и невѣроятное для обитателей происшествіе: Луиза однимъ ударомъ ножа, но мѣткимъ, сильнымъ, направленнымъ прямо въ сердце, положила мертвымъ на мѣстѣ молодого человѣка, отрицавшаго ея любовь и собиравшагося черезъ два дня итти подѣ вѣнецъ съ другой. Оцѣпенѣвшая публика, окруживъ трупъ и убійцу, недвижно, въ трепетѣ взирала на обоихъ. Но черезъ нѣсколько мгновеній юная преступница, легко, дрожащей рукой ранивъ себя тѣмъ же ножомъ и какъ бы не имѣя силы воли нанести себѣ смертельный ударъ, отшвырнула этотъ ножъ и бросилась опрометью къ рѣкѣ. Прогнувъ съ высокаго берега, она исчезла въ водѣ, и только черезъ нѣсколько часовъ трупъ ея былъ найденъ подѣ колесами сосѣдней мельницы. И страшно погибшую чету, которую не захотѣла соединить судьба въ жизни на счастье, соединилъ другой обрядъ. Если не вѣнчанье, то похороны ихъ происходили въ одинъ день и часъ, въ одной и той же, единственной въ Барѣ, церкви.

Іоанна была, конечно, поражена смертью сестры, но однако на похоронахъ ея, во всеуслышаніе и къ ужасу присутствующихъ, сказала странныя слова:

— А я окончу жизнь не такъ, какъ сестра, а гораздо хуже! И красавица Іоанна не знала, что слова эти были пророческія.

Оставшись одинокою, дѣвушка начала тосковать по сестрѣ и рѣшила, что ей непременно надо выйти замужъ, какъ только очутится человѣкъ съ такой же силой воли, съ такой же энергіей, какую она чувствовала въ себѣ. Не прошло и года, и 18-ти-лѣтняя Іоанна была замужемъ за графомъ Ламотъ, человѣкомъ съ странной репутаціей, безъ всякихъ средствъ къ существованію и съ сомнительнымъ титуломъ.

Со дня замужества Іоанны Валуа прошло уже пять лѣтъ. И теперь красивая женщина, блестящая умомъ, красотой, сохранила отъ тѣхъ временъ только красоту свою. Ей теперь попрежнему казалось 18 лѣтъ. За то въ иномъ смыслѣ она много измѣнилась. Пылкая, огневая дѣвочка, смѣло бѣжавшая когда-то изъ ограды скучнаго монастыря, стала теперь

еще рѣшительнѣе, еще предприимчивѣе. Но тогда свойства и наклоности характера давали себя знать въ мелочахъ обыденной жизни, теперь же у графини Ламоть была дѣятельность особаго рода, въ которой нужно было много ловкости, много рѣшимости и много мужества. Она играла въ опасную игру, ставила на карту не только свое имя, но и свое существованіе. Она была въ одно и то же время свѣтская красавица, почти львица блестящаго кружка, если не древней аристократіи, то новой богатой знати, но въ то же время и содержательница притона, начальница цѣлой шайки подонковъ парижской черни. Прямо съ бала какого-нибудь принца королевской крови, она могла попасть на галеры и каторгу. А между тѣмъ эта женщина могла бы быть чѣмъ-нибудь инымъ, могла бы имѣть дѣятельность, достойную ея предка, короля французскаго. Этотъ поворотъ въ судьбѣ совершился, благодаря дурному вліянію ея мужа, и, разумѣется, много способствовала ея паденію и нравственная распущенность общества той страшной эпохи.

Графъ Ламоть, авантюристъ, развратникъ, картежникъ и шуллеръ, сдѣлалъ изъ жены то, чѣмъ она была теперь. За этимъ онъ и женился на красавицѣ съ пылкимъ характеромъ, чтобы сдѣлать изъ нея орудіе своихъ мошенничествъ. Онъ привезъ ее въ Парижъ, толкнулъ ее въ круговоротъ распущеннаго и безнравственнаго до-нельзя общества, разжегъ въ ней страсть ко всему, что видѣла она кругомъ себя, и какъ бы сказалъ: „Если хочешь пользоваться всѣмъ этимъ, — то умѣй доставать себѣ золота и золота. Истинное счастье въ рукахъ того, у котораго руки полны червонцами“.

Разумѣется, Ламоть не былъ мужемъ красавицы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ товарищемъ ея и смотрѣлъ не только сквозь пальцы, но самъ толкалъ ее на всякаго рода похождения, лишь бы она приносила доходъ. И за нѣсколько лѣтъ жизни въ этомъ круговоротѣ, юная и энергичная Иоанна какъ бы закалилась на порокъ и зло.

— Честны могутъ быть только богатые! не только говорила, но и искренно думала молодая женщина.

XXVI.

Года черезъ три послѣ появленія четы Ламоть въ Парижѣ, уже не графъ, а графиня Ламоть была учителемъ, а мужъ — ея ученикомъ. Самъ Ламоть былъ собственно мелкая натура,

съ дряннымъ характеромъ. Онъ былъ хитеръ на мелочи какъ лиса и трусливъ какъ заяцъ, и потому у него не было той рѣшимости и той настойчивости, какая выработалась у графини. Ежедневнымъ помысломъ самого Ламотъ было: гдѣ-нибудь перехватить горсть червонцевъ, чтобы распырыть ее въ тотъ же вечеръ, въ ту же ночь. У Иоанны была болѣе серьезная задача, такъ сказать, цѣль жизни. Она поклялась себѣ, что когда-нибудь однимъ ударомъ ловкаго игрока приобрѣтетъ себѣ огромныя средства, цѣлое состояніе, съ которыми эмигрируетъ изъ Франціи куда бы то ни было, хоть на край свѣта. Ежедневныя мелкія мошенничества ея шайки, ея теперешнія сношенія и съ злодѣями, и съ воришками, съ одной стороны, но съ высокопоставленными людьми и съ знатью, съ другой,—все это было для нея лишь школой, лишь подготовительной игрой, отдѣльными ходами, какъ въ шахматахъ. Но планъ игры былъ зрѣло обдуманъ и, чувствуя въ себѣ твердую волю довести игру до конца, она ждала только случая, сдѣлать „шахъ и матъ“ тѣмъ сокровищамъ или тому миллиону, который ей грезился во снѣ и на яву. Надо прибавить, что уже раза два или три она была близка къ цѣли, но каждый разъ капризная фортуна смѣялась надъ ней. За нѣсколько мгновеній до послѣдняго вѣрнаго удара, этотъ ударъ скрывался обстоятельствами, капризная судьба будто парировала этотъ послѣдній ударъ. Но Иоанна не унывала. Новый планъ созрѣвалъ въ ея головѣ, умно, широко и глубоко обдуманный, какъ планъ цѣлой кампаніи у полководца, — и она снова начинала новую игру.

Въ день бала у принца Субиза, судьба снова насмѣялась надъ ней. Планъ ея, наложить руку на состояніе двухъ богатыхъ испанокъ, внезапно потерпѣлъ крушеніе.

Въ числѣ наперсниковъ, которые шли за нею и группировались какъ сателлиты вокругъ планеты, были два свѣтскихъ франта: одинъ, уже пожилой, баронъ Рето-де-ла-Вильеть, а другой, юный мушкатеръ короля, кавалеръ Уазмонъ.

Вильеть былъ собственно почти то же, что ея мужъ, съ той только разницей, что онъ былъ нѣсколько рѣшительнѣе и смѣлѣе Ламота и при этомъ былъ гораздо образованнѣе его. Извѣздивъ всю Европу вдоль и поперекъ, побывавъ въ Константинополѣ, въ Варшавѣ, въ Мадритѣ и въ Петербургѣ, Вильеть говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и зналъ даже, недурно произнося, нѣсколько сотенъ польскихъ и русскихъ словъ.

Юный, красивый мушкатель былъ просто славный и добрый малый, съ незапятнанной еще репутаціей, но и неспособный на какого-либо рода проступокъ, не только преступленіе. Встрѣча его съ красивой графиней могла бы, конечно, въ будущемъ погубить его, но пока онъ былъ только ея возлюбленнымъ. Слушаясь однако ея совѣтовъ, онъ, изъ любви къ ней, могъ не нынче — завтра тоже рѣшиться на что-нибудь дурное.

И вотъ именно Уазмона взяла графиня орудіемъ для главнаго хода и главнаго удара вновь затѣянной игры. Она хотѣла влюбить юную испанку въ красиваго мушкатера, женить его на ней и, ни минуты не сомнѣваясь въ своемъ вліяніи надъ нимъ, со временемъ, провести обоихъ молодыхъ людей и завладѣть милліонами и сокровищами герцога Кампо д'Оливаса.

Но Іоанна обманулась и какъ ребенокъ ошиблась въ расчетѣ. Юная Эли, невинно обманывая тетку, обманула и графиню. Мушкатель служилъ для нея ширмами, за которыми скрывался истинный возлюбленный, котораго она быстро любила и, наконецъ, до страсти обожала. Этотъ возлюбленный былъ русскій, по имени Норичъ, съ правомъ называться графомъ Зарубовскимъ, и даже, какъ мечтала Эли, если не по закону, то по происхожденію, онъ претендентъ на императорскую корону сѣвернаго колосса, какъ звали Россію.

На балѣ Субиза юный Уазмонъ, танцуя съ маркизой Эли, дѣйствительно сдѣлалъ ей почти формальное предложеніе; но въ отвѣтъ онъ услышалъ только звонкій, неподдѣльно веселый смѣхъ и шутки. Избалованная дѣвочка прямо и откровенно объяснила мушкатуру, что не только не любить его, никогда за него замужъ не пойдетъ, но вскорѣ должна выйти замужъ за другого, котораго она любитъ и который почти женихъ ея.

Графиня Іоанна уѣхала съ этого бала принца Субиза не только взволнованная, но даже злобная. Хорошенькое лицо ея изрѣдка подергивалось какой-то судорогой отъ того гнѣва, который клокоталъ въ ней. Она не легла спать, переодѣлась, дождалась разсвѣта, и въ одеждѣ совершенно иной, необыденной, то есть, въ простомъ черномъ платьѣ и подъ густымъ вуалемъ, пѣшкомъ, одна-одинехонька, двинулась черезъ весь Парижъ. Она почти бѣжала по узенькимъ улицамъ въ самый грязный и опасный кварталъ предмѣстья Св. Антонія. Ей нужно было немедленно вытребовать своего страшнаго помош-

ника, Канара, и съ этимъ извергомъ, у котораго руки бывали не разъ въ человѣческой крови, обсудить серьезнѣйшее дѣло.

Канаръ явился въ притонъ или въ бюро управления госпожи Реми, общей начальницы ихъ шайки, не разъ спасавшей многихъ изъ нихъ отъ рукъ тюремщиковъ и палача.

Замѣчательно было то, что вся шайка госпожи Реми не знала, что она графиня Ламотъ. Одна Роза и докторъ бывали иногда на квартирѣ графини и знали ея общественное положеніе. Канаръ только подозрѣвалъ, что госпожа Реми не простая женщина. Однажды, стоя близъ подъѣзда ратуши, во время съѣзда на празднество, ради того, чтобы въ толпѣ стащить что-нибудь изъ кармана какого-нибудь зазѣвавашагося прохожаго—Канаръ увидѣлъ даму, выходящую изъ блестящаго экипажа съ ливрейными лакеями, и легко призналъ синеокую и чернобровую хозяйку глухого тупика предмѣстья Св. Антонія.

„Такъ вотъ ты какова!“ подумалъ Канаръ и сталъ служить госпожѣ Реми еще усерднѣе.

На этотъ разъ Канаръ сталъ отговариваться отъ порученія г-жи Реми.

— Ей Богу дѣло не по мнѣ, говорилъ онъ. Тутъ нужна хитрость, а я человѣкъ прямой, честный...

Юанна невольно улыбнулась наивности изверга, говорившаго о своей честности.

— Пустое! Вы все справите хорошо. Я за васъ ручаюсь.

— Могу васъ увѣрить, сударыня, и уже не въ первый разъ, что обманывать людей гораздо мудренѣе, чѣмъ рѣзать, глубокомысленно проговорилъ злодѣй.

Однако, послѣ долгаго совѣщанія г-жи Реми съ Канаромъ и ея убѣдительныхъ просьбъ, это исчадіе столицы отправилось по новому порученію. Онъ долженъ былъ розыскать мѣсто жительства и втереться въ дружбу съ прислугой одного иностранца, пребывавшаго въ Парижѣ.

Канаръ пошелъ искать домъ графа Калиостро.

Въ сумерки Юанна была снова дома и ждала къ себѣ своего возлюбленнаго.

Когда Узмонъ вошелъ къ графинѣ въ гостиную, она встрѣтила его съ лицомъ, почти искаженнымъ гнѣвомъ.

Красивый мушкатеръ, напротивъ, былъ добродушно веселъ и глаза его сіяли ясно и беззаботно.

— Что съ вами? спросила графиня, не здороваясь и даже

съ удивленіемъ мѣря гостя сухимъ взглядомъ. Развѣ есть что новое?

— Ничего... отозвался Уазмонъ, тоже удивившись.

— Ничего... Это я знаю. Ровно ничего, рѣзко произнесла она. Нуль! У васъ — нуль! И мнѣ отъ васъ — нуль! И наконецъ вы сами есть и будете всегда — нуль!

— Спасибо! добродушно произнесъ Уазмонъ.

— Чему же вы улыбаетесь? Чему вы радуетесь?

— Я не радуюсь... Но что же дѣлать?.. Не плакать же.

— Нѣтъ. Вы радуетесь!.. Отчего вы такъ спокойны? Подумаешь, какой счастливецъ! Какъ же? Глупая судьба знакомить его съ красавицей-дѣвушкой, съ дѣвчонкой, у которой сокровища, милліоны, свое цѣлое королевство помѣстевъ, свой флотъ кораблей, какъ у иного монарха. У нея, однимъ словомъ, во владѣніи цѣлый сказочный кладъ... А онъ настолько глупъ, что не умѣетъ даже ее влюбить въ себя.

Юанна, пылая гнѣвомъ, отошла и отвернулась.

— Что-жъ я могу сдѣлать. Оказалось, что маркизу Эли д'Оливасъ гораздо мудренѣе въ себя влюбить и взять, чѣмъ графиню Ламоть! колко отозвался мушкатеръ.

— Это дерзость... и глупая. Какъ и все, что вы говорите... Что вы намѣрены предпринять теперь?

— Ничего. Что же я могу?

— Какъ?! воскликнула Юанна. Получивъ отказъ отъ этой дѣвчонки, преспокойно этимъ удовольствоваться! Вы съ ума сходите!..

— Но что же я...

— Молчите... Молчи. Ты меня изъ всякаго терпѣнія выведешь! воскликнула внѣ себя Юанна. Я готова броситься на тебя и дать тебѣ пощечину, какъ глущу и трусу.

И молодая женщина, съ трудомъ сдерживая порывъ злости, который, казалось, душилъ ее, бросилась въ кресло.

— Успокойся ради Бога! спокойно произнесъ Уазмонъ. Я сдѣлаю все, что ты прикажешь. Зачѣмъ же такъ сердиться? Вѣдь я не отказываюсь дѣйствовать. Приказывай, и я буду повиноваться.

— Еще бы... Я бы желала видѣть, какъ ты не станешь повиноваться, если я прикажу.

И молодая женщина презрительно усмѣхнулась.

— Ты долженъ хоть зарѣзать ее, а взять! Она должна,

то-есть ея состоянье должно принадлежать тебѣ. Понимаешь— должно! Зарѣжь эту дѣвчонку, а добудь ея миллионы...

— Толку мало будетъ, если я съ убійства начну... улыбнулся мушкатерь.

— Да... А я все-таки предвижу, что если не начать, то кончить придется такъ... Убійствомъ! раздражительно произнесла Иоанна.

— Кого же мы будемъ убивать... Норича развѣ?... Ну это знаешь... того... Я думаю...

Но Иоанна рѣзко прервала Уазмона вопросомъ:

— Ну, отвѣчай: что графиня Каліостро? Тоже ничего. Тоже толку нѣтъ.

— Напротивъ. Графиня Лоренца уже назначила мнѣ свиданіе. Я съ этимъ къ тебѣ шель...

— Гдѣ?

— Въ улицѣ Мольера, домъ съ бѣлыми колонками, гдѣ трактиръ Золотой Луны.

— Въ трактирѣ? Уединенное выбрали мѣсто... Что, она еще глуше тебя?

— Извини. Въ верхнемъ этажѣ этого дома живетъ старуха-цыганка, гадальщица... Если за Лоренцой будутъ слѣдить, то у нея будетъ оправданье. Я же уговорилъ ее быть въ этомъ домѣ, а не въ другомъ, потому что знаю эту гадалку давно и она выдастъ намъ Лоренцу головой. Я уже распорядился, предупредилъ ее, занялъ двѣ комнаты рядомъ, даже заплатилъ впередъ. Одна для насъ, другая для тебя...

Наступило молчанье.

— Что-жь. Вы все сердитесь, графиня, снова заговорилъ мушкатерь умышленно жалобнымъ голосомъ. Подойдя къ сидѣвшей Иоаннѣ, онъ опустился предъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ея красивыя руки.

— Если бѣ я была мужчиной! Боже мой! Если бѣ я была въ мундирѣ мушкатеровъ короля и, вдобавокъ, съ твоимъ лицомъ, и стала бы ухаживать за этой испанкой — у меня было бы теперь... Все!.. Вообще. Если бѣ я была женщиной!!..

— Не жалѣйте, ваше сіятельство, что вы не мужчина, улыбаясь выговорилъ Уазмонъ, нагибаясь и продолжая цѣловать руки красавицы. Слава Богу, что вы женщина. И красивая, изящная женщина...

— Это почему?

— Потому что, будучи мужчиной, вы уже давно были бы узникомъ Бастили.

Иоанна не отвѣтила ни слова, но послѣ долгой паузы выговорила, тихо кладя красивую руку на склоненную къ ней голову Уазмона:

— Да. Я буду непременно и скоро, мой милый младенецъ, или швырять, или выкапывать золото и серебро...

— Ну, признаюсь... наивно воскликнулъ мушкатель. На этотъ разъ я не понялъ ничего изъ твоихъ словъ.

— Я буду, глушій... обладательницей громаднаго состоянія или каторжницей въ рудникахъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Между предмѣстьемъ Св. Антонія и грозной Бастилей почти за нѣсколько шаговъ отъ зубчатой стѣны крѣпости, въ улицѣ Сень-Клодъ, не вполнѣ еще застроенной домами, стоялъ довольно большихъ размѣровъ домъ, отдѣленный отъ улицы большимъ дворомъ, и отъ сосѣдей — большимъ садомъ. Такихъ домовъ было немного въ Парижѣ. Онъ принадлежалъ очень богатому буржуа и сдавался внаймы иностранцамъ высокаго полета.

Теперь онъ былъ занятъ чужеземцемъ, богатымъ и знатымъ, къ тому же съ именемъ, которое становилось знаменитымъ и громкимъ. Это имя повторялось съ извѣстнаго рода, если не почетомъ, то изумленіемъ во всемъ Парижѣ. Болѣе всѣхъ интересовались чужеземцемъ, поселившимся въ Парижѣ, верхніе слои общества и даже придворный кругъ. Этотъ чужеземецъ былъ уже знаменитостью во всей Европѣ, которую онъ исколесилъ вдоль и поперекъ.

Это былъ графъ Александръ Каліостро.

Всякій день на дворѣ его дома появлялись всякаго рода экипажи, блестящія кареты сановниковъ; за ними вслѣдъ приходилъ пѣшкомъ сѣрый людъ и простонародье. Одинаково радушно принималъ иностранецъ и принца крови, и черно-рабочаго. Днемъ домъ бывалъ открытъ, а ввечеру весело и ярко свѣтился огнями. Многочисленная прислуга суетно шумѣла по дому, исполняя приказанія хозяина, принимая гостей. Но изрѣдка, за часъ или за два до полуночи, огни въ домѣ гасли, окна задергивались толстыми, непроницаемыми занавѣсками, люди огуломъ изгонялись вонъ въ сосѣдній фли-

гель. Въ большомъ домѣ оставался самъ хозяинъ съ женою, но вмѣстѣ съ ними оставались и его гости, не превышавшіе никогда числа десяти или двѣнадцати за разъ. Домъ темнѣлъ, замиралъ, какъ бы, казалось, отходилъ ко сну, какъ бы спалъ глубокимъ сномъ, но экипажи гостей, ожидавшіе на дворѣ, свидѣтельствовали, что въ этомъ домѣ, среди его затишья и мрака, совершается что-то. И не только людямъ и прислугѣ, но и многимъ въ Парижѣ было извѣстно, что въ эти часы хозяинъ дома, магъ и кудесникъ, входитъ въ сообщеніе съ самимъ сатанюю.

Послѣ своей женитьбы, Калиостро, не останавливаясь нигдѣ болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, посѣтилъ всѣ столицы и всѣ крупнѣйшіе города Европы, кромѣ Парижа. Сюда же, въ этотъ центръ умственной жизни Европы, онъ рѣшилъ явиться, уже на шумѣвъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Молва о немъ достигла Парижа прежде его появленія. И вотъ теперь, уже цѣлую зиму, колдунъ, магъ, кудесникъ, наперникъ сатаны, вызыватель мертвыхъ, астрологъ и алхимикъ, былъ среди парижанъ и сводилъ съ ума самыхъ благоразумныхъ людей всѣхъ слоевъ общества. Кромѣ того, графъ Калиостро былъ основатель и главный мастеръ, или предсѣдатель новой масонской ложи, именованной египетской, учрежденной съ благословенія великаго Кофта.

Помимо репутаціи кудесника, не мало содѣйствовали его успѣху два другихъ обстоятельства. Молодежь Парижа всѣхъ слоевъ общества, бѣжала поглядѣть на красавицу Лоренцу и влюбиться въ нее, потому что это было въ модѣ. Въ особенности на шумѣла графиня Лоренца послѣ того, какъ въ Парижѣ состоялись изъ-за нея двѣ дуэли, съ смертельнымъ исходомъ въ обоихъ случаяхъ. Причиной дуэли былъ споръ о томъ, какіе у нея глаза: синіе, или голубые? Пожилыя дамы, даже высшаго свѣта, искали случая познакомиться съ нею; первыя являлись съ визитами по другой причинѣ. Всѣ единогласно признавали, что Лоренца замѣчательная красавица, а въ то же время всѣмъ было извѣстно и всѣ вѣрили, что Лоренцѣ 115 лѣтъ. Сохранила же она красоту свою цѣлое столѣтіе, благодаря снадобью, изобрѣтенному ея мужемъ. И десятки пожилыхъ женщинъ-красавицъ *sur le retour* бѣжали приобрѣсти, цѣною золота и униженія, это снадобье.

Къ графу шли—всякій за своимъ. Всѣмъ было извѣстно, что у него несмѣтное богатство, такъ какъ онъ самъ, при

помощи алхиміи, дѣлаеть золото и брилліанты. Одни сгѣшили на его великолѣпные обѣды и ужины, другіе, чтобы поправить при помощи алхиміи свои пошатнувшіяся состоянія, третьи, посмѣлѣе—чтобы войти черезъ него въ сообщество съ духами и мертвецами. Наконецъ, большая часть, и въ особенности простой народъ, шли не къ алхимику, а къ замѣчательному медику. Невѣроятныя излѣченія графа-доктора, почти сверхъестественныя, были извѣстны во всемъ Парижѣ. Молва о нихъ опередила еще его появленіе, а теперь нѣсколько случаевъ подтвердили эту молву. Вдобавокъ, кудесникъ-докторъ, возвращая едва живыхъ и умирающихъ къ жизни, дѣлалъ это всегда даромъ. Ни разу, ни съ одного большого, богатаго или бѣднаго, не взялъ онъ ни единого гроша. Такъ говорила молва.

Многіе благоразумные люди, и въ высшемъ кругѣ, и среди буржуазіи, пожимали плечами, презрительно усмѣхались или даже сердились, когда при нихъ говорили о кудесникѣ Калиостро. Они объясняли все очень просто. Графиня Лоренца была для нихъ только развратная женщина, которою торговалъ ловко ея мужъ, самъ же онъ былъ шарлатанъ и талантливый фокусникъ. Его чудесныя исцѣленія совершались всегда въ средѣ простонародья, а два опыта исцѣленія въ высшемъ кругу не удались. Эти благоразумные люди доходили до того, что увѣряли, но бездоказательно, что графъ Калиостро нанимаетъ людей-полубродягъ изъ предмѣстья св. Антонія и заставляетъ ихъ разыгрывать роли больныхъ, умирающихъ, а иногда даже мертвыхъ, чтобы надъ ними показать свои чудеса.

Такъ или иначе, но пребываніе графа-кудесника въ Парижѣ было темой всѣхъ разговоровъ. Всюду, на вечерахъ и сборищахъ, при его имени поднимался споръ, доходившій иногда до ссоръ, и въ результатѣ получалась стоустая молва, бѣгавшая по всему Парижу, и результатъ неумолкаемой молвы—слава.

Вскорѣ послѣ появленія графа Калиостро въ Парижѣ, къ нему, конечно, явилась одна изъ первыхъ, чтобы познакомиться, великосвѣтская красавица съ голубыми глазами и черными бровями. Кому же, какъ не графинѣ Іоаннѣ Ламоть, и слѣдовало, бѣжать тотчасъ къ волшебнику, дѣлающему золото изъ простой смѣси разныхъ порошковъ и создающему тысячные брилліанты изъ простыхъ углей.

Разумѣется, Іоанна не была изъ числа тѣхъ наивныхъ лю-

дей, которые вѣрили, что графъ наперсникъ сатаны на землѣ, и если она бросилась поклониться ему, то совершенно по инымъ причинамъ: она видѣла въ немъ замѣчательную, неопредѣленную „своего поля ягоду“. Но визитъ этотъ былъ неудаченъ. Каліостро принялъ графиню холодно, а когда она явилась во второй разъ познакомиться съ его женой, то не была принята. Графиня Лоренца сказалаь больной.

Іоанна смутилась и готова была вѣрить въ ясновидѣніе этого кудесника. Она не отчаявалась въ успѣхѣхъ, но была все-таки озадачена.

— Неужели онъ прочелъ у меня на сердцѣ—что я такое?! смущенно говорила себѣ графиня Ламоть—госпожа Реми. Но я знаю, какъ побѣдить тебя! рѣшила она.

II.

Въ этомъ домѣ, который прежде ничѣмъ не отличался отъ другихъ полузагадочныхъ домовъ и на которомъ теперь лежала печать таинственности, было все-таки одно существо, которому въ жизни выпала незавидная доля. Существо это, совершенно несчастное, была молодая, красивая Лоренца.

Когда-то, у отца въ домѣ, она была совершенно счастлива. Ей предстояла простая и мирная жизнь, но свѣтлая будущность. Но однажды, работая у окна, она попала на глаза авантюристу-кудеснику и, сдѣлавшись графиней Каліостро, поневолѣ начала совершенно не идущую къ ея характеру и наклонностямъ жизнь, исполненную всякихъ тревоженій. Лоренца была отъ природы кроткая и совершенно слабовольная женщина. Въ рукахъ такого человѣка, какъ Каліостро, всякая женщина была бы воскомъ, изъ котораго онъ могъ лѣпить все, что ему вздумается: тѣмъ болѣе и тѣмъ легче сдѣлалась рабою мужа впечатлительная, наивная и тихая Лоренца.

Жизнь ея, послѣ замужества, прошла въ постоянныхъ странствованіяхъ по всей Европѣ. Это была не жизнь, а вѣчное мытарство, вѣчный круговоротъ среди постоянно смѣнявшихся обстановокъ, обществъ, лицъ и національностей. Не успѣвала наивная, отчасти даже и глупенькая Лоренца привыкнуть къ обстановкѣ въ Лондонѣ, какъ мужъ ея, какъ бы сжигаемый страстію къ переменѣ мѣста, стремился въ Германію, изъ Германіи бѣжалъ въ Испанію. Противодѣйствовать мужу,

убѣдить поселиться гдѣ-нибудь и жить на одномъ мѣстѣ—Лоренца, конечно, не могла. Она, какъ и всѣ недалекія, но чувствительныя женщины, слѣпо повиновалась мужу. Ей и на умъ не приходило сначала, правъ ли онъ во всемъ томъ, что дѣлаетъ самъ и что требуетъ отъ нея.

„Такъ, видно, слѣдуетъ“, думала она.

Однако, изрѣдка стало являться у нея чувство утомленія отъ вѣчныхъ странствованій, иногда и чувство одиночества. Она тоскливо озиралась кругомъ себя, вспоминала свое дѣвичество и со слезами на глазахъ думала о своемъ прошломъ, о жизни въ Римѣ, въ родительскомъ домѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Ей часто казалось, и за послѣднее время въ особенности, что мужъ ее не любитъ, что она для Каліостро игрушка, или того хуже: орудіе для достиженія всякихъ разнородныхъ цѣлей.

Не смотря на свою наивность, она чувствовала всю неприглядность того, что мужъ заставлялъ часто ее дѣлать. Спрашивая себя, любить ли она мужа, Лоренца должна была мысленно отвѣчать себѣ, что если и любить, то не такъ, какъ могла бы любить другого человѣка, не такъ, какъ любила бы двоюроднаго брата, бракъ съ которымъ разстроился послѣ знакомства съ Каліостро.

Всѣ эти думы, тоскливое существованіе и душевное одиночество привели къ тому, что Лоренца чувствовала теперь себя способной вдругъ привязаться къ кому-нибудь и искренно полюбить, даже настолько страстно, чтобы бросить вѣчно кочующаго мужа. Эти тайныя думы особенно преслѣдовали Лоренцу всю послѣднюю зиму въ Парижѣ. Все болѣе вдумываясь въ свое положеніе, молодая женщина пришла къ убѣжденію, что она собственно еще и не испытала того чувства, на которое была способна. Она еще не любила...

За это время однажды красивая римлянка, часто ходившая въ церковь, встрѣчала въ соборѣ Парижской Богоматери молодого человѣка, въ мундирѣ мушкатеровъ короля. Онъ обратилъ на себя ея вниманіе тѣмъ, что съ первой же встрѣчи преслѣдовалъ ее упорно отъ собора и до того дома, который они наняли. Нѣсколько дней подъ-рядъ всюду, куда ни отправлялась Лоренца, она встрѣчала того же красиваго мушкатера. Какимъ образомъ узнавалъ онъ время ея отлучекъ изъ дому и мѣсто, куда она должна была идти,—она не могла понять. Это было своего рода колдовство.

А колдовали тутъ Іоанна и Канаръ, который былъ пріате-

лемъ прислуги графа. Однако, въ продолженіе довольно долгаго времени, не смотря на то, что мушкатеръ всячески старался заговорить съ нею и познакомиться, Лоренца стыдливо избѣгала и уклонялась отъ него. Но всему на свѣтѣ есть предѣль... Лоренца не устояла наконецъ и сдалась упорному ухаживателю. Уже раза три отвѣчала она на вопросы преслѣдующаго ее мушкатера, узнала, что онъ кавалеръ де-Уазмонъ, дальній родственникъ герцогини Шеврѣзъ, и слѣдовательно, аристократъ. Все это, вмѣстѣ съ изящной внѣшностью и молодостью новаго страстнаго поклонника, подѣйствовало на скачущую и недовольную жизнью красавицу.

Наконецъ, однажды встрѣтивъ Лоренцу снова въ соборѣ, Уазмонъ сталъ умолять ее согласиться на свиданіе въ одной частной квартирѣ его близкаго, какъ говорилъ онъ, родственника и друга. Лоренца отказалась наотрѣзъ... Черезъ день послѣ этого, бурная сцена съ мужемъ, его грубости, незаслуженные упреки и оскорбительныя подозрѣнія настолько возмутили кроткую Лоренцу, что, при слѣдующей встрѣчѣ съ Уазмономъ, она согласилась быть въ условленномъ мѣстѣ на свиданіи.

Она наивно не догадывалась, что уже страстно любить этого Уазмона.

Черезъ два дня Лоренца была въ улицѣ Мольера, въ маленькой горницѣ, смущенная, но счастливая, наединѣ съ возлюбленнымъ. Среди ихъ бесѣды, къ ужасу несчастной, на порогѣ появилась красивая дама, бросилась къ ней и, осыпая ее упреками, грозя мщеніемъ, оглаской, даже кинжаломъ, объявила ей, что она, чужеземка и бродяга, заплатитъ ей дорого за измѣну возлюбленнаго.

Уазмонъ хотѣлъ было взять Лоренцу подъ свою защиту, но незнакомка грозно крикнула на мушкатера, не позволила ему вымолвить ни слова, и потребовала, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ комнаты.

Перепуганная Лоренца, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, осталась съ-глазу-на-глазъ съ изящной, но антипатичной женщиной. Красивое лицо незнакомки показалось ей настолько злымъ, что она считала эту соперницу способною на всякую месть и на всякое злодѣяніе.

— Слушайте меня, — рѣзко, почти грозно сказала незнакомка, когда онѣ остались однѣ. Я графиня Ламоть. Я въ родствѣ со всей высшей знатью Франціи... многіе въ моей

власти. Если я захочу, то завтра вы будете заключены или въ Бастилю, или въ тюрьму Пелажи, а туда сажаютъ всѣхъ женщинъ дурного поведенія. Я не спрашиваю у васъ, кто вы, потому что я это знаю. Пока Узмонъ всюду слѣдилъ за вами и преслѣдовалъ васъ, я изъ ревности преслѣдовала васъ обоихъ. Онъ попался теперь какъ мальчишка-школьникъ... Съ нимъ моя расправа будетъ особая, короткая; но съ вами мы можемъ поквитаться не такъ легко. Слушайте меня внимательно: особенныя обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь теперь, спасаютъ васъ отъ моей мести. Мнѣ нужно познаться непременно съ вашимъ мужемъ, графомъ Калюстро. Это я могла бы сдѣлать и безъ васъ, — но мнѣ этого мало. Мнѣ надо подружиться съ вашимъ мужемъ, имѣть его полное довѣріе къ себѣ, быть увѣренной въ его помощи относительно одного крайне важнаго дѣла. Заставить его какъ можно скорѣе сойтись со мною можете только вы, его жена, какъ самое близкое лицо... И вотъ чего я отъ васъ требую. Или при вашихъ усиліяхъ, черезъ десятокъ дней, я буду близкимъ человѣкомъ для вашего мужа, или я сдѣлаю огласку. Если онъ самъ не отправитъ васъ въ тюрьму Пелажи, то я добуду *lettre de cachet*, т. е. собственноручный приказъ короля, чтобы заточить васъ. Вы знаете, что женщина, отсидѣвшая срокъ въ тюрьмѣ Пелажи, — женщина потерянная для какого бы то ни было общества. Если вы согласны на мои условія, то само собой разумѣется, что я ни слова не скажу графу о томъ, при какихъ обстоятельствахъ мы съ вами познакомились. Согласны ли вы?

— Да, пролепетала несчастная Лоренца, совершенно потерявшись.

— Ну, вотъ и отлично! Я знала, предугадывала, что вы женщина съ умомъ и сердцемъ, произнесла графиня Ламоть и внутренно разсмѣялась своимъ словамъ. Итакъ, госпожа Лоренца, черезъ нѣсколько дней мы помѣняемся: вы мнѣ уступите вашего мужа въ полное мое распоряженіе, а я съ этой минуты, опережая васъ, уступаю вамъ своего мальчугана. Для болѣе подробныхъ переговоровъ я покорнѣйше прошу васъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ въ гости сегодня же вечеромъ. Согласны ли вы?

— Да... снова почти безсознательно повторила Лоренца.

— У меня дома я подробно скажу вамъ, какъ вы должны дѣйствовать, чтобы вашъ мужъ скорѣе сталъ моимъ другомъ

и помощникомъ... Но успокойтесь... Вы слишкомъ взволнованы. А тревожиться вамъ не изъ чего... Все обошлось и обойдется счастливо.

Послѣднія слова графиня Ламоть произнесла вѣжливо и любезно, съ изящнымъ жестомъ и, поднявшись, простилась съ Лоренцой говоря: „до свиданія!“

Пораженная и взволнованная, Лоренца, какъ перепуганная птичка, выпорхнула изъ ужасной квартиры, въ которую по легкомыслию пошла. Уазмонъ не появился снова и, выйдя одна, Лоренца почти бѣгомъ бросилась по направлению къ дому. Дорогою она все-таки невольно радовалась тому, что такъ дешево отдѣлалась. Познакомить эту графиню съ мужемъ, всячески расхваливать ее и, принимая у себя, сблизить ее съ нимъ, для Лоренцы было, конечно, не трудно. А что изъ этого произойдетъ—ей было безразлично. При мысли, что отъ этого будетъ вредъ или зло ея мужу, она какъ-то горько вздохнула и махнула рукой.

Конечно, въ тотъ же вечеръ, Лоренца отправилась, но уже не пѣшкомъ и не въ черномъ платьѣ, а въ каретѣ и въ эlegantномъ одѣяніи, въ гости къ новой знакомой. И въ этотъ вечеръ обѣ сомнительныя, или просто самозванныя графини обдумали планъ дѣйствія. Вѣрнѣе сказать, графиня Ламоть предложила свой хорошо обдуманный планъ обворожить скорѣе Каліостро, а очарованная ею Лоренца была на все согласна.

Такъ какъ роли предательницы мужа Лоренца никогда не играла, то именно игра ея увѣнчалась такимъ успѣхомъ, какого она не ожидала. Она горячо превознесла до небесъ графиню Ламоть, и Иоанна была принята любезно. Все, что передала ему жена, все, что она будто бы знала и слышала о графинѣ Ламоть, то-есть все, что сочинила сама Иоанна про себя—все было принято на вѣру кудесникомъ. На всякаго мудреца довольно простоты.

Но Каліостро, надо однако сказать, не сразу поддался лѣвой графинѣ. Только черезъ два-три дня послѣ перваго свиданія, онъ былъ вдругъ побѣжденъ одной маленькой подробностью. Графиня Ламоть, условливаясь съ знаменитымъ волшебникомъ, когда повидаться, назначила одинъ вечеръ, но затѣмъ спохватилась и объявила, что она перепутала дни, и въ этотъ вечеръ не свободна, ибо должна быть на маленькой вечеринкѣ. При этомъ Иоанна своей хорошенькой ручкой до-

стала изъ кармана раздушенную записку на блѣдно-розовой бумажкѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Замѣтивъ вскользь, что она сильно близорука, графиня попросила его прочесть, какое ей назначаютъ время въ этой запискѣ. Калиостро взялъ розовенькій листочекъ и, приблизивъ къ свѣту, почувствовалъ вдругъ, что сердце въ немъ встрепенулось. Четыре строчки красиваго почерка были внизу подписаны: „tout-à-vous Marie-Antoinette, de France“.

Кудесникъ, съ европейской славой, былъ въ одно мгновеніе очарованъ изящной красавицей, бывающей запросто на интимныхъ вечерахъ самой королевы.

Разумѣется, не прошло недѣли, какъ графъ Калиостро и хитрая Іоанна были такими друзьями, какъ если бы познакомились ужъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Іоанна давно поняла и знала, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Ей не было нужды до того, можетъ ли этотъ человѣкъ вызывать сатану, всѣхъ чертей и всякихъ мертвецовъ. Она цѣнила въ этомъ кудесникѣ не его могущество надъ нечистой силой, а его власть надъ людьми, его дарованія, примѣнимыя въ этомъ мірѣ простыхъ смертныхъ, а не на томъ свѣтѣ, среди сверхъестественной обстановки и среди высшихъ или таинственныхъ существъ. Іоанна съ новымъ партнеромъ, въ новой игрѣ, ея затѣянной, раскрыла на половину свои карты, не опасаясь кудесника. Она объяснилась прямо и рѣзко...

Графъ Калиостро, съ своей стороны восхищаясь умомъ, почти геніальностью, а въ особенности предприимчивостью своего новаго друга, поклялся въ полной преданности, въ полномъ сочувствіи и всяческой готовности помогать ей по мѣрѣ силъ.

Дѣло, съ которымъ явилась къ нему Іоанна, былъ все тотъ же планъ ея относительно двухъ испанокъ Кампо д'Олиवासъ. Она просила Калиостро познакомиться съ испанками и пустить въ ходъ всѣ чары своей магіи. Волшебникъ долженъ былъ помочь ей овладѣть такъ или иначе старой грандессой, ея племянницей и ихъ богатствомъ.

— Противъ насъ двоихъ ничто устоять не можетъ! сказала Іоанна смѣясь. Хотя у меня нѣтъ той славы мага, которой вы пользуетесь во всемъ мірѣ, но могу васъ увѣрить, что я тоже колдую.

— Вѣрю... чувствую даже это, графиня! воскликнулъ Калиостро полушута и приложилъ руку къ сердцу. Здѣсь я чувствую это...

— Нѣтъ, графъ, я не про такое колдовство говорю. Такъ умѣютъ колдовать всѣ красивыя женщины. Я же обладаю даромъ инымъ... Когда вы ближе узнаете меня, то оцѣните. Быть можетъ, мы съ вами будемъ друзьями на всю нашу жизнь.

Калиостро молчалъ и вдругъ вымолвилъ:

— Если бы вы могли, графиня, устроить мнѣ аудіенцію у королевы, то я пошелъ бы за васъ въ огонь и въ воду.

— Это очень легко сдѣлать. Я спрошу у нея при первомъ свиданіи.

Послѣ этой бесѣды и этого обѣщанія Калиостро былъ, конечно, въ рукахъ у хитрой и тонкой Иоанны.

Лоренца, съ своей стороны, въ награду за услугу, оказанную графинѣ, могла постоянно видаться съ Уазмономъ въ ея квартирѣ. Иоанна не ревновала... Одновременно съ тѣмъ госпожа Реми позволила наперснику Канару перестать дежурить въ домѣ иностранца-графа, гдѣ онъ страшно скучалъ. Заниматься тѣмъ только, чтобы всякій день вывѣдывать у людей, куда барыня ихъ собирается итти—было для него дѣломъ совсѣмъ не по нраву. Онъ былъ полезенъ и нуженъ на иное, болѣе серьезное.

III.

За это же время къ прославленному молвой кудеснику народъ уже повалилъ толпой. Всѣ шли къ магу и къ медику и всякій со своимъ дѣломъ, иногда не имѣющимъ ничего общаго ни съ алхиміей, ни съ медициной. Иной просилъ укротить строптивую жену, другой просилъ указать вора и найти пропавшее имущество, третій просто просилъ совѣта въ тяжбѣ. Однимъ словомъ—всякій, озабоченный чѣмъ-бы то ни было, шелъ къ кудеснику съ своей заботой. Калиостро принималъ всѣхъ и отдѣлывался какъ могъ, иногда самыми обыкновенными совѣтами, но иногда по неволѣ приходилось отказывать въ просьбѣ.

Наконецъ, однажды, къ знаменитому магу явился проситель, съ очень страннымъ, не подходящимъ дѣломъ, но Калиостро не только не отказалъ, а даже съ радостью взялся услужить.

Явившійся былъ личный адъютантъ короля—баронъ д'Эгильонъ. Просьба барона, обратившагося къ волшебнику, заключалась въ томъ, чтобы побудить одного его дальняго родственника, Пралена, графа и пэра, возвратить ему хотя бы

половину присвоеннаго имъ имущества послѣ скоропостижно-умершаго отца д'Эгильона. Король Франціи не желалъ вмѣшиваться въ это дѣло и д'Эгильонъ пришелъ бить челомъ къ королю магіи.

Каліостро согласился помочь. Подобное дѣло могло произвести много шума въ Парижѣ, благодаря общественному положенію д'Эгильона.

Каліостро тотчасъ же отправился къ Пралену, въ качествѣ посредника. Разумѣется, присвоившій себѣ чужое имущество, графъ Праленъ наотрѣзъ отказался исполнить просьбу д'Эгильона и ссылаясь на вполнѣ законное завѣщаніе покойнаго.

— Завѣщаніе это не законное. Всѣ того мнѣнія. Вамъ должна была бы принадлежать только половина имущества въ уплату той суммы, которую вы ссудили покойному, но остальное все-таки должно перейти къ сыну, сказала Каліостро.

— Это невѣрно! отвѣчалъ Праленъ.

— Завѣщаніе было подписано покойнымъ въ состояніи полусознанія дѣйствительности! продолжалъ Каліостро.

— Это ложь! Наглая ложь! воскликнулъ Праленъ.

— Завѣщаніе помѣчено было къ тому же заднимъ чѣсломъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ это говорить... вспыхнулъ перъ.

— Я сошлюсь, какъ на свидѣтеля, на такую личность,— холодно продолжалъ Каліостро—которой вы поневолѣ не будете противорѣчить. Согласитесь ли вы возвратить половину имущества молодому человѣку, если свидѣтельство одного лица произведетъ на васъ извѣстное впечатлѣніе и докажетъ вамъ при двухъ-трехъ лицахъ, что завѣщаніе почти подложное.

— Конечно!.. Пожалуй!.. нехотя и уже раскаиваясь, тотчасъ же послѣ согласія, отвѣчалъ графъ Праленъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте мнѣ честь, пожалуйста ко мнѣ завтра вечеромъ. Я живу въ улицѣ Сень-Клодь. Я вызову эту личность свидѣтелемъ, а затѣмъ вы поступите, какъ вамъ будетъ угодно. Насиловать вашу волю никто не станетъ.

Праленъ сожалѣлъ, что согласился, но съ другой стороны любопытство подстрекало его побывать въ гостяхъ у знаменитаго колдуна.

И то, что произошло на другой день въ домѣ улицы Сень-Клодь, страшно шумѣло въ Парижѣ и достигло даже до ушей самого короля Людовика XVI и Маріи Антуанеты.

Поздно вечеромъ, въ кабинетѣ Каліостро сошлись только четыре приглашенныхъ лица, въ числѣ которыхъ былъ узур-

паторъ Праленъ, вмѣстѣ съ нимъ молодой д'Эгильонъ и принцъ крови Конти. Всѣ четверо сидѣли у зажженнаго камина, гдѣ, колеблясь, падало и вновь поднималось и вилось красное пламя. Другого какого-либо освѣщенія не было. Это не мало удивило гостей. Конти, бывавшій изрѣдка у волшебника, былъ его горячій поклонникъ и не мало содѣйствовалъ своими разсказами о чудесахъ Каліостро—его все разроставшейся славы. Теперь, на этотъ разъ, Каліостро умышленно пригласилъ принца, чтобы онъ могъ разнести по всему Парижу вѣсть о происшедшемъ въ домѣ мага.

Принцъ Конти былъ болѣе всѣхъ удивленъ темнотѣ въ горницѣ и, будучи близокъ съ хозяиномъ, рѣшилъ замѣтить это обстоятельство графу, приписывая отсутствіе освѣщенія простому недоразумѣнію и разсѣянности его.

— Свѣчей, отозвался Каліостро, не нужно. Намъ достаточно и камина, чтобы видѣть другъ друга и разговаривать... И потомъ, для свидѣтеля, который явится, освѣщенія никакого не должно быть. Этого „они“ не любятъ!

— Кто? спросилъ Праленъ не понимая.

— Онъ?.. Тотъ, котораго я пригласилъ свидѣтельствовать на васъ, графъ, въ томъ, что вы неправильно поступили.

— Какъ его? Этого господина, спросилъ д'Эгильонъ. Я его знаю?

— Когда увидите, то узнаете. Но довольно... Приступимъ...

И Каліостро громко, особымъ голосомъ обратился къ графу Пралену, снова спрашивая его, согласенъ ли онъ возвратитъ хотя бы половину имущества законному наслѣднику. Перъ отчасти нетерпѣливо повторилъ свой отказъ въ болѣе рѣзкой, и даже насмѣшливой формѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы упорно желаете, чтобы „онъ“ свидѣтельствовалъ, что вы не правы, что завѣщаніе подложное?

— Я не позволяю вамъ такъ выражаться! горячо воскликнулъ Праленъ.

— Стало быть, дѣло рѣшено? Вызывать мнѣ свидѣтеля?

— Пускай придетъ и говорить, что хочетъ. Мнѣ все равно... Вы не ставили мнѣ условіемъ и я вовсе не обѣщаль вамъ, что буду повиноваться неизвѣстному мнѣ господину.

— Я не говорилъ вамъ, строго вымолвилъ Каліостро, что онъ вамъ неизвѣстенъ. Напротивъ, я скажу вамъ, что онъ хорошо извѣстенъ всѣмъ вамъ. Этому молодому человѣку онъ не только хорошо извѣстенъ, но даже болѣе того... Впро-

чемъ, зачѣмъ слова терять даромъ... Вы отказываетесь? Повторите вашъ отказъ.

— Отказываюсь. И даже сожалѣю, что пріѣхалъ! раздражительно выговорилъ Праленъ.

— Вы не хотите отдать половину имущества добровольно?

— Ахъ, чортъ побери... Это скучно... Никогда!

— Вы слышали? страннымъ голосомъ выговорилъ хозяинъ, какъ бы себѣ самому, а не гостямъ.

— Да, слышали, отозвались тихо всѣ трое, удивленные голосомъ Калиостро.

— Молчаніе! Я всѣхъ прошу на мгновеніе соблести полное молчаніе и, если возможно, даже не шевелиться.

Наступила полная тишина. Хозяинъ, сидя въ креслѣ, опустил голову на руки. Онъ оперся локтями въ колѣни, пріникъ лицомъ къ раскрытымъ ладонямъ, какъ бы въ глубокой думѣ. Гости безмолвно смотрѣли на него, не понимая, что происходитъ, не зная, что будетъ, но съ трепетомъ чуя,— по репутаціи этого человѣка,—что произойдетъ что-нибудь особенное.

Комната въ полумракѣ, казалось, вздрагивала беззвучно и колыхалась въ лучахъ тлѣвшаго и замиравшаго въ каминѣ огонька.

Послѣ паузы, среди полной тишины въ комнатѣ и во всемъ домѣ, Калиостро отнял руки отъ лица, всталъ и выпрямился во весь ростъ. Затѣмъ онъ закинулъ голову назадъ, поднялъ высоко правую руку передъ собою со сжатыми пальцами, кромѣ указательнаго, какъ если бъ онъ указывалъ нѣчто въ пространствѣ. Въ то же время лѣвая рука его и ея указательный палецъ были опущены и какъ бы указывали на нѣчто находящееся въ двухъ шагахъ отъ него на полу...

Кудесникъ былъ обращенъ лицомъ къ огромному шкафу съ книгами, стоявшему въ глубинѣ кабинета, и всѣ взоры гостей невольно обратились на этотъ уголъ.

Громкимъ, повелительнымъ голосомъ, но съ паузами проговорилъ кудесникъ три раза:

— Явись и свидѣтельствуй!

Въ комнатѣ пронесся легкій вѣтерокъ, какъ бы изъ отвореннаго окна; коверъ и листы раскрытой книги на столѣ всколыхнулись, пламя въ каминѣ подскочило, блеснуло ярко и опять упало.

— Явись и свидѣтельствуй!

Снова порывъ вѣтра, но сильный, какъ завываніе бури въ лѣсу, и за нимъ чуть слышный, болѣзненный и томительный стонъ...

— Явись и свидѣтельствуй!

Кудесникъ быстро опустилъ правую руку рядомъ съ лѣвой и обѣ онѣ теперь указывали внизъ... Раздался стонъ въ горницѣ, протяжный и за душу хватающій... Въ углу, у шкафа, появилось что-то или кто-то...

Это былъ не человѣкъ, а какъ бы тѣнь или отраженіе человѣческаго образа въ зеркалѣ. Затѣмъ, черезъ мгновеніе, весь обликъ высокаго и худого старика съ синевато-блѣднымъ лицомъ и закрытыми глазами ясно вырисовался и выдвинулся беззвучно изъ угла, какъ-то колыхаясь и колеблясь какъ облако...

И какъ стenanіе, жалобное, тихое, едва слышное и будто далекое, гдѣ-то за предѣлами горницы—раздались слова:

— Завѣщаніе подложно...

Кудесникъ опустилъ голову на грудь и поднялъ обѣ руки вверхъ... Обликъ мгновенно разсѣялся и исчезъ.

Въ тотъ же мигъ раздался отчаянный крикъ молодого д'Эгильона... Уже нѣсколько мгновеній сидѣлъ онъ, цѣпнебѣя и задыхаясь отъ ужаса, и, наконецъ, дико вскрикнулъ.

Онъ узналъ своего покойнаго отца.

Принцъ Конти сидѣлъ недвижно, стараясь яснѣе разглядѣть незнакомый ему человѣческій образъ, колыхавшійся въ пространствѣ.

За то графъ Праленъ безъ единого звука повалился на полъ со своего кресла и лежалъ замертво около ногъ Каліостро...

Не сразу очевидцы совершившагося пришли въ себя... Каліостро недвижно молчалъ и стоялъ, закрывъ лицо руками, какъ человѣкъ, который старался прійти въ себя послѣ всыпки гнѣва или горя... Молодой д'Эгильонъ рыдалъ какъ ребенокъ; принцъ, теперь только понявшій, что и кого онъ видѣлъ, тяжело дышалъ, оробѣвъ и оторопѣвъ всѣмъ тѣломъ. Праленъ, протянувшись на полу, валялся какъ трупъ...

— Свѣчей! вскрикнулъ, наконецъ, Каліостро.

Дверь отворилась, и улыбающаяся кротко и мило, красивая женщина въ элегантномъ и прелестномъ пунцовомъ нарядѣ появилась съ двумя маленькими канделябрами въ рукахъ.

Это была Лоренца...

IV.

Капраль королевскаго полка „Кравать“, послѣ бала Сублиза, напрасно проволновался цѣлую ночь у себя въ спальнѣ отъ слова возлюбленной „завтра“.

Этотъ завтрашній день, теперь давно прошедшій, не принесъ Алексѣю ничего. Онъ отправился около сумерекъ въ домъ маркизы Кампо д'Олиवासъ со страшной тревогой на душѣ, но Эли появилась грустная, задумчивая, съ заплаканными глазами и, улучивъ минуту, когда опекунша вышла въ столовую, вымолвила тихо.

— Я ничего вамъ сказать не могу, Алекъ.

— Побойтесь Бога! Не мучайте меня, воскликнулъ Алексѣй.

— Не могу. Не могу... Хоть пускай меня казнятъ сейчасъ. Но вы не горюйте и не жалѣйте, что мое послѣднее рѣшительное слово запаздываетъ. Мое сердце борется съ разумомъ, а я на него надѣюсь. Понимаете? Я на него надѣюсь!

— На что!.. На сердце ваше... Или на разумъ вашъ? дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Алексѣй.

— Я надѣюсь и вы надѣйтесь, такъ какъ „оно“ ваше!

— Оно?! восторженно вымолвилъ Алексѣй. Стало быть, это почти—да!

— Почти—да! тихо отозвалась Эли, но грустно взглянула въ глаза возлюбленнаго.

Затѣмъ она попросила Алексѣя не бывать у нихъ до полученія приглашенія отъ нея или отъ опекунши.

Такъ прошло нѣсколько дней для Алексѣя въ томительномъ ожиданіи рѣшенія своей судьбы. Наконецъ, однажды, случилось роковое событіе.

Однажды утромъ, Алексѣй Норичъ, послѣ смѣны съ караула, выѣхалъ изъ дому верхомъ, чтобы, по обыкновенію своему, прогуляться въ окрестностяхъ Парижа. Дѣтство и юность, проведенныя въ маленькомъ городкѣ, въ живописной мѣстности на берегахъ Рейна, заставили Алексѣя полюбить деревню и природу. Жизнь въ мрачной улицѣ душнаго города томилъ молодого человѣка.

Уѣзжая за городъ въ поле, блуждая шагомъ, а иногда спѣшиваясь и ведя лошадь подъ уздцы, онъ проводилъ цѣлыя часы въ какомъ-нибудь оврагѣ или среди муравы полей, или

на опушкѣ лѣса. И здѣсь, въ уединеніи, мечталъ онъ о своей возлюбленной, о своей злосчастной жизни, о роковомъ узлѣ этой жизни. Мечты его носились часто и въ невѣдомой ему Испаніи, изъ которой явилась возлюбленная его, и въ далекой, снѣгомъ покрытой странѣ, съ которой роковымъ образомъ связала его судьба.

На этотъ разъ Алексѣй сократилъ свою прогулку. Онъ былъ взволнованъ и смущенъ, онъ ждалъ развязки, ждалъ, что Гордіевъ узелъ его жизни или распутается отъ одного слова дорогой Эли, ея однимъ „да“, или же придется разрубить этотъ узелъ, покончивъ свое существованіе. У Алексѣя былъ перстень, доставшійся по наслѣдству отъ отца, въ которомъ заключался магическій сильнѣйшій ядъ. Зачѣмъ носилъ этотъ перстень его отецъ — онъ часто удивлялся и прежде. Теперь же онъ былъ радъ обладать ядомъ.

Когда Алексѣй, возвращаясь въ городъ, уже вѣхалъ въ свою улицу, то не далеко отъ воротъ своихъ казармъ онъ встрѣтилъ, тоже верхомъ на великолѣпномъ конѣ, всадника въ богатомъ костюмѣ мушкатеровъ короля. Онъ узналъ сразу Уазмона. Они вѣхали навстрѣчу другъ къ другу. Въ нѣсколькихъ шагахъ Уазмонъ презрительно глянулъ въ лицо капрала полка „Cravatte“ и, съ пренебреженіемъ махнувъ хлыстомъ, который онъ держалъ въ рукахъ, крикнулъ:

— Дорогу!

Такъ какъ Алексѣй сразу не сообразилъ, чего хочетъ Уазмонъ, то, не мѣняя направленія лошади, приблизился и съѣхался съ мушкатеромъ.

— Вамъ говорятъ: Дорогу! вскрикнулъ Уазмонъ. Я офицеръ королевскаго конвоя, а вы солдатъ простой кавалеріи. Быть можетъ еще и наемный швейцарецъ, или савойяръ... Ну, правѣ!

Уазмонъ остановилъ среди дороги коня и ждалъ, чтобы Норичъ почтительно объѣхалъ его.

Молодой человѣкъ, смущенный неожиданностью, но вспыхнувъ отъ досады, не останавливаясь, двинулся мимо Уазмона.

Въ одно мгновеніе, на глазахъ у нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ и офицеровъ, у казармъ произошла дикая стычка. Хлыстъ мушкатера, просвиставъ два раза по воздуху, сшибъ съ головы капрала шляпу и перерѣзалъ шею около уха. Въ то же мгновеніе Норичъ схватилъ оскорбителя за воротъ, хотѣлъ стащить на землю съ сѣдла, но не удержался на ло-

шади и, свалясь, повисъ на врагѣ, держа его окостенѣвшими отъ гнѣва руками. Мушкатель, задыхаясь и чувствуя, какъ рвется его дорогой колетъ, хлеснулъ лошадь. Конь взвился на дыбы, но Алексѣй не выпустилъ изъ рукъ всадника. Уазмонъ, конечно, не усидѣлъ, и оба врага покатались на землю въ пыльную дорогу. Подбѣжавшіе на помощь товарищи, тотчасъ заступились за Норича. Смущенный и потерявшійся Уазмонъ въ одно мгновение обнажилъ шпагу, но десять такихъ же обнаженныхъ шпагъ явились у его лица.

— Стойте! закричалъ Уазмонъ. Я долженъ объяснить вамъ.

— Нечего тутъ объяснять! вскрикнулъ внѣ себя Алексѣй. Оставьте меня, товарищи. Я одинъ справлюсь съ нимъ.

Въ первый разъ въ жизни Алексѣй чувствовалъ, что разумъ помутился въ немъ, что онъ въ это мгновение способенъ только на одно: немедленно умертвить своего оскорбителя, или быть убитымъ.

— Вы оба сумасшедшіе! Вы себя губите безмысленно!

— Здѣсь улица... За это судъ, какъ за убійство! раздались голоса.

— Здѣсь нельзя... Стойте! крикнулъ и Уазмонъ.

— Все равно мнѣ... Становитесь! Защищайтесь! кричалъ Алексѣй, нападая на врага. Берегите улицу отъ патруля! прибавилъ, онъ обращаясь къ товарищамъ.

— Я не хочу быть осужденъ за убійство! кричалъ Уазмонъ.

— Нѣтъ. Здѣсь. Сейчасъ... Защищайтесь!

Но въ это мгновение двое изъ офицеровъ, товарищи Алексѣя, бросились между соперниками и ловкими ударами выбили у него шпагу изъ рукъ.

— Вы съ ума сошли! сказалъ одинъ изъ нихъ. Развѣ можно драться у самыхъ казармъ. Вы хотите, чтобы вашъ поединокъ сочли разбоемъ или злодѣяніемъ и чтобы тотъ, кто останется въ живыхъ, былъ посаженъ въ крѣпость. Расходитесь немедленно! А нынче же вечеромъ мы сойдемся въ болѣе удобномъ, условленномъ мѣстѣ.

Норичъ стоялъ безмолвный и все еще задыхался отъ душившего его гнѣва. Уазмонъ, болѣе спокойный, согласился и заявилъ, что вечеромъ, въ восемь часовъ, онъ будетъ со своимъ секундантомъ въ Пре-о-Клеркъ, мѣстности, гдѣ постоянно происходили всѣ дуэли.

Когда Уазмонъ удалился, товарищи обступили своего со-

служивца, котораго всё любили, и стали допытываться причины этого явнаго, умышленнаго оскорбленія.

Алексѣй догадывался, даже зналъ навѣрное, что это было мщенье за предпочтенье, которое оказываетъ ему Эли, но конечно не объяснилъ этого товарищамъ.

Но самъ Алексѣй ошибался тоже, думая, что злоба и ревность подняли на него руку кавалера Уазмона. Добродушный мушкатель, нисколько не влюбленный въ Эли, пошелъ на все по приказанію графини Ламоть.

Вернувшись домой, Алексѣй, разумѣется, ни слова не сказалъ Лизѣ обо всемъ, съ нимъ случившемся. Наивная и недалекая Лиза не замѣтила даже измѣнившееся лицо брата, его волненіе и страстно блестящій взглядъ.

Онъ прошелъ быстро въ свою горницу, заперся и, переглядевъ нѣсколько бумагъ, отложилъ ихъ въ сторону. Это были документы его и сестрины, павпорты и бумага, по которой онъ получалъ ежемѣсячно въ банкирской конторѣ деньги, приходившія изъ Россіи.

Воображая, что Уазмонъ страстно влюбленъ въ Эли, правдивый Алексѣй оправдывалъ то чувство, которое послужило поводомъ Уазмону къ этой встрѣчѣ и къ нападенію. Онъ нисколько не смущался итти на поединокъ, потому что не даромъ былъ студентомъ германскаго университета. Разъ пятнадцать уже приходилось ему драться изъ-за пустяковъ и онъ мастерски владѣлъ шпагой. Теперь приходилось въ первый разъ въ жизни выступать на серьезный поединокъ, вступать въ бой на смерть.

Алексѣй надѣялся, что серьезность этого случая заставитъ его еще лучше воспользоваться своимъ искусствомъ.

А между тѣмъ онъ былъ смущенъ. Его волновало совсѣмъ иное.

Какъ итти на смерть и, быть можетъ, — все въ волѣ Божьей — пасть отъ удара противника, когда въ его ухахъ еще звучать слова Эли: „Подождите; мое сердце борется съ разумомъ, а я на него надѣюсь!“

Надо отложить эту дуэль во что бы то ни стало! думалъ онъ. Вѣдь это почти признаніе. Согласіе!..

Если Эли скажетъ: „нѣтъ“, онъ готовъ умышленно подставить свою грудь подъ смертельный ударъ шпаги Уазмона. Но если скажетъ: „Да“... Тогда ему надо жить и чувство полнаго счастья укрѣпить его руку, удвоить его искусство, удесятерить его силу и ловкость.

Продумавъ однако часа два, Алексѣй окончательно рѣшилъ, что стыдно откладывать поединокъ и поневолѣ надо идти на бой, не зная, какъ рѣшена его участь въ сердцѣ возлюбленной.

И онъ тотчасъ же послалъ за своимъ сослуживцемъ, лейтенантомъ того же полка, съ которымъ былъ особенно друженъ и близокъ и котораго даже Лиза предпочитала всѣмъ остальнымъ товарищамъ брата.

V.

Были уже сумерки, когда товарищъ и другъ явился къ Алексѣю.

Лейтенантъ Турнефоръ уже зналъ, что долженъ быть секундантомъ у друга. Онъ владѣлъ шпагой настолько плохо, что избѣгалъ всякой ссоры и ни разу не участвовалъ ни въ одной дуэли ни въ роли дѣйствующаго лица, ни въ качествѣ секунданта.

Молодой человекъ, лѣтъ 22, былъ теперь настолько взволнованъ, что Алексѣй даже удивился и приписалъ эту тревогу друга—новости его положенія.

Турнефоръ просидѣлъ нѣсколько мгновений молча, но вдругъ отчаяннымъ голосомъ выговорилъ, будто крикнулъ:

— Норичъ... Если ты будешь убить—я желаю жениться на твоей сестрѣ. Я люблю ее.

Алексѣй изумленно поглядѣлъ на друга.

— Пойдетъ она за меня?..

— Я думаю... Я даже... Даже увѣренъ, произнесъ Алексѣй какъ бы бессознательно, настолько онъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ открытiемъ.

— А ты согласенъ?..

Алексѣй, вмѣсто отвѣта, какъ бы придя въ себя, вскочилъ и бросился обнимать друга...

— Но если ты останешься живъ, то этого теперь не будетъ. И ты обяжись клятвой ничего не говорить сестрѣ до поры до времени. Дай слово.

— Почему же, если я буду живъ, то...

— Не спрашивай и дай слово молчать.

— Даю..

Едва успѣлъ Алексѣй выговорить это слово, какъ въ горницу вошла Лиза и подала брату письмо, запечатанное зеленой восковой печатью большого размѣра съ затѣйливо пестрымъ гербомъ.

Алексѣй сразу догадался, откуда это посланіе, и, задыхаясь отъ волненія, разломилъ печать и, вынувъ исписанный кругомъ листокъ бумаги, сталъ бѣгло читать... Прочтя двѣ страницы, онъ выронилъ письмо изъ рукъ и зашатался.

Сестра вскрикнула, бросилась къ нему, но помощь Турнефора, слѣдившаго за другомъ, уже подоспѣла прежде молодой дѣвушки.

Алексѣй, ухватившись за товарища, удержался на ногахъ и тяжело опустился на придвинутый сестрой стулъ.

— Вотъ этотъ ударъ хуже, ужаснѣе удара шпаги! прошепталъ Алексѣй.

Письмо было отъ тетки-опекунши и было, стало быть, отътомъ, обѣщаннымъ Алексѣю его возлюбленной.

Тетка-опекунша не только въ вѣжливыхъ, но задушевныхъ выраженіяхъ объясняла молодому человѣку, что ея питомица созналась ей въ своемъ чувствѣ къ нему и въ томъ, что подала ему надежду, но что, въ качествѣ опекунши, сама она не можетъ согласиться на его бракъ съ племянницей до тѣхъ поръ, пока его общественное положеніе не будетъ выяснено и упрочено. Она увѣряла Алексѣя въ своихъ добрыхъ чувствахъ къ нему, но прибавляла, извиняясь за искренность, что сомнѣвается въ его происхожденіи и въ его правахъ.

Овладевъ собою, Алексѣй снова взялъ письмо и дочиталъ его. Послѣ перваго чтенія, онъ рѣшилъ добровольно итти на смерть и въ поединкѣ съ Узмономъ даже не защищаться. Теперь же, послѣ втораго чтенія, напротивъ, онъ твердо рѣшилъ во что бы то ни стало не оставлять въ живыхъ своего врага.

Маркиза въ концѣ письма намекала Норичу о своемъ желаніи, чтобы онъ прекратилъ свои посѣщенія, оставилъ мысль о бракѣ съ ея племянницею, такъ какъ у нея есть партія: молодой человѣкъ, ей глубоко преданный и любящій ее. Опекунша намекала на то, что Эли, на предложеніе руки этого претендента, отказала ему сторяча, но, разлученная съ Алексѣемъ, по всей вѣроятности, согласится на этотъ бракъ.

Алексѣй попросилъ сестру выйти и оставить его наединѣ съ другомъ.

— Вотъ письмо... прочти его, сказалъ Алексѣй, когда они остались одни.

Турнефоръ быстро пробѣжалъ письмо, вздохнулъ и молчалъ.

— Этотъ претендентъ, произнесъ онъ наконецъ, — конечно кавалеръ Узмонъ, оскорбившій тебя?

— Разумѣется.

— Ну, ты его убьешь сегодня.

— Разумѣется, — злобно разсмѣявшись сказалъ Алексѣй. Я тебѣ говорилъ сто разъ, наконецъ ты самъ видѣлъ, какъ я владѣю шпагой... Но вотъ въ чемъ дѣло, другъ мой. Уазмона я убью, но завтра въ эту пору буду тоже мертвъ. Слѣдовательно, ты долженъ взять теперъ же всѣ эти бумаги и жениться на Лизѣ.

— Что это значить?

— Объяснять я тебѣ не стану. Говорю только одно: Уазмонъ будетъ убитъ сегодня, а завтра въ ту же пору и я буду тамъ, гдѣ онъ. Въ тѣхъ невѣдомыхъ предѣлахъ, гдѣ, повѣрь, будетъ мнѣ лучше, чѣмъ на этой планетѣ... Довольно жить. Я измучился, я усталъ такъ, какъ еслибы прожилъ сто лѣтъ.

— Ты рѣшаешься на самоубійство?.. Это безуміе!..

— Можетъ быть... Прекратимъ этотъ разговоръ.

— Но неужели нѣтъ другого исхода?.. Никакого?.. воскликнулъ Турнефоръ.

Алексѣй пожалъ плечами и выговорилъ:

— Есть... Есть одинъ человѣкъ, который бы могъ помочь мнѣ, спасти меня. Отъ его магической помощи все измѣнилось бы; маркиза Ангустиасъ отвѣчала бы согласіемъ... Вообще все... все измѣнилось бы!..

— Такъ обратись за этой помощью... Кто онъ?.. Гдѣ?.. Здѣсь въ Парижѣ?.. Хочешь, я помогу тебѣ?..

— Нѣтъ, ничего не надо... Я даже назвать его тебѣ не могу... Да и не стоитъ того!..

— Но ты обращался за помощью къ этому человѣку?

— Конечно. Даже не разъ... И еще недавно я снова обращался къ нему письменно, но онъ избалованъ ухаживаніемъ всего Парижа.

— И онъ отказалъ тебѣ?

— Онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Это все равно: тотъ же отказъ... Однако, намъ пора собираться... до назначеннаго часа поединка остается лишь время дойти до мѣста.

Алексѣй помолчалъ, глубоко вздохнулъ и выговорилъ, глядя на лежащее на столѣ письмо маркизы:

— Да. Если бы ты знала, старая дѣва, что это письмо погубитъ твоего фаворита. Не объясни ты въ письмѣ передъ самымъ поединкомъ за кого ты прочишь Эли—я бы далъ себя

убить Узмону. Это была бы все-таки христианская смерть. Но теперь, зная, кто будет мужем Эли послѣ моей смерти, я не могу оставить его въ живыхъ... И вотъ, ты сама, старая, глупая кастильянка, убила своего любимца излишней болтовней.

Друзья одѣлись и, накинувъ плащи, собрались выходить изъ дому.

— А съ сестрой не простишься? шепнулъ Турнефоръ.

— Зачѣмъ?

— Какъ, другъ мой, зачѣмъ. Мало ли что можетъ быть. Все въ волѣ Божьей. Лучше пойдѣ пожди ей руку... Передъ такой роковой минутой жизни, она, быть можетъ, принесетъ тебѣ счастье.

Алексѣй стоялъ въ нерѣшимости; но вдругъ шагнулъ къ порогу и выговорилъ:

— Нѣтъ, не могу... боюсь... Она замѣтитъ во мнѣ волненіе и проведетъ цѣлый вечеръ въ тревогѣ. Изъ-за чего ее беспокоить! Вѣдь я знаю, что все обойдется благополучно, т. е. благополучно для меня,—прибавилъ онъ съ раздражительнымъ смѣхомъ.

Турнефоръ подавилъ вздохъ и выговорилъ тихо:

— Ну, такъ поидемъ.

И оба офицера, закутавшись плотно въ плащи, молча двинулись пѣшкомъ по направленію къ мѣсту, назначенному для поединка.

На дворѣ уже смерклось; ночная тѣнь быстро набѣгала на землю. Когда друзья уже приближались къ Пре-о-Клеркъ, было уже совершенно темно.

— Да... досадно! пророчалъ какъ бы про себя Алексѣй,—дрался не разъ, но всегда днемъ; ночью никогда не приходилось... Глухой это у васъ обычай!.. Лучше драться дальше отъ всякихъ полицейскихъ, но при дневномъ свѣтѣ. А нашему брату, близорукому, оно совсѣмъ не съ руки.

Турнефоръ остановился вдругъ какъ вкопанный и выговорилъ:

— Конечно, это безуміе!.. Я забылъ, что ты близорукъ... Надо было настоять на поединкѣ днемъ... Что жъ теперь дѣлать? Надо отложить до завтра.

— Для того, чтобы Узмонъ прождалъ меня часа два и рѣшилъ, что я струсилъ... Никогда!

— Но вѣдь завтра ты явишься, ты докажешь, что не струсилъ...

— Нѣтъ, пустое! Теперь поздно. Надо было раньше объ этомъ думать... Идемъ...

Черезъ нѣсколько шаговъ, среди темноты имъ на встрѣчу попались двѣ личности въ плащахъ и окликнули ихъ. Они отвѣчали.

Это былъ Узмонъ съ секундантомъ своимъ, барономъ Вильетомъ. Поединщики выбрали мѣсто и стали...

„Неужели темнота по своему рѣшить всю судьбу Эли?“ думалъ Алексѣй, тревожно обнажая шпагу.

VI.

Въ самый разгаръ своей дѣятельности, на вершинѣ извѣстности и даже славы, Каліостро, окруженный молодежью, часто, однако, признавался женѣ, что во всѣхъ этихъ людяхъ онъ не видитъ ни одного человѣка, который бы могъ быть его помощникомъ и наперсникомъ, какимъ онъ самъ былъ когда-то у Альтотаса. А между тѣмъ, наперсникъ этотъ былъ необходимъ великому магу. И онъ давно мечталъ объ этомъ, а теперь, въ Парижѣ, началъ онъ уже какъ бы искать такого ученика и помощника преимущественно среди иностранцевъ.

Но Каліостро, мечтавшій имѣть около себя такую личность, про которую онъ могъ бы со временемъ сказать *alter ego*, не встрѣчалъ положительно ни одной подходящей, даровитой и смѣлой натуры.

Однажды вечеромъ, ему попало въ руки письмо, которое онъ хотѣлъ тотчасъ, по обычаю своему, разорвать, почти не читая, такъ какъ оно было очевидно отъ одного изъ его незнакомыхъ поклонниковъ. Масса такихъ лицъ постоянно обращалась къ нему съ просьбами всякаго рода. Но что-то остановило его руку...

Онъ прочелъ подпись. Четко написанное имя привлекло его вниманіе, вслѣдствіе своей загадочности— „Графъ Зарубовскій или Норичъ“. Кудесникъ пробѣжалъ письмо, потомъ прочелъ его второй разъ, пропуская слова, которыя не могъ разобрать. Затѣмъ прочелъ въ третій разъ, разобралъ все письмо, написанное неправильнымъ французскимъ языкомъ, и задумался.

Эти объ фамилии, и Зарубовскій, и Норичъ, были не французскія, а сѣверныя. Это, стало быть, пишетъ иностранецъ. Наконецъ то, что онъ пишетъ, въ высшей степени оригинально.

нально и интересно. Каліостро посмотрѣлъ на число и день и вымолвилъ вслухъ:

— Не поздно ли? Пожалуй поздно... А если онъ лжетъ? Хвастаетъ... Врядъ ли!.. Не похоже.

Авторъ письма этого говорилъ, что онъ молодой человѣкъ, происхожденіемъ съ сѣвера, что жизнь его, вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ, ему въ тягость, но что онъ можетъ быть спасенъ всемогуществомъ такого загадочнаго человѣка, какъ графъ Каліостро. Онъ уже писалъ два раза, теперь пишетъ въ третій разъ, но уже не проситъ ничего, а только въ послѣдній разъ заявляетъ, что такъ какъ помимо графа Каліостро никто помочь ему въ его горькомъ положеніи не можетъ, то остается только одно—покончить съ собою.

„Я знаю навѣрно—кончилъ онъ письмо—что эти строки на васъ тоже не подѣйствуютъ. Я слышалъ, что вы получаете сотни писемъ въ день, бросаете ихъ почти не читая. Слѣдовательно—это письмо вы уничтожите; но тѣмъ не менѣе я пишу его. Я исполняю какъ будто какой-то долгъ совѣсти передъ самимъ собою.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ того, что вы прочтете его и бросите, меня ужъ не будетъ на свѣтѣ. Если вы не вѣрите, то, имѣя мой адресъ, вы можете узнать, что, наканунѣ вашего появленія, или появленія вашего посланнаго, молодой человѣкъ, капраль, по фамиліи Норичъ—кончилъ самоубійствомъ. А между тѣмъ, графъ, если бы вы пожелали, если бы вы меня приняли, хотя бы на полчаса, когда я писалъ и просилъ васъ принять меня—я бы могъ остаться жить, быть счастливымъ, обладать огромнымъ состояніемъ, которымъ подѣлился бы охотно съ вами.

„Когда-то гладіаторы, отправляясь на бой, говорили императорамъ: „Ave Caesar, morituri te salutant!“—я скажу, обращаясь къ вамъ, то же самое: „Умирающій посылаетъ вамъ, великій магъ и чародѣй, свой предсмертный поклонъ“.

Вотъ именно какого рода письмо было подписано двойною фамиліей: графъ Зарубовскій или Норичъ.

Каліостро подумалъ надъ этимъ письмомъ, повертѣлъ его въ рукахъ, потомъ, какъ бы подъ влияніемъ вдругъ принятаго рѣшенія, онъ сунулъ письмо въ карманъ.

Вотъ былъ бы можетъ быть для меня прекрасный помощникъ! подумалъ графъ. Я знаю его тайну! И тутъ цѣлое состояние!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ экипажѣ и по темнымъ улицамъ Парижа ѣхалъ въ дальній, глухой кварталъ. Данный ему адресъ указывалъ мѣстность недалеко отъ знаменитой Бастилии, и, стало быть, близко и отъ его квартиры.

Въ темномъ и маленькомъ переулкѣ экипажъ Каліостро остановился около казармы. Онъ вышелъ изъ кареты и хотѣлъ спросить у кого-нибудь, который здѣсь домъ капрала Норича, но остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи, или вѣрнѣе сказать, сразу догадавшись, гдѣ тотъ домъ, который онъ отыскиваетъ.

Весь переулокъ былъ темень, только въ одномъ маленькомъ домикѣ ярко свѣтились огни и шевелились въ какой-то тревогѣ человѣческія фигуры.

„Это навѣрно его домъ“, подумалъ Каліостро. „Но, стало быть, онъ исполнилъ свое намѣреніе. Входитъ или нѣтъ?“ задалъ онъ себѣ вопросъ.

Въ одну минуту онъ собрался было садиться въ экипажъ и уѣзжать, но вдругъ ему пришла ребяческая фантазія поглядѣть внутрь этого дома черезъ низенькія окна.

Каліостро приблизился къ домику и глянулъ въ крайнее окно. За столомъ сидѣла чрезвычайно красивая молодая дѣвушка и нервно, быстро писала. Все лицо ея было въ слезахъ.

Въ горницу входили и выходили безпрестанно нѣсколько человѣкъ. Одна очень молоденькая дѣвушка, пожилой полненькій господинъ, молодой офицеръ и еще двѣ горничныя.

„Вѣроятно покончилъ съ собой и лежитъ въ гробу“, подумалъ кудесникъ и, вернувшись къ каретѣ, велѣлъ ѣхать домой. Ему было жаль этого погибшаго незнакомца. А между тѣмъ, дѣвушка, поразившая Каліостро своей красивой головкой, которую онъ видѣлъ у стола за письмомъ и всю въ слезахъ—была, конечно, никто иная какъ пылкая и прихотливая Эли д’Оливасъ.

Когда она узнала объ ужасной участи своего возлюбленнаго, она лишилась чувствъ и упала какъ мертвая на полъ. Ей сказали, что раненый Алексѣй при послѣднемъ издыханіи или, вѣрнѣе, уже умеръ. Придя въ себя, Эли не зарыдала, ни слезинки не было въ ея глазахъ. Она только была блѣдна и неподвижна какъ мраморная статуя. Нѣсколько минутъ, молча, не спускала она глазъ съ тетки, которая хлопотала около нея и умоляла успокоиться, раздѣться, лечь въ постель и выпить какого-то домашняго зелья въ ожиданіи доктора:

Эли согласилась, сказала: „Да!“—но прибавила рѣшительно: „Съ условіемъ, если вы тотчасъ сами поѣдете за этимъ докторомъ“.

Ангустіасъ безпрекословно одѣлась и выѣхала изъ дому, а вслѣдъ за нею Эли разогнала всѣхъ людей по своимъ порученіямъ въ городъ. Домъ опустѣлъ...

Тогда дѣвушка судорожными движеніями одѣлась тоже и быстро вышла изъ дому, едва сознавая, что она дѣлаетъ. На улицѣ она наняла первый попавшійся ей фіакръ и приказала скакать къ казармамъ полка Кравать. Червонецъ, брошенный возницѣ въ руку, такъ на него подѣйствовалъ, что онъ погналъ лошадь во весь опоръ, черезъ весь Парижъ, и скоро было въ Марэ.

Эли не знала, гдѣ квартира Алексѣя, но первый же встрѣченный солдатъ, на ея вопросъ, указалъ ей домикъ капрала-чужеземца, назвавъ его *le sarogal Noréche*...

Войдя въ квартиру, Эли бросилась на шею къ Лизѣ и обѣ зарыдали обнимаясь...

— Надежды нѣтъ? спросила Эли.

— Не знаю... Нѣтъ... Если Господь сжалятся... Не знаемъ... Вотъ докторъ...

Ça va mal, mes enfans... Дурно... Но не надо отчаяваться...

Докторъ былъ убѣжденъ, что раненый опасно и глубоко въ шею молодой человѣкъ скончается къ ночи, но не рѣшился сказать этого двумъ такимъ юнымъ существамъ. Для очистки совѣсти и чтобы прекратить глухія рыданія дѣвушекъ, докторъ сталъ объяснять обѣмъ какъ ухаживать за раненымъ и дѣлать бинты и наблюдать за сдѣланной имъ перевязкой.

Эли стала просить позволенія тотчасъ войти къ больному, но докторъ, отчасти узнавъ, а отчасти догадавшись, какое важное значеніе имѣла для раненаго эта явившаяся вдругъ красавица, рѣшительно воспротивился ея желанію.

— Это свиданіе съ вами сейчасъ можетъ его убить на мѣстѣ! сказалъ онъ. Отъ волненія и тревоги хлынетъ опять кровь и никакія перевязки не спасутъ! восклицалъ онъ. Если вы хотите убить его—идите. Завтра утромъ я васъ допущу. А эту ночь помогайте здѣсь, оставьте сестру одну у постели.

Эли поневолѣ согласилась, но слова доктора „завтра утромъ“ впервые заставили дѣвушку одуматься, какъ бы сознательно оглянуться и спросить себя: „Что она намѣрена дѣлать?“

„Конечно оставаться здѣсь, около него, съ его сестрой, на всю ночь!“ рѣшила она мысленно и безповоротно.

Она сѣла къ столу, написала нѣсколько строкъ и тотчасъ послала эту записку къ своей теткѣ. Она объяснила свой поступокъ и свое намѣреніе остаться въ квартирѣ возлюбленнаго до его выздоровленія или его смерти.

Эли писала опекуншѣ въ такихъ энергическихъ выраженіяхъ и слова ея дышали такой рѣшимостью отчаянія—что теткѣ нельзя было и думать явиться сюда, чтобы пробовать силой увозить ее домой.

„Клянусь памятью моей матери, что я зарѣжусь на порогѣ этого дома, если меня захотятъ силой увозить отсюда!“ кончала она свою записку и, уже собравшись запечатать, прибавила еще дрожащей рукой:

„Lo juro! Si quieres tamarre. Ven!“ (Клянусь. Если хочешь убить меня—приходи!).

VII.

Въ тѣ же мгновенія Калиостро вернулся домой и, войдя къ себѣ, не снималъ плаща и шляпы.

— Что за странная фантазія! произнесъ онъ наконецъ. Однако, если меня что-то толкаетъ туда къ трупу незнакомаго мнѣ юнаго чужеземца, погибшаго отчасти изъ-за меня, то отчего же не исполнить каприза.

Эти слова вырвались у кудесника вслѣдствіе страннаго желанія видѣть лицо человѣка, котораго онъ считалъ застрѣлившимся въ этотъ день.

— А если онъ живъ еще?.. Дѣвушка была въ слезахъ, но вѣдь она могла плакать не по мертвомъ, а по умирающему. Если я опоздалъ, то являться къ нему совѣстно. А видѣть мнѣ его хочется. Рѣшено! Не поѣду опять.

Однако чрезъ минуту Калиостро вышелъ вновь и приказалъ удивленному кучеру ѣхать опять туда же, къ домику въ Марэ.

На этотъ разъ Калиостро подѣхалъ къ самому крыльцу дома, вышелъ и хотѣлъ постучать въ дверь, когда увидѣлъ, что она была растворена. Онъ вошелъ и невольно осмотрѣлся, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ прихожей гробовой крышки или чего-либо, свидѣтельствующаго о присутствіи покойника.

Тихіе голоса слышались изъ сосѣдней комнаты, куда дверь была затворена.

Калиостро сбросилъ плащъ, снялъ шляпу и, отворивъ дверь, вошелъ съ тою увѣренностью въ поступки и взглядѣ, которая иногда выручала его. Когда онъ появился на порогѣ горницы, двѣ молодыя дѣвушки, пожилая служанка и офицеръ, сразу прекратили свой сдержанный шопотъ и съ живостью обернулись къ нему. Дѣвушка, помоложе, бросилась къ нему на встрѣчу со словами:

— Вы докторъ Дюкро? Хирургъ королевскій?

Калиостро занулся на секунду и тотчасъ же произнесъ:

— Да.

— Я, лейтенантъ Турнефоръ, за вами посылалъ, выговорилъ, подходя офицеръ. Помогите. Вамъ передалъ приглашеніе нашъ командиръ?

— Да, съ той же увѣренностью выговорилъ Калиостро. Онъ живъ, стало быть?

— Идите. Скорѣе! воскликнула Лиза.

— Въ какомъ положеніи находится онъ? выговорилъ Калиостро. Въ сознаніи?

— Плохо... Очень плохо... Но живъ, положительно живъ,—прибавила пожилая служанка, приблизившись къ Калиостро.

— Гдѣ онъ себя ранилъ? Куда направилъ оружіе? спросилъ Калиостро. Вѣрно въ сердце или въ голову?

Обѣ дѣвушки, а вмѣстѣ съ ними и Турнефоръ, съ изумленіемъ взглянули въ лицо Калиостро.

— Мы васъ не понимаемъ, господинъ докторъ, произнесъ Турнефоръ. Про что вы говорите?

— Что же съ нимъ, если онъ не раненъ?. Я думалъ, что онъ... запинаясь выговорилъ Калиостро, самъ хотѣлъ покончить съ собою. Вѣдь это господинъ Норичъ?

— Да, Норичъ! воскликнула Лиза. Мой братъ. Но онъ преступно былъ раненъ злодѣемъ на улицѣ... Грабителемъ...

„Ничего не понимаю“, подумалъ Калиостро и прибавилъ:

— Такъ идемте скорѣй!

И сопутствуемый Лизой, которая указала ему дверь и пропустила его впередъ, кудесникъ, сказавшійся королевскимъ хирургомъ Дюкро, съ любопытствомъ прошелъ въ другую комнату, маленькую, полуосвѣщенную лампадой.

На кровати, въ углу, Калиостро увидѣлъ лежащаго на спинѣ молодого человѣка, очень красивой наружности, поразившей его тотчасъ правильностью и благородствомъ чертъ лица. Онъ тяжело дышалъ; обильный потъ струился по лбу и смо-

чиль волосы на головѣ; глаза его постоянно открывались и закрывались. Каждый разъ, что поднимались вѣки, лихорадочно-блестящій взглядъ черныхъ глазъ ярко вспыхивалъ въ полумракѣ комнаты. Лицо слегка подергивала судорога.

Калиостро приблизился и пристально сталъ смотрѣть въ лицо лежащаго. Тотъ слегка престонаялъ. Искусный медикъ приглядѣлся зорко и выговорилъ удивляясь:

— Что съ вами? Тутъ недоразумѣнїе!.. Вы не ранены. Говорите мнѣ скорѣе, что вы съ собою сдѣлали? Вы ранены?

— Да...

— Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ вы и отравлены.

— Нѣтъ! чуть слышно повторилъ Алексѣй.

— Какимъ ядомъ? Я вижу... Знаю навѣрно. Говорите: что вы приняли?

— Оставьте меня! глухо произнесъ Алексѣй. Кто вы? Уйдите. Мнѣ не надо... помощи.

Лиза страшно вскикнула и упала на колѣни около кровати.

— Нѣтъ, я не оставлю! воскликнулъ Калиостро.

— Онъ докторъ. Онъ поможетъ тебѣ. Онъ спасетъ тебя.

Скажи, Бога ради! рыдала Лиза.

И, стоя на колѣняхъ около кровати брата, она схватила повисшую руку его и, въ порывѣ горя и отчаянїя, тянула его за руку и повторяла:

— Скажи, Бога ради!.. Говори!.. Зачѣмъ ты отравился?!

— Не хочу... оставьте меня! отвѣчалъ глухо Алексѣй.

— Послушайте, господинъ Норичъ! Мнѣ вы обязаны сказать, заговорилъ Калиостро горячо. Вы обязаны назвать ядъ, который вы приняли, потому что я спасу васъ отъ смерти и отъ того, что погубило васъ. Я пришелъ спасти васъ двоюко. Есть въ городѣ человекъ, къ которому вы обращались съ просьбою спасти васъ, въ могущество котораго вы вѣрите.

— Да, есть, произнесъ черезъ силу Алексѣй.

— Назовите его.

— Зачѣмъ. Я умираю...

— Онъ передъ вами, молодой человекъ. Я—Калиостро.

Лежащій устремилъ глаза на вновь прибывшаго незнакомца; его мертвенно-блѣдное лицо покрылось едва замѣтнымъ румянцемъ; рука поднялась судорожнымъ движеніемъ.

— Правда ли? Вы ли Калиостро?

— Правда. Клянусь вамъ и докажу. Назовите мнѣ ядъ и

вы будете спасены. А когда вы будете на ногахъ, мы поговоримъ о вашемъ дѣлѣ, о вашей судьбѣ.

— Не вѣрю. Да и поздно. Мнѣ не надо жить... прокричаль, почти простоналъ, Алексѣй и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Эли здѣсь... Милый мой. Эли здѣсь, у насъ. Ты долженъ жить и быть счастливымъ! воскликнула Лиза.

Алексѣй двинулся всѣмъ корпусомъ и глядѣлъ на сестру.

Калиостро, между тѣмъ, быстрымъ движеніемъ доставъ изъ кармана сложенный листъ бумаги, поднесъ его къ глазамъ лежащаго.

— Вотъ ваше послѣднее письмо. Я Калиостро?

— Эли здѣсь, у насъ, любить тебя... повторила Лиза.

— Да. Вѣрю... Слава Богу!..

Онъ схватилъ Калиостро обѣими руками за руку, почти впился въ нее и воскликнулъ горячо:

— Спасайте меня скорѣй!.. Если она ко мнѣ... пришла, я могу жить, я долженъ жить!.. Спасайте...

— Какой ядъ вы приняли?

— Aqua toffana...

Калиостро сдѣлалъ движеніе, которое невольно вырвалось у него.

— Это ужасно! прошептала онъ. Гдѣ вы его достали?

— Онъ былъ у меня уже давно. Въ перстнѣ отца...

— Это страшный ядъ? вскрикнула Лиза.

— Нѣтъ, сударыня, страшно не то, страшно другое. То, что такого яда на свѣтѣ нѣтъ. Этимъ именемъ называютъ соединеніе ядовъ совершенно различныхъ. Но все равно: я испробую свои силы, можетъ быть мнѣ и удасться еще спасти васъ.

И тотчасъ началась въ домикѣ суетня... Двое изъ находившихся здѣсь — лейтенантъ Турнефоръ и пожилая горничная немедленно отправились по порученію Калиостро въ аптеку и въ лавки.

До глубокой ночи провелъ Калиостро въ этомъ домикѣ, ухаживая за Алексѣемъ. Уже два раза давалъ больному противоядіе собственнаго состава и, вызвавъ припадки, которые облегчили состояніе отравленнаго, онъ снова внимательно освидѣтельствовалъ его и, качая головой, вымолвилъ:

— Что же это? И рана... И отравла... Ну, да Богъ милостивъ. Главное, Норичъ, старайтесь немножко уснуть, воз-

становить свои силы. Я поѣду домой и завтра же рано утромъ буду у васъ снова. Я могу сказать вамъ почти навѣрное, что рана ваша пустая. Я боюсь только послѣдствій яда въ желудкѣ... Засните. Быть можетъ, чрезъ часъ вы будете уже внѣ опасности.

На другое утро пациентъ, благодаря молодости, крѣпкому сложенію и цвѣтущему здоровью, уже пересилилъ болѣзнь. Когда Калиостро явился въ тотъ же домикъ квартала Марэ, то и Лиза, и красивая молодая дѣвушка, встрѣтили его съ такимъ видомъ, по которому Калиостро сразу догадался, что все даже лучше, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Совсѣмъ здоровъ... Спасенъ! Вы благодѣтель нашъ! произнесла молодая дѣвушка страстно.

Дѣйствительно, больной лежалъ блѣдный, слабый, но улыбающійся.

— Я чувствую, графъ, — произнесъ онъ на вопросъ Калиостро, — что я внѣ опасности. Мнѣ нужно только спокойствіе, чтобы стать такимъ же здоровымъ, какъ я былъ. Этимъ я обязанъ вамъ и вотъ ея присутствію. Это моя невѣста.

— Маркиза Кампо д'Оливасъ! отрекомендовалась красавица, немного смущаясь и краснѣя.

— Калиостро при этомъ имени остолбенѣлъ и съ крайнимъ изумленіемъ глядѣлъ на дѣвушку, ни слова не говоря...

Магъ тотчасъ понялъ, что присутствіе юной маркизы въ домъ больного конечно — самовольное и конечно послѣдствіемъ этого поступка будетъ соблазнъ всего общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ поступокъ дѣвушки разрушалъ планы хитрой и умной графини Ламоть.

— Надо скорѣе обо всемъ извѣстить ее и особенно объ этомъ казусѣ, подумалъ Калиостро.

VIII.

Графиня Иоанна Ламоть металась изъ угла въ уголъ своей изящно отдѣланной квартиры, какъ тигрица, неожиданно запертая въ клѣтку. Лицо ея, блѣдное какъ полотно, было въ слезахъ, руки дрожали. Посторонній могъ бы подумать, что женщина поражена несчастьемъ, а между тѣмъ, у безсердечной, но страстной женщины было не горе. На лицѣ ея были слезы гнѣва; руки дрожали отъ злобы.

Роковыя случайности разрушали безпощадно то зданіе, ко-

торое она строила. Капризная и слѣпая форгуна будто боролась съ нею, насмѣхалась надъ ней.

Уазмонъ, дравшійся нѣсколько разъ на дуэляхъ и выходявшій всегда побѣдителемъ, теперь былъ убитъ какъ мальчишка... И къмъ-же? Какимъ-то пройдохой.

Юанна была увѣрена, что этотъ чужеземецъ, неизвѣстнаго и сомнительнаго происхожденія, даже шпаги въ рукахъ держать не умѣеть,—оказалось, по разсказу секунданта убитаго, т. е. ея друга Вильета, что этотъ уроженецъ сѣвера дрался какъ левъ по силѣ ударовъ, дрался какъ чертъ по искусству.

— Не только одинъ Уазмонъ,—объяснилъ Вильеть, но если бы трехъ Уазмоновъ поставить противъ этого дьявола, онъ бы... всѣхъ трехъ убилъ. Захоти онъ, то былъ бы первымъ поединщикомъ всего Парижа.

Вѣсть о смерти пріятеля, даже возлюбленнаго, поразила, но не огорчила графиню Ламотъ. Онъ для нея былъ мальчишкой, капризомъ, а отчасти лишь орудіемъ для разныхъ интригъ.

Черезъ часъ послѣ полученнаго ею извѣстія, она уже бывала въ предмѣстїи св. Антонія, въ своемъ притонѣ, и вызвала своего довѣреннаго и усерднаго слугу Канара. Она объяснила ему горячо всю важность возлагаемаго на него новаго порученія.

— Никогда еще, ни разу, мой милый Канаръ,—сказала Юанна,—не было намъ такъ важно и необходимо отдѣлаться отъ человѣка, какъ теперь. Дѣло громадной важности въ вашихъ рукахъ... Я надѣюсь на васъ.

— И будьте увѣрены, сударыня,—отвѣчалъ, улыбаясь страшною, скотоподобною улыбкой, Канаръ, я исполню ваше порученіе отлично! Я не могу только сказать опредѣленно, когда мнѣ удастся повстрѣчать этого незнакомца, или шведа. Онъ мало выходитъ изъ дому пѣшкомъ, почти всегда разъѣзжаетъ верхомъ. А согласитесь сами, что воткнуть ножикъ всаднику не такъ-то легко. Можно и это, но вѣдь можно и попасться... Во всякомъ случаѣ, обещаю вамъ и даю слово... А вы знаете, что я никогда слову не измѣнялъ... Даю слово, что этотъ шведъ или русскій будетъ подобранъ на улицѣ мертвымъ, въ первый же разъ, что сунется изъ дому пѣшкомъ.

Эта бесѣда происходила между Юанной и злодѣемъ около полудня. А на другой день утромъ другая наперсница Юанны, Роза, явилась въ квартиру графини, что дѣлала чрезвычайно

рѣдко. Графиня Ламотъ старалась по возможности не принимать на своей квартирѣ лицъ, которыхъ часто видала госпожа Реми.

Пожилая и крайне некрасивая женщина съ этимъ именемъ Розы принесла почти невѣроятную вѣсть, послѣ которой Иоанна залилась слезами злости и заметалась въ своей квартирѣ. Ея главный помощникъ, Канаръ, былъ наканунѣ вечеромъ тоже убитъ этимъ дьяволомъ русскимъ. Роза могла подробно объяснить, какъ все случилось. Мальчишка, ея племянникъ, случайно присутствовалъ при всемъ происшествіи.

Канаръ взялъ мальчишку съ собой, велѣлъ ему стоять невдалекѣ для того, чтобы затѣмъ послать его къ госпожѣ Реми, съ докладомъ объ исполненномъ порученіи. Мальчуганъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ Канаръ бросился на проходившаго военного и ударилъ его сзади ножомъ; но военный, страшно вскрикнувъ, отскочилъ, выхватилъ шпагу и въ одно мгновенье два раза пронзилъ ея господина Канара; затѣмъ оба упали. Мальчуганъ, въ ужасѣ вскрикнувъ, бросился къ обоимъ и сталъ звать господина Канара, но тотъ уже былъ мертвъ и лежалъ въ потокахъ крови. Военный шевелился, стоналъ, но не просилъ о помощи, а, напротивъ, проговорилъ странныя слова.

— Спасибо этому злодѣю... Кажется, я умираю...

Конечно мальчуганъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, тѣмъ болѣе, что слышалъ шаги прохожихъ.

Иоанна, послѣ этого извѣстія, была совершенно поражена. Въ смерти Узмона не было ничего невѣроятнаго, но почти одновременная смерть, — и отъ руки одного и того же человека, — ея наперсника поразила ее. Вдобавокъ, этотъ Канаръ, готовый всегда зарѣзать всякаго по первому приказанію госпожи Реми, былъ ей необходимъ.

Вечеромъ Иоанна нѣсколько успокоилась и когда ей доложили о дамѣ, которая желаетъ видѣть ее немедленно, но не говорить своего имени, Иоанна, уже овладѣвъ собой, могла принять неизвѣстную гостью. Гостья эта оказалась Лоренца.

Она вошла къ графинѣ и, сбросивъ шляпку съ вуалемъ, тотчасъ же, не имѣя силъ сказать ни слова, съ рыданіемъ упала на диванъ.

Узнавъ гостью, Иоанна выпрямилась, скрестила руки на груди и выговорила холодно:

— Такъ вы пришли плакать ко мнѣ? Вы это могли бы сдѣлать дома.

Но Лоренца не слыхала или не понимала словъ. Какъ истая итальянка, она продолжала рыдать, ломала руки, хватала себя за голову и чуть не рвала на себѣ волосы.

Иоанна, простоявъ нѣсколько мгновений какъ статуя надъ этой женщиной, пораженной горемъ, спокойно отошла и сѣла въ отдаленіи. Когда Лоренца вдоволь наплакалась, Иоанна обратилась къ ней такъ же холодно:

— Ну-съ, наплакались? Теперь скажите мнѣ, зачѣмъ вы пожаловали?.. Тѣло его лежитъ не у меня на квартирѣ; хоронить его будутъ не здѣсь, а помочь, воскресить его, я не могу. Я могу только подослать къ вамъ другого такого же красиваго юношу... но мнѣ теперь не до васъ, мнѣ теперь некогда... Что жь вамъ отъ меня угодно?

— Я любила его—проговорила Лоренца съ отчаяніемъ,— первый разъ въ жизни... Поймите!..

— Мнѣ совершенно не нужно и не любопытно знать, любили ли вы въ первый разъ или въ десятый— все это до меня не касается. Скажу вамъ только, что вы не должны черезчуръ отчаяваться и оплакивать убитаго. Онъ не любилъ васъ, или, лучше сказать, любилъ по моему приказанію.

И Иоанна безжалостно, жестоко, въ короткихъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ рассказала Лоренцѣ всю оборотную сторону исторіи ея любви, объясняя всю комедію, которую разыгралъ съ ней Узмонъ, даже не по собственному желанію, а по ея приказанію.

Несчастливая женщина, слушая графиню, отцпенѣла и какъ бы застыла отъ грубаго и незаслуженнаго удара прямо въ сердце.

— Правда ли все это? глухо выговорила наконецъ Лоренца.

— Какая же цѣль мнѣ лгать, небрежно отозвалась Иоанна. Успокойтесь и утѣшьте! Если вы будете продолжать такъ же вѣрно служить мнѣ, по отношенію къ вашему мужу, то я обѣщаю достать вамъ другого, не хуже Узмона.

— О! воскликнула Лоренца, какъ можете вы, красивая и молодая женщина, говорить такія возмущающія душу слова! Я не думала, что вы такая безсердечная и безнравственная! Пускай я была игрушкой вашей, но я все-таки любила его.

— Лоренца поднялась порывисто съ дивана, схватила свою шляпку и двинулась къ дверямъ.

Иоанна разсмѣялась громко, встала и выговорила:

— Зачѣмъ же вы приходили, синьора Лоренца? Вы думали, что мы обѣ вмѣстѣ поплачемъ о судьбѣ погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ дурака, который, не умѣя держать шпаги въ рукахъ, отправился мѣряться силами съ бреттеромъ.

Иоанна хотѣла продолжать свои насмѣшки и надъ убитымъ, и надъ итальянкой, но Лоренца вдругъ, внезапнымъ жестомъ, прекратила злоязычїе Иоанны.

— Вотъ... Я забыла... Мнѣ не до того... Я забыла... Я пришла съ письмомъ отъ мужа, которое онъ не хотѣлъ посылать съ постороннимъ...

— О! только вы, итальянки, способны на это! воскликнула Иоанна, почти вырывая письмо изъ рукъ Лоренцы. Только вы, итальянки, можете часъ цѣлый выть въ гостиной и даже не сказать ни полслова о томъ, что есть письмо.

Иоанна быстро стала читать письмо Каліостро и, видя, что Лоренца выходитъ, остановила ее.

— Подождите!.. А отвѣтъ?

— Отвѣта никакого! съ рыданьемъ вымолвила Лоренца уже за дверью.

— Глупая! невольно вырвалось у Иоанны.

IX.

Письмо новаго друга Иоанны окончательно свалило съ ногъ твердую духомъ женщину. При извѣстїи о гибели Уазмона, первая мысль въ головѣ Иоанны была мечта о замѣнѣ Уазмона другимъ молодымъ человѣкомъ, въ качествѣ претендента маркизы д'Оливасъ.

„Я найду другого, думалось ей, который будетъ искуснѣе Уазмона и, быть можетъ, побѣдитъ капризную испанку — и все дѣло можетъ поправиться“.

Теперь письмо Каліостро разрушило этотъ новый, созрѣвающій въ ея головѣ, планъ.

Кудесникъ извѣщаль о невѣроятныхъ, неожиданныхъ приключенїяхъ; одно она знала, а отъ другого не устояла и упала на тотъ же диванъ, гдѣ за мгновенїе назадъ лежала рыдающая Лоренца.

Первое извѣстїе состояло въ томъ, что молодой человѣкъ, новый знакомый графа Каліостро, лежитъ раненый довольно

опасно какимъ-то злодѣемъ. „Это приключеніе, говорилъ Каллостро, для графини Ламоть не любопытно; но второе должно интересовать ее, ибо въ квартирѣ раненаго молодого человѣка находится сама юная маркиза д'Оливась. Что тутъ дѣлать? Разсудите и скажите!“ кончалось письмо Каллостро.

Юанна долго просидѣла неподвижно на диванѣ, скомкавъ письмо, безмолвно, съ одной лишь злобой на сердцѣ.

— Все рухнуло, все кончено! повторяла она про себя. Это не дѣйствительность, а какой-то сонъ, отвратительный сонъ... Это какая-то глупая сказка изъ тѣхъ глупыхъ сказокъ со всякой чертовщиной, которыя рассказываются дѣтямъ глупыми няньками. Еще два дня только назадъ казалось, что остается нѣсколько дней до полной удачи, а сегодня, будто въ какой глупой сказкѣ, все магически перевернулось кверху дномъ. Уазомъ убить. Лихой убійца Канаръ тоже убить; но этого всего мало для безопадной судьбы. Ей нужно еще, чтобы послѣдній ударъ опытнаго Канара былъ неудаченъ и чтобы русскій проходимецъ остался живъ. Наконецъ, злой судьбѣ благоугодно, чтобы дѣвчонка сбѣжала на квартиру этого чужеземца... Очевидно, что, въ виду скандала, старая тетка-опекунша должна согласиться на этотъ бракъ... А я? Что-жъ мнѣ-то дѣлать? И Юанна снова приблизила письмо къ глазамъ, снова прочла: „Что дѣлать? Разсудите и скажите!“

Всю ночь просидѣла или проходила изъ угла въ уголь въ своей спальнѣ рѣшительная и предприимчивая женщина. На разсвѣтѣ она легла спать, нѣсколько успокоенная. Она разсудила, что ей дѣлать, и рѣшилась такъ же твердо, не падая духомъ, взяться за новое дѣло, за новое мудреное предпріятіе.

— Вѣдь, говорится же, шутила она уже засыпая: *Le roi est mort—vive le roi!*.. Ну, я скажу: *la trame est déjouée—vive la trame!* Если всѣ нити одной паутины порваны и унесены вихремъ—надо начать ткать новую крѣпчайшую паутину.

Юанна рѣшилась на предпріятіе діаметрально противоположное тому, о которомъ она мечтала наканунѣ. Этотъ поворотъ въ умѣ ея, эта замѣна одного плана компаніи другимъ, на которую иная женщина потратила бы мѣсяцъ въ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, совершился въ Юаннѣ въ одинъ вечеръ.

— Если онъ живъ и будетъ жить, а она его любитъ, то мнѣ надо уступить судьбѣ. Но въ концѣ концовъ я обману эту судьбу... Она сыграетъ мнѣ же въ руку.

Едва отдохнувъ нѣсколько часовъ, около полудня графиня Ламоть, въ изящномъ нарядѣ, красивая какъ всегда, спокойная, но блѣдная, мило улыбающаяся, садилась въ свой экипажъ и приказывала ѣхать въ домъ маркизы Кампо д'Оливась.

Старая дѣва, послѣ доклада ливрейнаго лакея, приказала сказать гостѣ, что, вслѣдствіе особо важныхъ обстоятельствъ, она не можетъ ее принять.

Графиня Ламоть приказала снова доложить, что причина ея посѣщенія въ тѣсной связи съ этимъ самымъ особо важнымъ событіемъ въ домѣ маркизы; по этому-то дѣлу она и пріѣхала.

Разумѣется, черезъ минуту два лакея явились на встрѣчу ожидавшей въ прихожей графинѣ, а за ними вслѣдъ появилась главная горничная маркизы. Любимица-горничная объяснила графинѣ, что маркиза, извиняясь заранѣе, что приметъ ее въ постели, просить пожаловать.

Іоанна нашла старую дѣву еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ думала.

Синьора Ангустиась была почти въ такомъ же безнадежномъ и отчаянномъ положеніи, въ какомъ наканунѣ Іоанна видѣла другую женщину—Лоренцу. Старая дѣва такъ же причитала. Неожиданное бѣгство ея питомицы изъ дому поразило ее, по ея словамъ, больше, чѣмъ если бы юная племянница, полуребенокъ, неожиданно скончалась.

На вопросъ маркизы, какимъ образомъ графиня Ламоть знаетъ все происшедшее, которое еще тщательно скрывается въ домѣ прислугой, Іоанна отвѣчала, что знаетъ все, но объяснить пока не можетъ, а пріѣхала къ маркизѣ предложить ей свои услуги.

— Я берусь вернуть къ вамъ племянницу вашу изъ квартиры господина Норича.

Этого слова было достаточно, чтобы Ангустиась сѣла въ постели и, притянувъ къ себѣ Іоанну, горячо облобызала ее.

— Вы мнѣ общаете?.. Вы ручаетесь? воскликнула она.

— Общаю, маркиза.

— О, тогда требуйте отъ меня всего, чего хотите! воскликнула Ангустиась.

Просидѣвъ нѣсколько мгновеній и объяснивъ маркизѣ, что она пріѣдетъ еще разъ ввечеру, Іоанна прямо отъ нея приказала ѣхать по направленію къ дому графа Калиостро.

Швейцаръ дома графа уже давно, заранѣе, получилъ при-

казъ принимать графиню Ламоть когда бы то ни было, и днемъ, и ночью, безъ доклада. Каліостро вышелъ на встрѣчу графинѣ веселый и, улыбаясь, выговорилъ:

— Вотъ исторія, милая графиня! Только у васъ въ Парижѣ бывають такіе сюрпризы.

Усадивъ гостью, Каліостро подробно разсказалъ Іоаннѣ все то, что она отлично знала и безъ него, а нѣкоторыя подробности были ей гораздо лучше извѣстны, нежели самому Каліостро.

Графъ изумлялся, за что могъ какой-то уличный злодѣй пожелать убить такого милаго и безобиднаго человѣка, какъ его новый знакомый и пріятель русскій. Но затѣмъ Каліостро, ничего не подозрѣвая, сообщилъ графинѣ ужасное извѣстіе. Онъ, Каліостро, какъ искусный медикъ, волшебникъ и въ медицинѣ, ручался за то, что спасетъ того самаго человѣка, который едва не былъ убитъ по приказанію же графини Ламоть. Іоанна невольно подумала про себя:

„Какъ смѣется надо мной судьба! Мой другъ и помощникъ наивно, вмѣсто помощи, губить дѣло, которое я веду. Ему бы слѣдовало отравить этого Норича или, по крайней мѣрѣ, бросить безъ помощи, а онъ хвастаетъ, что спасетъ его и вернетъ къ жизни“.

Была минута и Іоанна хотѣла объяснитьсь съ кудесникомъ, но что-то необъяснимое остановило ее. Признаніе замерло на языкѣ.

— Можете ли вы меня познакомить съ этимъ Норичемъ, т. е. сейчасъ же везти меня къ нему въ домъ? спросила Іоанна тревожно.

— Конечно, хотя я самъ всего два раза былъ у него. Но наши отношенія особенныя, совершенно исключительныя.

И самъ сатана, но красивый, умный, изящный, даже граціозный, воплотившійся въ женщину, переступилъ порогъ маленькой квартиры.

Двухъ часовъ было достаточно для Іоанны, чтобы вполне очаровать и выздоравливающаго Алексѣя и пылкую, капризную, но сердечную Эли. Даже дикарка Лиза, и та фамиллярно подѣла къ красавицѣ-графинѣ и уже два раза успѣла сказать ей:

— Какіе у васъ прелестные глаза и прелестныя брови!

Если графиня Ламоть была сначала принята въ этой квартирѣ съ недоумѣніемъ, даже съ боязнью, то, когда она со-

бралась уѣзжать, — ее провожали уже какъ дорогую гостью, почти какъ новаго друга, посланнаго судьбой.

Іоанна поразила всѣхъ тѣмъ, что говорила, и тѣмъ, что общалась. Даже кудесникъ былъ нѣсколько изумленъ. Сидя у своихъ новыхъ друзей, Іоанна только удивлялась и головой качала, какіе они всѣ наивные люди, что самаго простаго дѣла не умѣютъ сдѣлать. Она бралась — и почти не сомнѣвалась въ успѣхѣхъ — уговорить старую тетку-опекуншу не противиться браку племянницы съ русскимъ. Этого мало. Она заявила молодому человѣку, что можетъ помочь ему гораздо болѣе серьезнымъ образомъ, нежели помирить племянницу съ теткой. Она бралась сдѣлать нѣчто, что повліяетъ даже на неизвѣстнаго ей графа Зарубовскаго.

— Откуда вы знаете это имя? спросилъ изумляясь Алексѣй.

— Я все знаю. Я тоже ясновидящая, какъ и другъ мой, графъ Калиостро! шутила Іоанна.

— Какимъ же образомъ можете вы намъ помочь, то есть, помочь ему? спросила сомнѣвающаяся Эли.

— Я сдѣлаю то, что русскій старикъ захочетъ, чтобы Норичъ носилъ свое настоящее имя!

Іоанна говорила это такимъ рѣшительнымъ тономъ, съ такимъ убѣжденіемъ въ голосѣ и во взглядѣ красивыхъ глазъ, съ такой самоувѣренностью, что всѣ слушали и молчали, поневолю уже вѣря ей. Кончилось тѣмъ, что молодой человѣкъ съ чувствомъ протянулъ ей руку и крѣпко пожалъ маленькую красивую ручку графини. И въ это мгновеніе онъ, увы, не почувялъ, что эта самая ручка два раза поднималась на него, и что по злобной волѣ этого существа двое покушались на его жизнь: одинъ честнымъ образомъ, а другой даже злодѣйскимъ — изъ-за угла.

При отъѣздѣ графиня Ламоть намекнула молодому человѣку, что завтра же поѣдетъ хлопотать о немъ не только къ старой графинѣ, но и въ Трианонъ, къ самой королевѣ.

— Повѣрьте, мой юный и новый другъ, сказала Іоанна, что противъ обаянія королевы французской, Маріи-Антуанеты, не устоитъ никто и ничто.

Когда графиня увидала изумленные взоры всѣхъ, обращенные на нее, она прибавила, улыбаясь:

— Да, мои милые новые друзья, сама королева французская войдетъ черезъ меня въ сношеніе съ вашими врагами, заступаясь за васъ.

X.

Алексѣй быстро оправился отъ болѣзни, благодаря искусству такого медика, какимъ былъ Калиостро, но въ особенноти и не менѣе лѣкарства подѣйствовало на него другое обстоятельство. Бѣгство изъ дому и присутствіе дорогой, имъ обожаемой дѣвушки, казалось, подѣйствовало на него еще сильнѣе, чѣмъ лѣкарства доктора. Эли возвратила его къ жизни, очутившись у его изголовья.

Алексѣй не разъ мысленно благословлялъ судьбу и благодарилъ того человѣка, злодѣйская рука котораго поднялась на него въ темномъ переулкѣ. Не будь этого случая съ нимъ, Эли, быть можетъ, долго еще боролась бы съ собой. Да и чѣмъ еще кончилась бы эта борьба. Для прихотливой натуры, какова была ея,—нуженъ былъ сильный толчекъ. При извѣстіи объ опасности, въ которой былъ Алексѣй, она, какъ ей показалось, вдвое сильнѣе полюбила его, потому что повидимому теряла его навсегда. Къ тому же и самъ Алексѣй, исполнившій угрозу покуситься на свою жизнь, которой она не вѣрила—доказалъ ей свою любовь. Письмо же, которое опекунша написала Алексѣю безъ вѣдома питомицы, имѣло обратное дѣйствіе, также какъ и ударъ Канара. Оно только ускорило развязку.

Но почему же Алексѣй вдругъ прибѣгнулъ къ своему яду? Онъ сдѣлалъ это въ порывѣ отчаянія.

Убивъ на дуэли Уазмона, онъ собирался покончить съ собой тотчасъ же... но колебался. Злодѣйскій ударъ ножа, полученный на улицѣ—какъ онъ думалъ—отъ грабителя, подѣйствовалъ на него особенно. Принесенный домой, онъ лишился чувствъ отъ потери крови и, придя въ себя, вообразилъ, что онъ медленно умираетъ отъ раны, что прошло уже нѣсколько дней послѣ нападенія разбойника...

„А она даже не присылаетъ справиться о моемъ положеніи!“ съ ужасомъ и отчаяніемъ подумалъ онъ.

Перстень былъ на рукѣ. Алексѣй вскрылъ его зубами и проглотилъ кислую жидкость, которая оказалась подъ запайкой. Это было за часъ до появленія Эли и Калиостро въ его квартирѣ...

Когда Алексѣй совершенно оправился, то первый его ходъ изъ дому былъ, конечно, визитомъ къ магу. Первый

же вопросъ Каліостро былъ, конечно, о его письмахъ къ нему.

— Но какую же помощь вы хотите отъ меня? Что я собственно могу сдѣлать для васъ?

— Я самъ не знаю, графъ. Когда я вамъ расскажу все— вы должны сами рѣшить вопросъ: какъ помочь мнѣ. Вы вѣдь все можете... Несчастья моей жизни сдѣлали меня суевѣрнымъ, заставили вѣрить въ присутствіе на землѣ темной силы, которая, избравъ себѣ индого человѣка какъ бы жертвой— преслѣдуетъ его, изводить... Вы магъ, кудесникъ, вы повѣлѣваете этими темными силами и можете, слѣдовательно, спасти меня отъ нихъ... Вы можете, если хотите, направить иначе волку злыхъ людей, отравившихъ мое существованіе, такимъ образомъ, что эти люди перестанутъ мнѣ злобно вредить. Своимъ волшебствомъ вы можете заставить ихъ дѣйствовать въ мою пользу. Во все это я вѣрю! И вотъ поэтому я и обратился къ вамъ за помощью. Хотите ли вы помочь мнѣ?

Каліостро объяснилъ Норичу, что онъ ему очень нравится и что онъ готовъ на все возможное... Надо только объясниться искренно и подробно, ничего не утаивая.

Они условились, что Алексѣй въ тотъ же вечеръ будетъ у кудесника и искренно повѣдаетъ все о себѣ...

— Ну-съ, мой юный другъ, встрѣтилъ его Каліостро вечеромъ и оставаясь съ нимъ глазъ на глазъ. Исповѣдуются всѣ передъ смертью, а вы, наоборотъ, извольте исповѣдаться, такъ сказать, передъ выходомъ изъ гроба въ міръ, чтобы жить. Объясните мнѣ загадку. Я слушаю.

— Что именно? Что называете вы загадкой? отвѣчали молодой человѣкъ вопросомъ. Мое обращеніе къ вамъ, мое покушеніе на самоубійство, или исторію моей судьбы?

— Первое, требующее объясненія—это ваше имя и фамилія. Какъ васъ зовутъ?

— Алексѣй... А затѣмъ, по нашему... то есть, по обычаю моей родины, послѣ того имени надо прибавить имя отца моего: Григорій. И сказать надо, слѣдовательно: Алексѣй Григорьевичъ. Фамилія моя—графъ Зарубовскій, но обязанъ я обстоятельствами или, лучше выразиться, насиліемъ, самымъ возмутительнымъ, называться просто господиномъ Норичемъ, именовъ чуждаго мнѣ человѣка, дворянина какой-то славянской національности. Этотъ Норичъ происхожденіемъ полякъ или сербъ.

— Объясните мнѣ, почему все это такъ?

— Это значить рассказать вамъ всю мою жизнь. Я это и хотѣлъ сдѣлать. Но я могу это только въ томъ случаѣ, если вы обѣщаете мнѣ помощь... Иначе не стоитъ рассказывать и даже не слѣдуетъ. Долгъ мой запрещаетъ мнѣ это. Я даль клятву молчать объ обстоятельствахъ своей горькой доли.

— Кому? Вашимъ гонителямъ?.. Эта клятва не дѣйствительна, и вы можете нарушить ее съ чистой совѣстью.

— Нѣтъ. Такъ я не могу. Обѣщайте мнѣ помощь и тогда...

— Я готовъ вполнѣ помочь вамъ всячески. Заранѣе обѣщаю.

— И я вѣрю вамъ, но когда я вамъ скажу, какимъ именно образомъ мы можете оказать мнѣ помощь, то вы отступите предъ трудностью исполненія задачи.

— Для графа Каліостро трудностей нѣтъ, мой юный другъ! нѣсколько хвастливо вымолвилъ знаменитый магъ.

— Есть! Извините. Проѣхать черезъ всю Европу, очутиться на дальнемъ и холодномъ Сѣверѣ, во льдахъ и снѣгахъ мало извѣстной страны—не легко.

— Я васъ не понимаю.

— Чтобы помочь мнѣ, графъ, надо вамъ со мной ѣхать туда, гдѣ теперь живетъ мой дѣдъ, въ Петербургъ.

— Что-о? воскликнулъ Каліостро.

— Да. Вотъ видите. Вы поражены.

— Въ Петербургъ! Въ Россію. На берега Невы, въ резиденцію знаменитаго монарха-женщины, философа и энциклопедиста?

Каліостро началъ смѣяться простодушно и весело.

— Вамъ даже смѣшно! грустно произнесъ молодой человѣкъ.

— Да. Признаюсь... Это... Да, это не легко. Даже и для Каліостро. Но прежде всего это... Извините... Это было бы съ моей стороны глупо. Просто глупо.

— Почему?

— Терять время и деньги на такое дальнее путешествіе. Изъ-за чего? Изъ-за молодого малаго, который мнѣ нравится, котораго я спасъ отъ смерти, но который мнѣ все-таки чужой человѣкъ. Изъ-за чего я поѣду? Изъ-за чужого?..

— Нѣтъ. Не изъ-за одного человѣчка любія. А изъ-за полумилліоннаго состоянія, которое мы раздѣлимъ! рѣшительнымъ голосомъ вымолвилъ Алексѣй.

— Да этотъ милліонъ—сказка... Вѣдь я не ребенокъ,

чтобы вѣрить въ существованіе испанскихъ замковъ, да еще на берегахъ ледяной Невы. Вы шутите, г. Норичъ.

Молодой человекъ вздохнулъ и понурился.

Наступило молчаніе.

— Еслибъ я зналъ навѣрное... началъ Калиostro, подумавъ и испытующе смѣривая Норича съ головы до пятъ... Если бы вы дали мнѣ какія-нибудь доказательства...

— Увы, рассказать я могу многое, но доказать... Какъ доказать?! Я имѣю право и возможность легко получить полмилліона въ Россіи и по возвращеніи еще болѣе милліона здѣсь. Но какъ я это докажу вамъ? Если я буду графъ Зарубовскій—я наслѣдую половину состоянія дѣда и женюсь на маркизѣ д'Оливасъ.

— Расскажите мнѣ подробно и правдиво все. Я кое-что уже знаю, но хочу все слышать отъ васъ, серьезно проговорилъ Калиostro. Если я повѣрю—я... Да, если я повѣрю вамъ, то...

Онъ заикнулся.

— Вы поѣдете въ Петербургъ?

— Поѣду. Да поѣду. Что жъ? Былъ же я въ Аравіи, въ Египтѣ и Палестинѣ. Петербургъ отсюда не дальше. Вдобавокъ, я могу принести пользу нашему обществу Египетскихъ масоновъ. Я могу учредить на берегахъ Невы масонскую ложу, пользуясь покровительствомъ такого монарха, какъ Екатерина Великая.

Алексѣй, уже отчасти съ надеждой въ сердцѣ, началъ свою исповѣдь и рассказалъ загадочному и всесильному магу всю свою жизнь, всю горькую судьбу.

XI.

Между тѣмъ хлопоты графини Ламоть не увѣнчались успѣхомъ. Черезъ три дня послѣ своего исчезновенія изъ дому, Эли получила длинное письмо отъ опекуниши, которая требовала ея немедленнаго возвращенія, пока побѣгъ еще не огласился на весь городъ. Она говорила, что никогда до совершеннolѣтія питомицы не согласится на неравный бракъ ея съ чужеземцемъ, который, можетъ быть, и простой авантюристъ темнаго происхожденія и сомнительныхъ достоинствъ. Опекуниша грозилась, что въ случаѣ упорства Эли вернуться, она уѣдетъ тотчасъ въ Испанію одна.

То же самое подробнѣе передала ей и графиня Ламоть, по мнѣнію которой Эли слѣдовало побывать у тетки и объясниться съ ней лично, упросить, смягчить ее.

— Никогда! Я отсюда не выйду никуда! отозвалась Эли. Меня схватятъ и силой запрутъ, а потомъ увезутъ въ Испанію.

Іоанна помолчала; борясь сама съ собой, и наконецъ заговорила:

— Рѣшаете ли вы это безповоротно—оставаться и не мириться съ теткой, не уступать ей, спросила она.

— Да.

— Вы ни за что не согласитесь порвать связи съ г. Норичемъ и забыть его?

— Ни за что... Это нелѣпый... извините, вопросъ.

— Никогда?

— Никогда на свѣтѣ! Я люблю его. Только послѣ этого несчастнаго случая, благодаря моей нерѣшительности и этому злодѣянію—я узнала и поняла, какъ я люблю его. Если бъ онъ умеръ—я думаю, что я или пошла бы въ монастырь, или отравилась, здѣсь же, не выходя отсюда.

— Это рѣшено? Это кончено? приставала Іоанна. Безповоротно рѣшено?

Эли пожала плечами, отвернулась отъ нея и отошла.

— Въ такомъ случаѣ, я, какъ другъ, предупреждаю васъ, что чрезъ два часа здѣсь будутъ приставы королевскіе подъ командой полицейскаго агента и при участіи секретаря испанскаго посольства...

— Зачѣмъ? воскликнула дѣвушка вспыхнувъ.

— Взять васъ силой и увезти домой.

— Вѣрно ли это? рѣзко произнесла Эли.

— Мнѣ это сказала сама маркиза. Секретарь же былъ у нея при мнѣ и получилъ отъ нея письменное разрѣшеніе на это насиліе.

Эли вынула изъ кармана маленькій и тонкій стилетъ въ ножнахъ, нѣчто въ родѣ большой иглы, и произнесла дрогнувшимъ голосомъ.

— Вотъ!.. Только не для нихъ, а для себя... Меня увезутъ мертвую.

— Это безуміе, мое дитя, сказала Іоанна. И если вы рѣшились окончательно не уступать, то не такъ надо дѣйствовать. Надо иное... Это ребячество.

— Что же?

— Я помогу вамъ. Убить себя немудрено. Надо скрыться. Бѣжать. И сейчасъ.

— Куда?! Меня всюду найдутъ по повелѣнію короля.

— Всюду... Кромѣ того мѣста, которое я вамъ дамъ убѣжищемъ.

— Кто? вы?

— Да.

Эли приблизилась, собираясь уже поцѣловать графиню, но вдругъ отступила и пристально поглядѣла ей въ глаза.

— А если... Я боюсь...

— Что?

— Если вы сами...

Наступило молчаніе. Иоанна улыбнулась.

— Если я васъ сама выдамъ полиціи. Это вы хотите сказать? вымолвила Иоанна смѣясь.

— Да. Я васъ мало знаю.

— Тогда вы и зарѣжетесь при измѣнѣ моей этимъ стилетомъ. Все равно, здѣсь, сейчасъ, при появленіи полиціи, или черезъ часъ, черезъ день, у меня.

Не слова эти, а тонъ голоса графини педѣйствовалъ на Эли.

— Я вамъ даю слово испанской грандессы, что я воткну этотъ стилетъ прямо себѣ въ сердце, если вы меня выдадите! пылко и грозно промолвила Эли.

— А я вамъ даю честное слово французской графини, отозвалась Иоанна, что я васъ укрою отъ опекуниши, отъ полицейскихъ, отъ короля и его повелѣній, отъ всего міра.

Эли протянула руку графинѣ и довѣрчиво улыбнулась.

— Тогда нечего терять время. Прощайтесь и ѣдьте ко мнѣ! сказала Иоанна.

Эли быстро направилась къ Алексѣю въ горницу и чрезъ нѣсколько мгновений снова появилась со слезами на глазахъ, но съ воодушевленнымъ румянымъ лицомъ.

— Ѣдьте, графиня. Я сказала сейчасъ Алеку, что никогда не забуду вашего дѣла—этой помощи. Вѣдь буду же я когда-нибудь его женой и свободна, чтобы распоряжаться моимъ состояніемъ. Тогда мы сочтемся.

Чрезъ нѣсколько минутъ карета графини Ламоть отѣзжала, увозя обѣихъ женщинъ.

Иоанна, конечно, не играла и не обманывала Эли.

Чрезъ часъ послѣ ихъ отѣзда въ квартирѣ капрала Но-

рича была полиціи, а при нихъ чиновникъ, отряженный депутатомъ отъ испанскаго посольства.

Они обыскали домъ. Алексѣй спокойно ихъ встрѣтилъ и еще спокойнѣе отвѣчалъ на допросъ.

„Маркиза Эли Кампо д’Оливасъ была въ его квартирѣ. Она его невѣста. Теперь, узнавъ о готовящемся насиліи ея опекунши—она скрылась. Куда? Онъ не знаетъ. А если бы и зналъ, то не сказалъ бы. Когда онъ вполнѣ устроитъ свои дѣла, то они обвѣнчаются по обрядамъ двухъ религій“.

Все это Алексѣй просилъ передать отъ его имени самой маркизѣ Ангустіасъ.

Полиція удалилась, но молодой и добродушный секретарь посольства остался и весело, любезно сталъ бесѣдовать съ Алексѣемъ.

Они оба понравились другъ другу.

Секретарь, конечно, зналъ Эли довольно хорошо и былъ ея поклонникомъ въ числѣ многихъ другихъ. Онъ прямо, простодушно заявилъ Алексѣю, что завидуетъ его счастью—быть любимымъ такой красавицей и богачкой.

На прощаніе молодой человекъ сказалъ:

— Вотъ мой совѣтъ вамъ. Я, замѣтите, кое-что знаю о намѣреніяхъ старой опекунши... *Esta maldecida duena tía*, эта проклятая дуэнья тетка васъ погубитъ, если вы обвѣнчаетесь тотчасъ. Состояніе все будетъ ей принадлежать, а жена ваша—нищая. Обождите годъ или полтора совершеннолѣтія юной маркизы и тогда вѣнчайтесь. Тогда по закону она получитъ изъ рукъ дуэньи все состояніе.

— Какая же разница? Таковъ развѣ законъ? спросилъ Алексѣй.

— Я вамъ повторяю слова нашего посланника.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Алексѣй и Эли, скрытая въ притонѣ Иоанны, узнали, что маркиза Ангустіасъ выѣхала изъ Парижа въ Испанію, а на имя госпожи д’Оливасъ была доставлена на квартиру Норича бумага изъ посольства, въ которой было сказано, что г-жа маркиза Ангустіасъ Кампо д’Оливасъ уѣхала въ Мадридъ просить короля Карла III дозволить ей принять законныя мѣры, чтобы остановить отъ безумныхъ поступковъ представительницу одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Испаніи.

Черезъ двѣ недѣли все повидимому было благополучно. Эли снова была давно у Алексѣя и жила съ Лизой и всѣ были

счастливы, но чужлось что-то недоброе въ ближайшемъ будущемъ.

Гроза эта явилась. Прискакалъ въ Парижъ курьеръ изъ Мадрита и привезъ депешу въ посольство для передачи г-жѣ Эли д'Оливасъ, въ которой объявлялось ей, что она королевскимъ декретомъ лишена своего имущества въ виду странности поступковъ особы такой знатной фамиліи.

ХП.

Это извѣстіе было ударомъ для всѣхъ, но подѣйствовало на всѣхъ различно. Эли упала духомъ, сдѣлавшись нищей. Алексѣй упрекалъ себя въ опрометчивомъ поведеніи и боялся за чувство къ нему юной невѣсты, всего лишившейся изъ-за него. За то Іоанна воспрянула духомъ и даже повліяла на кудесника и мага. Каліостро, послѣ объясненія съ Алексѣемъ, колебался и не рѣшался на его просьбу ѣхать въ Россію. Онъ даже не зналъ, что именно ему дѣлать, чтобы помочь новому другу, будучи въ Россіи.

Энергическая Іоанна разсѣяла сомнѣнія мага, все придумала, за все бралась и даже сама вызвалась ѣхать въ Россію вмѣстѣ съ ними. Но ѣхать не иначе какъ подъ „эгидой“ самой королевы.

Вопросъ о путешествіи былъ рѣшенъ вдругъ на квартирѣ Алексѣя, благодаря вліянію Іоанны.

— Я думалъ, что графъ Каліостро одинъ въ такомъ мудреномъ дѣлѣ всемогущъ, сказалъ Алексѣй. Оказывается, что и вы, графиня, такой же магъ, такая же волшебница, какъ и онъ.

Планъ дѣйствій въ Россіи, который Іоанна передала единѣнъ кудеснику, повліялъ на него рѣшительно. Но ни онъ, ни графиня ни слова не объяснили самому Алексѣю.

Однажды, чрезъ недѣлю послѣ извѣстія о декретѣ испанскаго короля, все, казалось, разстроившаго, графиня и Каліостро окончательно условились ѣхать въ Россію.

— Ну, Іоанна! сказала она сама себѣ, уѣзжая отъ кудесника. Я тобою довольна! На этотъ разъ, кажется, не обрвется... Не сорвется съ удочки золотая рыбка!

Въ тотъ же вечеръ Іоанна вызвала къ себѣ единственнаго наперсника, который оставался у нея теперь со смертью Канара.

Вильетъ явился тотчасъ же, Іоанна впустила его и, ни

слова не говоря, стала смотрѣть ему въ лицо. Она улыбалась, глаза ея блестѣли ярко, лицо было красивѣе чѣмъ когда-либо; по всей фигурѣ ея Вильетъ увидѣлъ, что Иоанна подѣ впечатлѣніемъ какого-то радостнаго событія.

— Признаюсь не ожидалъ! выговорилъ Вильетъ. Все шло такъ скверно, и этотъ несчастный Канаръ, и этотъ глупый Узмонъ... Неужели ваша интрига такъ сложна, что и они погибли по вашей волѣ и именно черезъ ихъ гибель ваша дѣло устраивается? Неужели вы ими пожертвовали обоими для успѣха? Вѣдь это страшно! Этакъ, пожалуй, для успѣха вашего дѣла понадобится и моя смерть.

Иоанна разсмѣялась громко.

— Ну, нѣтъ, мой милый Вильетъ, это уже вы перехитрили! Такихъ нѣтъ у меня дѣлъ, для успѣха которыхъ я должна жертвовать моимъ главнымъ помощникомъ. Напротивъ, то дѣло рухнуло вмѣстѣ съ гибелью Узмона и Канара. Но я скажу, какъ часто говорила: сметена одна паутина, начинай другую. *La trame est déjouée—vive la trame!*

— Какъ? Неужели за нѣсколько дней вы уже успѣли сострять новый планъ и начать новое дѣло?!

— Да. И такое, которое кончится успѣхомъ непременно. Но я должна искренно сознаться, что теперь стала помогать мнѣ фортуна. Слушайте!

И Иоанна подробно передала пріятелю все, что порѣшила дѣлать вмѣстѣ съ Калиостро въ Петербургѣ, зная уже теперь все, даже мельчайшія подробности о положеніи и обстоятельствахъ Норича—графа Зарубовскаго.

— Ну-съ, теперь понимаете, мой милый Вильетъ, что еще послѣ побѣга испанки противодѣйствовать стало бессмысленно. Я поскорѣе перебѣжала въ непріятельскій лагерь. Такъ бываетъ всегда на войнѣ. Когда ряды сражающихся съ врагомъ рѣдѣютъ, то многіе падаютъ, но остающіеся въ живыхъ или бѣгутъ отъ врага, или отдаются въ плѣнъ. Во второмъ, конечно, есть не малая доля риска; но вы знаете, что я не изъ тѣхъ борцовъ, которые бѣгутъ съ поля сраженія. Такъ какъ я не была убита и не хотѣла бѣжать, что же мнѣ оставалось дѣлать? Отдаться въ плѣнъ непріятелю. И вотъ я отдалась. Меня плѣнили, но и я плѣнила. Да еще какъ плѣнила.

— Этому я не удивляюсь и не сомнѣваюсь! разсмѣялся Вильетъ.

— Да, мой любезный! Еслибы вы знали, что это за дѣти! что это за ребята! Одинъ наивнѣе другого. Подобрать трехъ молодыхъ существъ, такого мальчишку и такихъ двухъ дѣвочекъ, право, можно было только нарочно, ради шутки. И вотъ, если вы мнѣ поможете, то мы, хоть и не скоро, хоть и послѣ очень трудныхъ предпріятій, все-таки добьемся цѣли и успокоимся на лаврахъ... А лавры наши будутъ золотые и брилліантовые! Но теперь вся сила въ васъ.

— Что же прикажете?

— Мнѣ нужно, любезный Вильетъ, двѣ записки. Или, лучше сказать, одну записку и одно письмо отъ королевы.

— Опять отъ королевы, разсмѣялся Вильетъ.

— Да.

— Почему же не отъ короля?

— Нѣтъ, пока съ насъ довольно и королевы.

И красавица и ея пріятель звонко разсмѣялись.

— Какого же содержанія должны быть записка и письмо?

— Въ запискѣ на мое имя пускай королева напишетъ, что готова все для меня сдѣлать, и что это, собственно говоря, пустое дѣло. Въ письмѣ на имя русской императрицы...

— О-го! воскликнулъ Вильетъ. Это уже серьезнѣе...

— Да, письмо должно быть къ Екатеринѣ...

— И дойдетъ до нея... Или только пролежитъ у васъ въ карманѣ?..

— Конечно, передастся императрицѣ. Но это не ваше дѣло... Ну-съ? Какое содержаніе записки? Ее нужно имѣть тотчасъ же для этихъ дѣтей.

— Позвольте прочитать, чтобы не ошибиться.

И Вильетъ другимъ голосомъ, какъ бы читая, произнесъ:

— Дорогая графиня! Съ удовольствіемъ готова служить вамъ. Вѣдь вы знаете, какъ я люблю васъ. Просьба ваша легко исполнима и я съ удовольствіемъ... Вильетъ остановился и прибавилъ: сдѣлаю это, или попрошу короля сдѣлать.

Іоанна подумала и вымолвила:

— Нѣтъ, ужъ лучше сошлемся на короля. И она прибавила другимъ голосомъ: и я попрошу короля.

Затѣмъ Іоанна сдѣлала своей ручкой крючекъ и зигзагъ по воздуху.

— Marie Antoinette de France! произнесъ Вильетъ. Точка!.. А внизу: скрѣпилъ тайный и не вѣдомый ни ей, ни кому-либо

другому, кромѣ графини Ламоть, секретарь королевскій: баронъ Рето де-ла Вильеть.

— Нѣтъ, ужъ скрѣпы этого секретаря не нужно,—разсмѣялась Иоанна. Ну-съ! А затѣмъ, письмо королевы къ русской императрицѣ понадобится позднѣе. Теперь же слушайте главное. Тотчасъ займитесь другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ. Это будетъ нѣсколько мудренѣе, но для васъ все-таки не трудно. Нуженъ патентъ на званіе лейтенанта мушкатеровъ королевы.

— Тому же Норичу?

— Разумѣется.

— Да, это будетъ потруднѣе. Нужна печать, нуженъ бланкъ со всякими глупыми формальностями и арабесками. За этимъ, пожалуй, провозишься двѣ недѣли... Позвольте!—вдругъ воскликнула Вильеть, — вѣдь патентъ этотъ понадобится, быть можетъ, не въ Парижѣ. Не во Франціи долженъ онъ предъ-являться?

— Конечно нѣтъ. Вотъ наивный человѣкъ! воскликнула Иоанна, пожимая плечами. Да вы глупѣете, мой другъ! Какимъ же образомъ можетъ кто бы то ни было въ самомъ Парижѣ показывать подложный патентъ на званіе лейтенанта мушкатеровъ королевы, когда весь ея конвой, а не только офицеры—всѣ на перечесть, и всѣмъ извѣстны въ лицо. Вы глупѣете, мой другъ.

— Правда ваша: глупѣю. Но если патентъ нуженъ для иныхъ чужеземныхъ странъ, то я полагаю, графиня, что нечего заниматься и хлопотать о мелочахъ. Всякая бумажонка въ другой странѣ прослыветъ за мушкатерскій патентъ.

— Однако, все-таки нужно соблюденіе почти всего, что полагается. Вы забываете, что во всякой странѣ есть представители Франціи—посланники и ихъ канцелярія. Что, если нашъ патентъ попадетъ въ руки нашего посланника, такого же француза, какъ мы?

— Ну въ такомъ случаѣ дѣлать нечего... Будемъ дѣлать такой документъ, около котораго и настоящій покажется подложнымъ. Я всегда вспоминаю при этомъ случай со мною въ Амстердамѣ. Однажды я отправился съ пріятелемъ въ Голландію...

— Нечего рассказывать. Догадываюсь и такъ! разсмѣялась Иоанна. У пріятеля былъ настоящій паспортъ, а у васъ подложный. Его засадили въ тюрьму, заподозрѣвъ фальшивый видъ, а васъ съ подложнымъ не тронули?

— Почти что такъ, графиня.

— Тѣмъ лучше для насъ, Вильеть, если подобные случаи возможны. Ну, до свиданія. Отправляйтесь, и за работу. Съ завтрашняго утра я начинаю свое, вы начинайте свое. Мнѣ нужна крупная сумма для моего путешествія въ Россію. А моего банкира уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, поэтому мое дѣло будетъ мудренѣе. Но вы свое ведите шибче, безъ проволочекъ.

Вильеть стоялъ, не двигаясь, и какъ-то переминался на мѣстѣ. Иоанна пристально взглянула ему въ лицо и послѣ короткой паузы выговорила:

— Денегъ?.. Вижу!..

— Да, милая графиня. Если есть, пожалуйста... Вы не подумайте, что я...

— Нечего мнѣ думать. А если я что о васъ и подумаю, то не вамъ двумя словами меня разубѣдить! рѣзко произнесла Иоанна.

— Нѣтъ, право я не потому прошу, что нужно начинать дѣло, я и безъ того попросилъ бы: я окончательно безъ гроша...

— Хорошо... хорошо! За этимъ дѣло не станетъ. Но вспомните, что тотъ, кто пополнялъ мою кассу—недавно пополнилъ ее въ послѣдній разъ. Кто теперь будетъ пополнять ее? почти грустно выговорила Иоанна.

— Бѣдный Канаръ! произнесъ Вильеть.

— Конечно, бѣдный... Но я еще бѣднѣе! пошутила Иоанна и, отворивъ столъ, достала нѣсколько червонцевъ и выкинула ихъ на столъ.

— Еще пять, произнесъ Вильеть, сосчитавъ червонцы—если возможно, ради Бога. Ну хоть три...

— Это невозможно, твердо выговорила Иоанна. Иначе у меня мало останется. Ну, вотъ одинъ еще, такъ и быть. И опустивъ руку въ шкатулку, она снова выкинула на столъ червонецъ.

Вильеть взялъ его со стола, но тотчасъ же приблизилъ къ глазамъ и качнулъ головою:

— Что вы смотрите? На немъ кровь?

— Кажется...

— И безъ васъ знаю. Что же прикажете? Обмывать самой золото, которое мнѣ приносятъ? Какой вы стали нѣженка! Вы, можетъ быть, не желаете взять? презрительно усмѣхнулась Иоанна.

— Ахъ, нѣтъ! Почему же? расхохотался весело Вильеть.

XIII.

Въ началѣ марта мѣсяца, изъ Парижа, по дорогѣ на Сень-Дени, выѣзжало пять экипажей сановныхъ и богатыхъ, по-видимому, путешественниковъ.

Въ трехъ экипажахъ сидѣли сами путники, въ двухъ остальныхъ, простыхъ фургонахъ, шла ихъ кладь—десятки сундуковъ и ящиковъ.

Начатый путь долженъ былъ длиться по крайней мѣрѣ три недѣли, съ остановками и отдыхами въ большихъ городахъ Франціи и безчисленныхъ нѣмецкихъ государствъ—королевствахъ, герцогствахъ и княжествахъ.

Въ одномъ экипажѣ ѣхалъ Каліостро съ женой и любимымъ камердинеромъ Джеральди, въ другомъ—капраль Норичъ съ сестрой и невѣстой, въ третьемъ—графиня Ламоть съ пріятелемъ, барономъ Вильетомъ, и съ пожилой наперсницей Розой. Путники, конечно, часто пересаживались другъ къ другу въ гости, и путь коротался веселой болтовней, иногда игрою въ карты, въ домино и въ бирюльки...

Алексѣй не захотѣлъ оставить въ Парижѣ своей невѣсты и сестры. Первой оставаться одной было опасно. Ее могли всегда, насильно захвативъ, препроводить въ Испанію. Вторая поклялась когда-то, при первой несчастной поѣздкѣ брата въ Москву—не разставаться съ нимъ никогда.

Алексѣй надѣялся, что на этотъ разъ его путешествіе будетъ удачнѣе. Да и можно было надѣяться, благодаря всему, что устроила для него волшебница, графиня Ламоть.

Она передала „господину Норичу отъ королевы французской“ ни болѣе, ни менѣе, какъ рекомендательное письмо къ всероссійской монархинѣ, въ которомъ просила ее обратить свое милостивое вниманіе на господина Норича. Королева просила царицу войти въ роковое положеніе молодого человѣка и помочь ей облегчить его участь. Если царица согласится дать ему, какъ своему подданному и урожденцу Россіи, какой-либо чинъ придворный, то она, королева, будетъ имѣть возможность выхлопотать ему еще больше у короля-супруга.

Этимъ былъ обязанъ Алексѣй чародѣйскѣмъ Іоаннѣ!

На пути, гдѣ они остановились на три дня—явилось новое чудо и тоже благодаря той же графинѣ. Ихъ догналъ курьеръ изъ Версаля и передалъ капралу Норичу патентъ на чинъ

лейтенанта мушкатеровъ королевы. Алексѣй былъ пораженъ, но и тронуть до глубины души. Иоанна объяснила ему, что патентъ долженъ былъ быть ему переданъ еще при отъѣздѣ изъ Парижа, но что Людовикъ XVI, вслѣдствіе какого-то непонятнаго упрямства, долго противился принятію чужеземца въ конвой королевы.

— Ну, теперъ нѣтъ сомнѣнія, воскликнулъ Каліостро, что *monsieur le mousquetaire de la reine* отвоюетъ въ Россіи свои права и вернется въ Парижъ *mousquetaire comte Zaroubowky!*..

XIV.

Весеннее солнце ярко сіяло, озаряя теплыми лучами большой городъ, покрытый слоемъ желто-сѣраго тающаго снѣга; только посрединѣ этого города растилалась равнина, ярко-бѣлая, серебристая, кое-гдѣ отливавшая алмазами въ солнечныхъ лучахъ. Эта равнина ожидала со дня на день момента, чтобы всколыхнуться, ожить, какъ бы вздохнуть и двинуться, зашумѣть и забушевать, поднимая хрустальные глыбы льда и неудержимымъ потокомъ унося ихъ въ море. И тогда эта бѣлая равнина превратится въ широкую какъ озеро рѣку, омывающую берега сѣверной столицы.

Этотъ городъ, созданный на болотахъ, которому нѣтъ еще пока и одного столѣтія, уже отражается въ волнахъ широкой рѣки красивыми затѣйливыми зданіями, дворцами, башнями. Въ немъ, среди густого разнохарактернаго населенія изъ туземцевъ, чужеземцевъ и инородцевъ, уже пестрѣютъ и блестятъ мундиры многочисленнаго придворнаго круга и многихъ гвардейскихъ полковъ. Городъ этотъ меньше Парижа, но чище. Здѣсь раздольнѣе, здѣсь больше простора! На солнечной сторонѣ пологого берега рѣки, еще не закованной въ гранитъ, кое-гдѣ пробивается весенняя зелень подъ стекающей ручейками водой.

У одного изъ домовъ на этой набережной, принадлежащаго не сановнику, а голландцу-банкиру, особое движеніе. Домъ этотъ всю зиму былъ пустъ и отдавался въ наймы. И вотъ, теперъ въ него переѣзжаетъ изъ гостиницы и устраивается именитый иностранецъ. Передъ домомъ стоятъ телѣги съ имуществомъ, которое перевозится на устраиваемую квартиру.

Иностранца, который нанялъ этотъ домъ, никто во всей

столицѣ не зналъ. Онъ прѣхалъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Въ сумерки сани и дровни опустѣли; имущество было внесено въ домъ. Пожилой иностранецъ, нѣчто въ родѣ главнаго камердинера или дворецкаго, распоряжался въ домѣ съ нѣсколькими мужиками и солдатами. Распредѣляя вещи по горницамъ, переставляя разную мебель, или таская огромные сундуки, иностранецъ объяснялся съ этимъ народомъ не столько словесно, сколько мимикой, и постоянно на итальянскомъ языкѣ посылалъ къ черту и ихъ, и ихъ страну, и ихъ дурацкій языкъ, на которомъ онъ не могъ понять ни слова.

— Синьоръ конте и синьора контесса къ вечеру переѣдутъ изъ гостиницы! восклицалъ онъ на своемъ языкѣ. А здѣсь еще ничего не готово!

Слова эти относились къ молоденькому шестнадцатилѣтнему юношѣ, который шустро говорилъ по-итальянски и довольно изрядно по-русски.

Не смотря на его юность и его очень замѣтную глуповатость, онъ все-таки былъ здѣсь важнымъ лицомъ. Безъ него ничего бы не устроилось. Понимая, что говорить пожилой дворецкѣй, онъ могъ все-таки распорядиться рабочими на понятномъ для нихъ русскомъ языкѣ. Онъ и былъ нанятъ какъ переводчикъ.

Успокойтесь, синьоръ Джеральди! постоянно восклицалъ онъ. Все успѣемъ сдѣлать!

Но Джеральди видѣлъ ясно, что до вечера они не успѣютъ устроить хотя бы одну комнату для синьоры контессы. Иногда Джеральди, вспомнивъ что-нибудь, бросался къ какому-либо изъ бородатыхъ помощниковъ, къ костромичу или тверитянину, и вдругъ, сыпя словами, начиналъ умолять что-нибудь скорѣе сдѣлать. Но костромичъ глядѣлъ на дворецкаго разинувъ ротъ и прислушиваясь къ его словамъ какъ къ какому-нибудь чириканью диковинной лѣсной птахи. Джеральди тапциль, толкалъ, науськивалъ костромича, очень толково объясняя что-то, но тотъ не двигаясь, какъ истуканъ, много, много если произносилъ:

— Ты баринъ, то-исть, насчетъ чего же?

Джеральди хлопалъ себя ладонью по головѣ, иногда брался за волосы и восклицалъ отчаянно:

— Oh, que bestia!

Это слово на языкѣ итальянца было не очень обиднымъ,

но костромичъ понималъ его по-русски, и завѣрялъ жалобно, что онъ ни въ чемъ не смошенничалъ.

Разумѣется, въ этотъ вечеръ переѣзжать въ холодный, промерзшій за зиму домъ оказалось невозможнымъ. И только на утро явились новые хозяева—графъ Фениксъ съ супругою.

Войдя въ новую квартиру, графъ прежде всего освѣдомился о няти большихъ ящикахъ одинаковаго формата, которые ѣхали съ нимъ черезъ всю Европу. Въ этихъ ящикахъ было не платье и не вещи путешественника, а пучки засушенныхъ травъ, банки съ жидкостями и порошки въ коробочкахъ. Джеральди, конечно, зналъ, что для барина, медика и мага, эти ящики дороже всего въ мѣрѣ, и потому осторожно, при помощи „бестій“, поставилъ ихъ въ угольной комнатѣ и заперъ ее на ключъ.

Цѣлый день осматривался въ домѣ графъ Фениксъ и соображалъ, какъ устроиться здѣсь, какую комнату взять для своего кабинета. Графиня, напротивъ, не ходила по дому, а сидѣла больше около окна и грустнымъ взоромъ смотрѣла на широкую равнину. Лицо ея было тоскливо. Она думала о томъ, какъ далеко занесла, наконецъ, ее судьба—въ страну, гдѣ всякія чудеса бывають. Вотъ говорятъ, на примѣръ, что эта равнина передъ домомъ не поляна и не земля. Говорятъ, что будто бы это толстый слой льда, и будто бы черезъ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, вся эта равнина, по которой идутъ и ѣдутъ, на которой, казалось бы, можно построить нѣсколько сотенъ домовъ и провести нѣсколько улицъ,— что все это широкая, величавая рѣка, по которой черезъ три недѣли поплывутъ корабли.

Графиня, оглядывая эту равнину, отчасти сомнѣвалась. Можетъ быть, вонъ тамъ есть рѣчка, гдѣ желтая полоска, гдѣ теперь ѣдутъ вереницы какихъ-то низенькихъ, сѣренькихъ санокъ на маленькихъ лошадяхъ. Можетъ быть, тамъ будетъ течь рѣчка, но чтобы все это пространство всколыхнулось и стало большимъ озеромъ или широкой, бушующей рѣкой— этому графиня не вѣрила.

Въ первый же день, приведя немножко въ порядокъ нѣкоторые горницы, распаковавъ два ящика, гдѣ оказались разныя связки травъ, банки съ жидкостями, безконечное число баночекъ и пузырьковъ, графъ Фениксъ, залеревъ угловую комнату на ключъ, приказалъ женѣ присматривать, чтобы кто-нибудь не проникъ въ эту горницу, при помощи другого ключа.

ча. Затѣмъ онъ велѣлъ закладывать свой наемный экипажъ и выѣхать изъ дому.

— Луиджи! крикнулъ онъ юному итальянцу, хоть я васъ не нанималъ для лакейскихъ должностей, но на этотъ разъ прошу васъ стать на запятки, чтобы доставить меня къ графинѣ Валуа.

Юноша съ удовольствіемъ одѣлся и, когда графъ помѣстился въ небольшую каретку, запряженную, однако, цугомъ, четвернею, какъ подобало всякому дворянину, Луиджи сталъ сзади, рядомъ съ другимъ гайдукомъ, изъ русскихъ, вновь нанятымъ.

Миновавъ весь Невскій проспектъ, съ оголенными еще по обѣимъ сторонамъ высокими деревьями, карета завернула на менѣе широкую улицу. Здѣсь сѣтъ стволовъ и голыхъ вѣтвей была еще гуще; за ними направо и налево виднѣлись заборы; за заборами—сѣрая паутина кустовъ, а за ними—небольше домики.

Карета завернула во дворъ одного изъ такихъ домиковъ, который былъ не великъ, но красивой постройки и свѣжевыкрашенъ ярко-голубой краской. На фронтонѣ его, около четырехъ колоннъ, двухъ балкончиковъ, верхняго этажа и нижней террасы, спускавшейся въ садикъ, повсюду виднѣлись бѣлые деревянные медальоны, изображавшіе разныя мѣологическія фигуры.

Когда карета графа Феникса остановилась у подъезда, въ домѣ началось движеніе. Графъ вошелъ въ прихожую и на встрѣчу къ нему высыпало веселое общество, состоящее изъ пяти человѣкъ. Тутъ были: баронесса д'Имеръ, баронъ Рето, графиня д'Авила, Алексѣй Норичъ и сестра его. Послѣдніе были здѣсь тоже въ гостяхъ.

— Ну-съ, переѣхали? Устроились? Расположились? раздались голоса молодежи.

— Да, переѣхалъ... началъ графъ Фениксъ, или Калиостро. Какъ здоровье моей прелестной маркизы?...прошла ли лихорадка?

— Опять маркиза,—выговорила хозяйка дома и ея красивые синіе глаза подъ черными бровями блеснули ярче. Она не шутила, а сердилась.

— Виновать... все забываю... отозвался Калиостро.

— Однако, надо привыкать скорѣе къ этому маскараду именъ, вымолвилъ Алексѣй. Спасибо, что мы съ сестрой сохранили наши имена.

Онъ проговорилъ это весело, но вдругъ сталъ сумраченъ и вздохнулъ. Всѣ оглянулись на него и всѣ поняли, въ чемъ дѣло. Онъ будто забылъ, что тоже, хотя невольно, носить на свою фамилию, и уже привыкъ называться Норичемъ.

Иоанна прервала неловкую паузу и выговорила:

— Ну, Богъ дастъ, скоро прекратится этотъ маскарадъ для всѣхъ. Мы снова примемъ наши настоящія имена, а вы—свое настоящее. И тогда мы, вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Зарубовскимъ, двинемся изъ этой дикой земли въ нашу милую Францію.

— Ну, а пока, отозвался смѣясь Каліостро, двинитесь въ гостиную.

Все общество перешло въ большую, довольно изящную комнату и усѣлось вокругъ гостя.

— Ну-съ, кстати, что же графъ Зарубовскій и его супруга? Какія новости дня? произнесъ Каліостро.

— Новости дня? отозвалась графиня д'Имеръ, т. е. Иоанна, вывернувшая свое имя Реми на изнанку. Новость та, что Роза моя съ сегодняшняго утра уже пользуется полнымъ довѣріемъ графини и именуется главной попечительницей надъ всѣми няньками и горничными ея младенца.

— Bravo!.. Брависсимо! воскликнулъ Каліостро. Ну-съ, а моя новость не менѣе важна. Мнѣ назначена уже аудіенція у князя Потемкина и я затрудняюсь только въ одномъ: какимъ образомъ представиться — одному или съ Лоренцой?.. Ну, а вы, мой юный другъ? обратился Каліостро къ Норичу.

— Я былъ вчера опять у графа, отозвался Алексѣй. На этотъ разъ онъ отговорился болѣзнью. Меня приняла графиня и заявила, что дѣдушка, то есть графъ, просить меня черезъ нее передать письма королевы.

— А я говорю, воскликнула Иоанна, что это вздоръ! И этого дѣлать не надо. Пускай Норичъ самъ покажетъ письмо графу Зарубовскому, спросить у него какъ быть, попросить покровительства, чтобы доставить это письмо лично и вручить его самой императрицѣ, но никакъ не отдавать его въ руки графини и даже не оставлять у графа... А если они разорвутъ письмо королевы изъ злобы, изъ мести? Что тогда дѣлать? Скакать за другимъ во Францію? Тогда мы погибли.

— Но все-таки, заговорилъ Каліостро, обращаясь къ Алексѣю, расскажите мнѣ подробно опять о вашемъ первомъ свиданіи съ графиней и съ графомъ Зарубовскими. Меня нѣ-

сколько смущаетъ одна подробность вашего свиданія. Пожалуйста расскажите вновь, въ мельчайшихъ подробностяхъ, вспомните даже, если возможно, выраженіе лицъ вашихъ враговъ-родственниковъ. Все это мнѣ нужно для моихъ соображеній.

Алексѣй началъ рассказъ о томъ, какъ первый разъ по прїездѣ въ Петербургъ снова посѣтилъ своего старика-дѣда. Всѣ слушали молча и внимательно. Лиза, пересѣвъ поближе къ брату, обняла его и тоскливо глядѣла на него, слушая его рассказъ.

Красивая, юная дѣвушка, называвшаяся теперь д'Авила, то есть Эли д'Оливась, сначала слушала своего возлюбленного, но зная все, что онъ скажетъ, наизусть, глубоко задумалась и унеслась мечтами далеко отъ Петербурга, въ тѣ предѣлы земли, гдѣ въ эти дни уже давно зацвѣли апельсинныя и лавровыя деревья, наполняя благоуханіемъ чудно зеленѣющія равнины подъ палацами лучами яркаго южнаго солнца...

XV.

Вся эта разнохарактерная компанія, явившаяся теперь [на берега Невы и принадлежащая къ разнымъ національностямъ, даже не имѣющая ничего общаго между собою, была лишь связана искусно придуманнымъ общимъ дѣломъ. И характеромъ, и нравственнымъ кругозоромъ всѣ они рѣзко отличались другъ отъ друга. И здѣсь, на берегахъ Невы, гдѣ ихъ поневолѣ сплотила вмѣстѣ, ближе и тѣснѣе, одна общая цѣль, различіе характеровъ сказалось еще ярче.

Такъ, Иоанна и Алексѣй, какъ оказалось, были двумя крайностями. Насколько энергическая, но порочная, безсердечная женщина была способна на все, не исключая самаго гнуснаго злодѣйства, настолько Алексѣй былъ добръ, честенъ, правдивъ и способенъ даже на самый мелкій предосудительный поступокъ.

Двѣ южныя дѣвушки, почти еще дѣвочки, одна кровная испанка, другая почти нѣмка, были чисты сердцемъ, наивны, и не только не запятнаны жизнью, но даже еще и не тронуты ею, какъ новорожденные младенцы... А рядомъ съ ними появился, и теперь постоянно былъ, отъ зари до зари, и дѣйствовалъ — мелкій негодай послѣдняго разбора, Вильеть,

рыцарь подонковъ парижскаго народонаселенія, если не по происхожденію, то по своей дѣятельности. Наконецъ, глава и начальникъ всей этой разноплеменной, чуждой другъ другу компаніи, знаменитый кудесникъ, тоже ничего не имѣлъ общаго со всѣми своими случайными друзьями.

Къ его чести надо сказать, что онъ не былъ все-таки способенъ, по природной добротѣ сердца, на все то, что твердою рукою могла совершить Иоанна. Но къ стыду его надо прибавить, что онъ былъ все-таки способенъ съ дѣтства, приученъ обстоятельствами, къ такимъ дѣяніямъ, которыя привели бы въ ужасъ Алексѣя, еслибы онъ зналъ хотя сотую долю похожденій и приключеній графа Калиостро, нынѣ Феникса— для Россіи.

Все это общество, однако, переброшенное съ береговъ Сены на берега Невы, показалось бы постороннему наблюдателю веселой, безпечной, дружной кучкой людей. Могло показаться, что жизнь улыбалась имъ, что длинное путешествіе черезъ всю Европу и прибытіе въ Петербургъ было для нихъ веселой прогулкой, ради веселой цѣли... просто позабавиться.

Въ дѣйствительности всѣ члены этой компаніи были теперь смущены; у всякаго изъ нихъ сердце было не на мѣстѣ и всякій скрывалъ это отъ другого. Быть можетъ, отходя ко сну или въ минуту полнаго уединенія, каждый и каждая изъ нихъ, вдумываясь въ свое новое положеніе, невольно ощущали на сердцѣ тревогу. Настоящее было сомнительно, черезчуръ неопредѣленно и заурядно,—будущее было темно. Что сулилъ завтрашній день—никто изъ нихъ не зналъ.

Обстоятельства жизни каждаго были запутаны въ хитрый узелъ, который приходилось развязывать общими силами, а взаимнаго согласія и единодушія могло вдругъ не оказаться.

Иоанна, или новая баронесса д'Имеръ, не смотря на свою предпріимчивость и рѣшительность, иногда смущалась, чувствуя себя въ Петербургѣ стѣсненной въ своихъ дѣйствіяхъ. Тамъ, среди своихъ соотечественниковъ, она привыкла всякаго видѣть насквозь, какъ бы читать въ сердцахъ людей, и ея прзорливость, или какое-то чутье, позволяли ей быстро познавать людей, хорошо подмѣчать ихъ слабыя стороны и играть имъ какъ маріонетками.

Здѣсь, въ этой чужой странѣ, Иоанна присматривалась и видѣла кругомъ себя простодушныхъ, добрыхъ людей, ласко-

выхъ, гостепріимныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Іоанна чувствовала, что эти простодушные люди не поддаются ей, какъ-то сторонятся отъ нея сердцемъ и мыслью, какъ бы остерегаются ея.

У нея быстро завелось много знакомыхъ въ Петербургѣ, и мужчинъ, и женщинъ, и сановниковъ, и придворныхъ, и неслужащихъ дворянъ, и изъ высшаго круга, и изъ средняго сословія. Всѣ принимали французскую графиню, но далѣе любезныхъ приемовъ дѣло не шло. Ни кѣмъ еще Іоанна не могла вертѣть на свой ладъ, ради достиженія своихъ цѣлей.

Единственно, что утѣшало ее, была удача относительно главной цѣли ея путешествія. На ея счастье, графиня Зарубовская, съ первой же встрѣчи, поддалась ея вліянію и поддавалась все болѣе. Что касается до старика-графа, Алексѣя Григорьевича, то онъ долженствовалъ, по убѣжденію Іоанны, скоро начать ее обожать.

„Да... Но когда? Скоро ли? Когда все это устроится и удастся! думала Іоанна. Мы не можемъ время терять... Мы должны спѣшить“.

Самъ глава компаніи этихъ чужеземцевъ, послѣ нѣкотораго времени пребыванія въ Петербургѣ, тоже смутился духомъ. Онъ ожидалъ лучшаго приѣма въ сѣверной столицѣ; онъ думалъ, что слава его, мага и кудесника, давно достигла сюда, и что на берегахъ Невы онъ будетъ имѣть тотъ же блестящій успѣхъ, что и на берегахъ Сены.

Мечтая во время длиннаго пути, Калиостро часто въ своихъ грезахъ видѣлъ себя окруженнымъ дворомъ русской императрицы и всѣ раболѣпно преклоняются передъ нимъ, магомъ, знаменитымъ на всю Европу... А золото русскихъ бояръ, простодушныхъ и полудикихъ, сыплется въ его карманы!.. Мало того! Императрица знакомится съ нимъ и, околдованная имъ, совѣщается съ нимъ по самымъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, разрѣшаетъ ему учредить нѣсколько масонскихъ ложъ въ главныхъ городахъ Россіи, жалуетъ ему знаки отличія, придворное званіе, кресты и цѣнные подарки. И скоро онъ, кудесникъ, держитъ въ рукахъ судьбы громадной, полудикой, снѣжной страны! Онъ не первый министръ въ этой имперіи по званію, но могущество его на дѣлѣ равняется могуществу славнаго по всей Европѣ, знаменитаго князя Потемкина.

Это были грезы Калиостро во время пути и онъ имѣлъ отчасти право мечтать подобнымъ образомъ.

Всюду по сихъ поръ—въ Мадритѣ, Лондонѣ и Парижѣ, онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Къ нему все шло и бѣжало—и высшіе слои общества, и простонародье. Если подобное совершалось въ просвѣщенныхъ странахъ, то что же должно быть въ дикой и варварской странѣ? Въ ней все будетъ у его ногъ.

Калиостро назвался графомъ Феникомъ не ради того, чтобы изъ предосторожности скрыть свое настоящее имя, какъ это сдѣлала баронесса д'Имеръ, а ради соблюденія этикета всѣхъ путешествующихъ важныхъ сановниковъ. Подобная заміна имени всѣмъ извѣстнымъ „инкогнито“ была въ модѣ.

Умный и хитрый сицилианецъ сразу увидѣлъ и понялъ, что ошибся совершенно, или слава объ его дѣяніяхъ еще не достигла до Петербурга, или обитатели этой страны были еще слишкомъ мало испорчены нравственно, еще чисты сердцемъ. Или, быть можетъ, они настолько привержены къ своей религіи, что слава духовидца, массона, вызывателя мертвецовъ и заправителя всякой чертовщины—этимъ людямъ не по плечу.

Всѣ относились къ магу и волшебнику какъ дѣти къ интересной, но страшной картинѣ. И хочется поглядѣть, и сердце дрожить. Главное же, о чемъ мечталъ Калиостро и что было ему нужно, русскіе червонцы,—не сыпались изъ рукъ боярскихъ въ сицилианскіе карманы. А это всего болѣе смущало кудесника. Объ этомъ все чаще началъ онъ совѣщаться съ Іоанной и было наконецъ рѣшено, что надо спѣшить въ главномъ дѣлѣ на всѣ лады, чтобы какъ можно скорѣе добиться цѣли. Или побѣдить, или быть побѣжденными, но не затягивать дѣла въ долгій ящикъ. А пока надо было подумать какъ-нибудь пополнить кассу путешественниковъ.

— Озаботьтесь, графиня, насчетъ нашей кассы, объявилъ однажды своему другу графъ Калиостро. Что касается до меня, или, вѣрнѣе сказать, до Лоренцы, то у нея есть новый знакомый, которому нѣтъ подобнаго во всей этой имперіи. Онъ человѣкъ страшно богатый и человѣкъ съ добрымъ сердцемъ. Лоренца съумѣетъ выманить у него денегъ, яко бы въ долгъ.

— Bravo! воскликнула Іоанна. Неужели самъ князь познакомился съ Лоренцой?

— Скажите лучше: Лоренца съумѣла познакомиться съ нимъ!

— Самъ знаменитый царедворецъ Потемкинъ?!

Но Каліостро ни слова не отвѣтилъ и только многозначительно и самодовольно улыбался.

— И хорошее дѣло, загадочно произнесла Іоанна. Въ случаѣ чего онъ за насъ заступится. Вѣдь здѣсь не Франція. Разсердится вашъ энциклопедистъ и философъ на тронѣ и сошлетъ насъ на границы свои, но не западныя, а восточныя... А вы знаете, какія онѣ и гдѣ? Родина эскимосовъ и камчадаловъ.

Каліостро началъ весело хохотать, но вдругъ остановился и выговорилъ:

— А вотъ что графиня де Сентъ-Имеръ. Я хочу сообщить весь нашъ планъ нашему мушкатуеру Норичу. Я боюсь его ребяческихъ понятій. Надо, чтобы онъ заранѣе зналъ, что мы хотимъ именно произвести съ младенцемъ-графомъ, его соперникомъ.

— Избави Богъ! воскликнула Іоанна. Онъ никогда не согласится. Все пропало тогда. Нѣтъ, надо ему тогда открыть все, когда будетъ поздно... поздно не соглашаться.

— Вы стоите на этомъ? серьезно спросилъ Каліостро.

— Да. Сто разъ да!.. Я ужъ хорошо изучила теперь этого чудака! Доброе сердце и его всегдашній сателлитъ—малый разумъ! иронически произнесла Іоанна.

— Ну, такъ будь по вашему. Помолчимъ до поры до времени.

XVI.

Изъ всего общества, явившагося въ Петербургъ, честный и прямодушный Алексѣй былъ смущенъ болѣе всѣхъ. Съ одной стороны, дѣло его не ладилось. Цѣли своего прибытія сюда юноша отчаявался достигнуть. Съ другой стороны, онъ начиналъ все болѣе подозрѣвать своихъ новыхъ друзей. Природный разумъ и чуткое, благородное сердце говорили ему, что онъ опрометчиво сошелся съ людьми темными и загадочными.

И вотъ здѣсь, въ Петербургѣ, они совершаютъ что-то такое, что тщательно скрываютъ отъ него и отъ его сестры и невѣсты.

Въ первый разъ, когда Алексѣй отправился съ замираніемъ сердца въ домъ своего дѣда, когда доложили о немъ,

то уже въ прихожей Алексѣй увидѣлъ, какое впечатлѣніе произвело его посѣщеніе. Даже дворня вся смутилась, поднялась на ноги и заметалась. Весь домъ вдругъ заходилъ ходуномъ.

Графиня приняла его встревоженная, даже блѣдная, даже отчасти оробѣвшая. Но чрезъ нѣсколько мгновеній, послѣ нѣсколькихъ словъ бесѣды, ея смущеніе перешло въ нескрываемый и страшный гнѣвъ.

— Какъ вы смѣли опять пріѣхать въ Россію! сказала она и поблѣвшія губы ея дрожали. Вы желаете опять попасть въ крѣпость?.. Такъ я скажу вамъ, что этого не будетъ!.. Будетъ хуже и уже безъ пощады! На всю вашу жизнь. Вы будете въ кандалахъ и въ Камчаткѣ!

Алексѣй и не ожидалъ лучшаго пріема отъ этой женщины, которая, конечно, должна была ненавидѣть его. Онъ сталъ объяснять ей подробно и хладнокровно цѣль своего прібытія въ Россію.

— Поймите, графиня, сказалъ онъ, что я прошу немного. Пусть дѣдъ мой поможетъ мнѣ только получить аудіенцію у императрицы и вручить ей письмо французской королевы. И затѣмъ, если государыня согласится на просьбу женщины, стоящей такъ же высоко, какъ она сама, тогда вы можете согласиться и на то, что я попрошу у васъ.

— Вы сумашедшій!.. Безумецъ!.. Къ тому же и дерзкій безумецъ! отвѣчала графиня. Вамъ было сказано и доказано, что никакихъ вы правъ не имѣете, что вы подкидышь. Вы упрямо противодѣйствовали, сопротивлялись, были за это жестоко наказаны и все-таки не исправились. И вотъ, теперь, вы снова, съ тою же дерзостью, нагло появляетесь опять здѣсь и опять предъявляете какія-то права... Скажите: вы глупецъ, безумецъ, или просто наглый, неисправимый чело-вѣкъ?

На всѣ эти выходки графини Алексѣй не отвѣчалъ ничего и только просилъ объ одномъ: допустить его повидаться со старикомъ-графомъ.

— Запретить вамъ видѣться съ моимъ супругомъ я не могу и не стану стараться. Вы повидаетесь съ нимъ, но, повторяю вамъ, что я не могу допустить, чтобы графъ дозволилъ вамъ, хотя временно, именоваться его именемъ. Коль скоро вы ему совершенно чужой чело-вѣкъ, то это немислимо даже и на одну недѣлю. Наконецъ, ходатайствовать за

вась предъ ея величествомъ я не желаю. Если государыня въ своемъ отвѣтѣ французской королевѣ хотя разъ упомянетъ о вась, именуя вась графомъ Зарубовскимъ, то это одно какъ бы узакониваетъ ваши права на имя.

Бесѣда эта кончилась тѣмъ, что графиня общала сказать мужу о прїездѣ въ Петербургъ Алексѣя и допустить его видѣться съ нимъ. Прощаясь съ Алексѣемъ, она вдругъ прибавила съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ:

— Вы очень заблуждаетесь, если думаете, что ваша бесѣда съ моимъ супругомъ приведетъ къ чему-нибудь. Вспомните, что съ тѣхъ, поръ какъ вы видѣлись съ нимъ въ Москвѣ, уже прошло не мало времени, а въ его преклонныя лѣта люди быстро старѣются. Вы очень удивитесь, когда увидите моего супруга. Онъ очень, даже очень... Чрезвычайно постарѣлъ.

Послѣднія слова графиня проговорила какъ-то запинаясь, какъ будто это признаніе было для нея непріятно. Эти послѣднія слова произвели на Алексѣя такое впечатлѣніе, что онъ невольно, выходя изъ палаты графа, подумалъ про себя:

„Неужели онъ такъ постарѣлъ, что впалъ въ дѣтство? Быть можетъ, онъ будетъ не способенъ не только дѣйствовать, защитить меня, поддержать, вопреки этой злой женщинѣ, но даже, можетъ быть, не будетъ въ состояніи понять всего того, что я скажу ему!“

И вдругъ Алексѣю пришла мысль спросить у людей о томъ дворецкомъ, который, когда-то, въ Москвѣ, одинъ изъ всей дворни графа, отнесся къ нему сердечно. Едва собрался онъ спросить, живъ ли и гдѣ находится дворецкій, какъ самъ Макарь Ильичъ шибко, почти на рысяхъ, появился въ швейцарской и бросился къ Алексѣю.

— Здравствуйте, мой соколикъ!.. Узналъ я сейчасъ, что вы пожаловали, такъ съ маху со стула и свалился... Ей Богу! И дворецкій, обхвативъ Алексѣя, сталъ цѣловать его плечи. Какъ вы живете-можете, родимый мой? Родной вы нашъ, настоящій нашъ...

И Макарь Ильичъ вдругъ заплакалъ, не договоривъ.

— Ничего... Понемногу... Скорѣе дурно, чѣмъ хорошо, отозвался Алексѣй, тронутый до глубины души привѣтствіемъ и слезами чужого ему человѣка, единственного во всемъ Петербургѣ, да и во всей Россіи, который привѣтливо встрѣтилъ его.

— Скажите мнѣ: какъ графъ? На-дняхъ мнѣ надо съ нимъ повидаться... Какъ онъ?... Какъ здоровье его?

Дворецкій махнулъ рукою, вздохнулъ и выговорилъ, утирая слезы кулаками:

— Что нашъ графъ!.. Живой покойникъ!..

— Что?!.. воскликнулъ Алексѣй.

— Да, соколикъ мой... Онъ живъ, кушаетъ, молится; отъ постели до кресла, отъ кресла къ постели самъ переходить. А то, бываетъ, кушаетъ, или и на молитвѣ уже засыпаетъ отъ слабости. Станешь говорить ему что—плохо понимаетъ. Самъ заговорить—инъ бываетъ и не поймешь, чего онъ изволить... Да... плохъ, плохъ сталъ! Старому отъ молодой жены—дни въ годы кладѣ.

Алексѣй опустилъ голову, понурился и стоялъ недвижимо. Всѣ надежды рухнули разомъ... „Живой мертвецъ“... Какая же польза отъ него можетъ быть?

Дворецкій что-то продолжалъ говорить, но пораженный Алексѣй не слыхалъ, и медленными шагами спустившись по широкой лѣстницѣ, сѣлъ въ свой экипажъ и двинулся съ большого двора...

XVII.

Съ этого дня Алексѣй началъ пытаться достигнуть своей цѣли иначе, т. е. самому добиться аудіенціи у императрицы.

Но дѣло не клеилось и онъ началъ отчаяваться и тосковать. Глупенькая, но безконечно добрая Лиза тоже смущалась и тосковала отчасти изъ-за брата, котораго обожала, отчасти отъ новой обстановки, новаго, чуждаго города. Печальный видъ брата смущалъ ее. Она привыкла радоваться его радостью и печалиться его печалью, не доискиваясь причины ихъ, какъ бы не рассуждая.

Впрочемъ, за время путешествія и пребыванія въ Петербургѣ, у Лизы было свое горе, которое она таила отъ брата и воображала простодушно, что онъ ничего не знаетъ и ничего не видитъ. Молодая дѣвушка разсталась въ Парижѣ съ товарищемъ брата, Турнефоромъ, и только въ минуту разлуки и въ первые дни долгаго пути поняла, своимъ вдругъ встрепенувшимся сердцемъ, что она любитъ пріятеля брата.

Наивная дѣвушка не знала даже, что Турнефоръ любитъ ее взаимно и что, если бы братъ не оправился отъ болѣзни, то теперь она была бы уже его подругой жизни.

Лиза, въ долгіе дни, проводимые за двойными рамами, тоскливо оглядывала снѣжныя глыбы, тающія на солнцѣ. Удручающимъ образомъ дѣйствовало на нее это веселое для снѣжной страны время, время пробужденія къ новой жизни, къ разцвѣту и ликованію всего окружающаго.

Для Лизы, никогда не видавшей глубокихъ зимъ, выдавшей только снѣжинки, мелькающія въ воздухѣ и покрывающія тонкой пеленою землю—все окружающее не пахло весной, а гнетомъ отзывалось на сердцѣ.

Но около наивной и тихой отъ природы дѣвушки томилась другая дѣвушка, по характеру полная ей противоположность.

Эли д'Оливасъ, почти волшебствомъ очутившаяся такъ далеко отъ своей родины, брошенная судьбой съ береговъ Гвадалквивира на берега Невы—отъ лимонныхъ и лавровыхъ садовъ и пальмовыхъ рощъ—подъ оголенные сѣрые стволы осинъ и березъ, убитыхъ морозомъ, томилась какъ пойманная и запертая въ клетку птичка.

Пылкость ея права какъ бы остыла. Эли притихла. Порывы гнѣва, причудъ, капризовъ, даже порывы простой веселости, ребяческой шаловливости—все это исчезло.

Она любила Алексѣя болѣе чѣмъ когда-либо—пылко, страстно, беззавѣтно; чувствовала, что готова съ нимъ итти хоть на край свѣта. Эти сугробы снѣга и льда, этотъ воздухъ, которымъ она въ дорогѣ, казалось ей, дышала съ трудомъ; даже эти странные люди, которыхъ она видѣла кругомъ себя, одѣтыхъ въ какую-то сизую кожу, съ лохмами шерсти, эти дикообразные люди,—все это пугало ее, не только изумляло. Но не смотря на это, она чувствовала въ себѣ силы и даже желаніе итти за милымъ еще дальше, въ такіе предѣлы, гдѣ солнца совсѣмъ не будетъ, гдѣ все будетъ ледяное, даже дома, даже предметы, гдѣ даже и этихъ звѣроподобныхъ людей не будетъ.

Но это чувство являлось въ Эли порывомъ, когда сказывалась въ ней страсть. Въ другія минуты какое-то, ей самой ненавистное чувство самовольно прокрадывалось въ сердце. Она гнала его, отбивалась отъ него какъ отъ отвратительнаго насѣкомаго, которое ползло къ ней, но побѣдить это чувство не могла. Прокравшись въ сердце, оно оставалось иногда подолгу.

А какое это было чувство? Эли боялась и понять его, не только назвать по имени. Это было ни что иное, какъ „рас-

каяніе“ въ роковомъ, необдуманномъ шагѣ. Ей чудилось вдругъ, что любовь Алексѣя не можетъ вознаградить ее за все то, что она потеряла.

Эли надѣялась на полный успѣхъ ихъ дѣла въ этой сѣверной столицѣ. Она мечтала, что когда-нибудь они все-таки поѣдутъ въ обратный путь, и въ Парижѣ мушкатеръ короля станетъ ея мужемъ. Тогда двинутся они на противоположный отсюда край свѣта, въ Андалузю, и будутъ, наконецъ, вполне счастливы. Тамъ законная супруга графа Зарубовскаго, мушкатера французскаго короля, могла бы, конечно, невозбранно вступить во всѣ свои права испанской грандессы.

Не смотря однако на твердую вѣру въ успѣхъ, Эли сознавалась сама себѣ, что ея судьба странна, что путь, по которому она пошла,—скользкій путь.

Наконецъ, она говорила себѣ самой, что было бы гораздо благоразумнѣе остаться съ теткой въ Парижѣ и ожидать возвращенія жениха изъ Россіи. Въ этой разлукѣ съ нимъ ей было бы, конечно, тяжелѣе, но въ иномъ смыслѣ ей было бы, пожалуй, легче.

Она относилась къ Каліостро и къ Іоаннѣ такъ же сдержанно и съ такою же робостью, какъ если бы они были не друзьями, а ея тайными врагами. Что касается до Вильета, который былъ съ ней чрезвычайно любезенъ, чрезъ мѣру услужливъ, Эли гадливо относилась къ нему—онъ былъ ей противенъ. Еще недавно она и не предполагала возможности входить въ сношенія съ такой личностью. Она не вѣрила, чтобы Вильетъ былъ баронъ и аристократъ. Онъ казался ей въ родѣ тѣхъ неприличныхъ фигуръ, которыя она видала за всю свою жизнь только издали, на улицѣ, изъ окна своей кареты. А теперь приходилось съ такой личностью проводить иногда цѣлые вечера.

Еслибы Алексѣй, которому она вѣритъ и котораго обожаетъ, относился къ нему сердечно, то это бы подѣйствовало и на нее, но ея возлюбленный точно также сторонился отъ этого Вильета.

Въ ихъ бесѣдахъ наединѣ о Каліостро и о графинѣ Ламоть, Алексѣй признавался невѣстѣ, что великій кудесникъ начинаетъ все менѣе внушать ему довѣрія. Многое въ графѣ для него становилось загадочно. А что касается до графини Ламоть,—то эта женщина ему самому положительно стала противна и даже ненавистна. А если ужъ Алексѣй мечталъ

когда-нибудь на-вѣки избавиться и не встрѣчаться болѣе ни съ Каліостро, ни съ Иоанной, то, конечно, Эли, какъ женщина, могла еще менѣе побороть въ себѣ чувство отвращенія къ одной и чувство боязни къ другому. Такимъ образомъ, компанія разноплеменная и разнохарактерная, появившаяся на берегахъ Невы, скоро раскололась на-двое. Отношенія были дружелюбны, но нѣсколько натянуты. Было два лагеря и каждый чувствовалъ, что другой относится къ нему не съ полнымъ довѣріемъ.

Каліостро, графиня Ламоть и Вильетъ постоянно совѣщались вмѣстѣ. Въ свою очередь, Алексѣй, Эли и Лиза любили оставаться втроемъ.

— Я не понимаю и никогда не пойму, часто говорилъ Алексѣй сестрѣ и невѣстѣ, какимъ образомъ Марія Антуанета можетъ допускать къ себѣ эту графиню, не только любить ее. Она умна, граціозна, красива, остроумна, но все-таки въ ней есть что-то особенное, ненавистное...

— Что-то злое! подсказывала Лиза.

— Что-то странное, загадочное! говорила Эли.

Тѣмъ не менѣе молодежь кончала тѣмъ, что сознавалась:

— А все-таки мы ей многимъ обязаны. Очень многимъ.

— Мы неблагодарные! подсказывала Лиза.

— Мы причудники! говорила Эли.

XVIII.

Прошелъ мѣсяцъ и не принесъ никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ дѣлахъ компаніи чужеземцевъ, жившихъ на трехъ отдѣльныхъ квартирахъ и видавшихся не явно, а тайкомъ, при соблюденіи всевозможныхъ предосторожностей.

Каліостро въ своемъ домѣ принимала, также какъ и въ Парижѣ, довольно много гостей или просто любопытныхъ изъ высшаго круга и изъ простого народа.

Иоанна, или по новому названію баронесса д'Имеръ, тоже уже имѣла очень обширный кругъ знакомыхъ и бывала постоянно въ гостяхъ. У себя же она не принимала никого, извиняясь недостаточно просторнымъ помѣщеніемъ.

Теперь у нея постоянно бывалъ въ качествѣ близкаго друга молодой и богатый гвардеецъ князь Самойловъ и предлагалъ ей переѣхать на дворцовую набережную, въ велико-

лѣнный домъ, но Иоанна не согласилась и прямо отказала наотрѣзъ, якобы не желая вводить его въ расходъ, но въ сущности боясь огласки. Единственное, на что она согласилась — была извѣстнаго рода помощь князя. У нея теперь появилось безчисленное количество великолѣпныхъ нарядовъ, которыми она прельщала петербургское общество, увѣряя, что все это привезено изъ Парижа.

Благодаря скромности Самойлова, а отчасти манеръ Иоанны держать себя въ обществѣ гордо и надменно, никому, конечно, и въ умъ не приходило, что всѣ эти туалеты дѣлаются на счетъ князя Самойлова. Иоанна пригрозила своему новому другу, что при первомъ слухѣ, невыгодномъ для ея репутаціи, не ожидая огласки, она немедленно выѣдетъ изъ Петербурга въ Парижъ.

Князь Самойловъ былъ настолько влюбленъ въ красавицу, что искренно сожалѣлъ о томъ, что она замужемъ, что мужъ ея здоровехонекъ, не на томъ свѣтѣ, а гдѣ-то шатается на этомъ свѣтѣ. Онъ уже подумывалъ и намекалъ Иоаннѣ о возможности хлопотать о разводѣ.

Калиостро, конечно, зная объ отношеніяхъ Иоанны съ Самойловымъ, но, помимо его, никто во всемъ городѣ ни на мгновение не усумнился въ простой дружбѣ. Только Алексѣй вскорѣ заподозрѣлъ постоянное появленіе Самойлова въ домѣ графини и вслѣдствіе этого пересталъ пускать къ ней въ гости невѣсту и сестру. Онъ оправдывалъ это рѣшеніе тѣмъ, что постоянно пребывающій у Иоанны русскій князь можетъ встрѣтить Эли и Лизу и разболтать, что онѣ знакомы съ Иоанной. А свое знакомство, не только сообщничество, они тщательно скрывали.

Дѣла руководителя всей компаніи, самого Калиостро, шли нѣсколько лучше, но далеко были не такъ блестящи, какъ грезилось ему въ дорогѣ. Волшебникъ уже окончательно убѣдился теперь, что здѣсь, въ Петербургѣ, нельзя разыграть роль духовидца, алхимика и астролога. Его власть надъ сатаною и адомъ, и надъ всякою чертовщиной здѣсь не увлекла никого. Одни не вѣрили, считая его простымъ шарлатаномъ, другіе, попроще, вѣрили, что итальянскій графъ состоитъ въ дружбѣ съ самимъ Вельзевуломъ, и тѣмъ паче избѣгали его.

Калиостро вскорѣ увидѣлъ, что здѣсь надо дѣйствовать иначе и сказаться только искуснымъ медикомъ и массономъ, отрицая даже свою славу мага. Какъ массонъ, верховный

мастеръ и предсѣдатель измышленнаго египетскаго массонства, сицильянецъ, однако, тоже не имѣлъ успѣха. Въ Россіи было уже тогда двѣ-три ложи массоновъ. Одновременно съ прїѣздомъ его открылась вновь ложа въ Ярославль. Знаменитый Новиковъ, Мельгуновъ, Лопухинъ, Трубецкой и другіе видные представители русскаго массонства, тщательно скрываясь отъ зоркаго глаза Екатерины, конечно, не были способны войти въ сношенія съ учредителемъ новаго массонства. Къ Египетской ложѣ въ Парижѣ, о которой они не имѣли ни малѣйшаго понятія, они, конечно, отнеслись бы съ той же сдержанностью и съ той же подозрительностью, какъ отнеслись уже къ ней другіе массоны Швейцаріи и Англии.

Желаніе графа быть представленнымъ монархинѣ русской проистекало изъ его наивныхъ надеждъ, что государыня разрѣшитъ ему основать нѣсколько массонскихъ ложъ въ ея обширной имперіи.

За то какъ медикъ, Калиостро имѣлъ громадный успѣхъ во всемъ городѣ, даже такой успѣхъ, которымъ онъ никогда не пользовался нигдѣ. И дѣйствительно, вслѣдствіе ли отсутствія хорошихъ врачей въ Петербургѣ и преобладанія еще знахарей и знахарокъ, съ знаменитымъ Ерофеичемъ во главѣ—всякому хорошему доктору не трудно было отличиться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря счастливой случайности, первые опыты практики Феникса въ столицѣ были поразительно удачны, и о нихъ поневолѣ заговорилъ весь городъ.

Послѣ излѣченія или, вѣрнѣе, изумительнаго исцѣленія княгини Голицыной, послѣ такого же невѣроятно искуснаго исцѣленія молодого кавалергарда Толстого, упавшаго съ лошади и разбившагося во время парада, слава медика-графа распространилась по городу какъ наводненіе, какъ вода, проникающая не только во всѣ отверстія, но даже и во всякую щель.

Съ утра передъ домомъ графа Феникса стояли десятки, иногда и сотни простонародья, приводившіе своихъ больныхъ и увѣчныхъ. Одновременно съ ними стояли ряды экипажей людей богатыхъ и зажиточныхъ, являвшихся тоже за совѣтомъ или за помощью, или съ благодарностью за излѣченіе.

Главное, что поражало петербуржцевъ и заставляло славить итальянскаго доктора-графа, было то удивительное обстоятельство, что за свои излѣченія онъ ни съ кого не бралъ ни гроша. Такъ думалъ и говорилъ весь городъ; въ дѣйстви-

тельности графъ Фениксъ бралъ деньги, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда очень богатые сановники и бояре привозили ему не менѣе двухъ, трехъ сотенъ червонцевъ. Суммы меньшія онъ не бралъ, объясняя, что онъ вообще денегъ за лѣченье не беретъ.

— Да и зачѣмъ мнѣ брать деньги, — все-таки прибавлялъ Каліостро, когда я, при помощи огня, углей и воды, при нѣсколькихъ сакраментальныхъ словахъ, могу сдѣлать столько слитковъ золота, сколько захочу.

Но если весь городъ вѣрилъ въ чудодѣйственнаго врача, то въ алхимика повѣрилъ только одинъ человѣкъ, извѣстный и всѣми почитаемый статсъ-секретарь государыни Елагинъ. Любя всякую таинственность и чертовщину, а съ другой стороны любя и презрѣнный металлъ, онъ увѣровалъ и въ алхимика Феникса всѣмъ сердцемъ.

Елагинъ, человѣкъ добрый, простодушный, недалекій, сталъ сразу обожать Каліостро, и не зря, не даромъ. Однажды магъ привезъ къ нему въ домъ большую склянку розовой воды, небольшую шкатулку съ углемъ и у него же въ кабинетѣ, въ его печкѣ, при какомъ-то синеватомъ освѣщеніи во всей комнатѣ, въ фантастическомъ нарядѣ, приступилъ къ священнодѣйствию. При громкомъ произнесеніи заклятій, отъ которыхъ у добраго Елагина душа въ пятки ушла, таинственный человѣкъ этотъ обратилъ эти угли въ два большихъ слитка чистѣйшаго червоннаго золота и подарилъ ихъ Елагину.

Сановникъ, любимецъ императрицы, стѣснялся принять такого рода подарокъ, но Каліостро смѣялся въ отвѣтъ, увѣряя своего русскаго друга, что для него золото то же, что простой мусоръ, валяющийся по улицамъ.

— Я даю вамъ то, что для меня не имѣетъ никакой цѣны, сказала графъ Фениксъ. А если вы хотите отблагодарить меня, то вы имѣете на это данныя. Выхлопочите мнѣ ауденцію у русской монархини.

Разумѣется, Елагинъ, объѣхавъ весь Петербургъ со своими слитками золота, добытыми въ его же печкѣ, многихъ изъ знакомыхъ изумилъ своимъ рассказомъ, но многихъ и вдоволь потѣшилъ.

Явившись со шкатулкой и съ такимъ же рассказомъ къ государынѣ, Елагинъ доставилъ императрицѣ цѣлый часъ такого удовольствія, такого веселаго смѣха, послѣ котораго

трудно уже было и заикнуться о просьбѣ итальянскаго графа быть представленнымъ императрицѣ.

Государыня, разглядывая слитки золота, спрашивала, какъ волшебникъ лазалъ въ печку, какъ вызывалъ нечистую силу, освѣщенный какъ-бы сѣвернымъ сіяніемъ, и хохотала до слезъ.

Елагинъ вышелъ изъ кабинета царицы не рѣшившись и заикнуться о желаніи этого мага быть представленнымъ Екатеринѣ.

Графъ сильно приунылъ. Тайно, въ глубинѣ души, онъ оправдывалъ императрицу и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, повѣрилъ, что репутація на всю Европу ея высокаго ума не подлежитъ сомнѣнію. Однако, настойчивый сицилианецъ все-таки не отчаявался. Была въ Петербургѣ еще одна личность могущественнѣе Елагина, на которую графъ могъ рассчитывать.

Вскорѣ послѣ своего приѣзда, Калиостро далъ приказаніе Лоренцѣ пустить въ ходъ все свое женское искусство красавицы и кокетки, по отношенію къ властному русскому боярину Потемкину. И теперь Лоренца, если и видалась съ Потемкинымъ гораздо рѣже, чѣмъ Иоанна съ Самойловымъ, тѣмъ не менѣе была съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Потемкинъ заплатилъ дань красавицѣ. Онъ тѣмъ легче былъ очарованъ Лоренцею, что она, по примѣру своего мужа и даже по его строжайшему приказанію, ни разу не взяла отъ Потемкина не только денегъ, но не приняла даже ни единого подарка. Даже простой браслетъ, въ сотню червонцевъ цѣною, и тотъ Лоренца отказалась взять. А вмѣстѣ съ тѣмъ она удивляла Потемкина тѣми брилліантами, которые носила. Она не привезла Потемкину въ подарокъ слитковъ золота, подобно своему мужу, но потребовала, чтобы онъ принялъ отъ нея въ подарокъ великолѣпный перстень, съ замѣчательнымъ, многоцѣннымъ сапфиромъ. Передавая этотъ перстень женѣ, Калиостро шутя прибавилъ:

— А уплату за него, милая Лоренца, мы все-таки получимъ... Да и за все заставимъ заплатить. Но уже послѣ, при отъѣздѣ...

XIX.

Наконецъ дѣла Алексѣя пошли на ладъ, но только совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ и ожидалъ. Ладилось то именно, на что наименѣе было надежды, и не клеилось то, что было заранѣе поставлено главной цѣлью его прибытія въ Россію.

Побывавъ, наконецъ, съ разрѣшенія графини Зарубовской, у старика-дѣда, Алексѣй былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ. Онъ нашель, дѣйствительно, не хвораго и хилаго человѣка преклонныхъ лѣтъ, но просто едва живую развалину. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что совершенно одряхлѣвшій и выжившій изъ ума старикъ, даже отчасти измѣнившійся нравомъ, робкій и боязливый, трепещущій предъ своей молодой женой какъ малый ребенокъ—теперь ужъ не способенъ дѣйствовать въ какомъ-либо дѣлѣ, соглашаться или противиться. Онъ былъ именно, по мѣткому русскому выраженію дворецкаго,—живой мертвецъ.

Разсчитывать на перемѣну образа мыслей, на согласіе и помощь самой Софьи Осиповны, было, конечно, бессмысленно.

Послѣ продолжительной бесѣды съ графиней, Алексѣй убѣдился, что если не полное дѣтство, въ которое впаль старикъ-дѣдъ, то молодая жестокосердая женщина снова бы заставила Зарубовскаго, воспользовавшись своимъ значеніемъ и связями, опять засадить этого врага, ихъ сына въ крѣпость. Но теперь графа нельзя было заставить дѣйствовать.

Много наслушавшись въ Петербургѣ всякихъ разсказовъ о русской монархинѣ, Алексѣй додумался до рѣшенія попытать счастья, дѣйствовать самому, на свой страхъ.

Алексѣй отправился въ Царское Село и храбро сталъ на томъ мѣстѣ парка, гдѣ прогуливалась по утрамъ императрица. При ея приближеніи, онъ опустился на колѣни и подаль просьбу, въ которой подробно описывалъ всю свою злосчастную судьбу, а къ просьбѣ было приложено и письмо Маріи Антуанеты. Красивое лицо Алексѣя, изящная фигура, французскій языкъ его, затѣмъ правильное произношеніе нѣмецкой рѣчи не только произвели пріятное впечатлѣніе на государыню, но даже особенно подѣйствовали на нее.

Остановившись среди прерванной прогулки, приказавъ молодому человѣку подняться, государыня общала въ тотъ же день познакомиться съ дѣломъ и стала бесѣдовать съ Алексѣемъ, поочередно мѣняя всѣ три языка.

Алексѣй на словахъ и, конечно, какъ можно болѣе кратко, сказалъ, въ чемъ дѣло, кто онъ, откуда, о чемъ просить, и государыня милостиво вымолвила:

— Съ дѣломъ познакомлюсь. Что-то, помнится, слышала о васъ. Если правъ, то заступлюсь. Сдѣлаю, что можно.

Черезъ три дня Алексѣй былъ вызванъ къ князю Потем-

кину и тотъ, не смотря на свою гордость, принялъ Алексѣя вѣжливо, хотя немножко холодно.

Во время бесѣды Потемкинъ вглядывался въ Алексѣя такимъ пронизательнымъ, пронизывающимъ насквозь взглядомъ своего единственнаго глаза, что Алексѣю становилось какъ-то жутко.

Черезъ нѣсколько мгновеній вѣжливая, но сухая рѣчь Потемкина оборвалась, измѣнилась и съ разу перешла въ добродушную, ласковую бесѣду.

Алексѣй не могъ понять причины этой мгновенной перемены, но она была очевидна.

Потемкинъ передалъ молодому человеку, что государыня ознакомилась съ его просьбою и съ письмомъ королевы. Относительно перваго она не можетъ дать никакого удовлетворенія. Коль скоро самъ графъ Зарубовскій, по свидѣтельству своихъ приближенныхъ и прислуги, считаетъ господина Норича подкинутымъ младенцемъ, то государыня не можетъ заставить его перемѣнить мнѣнїе, заставить его назвать господина Норича графомъ Зарубовскимъ. А разслѣдовать дѣло, назначить судейскую комиссію не изъ подъячихъ, а изъ сановниковъ, для разбирательства того, что якобы произошло слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, было, по мнѣнію монархини, совершенно невысказаннымъ и бесполезнымъ.

Что касается до письма королевы, то государыня милостиво пожалуетъ господина Норича въ званіе поручика лейб-гусарскаго эскадрона, недавно сформированнаго. Но съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы господинъ Норичъ не оставался въ Петербургѣ и не пользовался этимъ чиномъ въ предѣлахъ Россіи. Такими чинами гвардіи пользуются заслуженные и пожилые генералы...

— Если вы желаете имѣть патентъ на этотъ чинъ, прибавилъ Потемкинъ, то вы должны обязаться не жить въ Россіи.

— Я согласенъ, отозвался Алексѣй, и благодарю... Но, насколько мнѣ помнится, королева пишетъ государынѣ—оказать мнѣ милость, дать придворное званіе.

— Да... сухо отозвался Потемкинъ. И это возможно. Если даже государыня не согласится съ перваго раза, то я, лично—и на слово „я“ Потемкинъ налегъ,—я лично общаю вамъ устроить это дѣло... Но, опять-таки, если вы мнѣ дадите ваше слово тотчасъ покинуть Россію.

— Я уѣду тотчасъ же и никогда не вернусь! поспѣшилъ отвѣтить Алексѣй.

Въ голосѣ его было столько правды, искренности, столько радости прозвучало въ его словахъ, что Потемкинъ снова, пронизывая его взглядомъ, немножко какъ бы удивился.

— Такъ вы не предполагали, не желали оставаться въ Россіи?

— Никогда, воскликнулъ Алексѣй. Я не могу, я не хочу оставаться здѣсь!.. Даже во Франціи я не останусь на жительство. Я женюсь на испанкѣ и по всей вѣроятности проживу свой вѣкъ на югѣ Андалузій.

— О!.. воскликнулъ Потемкинъ, весело расхохотавшись. Все будетъ устроено, мой милый другъ!.. ласково выговоришь онъ и, крѣпко пожавъ своей мощной и богатырской ладонью руку молодого человѣка, прибавилъ:

— Если вы собираетесь сдѣлаться гишпанцемъ, то я вамъ все устрою... А я думалъ, вы хотите дерзкимъ образомъ, понадѣясь на себя, пролѣзть у насъ въ русскіе сановники. Обида мнѣ, молодой человѣкъ, что не могу я и титулъ графа Зарубовскаго вамъ устроить!.. А все-таки я, можетъ быть, съѣзжу къ графинѣ Софьѣ Осиповнѣ... Скажу вамъ откровенно, что дѣло это, т. е. ваше заключеніе, много говору и шуму когда-то надѣлало. Сама государыня была тогда возмущена поступкомъ вашего дѣда, но дѣлать было нечего. Но мы, по примѣру нашей мудрой монархини, вѣрили, да и теперь вѣримъ, что вы жертва корысти вашей бабушки-мачехи... Софья Осиповна кремень-баба!..

Алексѣй вышелъ отъ Потемкина почти довольный. Негромкое имя Норича, соединенное съ придворнымъ знаніемъ двора императрицы російской и съ патентомъ на званіе офицера гвардіи, должно было удовлетворить честолюбію старой маркизы Ангустіасъ.

Черезъ нѣсколько дней Алексѣй узналъ черезъ Лоренцу, что Потемкинъ побывалъ у графини Зарубовской по какому-то дѣлу и потомъ бранилъ ее.

Послѣ относительной удачи въ своемъ дѣлѣ, отъ которой стали гораздо веселѣе и Лиза и Эли, Алексѣй, однажды вечеромъ, будучи у Каліостро, объявилъ, въ присутствіи графини Ламоть, что готовъ даже удовольствоваться тѣмъ, что выхлопоталъ себѣ, и ѣхать изъ Россіи.

Каліостро и графиня Ламоть были равно поражены этимъ

объясненіемъ и объявили молодому человѣку, что если онъ пригласилъ ихъ сюда, въ Россію, для помощи въ своемъ дѣлѣ, то не имѣетъ права теперь бросать предпріятіе и бѣжать, не дождавшись никакого результата.

— Не забудьте, мой юный другъ, вымолвилъ Калиостро, что вы мнѣ обѣщали, то-есть предлагали, въ случаѣ успѣха въ Россіи, часть состоянія, которое можете получить.

— Что жъ вамъ деньги, когда вы можете изъ угля и воды... началъ было Алексѣй совершенно серьезно.

— Оставьте шутки? строго прервалъ его Калиостро.

— Да вообще это нелѣпость, ѣхать чрезъ всю Европу, чтобы получить чинъ поручика и этимъ удовольствоваться? заговорила Іоанна.

И графиня, особенно взволнованная, объявила Алексѣю, что не далѣе какъ черезъ недѣли двѣ старый графъ съ женою подадутъ просьбу императрицѣ, въ которой скажутъ, что признаютъ Алексѣя снова своимъ внукомъ. Они будутъ просить прощенья государыни и у него самаго за сдѣланную несправедливость, такъ какъ показаніе супруговъ Норичей оказалось злодѣйской клеветой, голой ложью, выдумкой, несправедливой относительно Алексѣя и позорной для нихъ самихъ.

— Достаточно ли этого съ васъ? Или вы мнѣ не вѣрите? воскликнула Іоанна.

— Не знаю... отозвался растерявшійся и пораженный Алексѣй. Но какъ?.. Почему?.. Какимъ образомъ?..

— Все это не ваше дѣло! сухо выговорила Іоанна. Вы въ этихъ дѣлахъ сущій ребенокъ, съ вами я не стану входить въ откровенности. Вы судите о многихъ вещахъ какъ-то по-своему, по-ребячьи.... Повторяю вамъ: черезъ какой-нибудь мѣсяць вы будете снова по закону графъ Зарубовскій и собственникъ половины всего состоянія. Сама Софья Осиповна будетъ изъ силъ выбиваться и хлопотать, чтобы это совершилось законнымъ порядкомъ. Я знаю это изъ вѣрнѣйшаго источника, отъ близкихъ къ графинѣ Зарубовской людей. Повторяю: чрезъ мѣсяць вы—графъ Зарубовскій и богачъ!.. Поняли?

Алексѣй молчалъ. Онъ стоялъ пораженный. Не смотря на свою неприязнь къ этой женщинѣ, онъ все-таки вѣрилъ теперь всему, что она сказала.

XX.

Пока Алексѣй устраивалъ свои дѣла, въ домѣ стараго графа было много новаго.

Дальнѣй родственникъ Софьи Осиповны, никогда у нихъ не бывшій прежде, явился однажды вновь и сталъ особенно любезничать и ухаживать за молодой графиней, въ шутку величая ее „тетушкой“.

Графиня поддавалась на это ухаживаніе молодого и красиваго гвардейца, который былъ никто иной, какъ князь Самойловъ.

Черезъ нѣсколько времени новѣй ухаживатель сталъ просить „тетушку“ принять у себя чужеземку, прїѣхавшую въ Петербургъ, которая очень скучаетъ, а съ другой стороны—стремится познакомиться съ графиней, объ умѣ которой много слышала.

— Я ей такъ васъ превозношу всегда, что она теперь спитъ и видитъ сблизиться съ вами! объяснилъ Самойловъ.

Графиня, конечно, польщенная, согласилась съ удовольствіемъ. Баронесса д'Имеръ появилась въ домѣ, а черезъ три дня начала уже бывать у графини за-просто. Черезъ недѣлю она была знакома и со старымъ, еле живымъ нелюдимымъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Вскорѣ, по ея рекомендаціи, графиня взяла въ домъ къ своему обожаемому младенцу-сыну французскую бонну, которая сдѣлалась главной начальницей надъ всѣми мамушками и нянюшками.

Далѣе главная и любимая няня старая Кондратьевна была совсѣмъ отстранена отъ ребенка и всѣ ея козни и подкопы противъ „бонки“ и „французеньки“ не привели ни къ чему.

Графиня не могла нахвалиться ухаживаньемъ за ребенкомъ, кротостью и внимательностью бонны, мадамъ Розы. Бонна постепенно совсѣмъ отдалила всѣхъ отъ младенца—„графичка“—и нянекъ, и дѣвушекъ. Все она дѣлала сама, спала около кровати своего „cher Gricha“, и когда этотъ Гриша заплачетъ, кидалась къ нему со всѣхъ ногъ, какъ угорѣлая. Много разъ графиня благодарила баронессу за такую няню.

Знакомство Юанны съ Софьей Осиповной перешло въ тѣсную дружбу. Нельзя было не прельститься этой красивой, элегантною, отстроумною и любезною парижанкой. Да и ея общественное положеніе тамъ, въ Парижѣ, было, конечно,

выше положенія графини Зарубовской въ Петербургѣ. Баронесса д'Имеръ была, по ея собственнымъ словамъ, другомъ королевы Маріи Антуанеты и даже теперь съ нею была въ перепискѣ. Софья Осиповна была польщена.

Но вдругъ появилась тревожная забота у графини. Ребенокъ заболѣлъ... Призванные два доктора объяснили, что болѣзнь, собственно говоря, нѣтъ.

— Это пустяки. У дѣтей мало ли что бываетъ. Вѣрно, зубки рѣжутся!

Графиня безпокоилась и заявляла, что у Гриши давно весь ротъ полонъ зубовъ.

— Ну, умный зубъ рѣжется! заявлялъ домашній докторъ.

Ребенку стало было лучше, потомъ опять много хуже, и наконецъ онъ совсѣмъ слегъ. Доктора только разводили руками и объясняли зубками. Жаръ, метаніе, высокій пульсъ, или спячка, вялость и упадокъ силъ—все это чередовалось, а доктора все пичкали Гришу всякими снадобьями и говорили, что, можетъ быть, вотъ:

— Прорѣжется умный или глазной зубъ, и все пройдетъ.

Роза окончательно измучилась съ больнымъ.

Однажды новый другъ дома, баронесса, явилась и, узнавъ, что *le cher petit Gricha* опять очень плохъ, замѣтила графинѣ, почему она не хочетъ обратиться за совѣтомъ къ медику, который своими чудодѣйственными исцѣленіями привелъ въ восторгъ весь городъ,—пріѣзжему иностранцу, къ графу Фениксу.

— Конечно, я бы очень рада, но я его не знаю, сказала графиня. Какъ его звать изъ за пустяковъ, когда онъ не медикъ за деньги, а изъ любезности и челоуѣколюбія.

— Я вамъ это устрою! вызвалась баронесса д'Имеръ. Я съ нимъ не знакома, но встрѣчала его жену. Я поѣду къ ней, а черезъ нее устрою все. Графъ Фениксъ самъ явится къ вамъ, если онъ такъ любезенъ, какъ говорятъ.

Черезъ два дня графъ Фениксъ былъ въ домѣ Зарубовскаго и внимательно осматривалъ больного ребенка. Затѣмъ онъ заявилъ графинѣ, что болѣзнь очень опасная, почти неизлѣчимая въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находится дитя.

— Нуженъ правильный уходъ и правильное лѣченіе. Надо бы ему быть въ больницѣ, а не дома.

— Почему же? спросила Софья Осиповна.

— Нужно систематическое лѣченье, графиня, заявилъ Фе-

никсѣ. Я могу, конечно, вылѣчить ребенка, но для этого необходимо мнѣ постоянно имѣть его подъ глазами, видать его каждый часъ, разъ двадцать на день, чтобы слѣдить неустанно за дѣйствиємъ моихъ лѣкарствъ. Бѣдить же къ вамъ такъ часто я не могу.

— Помогите хоть чѣмъ - нибудь. Лѣчите и навѣщайте ребенка хоть разъ въ два дня, сказала баронесса д'Имеръ, присутствовавшая при визитѣ мага и врача.

— Такъ ничего не будетъ! отозвался Каліостро-Фениксъ. Я положительно лѣчить отказываюсь при такихъ условіяхъ.

— Что же дѣлать? воскликнула графиня Софья Осиповна.

— Дайте его ко мнѣ въ домъ и я берусь его вылѣчить. Но съ тѣмъ, чтобы вы не навѣщали его.

Графиня разумѣется и слышать не хотѣла о томъ, чтобы разстаться съ единственнымъ сыномъ да еще и не видѣть его.

Фениксъ уѣхалъ. А съ слѣдующаго дня ребенку стало много хуже... Онъ не узнавалъ никого, бредилъ и стоналъ.

— Побойтесь Бога, графиня... Согласитесь на предложеніе Феникса! уговаривала Іоанна своего друга.

— Спасите бѣднаго Gricha, плакала его бонна Роза. Согласитесь отпустить насъ въ домъ этого итальянскаго доктора. Я не отойду и тамъ отъ ребенка ни на шагъ. Графиня въ отчаяніи и страхѣ не выдержала и согласилась.

Фениксъ пріѣхалъ и перевезъ къ себѣ и больного и его бонну, положительно обѣщая, что чрезъ недѣлю возвратится съ совершенно здоровымъ ребенкомъ. Баронессѣ д'Имеръ, какъ постороннему лицу, онъ позволилъ видать у него ребенка, чтобы извѣщать его мать о ходѣ болѣзни и лѣченія.

Графиня, разумѣется, была въ страшной тревогѣ и, какъ говорится, сама не своя—но со втораго же дня Іоанна, навѣстившая Гришу, сама привезла хорошія вѣсти. Чрезъ два дня еще Гриша, по ея словамъ, былъ почти совершенно оправившись, только графъ Фениксъ, заподозрѣвъ бонну въ противодѣйствіи его указаніямъ, отправилъ ее.

— Розу? воскликнула графиня.

— Да. Мнѣ это тоже очень непріятно, сказала Іоанна, и я считаю, что это бессмысленный капризъ медика.

— Стало быть, Гриша одинъ! Одинъ! Безъ няни! восклицала графиня въ отчаяніи.

— Успокойтесь. Около него двѣ няни. Одна русская, дру-

гая итальянка, и уходъ отличный. Но мнѣ жаль Розу, которая страшно огорчена и оскорблена. Она была у меня...

— Гдѣ же она. Зачѣмъ же она не пришла ко мнѣ.

— Она и не придетъ. Ей стыдно васъ и всѣхъ вашихъ людей. Она сказала, что сегодня же уходитъ совсѣмъ изъ страны, гдѣ подвергаются такимъ незаслуженнымъ оскорбленіямъ.

— Уговорите ее, милая баронесса. Пришлите ко мнѣ. Какъ только Фениксъ привезетъ мнѣ Гришу—я ее опять возьму.

— Обѣщать не могу, отвѣтила Іоанна. Она самолюбива. Да, вѣроятно она ужъ и выѣхала изъ Петербурга.

Прошло дней десять, ребенокъ по словамъ баронессы д'Имеръ поправился окончательно и графъ Фениксъ уже собирался привезти его къ матери. Графиня радовалась и нетерпѣливо ждала этого дня, тѣмъ болѣе, что старый мужъ начиналъ уже страшно тосковать, не видя любимца сына. Онъ жаловался, плакался и брюзжалъ по цѣлымъ днямъ, упрекая жену первый разъ въ жизни въ безсердечности и безразсудствѣ.

— Какъ можно? Какъ можно?! тоскливо ворчалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Чужому человѣку свое дитя препоручить. А еще мать?

Объяснять старому мужу всю безвыходность и беспомощность положенія, въ которомъ была она—конечно не стоило. Софья Осиповна отмалчивалась и только разъ отгрызнулась на мужа.

— А лучше было бы, еслибы онъ—Христось съ нимъ—померъ. Вѣдь ужъ онъ помирать! А этотъ Фениксъ брался вылѣчить, но съ условіемъ—на дому. Что же по вашему. Надо было оставить умирать единственнаго сына?

Вскорѣ однако это мученье кончилось, Іоанна пріѣхала и объявила, что Фениксъ будетъ съ ребенкомъ въ тотъ же вечеръ.

— Онъ просилъ только васъ предупредить, замѣтила графиня д'Имеръ, чтобы вы не тревожились, что у Гриши все личико высыпало. Это дня въ три пройдетъ.

XXI.

Дѣла Алексѣя, наконецъ, увѣнчались если не полнымъ, то большимъ и неожиданнымъ успѣхомъ. Любимецъ королевы Маріи Антуанеты и мушкатеръ ея конвоя—сталъ поручикомъ русской гвардіи.

Князь Потемкинъ поздравилъ молодого человѣка, но совѣтовалъ тотчасъ выѣзжать изъ Россіи, чтобы не навлечь на себя непріятностей отъ завидующихъ ему лицъ.

— А таковыя есть, мой другъ, сказалъ загадочно Потемкинъ. Собирайтесь по-добру по-здорову, безъ проволочекъ. Что вамъ тутъ у насъ дѣлать?

— Я выѣду немедленно! отозвался Алексѣй.

Откланявшись князю, Алексѣй отправился къ Калиостро и объявилъ, какъ о своемъ успѣхѣ, такъ и о предполагаемомъ отъѣздѣ.

— Нѣтъ, любезнѣйшій Норичъ, воскликнулъ кудесникъ. Это немислимо. Вамъ надо обождать.

— Зачѣмъ? Какая цѣль? У меня теперь все, что я могъ и могу получить. Остальное невозможно...

— Пріѣзжайте ввечеру ко мнѣ, сказалъ Калиостро, помолчавъ. Будетъ графиня Ламоть и мы вмѣстѣ все дѣло обсудимъ. Она больше меня знаетъ, въ какомъ положеніи все дѣло, такъ какъ она часто видитъ вашихъ враговъ.

— Графиня? удивился Алексѣй. Она часто видаеть... Кого?

— Графа Зарубовскаго и графиню, его супругу. Онѣ давно знакомы.

Алексѣй, не бывавшій ни разу за все послѣднее время въ домѣ дѣда, не могъ этого знать и былъ теперь чрезвычайно удивленъ. Вечеромъ онъ, конечно, пріѣхалъ къ Калиостро и нашель у него Іоанну.

Графиня была нѣсколько взволнована и стала убѣждать Алексѣя не портить своихъ дѣлъ и не слушаться Потемкина.

— Все идетъ на ладъ! начала Іоанна и затѣмъ говорила довольно долго, при этомъ быстро, раздражительно, даже отчасти гнѣвно... Но однако, она говорила не ясно, избѣгая подробностей, объясняясь общими мѣстами и ограничиваясь обѣщаніями.

— Но какъ все это устроится? Вы мнѣ этого не говорите, замѣтилъ Алексѣй. Какъ? Какимъ образомъ? Въ силу какихъ обстоятельствъ?

— Я вамъ отвѣчаю головой за успѣхъ и съ васъ должно быть достаточно! вымолвила Іоанна уклончиво.

Наступило молчаніе и длилось довольно долго.

— И такъ, я надѣюсь, что вы подождете какой-нибудь мѣсяць? утрюмо произнесъ, наконецъ, Калиостро послѣ паузы,

подождете, чтобы вы́хать изъ Россіи богачемъ и Зарубовскимъ.

— Конечно... пролепеталь Алексѣй, какъ провинившійся школьникъ. Но какъ?.. Какимъ образомъ? произнесъ онъ снова, какъ бы уже самъ себѣ.

— Этого ни я, ни графиня вамъ не скажемъ, холодно проговорилъ Каліостро. Это до васъ не касается. Мы ваши ходатаи и ведемъ дѣла за васъ. А плоды нашихъ усилій и трудовъ мы вамъ представимъ.

— Когда вы узнаете въ чемъ дѣло, заговорила Іоанна, то вы будете, конечно, настолько благоразумны, что не сдѣлаете какой-нибудь — я не знаю... Какой-нибудь умышенной неосторожности и не испортите того дѣла, за которое мы взяли по вашей же просьбѣ... Да, наконецъ, прибавила графиня, помолчавъ, если вы тогда станете вести себя нелѣпо, то тѣмъ хуже для васъ. Имя графа Зарубовскаго останется брошенное, какъ бы среди дороги, а состояніе, т. е. часть денегъ получимъ мы себѣ, графъ и я, прямо изъ рукъ стараго графа.

— Я ничего не понимаю, отозвался Алексѣй. Какимъ образомъ вы можете вступить въ права наслѣдства помимо меня?.. Я боюсь, что вы дѣлаете нѣчто, чего мнѣ нельзя сообщить, ибо я не дамъ на это свое согласіе... Я давно подозрѣвалъ это, а теперь убѣждаюсь. Вы что-то здѣсь творите... Именно вы, графиня...

— Да... Разумѣется!.. рѣзко произнесла Іоанна, вспыхнувъ и даже вскочивъ съ кресла. Разумѣется!.. Что жъ вы воображали? Вы думали, что мы въ этомъ глупомъ и скучномъ городѣ наслаждаемся, веселимся въ обществѣ и теряемъ время, какъ вы, въ нерѣшительности или праздности. Конечно, мы добивались цѣли... И если ужъ пошло на правду и на объясненіе, то скажу вамъ прямо, что когда наступитъ минута получить при извѣстныхъ условіяхъ или обстоятельствахъ и титуль и имя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе, я приду къ вамъ и спрошу у васъ: согласны ли вы? да, или нѣтъ!.. Если вы мнѣ отвѣтите „нѣтъ“, вы должны будете немедленно вы́хать изъ Петербурга при соблюденіи полного молчанія насчетъ всего, что вы узнаете. Если вы отвѣтите это „нѣтъ“ и вздумаете дѣлать огласку, чтобы сильно повредить намъ, то знайте: вы въ моихъ рукахъ, въ полной моей власти. Я скажу слово, и здѣшнее правительство...

Юанна хотѣла продолжать, когда замѣтила, что Калиостро дѣлаетъ ей знаки.

— Полноте!.. Полноте!.. воскликнулъ Калиостро. Намъ не надо, нельзя ссориться... Перестаньте!.. Вы, Норичъ, должны быть благодарны графинѣ. Она изъ-за васъ безвыходно сидитъ вотъ уже двѣ недѣли со старымъ глупцомъ Зарубовскимъ, запахиваетъ на немъ халатъ, подаетъ ему какую-то кашицу и какое-то пойло здѣшнихъ докторовъ. И графъ ее обожаетъ! Все это для васъ.. вмѣстѣ съ этимъ, баронесса д'Имеръ первый другъ графини Зарубовской, нянчается постоянно съ ея младенцемъ, тупоумнымъ, кстати сказать, и отъ природы, и отъ болѣзни. И все это—ради васъ. А вы ничего этого не цѣните!..

Алексѣй былъ окончательно сраженъ. Онъ никогда и не предполагалъ возможности ничего подобнаго. Онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ, слыша теперь, что Юанна сдѣлалась лучшимъ другомъ его стараго дѣда, выжившаго изъ ума, и близкимъ другомъ неприступной и себялюбивой женщины. Онъ молчалъ и соображалъ, вспоминая все, что сейчасъ слышалъ отъ Юанны, и старался разгадать то, чего она не хотѣла до-сказать.

Эта подозрительная и странная женщина обворожила Зарубовскихъ и теперь твердо и самоувѣренно обѣщаетъ все устроить... Но какъ? Не изъ любви же къ ней молодая графиня согласится на то, въ чемъ не взялась уговорить ее сама государыня.

— Странно! прошептала Алексѣй вслухъ. Я увѣренъ, что тутъ кроется что-то особенное и даже, быть можетъ, что-нибудь ужасное!.. Наконецъ, можетъ быть, что-нибудь относительно ребенка, съ которымъ вы...

Онъ не договорилъ и всталъ.

Видя, что онъ собирается уходить, Калиостро сдѣлалъ незамѣтный знакъ Юаннѣ. Молодая женщина, снова сильно взволнованная, встала предъ Алексѣемъ и, загораживая ему выходную дверь, произнесла, сверкая глазами:

— Господинъ Норичъ! Помните одно... Хорошо помните: со мной шутить никто не можетъ, тѣмъ болѣе такой младенецъ, какъ вы. Я вмѣстѣ съ графомъ Калиостро взялась за ваше дѣло, проѣхала всю Европу, теперь неуспѣшно дѣйствую. Я уже приближаюсь къ цѣли, ожидая успѣха. Я выбиваюсь изъ силъ исключительно потому—говорю вамъ это прямо—

что надѣюсь получить отъ васъ крупную сумму изъ того полумилліона, который получите вы. Такую же сумму или большую вы предложите, конечно, графу. Если же вы не согласитесь воспользоваться плодами нашихъ трудовъ, то уѣзжайте, не дѣлайте огласки, а мы вмѣсто васъ получимъ это состояніе... Тѣмъ лучше для насъ. Если же... и вотъ это послѣднее я прошу васъ помнить... вы надѣлаете шуму, захотите губить обоихъ насъ на чужбинѣ, то даю вамъ честное слово графини Ламоть, которому она никогда за всю свою жизнь не измѣняла, что вы будете жестоко наказаны. Вы будете мною преданы въ руки здѣшняго правительства, на его праву.

— Угрозы, графиня, да еще такихъ глупыхъ, я не боюсь—спокойно отозвался Алексѣй,—и впередъ говорю вамъ, что если вы добудете мнѣ то, о чемъ я давно мечтаю, честнымъ образомъ, то я поблагодарю васъ. Если нечестно—я откажусь ото всего. Стану ли я дѣйствовать противъ васъ—я не знаю, обѣщать не могу ничего. Я не знаю, что вы дѣлаете! Когда узнаю, тогда и буду знать, что мнѣ дѣлать.

Алексѣй быстро вышелъ и, вернувшись домой, передалъ, конечно, все подробно невѣстѣ и сестрѣ. Дѣвушки были въ восторгѣ и стали обо всемъ спрашивать молодого человѣка, а затѣмъ стали, какъ часто бывало, краснорѣчиво доказывать ему, что графиня Ламоть вовсе не такая ужасная женщина, какъ онъ думаетъ, и нечего безъ всякаго основанія подозревать ее въ совершенно гадкихъ поступкахъ.

XXII.

Наконецъ графиня Софья Осиповна успокоилась и утѣшилась. Ея Гриша былъ снова въ своей дѣтской окруженъ мамушками. Одно смущало всѣхъ и въ особенности графиню, что лицо ребенка и все тѣло было покрыто багровыми пятнами и сыпью. Въ особенности было безобразно до неузнаваемости лицо маленькаго Гриши.

Графъ Фениксъ привезъ ребенка вечеромъ въ каретѣ закутаннаго и потребовалъ, чтобы его держали по крайней мѣрѣ недѣлю въ совершенно темной комнатѣ, такъ какъ эта сыпь, по его мнѣнію, могла поразить глаза и причинить, пожалуй, потерю зрѣнія.

— Но отчего, откуда эта сыпь? все такъ тревожно добивалась графиня.

Медикъ и магъ объяснили, что, если бы эта сыпь не появилась, то ребенокъ былъ бы уже на томъ свѣтѣ. За тѣмъ онъ и взялъ его къ себѣ на излѣченіе, чтобы упорными заботами и хлопотами вызвать эту сыпь.

Холодно и отчасти иронически отказавшись отъ всякаго вознагражденія, врачъ и кудесникъ уѣхалъ, повторяя настоятельную просьбу о темнотѣ въ комнатѣ ребенка.

— Я ужъ не рада, что вамъ совѣтовала обратиться къ этому итальянцу! замѣтила графиня послѣ его отъѣзда баронессѣ д'Имеръ. Онъ обезобразилъ ребенка.

— Авось скоро пройдетъ, говорила графиня. Подумайте, вѣдь онъ былъ при смерти. Развѣ можно было колебаться. Напротивъ, я благодарна вамъ за совѣтъ.

— Мнѣ онъ ужасно не нравится. Странное лице.

— Кто... Гриша?..

— Какой Гриша. Богъ съ вами! разсмѣялась баронесса. Я говорю про этого Феникса. Мнѣ кажется, онъ шарлатанъ и авантюристъ.

— Однако денегъ онъ не взялъ, замѣтила графиня.

— Что же изъ этого... Но вѣдь имя его Каліостро, зачѣмъ же онъ называетъ себя графомъ Фениксомъ.

— Онъ не скрываетъ этого... замѣтила графиня, всѣ это знаютъ. Но просто ради этикета инкогнито путешествующаго аристократа.

— Какой онъ аристократъ, графиня. Пари держу, что онъ плебей, воскликнула Иоанна. Однимъ словомъ онъ мнѣ ужасно не по душѣ. Слава Богу, что вы съ нимъ развязались на вѣки вѣчные.

— Да. Но другое дѣло! улыбнулась графиня. Авось намъ не придется болѣе къ нему обращаться.

Прошло дня три. Домашній и давнишній докторъ Зарубовскихъ, который всѣ болѣзни Гриши приписывалъ зубкамъ, снова былъ допущенъ къ ребенку. Онъ тоже ахалъ, разглядывая въ полутемной горницѣ лицо младенца.

— Да онъ его просто вымазалъ чѣмъ-то, думалъ докторъ. Это не сыпь, явившаяся сама собой, а сыпь, вызванная втираньемъ. Ну ужъ итальянскіе эскулапы. Я ему пса не далъ бы на лѣченіе. И ничего не говоря самой графинѣ, а тайно уговарясь съ главной мамушкой, Кондратьевной, докторъ

далъ ребенку примочку, чтобъ избавить скорѣе отъ этой сыпи.

Кондратьевна и другія няньки, снова допущенныя ходить за „графчикомъ“, были въ восторгѣ. Уже почти мѣсяцъ цѣлый не видали они своего Гришинуку, такъ какъ мадамъ Роза почти не впускала ихъ въ дѣтскую, а тѣмъ паче не позволяла прикоснуться къ младенцу.

— Спасибо этому тальянцу, что онъ хоть эту мадаму Розгу спровадилъ! говорили всѣ няньки и подняньки.

Благодаря усиліямъ доктора и Кондратьевны, на третій же день личико ребенка преобразилось, сыпь и пятна исчезли. Занавѣски на окнахъ, конечно, перестали закрывать плотно; не смотря на приказъ медика-мага, мамушки могли свободно радоваться на Гришу. Но всѣ онѣ стали дивиться теперь на своего графчика и на всѣ лады вздыхали. Отъ ухода за нимъ Розы, да и отъ лѣченія „тальянца“, мальчика просто узнать было нельзя—другой ребенокъ сталъ: лицомъ хоть гораздо полнѣе, да все выраженіе личика совсѣмъ не такое, какъ бывало прежде. Никогда онъ не глядѣлъ на нихъ такими дикими глазами. И тотъ, да не тотъ графчикъ.

Особенно было обидно Кондратьевнѣ, что, по милости найма Розы и долгой разлуки съ своимъ графчикомъ, теперь онъ не узнавалъ ее и дичился такъ же, какъ и всѣхъ.

Даже на мать свою онъ съ перваго же дня глядѣлъ дико и испуганно.

— Отвыкъ! Шутка ли, сколько времени не видалъ никого изъ своихъ.

Ребенокъ постоянно звалъ „маму“, но когда графиня являлась и наклонялась въ полутемнотѣ надъ его постелью, ребенокъ дико взглядывалъ и начиналъ плакать... Прошелъ еще день и однажды, вдругъ, около сумерекъ, Кондратьевна, сидя около занавѣшеннаго окошка въ дѣтской, глубоко задумалась, потомъ ахнула и перекрестилась.

— Помилуй Матерь Божья! Какое мнѣ навожденье приключилось! подумала она. Тѣфу!

Кондратьевна была взволнована; она сидѣла уже часа два около этого окна и, глубоко задумавшись, соображала. И вотъ послѣ долгихъ думъ, соображеній и воспоминаній о ребенкѣ, за которымъ она ходила со дня его рожденія до минуты найма мадамы Розы,—Кондратьевна ахнула на тѣ мысли, которыя ей пришли въ голову.

— Помилуй, Заступница! раза три еще перекрестилась Кондратьевна. Искушение врага человѣческаго! Эдакое въ голову лѣзеть? Даже ноги затряслись отъ этихъ моихъ мыслей.

Но врагъ человѣческій или вѣрнѣе здравый смыслъ и ясно-видящее мамкино сердце—подсказывали все свое и свое... Будто нашептывали нѣчто, отъ чего у старой няни ноги тряслись.

— А сѣмь-ко я погляжу графчикуво родимое пятнышко на бочкѣ подъ мышечкой! вдругъ пришло на умъ Кондратьевнѣ...

Она приперла дверь, раздвинула совѣмъ обѣ занавѣски на окнахъ и въ совершенно свѣтлой комнатѣ раскрыла ребенка на постели.

— Дай-ко я его разгляжу всего, сказала Кондратьевна.

И вдругъ, теперь, при свѣтѣ, пристально взглянувшись въ лицо младенца, Кондратьевна почувствовала, что ноги у ней подкосились совѣмъ.

Уже испуганно нагнулась она, повернула ребенка и подняла его рубашечку, чтобы найти хорошо ей знакомую и большую родинку. И обомлѣла няня...

Родинки не было!

Повернула она ребенка на другой бокъ... Оглядѣла всего, взглядѣлась опять въ лицо, очистившееся вполнѣ отъ сыпи и пятенъ и вдругъ...

Вдругъ Кондратьевна какъ стояла, такъ и повалилась на полъ...

— Матерь Божья... Помогите, родимые... Силы небесныя... Дѣвушки! Голубушки!..

Сначала Кондратьевна жалобно и перепуганно взмолилась и бормотала, заливаясь слезами, но наконецъ начала уже отчаянно кричать и звать на помощь.

Она не могла встать сама. Ноги у нея будто отнялись по самыя колѣни.

На крикъ няни наконецъ сбѣжались горничныя и, поднявъ ее, перевели на кровать рядомъ съ кроваткой младенца.

— Графинюшку! Графинюшку мнѣ! взмолилась Кондратьевна.

Побѣжали за Софьей Осиповной три дѣвушки и доложили, что мамушка Кондратьевна плоха, должно помирать собралась, и зоветъ барыню.

Графиня тотчасъ явилась и прежде всего пришла въ ужасъ, что въ дѣтской свѣтлехонько, не смотря на строгое указаніе графа Феникса.

— Графинюшка, голубушка... забормотала Кондратьевна... Прости меня окаянную, а я... Я, должно, ума рѣшилась... Глянь, поди, на него... на... На этого, на младенчика... Глянь...

— Что такое? Что ты?..

— Поди, родная, взгляди. Хорошенько взгляди, что тебѣ серденько подскажетъ... Пойдемъ. И я пойду.

— Упадете, нянюшка! заявила одна горничная.

— Ни-ни... Ноги очухались... Гляди, графинюшка. Гляди. Ну, что же? Что?..

Графиня между тѣмъ страшными глазами взглядывалась въ лицо ребенка, освѣщенное теперь въ первый разъ изъ двухъ оконъ, за которыми сіяло солнце.

— А родинку помнишь, графинюшка. Родинку?.. Говори, помнишь?

Но Софья Осиповна ничего не отвѣчала, она стояла мертвенно блѣдная, съ дрожащими посинѣлыми губами и вдругъ сразу безъ крику, безъ единого звука закачалась и, взмахнувъ руками надъ головой, повалилась на руки стоящихъ кругомъ нея горничныхъ. Едва, едва успѣли подхватить онѣ безчувственную, какъ трупъ, барыню.

Графиня, однако, тотчасъ же пришла въ себя и, бросившись снова къ постели ребенка, дико отчаянно закричала на весь домъ.

— Это не онъ! Это не онъ!..

— Подмѣнилъ! произнесъ кто-то роковое слово.

Софья Осиповна побѣжала стремглавъ къ своему мужу, но на порогѣ его комнаты вдругъ замерла.

— Нѣтъ. Это убьетъ его... прошептала она сама себѣ. Онъ не осилитъ такого... Господи! Что же это? За что наказуешь меня?

И вдругъ сразу Софья Осиповна вспомнила и отвѣтила себѣ мысленно по совѣсти:

— „За что? За него... За Алексѣя... За внука ея мужа. Вотъ за что!..“

Графиня упала на ближайшее кресло и глухо зарыдала, затыкая себѣ ротъ платкомъ, чтобы эти рыданья не достигли до ушей старика мужа.

— Подмѣнилъ! Подмѣнилъ!

Это слово повторялось всюду всѣми и весь большой домъ заходилъ ходуномъ...

Только одинъ графъ не зналъ ничего, а напротивъ ожидалъ, что возвращеннаго медикомъ сына принесутъ къ нему повидаться.

Многіе изъ стариковъ людей, дворецкій Макаръ Ильичъ, многіе нахлѣбники, и наконецъ всей дворнѣ ненавистные Норичи—всѣ побывали въ дѣтской, всѣхъ звала Кондратьевна.

— Идите. Смотрите, родимые... звала она. Не навожденіе ли какое? Можетъ, намъ сатана глаза отводить!

Но всѣ единогласно заявляли, поглядѣвъ на ребенка, что хотя „сходствіе малое“ и есть, „гдѣ же“ и „какъ можно“. Развѣ всѣмъ извѣстный махонькій графчикъ эдакій „изъ себя“ былъ.

— Ничего у него графчикова нѣту въ лицѣ, акромья малаго подобія въ черныхъ глазахъ. Да и они совсѣмъ не такіе и куда чернѣе. Этотъ скорѣе на какого тальянца смахиваетъ или на цыганенка.

Когда въ дѣтской никого не осталось, кромѣ одной Кондратьевны, продолжавшей плакать и причитать, въ горницу вошелъ Макаръ Ильичъ и, не подходя къ кроваткѣ ребенка, проговорилъ:

— Скажи ты графинѣ своей—поправитъ худое дѣло. Можетъ, тогда Господь смилуется и твой графчикъ разыщется.

— Какое худое дѣло? отозвалась мамушка.

— Накликали вы это. Графиня твоя себѣ накликала! Всѣ въ домѣ такъ сказываютъ теперь. Всѣ. Накликали. Росписывали они съ Норичами, какъ умершаго якобы графчика у Эмилиі Яковлевны подмѣнили другимъ... Ну вотъ вамъ и въ заправду такое. Ихъ морока и всякое клеветчаніе нынѣ правдой обернулось. То было злодѣйское клеветчаніе, а это вотъ въ явѣ—сущій подмѣнъ младенцевъ. Поправьте худое дѣло и, можетъ быть, Богъ надъ вами смилуется. Да и Алексѣй-то Григорьевичъ, то-есть, старшенькій нашъ графчикъ, нынѣ въ Питерѣ. Стало и поправить скорехонько все можно.

Макаръ Ильичъ ушелъ къ себѣ, а Кондратьевна, какъ бы хватаясь какъ утопающая за соломинку, пошла разыскивать свою барыню, чтобъ сообщить ей разсужденіе дворецкаго.

Она нашла графиню уже на другой половинѣ дома въ той желтой гостиной, гдѣ когда-то принимала она Алексѣя въ первый разъ и гдѣ онъ лишился чувствъ отъ нравственнаго удара, нанесеннаго ему безсердечной женщиной.

Странное дѣло! Только теперь, выслушавъ какъ сквозь

сонъ слова мамушки о разсужденіяхъ дворецкаго, Софья Оси-повна впервые вдругъ заподозрѣла нѣчто общее или связь между ея поступкомъ съ Алексѣемъ и поступкомъ Калиостро съ Гришей.

— Зачѣмъ они вмѣстѣ, одновременно очутились въ Россіи! подумала она.

XXIII.

Первая личность, за которой поскакалъ посланный отъ графини, была, конечно, ея новая пріятельница, баронесса д'Имеръ.

Іоанна явилась тотчасъ же и, когда бросившаяся къ ней на встрѣчу графиня, съ новымъ приливомъ отчаянія и съ рыданьемъ, объявила ей ужасную вѣсть, то баронесса не устояла на ногахъ, а затѣмъ съ ней сдѣлался на секунду какъ бы легкой обморокъ.

— Я во всемъ виновата. Я... Я несчастная! Я посовѣтывала послать за этимъ извергомъ! заговорила она съ отчаяньемъ и ломая красивыя руки, но графинѣ это отчаяніе показалось не искреннимъ, а дѣланнымъ...

— Что же теперь... Что вы думаете. Онъ уморилъ моего Гришу и побоялся отвѣта! И подмѣнилъ...

— Дайте прійти мнѣ въ себя... У меня голова кружится! И баронесса д'Имеръ долго молчала, какъ бы глубоко вду-мываясь въ страшное событіе.

— Онъ живъ! вдругъ рѣшительно выговорила Іоанна.

— Гриша?

— Да. Живъ. Онъ живъ. Я голову мою вамъ отдаю на отсѣченіе, что онъ живъ.

Графиня бросилась къ пріятельницѣ на шею, какъ если бы это было не предположенное ею, а привезенное вѣрное извѣстіе.

— Да. Я увѣрена. Убѣждена.

— Почему, милая, дорогая. Почему?

— Слушайте. Тутъ что-нибудь кроется, какая-нибудь тайна. Мы должны раскрыть эту тайну. Поймите одно, графиня, что если бъ вашъ ребенокъ умеръ у Феникса, то онъ просто за-явилъ бы вамъ объ этомъ. Это не преступленіе. Онъ взялъ совершенно больного, почти умирающаго ребенка... Чтожъ было бы мудренаго, и чѣмъ онъ виноватъ, еслибъ ребенокъ

не выздоровѣлъ. Ему нечего было бы бояться отвѣтственности. Доктора, которые явной ошибкой въ лѣченіи убиваютъ больныхъ, и тѣ не судятся за это. Зачѣмъ же онъ сталъ бы обманывать васъ, подмѣнивъ ребенка. Привезъ бы тѣло...

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?! воскликнула и графиня.

— Вѣдь денегъ за лѣчение онъ не взялъ. Единственнаго повода обмана и подмѣна, и того нѣтъ.

— Правда! Правда! Зачѣмъ же?

— И неужели вы думаете, что онъ,—магъ, массонъ, все-таки человѣкъ бывалый, хитрый сицильянецъ такъ глупъ! продолжала Іоанна горячо. Неужели вы думаете, что онъ можетъ воображать и надѣяться обмануть мать, сердце матери, если не глаза ея. Да развѣ можно подмѣнить ребенка двухъ слишкомъ лѣтъ. Вѣдь это не новорожденный, которые всѣ похожи другъ на друга!

— Что же вы думаете, баронесса! Что вы хотите сказать? отчаянно произнесла графиня.

— Я хочу сказать... Я утверждаю, что вашъ ребенокъ живъ, что онъ у этого проклятаго сицильянца. Тутъ есть какая-то тайна... которую я разгадать не въ силахъ. Тутъ кому-нибудь выгода есть, чтобы вашъ сынъ пропалъ безъ вѣсти. Подумайте хорошенько. Не знаете ли вы... Нѣтъ ли чего подобнаго. Вспомните...

Софья Осиповна залилась слезами и объяснила, что она должна передать Іоаннѣ подробно одну исторію изъ давней хроники ихъ семейства. Быть можетъ, разгадка всего и найдется сразу.

Графиня коротко, но толково рассказала пріятельницѣ все дѣло подмѣны умершаго ребенка чужимъ, совершеннаго у покойной невѣстки ея мужа. Отсюда произошла цѣлая исторія съ этимъ подмѣненнымъ ребенкомъ, нынѣ взрослымъ человѣкомъ.

— Я все это открыла мужу. Его лишили имени и состоянія и даже изгнали изъ Россіи! окончила графиня свое повѣствованіе. И вотъ не онъ ли чрезъ Феникса мститъ мнѣ или надѣется... этимъ путемъ добиться возвращенія своихъ правъ...

— Стало быть, я не ошиблась, графиня. Тутъ есть тайна, есть что-то... А гдѣ проживаетъ теперь этотъ господинъ, съ которымъ вы имѣли столкновеніе?

— Онъ здѣсь!

— Гдѣ?! Вѣдь онъ изгнанъ изъ Россіи, говорите вы?...

— Здѣсь. Здѣсь теперь.

— Въ Россіи. Вернулся? воскликнула баронесса.

— Здѣсь, въ Петербургѣ...

— Теперь! Здѣсь! въ Петербургѣ! повторила баронесса упавшимъ голосомъ и прибавила какъ бы стараясь увѣриться, что не ослышалась: не въ Германіи, а въ Петербургѣ?.. О, тогда все понятно... Это преступная и ужасная кабала. Не надо было отдавать ребенка этому негодяю сицильянцу. Они соумышленники. Но слава Богу, графиня, слава Богу! Я болѣе чѣмъ когда-либо увѣрена, что вашъ Гриша живъ.

— А если они, Фениксъ и Норичъ, уморили моего бѣднаго Гришу, чтобъ не было у графа наслѣдника имени и состоянія, вдругъ заплакала опять графиня.

— Никогда! Это была бы глупость! воскликнула Іоанна смѣясь. Состояніе можетъ быть завѣщено вамъ законнымъ образомъ, у васъ могутъ быть другія дѣти. Что жъ они выигрываютъ. А онъ отъ смерти вашего Гриши все-таки не дѣлается наслѣдникомъ, онъ все-таки остается господиномъ Норичемъ. Нѣтъ, тутъ кабала, интрига... И я все узнаю. Все... Все узнаю... Дѣло ваше не проиграно. Гриша вашъ живъ и будетъ снова у васъ. До свиданія. Я ѣду прямо къ нему.

— Къ Фениксу?

— Да. Даю вамъ слово, что я переверну всю нашу планету кверху ногами, но дѣло это выиграю!

— Цѣлыя сутки прождала Софья Осиповна свою пріятельницу и за эти сутки постарѣла лѣтъ на десять. Сѣдина блеснула въ ея головѣ.

— Живъ Гриша или мертвый? тысяча разъ звучалъ вопросъ въ сердцѣ матери.

Графинѣ казалось даже, что если она узнаетъ, что ребенокъ умеръ и увидитъ его трупъ, то ей будетъ все-таки легче, чѣмъ эта неизвѣстность объ его судьбѣ.

Разумѣется, старику-графу сказали, все скрывъ отъ него, что Гриша такъ слабъ, что его нельзя нести къ отцу, нельзя тревожить изъ постели. Софья Осиповна кромѣ того объявила, что если кто-либо слово скажетъ и пуститъ молву о происшествіи за предѣлы дома и двора, то будетъ строго наказанъ, крѣпостной—сданъ въ солдаты, а вольный—изгнанъ тотчасъ изъ дому.

Ребенокъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не русскій, а въ родѣ цыганка, смуглый, черноглазый, красивый собою — былъ немедленно унесенъ, конечно, изъ дѣтской и сданъ на попеченія одной бездѣтной семьѣ нахлѣбниковъ.

По странной случайности судьбы въ тотъ же день за ночь скоропостижно умеръ ребенокъ у Норичей, счетомъ девятый, но какъ маленькій и младшій—любимецъ родителей. Веѣ обитатели палаты, да и сами Норичи—увидали въ этомъ странное знаменіе, перстъ Божій и кару Его!

Игнатъ Ивановичъ и его жена, давно уже жившіе какъ-то незадачливо во всемъ—теперь совсѣмъ потерялись...

— Вотъ онъ грѣхъ-то нашъ—откупается, заговорилъ Норичъ женѣ: отливаются намъ слезки молодого Алексѣя Григорьевича, что носить силкомъ наше прозвище, вмѣсто своего графскаго, отливаются волкамъ завсегда овечьи слезки.

А дворня, при извѣстїи объ ихъ горѣ, жестоко шутила надъ ненавистными Норичами.

— Пуцай они цыганеночкомъ и замѣняютъ покойничка своего. Такъ имъ, видно, судьба подмѣнять...

— Перстъ Божій! говорилъ Макаръ Ильичъ. Накликомъ, надѣсь выдумали, сказъ сказывали, а нонѣ вотъ оно въ явѣ и во-очію наводилоя у насъ.

Наконецъ, графиня дождалась прїятельницы.

Баронеса д'Имеръ прїѣхала радостная... Графиня оторопѣла, увидя ее, и черезъ силу спросила:

— Живъ?

— Живъ!.. Я не видала. Онъ мнѣ не сказалъ прямо. Но онъ почти сознался во всемъ... Ребенокъ этотъ изъ какой-то бѣдной семьи иностранцевъ...

— А Гриша у него?

— У него.

— И живъ? Живъ?..

— Онъ этого мнѣ не сказалъ, конечно, но я увѣрена. Слушайте... Мы отгадали вѣрно. Это кабала! Виновникъ всего нашъ врагъ Норичъ. Онъ въ уговорѣ съ Феникомъ. И баронеса д'Имеръ передала графинѣ подробно все, что она будто бы выпытала у Феникса съ великимъ трудомъ. Въ результатъ было то, что Норичъ чрезъ Феникса требуетъ своихъ правъ... титулъ, имя и полмилліона, такъ какъ говорить, что у дѣда состояніе выше милліоннаго.

— И тогда только при исполненїи требованій этого чело-

вѣка они отгадутъ мнѣ Гришу? странно произнесла Софья Осиповна, глядя на Іоанну взоромъ, горящимъ отъ гнѣва и злобы.

— Да, это ихъ условіе.

— Спасибо вамъ, баронеса... Я и такъ получу моего ребенка, вымолвила она вставая. Этотъ негодяй Норичъ не заставитъ меня... Я ѣду сейчасъ же...

— Къ Фениксу?

— Нѣтъ, къ другому лицу, стоящему повыше проходимца Феникса... Этого авантюриста и дѣтскаго вора заставятъ чрезъ полицію возвратитъ мнѣ ребенка!.. гнѣвно и грозно произнесла графиня. Какъ это умно? Какъ это хитро? Да что же этотъ Фениксъ воображаетъ, что онъ здѣсь въ Россіи среди дикарей, въ странѣ безъ законовъ, безъ властей?..

— Графиня, ради Бога... воскликнула Іоанна. Вы погубите... Вы испортите все дѣло. Вы потеряете ребенка... Пощадите его и себя самое... Не идите въ борьбу. Соглашайтесь на ихъ условія. Послушайтесь совѣта опытной женщины...

— Никогда... Норичъ не будетъ графомъ Зарубовскимъ. Подкидышъ не будетъ носить имя моего сына...

— Да будетъ ли у васъ этотъ сынъ...

— Его заставятъ возвратитъ мнѣ ребенка.

— Онъ откажется отъ всего. Доказательствъ нѣтъ! Онъ скажетъ, что ребенокъ умеръ! воскликнула Іоанна и, схвативъ графиню за руку, она отчаянно, чуть не съ искренними слезами, умоляла ее не идти на борьбу съ интриганамъ, хитрыми и ловкими, а соглашаться на условія ихъ. Но Софья Осиповна, блѣдная отъ гнѣва, озлобленная до ярости, стояла на своемъ. Теперь она столько же хотѣла увидѣть сына, столько жаждала отмстить за его похищеніе и за дерзкую выходку двухъ, по ея словамъ „наглецовъ и проходимцевъ“.

Іоанна выѣхала изъ дома Зарубовскихъ нѣсколько смущенная и поскакала, конечно, прямо къ Каліостро. Графиня выѣхала почти одновременно и сказала ей, что объѣдитъ всѣхъ лицъ „власть имущихъ“, въ томъ числѣ будетъ и у князя Потемкина.

Іоанна ураганомъ влетѣла въ домъ на набережной, гдѣ жилъ кудесникъ, и взволнованная передала результатъ своей неудачной попытки.

— И пускай! спокойно отозвался Каліостро. Чего же вы вол-

нуетесь? Э-эхъ графиня. Я отъ васъ этого малодушія не ожидалъ.

— Да вѣдь Норича арестуютъ, пожалуй; а онъ даже ничего не знаетъ.

— Его не арестуютъ. Его допросятъ.

— Ну.

— И онъ скажетъ, что онъ ничего не знаетъ, и это будетъ правдой. А вы скажете, что вы все это сами сочинили и про Норича, и про меня. Такъ, зря сочинили, какъ часто барыни сочиняютъ, что вамъ такъ показалось! Ваше самолюбіе женское только временно пострадаетъ—вотъ и все.

— А къ вамъ если явится полиція?

— Явится. Да. Будутъ требовать ребенка. А я скажу, что онъ умеръ, ибо я его уже умершимъ взялъ къ себѣ. На это есть свидѣтели. И виноваты ихъ доктора, а не я...

— Позвольте, воскликнула Іоанна. Если онъ умеръ, то пожалуйста его трупъ...

— Такъ что же? Убивать, стало быть, живого ребенка, чтобы избѣгнуть бѣды.

— Нѣтъ. Зачѣмъ убивать. Это грѣхъ! И у меня духу не хватитъ на это. Да и пользы намъ отъ мертваго ребенка не будетъ той же, что отъ живаго.

— Ну-съ?.. Трупъ пожалуйста матери!.. кричала Іоанна, какъ бы требуя. Что жъ? И тутъ что ли подмѣномъ вы хотите...

— Трупъ нѣтъ, милостивые государи! выговорилъ Каліостро важно, съ жестомъ и оглядывая горницу, какъ бы передъ нимъ стояла официальная группа людей, а не одна Іоанна. Трупъ нѣтъ!—Гдѣ же онъ?—Онъ не существуетъ. Онъ въ пространствѣ, преобразясь въ мельчайшіе атомы. Я совершилъ неудачный опытъ палингенезиса. Каюсь... Но это не преступленіе.

— Палингенезисъ? воскликнула Іоанна.

— Да-съ. Неудачный опытъ палингенезиса. Я по всѣмъ правиламъ алхиміи сжегъ трупъ умершаго, чтобы воскресить его, но опытъ не удался.

Іоанна громко весело расхохоталась.

— И вы думаете, что мы отдѣлаемся этимъ заявленіемъ отъ властей.

— Конечно. Я не простой медикъ, а алхимикъ и магъ.

— И за тѣмъ что же дѣлать? Опять къ графинѣ съ условіями торго.

— Такъ точно-съ, очаровательная баронесса д'Имеръ. Вы предложите ей самой сдѣлать все, чтобы...

— Сдѣлать тоже палингенезисъ! весело воскликнула Иоанна, но удачный. Не огнемъ, а презрѣннымъ металомъ воскресить трупъ ребенка къ новой жизни.

— Именно. И стоитъ того, ей Богу, прелестный мальчишка. Глупенькій, болѣзненный, но хорошенькій... Но слабъ, правда, до нельзя, по милости вашей, нынѣ далеко уже путешествующей, Розы. Много она ему ужъ подсыпала зелья. Можно было и поменьше... До сихъ поръ не можетъ онъ у меня оправиться... Случись съ нимъ теперь какое-либо осложненіе, ну хоть бы лихорадка простая—не вынесетъ, умретъ. Вотъ тогда—все у насъ и пойдетъ прахомъ. Надо бы скорѣе покончить переговоры съ этой упрямой графиней.

— Не упрямой, а скупой... Она деньги больше сына любить.

XXIV.

Графиня Зарубовская объѣхала въ одинъ день всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, объясняя невѣроятное происшествіе и прося заступничества. Всѣ единогласно совѣтывали ей обратиться къ всеильному вельможѣ—Потемкину, такъ какъ онъ одинъ могъ быстро рѣшить все дѣло.

Графиня направилась въ Аничковскій дворецъ, гдѣ жилъ вельможа, но не была принята имъ. Секретарь ходилъ докладывать князю и вынесъ отвѣтъ:

— Если вы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы исполнить то, о чемъ васъ Григорій Александровичъ просилъ недавно, заѣзжая къ вамъ—то онъ заранѣе благодарить и просить пожаловать къ нему послѣ форменнаго исполненія его просьбы. Если же вы пожаловали по какому другому дѣлу, то онъ извиняется недосугомъ.

— Скажите Григорію Александровичу... Передайте ужасное приключеніе... Я прошу заступничества по закону...

И графиня кратко передала секретарю всю суть своего приключенія и преступнаго дѣянія господъ Феникса и Нѳрича.

— Скажите, я прошу не милости исключительной, а простаго покровительства законовъ противъ злодѣйства, какъ на то всякая подданная россійская имѣетъ право, будь она хоть простая баба крѣпостная.

— Слушаюсь.

Графиня прождала не долго. Секретарь вышелъ обратно изъ апартаментовъ вельможи и, видимо смущаясь, подошелъ къ ней и заговорилъ запинаясь:

— Григорій Александровичъ приказали сказать вашему сіятельству, что російскіе законы не про васъ писаны, потому что...

— Что-о?! изумилась графиня.

— Потому что кто ихъ самъ сугубо нарушаетъ, тотъ на нихъ при нуждѣ и ссылаться не долженъ... Вотъ-съ... Извините... Князь приказалъ въ точности свои слова пересказать:

Графиня вышла и отъѣхала отъ Аничкова дворца, пораженная, но все-таки озлобленная... Она велѣла ѣхать къ полицеймейстеру столицы Рылѣву, чтобы просить его доложить объ ея дѣлѣ самой государынѣ...

Въ эти же минуты Потемкинъ, рассказывая все дѣло своимъ гостямъ, прибавилъ:

И по дѣломъ Кайну-бабѣ!.. Только скажу одно: И мушка-теръ-то нашъ—хорошъ гусь. Чистый мазурикъ! Я отъ него такой штуки не ожидалъ. Долгъ платежемъ красенъ, правда, но на мерзкое дѣяніе благородные люди не отвѣтствуютъ таковымъ же; надо будетъ все-таки въ это дѣло вмѣшаться и муженька моей прелестной синьоры Лоренцы пугнуть высылкой изъ предѣловъ Россійскихъ.

Черезъ день поутру самъ Рылѣвъ явился въ домъ къ итальянскому графу-медику съ двумя офицерами и чиновникомъ. Оберъ-полицеймейстеръ предъявилъ требованіе о выдачѣ ребенка графа Зарубовскаго.

Калиостро объяснился коротко, вѣжливо и спокойно, говоря, что ребенокъ, котораго онъ къ себѣ взялъ лѣчить, былъ безнадежно боленъ и потому скончался черезъ недѣлю... Чтобы не огорчить мать, онъ рѣшился свезти ей другого сиротку... Это не преступленіе.

— По нашимъ законамъ подмѣнъ ребенка есть преступленіе! заявилъ Рылѣвъ.

— Я не русскій подданный.

— Но вы въ предѣлахъ русскихъ и не можете безнаказанно нарушать русскіе законы... Вы будете по малой мѣрѣ высланы изъ Петербурга. А можетъ быть и хуже...

Калиостро пожалъ плечами,—но, очевидно, нѣсколько смутился.

— И такъ ребенокъ умеръ?

— Да-съ.

— Мать его, графиня Зарубовская, желаетъ, конечно, въ такомъ грустномъ обстоятельстве отдать ребенку послѣдній долгъ христіанскій. Позвольте мнѣ получить тѣло...

— Его нѣтъ у меня въ домѣ.

Какъ нѣтъ. Стало быть—вы его похоронили?.. Гдѣ?

— Нѣтъ. Тѣла не существуетъ нигдѣ. Я надъ нимъ въ качествѣ алхимика испробовалъ магическій опытъ, который, увы! не увѣнчался успѣхомъ. Я совершилъ надъ тѣломъ палингенезисъ...

— Что? Что?.. воскликнули уже всѣ присутствующіе.

— Я сжегъ трупъ, чтобъ изъ пепла его, при извѣстныхъ священнѣхъ обрядахъ и магическихъ словахъ, воскресить существо умершаго къ новой жизни... Это называется на языкѣ алхиміи: палингенезисъ. Еслибъ опытъ удался, ребенокъ былъ бы не только живъ, но прожилъ бы много болѣе ста лѣтъ, никогда не болѣя и не старѣясь...

— Палингенезисъ?.. улыбаясь противъ воли проговорилъ Рылѣвъ, вотъ ужъ это, признаюсь, я даже не знаю—преступленіе по нашимъ законамъ или нѣтъ. Полагаю, что это тоже надо назвать разбойнымъ самоуправствомъ и богохульствомъ надъ религіей, наказуемыми по законамъ...

— Это не преступленіе по законамъ моей родины.

— Но здѣсь не Сицилія и не Калабрія, славящаяся разбойниками, господинъ графъ Фениксъ, уже началъ сердиться Рылѣвъ.

— Я итальянскій подданный!

— Вѣрно-съ. Да ребенокъ-то былъ русскій подданный!

— Калиостро снова пожалъ плечами.

— Я доложу все тотчасъ же Ея Императорскому Величеству, холодно сказалъ Рылѣвъ и вышелъ.

— Какъ онъ сказалъ: палингенезисъ? произнесъ одинъ изъ офицеровъ, когда они уже вышли изъ дому Калиостро.

— Да. Дурацкое слово шарлатана и фокусника, чтобы объяснить простое преступленіе мудренымъ словомъ, латинскимъ или греческимъ...

— Помилуйте, Ваше Превосходительство, замѣтилъ чиновникъ. Но слово самое простое русское, только сицилианецъ произноситъ его не правильно, не зная російскаго языка.

— Что вы, Господь съ вами. Палингенезись, да русское слово?!

— Точно такъ-съ. Только не одно, а два слова. Вѣдь онъ сжегъ трупъ младенца, вѣруя, что, видите-ли, младенецъ воскреснетъ изъ пепла. Такъ-ли?

— Ну да.

— Ну, и выходитъ сей глупости его русское названіе: спаленъ невѣжей!

Рылѣевъ размѣялся и выговорилъ:

— Ну это я, голубчикъ, тоже доложу Государынѣ. Она любить острия слова. Пожалуй тебѣ за это что-нибудь и пришлется. Царица говорить: кто всегда востеръ на слова, тотъ часто востеръ и на дѣло...

Прошелъ еще одинъ томительный день для графини Зарубовской. Наконецъ, она получила вѣсть отъ полицеймейстера столицы и залилась слезами... Ребенокъ умеръ и даже тѣла ребенка нѣтъ!..

Этотъ ударъ ее сломилъ окончательно. Она въ одинъ день измѣнилась на столько, что всѣ домочадцы и даже самъ тайно не любившій ее дворецкій, Макаръ Ильичъ, и тотъ вздыхалъ, глядя на нее...

— Жаловаться? Его вышлютъ изъ столицы! Даже если и въ крѣпость засадятъ на годъ! Что жъ пользы?.. Гришу не вернешь... говорила и плакала графиня вмѣстѣ съ Кондратьевной.

— А если онъ живъ, матушка моя. Если живъ живехонекъ, графинюшка. А только скрытъ! заговорила наконецъ Кондратьевна. Я гадала, родная моя, и на картахъ, и на кофейной гуцѣ, и на воскѣ, и на паутинкѣ... На всемъ выходить: живъ Гриша!

— Да и мнѣ, мамушка, сердце говорить... Нѣтъ, нѣтъ, а говорить то же самое...

— Коли не отдастъ онъ вамъ Гришу хоть покойничкомъ, окаянный дьяволъ, то вѣрите слову моему—не можетъ, потому что живъ Гриша. Дайте этой тальянской сатанѣ тысячу рублей и будетъ у насъ Гриша. Не жалѣйте денегъ, графинюшка...

— Тысячу рублей, сквозь слезы готова была улыбнуться графиня. Да я дала бы сто тысячъ... Но они не того хотятъ. Они безумное требуютъ.

— Ну хоть сто... Рублей ли, тысячь ли... Какъ тамъ лучше. Только дайте! молила Кондратьевна плача.

Въ эту минуту лакей подаль графинѣ записку, но она не читая бросила ее на столъ.

— Отъ кого? спросила она.

— Неизвѣстно-съ.—И лакей доложилъ, что ему передали записку, оставленную какимъ-то пожилымъ господиномъ, который, не назвавшись и не промолвивъ ни единого слова, ушелъ.

— Кажется, не изъ нашихъ, говорятъ люди, объяснилъ лакей.

— Понятно, что не нашъ, коли не у насъ живетъ!

— Никакъ нѣтъ-съ. Я говорю не изъ нашихъ, то-ись россійскихъ, православныхъ, объяснилъ лакей. Сказываютъ люди, долженъ онъ быть изъ энтихъ... Вотъ, что дохтуръ былъ... Изъ тальянцевъ. По рождъ его музланой видать...

Графиня при этомъ извѣстїи схватила записку и, будто чуя что-то, дрожащей рукой сломила печать и прочла двѣ строчки, писанныя по французски:

— „Человѣкъ, вамъ преданный, заявляетъ: ребенокъ живъ. Согласитесь на условїя и берите его, не дѣлая огласки“.

Графиня заплакала и уже не знала сама отъ чего? Отъ радости или нѣтъ. Какъ вѣрить этому неизвѣстному. А надо вѣрить. Да и сердце все подсказываетъ свое: живъ Гриша.

Графиня Софья Осиповна была уже теперь послѣ всего пережитаго не та высокомерная, себялюбивая и самовластная женщина. Силы ея были надломлены, гордый гнѣвъ не являлся уже въ сердцѣ энергичной женщины. Она смирилась подъ гнетомъ горя матери. Она начинала чувствовать нѣчто въ родѣ раскаянїя... Ей представлялось часто: что сказала бы, что почувствовала бы теперь, страдая за сына—графиня Эмилія Яковлевна, еслибы была жива.

— Ну, Богъ съ нимъ... я за нимъ пошлю, выговорила она вслухъ. Пускай онъ получаетъ свое. Но надо начать съ Норичей... Пускай они покаются въ клеветѣ...

Рѣшивъ послать за Алексѣемъ, графиня однако колебалась. Злой духъ будто шепталъ ей:

— „Не слѣши. Не уступай. Такъ обойдется. Полмилліона развѣ шутка отнять у родного сына. Предложи ему одно имя и титулъ. Вѣдь онъ самъ когда-то только этого и просилъ!..“

И проволновавшись цѣлый день, графиня уступила, въ виду настоятельныхъ требованій мужа повидать Гришу и его сборовъ—самому итти въ дѣтскую. Вечеромъ послала она Макара Ильича къ Алексѣю просить его къ ней на утро для объясненій.

XXV.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графиня два раза посылала къ баронессѣ д'Имерь, сначала убѣдительно прося ея побывать къ ней, а затѣмъ, когда та сказалась больной—прося позволенія самой прїѣхать. Но и вторую просьбу баронесса отклонила, заявивъ, что не въ состоянїи видѣть графиню Зарубовскую послѣ страшнаго несчастія, происшедшаго отчасти по ея винѣ.

Второй отвѣтъ привезъ Самойловъ на словахъ и прибавилъ, что баронесса плачетъ по цѣлымъ днямъ и умоляетъ хлопотать, чтобы Феникса посадили въ крѣпость за его поступокъ.

Графиня просила Самойлова передать другу, что она получила анонимную записку съ извѣщенїемъ, что ребенокъ ея живъ и будетъ ей возвращенъ, если она согласится на условія, которыя ей, баронессѣ, хорошо извѣстны.

— Скажите ей, что я рѣшилась согласиться на все и завтра повидаюсь съ господиномъ... Ну, съ извѣстной личностью.

Графиня запнулась и прибавила про себя, отчасти грустно, но все-таки отчасти и озлобленно:

— Съ минуты моего согласія—онъ уже не Норичъ, а тоже графъ Зарубовскій... По крайней мѣрѣ хоть состоянїе я все спасу для Гриши“.

Самойловъ ничего не зная, конечно, о посредничествѣ своей возлюбленной баронессы въ какомъ-либо дѣлѣ и ничего теперъ не понимая.

— Я передамъ, тетушка, буквально, сказалъ офицеръ улыбаясь, хотя ничего не понимаю. Умеръ, живъ, сожженъ, украденъ—и все это вашъ Гриша!.. Весь Петербургъ вошеть объ этомъ дѣлѣ и требуетъ примѣрнаго наказанія шарлатана Феникса, если даже вашъ ребенокъ и живъ окажется... Вы слышали? Вѣроятно нѣтъ? Объ остротѣ, сказанной генераломъ Рылѣевымъ на счетъ предполагаемаго сожженія вашего Гриши... Спаленъ невѣжей—слышали?

— Ахъ, полноте, возмутилась сердцемъ Софья Осиповна: хорошо Петербургу шутить! А каково родной матери, когда съ ея дѣтищемъ дѣлаютъ такіе фокусы. Подмѣнить родное дитя—другимъ, какимъ-то цыганенкомъ, а его умертвить, сжечь или хуже того, много хуже... Отдать въ чужія руки найденнѣшмъ, подкиднѣшмъ... чтобы онъ даже и имя свое потерялъ... Каково это матери!

— Да, тетушка... вдругъ произнесъ Самойловъ уже не улыбаясь и странно глядя ей въ глаза... Бываетъ такъ на свѣтѣ съ инымъ несчастнымъ. И спасибо, если мать такого несчастнаго уже на томъ свѣтѣ и не можетъ страдать за сына...

При этомъ Самойловъ всталъ и раскланялся... выходя онъ думалъ про себя то же, что думалъ и говорилъ теперь весь Петербургъ. А въ столицѣ всѣ хотя возмущались поведеніемъ Феникса, но отъ самой царицы и до маленькаго чиновника или мелкаго дворянина, отъ генераль-прокурора Вяземскаго и до послѣдняго бутаря—всѣ въ одинъ голосъ вторили: „По дѣломъ вору и мука!“

Графиня, понявшая, конечно, намекъ Самойлова, произнесла почти ему вслѣдъ раздражительно и озлобленно:

— Да, Эмилія Яковлевна, отплатилъ мнѣ твой сынокъ. Покупался за тебя лихо.

Между тѣмъ главный виновникъ ужаснаго дѣянія—какъ думали всѣ—т. е. Алексѣй, не бывалъ нигдѣ и собирался во Францію. И онъ, конечно, не могъ знать того, что уже зналъ весь городъ.

Однажды, когда онъ зашелъ по своему дѣлу въ канцелярію военной коллегіи—ему почудилось, что на него всѣ смотрятъ какъ-то особенно. Въ числѣ публики былъ одинъ старикъ капитанъ съ маленькимъ сынишкой. Алексѣю пришлось, пождавая, сѣсть около нихъ, и когда одинъ изъ военныхъ чиновниковъ прошелъ мимо, то поздоровался съ капитаномъ и искоса взглянулъ на Алексѣя.

— Вы осторожнѣе, капитанъ, сказалъ онъ вдругъ странно ухмыляясь... На счетъ, т. е., парнишки своего. Одного не оставляйте. У насъ, слышали, что завелось въ Питерѣ. Дѣтей крадутъ у родителей и выкупа требуютъ.

Капитанъ не понялъ намека, не слыхавъ ничего о томъ, что знали всѣ въ городѣ. Въ столицѣ ходила уже молва, что ребенокъ графа Зарубовскаго пострадалъ ради тайнаго соглашенія графа Феникса съ полу-русскимъ мушкатеромъ французской королевы.

— Хорошъ у Маріи Антуанеты конвой! сказалъ кто-то. Изъ какихъ молодцовъ состоитъ! Дѣтокрады!..

Однажды вечеромъ явился на квартиру Алексѣя дворецкій, Макарь Ильичъ, и радостно передалъ ему приглашеніе быть на утро у Софьи Осиповны ради объясненія по дѣлу.

— Что такое? Зачѣмъ? удивился Алексѣй.

— Должно быть, изъ-за нашего графчика... Вы, родной мой, славно ее приперли къ стѣнкѣ. Подѣломъ. Хорошо надумано... Грѣхъ за грѣхъ—да что-жь дѣлать. И она съ вами не грѣши..

И Макарь Ильичъ невольно изумился смущенію и недоумѣнію, написанному на лицѣ Алексѣя.

— Да нешто вы не знаете ничего о графчикѣ, что уворовалъ у насъ тальянецъ. А какъ же всѣ болтаютъ, что вы его подкупили и теперь калымъ съ графини требуете, чтобъ отдать графчика обратно.

— Говори! Говори! Все рассказывай! Все! вдругъ закричалъ Алексѣй, хватаясь за дворецкаго, чтобъ удержаться на ногахъ. Онъ опустился на стулъ и, догадываясь уже вперёдъ о томъ, что услышитъ, вымолвилъ:

— Осрамили, опозорили...

Макарь Ильичъ повторилъ все то же, нѣсколько подробнѣе...

Алексѣй, взволнованный, бросился къ столу и, схватилъ перо и бумагу, написалъ дрожащей рукой нѣсколько строкъ. Онъ писалъ Софѣ Осиповнѣ слѣдующее:

„Клянусь вамъ памятью моей матери, что я тутъ не при чемъ, ничего не зналъ. Завтра я самъ силой заставлю Калиостро возвратитъ вашего ребенка. Я самъ привезу его къ вамъ. Иначе я вызову на поединокъ этого негодяя, самовольно позорящаго меня. Это вамъ общааетъ вами загубленный, но все-таки не потерявшій честь—Алексѣй Норичъ“.

Зачѣмъ, отпустивъ дворецкаго, Алексѣй передалъ все невѣстѣ и сестрѣ. Дѣвушки пришли въ страшное волненіе. Эли даже заплакала.

— Это все она—эта ужасная женщина! воскликнулъ Алексѣй. Она это надумала. Теперь я все понимаю. Ея намеки, ея обѣщанія, ея слова, что, въ случаѣ моего отказа дѣйствовать за одно съ ними, они сами получаютъ съ Софьи Осиповны цѣлое состояніе. Все понимаю теперь.

— Такъ вотъ зачѣмъ она подружилась съ графиней Зарубовской? воскликнула Лиза. Господи, какой ужасъ! Какой грѣхъ!

— Но вѣдь этотъ дворецкій тебѣ сказалъ, замѣтила Эли, что графъ Калиостро явился и взялся ребенка лѣчить потому, что онъ заболѣлъ. Вѣдь онъ могъ и не болѣть. Вѣдь это

случайность, которую графиня Ламоть и Каліостро не могли предвидѣть...

— Правда, замѣтила Лиза, вотъ мы опять на нихъ клеветаемъ. Она, напротивъ, рекомендовала Софьѣ Осиповнѣ отличную няню, свою Розу, для маленькаго...

— О! все понялъ! вдругъ закричалъ Алексѣй при этомъ имени и вскрикнулъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что обѣ дѣвушки вздрогнули.

— Господь съ тобой, испуганно вымолвила Эли.

Алексѣй ни словомъ не проговорился дѣвушкамъ на счетъ своего подозрѣнія, но вымолвилъ нѣсколько разъ:

— Я этого такъ не оставлю!

— Теперь ночь. Поздно... сказала Лиза.

— Завтра рано... Мы посчитаемся. И вотъ какой женщины я обязанъ почти всѣмъ, благодаря ея общественному положенію и близости къ королевѣ! Но какъ можетъ королева приближать къ себѣ подобныхъ женщинъ?!

Всю ночь волновался Алексѣй и не могъ глазъ сомкнуть. Рано утромъ онъ былъ уже готовъ выходить и прощался съ дѣвушками, когда у подъѣзда ихъ появился экипажъ, и въ домъ вошла графиня Ламоть.

Лицо Юанны удивило Эли своимъ необычнымъ выраженіемъ. Даже Лиза замѣтила, что графиня какъ-то преобразилась и смотреть не то торжественно, не то черезчуръ тревожно. Одинъ Алексѣй ничего не замѣчалъ, такъ какъ, при видѣ этой женщины, злоба забушевала въ немъ и румянецъ выступилъ на лицѣ отъ волненія.

— Уйдите отсюда! Сестра, Эли... Уйдите. Оставьте насъ съ графиней! вымолвилъ онъ глухо.

Дѣвушки вышли, робко озираясь на Алексѣя, такъ какъ онъ тоже будто преобразился, подобно графинѣ Ламоть, и взглядъ его горѣлъ.

XXVI.

— Ну-съ, графиня. Мнѣ надо съ вами объясниться, выговорилъ Алексѣй сухо, когда они остались наединѣ. Вы кстати пожаловали. Я сейчасъ собирался къ вамъ. Прощу садиться.

— Я тоже, Норичъ, явилась объясниться, или, лучше сказать, привезти вамъ хорошую вѣсть..

— Хорошую?.. выговорилъ Алексѣй, тоже садясь, и та-

кимъ голосомъ, что лицо красавицы чуть-чуть подернулось, а умные и красивые синіе глаза сверкнули ярко изъ-подъ черныхъ бровей.

— Графиня Софья Осиповна на все согласна.. Вы получили отъ нея приглашеніе быть сегодня. Я предупреждаю васъ, что она желаетъ съ вами свидѣться, чтобы согласиться на все то, что было всегда вашей дорогой мечтой.

— Очень вѣрю. Еще бы не согласиться. На ея мѣстѣ, всякая женщина, кромѣ развѣ одной графини Ламоть, согласится на все, на позоръ, на ограбленіе, лишь бы ей возвратили то, что для матери всего дороже. Скажите, какъ могли вы.. Какъ посмѣли вы! Да, какъ вы посмѣли счесть меня способнымъ приобрѣсти все, что у меня отнято графиней и дѣдомъ,—такимъ путемъ! Путемъ подлаго насилія, почти цѣлымъ рядомъ преступленій... Отравленіе, вымогательство, угрозы, терзаніе сердца матери...

Алексѣй задохнулся и поневолѣ смолкъ...

— Вы уже знаете все, что я хотѣла вамъ рассказать. Тѣмъ лучше, холодно выговорила Іоанна. Но дѣло не въ разсужденіяхъ; теперь и нечего изощряться въ чтеніи морали. Какъ намѣрены вы теперь дѣйствовать и что требовать отъ графини Зарубовской. Конечно,—имя, отъ васъ отнятое.. Но затѣмъ, какую сумму?

— Вы съ ума сошли!.. крикнулъ Алексѣй.

— Нѣтъ, не я очевидно... Но прошу васъ успокоиться волей или неволей и отвѣчать мнѣ на мои вопросы... Что вы требуете?..

— Я потребую прежде всего... и не у графини Зарубовской, а у графини Ламоть и ея пріятели, ей вполне подчиненнаго, чтобы они немедленно, сейчасъ, отдали мнѣ ребенка. Слышите. Черезъ часъ^а или два я долженъ свезти ребенка къ матери.

— Положимъ... Мы вамъ его отдадимъ живьемъ и вы его свезете къ матери... Потомъ, скажите, что будетъ. Ну-съ? иронически разсмѣялась Іоанна.

— Потомъ... Послѣ этого, если Софья Осиповна захочетъ, раскаявшись, возвратитъ мнѣ отнятое...

— Она не дура... Она изъ тѣхъ женщинъ, которыя пользуются глупостью другихъ. Разъ ребенокъ будетъ у нея—она попроситъ васъ вѣжливо и даже, вѣроятнѣе, не вѣжливо, удалиться изъ дому.

— Тѣмъ хуже для нея и, разумѣется, для меня. Но за то я выйду изъ Россіи какъ пріѣхаль—честнымъ человѣкомъ. И такъ извольте сейчасъ ѣхать къ Каліостро и убѣдите его, что другого исхода нѣтъ. Если онъ откажется заглазить проступокъ, сдѣланный моимъ именемъ, то я явлюсь самъ требовать ребенка. Если онъ и мнѣ лично откажетъ и будетъ сочинять всякія басни—то я его убью.

— Вы кончили?.. тихо и нетерпѣливо спросила графиня.

— Кончилъ.

— Славу Богу. Теперь слушайте меня. Все, что вы говорили—вздоръ! Все, что вы желаете и при томъ воображаете еще, что можете у насъ требовать—только глупо и глупо. Но главное не въ этомъ, а главное въ самообольщеніи, въ самообманѣ. Вы должны дѣлать, что я вамъ прикажу, а не мы будемъ вамъ повиноваться. Вы у меня въ рукахъ, а не я въ вашихъ. И вотъ поэтому я вамъ приказываю теперь собираться и выѣзжать изъ Петербурга господиномъ Норичемъ и безъ состоянія. Коль скоро вы не желаете его получить и дѣлиться съ нами, а желаете надѣлать рядъ глупостей, то уѣзжайте, а мы уже сами съ графомъ Каліостро получимъ что-нибудь.

— Сами! Одни! Но моимъ именемъ, конечно! презрительно усмѣхнулся Алексѣй.

— Разумѣется... Ну-съ.. И такъ повторяю вамъ, выбирайте и рѣшайтесь. Если вы не поѣдете къ графинѣ требовать имя и состояніе, то собирайтесь немедленно и выѣзжайте изъ Петербурга. Я вамъ это приказываю!

И синій взглядъ красавицы какъ зарница вспыхнулъ изъ подъ темныхъ бровей и озарилъ блѣдное лицо. Никогда Іоанна не была такъ эффектно хороша собой, какъ въ эти мгновенья пылаго гнѣва, едва сдерживаемаго самовластной женщиной.

— Вы приказываете? произнесъ Алексѣй почти недоумѣвая и относительно спокойнымъ голосомъ.

— Да.

— Вы! Мнѣ?..

— Да!! рѣзко воскликнула Іоанна всю горницу.

— Бросьте шутки!.. Ну-съ... Скорѣе, ступайте къ Каліостро! Скорѣе...

Алексѣй всталъ и произнесъ все это быстро, рѣшительно, но безъ гнѣва, а просто какъ человѣкъ которому надоѣла

пустая болтовня. Графиня почти истерически расхохоталась и, поднявшись также со своего мѣста, скрестила руки на груди и приблизилась къ Алексѣю вплотъ..

Иоанна стала предъ нимъ, грудь съ грудью, на полшага разстояніи и, улыбаясь страшной улыбкой, смотрѣла своимъ сверкающимъ взглядомъ прямо ему въ глаза...

Такъ подходить къ человѣку, чтобы поразить его, ударить, смѣять, раздавить, убить какимъ-нибудь однимъ словомъ...

— Поѣзжайте требовать все, или выѣзжайте тотчасъ изъ Петербурга! произнесла она отчетливо, но едва-едва шевеля хорошенькими, тонкими губками, какъ дѣлывала только въ минуты кокетничанья на балѣ съ поклонниками или на свиданіи съ возлюбленными. Если вы сейчасъ не исполните того или другого моего приказанія, то вечеромъ вы будете въ крѣпости, въ казематѣ... Вы русскій подданный и васъ не выпшлютъ за границы государства... Вы не вѣрите мнѣ, малоумный рыцарь, ратующій во имя какихъ-то бессмысленныхъ правилъ нравственности и чести? Вы не вѣрите, что я васъ посажу въ крѣпость. Однимъ моимъ словомъ...

Алексѣй былъ пораженъ не столько словами этой женщины и угрозой, сколько той увѣренностью, которой дышалъ тонъ ея голоса и всякая черта красиваго и зловѣщаго лица.

— Не понимаю... проговорилъ онъ тихо, но съ тревогой на сердцѣ. „Вѣдь это не женщина, будто шепталь ему голосъ—это дьяволъ во образѣ женщины стоитъ предъ тобой. А онъ все можетъ!“

— Наказуется ли русскій да и всякій подданный, отчетливо произнесла Иоанна, за обманъ и за поднятіе на смѣхъ своего монарха. Полагаю, что наказуется, г. Норичъ. Зачѣмъ же вы, по малоумію и дѣтской опрометчивости, подняли на смѣхъ русскую императрицу, васъ обласкавшую, обманули ее самымъ низкимъ образомъ.

— Я... пролепеталъ Алексѣй, слабѣя и задыхаясь, подъ змѣинымъ, будто сковывающимъ его члены, взглядомъ Иоанны.

— Письмо королевы Маріи Антуанеты и патентъ на званіе мушкетера — подложные, Вильетомъ писанные и поддѣланные...

— Что-о?! закричалъ Алексѣй пошатнувшись.

— Подложные! Одно слово французскому посланнику и, конечно, насъ съ Вильетомъ выпшлютъ изъ Петербурга, а васъ немедленно арестуютъ и...

Иоанна не договорила: двѣ руки схватили ее за воротъ платья и душили... Она рванулась, отскочила на шагъ, но обезумѣвшій человѣкъ повисъ на ней, оборвалъ ей воротъ, обнаживъ грудь до плеча, и душилъ... Иоанна черезъ силу отчаянно закричала на весь домъ...

Эли, а за ней Лиза опрометью вбѣжали въ комнату на этотъ дикій и пронзительный крикъ и бросились къ Алексѣю...

Обѣ дѣвушки, не понимая еще, что дѣлать, инстинктивно схватили Алексѣя за руки, защищая отъ него эту женщину.

— Алексѣй!.. Братъ!.. кричали онѣ.

Голоса сестры и невѣсты словно привели Алексѣя въ чувство и заставили опомниться. Онъ выпустилъ Иоанну изъ рукъ и выговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Это не женщина... это... тварь!..

И вдругъ молодой человѣкъ упалъ на кресло и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Опозоренъ... Ахъ, зачѣмъ ты не мужчина!.. Я бы искошилъ тебя на поединкѣ. Вонъ отсюда, низкая тварь, преступница!.. Вонъ... Не подходите къ ней! Она прокаженная. Она заразитъ васъ. Эли!.. Лиза!.. Не подходите! Дальше!

Алексѣй кричалъ какъ безумный, но вдругъ закрылъ лицо руками и покачиваясь на креслѣ—стихъ... Обѣ дѣвушки бросились къ нему. Это наступившее вдругъ безмолвіе было страшнѣе крика.

Иоанна быстро вышла. Слезы были на ея мертвоблѣдныхъ щекахъ. Но какія это были слезы? Слезы ли бѣшенства, перепуга, или физической боли. Или же все-таки поправное женское чувство, оскорбленная женственность сказались и заговорили въ этомъ существѣ—которое казалось Алексѣю дьяволомъ...

XXVII.

Графиня Софья Осиповна, напрасно прождавъ Алексѣя все утро—измучилась и истерзалась... Материнское чувство не могло, казалось, далѣе выносить пытку неизвѣстности на счетъ ребенка.

Къ тому же старый мужъ упорно требовалъ видѣть сына, хотя бы на минуту. У графини умъ за разумъ зашелъ. Баронесса ссылается на Алексѣя и совѣтуетъ прійти съ нимъ къ соглашенію, чтобы получить сына обратно. Онъ же, по

словамъ Макара Ильича, былъ пораженъ и написалъ ей нѣсколько строкъ, по которымъ видно, на сколько онъ благородный человѣкъ. Кто же тутъ злодѣйствуетъ? Кому же тутъ и какая выгода. Или все вздоръ и Фениксъ правду говорить: ребенокъ умеръ и даже тѣло его сожжено безумцемъ-кудесникомъ.

Графиня потеряла голову и, не дождавшись Алексѣя, около полудня вѣхала къ Потемкину. Приказавъ доложить о себѣ, она прибавила, что пріѣхала „исполнить просьбу Григорія Александровича и даже болѣе того“...

Потемкинъ принялъ графиню тотчасъ же и она заявила ему, что Норичи, ея нахлѣбники, покаялись ей, что все сочинили, клевета на покойную графиню Эмилию Яковлевну, что Алексѣй дѣйствительно подлинный сынъ ея и, слѣдовательно, наследникъ и имени и части состоянія. Потемкинъ только ухмылялся и наконецъ промолвилъ ласково...

— Ну вотъ и доброе дѣло. Давно бы такъ... Только жаль мнѣ, что малый-то, негодяй все-таки. Осилить онъ тебя, дорогая графиня, добился своего... но подлымъ образомъ!

Графиня передала Потемкину взятую ею съ собой записку Алексѣя, которая вполнѣ оправдывала его...

— Слава Богу! Вотъ радъ! воскликнулъ Потемкинъ. А я было ужъ похоронилъ его въ сердцѣ...

Затѣмъ графиня перешла къ главному предмету и цѣли своего посѣщенія: что дѣлать относительно пропажи ребенка?

— Помоги, Григорій Александровичъ. Хочешь, въ ноги брошусь... заплакала Софья Осиповна.

— Да вѣдь этотъ мерзавецъ говорить, что онъ померъ и даже спаленъ имъ до тла. Тетка-то мой.

— А мнѣ пишетъ вотъ неизвѣстный, пожалуй, самъ этотъ Фениксъ, что Гриша живъ. Вотъ прочтите.

Потемкинъ подумалъ, взялъ у Софьи Осиповны письмо Алексѣя, анонимную записку и, кромѣ того, написавъ нѣсколько строкъ, далъ ей подписать. Это было краткое заявленіе о раскаяніи Норичей и согласіи графа Зарубовскаго снова признавать Алексѣя за внука и законнаго наследника.

— Ну вотъ я съ этимъ сейчасъ къ матушкѣ-царицѣ. Теперь я вами доволенъ и готовъ самъ вѣхать къ фокуснику съ обыскомъ. Коли не былъ „спаленъ-невѣжей“, невольно пошутить Потемкинъ, то мы моего тезку, Гришуху, отвоюемъ.

Графиня, отчасти успокоенная, поѣхала домой, а Потемкимъ сталъ собираться въ Зимній Дворецъ.

Но въ эти мгновенія курьеръ уже сказалъ по Невскому изъ дворца въ Аничковскій домъ съ приглашеніемъ Государыни явиться князю немедленно.

За часъ предъ тѣмъ, что графиня Зарубовская явилась къ Потемкину, съ государыней случилось маленькое происшествіе, видѣнное цѣлой толпой народа.

Придя въ себя лишь на половину, Алексѣй, уже послѣ исчезновенія Іоанны, рѣшилъ, не колеблясь ни минуты, сознаться тотчасъ въ невольномъ дерзкомъ обманѣ царицы, разсказать все подробно и просить о своемъ арестѣ, даже о строгомъ наказаніи по законамъ.

— Именно скорѣе самъ себя выдамъ головою и наказанія просить буду! Легче на душѣ станетъ! бормоталъ онъ.

Не сказавъ ни слова обѣимъ дѣвушкамъ, за что онъ оскорбилъ графиню Ламоть, онъ только простился съ ними и быстро, безъ оглядки, все еще блѣдный, выбѣжалъ изъ дому. Дѣвушки кричали ему вслѣдъ, усиленно звали его, но онъ даже не обернулся.

„Куда? Къ кому? мелькало у него въ головѣ какъ сквозь туманъ. Къ Рылѣву! рѣшилъ онъ уже на полдорогѣ. Онъ начальникъ полиціи! Ему себя и выдамъ“.

Между тѣмъ онъ шелъ быстро, бормоталъ махая руками и не замѣчалъ того, что на него оглядываются всѣ прохожіе... Такъ достигъ онъ Царицына луга и пошелъ чрезъ него, очевидно не понимая и не зная, куда онъ идетъ... Шагая безсознательно предъ собой, онъ вдругъ долженъ былъ остановиться предъ оградой. Это былъ лѣтній садъ.

Алексѣй оглянулся, отчасти пришелъ въ себя и выговорилъ вслухъ:

— Что же я дѣлаю! Гдѣ Рылѣвъ? Гдѣ онъ живетъ... Что за садъ...

Онъ сталъ озираться кругомъ себя и вдругъ увидѣлъ у воротъ ограды изящную позолоченную карету съ цугомъ бѣлыхъ коней, а около нихъ придворныхъ лакеевъ, скороходовъ и двухъ кавалергардовъ верхомъ. Вокругъ кареты была толпа зѣвакъ.

Сразу понялъ все Алексѣй и бросился къ этой каретѣ, огибая ограду.

— Сама судьба сюда привела... Это она! Она! почти закричалъ онъ на бѣгу...

Дѣйствительно, изъ сада выходила государыня и послѣ прогулки приближалась тихо къ поданной каретѣ, въ сопровожденіи одной фрейлины.

Въ ту минуту, когда императрица явилась въ воротахъ, къ ней, растолкавъ толпу, бросился молодой человѣкъ въ дворянской домашней одеждѣ, но безъ парика, безъ шляпы и безъ шпаги... Онъ упалъ на колѣни предъ ней, зарыдалъ, силился что-то сказать и не могъ... И только схвативъ край ея платья, цѣловалъ его и закрывалъ имъ себѣ лицо. Государыня сначала невольно вздрогнула, лакеи бросились было оттащить отъ нея безумца, за ними и вся толпа колыхнулась.

— Пойдите... оставьте... вымолвила Екатерина. Своимъ опытнымъ и зоркимъ глазомъ, она увидѣла, что имѣеть дѣло не съ сумасшедшимъ, а съ человѣкомъ, сейчасъ только пораженнымъ горемъ или бѣдой...

— Что вамъ, говорите! Кто вы?.. милостиво вымолвила она, набигаясь, чтобы видѣть того, который лежитъ у ея ногъ.

— Простите... Простите...

Только эти два слова и могъ произнести Алексѣй и, лишившись чувствъ, повалился на землю... Но государыня, вдругъ, пристальнѣе приглядѣвшись къ безжизненному и блѣдному лицу лежащаго, сразу узнала того несчастнаго молодого человѣка, о которомъ просила даже Потемкина похлопотать. Она прошла и, сѣвъ въ карету, приказала позаботиться о лежащемъ въ обморокѣ.

— *C'est le mousquetaire de la reine de France!* обратилась она къ своей спутницѣ. Какая новая бѣда съ нимъ приключилась? И такъ уже судьба его была горестная.

— Онъ сказалъ: „Простите!“ замѣтила фрейлина. Онъ прощенья просилъ.

— Прощенія? Да. Правда! Конечно... Странно!..

Императрица задумалась.

Вернувшись во дворецъ, она тотчасъ послала за Потемкинымъ. Вельможа явился, выслушалъ рассказъ государыни о русскомъ мушкетерѣ, затѣмъ передалъ все слышанное имъ отъ графини Зарубовской, т.-е. что онъ не замѣшанъ въ воровство ребенка, а графъ снова призналъ его за внука.

— Въ чемъ же онъ прощенья просилъ. Все загадки... сказала Екатерина. Надо разгадать.

— Разгадаемъ, весело отозвался Потемкинъ. Такія ли загадки разгадывали. Я его сейчасъ же велю розыскать и при-

вести къ себѣ... Въ сумерки, матушка, даю слово, будемъ имѣть разъясненіе сего ребуса мушкатерскаго!

И Потемкинъ сдержалъ слово. Въ сумерки онъ явился снова во дворецъ послѣ свиданія съ Алексѣемъ и подробно все доложилъ государынѣ, все, что долго и горячо рассказывалъ ему Алексѣй объ его знакомствѣ съ Каліостро и графиней Ламоть.

Государыня выслушала все и покачала головой.

— Чѣмъ же онъ виноватъ. Коли мы обманулись, даже здѣшняя амбассادا французская обманулась, то ему и Богъ велѣлъ быть обманутымъ. Ему бы молчать, да со всѣми русскими и французскими онерами и уѣхать по-добру по-здорову. И концы въ воду.

— Конечно, матушка, его никто не выдавалъ, онъ самъ себя выдалъ. Все повторяетъ одно: я не негодай, я честный человекъ, но я преступникъ по опрометчивости и требую наказанія.

— Требую?.. улыбнулась государыня.

— Требуетъ наказанія! Такъ и оретъ на меня грозно и во всю глотку: накажи! разсмѣялся Потемкинъ.

— Хорошо, я его накажу по своему и по дѣламъ его! двусмысленно улыбнулась государыня.

— Ну, а на счетъ волшебника, да и волшебницы тоже... Какъ прикажешь, спросилъ Потемкинъ.

— Вѣстимо все, что должно и можно. По законамъ.

XXVIII.

Графиня Іоанна Ламоть хорошо знала людей и это знаніе приобрѣла изъ дѣятельной практики и изъ опыта. Поэтому она была увѣрена, что молодой безумецъ не поѣдетъ требовать ничего отъ графини Зарубовской, но, разумѣется, воспользуется почетнымъ французскимъ и русскимъ званіями и тотчасъ уѣдетъ съ невѣстой и сестрой въ Испанію, чтобы тамъ получить громадное состояніе послѣ вѣнца.

Стало быть, деньги Зарубовскихъ надо получить его именемъ себѣ самой.

Іоанна, оправившись отъ оскорбленія и насилія, совершеннаго надъ ней безумцемъ, побывавъ дома, собралась ѣхать къ графинѣ Софѣ Осиповнѣ, когда въ ея квартирѣ появился Каліостро...

Кудесникъ былъ взволнованъ и озабоченъ.

— Что съ вами? удивилась Іоанна...

— Скверны наши дѣла. Что Норичъ?..

— Отказался на отрѣзъ, конечно... Я этого и ждала. Не будь онъ у меня въ рукахъ — было бы еще хуже. Теперь я ѣду сама кончать съ матерью. Конечно, отъ его имени...

— Надо спѣшить, графиня. Надо спѣшить.

— Да. А что? Вы боитесь Норича, огласки. Такъ худшаго ничего не будетъ.

— Нѣтъ, графиня, я боюсь не за Норича, а совсѣмъ другого. Послѣдствій глупости вашей Розы.

— Какъ?!

— Ребенокъ очень плохъ. За одну ночь онъ такъ ослабѣлъ, что, признаюсь, я не ручаюсь, будетъ ли онъ жить. Даже не ручаюсь за нѣсколько дней.

— Но три дня-то онъ проживетъ? А больше мнѣ не нужно.

— Не знаю.

— Какъ не знаете. Да вѣдь это ужасно. Вѣдь тогда все пропало. Вся поѣздка въ Россію — нуль...

— Сами вы виноваты, т. е. ваша дура Роза. Развѣ возможно было такъ опавать... Это вышло настоящее отравленье...

— Давали вами же назначенную дозу... раздражительно проговорила Іоанна.

— Мою дозу?.. Я ребенка не видалъ. Я не зналъ, что онъ хилый. Ему надо было меньше... Я не отравитель!..

— Ну, да что объ этомъ! Теперь поздно спорить о пустякахъ, разсердилась Іоанна. Надо дѣйствовать. Я ѣду сейчасъ и кончаю. А вы употребите всѣ ваши усилія и все ваше искусство, чтобы поддержать его жизнь хоть на три дня, можетъ быть, на два... Слышите, хоть на два...

— Хорошо... какъ-то угрюмо отозвался Калиостро.

Графиня тотчасъ же собралась и поѣхала къ Зарубовскимъ. Софья Осиповна, конечно, приняла прежняго друга, хотя теперь уже подозрѣвала Іоанну, благодаря запискѣ Алексѣя и объясненію съ Потемкинымъ. Она просто побоялась не принять баронессу д'Имеръ. Быть можетъ, жизнь младенца въ рукахъ этой женщины, подсказывало ей сердце матери.

Объясненіе пріятельницъ было короткое. Баронесса просила денегъ для г. Норича, чтобы на утро привезти Гришу здоровымъ и невредимымъ. Софья Осиповна объяснила все,

что узнала, и все, что уже сдѣлала. Алексѣй получить все ему слѣдующее по закону—имя и титуль теперь, а половину состоянія послѣ смерти графа.

— Онъ требуетъ сейчасъ же, сегодня тысячь сто... проговорила отчасти пораженная извѣстіемъ Іоанна.

— А его записка? Его клятва, что онъ тутъ ни при чемъ?.. не менѣе пораженная отозвалась графиня.

— Это игра... для постороннихъ... Ему нужны очень деньги... Онъ боится, что все это дѣло протянется, что вы наконецъ опять, послѣ...

Іоанна путалась и не знала, что сказать. Опять злая судьба смѣялась надъ ней, какъ уже не разъ въ Парижѣ. Все срывалось за мигъ до полного успѣха...

— Хотите ли вы видѣть вашего Гришу сегодня вечеромъ? Въ восемь часовъ онъ будетъ у васъ, рѣшительно выговорила она.

— Конечно! восторженно воскликнула графиня.

— Дайте мнѣ сто тысячь...

Графиня удивилась и задумалась... „Стало быть ей, а не Алексѣю!“

— Я признаюсь, не понимаю... проговорила она, но тотчасъ же снова подумала: „А если жизнь Гриши въ ея рукахъ? Если власти будутъ не въ состояніи что-либо сдѣлать съ хитрыми негодяями?!.“

— Вы не согласны? съ угрозой вымолвила Іоанна, вставая.

— Согласна! вырвалось невольно у графини. Привозите мнѣ сына сейчасъ, т. е. хоть вечеромъ, и я передамъ вамъ деньги.

— Вотъ это разумно. Такъ ждите меня. Но только, графиня... помните. Если вы меня обманете, то это такъ не останется...

— Нѣтъ, баронесса, гордо вымолвила Софья Осиповна. Привозите Гришу, деньги будутъ васъ ждать.

XXIX.

Въ сумерки Іоанна была въ домѣ Калиостро и укутывала маленькаго Гришу, чтобы везти его къ матери. Она была въ духѣ и весело острила съ Лоренцой и съ кудесникомъ.

Лоренца, которая не имѣла своихъ дѣтей, пронырчавшись

съ больнымъ ребенкомъ такъ долго, привыкла къ крошкѣ и полюбила его.

— Бѣдняга, шептала она, теперь надолго ли онъ ѣдетъ къ матери.

— Ничего. Можетъ быть и оправится, сказалъ Калиостро. Теперь онъ лучше, чѣмъ былъ по утру.

— Ну объ этомъ заботьтесь и думайте вы, графиня Лоренца! размѣялась Иоанна. Мнѣ лишь бы его доставить живымъ и сдать.

И Иоанна, закутывая ребенка, тормошила и переворачивала его рѣзко, неумѣлыми руками и угловатыми движеньями, какъ всѣ женщины, никогда не обходившіяся съ малютками. Ребенокъ сталъ пищать слабымъ болѣзненнымъ голоскомъ.

— Ну, кажется, пора?.. сказалъ наконецъ Калиостро. Обидно, однако, вмѣсто двухъ сотъ тысячъ, а то и болѣе, получить сто, а то и менѣе. Что вы, кстати сказать, сдѣлаете, если графиня Зарубовская васъ обманетъ.

Иоанна хотѣла отвѣчать, но въ этотъ мигъ въ слабо освѣщенной одной свѣчей горницѣ появился Джеральди и проговорилъ что-то задыхаясь своему барину.

Калиостро ахнулъ, схватилъ изъ рукъ Иоанны ребенка и бросился съ нимъ въ противоположный уголъ дома, гдѣ былъ его рабочій кабинетъ...

Не успѣла графиня Ламоть спросить у перепуганной Лоренцы, что бормочетъ по итальянски ихъ Джеральди, какъ дверь изъ корридора растворилась тихо и въ комнату вошли одинъ за другимъ нѣсколько военныхъ... Это былъ офицеръ съ вооруженной ружьями командой солдатъ.

— Я васъ прошу не двигаться изъ комнаты ни на шагъ, произнесъ онъ, обращаясь къ дамамъ вѣжливо, но не кланаясь.

— Ни на шагъ! Иначе васъ свяжутъ...

Оставивъ караулъ около трепещущихъ женщинъ двѣ пары солдатъ, офицеръ съ остальной командой двинулся въ ту же сторону, куда убѣжалъ Калиостро. Черезъ полчаса хозяинъ дома, графъ Фениксъ, его жена и баронесса д'Имеръ были снова одни въ квартирѣ и снова свободны... Но ребенокъ былъ уже взятъ и увезенъ. Пока офицеръ обыскивалъ домъ, внизу, въ каретѣ своей, ожидала исхода обыска, взволнованная, блѣдная, плачущая отъ боязни и неизвѣстности сама графиня Софья Осиповна...

Теперь она съ замираньемъ въ сердцѣ прислушивалась къ лепету младенца и, не видя лица его, на этотъ разъ чувствовала, знала не разумомъ, а всѣми фибрами всего существа, что везетъ „своего“ ребенка, а на чужого.

А графъ Фениксъ и Иоанна сидѣли пораженные, раздавленные, молчаливые. На столѣ лежала казенная бумага съ печатью, оставленная офицеромъ.

Это былъ приказъ полиціи въ 24 часа собраться и выѣхать изъ столицы, къ тому же съ условіемъ въ двѣ недѣли времени и пути быть внѣ предѣловъ русскихъ.

— Но намъ не на что ѣхать! вымолвила наконецъ Иоанна. У насъ нѣтъ ни гроша.

— Я такъ и скажу... отозвался Калиостро. Нѣтъ, Лоренца... обратился онъ къ женѣ. Собирайся тотчасъ къ Потемкину и объясни все... Проси денегъ на путевыя издержки. Ну а вы, графиня, возьмите у Самойлова.

— Онъ меня вчера оскорбилъ и выгналъ отъ себя! пронесла Иоанна глухо.

XXX.

Весь вечеръ и до полуночи въ домѣ Зарубовскихъ было движеніе. Маленькій графчикъ былъ живъ и невредимъ, снова въ своей опочивальнѣ, и половина домочадцевъ ликовала по этому поводу. Другая половина съ Макаромъ Ильичемъ во главѣ, большею частью пожилые люди и старики, ликовали не менѣе отъ извѣстія, что изувѣры Норичи покаются въ клеветѣ, а графиня уже подала просьбу царицѣ, прося за нихъ и за себя прощенія... Стало быть, сынъ покойныхъ господъ графа Григорія Алексѣевича и Эмилиі Яковлевны— снова признанъ за ихъ барина. Всю ночь просидѣла Кондратьевна надъ изголовьемъ обожаемаго ею Гришеньки и вздыхала:

— Какъ его тальянецъ уходилъ, родного... Чуть живъ. Теперь въ мѣсяцъ не оправится. Навѣрное, не кормили ребенка или кормили своей какой дрянью. Вотъ и извели!

Софья Осиповна нѣсколько разъ за ночь вставала и приходила поглядѣть на Гришу... Ребенокъ смущалъ ее своей хилостью и блѣдностью и слабымъ голосомъ. Такъ ли онъ кричалъ прежде, когда его только тронешь или даже только слово скажешь! На утро графиня побывала у мужа и, не объ-

ясняя ничего, объявила, что такъ какъ мальчику гораздо лучше, то она принесетъ его. Графъ очень обрадовался. Лицо его засіяло.

— Слава Богу! Шутка ли сколько времени я его не видалъ. Давай! Давай!..

Около полудня, Софья Осиповна собралась нести ребенка къ мужу и замѣтила, что онъ спокойнѣе и тише... Ей казалось, что Гриша смотритъ лучше... Такъ умно, серьезно... только чуть-чуть будто тоскливо... Кондратьевна, напротивъ, предпочитала его „воевательства“ этому спокойствію и этимъ „нехорошимъ“ глазамъ.

Когда ребенка принесли къ графу, онъ протянулъ къ нему ручки, а графъ прослезился... Тотчасъ устроили двѣ подушки на креслѣ, придвинутомъ поближе къ графу, и усадили Гришу какъ въ футляръ...

Ребенокъ тяжело дышалъ и странно глядѣлъ куда-то въ пространство, будто не видя никого и ничего...

— Мамушка... Да ему будто хуже? вымолвила графиня стоящей на колѣняхъ у кресла Кондратьевнѣ...

— Гри-ша! А Гри-ша! ласковымъ, но дряблымъ голосомъ восклицалъ старый графъ, усмѣхаясь и заигрывая съ сынишкой. Чего, букой глядишь! Не признаешь. Забылъ что ли отца, разбойникъ...

— Графинюшка... Графинюшка... воругъ забормотала Кондратьевна, нагибаясь и приглядываясь ближе къ ребенку.

— Что ты?! вскрикнула графиня отъ страннаго голоса мамки. Что съ тобой...

— Графинюшка... Графинюшка... чуть слышно повторяла Кондратьевна, будто не сознавая даже, какое слово произносить. Матерь Божья заступи! вдругъ всхлинула она.

— Да что же? Что? дрогнувшимъ голосомъ отозвалась Софья Осиповна и тоже опустила на колѣни около кресла, гдѣ сидѣлъ ребенокъ, на подушкахъ, съ осунувшимся лицомъ и съ повиснувшей на бокъ головкой...

Вдругъ Гриша вздохнулъ глубоко, больше раскрылъ глаза и тихо пискнулъ. И онъ сталъ сразу смотрѣть совсѣмъ иначе, онъ будто приглядывался внимательно къ чему-то...

Графъ глядѣлъ тревожно на сына, жену и мамку; онъ начиналъ понимать или чувствовать, что тутъ творится нѣчто необычайное.

Но вдругъ дикій и пронзительный крикъ жены потрясъ все

драхлое существо 70-ти лѣтняго старца: жена повалилась безъ чувствъ на полъ, между нимъ и кресломъ, гдѣ попрежнему сидѣлъ неподвижно ребенокъ и будто глядѣлъ на него.

Прибѣжавшіе люди вынесли графиню въ другую горницу и положили на диванъ... Затѣмъ Кондратьевна, тихо и молча, опустивъ глаза въ землю, понесла въ дѣтскую тѣло непримѣтно скончавшагося младенца.

Старый графъ остался одинъ въ своемъ креслѣ, съ искривленнымъ и безмысленнымъ лицомъ, руки и ноги его подергивало судорогой... Онъ хотѣлъ крикнуть, позвать, и языкъ не повиновался ему... Горницу застилало туманомъ... Туманъ сгущался, становился розовый, красный, багровый...

XXXI.

Въ квартирѣ Алексѣя было особенно тихо. Молодой человѣкъ не выходилъ изъ своей горницы и почти не говорилъ ни слова. Невѣста и сестра ухаживали за нимъ, появляясь съ заплаканными глазами и тоскливымъ лицомъ. Алексѣй былъ не боленъ, а сраженъ всѣмъ, что пережилъ за одинъ день... Результата его приключенія въ Лѣтнемъ саду и его свиданія съ Потемкинымъ еще не было никакого. Онъ ничего не зналъ о своей судьбѣ, какъ рѣшить ее царица, которую онъ обманулъ по милости проклятой женщины.

Онъ зналъ только одно, что Калиостро съ женой, графиню Ламоть и Вильета—всѣхъ выслали уже вонъ изъ столицы. Въ 24 часа времени они собрались и выѣхали.

Однажды черезъ недѣлю послѣ его приключенія, среди дня, Эли быстро вошла къ нему въ сопровожденіи встревоженной Лизы и принесла письмо.

— Курьеръ изъ дворца, выговорила Эли дрожащимъ голосомъ, и, чувствуя, что не устоитъ на ногахъ, опустилась на диванъ около жениха. Лиза стала на колѣни около нихъ.

На письмѣ былъ адресъ:

„Поручикѣу Лейбъ-гвардіи Ея Величества графу Алексѣю Григорьевичу Зарубовскому“.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, двинулся и опять опустился на диванъ, замирая всѣмъ существомъ. Дрожащими руками развернулъ онъ письмо и прочелъ:

„Любезнѣйшій и благороднѣйшій государь мой! Симъ извѣ-

шаю, что Царица повелѣваетъ въ наказаніе за ваши преступленія служить тебѣ въ рядахъ ея гвардіи впредь до особаго разрѣшенія ѣхать въ Гишпанское королевство. Я же съ своей стороны предлагаю въ обстоятельствахъ тебѣ извѣстныхъ отправляться въ свой домъ, чтобы самолично, по долгу христіанскому и родственному, каковой обычай указываетъ, благочинно приступить къ похоронамъ покончившихъ животь свой, вашихъ малолѣтняго дядюшки и дѣда. А за симъ, войдя во владѣніе всѣмъ имуществомъ, представиться имѣете ко двору Ея Величества купно съ сестрою и гишпанской невѣстой.

Къ тебѣ сердцемъ благосклонный князь Григорій Потемкинъ“.

— Эли! Лиза! едва слышно прошепталъ Алексѣй, но не могъ говорить...

Дѣвушки увидѣли, догадались, что бѣды нѣтъ. Когда же Алексѣй перевелъ имъ письмо Потемкина, онѣ обѣ бросились на молодого человѣка, душили его въ объятіяхъ, цѣловали его и цѣловались между собой.

Черезъ недѣлю послѣ этого памятнаго въ жизни дня Алексѣй, похоронивъ двухъ графовъ Зарубовскихъ, старика и младенца, проводилъ въ путь графиню, почти обезумѣвшую отъ постигнаго ея удара.

Графиня поѣхала въ дальнюю вотчину, перешедшую ей во владѣніе, какъ седьмая часть имущества покойнаго мужа.

Въ то же время сестра и невѣста Алексѣя переѣхали на жительство въ большія палаты, гдѣ всѣ ликовали, не смотря на недавнія похороны.

На второй день Пасхи молодой гвардеецъ графъ Зарубовскій представился монархинѣ вмѣстѣ съ сестрой и невѣстой.

Онъ съ волненіемъ и слезами восторга благодарилъ царицу за милостивый судъ и прощеніе невольнаго преступленія...

— Нѣтъ, графъ... Не я тутъ главнымъ судьей была! задумчиво произнесла Государыня, это былъ судъ Божій!“

ЯУН-КУНДЗЕ.

РОМАНЪ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Былъ май мѣсяць, 1722 года.

Въ одномъ шведскомъ приморскомъ городѣ господствовало особенное оживленіе на улицахъ. Повсюду, и въ городѣ, и въ окрестностяхъ его на нѣсколько верстъ кругомъ, стояли лагеремъ русскіе полки.

Улицы и дома были переполнены военачальниками, офицерами и солдатами. Весь край переживалъ еще смутные дни послѣ упорной борьбы и долго чередовавшихся походовъ и сраженій.

Городъ этотъ, не разъ видавшій въ стѣнахъ своихъ московскихъ ратниковъ, еще со временъ могущества Великаго Новгорода, былъ теперь завоеванъ русскими у шведовъ. Это былъ богатый, цвѣтущій портъ—Рига.

Но теперь оживляло городъ не одно присутствіе наступающихъ сюда русскихъ полковъ, а, главнымъ образомъ, личное присутствіе самого русскаго Императора, о которомъ гремѣла уже слава во всѣхъ предѣлахъ земныхъ.

Давно ли въ этой полудикой странѣ—Московіи хозяйничали какъ хотѣли и татары, и нѣмцы, и поляки... Кто только не побѣждалъ этихъ москочцевъ! Давно ли царствовалъ въ Москвѣ скромный и боязливый царь Алексѣй, по прозвищу „тишайшій“, котораго почти и знать не хотѣли другіе повелители другихъ странъ. Нынѣ народился иной царь московскій, который своими дѣяніями и побѣдами какъ бы завоевалъ себѣ новое званіе Императора.

Станнымъ и даже смѣшнымъ казалось сначала и курфюрсту, польскому королю, и шведскому, и нѣмецкимъ королямъ слышать, что эта восточная варварская земля хочетъ именоваться Имперіей, на подобіе священной Римской Имперіи. Но затѣмъ, вскорѣ грохотъ и блескъ оружія этихъ варваровъ поневолѣ заставилъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ монарховъ сознаться, что царь московскій достоинъ именоваться Императоромъ Всероссійскимъ.

Великій преобразователь, фельдмаршалъ и плотникъ, грозный деспотъ и веселый собесѣдникъ, проводилъ время въ Ригѣ такъ же, какъ всегда, занятый съ восхода солнца и до вечера всякаго рода дѣлами и заботами. вмѣстѣ съ нимъ сюда же прибыла и его жена, уже считаемая первой русской Императрицей, а между тѣмъ женщина простаго и загадочнаго происхождения, о которой не мало толковали въ Европѣ.

Государь проводилъ весь день внѣ дома, или уѣзжая въ портъ, подолгу оставался на корабляхъ, стоявшихъ въ заливѣ, или бывалъ въ окрестностяхъ, среди своихъ дружинъ. Государыня сидѣла почти безвыѣздно у себя, въ небольшомъ, но красивомъ домикѣ, который предложилъ русскому императору одинъ изъ богатыхъ рижанъ.

Однажды, около полудня, къ этому дому подѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, военачальникъ, губернаторъ Риги, князь Репнинъ и послалъ доложить о себѣ государынѣ.

Принятый ею, князь черезъ четверть часа уже вышелъ обратно и приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его офицеровъ:

— Ступай въ острогъ, спроси тамъ оную персону. Кого, ты знаешь! И захвати съ собой двухъ конвоировъ, веди сюда... Да веди, братецъ, строжайше и крѣпчайше. Ее допустить къ государынѣ, а ты стань здѣсь и, когда она выйдетъ, обратно отведи ее въ замокъ. Промахнешься въ чемъ—смотри! Плохо будетъ!

Офицеръ двинулся исполнять приказаніе, а князь Репнинъ, въ сопровожденіи другого офицера, направился въ противоположную сторону, чтобы присоединиться, въ числѣ прочихъ, къ свитѣ самого государя, осматривавшаго предмѣстье города и выбиравшаго мѣсто для постройки цитадели.

Черезъ часъ послѣ этого, къ резиденціи императорской, двое конвойныхъ солдатъ, съ ружьями на плечахъ, подъ командой офицера, привели изъ замка высокую, худошавую

женщину лѣтъ сорока на видѣ. Это была простая крестьянка, свѣтло-бѣлокурая, такъ что сѣдина въ головѣ едва отличалась отъ свѣтло-бѣлыхъ волосъ. Худое желтоватое лицо ея обличало изнуреніе, въ немъ ясно сказывалась болѣзненность, вѣроятно послѣдствіе тюремнаго житія. Свѣтло-сѣрые глаза безпокойно блуждали, и было замѣтно и въ лицѣ ея и во всѣхъ движеніяхъ, что она сильно взволнована и смущена. При малѣйшемъ словѣ конвойныхъ, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо и, наконецъ, въ минуту приближенія къ императорской резиденціи, откуда къ нимъ вышли двое гайдуковъ въ кафтанахъ съ позументами,—женщина пугалась. Она боязливо взглядывала изподлобья, даже слегка вздрагивала, какъ бы въ постоянномъ ожиданіи чего-либо для нея погибельнаго.

— Ты не робѣй! Чего робѣешь! раза три сказалъ ей офицеръ, видя ея тревогу.

Женщина не отвѣчала ничего и только разъ мотнула головой и пробурчала какія-то слова, но не по-русски.

Конвой остановился у главнаго крыльца. Гайдуки, вышедшіе навстрѣчу, приняли женщину отъ ея стражи и повели въ горницы. Была минута—и она, испуганно глядя на всѣхъ, остановилась, какъ бы не рѣшаясь двигаться далѣе, и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, собиралась, повидимому, оказать сопротивление.

— Не бойсь, не бойсь! Ничего тебѣ не будетъ! ласково и тихо сказалъ ей офицеръ.

Женщина украдкой перекрестилась по-католически и, подавивъ тяжелый вздохъ, перешагнула порогъ дома. Ее ввели въ небольшую горницу, красиво убранную, съ деревянными рѣзными стѣнами и рѣзнымъ потолкомъ. Это была столовая въ стилѣ среднихъ вѣковъ.

Гайдуки тотчасъ прошли далѣе и оставили ее одну. Женщина, дико озираясь, ничего однако не замѣчала. Она была слишкомъ встревожена и, казалось, сознательно взглядывала только на двѣ двери, которыя были передъ ней.

Что думала она и чего ждала?—Богъ вѣсть!

Въ ея головѣ мелькали всякіе ужасы, мерещился ей даже палачъ съ топоромъ, который вотъ сейчасъ выйдетъ изъ дверей и отрубить ей голову.

Черезъ нѣсколько мгновеній появился старикъ, по одеждѣ и оружію—военный, а по длиннымъ, сѣдымъ усамъ его, которые повисли съ лица до самаго воротника кафтана, можно

было узнать уроженца Украины. Это был типичный малороссъ, потомокъ удалыхъ запорожцевъ. Сѣрые глаза его подъ мохнатыми сѣдыми бровями ярко горѣли и вспыхивали, какъ у двадцати-лѣтняго юноши. Онъ кивнулъ головой женщинѣ и, подходя, выговорилъ добродушно:

— Ты вѣдь по-русски ни слова не знаешь?

Женщина молча замотала головой.

— Что жъ по-латышски что ли?

— Могу... вымолвила только женщина.

— Ну такъ по-польски говоришь? перемѣнилъ онъ языкъ. Твой языкъ польскій?

По-польски женщина отвѣтила тотчасъ и зачатила словами, завѣряя прежде всего „пана ясновельможнаго“, что она ни въ чемъ неповинна, что она взята въ плѣнъ русскими войсками, разорена и томится въ острогѣ, не зная, что приключилось со всей ея семьей.

— Добже, добже, махнулъ рукой старикъ. Это не мое дѣло. Ты отвѣчай мнѣ на вопросы. Ты Христина?

— Я Христина Енрихова, а по отцу Скворощанка. Такъ зовутъ люди. А отецъ звалъ иначе. Звался онъ Самуиломъ Скворотскимъ. Все это правда, ясновельможный панъ, я не лгу... Но я не виновата. Я просила только облегчить свое заключеніе, просила, хоть ради моихъ дѣтей, помиловать меня и на волю выпустить. Я ничего не прошу другого... А что я говорила въ супликѣ своей, то все правда... Да и она, Марта, сама вспомнить, коли захочетъ.

— Марта? вымолвилъ встрепенувшись старикъ.

— Да, Марта.

— Ну, милая моя... Ты хоть и простая крестьянка, а все-таки, видать, женщина не совсѣмъ глупая. Поэтому пойми, что я тебѣ скажу: ты этакъ не называй ея величество ни въ глаза, ни заглазно. Она для тебя, какъ и для всего міра—государыня Екатерина Алексѣевна.

— Но вѣдь ея имя отъ рожденія—Марта, отозвалась Христина. Я такъ и называю ее...

— Вѣрю, знаю... Но пойми, что ты должна называть государыню—государыней, а не Мартой. И въ бесѣдѣ съ нею, хоть и не прямо, а при моей помощи, все-таки имени этого—Марты, не упоминай! Поняла?

— Поняла, ясновельможный панъ.

— Ну вотъ, сейчасъ я тебя предъ государыней поставлю,

и что будетъ она тебя чрезъ меня спрашивать, то ты по сущей правдѣ и говори. Если чего, избави Боже, налжешь, то тебѣ еще хуже будетъ.

— Зачѣмъ мнѣ лгать, я одну сущую правду скажу, что и въ супликѣ говорила.

— Ну, хорошо. Обожди тутъ минуту, да успокойся немного. Чего дрожишь? Ничего худого тебѣ не сдѣлаютъ. Присядь-ко вотъ тутъ, да вздохни. Чувства свои постарайся успокоить. А то въ этомъ видѣ ты ни говорить, ни объясняться не будешь въ состояніи. Ну присядь!

Малороссъ ласково положилъ руку на плечо женщины и почти силкомъ усадилъ ее на деревянный стулъ.

Двинувшись въ другія горницы, старикъ-воинъ едва замѣтно помоталъ головой и пробурчалъ себѣ подъ носъ, на своемъ родномъ хохлацкомъ нарѣчій:

— Дѣла, дѣла... Вонъ они, какія дѣла. Какая диковина на свѣтѣ бываетъ!.. А сходствія совсѣмъ никакого... Это совсѣмъ латышка или голландка, что ли... Совсѣмъ бѣлобрысая. Съ нашей чернобровой царицей ни чуточки сходствія нѣтъ.

Проходя чрезъ пустую горницу, онъ остановился вдругъ:

„А знаетъ ли государь про то, что оную женщину сюда представили и допустили къ государынѣ. Если онъ не знаетъ, да вдругъ, оборота домой не въ урочный часъ, найдетъ ее тутъ... Тогда и мнѣ не сдобровать!“

Постоявъ мгновенье, старикъ вздохнулъ и двинулся далѣе, бурча себѣ подъ носъ:

— Что жъ тутъ раздумывать? Хоть и не виновать, а дубинки отвѣдаешь! Да и всѣ отвѣдаютъ ее. Начать съ князя Репнина. А на міру и дубинка легка, какъ смерть красна!..

II.

Военный, вышедшій къ Христинѣ и отправившійся доложить государынѣ о приводѣ женщины изъ замка по ея указу— былъ уже 75-лѣтній старикъ, которому можно бы было дать 50 лѣтъ, еслибъ не бѣлые, какъ снѣгъ, усы и не блестящая, серебряная щетка волосъ на головѣ, коротко остриженныхъ, кромѣ маковки, гдѣ видѣлся маленькій чубъ вершка въ два.

Эта гладко выстриженная голова съ чубомъ отличала ста-

рика отъ всей свиты царя и царицы. Онъ одинъ былъ всегда безъ парика, какъ въ обыденное время, такъ и въ парадные дни. Это была льгота, дарованная старику-хохлу самимъ царемъ, за особыя услуги, оказанныя предъ Полтавскимъ боемъ. Послѣ этого памятнаго дня старикъ сталъ полковникомъ, приближеннымъ лицомъ, въ особенности государыни, и уже ни на минуту не покидалъ ее.

Когда царь отлучался надолго, въ походъ, то всегда неизмѣнно говорилъ любимцу-хохлу:

— Ну „гребешокъ“, береги Катрю.

Этимъ именемъ на малороссійской ладъ царь называлъ жену только одному старику-хохлу. Его же собственное прозвище, данное царемъ, произошло отъ его фамиліи. Хохоль носилъ старинное имя его родной земли: Гребенка.

Полковникъ по чину, никакимъ полкомъ не командовалъ, а былъ нѣчто въ родѣ адъютанта или на порученіяхъ у царицы. Екатерина хотя настолько научилась русскому языку, что уже могла вполне свободно владѣть имъ, но все-таки предпочитала, даже въ бесѣдѣ съ царемъ, свой полуродной языкъ, т. е. нѣмецкій. Полковникъ Гребенка хорошо говорилъ по-русски, по-польски, по-нѣмецки, по-шведски и даже немного мароквалъ по-латыни, обучавшись когда-то въ юности разнымъ наукамъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Галицкой Руси.

Между тѣмъ, женщина, назвавшая себя Христиной, глубоко задумалась, усаженная почти насильно на стулъ добрымъ паномъ. Было отчего ей тревожиться, робѣть и волноваться.

За послѣдніе мѣсяцы она прошла чрезъ всякаго рода мытарства. Внезапно оторванная отъ родного гнѣзда, разлученная съ мужемъ и съ дѣтьми, она уже давно не видалась съ ними и не знала, какая судьба постигла ихъ. Она была взята въ плѣнъ русскими войсками, прошедшими грозой чрезъ ея родныя мѣста, и въ числѣ другихъ десятковъ плѣнныхъ она кой-какъ добралась до Риги, пѣшкомъ, впроголодь. Плѣнныхъ гнали за арміею какъ стадо барановъ. По пути въ Ригу исподволь изъ десятковъ образовались сотни этихъ военноплѣнныхъ. Зачѣмъ ихъ отрывали отъ очаговъ и родныхъ— было неизвѣстно и непонятно. Многихъ парней и пожилыхъ поселянъ не брали или вскорѣ отпускали. Другихъ, а въ томъ числѣ нѣкоторыхъ женщинъ и дѣтей, гнали вплоть до Риги и здѣсь размѣстили по тюрьмамъ, ямамъ, подваламъ, и даже

просто на улицѣ таборомъ, подѣ карауломъ. Женщину эту, можетъ быть, и не погнали бы сюда съ родины, а отпустили бы, но, взятая въ плѣнъ, она тотчасъ, съ перепугу, вздумала облегчить свою участь или даже совсѣмъ освободиться отъ плѣненія. Она заявила, что желаетъ видѣть самого командира войска русскаго, чтобы сказать ему нѣчто, очень важное о себѣ.

Князь Репнинъ допустилъ къ себѣ женщину-поселянку — полу-польку, полу-латышку. И она сказала ему это нѣчто о себѣ...

И, вмѣсто свободы, она, подѣ строжайшимъ карауломъ и подѣ самымъ бдительнымъ надзоромъ особо приставленнаго къ ней офицера, была доставлена пѣшкомъ въ Ригу, а здѣсь заперта въ самую строгую камеру городского тюремнаго замка. И въ томительномъ одиночномъ заключеніи, ничего не вѣдая о судьбѣ семьи своей, высиждала она почти два мѣсяца.

Наконецъ, сегодня ее потребовали внезапно сюда, въ этотъ домъ, чтобы поставить предъ лицо самой русской царицы.

Что будетъ послѣ этого свиданія? Тюрьма опять? Или кнутъ? Казнь? Ссылка за тридевять земель? Все можетъ быть. Но что будетъ — она окончательно не можетъ предвидѣть... И бѣдныя дѣти осиротѣютъ! Да и живы ли они теперь...

Этотъ командиръ русскихъ войскъ, зная, гдѣ семья женщины, могъ уже давно распорядиться и объ нихъ, могъ указать ихъ плѣненье и заточенье или угонъ куда-либо.

— Можетъ быть, дѣти съ мужемъ давно въ Россіяхъ! сотни разъ въ день вздыхаетъ и бормочетъ эта женщина. И ей разуму представляется, что въ этихъ „Россіяхъ“ жизнь дѣтей ея не что иное, какъ рядъ самыхъ страшныхъ мътарствъ, мукъ и истязаній.

— Однако, ты, любезная, будто омертвѣла. Вотъ ушла-то въ свои мысли. Очнись! Эй!

Вотъ что услышала наконецъ женщина надъ собой и, очнувшись, почувствовала на плечѣ руку, которая ее тормозила. Предъ ней стоялъ тотъ же сѣдой панъ.

— Очнись, Христина. Вставай! Иди за мной... говорилъ онъ ей по-польски, ухмыляясь ласково и добродушно.

Женщина почти безсознательно повиновалась. Она встала, двинулась вслѣдъ за паномъ, прошла двери, потомъ богатую, но мрачную темно-красную съ золотомъ горницу, затѣмъ

другія двери и вошла наконецъ въ маленькую угольную горницу съ двумя окнами на площадь...

Тутъ было ярко, свѣтло, какъ-то радостно, весело...

Въ углу, у открытаго окна, на высокомъ креслѣ, съ золотой скамеечкой подъ ногами, сидѣла молодая на видъ женщина. Маленькія ножки въ голубыхъ сапожкахъ высунулись изъ подъ короткой атласной юбки, тоже голубой. Бѣлый шелковистый платокъ окуталъ ее отъ полной шеи до талии.

— Ахъ, какая красавица! А какіе сапожки! какое платье!.. невольно ахнула мысленно Христина.

Женщина эта, бѣлая и румяная, съ пухлыми щеками и яркимъ румянцемъ во всю щеку, чернобровая и черноокая, глядѣла на нее, широко раскрывъ свои блестящіе глаза подъ черными и тонкими бровями. Она улыбнулась... Лицо ея такъ и засвѣтилось вдругъ, будто все оно засмѣялось. И губы, и глаза, и вздернутый носикъ, и черныя ниточки-брови — все смѣется въ разъ.

Вошедшая смутилась и стала тяжело дышать, но вдругъ что-то будто толкнуло ее, будто кто-то приказалъ... Можетъ быть, это панъ приказалъ ей... Она двинулась еще на шагъ, опустилась на колѣни и бросилась вдругъ въ ноги красавицѣ. Голова ея повалилась около этой самой золотой скамеечки, гдѣ стоятъ рядомъ маленькія ножки въ голубыхъ сапожкахъ.

Это была сама царица. Христина поняла это тотчасъ. Кто же можетъ быть эта красавица, коли не царица. Не только она сама, ея сапожки, золотая скамеечка подъ ногами, но вся горница эта, — воздухъ и свѣтъ въ этой горницѣ — все какое-то особенное! Отъ всего повѣяло на упавшую въ ноги женщину чѣмъ-то, чего она никогда еще ни видала и никогда не ощущала.

Не сразу пришла крестьянка въ себя и не сразу встала на ноги, хотя панъ-воинъ давно ее поднималъ и что-то говорилъ ей громко по-польски.

Царица протянула ей руку. Она бережно поцѣловала бѣленькую и хорошо пахнущую ручку.

Затѣмъ женщина уставилась дико глазами въ лицо сидящей, глядѣла, все глядѣла не сморгнувъ, и наконецъ заплакала и стала утирать лицо руками.

Почему она плакала — она сама не сознавала. Но это было хорошее чувство, которое вдругъ въ ней сказалось.

III.

Царица говорила на полупонятномъ Христинѣ языкѣ, обращаясь къ военному пану. Онъ обернулся къ крестьянкѣ и, заговоривъ снова по-польски, сталъ ей дѣлать вопросы, а затѣмъ, тотчасъ же обращаясь къ царицѣ, очевидно повторялъ ей то же.

Онъ выспросилъ Христину о мѣстѣ ея жительства, объ ея положеніи, о томъ, какъ она попала въ Ригу.

Государыня по-нѣмецки приказала полковнику заставить женщину подробно и толково рассказать все, что она знаетъ о родныхъ своихъ и судьбѣ всѣхъ членовъ семьи.

— Отца твоего зовутъ Самуиломъ Сковоротскимъ? началъ полковникъ.

— Да. Самойло Сковоротскій или Сковорощанекъ. Звали и Скавронкомъ.

— Это уже не фамилія, а прозвище... замѣтилъ полковникъ.

Передавъ отвѣтъ Христины государынѣ, Гребенка прибавилъ отъ себя, что Скавронекъ значить по-польски: жахронокъ.

Затѣмъ онъ снова началъ свой допросъ. Женщина отвѣчала.

— Отецъ — Самуиль или Самойло, а мать — Доротѣя, по дѣвчеству Ганъ, давно умерли, когда я была еще очень маленькая. Была у насъ въ краѣ какая-то особая болѣзнь, отъ которой много народу умерло въ одно лѣто. Говорили, что это болѣзнь турецкая... Здоровый совсѣмъ человѣкъ заболѣвалъ вдругъ и въ два-три дня чернѣлъ весь и умиралъ. Сначала умерла мать. Отецъ очень горевалъ и не давалъ ее хоронить, — съ ней, съ мертвой, сидѣлъ. Но тутъ же самъ заболѣлъ и въ день померъ. Такъ что ихъ вмѣстѣ и хоронили.

— Сколько васъ дѣтей осталось?

— Пятеро. Три дѣвочки и два мальчика. Я, какъ старшая, занялась хозяйствомъ.

— Спросите у нея всѣ имена ихъ! выговорила государыня, когда Гребенка передалъ ей слова женщины.

— Я, старшая, Крестиной или Христина зовусь; братья именемъ: старшій Карлусъ, младшій Дирихъ, а сестра средняя, что замужемъ нынѣ за хлопомъ Якимовичемъ — Анна.

— А третья? Имя третьей? нетерпѣливо и съ легкимъ волненіемъ вымолвила государыня.

— Третья, самая младшая, совсѣмъ малюткой оставшаяся послѣ родителей, звалась... Христина запнулась вдругъ и глаза ея забѣгали испуганно. Она не знала, какъ ей быть, какъ поступить.

— Ну, какъ же звали третью дѣвочку? вымолвила государыня, а затѣмъ повторилъ уже два раза и панъ-воинъ.

— Я не знаю... глухо и робко промолвила Христина.

— Какъ не знаешь? воскликнула царица, очевидно взволнованная до-нельзя.

— Ты же сейчасъ мнѣ тамъ въ столовой говорила имя, сказалъ Гребенка, а теперъ говоришь, не знаю.

— Да вѣдь вы приказывали не называть... вотъ ихъ... забормотала растерянно Христина.

— Отвѣчай прямо на вопросъ, строго произнесъ полковникъ. Какъ звали твою младшую сестру?.. Ну?

— Мартой, чуть слышно вымолвила женщина, но продолжала храбрѣе: Я ее очень любила, когда она осталась сироткой у меня на рукахъ... Но тутъ пріѣхала тетка наша родная, жившая въ Крейцбургѣ. Она была богатая барыня. Она взяла у меня ее и увезла. И съ тѣхъ поръ мы ее не видали никто.

— Какъ звали эту тетку твою? спросилъ полковникъ, повторяя вопросъ государыни.

— Плохо помню. Погодите... Нѣтъ, не могу...

— Василевская? произнесла государыня, обращаясь прямо къ Христинѣ.

— Такъ. Такъ... Нѣтъ, вспомнила.. Веселовская.. Она не долго прожила, лѣтъ не больше—восемь или десять..

— Куда же дѣвалась дѣвочка, твоя сестра? спросилъ полковникъ.

— Ее взялъ къ себѣ на воспитаніе лютеранскій пасторъ по фамиліи Глюкъ и обратилъ въ свою вѣру.

Государыня при этомъ имени двинулась на своемъ креслѣ, глаза ея глянули пристально на Христину и слезы блеснули на рѣсницахъ.

— Правда. Все правда! выговорила она тихо Гребенкѣ. Нечего болѣе спрашивать...

— Мы часто справлялись о нашей сестрицѣ, продолжала Христина рассказъ уже сама. И мы все знали, что съ ней дѣлается.. Такъ узнали мы, что однажды, въ Маріенбургѣ, одинъ солдатъ, именемъ Іоганъ..

— Полковникъ! Довольно. Велите ей замолчать. Больше ничего не надо! вымолвила государыня быстро.

Христина на половину поняла приказаніе и, прежде чѣмъ Гребенка перевелъ ей слова царицы, она замолчала сама и потушилась.

Но чрезъ нѣсколько мгновеній государыня снова заговорила, обращаясь къ полковнику, а старикъ снова началъ свой допросъ.

— Гдѣ же ты теперь живешь?

— Я жила въ деревнѣ Кегема, у моего пана-шляхтича Вульфеншильда. Мужъ и родился его холопомъ, а когда я за Янко замужь вышла, то и сама стала крѣпостной пана.

— А другіе твои гдѣ и что дѣлаютъ? Братья и сестры?

— Братъ Карлусъ былъ на большомъ трактѣ Псковскомъ въ постояломъ дворѣ или по нашему въ „ябраушканѣ“ главнымъ прикащикомъ. Хозяинъ „віасибасъ намсъ“, или трактира, очень его любитъ, довѣряетъ ему, и Карлусъ большое жалованье имѣетъ: двадцать золотыхъ получаетъ и половина ему отъ оброка остается.

— Польскихъ золотыхъ? Въ мѣсяцъ? Или же двадцать русскихъ золотыхъ, т. е. черовонцевъ, въ годъ?

— Охъ. Какъ можно! вскрикнула Христина. Двадцать золотыхъ въ мѣсяцъ.

— Десять рублей русскихъ, стало быть.

— Мы, ясновельможный панъ, ничего объ Россіяхъ не знаемъ и денегъ москалевыхъ никогда не видимъ. Мы отъ москалей только разоренье терпѣли и терпимъ. Они у насъ наши деньги отнимаютъ, а не свои намъ даютъ..

— Карлусъ и Анна тоже крѣпостные? перебилъ полковникъ наивную болтовню.

— Да. Разныхъ господъ.

— Семейные?

— Карлусъ семейный. А сестра Анна совсѣмъ особо.. Въ другихъ краяхъ. Была въ польскихъ Лифляндахъ, а нынѣ и не вѣдаю гдѣ. Ея панна злючая и богатая. Она все Михайлу Якимовичева съ женой и дѣтьми изъ одной экономіи своей въ другую переводить, и замучиваетъ работой. Аннѣ хуже чѣмъ намъ всѣмъ. Не знаю, жива ли она нынѣ?

— Какъ зовутъ эту барыню?

— Ростовская.. Вдова. По мужу старостиха.. Это старо-

ство было большое, людное, богатое. Онъ важный былъ панъ. Панна и его уходила, въ гробъ свела.

Полковникъ все подробно передалъ государынѣ.

Екатерина все внимательно выслушала, вздохнула и, потупившись, задумалась глубоко.

Затѣмъ, перемолвившись тихо съ старикомъ и помянувъ раза два имя князя Репнина, государыня встала съ своего кресла, достала ларецъ изъ комода и, вынувъ оттуда кошелекъ съ червонцами, отсчитала двадцать штукъ...

Она подошла къ Христинѣ, ласково, но грустно глядя ей въ лицо, и сунула ей горсть червонцевъ въ руки.

Христина, отъ роду не имѣвшая золотыхъ монетъ въ рукахъ и лишь раза три или четыре въ жизни видѣвшая червонецъ издали, обомлѣла, а затѣмъ, судорожно сжавъ монеты въ рукѣ, повалилась въ ноги царицѣ.

— Отпусти меня на свободу! по-польски воскликнула она. Деньги мнѣ не нужны. Мнѣ найти бы мужа и дѣтей.. Дѣтей повидать!

— Успокойся! вымолвилъ старикъ. Это само собой будетъ. Завтра же ты будешь выпущена изъ замка на свободу и можешь отправляться домой. Ну, а теперь, встань и слушай. Государыня велитъ тебѣ сказать, чтобы ты сама и всѣ вы, братья и сестры, ждали и надѣялись на перемѣну въ своемъ состояніи. Будете вы освобождены отъ тяжелой работы... Когда — сказать мудрено. Потерпите пока... Но теперь ты повидай братьевъ и, если можно, повидай и Якимовичевыхъ и всѣмъ крѣпко накажи одно: не болтать о себѣ. Не пускать въ народъ соблазнъ. Никогда о царицѣ не говорить даже промежь себя и даже имени ея не поминать. О тѣхъ всѣхъ обстоятельствахъ, кои вы можете знать, ничего никому не сообщать... Марта Скворощанка, а тамъ Василевская, была на свѣтѣ, но нынѣ ея нѣтъ. А Государыня Екатерина Алексѣевна общается вамъ, что, если вы будете всѣ вести себя тихо, безъ разглашенья о себѣ въ народъ всякаго вранья—то ничего лихого вамъ не будетъ, и въ будущемъ ваше житье устроится лучше. А будете неспокойно себя вести, то приключится вамъ всѣмъ, конечно,—очень худо. Поняла ты?

Христина поклонилась въ ноги царицѣ, поцѣловала ея душистую ручку и смущенная, красная, въ слезахъ отъ избытка волненія, неуклюже ступая босыми ногами, вышла изъ горницы.

Полковникъ довелъ ее до крыльца. И снова подъ конвоемъ офицера и солдатъ двинулась Христина по улицамъ Риги.

Когда они вошли на большой пустырь, съ котораго открывался свободно видъ на портъ, Христина увидѣла вдали, на самомъ берегу рѣки, высокую насыпь въ родѣ кургана. Вокругъ этого кургана двигалось болѣе сотни рабочихъ съ тачками и лопатами. Тутъ, очевидно, были недавно начаты земляныя работы.

На самомъ курганѣ стояла кучка лицъ въ кафтанахъ съ позументами, блестящими въ лучахъ солнца.

Среди кучки, но немного выдвинувшись впередъ, стоялъ одинъ человѣкъ, въ темномъ короткомъ кафтанѣ, въ ботфортахъ и въ плоской шляпѣ о трехъ углахъ, надѣтой на бекрень. Онъ поднималъ руку надъ рѣкой, переводилъ ее на городъ и, указывая, что-то разяснял... Во всей осанкѣ этого человѣка и въ движеніяхъ этой руки, смѣтливая Христина тотчасъ же увидѣла или почувяла что-то особенное.

— Кто это стоитъ? робко спросила она у конвойныхъ, указывая на курганъ.

— А ты какъ думаешь? шепнулъ улыбаясь одинъ изъ солдатъ. Это Госуд...

— Молчать! строго крикнулъ офицеръ.

Христина невольно вздрогнула и обернулась на крикъ. Молодой офицеръ сурово глянулъ на нее и на солдата, а затѣмъ перевелъ глаза на тотъ же курганъ.

И въ этомъ взглядѣ его сказалась тоже что-то особенное... тревожная робость, или восторженное почтеніе, или иное что... Онъ глядѣлъ въ сторону кургана, гдѣ отчетливо рисовалась на синевѣ неба статная фигура съ мощно и властно поднятой рукой, какъ сталь бы онъ глядѣть на какое-либо знаменіе въ небесахъ, видѣнное имъ не разъ, но все же чудесно таинственное и трепеть внушающее...

IV.

Дѣвушка простого, темнаго происхожденія, сирота Марта Скворощанка, или Василевская, или Глюкъ, которую добрые люди, тетка и пасторъ призрѣваютъ изъ жалости по-очереди, дѣлается вдругъ подругой титана въ исторіи народовъ, а затѣмъ и императрицей!? Какое простое, но вмѣстѣ и странное сочетаніе обстоятельствъ! Простой случай, если скрытый

мотивъ его—обыденная прихоть или капризъ царя, неожиданно встрѣтившаго и полюбившаго красивую сиротку? Но развѣ онъ мало встрѣчалъ такихъ дѣвушекъ, мало было вокругъ него красивыхъ женщинъ, которыхъ онъ могъ бы полюбить и приблизить къ себѣ, а затѣмъ, въ силу простой привычки, и жениться.

Нѣтъ. Геніальный „чудотворецъ-исполнѣ“ ничего не дѣлалъ зря, по прихоти... Руководя необъятнымъ титаническимъ дѣломъ, кладя въ него всю свою могучую душу, онъ „владѣлъ“ всѣмъ и всѣми, а равно „владѣлъ“ и собой. Второе много мудренѣе перваго.

Когда-то онъ любилъ искренно дѣвицу Монсъ, но едва лишь оказалось, что она за свои тайныя, неблаговидныя дѣла достойна наказанія, онъ, скрѣпя сердце, но не колеблясь,—передалъ ее въ руки палача.

Выбрать и взять въ жены русскую, родовитую боярышню, какъ дѣлывали его отецъ, дѣды и прадѣды—было не трудно. Онъ еще отцомъ былъ обвинчанъ съ боярышней изъ рода Лопухиныхъ, у него была мать изъ рода Нарышкиныхъ, были сводные братья и сестры—по матери своей—Милославскіе.

И что же явилось послѣдствіемъ этихъ браковъ? Смута государственная, стрѣлецкіе бунты, междоусобица даже на самыхъ улицахъ Москвы и среди Кремлевскихъ соборовъ. Пороги святыхъ храмовъ Божіихъ, ступени заповѣднаго Краснаго крыльца, паперть усыпальницы царей—даже амвонъ чтимой народомъ обители иноковъ—все обагрилось кровью отъ братоубійственной борьбы за власть!.. Чью? Родичей царевыхъ, а не самого царя... Все это видѣлъ своими пронзительными глазами отрока, а затѣмъ понялъ сердцемъ и оцѣнилъ разумомъ мужа тотъ, которому предопредѣлено было стяжать себѣ наименованіе „Великаго“ еще отъ современниковъ, не только потомства. Онъ казнилъ люто бунтарей-стрѣльцовъ, на устрашеніе крамолы. Онъ постригъ и заточилъ въ дальній монастырь жену изъ рода Лопухиныхъ, и вся ея родня, напуганная пыткой и судомъ Преображенскаго Приказа—притихла. Онъ постригъ и заточилъ въ другой монастырь смѣлую и властолюбивую сестру, боровшуюся съ нимъ за корону и за престоль, при пособничествѣ цѣлой стаи родичей Милославскихъ... И этотъ буйный лагерь главарей всѣхъ стрѣлецкихъ мятежей—тоже смирился.

Его родня по матери частью погибла въ борьбѣ, частью

была при немъ, но, уже боясь играть огнемъ, не увлекалась погоней за властью и за первенствующимъ значеніемъ около особы царственнаго родича.

Неужели же можно ему опять искать жену въ средѣ родовитыхъ и властолюбивыхъ боярскихъ семействъ? Такъ было до сихъ поръ, но больше никогда такъ не будетъ! За московскихъ царей выходили замужъ русскія боярышни, но съ императорами всероссійскими онъ уже вѣнчаться не будутъ!..

И вотъ царь-императоръ даже и не помышляетъ о второй женитьбѣ. Работа кипитъ кругомъ отъ зари до зари, повседневно и повсемѣстно. Работникъ Петръ Михайловъ, то фейерверкеръ, или рулевой, то плотникъ или землекопъ, то законодатель, то веселый собесѣдникъ, но и грозный исправитель пороковъ своихъ помощниковъ—не находитъ и мгновения свободнаго, чтобы подумать о новой царицѣ, о подругѣ жизни, о женѣ, о помощницѣ... съ которой бы, въ краткія минуты отдыха, отводить свою душу въ дружеской исповѣди всѣхъ думъ и надеждъ, предпріятій и начинаній...

Но вѣдь она уже есть! она давно около него. Онъ подстерегъ нежданно въ себѣ уже окрѣпшее чувство! Съ какихъ поръ внѣдрилось оно и овладѣло имъ—Богъ вѣсть!

Она круглая сирота и обожаетъ его. У нихъ уже двое дѣтей. Но она не коротааетъ въ сонливой праздности день-деньской у окна терема. Она всюду съ нимъ, не разставаясь ни на мигъ: и товарищемъ въ бурю на утлой шлюпкѣ, и подругой въ лагерной палаткѣ, подъ огнемъ непріятели, и хозяйкой за столомъ въ веселой пирушкѣ, гдѣ изъ шутокъ-прибаутокъ хозяина и друзей нерѣдко рождаются новыя великія подвиги. Она—его тѣнь... Сирота, красавица, умница, со смѣлой душой и нѣжнымъ сердцемъ, участвовавшая во всѣхъ его дѣяніяхъ, и даже мечтавъ о будущиыхъ дѣлахъ—послана судьбой... Она и не знала терема, ея разумъ не омраченъ суетвѣрными сказаніями и обученіемъ мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ. Она все понимаетъ, что онъ хочетъ, къ чему стремится своею мощной душой. Она любитъ все, что онъ любитъ... Такъ, какъ же онъ этой сиротѣ не отдастъ всего себя?!

V.

Черезъ три дня послѣ свиданія съ царицей, Христина Енрихова была уже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Риги.

Медленно, шагомъ, съ остановками, тащилась она по боль-

шой дорогѣ на Псковъ, въ маленькой телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь, которая отъ худобы и старости едва двигалась.

Христина ѣхала не одна. Изъ боязни нападенія и потери сестринаго подарка, она выискала себѣ попутчика, пожилого крестьянина, возвращавшагося на родину, родомъ латыша. Чрезвычайно грубоватый на видъ, здоровенный и сильный мужикъ былъ самымъ подходящимъ спутникомъ для Христины, тѣмъ болѣе, что молчалъ всю дорогу, какъ убитый. Хотя Христина и знала порядочно по-латышски, но теперь ей было не до бесѣды и разговоровъ. Она сидѣла въ телѣжкѣ около своего попутчика почти такая же задумчивая, какъ и во дни заключенія.

Въ первыя минуты послѣ посѣщенія московской царицы, съ кучкой червонцевъ въ рукахъ, съ радостной надеждой повидаться вскорѣ съ семьей, если всѣ цѣлы и невредимы, Христина чувствовала себя совершенно счастливой. Но затѣмъ, послѣ двухъ сутокъ тихой ѣзды по безконечной столбовой дорогѣ, передумавъ все, вспомнивъ и перебравъ до мельчайшихъ подробностей свое свиданіе съ царицей, смѣтливая женщина сообразила, что ея смутныя надежды и мечтанія теперь почти разрушены. Правда, ее немедленно выпустили на свободу изъ тюрьмы. Царица была съ ней ласкова и подарила ей цѣлую горсть червонцевъ—но и только. Она снова возвращалась въ то же крѣпостное состояніе, къ своему барину-шляхтичу. Панъ полковникъ сказалъ ей, чтобы она надѣялась со временемъ на улучшение ихъ судьбы. Но пока нѣтъ ничего, кромѣ этихъ червонцевъ, которые скоро уйдутъ на возстановленіе разореннаго москалями хозяйства.

Иногда Христина думала и даже бормотала вслухъ на своемъ родномъ языкѣ, котораго не понималъ латышъ:

— Слава Маткѣ Божіей, благодареніе пану Богу, что на свободу выпустили, да денегъ дали. Могла я умереть въ заключеніи и никогда дѣтей не увидать.

Но въ другія мгновенія, та же Христина точно такъ же бормотала:

— А вѣдь царица, если бы захотѣла, могла бы насъ выкупить изъ неволи, сдѣлать вольными, освободить изъ рабскаго состоянія и крѣпости. Ей это ничего бы не стоило. Одно слово царю сказать.

И Христина глубоко вздыхала.

Женщина рѣшила теперь прежде всего заѣхать по дорогѣ къ старшему брату, чтобы повидаться съ нимъ и разузнать о судьбѣ своей семьи. Быть можетъ, узнаетъ она и худое!— Все не такъ страшно услышать дурныя вѣсти, чѣмъ сразу пріѣхать на пустое мѣсто, гдѣ нѣтъ и слѣда ни дома, ни семьи.

До мѣстечка Вишки, гдѣ жилъ братъ ея Карлусъ, было отъ Риги довольно далеко и Христина только дней черезъ десять пути вѣхала въ большое селеніе, гдѣ жилъ братъ, служа главнымъ лакеемъ въ „віасибасъ намсъ“ или въ трактирѣ.

Сестра съ братомъ такъ давно не видались, что въ первую минуту даже не признали другъ друга и, только присмотрѣвшись обоюдно, расцѣловались по родственному.

— Слышалъ ли ты, Карлусъ, что-нибудь объ Янко и о моихъ дѣтяхъ? былъ первый вопросъ Христины, и сердце замерло въ ней отъ боязни услышать что-нибудь худое.

Вѣсти Карлусъ, по счастью, имѣлъ хотя и не свѣжія, но относительно хорошія. Онъ слышалъ, что она, Христина, была взята въ плѣнъ и угнана русскими войсками, но что ея мужъ и дѣти живутъ невредимыми на мѣстѣ, хотя на пепелищѣ, такъ какъ все было разорено московскими войсками.

— Живы?.. Цѣлы?.. воскликнула Христина.

— Невредимы, отвѣчалъ Карлусъ. Затѣмъ онъ тотчасъ же предложилъ послать за однимъ землякомъ Христины, который за недѣлю передъ тѣмъ явился въ Вишкахъ съ родины и могъ сообщить ей что-либо новое объ ея семьѣ.

Землякъ оказался въ отсутствіи. Онъ случайно выѣхалъ именно въ сосѣдство Дохабена, деревушки, гдѣ жила семья Карлуса. Поэтому братъ съ сестрой тотчасъ же собрались туда же, такъ какъ деревня была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вишекъ.

Населеніе деревушки Дохабенъ, принадлежащее поляку Луренцкому, было почти сілошь латышское, за исключеніемъ только десятка литвиновъ и поляковъ. Марья Скворощанка была литвянка, но ея пятеро дѣтей стали латышами отъ окружающей среды. Старшему сыну, Антону, было уже болѣе пятнадцати лѣтъ, среднему, Мартыну—пять, младшему, Ивану—три года, а дочери Софѣ — четырнадцать, и всѣ они говорили только по-латышски, кромѣ крошки-дѣвочки Анны, еще лепетавшей.

Въ то самое утро, когда Карлусъ съ сестрой выѣхали изъ

Вишекъ, въ ея телѣжкѣ, и приближались къ Дохабену, верстахъ въ двухъ отъ деревни шель покось.

Утро было ясное, еще прохладное, и кучка косцовъ бодро шагала въ рядъ по лугу, размашисто снося съ корня и кладя въ грядки высокую душистую траву.

Невдалекѣ отъ косцовъ, по опушкѣ небольшого лѣса, который клиномъ вдался въ лугъ, шумѣла и рѣзвилась куча дѣвушекъ и подростковъ, принесшихъ сюда изъ деревни обѣдъ для работниковъ. Съ десятокъ этихъ крестьянокъ разнаго возраста, но не моложе десяти и не старше 17 лѣтъ, въ ожиданіи перерыва работы и обѣда ихъ отцовъ и братьевъ, занялись своимъ дѣломъ или затѣей...

Всѣ онѣ, набѣгавшись до-сыта по гладкому, будто выбритому лугу, принялись выбирать изъ грядокъ скошенной травы полевые цвѣты... Скоро у всякой изъ нихъ появился въ рукахъ пучекъ цвѣтовъ. Всѣ сѣли въ кругъ и начали плести вѣнки. Работа прекратилась на время, когда работники собрались обѣдать. Но затѣмъ косцы разбрелись по опушкѣ лѣса, каждый выбралъ себѣ потѣнистѣе мѣсто, гдѣ отдохнуть часокъ времени,—а дѣвушки снова взялись за вѣнки и быстро окончили ихъ.

— Ну, кто жъ будетъ „Яункундзе“? заговорила по-латышски одна изъ старшихъ дѣвушекъ, очень некрасивая, по имени Хевуска.

— Кто? Все равно. Выбирать надо! отозвались звонкіе голоса. А то вонъ—Сковорощанку.

— Опять Софью! Что жъ все она? Ее ужъ и такъ часто выбираемъ.

— Она лучше всѣхъ дѣлаетъ „Яункундзе“. Съ ней веселѣе! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Я не хуже Софьи дѣлаю! важно сказала неуклюжая Хевуска.

Послѣ недолгаго спора большинствомъ голосовъ рѣшено было все-таки избрать Сковорощанку, и всѣ обратились къ 14-ти лѣтней дѣвочкѣ, но уже настолько развитой, что по внѣшности она казалась дѣвушкой.

— Ну, ты будь опять „Яункундзе“. Смотри. Выдумывай похитрѣе, выговорила, завистливо косясь на дѣвочку, крайне неказистая, рябоватая Хевуска.

— Хорошо. Ужъ не учи! бойко отозвалась избранница.

И дочь Карлуса, Софья, чернобровая дѣвушка-подростокъ,

съ огненными черными глазами, изящная и красивая лицомъ и станомъ, выступила впередъ...

Тотчасъ гурба переѣстилась въ лѣсъ ближе къ дорогѣ, гдѣ былъ большой „акменсъ“, камень. Софья усѣлась на этотъ камень какъ на тронъ, его обвили цвѣтами и травой, а на нее надѣли самый красивый изъ вѣнковъ, сдѣланный рябоватой Хевуской. Остальные вѣнки сложили у ея ногъ. Всѣ дѣвушки и дѣвочки стали поочереди подходить къ Софьѣ, кланяясь низко, величая ее словомъ „Яункундзе!“ и прибавляя „что твоя ясновельможность укажетъ?“

Игра эта была занесена изъ Польши съ нѣкоторыми измѣненіями. Польская „краля“ стала здѣсь „Яункундзе“, т. е. просто боярышня, дворянка. Для этихъ дѣвушекъ изъ полудикаго населенія и это было уже громкимъ титуломъ.

Дѣвочка задавала вопросы, послѣ которыхъ раздавался часто оглушительный смѣхъ. Но посторонній, конечно, никогда бы не понялъ, въ чемъ заключалась соль или остроуміе этой игры и этихъ вопросовъ. Весь смыслъ вертѣлся на мѣстныхъ деревенскихъ интересахъ, намекахъ, сплетняхъ и пересудахъ.

На каждую, послѣ ея отвѣта, Софья надѣвала вѣнокъ, смотря по достоинству отвѣтовъ, лучше или хуже; нѣкоторымъ достались вѣнки, сдѣланные почти изъ одной травы.

Черезъ нѣсколько мгновеній куча играющихъ уже распредѣлилась по сословіямъ. Тутъ была Яункундзе Софья, были паны, барыни, и были крестьянки, батрачки...

Всѣ обращались къ Софьѣ за приказаніями, и дѣвочка бойко, затѣйливо и умно придумывала для каждой какое-нибудь занятіе, но отдавала приказаніе свое на ухо... Прясть, шить, копать, кушанье готовить, дрова рубить, картофель чистить и т. д.

Разумѣется, каждая должна была исполнить приказаніе Яункундзе такъ искусно, чтобы всѣ догадались тотчасъ, что она дѣлаетъ...

Въ самый разгаръ игры появилась вблизи на дорогѣ фура, запряженная парой бодрыхъ коней самого пана, помѣщика Дохабена. Фура, отвозившая сѣно по сосѣдству, возвращалась шагомъ и пустая въ Дохабенъ. Пропустить такой рѣдкій случай было невозможно. Дѣвушки со всѣхъ сторонъ бросились со всѣхъ ногъ на дорогу, атаковали съ двухъ сторонъ возницу и, не смотря на уговоры старика-латыша не лѣзть къ нему, всѣ лѣзли. Старикъ погналъ было съ мѣста рысью, но

дѣвушки бросились въ догонку, хватали лошадей подъ уздцы, а здоровенная Хевуска даже повисла на дышлѣ, за которое уцѣпилась.

— Увидить пань—всѣхъ васъ велить перепороть, а меня, послѣ розогъ, засадить еще въ чуланъ. Голодомъ сморить! тщетно протестоваль возница.

— Не увидить! Небось! Не увидить!.. гудѣло вокругъ старика, и съ хохотомъ, визгомъ, все полѣзло въ фуру на ходу, рискуя попасть подъ тяжелыя колеса. На дорогѣ осталась одна Софья.

— Ты чего же! Лѣзь! кричали ей всѣ.

— Полѣзай ужъ! сказалъ и старикъ. Одной больше—все равно.

— Я такъ не могу, отозвалась дѣвочка серьезно. Останови! На ходу я не полѣзу...

— Вишь какая! Яункундэ и впрямь! раздались голоса и хохотъ уже сидѣвшихъ товарокъ. Милости просимъ, осчастливьте насъ, Яункундэ.

Софья влѣзла, ее усадили посрединѣ, и тотчасъ же раздалась визгливая, но веселая хоровая пѣснь... Старикъ не утерпѣлъ и тоже началъ дрябло подтягивать молодымъ голосамъ...

Черезъ нѣсколько мгновений въ Дохабенъ вѣзжала фура, переполненная веселой гурьбой. Юныя лица дѣвушекъ казались еще веселѣе, оживленнѣе и красивѣе изъ-подъ цвѣтистыхъ, пестрыхъ вѣнковъ. Даже на стараго возницу, взятаго приступомъ, шаловливый непріятель напялили громадный вѣнокъ. Латышъ сидѣлъ покорно, дободушно и глупо ухмыляясь изъ-подъ нависшихъ на его лицо травы и цвѣтовъ, но повторялъ все свое:

— Вотъ всѣхъ пань перепороть.

Но едва только фура вѣхала въ усадьбу, вся гурьба выскочила изъ нея немедленно и разсыпалась по домамъ.

— Карлусъ! Отецъ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то Софѣ.

Дѣвушка стремглавъ бросилась домой. Дѣйствительно, въ избѣ ихъ еще издали замѣчалось что-то особенное.

VI.

Вѣсть о неожиданныхъ гостяхъ скоро обѣжала всю деревушку, и весь вечеръ обыватели толпились около избы Карлуса.

Пріѣздъ Христіны, конечно, сталъ событіемъ и даже Ларенцікій освѣдомился о прибытіи Енриховой, и зашелъ ввечеру поглядѣть на гостью.

Отъ радости неожиданнаго свиданія съ Христіной, или случайно, но на другое же утро семья Карлуса прибавилась новорожденной дѣвочкой.

Въ постоянныхъ разказахъ отъ зари до зари о приключеніяхъ въ Ригѣ и свиданіи съ Императрицей москалей, Енрихова предложила назвать новорожденную именемъ ея царицы.

Черезъ два дня назначили „крестибасъ“, крестины, и назвали дѣвочку Екатериной. Для населенія же Дохабена эта „Яундзимусе“, новорожденная, была по ихнему Тринэ.

Христіна была конечно крестной матерью, и вся семья весело отпировала появленіе на свѣтъ Божій „Яундзимусе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разысканный землякъ Енриховой сообщилъ ей добрую вѣсть, что мужъ ея Янъ и всѣ дѣти, слава Богу, живы и здоровы.

На крестинахъ, во время пированія, рѣчь шла конечно все о томъ же—о свиданіи Енриховой съ сестрой. Дохабенскій ксендзъ, или по латышски—„мацитайсъ“, интересовался, разумѣется, узнать подробности этого свиданія. Онъ уже зналъ, конечно, о родствѣ Карлуса съ русской царицей, такъ какъ это было извѣстно нѣкоторымъ лицамъ околотка, не только въ Дохабенѣ, но, конечно, и въ Вишкахъ. Въ гостиницѣ, гдѣ служилъ Карлусъ въ должности буфетчика, и хозяинъ, и прислуга, и ямщики—всѣ знали, объ исключительномъ положеніи и родствѣ Карлуса Скворощанка или, какъ звали его чаще,—Скворотскаго. Но всѣмъ плохо вѣрилось въ правдивость этого обстоятельства.

Мацитайсъ теперь подробно выспрашивалъ Христіну обо всемъ и невольно тоже дивился.

— Какъ же она ничего не спросила у васъ о вашемъ состояніи! удивился онъ. Тутъ очень мудрено понять... Еслибы она гнушалась вами, затруднялась вашимъ крестьянскимъ состояніемъ, то васъ бы, по моему мнѣнію, всѣхъ засадили бы въ тюрьму, или, еще того вѣрнѣе, выслали бы куда въ глубь Россіи, чтобы не было смутительныхъ разговоровъ о вашемъ родствѣ. Но если она тебя вызвала, объяснялась, даже денегъ дала, то почему же она не пожелала освободить васъ отъ панской крѣпости и холопства.

И священникъ, уже пожилой человѣкъ, умный и начитанный, соображалъ про себя въ то же время, что это его предположеніе о заключеніи въ тюрьму и о ссылкѣ еще, можетъ быть, станеть дѣйствительностью въ недалекомъ будущемъ.

„Она не знала, что всѣ эти родственники существуютъ и о себѣ явно все сказываютъ, думалъ онъ. Теперь она узнала, гдѣ кто живетъ, и вотъ надо ждать для всѣхъ нихъ чего-нибудь особеннаго. И по всей вѣроятности не^с чего-либо хорошаго“.

Такъ какъ мацитайсъ или ксендзъ любилъ семью Сковоротскаго, всегда покровительствовалъ ей, помогалъ совѣтами и деньгами, то теперь рѣшился и предупредить Карлуса о томъ, чего онъ опасался.

— Вамъ бы, мой любезный Карлусъ, собрать всю семью и перемѣнить мѣсто жительства, вымолвилъ онъ. Какъ мнѣ ни грустно разставаться съ вами, а я бы вамъ это совѣтовалъ. Попросите вашего пана Лауренцаго продать васъ кому-нибудь и уѣзжайте.

— Это невозможно! замахала руками Марья. Панъ Лауренцкій никогда не продастъ насъ. Карлусъ платитъ ему слишкомъ выгодный оброкъ. Гдѣ онъ найдетъ такого холопа, который бы имѣлъ мѣсто буфетчика въ гостиницѣ.

— Да и зачѣмъ намъ мѣнять мѣсто? вступился Карлусъ.

— А зачѣмъ, мой сынъ, что меня беретъ сомнѣнье.

Ксендзъ обратился къ Енриховой, задалъ ей еще нѣсколько вопросовъ о свиданіи съ царицей, потомъ покачалъ головой и подробно разъяснилъ имъ всѣ свои опасенія.

— Не можно отнестись къ вамъ такъ просто, оставить васъ въ томъ же состояніи. Или бы она обѣщала Христинѣ всѣхъ васъ вскорѣ освободить отъ вашихъ пановъ и дать вамъ средства къ безбѣдному существованію, или же ей надо будетъ просить царя всѣхъ васъ перебраться и сослать въ глубь лѣсовъ или степей Хохландіи, а то и Туркменіи. Вы для ея царскаго состоянія видимый въ народѣ соблазнъ. Такъ дѣло, повѣрьте мнѣ, оставаться не можетъ.

— Она обѣщала мнѣ чрезъ пана полковника, заговорила Христина, что со временемъ наша судьба перемѣнится къ лучшему.

— Ну, можетъ быть. Давай Богъ! рѣшилъ ксендзъ.

На другой день, подаривъ для новорожденной Екатерины червонецъ, Христина собралась домой, съ радостнымъ зами-

раніемъ сердца, увидѣть послѣ долгой разлуки мужа и малютокъ-дѣтей. При прощаніи съ Карлусомъ и его семьей, Христина долго смотрѣла на вострушку Софью, дивилась ея красотѣ и, наконецъ, замѣтила:

— А что я тебѣ скажу, Карлусъ. Вѣдь Софья твоя обѣщаетъ походить на Марту. Если она будетъ хоть немножко похожа на свою тетку, то будетъ писанная красавица. Вѣдь Марта совсѣмъ не такая, какъ я. Всѣ мы пятеро уродились на два лица: трое совсѣмъ черные и двое совсѣмъ бѣловолосые. Ты, Марта и Анна уродились въ отца—чернобровые, а я и Дирихъ въ мать—совсѣмъ бѣловолосые. Софья твоя похожа на тебя, а еще больше похожа на царицу. Да вѣдь какъ похожа-то! Диковинно! Вылитая уже и теперь маленькая Марта.

— Это Дохабенская любимица, отозвался Карлусъ. Да и зовутъ ее всѣ здѣсь не иначе какъ „Јункундзе“—барышней.

— Что жъ. И я скажу. Правда это. Она совсѣмъ на крестьянку не похожа. Совсѣмъ барышня изъ шляхты. Можетъ, твою Софью изъ-за этого сходства царица больше полюбила бы, еслибъ увидала. И стала бы она воистину Јункундзе.

— Что жъ. Давай Богъ! отозвалась Марья. Конечно ея сходство съ Мартой, можетъ, когда-нибудь ей счастье принесетъ.

VII.

Изъ всѣхъ дѣтей Самуила Скавронка, Карлусъ еще ребенкомъ казался всѣхъ умнѣе. Въ дѣйствительности же онъ былъ только прилежнѣе во всемъ, находчивѣе и дѣятельнѣе. Христина была не глупа, но слишкомъ спокойна нравомъ и какъ бы равнодушна ко всему. Анна была гораздо живѣе и дѣятельнѣе сестры, но за то жестка сердцемъ и почти злонаправна. Ее никто не любилъ ни въ семьѣ, ни въ сосѣдствѣ.

Братъ ихъ, Дирихъ, былъ добрый и тихій мальчикъ, но совсѣмъ простоватъ. Какими были всѣ четверо въ дѣтствѣ, таковыми остались и на всю жизнь.

Карлусъ, какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь, былъ всѣми любимъ за веселый, добродушный нравъ и готовность всякому услужить по мѣрѣ силъ. Прилежаніе и усердіе въ томъ дѣлѣ, которое онъ бралъ на себя, дѣлало его дорогимъ работникомъ для всякаго хозяина.

Будучи крестьяниномъ, онъ, вслѣдствіе большого круга знакомыхъ по сосѣдству и множества пріятелей—попалъ въ Вишки, въ маленькій постоялый дворъ, въ должность конюха. Вскорѣ, однако, изъ конюшни онъ перешелъ въ горницы прислуживать семьѣ хозяина. А затѣмъ, чрезъ годъ, перешелъ уже въ большую гостиницу въ качествѣ лакея, и хозяинъ „вѣсибасъ намсъ“ сдѣлалъ его буфетчикомъ и своимъ довѣреннымъ лицомъ.

Пока братъ и двѣ сестры добывали себѣ средства къ жизни тяжелой крестьянской работой и жили холопами у разныхъ помѣщиковъ, Карлусъ зарабатывалъ больше денегъ, болѣе легкимъ трудомъ. Конечно, жена его, старшій сынъ, юноша Антонъ, и даже мальчуганъ Мартынъ уже прилежно работали на пахотяхъ и сѣнокосахъ пана Лауренцкаго, но имѣя въ Карлусѣ Скворотскомъ исправнаго плательщика большого оброка—шляхтичъ, строгій и взыскательный къ другимъ своимъ крѣпостнымъ, обращался мягче съ его семьей.—„Скворотскіе—не примѣръ другимъ! говорилъ панъ. Они у меня на особомъ счету“.

Иногда Карлусу чудилось однако, что причина извѣстной мягкости или любезности пожилого и порочнаго пана—другая.

Карлусу, лишь изрѣдка являвшемуся въ Дохабенѣ повидаваться съ семьей, казалось, что на подроставшей и съ каждымъ днемъ хорошѣвшей Софѣ, прозванной на деревнѣ „барышней“, остановилось вниманіе пана.

И эти мысли изрѣдка волновали и смущали Карлуса. Не суждено ли въ будущемъ завязаться роковой борьбѣ съ паномъ?

Положеніе усугублялось тѣмъ, что его Яункундзе уже теперь была бѣдовой дѣвчонкой, красивой, вострой, но своевольной. Такъ, съ ранняго дѣтства подружившись съ бобылемъ-мальчуганомъ, она теперь вела изъ-за него войну съ родителями. Когда этотъ бобыль, родомъ латышъ, по имени Давыдъ или Дауць Цуберка, былъ уже парень взрослый, то, какъ вольный, служилъ по найму въ Дохабенѣ пастухомъ у того же пана. Софья настойчиво и упрямо, не смотря на выговоры и взысканія, продолжала дружить съ этимъ пастухомъ Цуберкой, уходила за нимъ въ поле и помогала сгонять и пригонять стадо. Иногда, въ наказаніе, дѣвушку запирали на цѣлыя сутки въ чуланѣ или въ овинѣ—но чрезъ нѣсколько дней она снова пасла стадо съ Дауцемъ Цуберкой... Софья ревѣла каждый разъ, конечно, винилась, искренно просила

прощенье, но тотчас снова принималась за старое... Цуберка была для нея все...

Справиться съ Софьей было невозможно, потому что она вдругъ стала умственно выше своихъ родныхъ, своихъ сверстницъ и друзей...

Здѣсь, въ Дохабенѣ, въ полной глуши, на краю оврага, гдѣ протекала маленькая рѣчка и торчалъ гнилой мостъ безъ периль, въ бѣдной деревушкѣ, окруженной пустынной равниной и мелколѣсьемъ, появился на свѣтъ самородокъ-дѣвочка, которая подросла теперь и становилась красавицей-дѣвушкой, ловкой, рѣчистой, бойкой въ обращеніи со всѣми, даже съ чужими, которыхъ всѣ дохабенцы дичились.

Софья не видѣла ничего, кромѣ Вишекъ и трактира на заѣздѣмъ дворѣ, гдѣ отецъ жилъ въ услуженіи и гдѣ, будучи его любимицей, она часто по-долгу гостила. Но въ этихъ Вишкахъ, на этомъ дворѣ, часто останавливались важные проѣзжіе въ кафтанахъ съ позументами и золотыми пуговицами. Экипажи ихъ, совсѣмъ не похожіе на телѣги и фуры мѣстныхъ жителей, ихъ лакеи и гайдуки, ихъ вещи, которыя выносились изъ экапажей въ горницы, ихъ рѣчи, манера говорить, двигаться, приказывать, даже взглядывать на обывателей Вишекъ—ничто не ускользало и не ускользнуло отъ зоркаго взгляда и пытливой смѣлки этой дѣвочки.

Смѣлая, хорошенькая, съ черной какъ смоль головкой, въ природныхъ кудряхъ и завитушкахъ, съ огненными черными глазами, съ носикомъ, дерзко и граціозно вздернутымъ вверхъ, съ звонкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, который звенѣлъ какъ серебряный колокольчикъ—эта Дохабенская „Яункундзе“ скоро стала любимицей всѣхъ. Такъ рекомендовали ее и проѣзжимъ. Такъ называли ее и сановники. Дѣвочка безъ церемоніи ходила по всѣмъ горницамъ, когда домъ бывалъ занятъ гостями.

Каждый проѣзжій, хотя бы и важный вельможа, невольно обращалъ на нее вниманіе. Опросивъ ее, онъ получалъ смѣлый отвѣтъ, соблазнительно веселую улыбку, лучшемъ сверкающій взглядъ... И кончалось тѣмъ, что проѣзжій ласкала Яункундзе, угощалъ тѣмъ, что самъ ѣлъ, всякими сластями, что имѣлъ съ собой въ дорогѣ. Иногда дѣвочка получала ленточку, платокъ или золотыя въ подарокъ.

— Славная у тебя дѣвчонка! говорили Карлусу всѣ безъ исключенія проѣзжіе. Бѣдовая будетъ! Совсѣмъ барышня, а не крестьянка.

И вотъ это общеніе съ людомъ, отъ котораго вѣяло на дѣвочку инымъ міромъ, ей невѣдомымъ, но ея угадываемымъ, привело къ тому, что Софья скоро поняла и сказала себѣ:

— Не все здѣсь, въ Дохабенѣ и въ Вишкахъ! Здѣсь даже ничего нѣтъ... Все тамъ... Вонъ тамъ, за лѣсомъ, за полями и оврагами, далеко за ними, очень далеко... Но все-таки туда доѣхать можно! Оттуда ѣдутъ и пріѣзжаютъ всякій день. Тамъ живутъ другіе люди, которые поважнѣе и побогаче пана мацитайса и пана Лауренцаго... Вотъ если бы туда добраться когда-нибудь!..

И дичокъ-самородокъ, воспитанный не матерью и отцомъ, а тысячей проѣхавшихъ и промелькнувшихъ путешественниковъ, сталь, конечно, головой выше многихъ Дохабенскихъ обывателей.

Не только Марья, но даже Карлусъ, обожавшій дочь, не понимали однако, гдѣ Софья набралась и смѣлости, и ума, и хватокъ не крестьянскихъ, а барскихъ.

Панъ Лауренцкій изумлялся тоже, откуда бралось въ Софѣ все то, что онъ, знатокъ въ женщинахъ, — видѣлъ въ ней. Они не догадывались, что во многомъ Софья подражала именно тѣмъ проѣзжимъ барышнямъ и барышнямъ, которыхъ видѣла въ Вишкахъ. Разумѣется, если бъ не было въ дѣвчкѣ природной искры, которая разгорѣлась отъ случайностей обстановки, то и прозвище „Яункундзе“ не дали бы ей Дохабенскіе обыватели, и пребываніе на заѣзжемъ дворѣ, встрѣчи съ сотнями проѣзжихъ не принесли бы ей никакой пользы.

Но кромѣ того было еще одно обстоятельство, котораго не зналъ никто: ни мать, ни отецъ, ни родные, ни знакомые. То, что Софья была живымъ портретомъ, живымъ повтореніемъ или двойникомъ какъ внѣшностью, такъ и нравомъ — другой женщины, той самой, которая съумѣла плѣнить и покорить себѣ исполина Императора!

Про сходство это никто въ семьѣ знать не могъ, ибо никто Марту давно уже не видалъ.

Сорокалѣтній Карлусъ былъ старшій въ родѣ, но смутно помнилъ черномазую сестренку, которую послѣ смерти отца съ матерью увезла къ себѣ тетка. Затѣмъ эта дѣвочка пропала, такъ сказать, безъ вѣсти, и уже спустя лѣтъ пятнадцать всѣ Сковороцкани, ревностные католики, узнали, что пасторъ этотъ совратилъ дѣвушку изъ лона истинной вѣры въ свою секту Лютерова ученія. Карлусъ собирался было въ

городъ Мариенбургъ, отнять у пастора сестру и привезти домой, но средствъ на путешествіе не было. Вдобавокъ, по слухамъ, Марта, воспитавшись въ домѣ богатой тетки Василевской, стала совсѣмъ барышней, они же жили попрежнему крестьянами.

Какова стала собою нынѣ эта Марта—Карлусъ знать не могъ. И только Христина, недавно видѣвшая ее, тотчасъ замѣтила теперь сходство между Императрицей и Софьей—Яункундзе.

Уѣзжая и прощаясь, Христина снова полюбовалась на племянницу. Дорогой изъ Дохабена въ Вишки она снова заговорила съ братомъ о дѣвушкѣ:

— Это подобіе твоей дочки съ ней, царицей—удивительно. И погляди, выйдетъ изъ этого что-либо хорошее для Софьи.

— Дай Богъ... Только... Когда? Можетъ, когда Софья будетъ за сорокъ лѣтъ. а я буду на томъ свѣтѣ...

VIII.

Братъ съ сестрой, доѣхавъ тихонько до Вишекъ, разстались и разъѣхались въ разныя стороны. Христина направилась къ себѣ домой, съ замираніемъ сердца, но уже не отъ невѣдѣнія судьбы семьи и не отъ боязни узнать что-либо худое, а отъ радостнаго нетерпѣливаго ожиданія обнять и расцѣловать мужа и троихъ дѣтей, малъ-мала-меньше.

Енриховы были крѣпостными не злого, но строгаго и взыскательнаго хозяина.

Панъ Вульфеншильдъ, нѣмецъ аккуратный и немного алчный на деньги, былъ самъ хорошій работникъ, дѣятельный и трудолюбивый, и потому былъ требователемъ относительно своихъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось труда.

Онъ заставлялъ трудиться и работать своихъ рабовъ больше, чѣмъ другіе помѣщики по сосѣдству. А между тѣмъ многіе крестьяне околотка охотно бы перешли въ крѣпость къ пану Вульфеншильду отъ своихъ господъ. Причина была простая...

Панъ нѣмецъ былъ справедливъ относительно трудолюбивыхъ хлоповъ и никогда никого изъ нихъ не обижалъ. Онъ наказывалъ строго—но исключительно лѣнивыхъ или пьяныхъ.

Вульфеншильдъ былъ заклятый врагъ кабаковъ и гроза пьяницъ. Это понимали всѣ дѣльные крестьяне. Другое же,

на что роптали рабы пана,—была его ненависть къ праздни-камъ. Будучи самъ протестантомъ, панъ не признавалъ ника-кихъ праздниковъ, ни католическихъ, ни православныхъ. Поэтому, когда во всемъ околоткѣ былъ пиръ горой отъ Ми-колы или отъ Ивана-Купала, отъ Введенія или отъ Покрова— въ деревушкѣ Кегема было тихо и все населеніе работало или по избамъ, или на полѣ.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда изъ Дохабена, Христина была уже дома и увидѣла со слезами радости ту хибарку, сколочен-ную изъ досокъ, въ которой жила разоренная семья, кое-какъ устроившаяся на пепелищѣ послѣ прохода русскихъ войскъ.

Она оглядѣлась съ радостнымъ чувствомъ. У нея на шеѣ были зашиты въ мѣшечкѣ царицны червонцы, на которые можно было выстроить избу и завести еще лучшее хозяйство. Узнавъ, что мужъ работаетъ не смотря на праздникъ, по приказанію требовательнаго и суроваго пана Вульфеншильда, Христина, даже не поздоровавшись и не объяснившись съ окружившими ее крестьянами, побѣжала въ поле.

Еще издалека узнала она фигуру Янко, признала и мысленно назвала дѣтей. Шаговъ за пятьсотъ не только Янко, но даже ея маленькая дѣвочка ахнули и замерли, боясь обмануться, боясь, что исчезнетъ дорогой призракъ, потухнетъ сразу тотъ лучъ радостной надежды, который сверкнулъ сейчасъ у нихъ на душѣ.

— Мама! мама! закричалъ, наконецъ, отчаяннымъ голосомъ старшій восьмилѣтній сынъ, и со всѣхъ ногъ стрѣлою бро-сился по пашнѣ на встрѣчу къ бѣгущей женщинѣ. Но по дорогѣ его обогналъ отецъ и первый бросился обнимать жену, какъ бы воскресшую изъ мертвыхъ.

И скоро всѣ пятеро сидѣли среди пашни, усмѣхались и плакали, а маленькая дѣвочка, обхвативъ мать руками, при малѣйшемъ движеніи ея, сильнѣе льнула къ ней, боясь, что „мама“ опять пропадетъ надолго.

Мгновенія, которыя переживала эта семья, остаются памятны на всю жизнь.

Разумѣется, тотчасъ же Христина была потребована къ пану. Вульфеншильдъ, конечно, распросилъ обо всемъ Хри-стину и порадовался за нее, узнавъ о подаркѣ царицы.

— Увидимъ, сказалъ онъ. Можетъ быть, она васъ у меня и выкупитъ на волю. Стыдно ей будетъ, что вы простые хлопы, когда я самъ передъ ней ничто, червякъ. А теперъ—

стройтесь на славу!.. Я вамъ тоже помогу лѣсомъ, за полцѣны дамъ.

Но Янко, обожавшій жену, не радовался деньгамъ и будущей стройкѣ, не мечталъ о будущихъ благахъ, а думалъ лишь о настоящемъ, о возвращеніи жены въ семью.

— Мнѣ хоть во вѣки подъ кустомъ жить и зиму и лѣто, лишь бы съ Христиной! восклицалъ онъ радостно.

Путь Карлуса былъ много короче пути Христины, но буфетчику изъ гостиницы, никогда не отлучавшемуся изъ Вишекъ, помимо поѣздокъ въ родное гнѣздо, т. е. Дохабенъ, путь показался особенно дологъ и скученъ. Къ тому же дорога шла по безлюднымъ мѣстамъ, гдѣ все было мертво, тихо...

Наконецъ, на крутомъ и высокомъ берегу небольшой рѣчки показалась маленькая деревушка въ нѣсколько хижинъ, окруженныхъ маленькимъ лѣскомъ. За то на противоположномъ берегу начинался высокий и густой лѣсъ, разrostавшійся во всѣ стороны и уходившій на нѣсколько десятковъ верстѣ.

Среди хижинъ стоялъ одинъ домикъ получше другихъ, съ большимъ дворомъ, обнесеннымъ тыномъ. Это былъ заѣзжий дворъ и станція, гдѣ проѣзжіе по тракту мѣняли лошадей.

До существованія двора и наемныхъ лошадей, мѣсто это было совершенно безлюдно и глухо.

На краю этой недавно выстроившейся деревушки была изба, въ которой жилъ Дирихъ Скворотскій не съ своей, а съ чужой семьей, которую онъ любилъ какъ родную.

Дирихъ не былъ женатъ, но уже нѣсколько лѣтъ жилъ съ латышкою по имени Трина, у которой были свои двѣ дочери. Отецъ ихъ пропадалъ безъ вѣсти. Можетъ быть, былъ давно на томъ свѣтѣ, но могъ легко оказаться въ живыхъ и явиться невзначай. Поэтому Дирихъ и не могъ жениться на Тринѣ.

Занятіе, которое избралъ себѣ Дирихъ, т. е. ямъ, и должность ямщика не была ни особенно выгодна, ни пріятна.

Лошадей содержатель не жалѣлъ и каждый годъ загнанныхъ отъ тяжелой работы замѣнялъ свѣжими, но ямщики, которые тоже были въ нѣкоторомъ смыслѣ загнаны, сильно терпѣли отъ такихъ порядковъ. Долго никто здѣсь въ ямщикахъ не хотѣлъ оставаться, одинъ Дирихъ былъ старожилъ, т. е. уже лѣтъ шесть ѣздилъ взадъ и впередъ въ обѣ стороны.

Рѣдко приходилось ему, и то только въ самую глухую пору зимы, на сутки оставаться дома. Обыкновенно же онъ

почти не сходилъ съ облучка или съ козель и являлся домой, чтобы только поѣсть или отоспаться.

Разумѣется, и Дирихъ давно бы ушелъ изъ этой глуши, но, не смотря на свои 35 лѣтъ, былъ глуповать какъ ребенокъ, тяжелъ на подъемъ, крайне несообразителенъ и ничего не умѣлъ сдѣлать, ничему не могъ научиться. Единственно, что у него въ рукахъ ладилось—были возжи отъ двухъ-трехъ загнанныхъ клячь.

Много разъ, конечно, Дирихъ собирался бросить невыгодную работу, но Трина, женщина умная, всячески отговаривала своего сожителя отъ рокового шага, понимая, что Дирихъ никакого иного мѣста не достанетъ. А если и посчастливится ему, то никакой хозяинъ его болѣе мѣсяца держать не станетъ, потому что Дирихъ любилъ выпить.

Къ несчастію, слабый во всякой работѣ, онъ былъ слабъ и для чарки водки. Онъ падалъ мертво пьянъ отъ количества вина, которое другого мужика только чуть-чуть въ жаръ бросить.

Простоватостью Дириха объяснялось и сожительство съ латышкою и его обожаніе къ ней.

Трина была женщина уже за пятьдесятъ лѣтъ и замѣчательно некрасива собой. Даже въ этомъ поселкѣ, душъ въ тридцать, безобразіе Трины было предметомъ шутокъ и прибаутокъ сосѣдей и сосѣдокъ. Но будучи крайне дурна лицомъ, она была женщина крайне смышленная и умѣла даже въ своей трущобѣ зашибать копейку. Поэтому Трина со своими дочерьми и съ другомъ жила лучше, чѣмъ другія семьи.

IX.

Дирихъ собирался на станціонномъ дворѣ закладывать въ дышловою телѣгу пару пѣгихъ лошадокъ и не спѣша мазалъ колесо, когда къ нему прибѣжала изъ дому старшая дѣвочка, по имени Маддэ, и еще издали кричала ему по-латышски:

— Дядя, дядя... У насъ важный купецъ въ избѣ... Важный... Приѣхалъ сейчасъ!

Дирихъ не сразу понялъ. Онъ бросилъ мазанье, вздѣлъ колесо на ось и, вынувъ подпорку изъ-подъ телѣги, спросилъ у дѣвочки:

- Что ты болтаешь?
- Купецъ. У насъ. На своей лошади. Хорошая лошадь.
- Ты, Маддэ, во снѣ видѣла?
- Не во снѣ, дядя. Иди скорѣе... Мама зоветъ.

Маддэ была настолько встревожена и даже перепугана, что Дирихъ поневолѣ долженъ былъ вѣрить, если не словамъ, то лицу дѣвочки. Онъ попросилъ другого ямщика отправиться съ проѣзжимъ вмѣсто себя, а самъ быстро пошелъ домой.

— Да кто же такой этотъ пріѣзжій? спрашивалъ онъ у дѣвочки.

Но Маддэ сама не знала ничего.

Когда Дирихъ вошелъ въ горницу низенькой и темной избенки, то увидѣлъ хорошо одѣтаго человѣка, съ виду купца, а его сожительница Трина вскрикнула съ веселымъ лицомъ:

— Ну, отгадай, Дирихъ! Отгадай, кто этотъ человѣкъ? Кто нашъ гость?

Дирихъ сталъ какъ вкопанный, а купецъ подошелъ и вымолвилъ, смѣясь добродушно:

— Не мудрено тебѣ меня не узнать. И я бы тебя теперь не узналъ, если бы встрѣтилъ гдѣ на дорогѣ. Прежде всего поцѣлуемся... Вотъ такъ... Ну погляди теперь мнѣ въ лицо хорошенько. Не узнаешь?

— Нѣтъ. Виновать... пробурчалъ Дирихъ, смущаясь.

— Есть у тебя братъ?

— Есть.

— Какъ его зовутъ?

— Карлусъ... .

— Ну вотъ... Догадываешься теперь...

Но Дирихъ стоялъ истуканомъ. Онъ былъ слишкомъ простоватъ, чтобы догадаться.

— Да я... Я Карлусъ. Твой братъ Карлусъ, воскликнулъ пріѣзжій.

Дирихъ ахнулъ и снова бросился обнимать брата.

Оглядѣвъ другъ-друга внимательно, братья обоюдно подивились перемѣнѣ, которая въ нихъ произошла.

Сходства между братьями не было никакого: Карлусъ былъ совершенно черноволосый, слегка курносъ, съ большими, живыми черными глазами, довольно высокаго роста, плотный и широкоплечій. Дирихъ, напротивъ, былъ худъ, блѣденъ, такой же бѣловолосый, какъ Христина, и съ совершенно свѣтлыми, даже бѣловатыми и будто сонными глазами. У Карлу-

са волосы завивались круто въ кудри, у Дириха, напротивъ, волосы желто-сѣраго цвѣта висли съ головы плоскими прядями, точно правильно нарѣзанныя мочалки.

Карлусъ тотчасъ передалъ брату подарокъ отъ Христины— два червонца, и подробно разсказаль о свиданіи ея съ царицей. Но видя, что братъ все тотъ же простякъ, неспособный даже понять вполнѣ все то, что онъ считаль необходимымъ ему передать, Карлусъ, невольно и незамѣтно для самого себя, пересталь въ бесѣдѣ обращаться къ брату, а предпочель все подробно объяснить умной Тринѣ и ея старшей дочери.

Главное заключалось, конечно, въ томъ, чтобы Дирихъ вель себя осторожнѣе и не разглашалъ ничего о себѣ, даже въ такой трущобѣ, какъ его деревушка.

Трина очень обрадовалась большимъ деньгамъ, но вѣсть Карлуса о могущей произойти перемѣнѣ въ судьбѣ Дириха не только не обрадовала женщину, но даже испугала. Карлусъ замѣтилъ ея тревожный взглядъ и набѣжавшую на лицо тѣнь. Умная латышка поняла тотчасъ, что, въ случаѣ какой-либо перемѣны, ея сожителство съ Дирихомъ будетъ невозможно.

— Ты что пригорюнилась? спросилъ Карлусъ.

— Я, ничего... Все это диковинно... И отъ всего этого, что ты рассказываешь, надо всякихъ напастей ждать, отвѣтила Трина.

— Это почему?

— Васъ всѣхъ: тебя, Дириха, Христину и Анну съ вашими дѣтьми только погубить это свиданіе Христины съ царицей. Я тебѣ говорю вѣрно. Счастія отъ этого не будетъ никакого, а бѣды будутъ...

Въ голосѣ умной женщины звучала такая увѣренность, что Карлусъ задумчиво взглянулъ на латышку, какъ бы взвѣшивая ея слова...

Цѣлый день проспорилъ съ ней Карлусъ, но кончилось тѣмъ, что умная женщина не убѣдилась доводами Карлуса, а убѣдила его быть на сторожѣ и на-готовѣ спасаться отъ казни русскаго царя.

Карлусъ выѣхаль отъ брата менѣе довольный и веселый. Онъ рѣшилъ быть какъ можно осторожнѣе и не только ничего не разглашать о себѣ, но даже никому не рассказывать о свиданіи сестры съ русскою царицей.

По возвращеніи Карлуса въ Вишки, онъ вскорѣ, однако,

замѣтилъ, что его положеніе измѣнилось. Хозяинъ сталъ ласковѣе, знакомые доброжелательнѣе.

Его поѣздка для свиданія съ братомъ по дѣлу, которую онъ, конечно, не скрылъ, затѣмъ извѣстное теперь всѣмъ посѣщеніе Христины, а равно имя Екатерины, данное новорожденной дѣвочкѣ, наконецъ розсказни и нескромность мѣстнаго ксендза—все привело къ тому, что въ деревушкѣ Дохабенъ, и въ самыхъ Вишкахъ стали уже чаще поминать и болтать.

Вскорѣ въ шутку стали называть Карлуса „Цара брались“, т. е. царскимъ шуриномъ или братомъ, и совершенно незамѣтно, въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, эти два слова стали уже прозвищемъ. „Цара брались“ говорили всѣ и всѣ ждали для Карлуса событія!..

Такъ прошло цѣлыхъ два года, которые однако не принесли ничего новаго, ни хорошаго, ни худого...

Прозвище, данное Карлусу серьезно, а не ради насмѣшки, за это время понемногу перешло уже въ шутливую кличку. Обыватели околотка извѣрились...

Х.

Однажды, лѣтомъ, въ Вишкахъ появился цѣлый поѣздъ, три экипажа и большой фургонъ съ поклажей. Проѣжалъ важный сановникъ, по имени, хорошо извѣстному въ Литвѣ, знатный и богатый магнатъ, а по мундиру—русскій генераль. И дѣйствительно, это оказался полякъ графъ Сапѣга, фельд-маршалъ русской службы, отправлявшійся изъ Россіи на побывку въ Варшаву. Съ нимъ ѣхалъ его сынъ, красивый и статный молодой человѣкъ.

Магнатъ, вѣроятно, съ усталости отъ дальняго пути, или отъ того, что на дворѣ стояла отвратительная погода и лиль безъ конца какъ бы осенній дождь, остановился въ Вишкахъ на нѣсколько часовъ. Затѣмъ, найдя въ гостиницѣ сравнительно съ другими станціями опрятность, хорошую кухню и порядочную обстановку, графъ рѣшилъ остаться ночевать. На утро была та же скверная погода и старику нездоровилось; онъ опять рѣшилъ остаться еще на сутки.

— Тамъ дальше, по пути, опять пойдутъ, пожалуй, курныя избы, такъ уже лучше вамъ здѣсь побыть и отдохнуть, совѣтовалъ и молодой Сапѣга отцу.

Вечеромъ чрезъ многочисленную свиту, состоявшую, помимо лакеевъ, изъ адъютанта, двухъ секретарей, капеллана и трехъ егерей, до свѣдѣнiя магнатовъ достигъ удивительный слухъ, которому они, конечно, сразу не повѣрили. Въ этой трущобѣ, будто бы, оказался,—прислуживающій ихъ лакеямъ, не появляясь въ ту горницу, гдѣ они сидѣли,—простой крестьянинъ, котораго считаютъ здѣсь всѣ близкимъ родственникомъ..

— Что за глупое вранье! строго сказалъ фельдмаршалъ. Принявъ извѣстiе за дерзкую выдумку, Сапѣга сначала не обратилъ на это никакого вниманiя. Но затѣмъ его секретарь, повидавшій по собственной охотѣ лакея Карлуса, явился къ сановнику и объяснилъ ему ради курьеза, да и ради неимѣнiя чѣмъ заняться на отдыхѣ, что лакей самъ серьезно заявилъ ему о родствѣ.

Конечно, графъ велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ лакея, и Карлусъ, немножко оправившись, причесавшись и оглядѣвши, все ли на немъ въ порядкѣ, предсталъ предъ именитымъ проѣзжимъ. Молодой Сапѣга сталъ его подробно спрашивать съ отгѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ и даже презрѣнiя; фельдмаршалъ молча слушалъ, но глядѣлъ, строго хмурия брови.

Карлусъ отвѣчалъ робко, но естественно и просто объяснилъ все. И все, что услышали Сапѣги, поразило ихъ своимъ правдоподобiемъ.

Кончилось тѣмъ, что фельдмаршалъ самъ заступилъ мѣсто своего сына, въ качествѣ допросчика по пунктамъ.

— Какъ же тебя звать? спросилъ Сапѣга.

— Карлусъ.

— Слышалъ!.. Фамилiя твоя какъ — я спрашиваю. Семейное прозвище?

— Зовутъ разное... Меня зовутъ Сковоротскiй, а сестру старшую до замужества всегда звали Сковороцанкой... Отецъ назывался Самуиломъ, а прозвище его было Скавронекъ.

— А мать... Ея имя какъ было?..

— Мать звалась Доротэей по дѣвичеству, или по имени отца своего Ганъ.

— Это нѣмецкое имя: Доротэя Ганъ.

— Она и была нѣмкой, а сестра ея меньшая, Марианна, вышла за русскаго шляхтича Василевскаго, а средняя за Гейденберга. Эту звали Софьей... Да еще братъ былъ Вильгельмъ... Да еще сестра была и тоже была за Василевскимъ.

— Такъ двѣ сестры были Василевскими по фамиліи мужей? спросилъ вельможа.

— Да. Одна за отцомъ, а другая, меньшая, за сыномъ его, Яномъ.

— У которой же воспитывалась твоя сестра, которую ты называешь Мартой?

— У меньшей, Маріанны... Старшая, Катерина, уѣхала въ Курляндію и вышла вторично замужъ за Дукласа.

— И ты всю эту родню свою знавалъ и помнишь хорошо? спросилъ подозрительно Сапѣга.

— Еще бы... Вѣдь я ихъ всѣхъ зналъ, когда мнѣ было уже лѣтъ съ двадцать, ухмыляясь отозвался Карлусъ. Въ честь тетки Софьи Гейденбергъ, я свою дочь назвалъ такъ же.

— Ну, а Марта отъ тетки Василевской перешла, говоришь ты, къ пастору лютеранскому?

— Да. Къ пастору Глюку въ Маріенбургъ, а отъ него попала въ плѣнъ къ русскимъ драгунамъ.

— Почему же однако, любезный, ты знаешь, что это твоя сестра Марта? лукаво замѣтилъ молодой Сапѣга.

— Этого я не знаю...

— Ну, вотъ видишь ли, голубчикъ, строго заговорилъ фельдмаршалъ, — все это выдумки и опасныя выдумки. Напрасно ты такой вздоръ о себѣ болтаешь. У тебя пропала взятая русскими въ плѣнъ сестра и — на этомъ одномъ случаѣ ты основываешь цѣлую глупую исторію. Мало ли женщинъ въ Лифляндахъ во время войны были взяты въ плѣнъ московскими войсками. Такъ всѣмъ родственникамъ ихъ, всякую изъ нихъ и почитать теперь русской императрицей?

— Въ Крейцбургъ и въ Маріенбургъ всѣ такъ говорятъ, оправдывался Карлусъ, что именно наша Марта и есть царица Екатерина.

— Все это одно вранье. И ты за такое разглашеніе о себѣ можешь дорого заплатить. Прекрати это вранье. Худо будетъ. Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ! строго сказалъ Сапѣга, отпуская лакея.

Однако магнатъ польскій и фельдмаршалъ русской арміи, много жившій въ Россіи и знавшій все, что знали обѣ столицы, да и вся Имперія, о загадочномъ происхожденіи русской императрицы, не могъ равнодушно отнестись къ разсказу буфетчика постоялаго двора.

Карлусъ, рѣшившій быть по совѣту сестры осторожнымъ,

умышленно не все передалъ магнату, очевидно допрашивавшему его ради праздности и пустого любопытства.

Карлусъ предпочелъ лучше прослыть въ глазахъ графа Сапѣги за болтуна, нежели упомянуть о свиданіи въ Ригѣ. Онъ не проронилъ поэтому ни слова о бесѣдѣ Христины съ государыней.

Но на этотъ разъ осторожность Карлуса ему только повредила. Если бы Сапѣга узналъ отъ него, что недавно сама русская императрица видѣлась съ Христиной, подарила ей денегъ, разспрашивала о судьбѣ всѣхъ другихъ членовъ семьи, то онъ навѣрно не сдѣлалъ бы того, что онъ теперь счелъ долгомъ сдѣлать немедленно.

Здѣсь-же, черезъ часть послѣ бесѣды съ буфетчикомъ, магнатъ написалъ подробно о своей встрѣчѣ въ гостиницѣ мѣстечка Вишки. Онъ передалъ все челоуку придворному и вліятельному, генералу Девьеру, женатому на родной сестрѣ князя Меньшикова.

Между тѣмъ, пока вельможа писалъ письмо, сынъ его былъ въ сосѣдней горницѣ, куда одинъ изъ секретарей привелъ красивую молоденькую дѣвушку, пойманную имъ случайно въ корридорѣ. Молодой Сапѣга осматривалъ чернобровую и востроглазую фигурку, какъ любопытнаго звѣрка. Дичокъ-самородокъ забавлялъ его своей манерой держаться и своими бойкими отвѣтами.

Молодая дѣвушка отзывалась тихо, но рѣзко, едва шевеля губами, гордо закидывая красивую кудрявую головку и какъ бы неприязненно мѣривъ взглядомъ обоихъ собесѣдниковъ съ головы до ногъ.

— Правду говорить онъ, сказалъ Сапѣга, показывая на секретаря, что ты себя называешь: Яункундзе?

— Неправда!

— Какъ неправда! воскликнулъ секретарь. Ты сейчасъ въ корридорѣ мнѣ сказала, что это твое прозвище.

— Ну, да.

— А теперь ты говоришь: неправда.

— Вы что спросили? Какъ я себя зову? Я себя зову Софьей. А другіе меня зовутъ Яункундзе. Не я же себѣ это прозвище дала.

— Есть у тебя женихъ? Собираешься ты замужъ? спросилъ Сапѣга.

— А у васъ есть невѣста? Собираетесь вы жениться?.. отозвалась Софья.

— Да тебѣ это не любопытно, я полагаю.

— Ну и вамъ тоже про меня знать это не любопытно.

— Вишь, какая сердитая. А красива... Ты очень красива, Янкундзе?

— Да.

— Что да?

— Красива.

— Сама знаешь это...

— Конечно. Кому же это и знать, какъ не мнѣ!

Сапѣга размѣялся, секретарь тоже.

Около получасу проболталъ такъ молодой графъ съ молодой крестьянкой и, давъ ей коробку сластей, отпустилъ со словами:

— Будь ты моя крѣпостная, я бы тебя ни за кого замужъ не выдалъ, а взялъ бы себѣ.

— Насильно? отозвалась тихо Софья, презрительно усмѣхаясь и идя къ дверямъ.

— Нѣтъ... Можетъ быть ты... Я думаю, что ты бы сама... Вѣроятно, ты бы меня...

Сапѣга запутался и смолкъ, удивляясь внутренно самому себѣ, т. е. своему легкому смущенію.

— Панъ ужъ очень много о себѣ воображаетъ! вымолвила Софья на порогѣ. Я знаю одного пастуха, который много красивѣе пана графа.

Сапѣга размѣялся громко и весело. Софья искоса взглянула на него своими угольными глазами изъ-подъ опущенныхъ на половину рѣсницъ, и взглядъ ея выразилъ одно гордое презрѣнье.

— Даже не вѣрить, воркнула она и исчезла за дверью.

На утро рано одинъ изъ егерей графа Сапѣги выѣхалъ изъ Вишекъ съ письмомъ, въ обратный путь, въ Россію. Около полудня всѣ экипажи были заложены и поданы. Именные проѣзжіе отправлялись далѣе.

Когда графъ фельдмаршалъ вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи сына и всей свиты, густая толпа поселянъ съ обнаженными головами окружила постоянный дворъ и экипажи.

— Вонъ она, батюшка! тихо сказалъ по-нѣмецки молодой Сапѣга, указывая отцу глазами на красивую дѣвушку, стоящую близъ крыльца, впереди другихъ крестьянокъ. Фельдмаршалъ пристально приглядѣлся и вымолвилъ на томъ же языкѣ:

— Странно. Очень странно!

— Что? спросилъ сынъ.

— Сходство.

— Съ кѣмъ, батюшка?..

Но старый графъ не отвѣтилъ и пошелъ садиться въ экипажъ.

Молодой человѣкъ сѣлъ вслѣдъ за отцомъ, затѣмъ выглянулъ изъ окна кареты на Софью и ласково кивнулъ ей головой.

Яункундзе не шевельнулась и даже бровью не двинула въ отвѣтъ. Экипажи тронулись шибкой рысью и скоро исчезли за домами и околицей. Софья задумчиво смотрѣла во слѣдъ. На сердцѣ ея что-то происходило. Она въ одинъ мигъ вчера возненавидѣла молодого вельможу. Ну, такъ что жъ? Вѣдь онъ уѣхалъ! Она никогда болѣе за всю жизнь не встрѣтитъ его и не увидитъ. Да, кажется... Вѣроятно...

Въ это же мгновеніе молодой графъ Сапѣга, глядя изъ экипажа на унылую дорогу, думалъ объ этой Яункундзе Вишекъ... И удивлялся, что онъ думаетъ объ ней. Красивая крестьянка полудикаго поселка! Мало ли ихъ было по дорогѣ. Отчего же объ этой думается ему какъ бы противъ воли? Онъ и не увидитъ вѣдь ее болѣе никогда. Да, кажется... Вѣроятно...

XI.

Однажды появился въ Вишкахъ молодой человѣкъ, красивый, ловкій, говорившій одинаково хорошо по-польски и по-русски, вскорѣ доказавшій, что онъ былъ молодецъ на всѣ руки. Новый житель Вишекъ, по имени Яковъ, вскорѣ сталъ всеобщимъ любимцемъ, но въ особенности сошелся онъ быстро съ Карлусомъ и всячески доказывалъ ему свою дружбу. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ проговорился пріятелю, что у него есть средства и что онъ богатый женихъ и не прочь бы найти себѣ невѣсту... Вотъ, въ родѣ Софьи...

Вскорѣ Карлусъ любилъ своего новаго друга такъ же, какъ если бы зналъ его уже нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ Яковъ былъ въ гостиницѣ не болѣе мѣсяца. О бракѣ съ Яковомъ шестнадцатилѣтней Софьи онъ тоже мечталъ уже часто и подолгу.

Наконецъ, однажды Яковъ объяснилъ Карлусу, что тотъ

долженъ ему доказать на дѣлѣ свою дружбу и помочь въ одномъ очень простомъ, хотя и важномъ обстоятельствѣ.

— Дѣло самое глупое и простое, объяснилъ Яковъ, но я могу просить помощи только у человѣка, которому я вполне вѣрю, который меня не обманетъ и не погубитъ, который, пожалуй, и моимъ родственникомъ стать можетъ.

И въ откровенной бесѣдѣ Яковъ сообщилъ Карлусу, что у него есть деньги и большія, на которыя онъ можетъ не только купить себѣ въ Вишкахъ домъ, но даже взять весь постоянный дворъ и вѣсибасъ намсъ за себя, уплативши содержателю необходимую сумму.

Карлусъ повѣрилъ пріятелю и убѣдилъ его, что онъ можетъ вполне положиться на него. Тогда Яковъ признался откровенно, что деньги зарыты имъ въ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вишекъ.

— Деньги эти надо отправиться вырыть, и такъ какъ мѣшокъ съ золотыми червонцами и съ серебряными рублями очень тяжелъ, то одинъ человѣкъ никакъ не можетъ изъ лѣса дотащить его, хотя бы черезъ нѣсколько саженой, до телѣги. Слѣдовательно, надо ѣхать вдвоемъ, разумѣется, вечеромъ и, такимъ образомъ, ночью все сработать и привезти мѣшокъ съ деньгами домой.

Карлусъ объяснилъ, что нѣтъ ничего проще дѣла и что, конечно, онъ исполнитъ свято главное условіе, т. е. никому ничего не скажетъ о деньгахъ.

— Больше мнѣ ничего и не нужно. А за эту услугу, сказалъ Яковъ, я тебѣ сдѣлаю подарокъ, который можетъ перемѣнить твою обстановку.

Друзья тотчасъ уговорились добыть въ Вишкахъ небольшую телѣжку, съ парой хорошихъ „зирковъ“ или лошадей, сильныхъ и бойкихъ, чтобы съѣздить за деньгами.

Послѣ этого уговора Яковъ медлилъ однако цѣлую недѣлю. Карлусъ сообразилъ, что другъ просто боится и подозрѣваетъ его, быть можетъ, даже раскаивается, что сообщилъ о своей тайнѣ.

Но однажды вечеромъ Яковъ объяснилъ другу, что на другой день вечеромъ они должны выѣзжать. Такъ какъ телѣжка и пара отличныхъ лошадей были уже давно найдены, уговоръ съ хозяиномъ былъ сдѣланъ подъ предлогомъ поѣздки въ Дохабень, то Карлусъ отвѣчалъ, что онъ готовъ и очень радъ.

— Я ужь думаль, что ты меня подозрѣваешь и опасаясь, сказалъ онъ. Но мнѣ это было обидно.

— По правдѣ сказать—да... отвѣчалъ Яковъ. Но теперъ я рѣшилъ. Доставай лошадей... да получше. Скакуновъ!

— Это ужь готово. Лучшіе „зирксы“ всѣхъ Вишекъ! пошутить Карлусъ.

Поселянинъ, у котораго надо было взять лошадей, конечно, очень удивился, что двумъ здоровымъ молодцамъ понадобится пара бойкихъ коней для простой поѣздки въ Дохабенъ. Однако, подумавъ побольше, онъ рѣшилъ, что по всей вѣроятности этотъ Яковъ ѣдетъ въ деревню, гдѣ семья Карлуса, въ качествѣ жениха. Разумѣется, ради такого случая хочется ему и пофрантить.

Въ сумерки яснаго дня два пріятели выѣхали изъ Вишекъ по большой дорогѣ. На другое утро вернулся домой одинъ изъ старожилонъ Вишекъ и, встрѣтясь съ хозяиномъ нанятыхъ лошадей, спросилъ у него съ удивленіемъ:

— Это вѣдь твоихъ коней я видѣлъ съ Карлусомъ?

— Да. Мои кони, отвѣчалъ тотъ.

— Охота давать гонять...

— Я за деньги далъ.

— Все равно. Это портить коня—сорокъ версть не кормя гонять.

— Какъ сорокъ версть?

— Да такъ. Я ихъ встрѣтилъ за большимъ Янковымъ боромъ... Видно вѣдь, что кони бѣгутъ безъ роздыха, заморенные.

— Они въ Дохабенъ наняли! воскликнулъ поселянинъ.

— Хорошъ Дохабенъ за Янковымъ боромъ!

Между тѣмъ Карлусъ и Яковъ дѣйствительно были въ это время очень далеко отъ Вишекъ...

Отѣхавъ отъ мѣстечка версть за десять, Яковъ приостановилъ лошадей, и пустивъ ихъ шагомъ, обернулся къ пріятелю:

— Слушай, Карлусъ... Я вѣдь тебя обманулъ.

— Какъ? Въ чемъ? отозвался тотъ.

— Я тебя обманулъ, но ты не гнѣвися. Я тебѣ сказалъ, что мой кладъ зарытъ тутъ неподалеку. Это неправда.

— А гдѣ же онъ?

— До него отъ Вишекъ версть сто...

— Какъ сто! воскликнулъ Карлусъ.

— Такъ. Онъ у меня на родной сторонѣ. Около деревни, гдѣ я родился. Да ты чего же такъ оторопѣлъ? Не все ли равно? Лошади у насъ хорошія, доѣдемъ мы исправно, хозяину заплатимъ вдвое, хоть даже вчетверо. Онъ пенять не будетъ. Я же тебя потому обманулъ, что боялся твоей лѣни. Скажи я тебѣ ѣхать за сто верстъ, ты бы, пожалуй, и отказался.

— Пожалуй, что такъ! отозвался Карлусъ, смѣясь. Даже и теперь страшно. Сто верстъ! Шутка!

— Ну, а теперь дѣло сдѣлано. Ужъ ѣдемъ, весело скажешь Яковъ. Черезъ сутки все будетъ кончено, даже деньги въ телѣжкѣ будутъ лежать. Что жъ, жалѣешь что ли, что взялся мнѣ услужить?

— Нѣтъ. Что жъ! И то правда... Кони хорошіе. Живо сѣздимъ. А коли ты хозяину заплатишь вдвое, то все равно никто въ обидѣ не будетъ.

— Такъ ты не сердись на меня за обманъ?

— За что же? Стоить ли...

Пріятели припустили лошадей... Добрые кони пролетѣли бодро верстъ тридцать, но затѣмъ начали приставать... Карлусъ предложилъ другу отдохнуть въ знакомой деревушкѣ, но Яковъ не согласился, говоря, что заранѣе рѣшилъ отдохнуть и покормить лошадей въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ у него есть родственникъ.

Дѣйствительно, проскакавъ не кормя около пятидесяти верстъ и достигнувъ мѣстечка, Яковъ завернулъ во дворъ и вызвалъ хозяина.

— А здорово... воскликнулъ этотъ. Твои тебя поджидаютъ здѣсь уже двое сутокъ.

— Доброе дѣло, отозвался Яковъ, выгѣзая.

— Кто такіе тебя поджидаютъ? удивился Карлусъ.

— Входи, увидишь... Народъ веселый... Мои земляки, смѣясь сказалъ Яковъ.

— Твои земляки... странно проговорилъ Карлусъ, будто робѣя.

— Ну да... Подумаешь, диковину я сказалъ...

— Зачѣмъ они тутъ? Почему же ты мнѣ ничего о нихъ не говорилъ? Не сказалъ, что тебя тутъ будутъ ждать эти земляки?

— Зачѣмъ говорить? Вотъ теперь все узнаешь. Слѣзай!

Карлусъ, самъ не зная почему, въ сомнѣнны сидѣлъ на

телѣжкѣ и медилъ слѣзать и входить въ домъ. Какое-то тревожное чувство внезапно сказалося въ немъ. Странный ли голосъ Якова или странный, будто насмѣшливый взглядъ хозяина двора — неизвѣстно что подѣйствовало на Карлуса, но онъ оторопѣлъ и не двигался.

— Чего же ты? весело и небрежно спросилъ Яковъ.

— Зачѣмъ ты таилъ все это... началъ было Карлусъ. Но Яковъ громко расхохотался.

— Ты вѣдь робѣешь. Ей Богу, робѣешь... Чего только — самъ не знаешь. Что жъ мы здѣсь тебя зарѣжемъ, что ли? Зачѣмъ? Ограбить? Что грабить? Платье твое или нѣсколько гривенъ въ карманѣ?

— Нѣтъ. А вотъ этихъ чужихъ коней вы угоните! рѣзко, сердито вымолвилъ Карлусъ. А меня бросите здѣсь. Я ворочайся въ Вишки и расплачивайся за тебя. А кони и телѣга — дорогіе. Я ихъ въ три года не уплачу...

— Полно. Стыдно, Карлусъ. Ей Богу стыдно! А еще пріятель! Вылѣзай-ка. Вотъ тебѣ Господь на небеси, что я лучше тебя самого украду, чѣмъ твоихъ коней.

Карлусъ неохотно и нерѣшительно вылѣзъ изъ телѣжки. Хозяинъ двора принялъ лошадей и пріятели вошли въ горницу.

Тутъ на полу крѣпко спали и храпѣли двое дюжихъ молодцовъ...

— Ну и мы такъ-то ляжемъ. А выпавшись, всѣ двинемся за моимъ кладомъ! сказалъ Яковъ. До него отсюда еще верстъ сорокъ. А ты, Карлусъ, не тревожься... Не все то дурно, что удивительно...

— Когда же мы проснемся? Къ вечеру?

— Да, конечно, къ вечеру. Ночью и поѣдемъ. Мое дѣло нельзя днемъ дѣлать. Кони отдохнутъ и мы тоже. Ночью проѣдемъ, на зарѣ все дѣло обдѣлаемъ вчетверомъ. Лихо обдѣлаемъ.

— Зачѣмъ ты таилъ отъ меня, что будетъ еще двое помощниковъ? продолжалъ сомнѣваться Карлусъ.

— Э-эхъ, право... нетерпѣливо отозвался Яковъ. Ложись. Спи!

Сказавъ это, Яковъ разостлалъ свой кафтанъ на полъ и легъ. Карлусъ постоялъ минуту и сдѣлалъ то же самое.

„Что жъ въ самомъ дѣлѣ я оробѣлъ. Чего же? думалъ онъ. Рѣзать имъ меня незачто. Лошадей бы не угнали они. Такъ

я не дамъ, подниму деревню... Тутъ у меня знакомый живетъ. Догонимъ верхами и отобьемъ“.

Карлусъ успокоился нѣсколько, но чрезъ нѣсколько минутъ, когда Яковъ уже храпѣлъ, онъ снова думалъ:

„Если я съ ними поѣду, то они меня среди дороги выбросятъ, а сами лошадей угонятъ. Я лучше предложу Якову здѣсь другихъ коней нанять. А на этихъ вернемся въ Вишки. Этакъ вѣрнѣе“.

Карлусъ тревожился все болѣе и болѣе, самъ не понимая и не отдавая себѣ отчета, почему онъ подозрѣваетъ пріятеля и сомнѣвается въ его исторіи на счетъ зарытыхъ денегъ. Сомнѣніе не только не уменьшалось, но все сильнѣе росло и западало въ душу. Карлусъ рѣшилъ окончательно не ѣхать далѣе на тѣхъ же лошадяхъ, а предложить Якову нанять другихъ.

„Этакъ вѣрнѣе“.

Карлусъ все-таки заснулъ... Долго ли и крѣпко ли онъ спалъ — онъ не зналъ. Но когда онъ очнулся, то на дворѣ была уже ночь, а въ горницѣ былъ мерцающій свѣтъ отъ мѣсяца, смотрѣвшаго въ окно. Карлусъ, придя окончательно въ себя, хотѣлъ привстать и вдругъ почувствовалъ что-то особенное, чего онъ сразу даже и понять не могъ. Онъ былъ скрученъ бичевой по ногамъ и по рукамъ, и хотя слабо, но тѣмъ не менѣе достаточно, чтобы не имѣть возможности двинуться, встать и пойти. Въ горницѣ никого не было.

— Охъ, злодѣи... воскликнулъ онъ. Да и я-то хорошъ... Украли! Угнали! А я теперь расплачивайся за коней изъ жалованья своего...

Карлусъ попробовалъ порвать бичеву, дернулъ руками и ногами, но путы только пуце впились ему въ тѣло. Онъ сталъ кричать отчаяннымъ голосомъ.

— Эй, не ори! послышался за дверью голосъ хозяина двора, и плотный мужикъ вошелъ въ горницу. Чего орешь? Зарѣзали что ли тебя...

— Разбойники!.. Угнали коней!.. Ты думаешь, что я оставлю тебя. Врешь. И ты у меня въ отвѣтъ будешь... Развязывай путы... Живо.

— Развязывать? хладнокровно сказалъ мужикъ. Дурень! Нешто затѣмъ тебя связали, чтобы по твоему указу развязывать. Обожди.

— Чего ждать? Того, чтобы они за сто верстъ коней

угнали! крикнулъ Карлусъ. Да вѣдь ты-то здѣсь. Тебя-то я притяну за конокрадство.

— Ничуть не угнали и не сграбили. Полно врать-то. Лежи смирно.

— Гдѣ-жь Яковъ?

— Ушелъ и сейчасъ придетъ. И молодцы его тоже съ нимъ придутъ.

— А кони съ телѣгой?

— Здѣсь на дворѣ. Гдѣ были, тамъ и стоятъ.

— Зачѣмъ же я связанъ?

— Почему я знаю. Говорятъ, что такъ нужно. Мое дѣло сторона.

Хозяинъ двора сѣлъ спокойно на скамью. Карлусъ, лежа на полу въ путахъ, сталъ снова повторять тѣ же вопросы въ десятый разъ, но мужикъ зѣвнулъ нѣсколько разъ сладко и продолжительно и не отвѣтилъ ни слова.

— Будешь ты говорить, чортова морда! крикнулъ Карлусъ нетерпѣливо.

— Нѣтъ, не буду, дуракъ, тихо отвѣтилъ мужикъ, зѣвнувъ еще разъ... Лежи, сейчасъ придутъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ около избы раздались голоса и шаги. Черезъ мгновеніе въ горницу вошелъ Яковъ.

— А, пріятель. Проснулся? вымолвилъ онъ весело. Но голосъ его былъ точно другой и странно поразилъ Карлуса. Это былъ такой пренебрежительный голосъ, какъ если бы Яковъ былъ начальникомъ или бариномъ Карлуса.

— Что ты со мной дѣлаешь! Какъ ты смѣешь, проходи-мецъ, меня вязать! крикнулъ онъ внѣ себя.

— Лежи смирно. Сейчасъ запрягутъ коней. Мы тебя посадимъ и повеземъ, вымолвилъ Яковъ холодно.

— Куда?..

— Если ты будешь сидѣть смирно — ничего тебѣ худого не будетъ. Понимаешь? Если ты будешь орать или биться, то я тебя выпорю. И буду я тебя пороть до тѣхъ поръ, пока ты не смиришься.

— Какъ ты смѣешь... заоралъ Карлусъ и, сдѣлавъ тщетное усиліе подняться, — онъ сталъ злобно и во все горло кричать по-русски и по-латышски:

— Помогите... Разбой... Помогите... Палидзіать!

Голосъ его среди ночи раздавался на всю деревню.

— Замолчи. Слушай меня. Я не разбойникъ, заговорилъ Яковъ. Чрезъ часъ придетъ грамотный человекъ, которому ты повѣришь больше, чѣмъ мнѣ. Ну, вотъ я ему покажу, какая у меня есть бумага. Онъ прочтетъ ее тебѣ, переведетъ по-польски. И ты поймешь, что я тебя имѣю власть увести съ собою, куда нужно, куда мнѣ указано. Понялъ?

Карлусъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ. „Что же это такое, Господи?“ думалось ему.

ХП.

Прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ, два, и никто болѣе не видѣлъ, никто даже не слыхалъ ничего ни о Карлусѣ, ни о Яковѣ. Они исчезли безслѣдно. Только одинъ слѣдъ былъ... Слѣдъ коней...

Въ ста верстахъ отъ Вишекъ, на большой станціи тракта, видѣли отдыхавшихъ четырехъ путниковъ, и изъ нихъ одинъ показался мѣстнымъ жителямъ—похожимъ на буфетчика гостиницы въ Вишкахъ, котораго всѣ хорошо знали въ округѣ. Остальные трое были совершенно неизвѣстны и повидимому всѣ трое москали. Но если бы даже на счетъ Карлуса и ошиблись, то, по описанію телѣжки и пары дорогихъ зирковъ, въ Вишкахъ не сомнѣвались, что это именно были угнанные кони.

Разумѣется, исчезновеніе Карлуса было такимъ событіемъ въ Вишкахъ, о которомъ всѣ отъ мала до велика долго толковали, теряясь въ догадкахъ. Никто не могъ думать, что Карлусъ бѣжалъ ради конокрадства, бросивъ жену и дѣтей въ Дохабенѣ. Слѣдовательно, главный мошенникъ былъ неизвѣстный никому московецъ Яковъ. Но какимъ образомъ уѣхалъ съ нимъ Карлусъ? Очевидно, противъ воли, увезенный силкомъ.

Видѣвшіе Карлуса добавляли, что одинъ изъ всѣхъ четырехъ былъ какъ бы боленъ или на смерть перепуганъ. Трое незнакомецъ какъ бы сторожили его на станціи и близко никого къ нему не подпускали.

— Но куда же его повезли? Зачѣмъ его увезли? говорилося повсюду со страхомъ.

Въ семьѣ Карлуса его исчезновеніе разразилось, конечно, какъ громовой ударъ. Несчастная Марья свалилась при из-

вѣстїи съ ногъ, лежала долго безъ сознанїя и движенїя, затѣмъ начала бредить и кончилось тѣмъ, что заболѣла горяч-кой. Дѣти нѣсколько дней проходили перепуганныя, выли, ревѣли, дико озираясь на всѣхъ. Одна молоденькая Софья была спокойнѣе, но много плакала по отцѣ. Мацитайсъ, узнавши объ исчезновенїи Карлуса, прямо тотчасъ же объяснили обитателямъ Дохабена, что Карлусъ схваченъ москалями и увезенъ въ Россїю. По всей вѣроятности, его или сошлютъ въ Сибирь, или засадятъ въ крѣпость, а быть можетъ просто голову отрубятъ.

— И это слѣдовало ожидать, сказалъ онъ. Я это предсказывалъ. Москали его вѣрно давно разыскивали.

Священникъ совѣтывалъ тайкомъ дать знать о приключенїи всей роднѣ, ради того, чтобы они были осторожнѣе.

Пока Марья была больна, сдѣлать это было невозможно. Женщина поправлялась медленно, но наконецъ снова была на ногахъ. Не имѣя возможности примириться съ тѣмъ, что Карлусъ навсегда исчезъ и что она никогда не увидитъ его, Марья дѣятельно принялась за розыски. Она была увѣрена, что мужъ попалъ къ разбойникамъ.

Содержатель вїасибасъ-намса поддерживалъ въ ней эту вѣру. Онъ сомнѣвался, чтобы русскїй императоръ сталъ посылать изъ Москвы ряженныхъ солдатъ или какихъ-то повѣренныхъ для того, чтобы тайкомъ или обманомъ похитить Карлуса.

Вскорѣ Вишки и Дохабенъ раздѣлились поровну на два лагеря: одни были мнѣнїя содержателя гостиницы, другїе мнѣнїя дохабенскаго мацитайса. Много было толковъ, много споровъ и горячихъ пренїй въ продолженїи долгаго времени о томъ, какъ и куда безслѣдно сгинулъ „Цара брались“.

Прежде всего Марья рѣшила обратиться за совѣтомъ къ Христинѣ и попросить у нея немного денегъ, чтобы назначить награду тому, кто разыщетъ пропавшаго Карлуса.

Черезъ недѣлю женщина была уже въ деревушкѣ Кегема.

Мужъ и жена Енриховы были поражены вѣстью, но оба подтвердили въ Марьѣ увѣренность въ томъ, что Карлусъ сдѣлался жертвою какихъ-нибудь конокрадовъ или разбойниковъ. Христинѣ казалось нелѣпнымъ, что русская царица станетъ такимъ способомъ похищать Карлуса. Если бы за него и пожелали москали приняться, то, конечно, прежде всего за нее, Христину, какъ за главную виновницу, открывшую все о себѣ и о своихъ братьяхъ.

Конечно, Вульфеншильдъ, узнавъ о прибытіи Марьи, вызвалъ ее къ себѣ въ домъ и тоже распросилъ обо всемъ.

Съ тѣхъ поръ, что Христина повидалась въ Ригѣ съ своею царицею, Вульфеншильдъ обращался съ семьей Енриховыхъ нѣсколько мягче и теперь особенно интересовался ихъ судьбою, ибо надѣялся, что это родство въ будущемъ принесетъ ему какую-нибудь выгоду. Онъ точно также отнесся къ дѣлу. Ему показалось тоже нелѣпнымъ, чтобы Карлуса похитили москали, какъ бы какую красную дѣвушку, или какъ цыгане воруютъ дѣтей. Шляхтичъ буквально готорилъ то же, что говорилъ содержатель гостиницы въ Вишкахъ.

— Захотѣли бы взять, сказалъ онъ, чтобы увезти въ Москву, такъ прислали бы двухъ или трехъ солдатъ.

Къ удивленію не только Маріи, но и семьи Енриховыхъ, панъ Вульфеншильдъ далъ тоже немного денегъ, чтобы облегчить розыски Карлуса.

Хитрый шляхтичъ, конечно, разсудилъ про себя, что, если когда-либо судьба всѣхъ этихъ крестьянъ измѣнится къ лучшему, то онъ черезъ нихъ возвратитъ свои деньги сторицею.

Христина дала своей невѣсткѣ одинъ червонецъ на дорогу. вмѣстѣ съ этимъ она посовѣтовала Марьѣ поручить розыски Дириху. Онъ, по ея мнѣнію, какъ ямщикъ, постоянно разъѣзжающій, можетъ черезъ своихъ товарищей-ямщиковъ распространить на цѣлую округу извѣстіе о пропажѣ Карлуса и обѣщаніе о наградѣ за его нахожденіе.

— Хлопочи, прибавила Христина. Я думаю также, какъ и нашъ панъ, что не москали увезли Карлуса. Воры угнали дорогихъ коней, а Карлуса, такъ какъ можетъ донести, кто конокрады, они убили, или держатъ у себя въ неволѣ, запертымъ въ подвалѣ или гдѣ въ лѣсной сторожкѣ, пока не переберутся воровать въ другую округу. Такіе примѣры были.

Марья пустилась снова въ путь и черезъ недѣлю была на станціи, гдѣ жилъ Дирихъ.

Онъ оказался, конечно, въ отсутствіи, только-что выѣхавъ съ какимъ-то проѣзжимъ. Но вернувшись черезъ нѣсколько часовъ, онъ былъ точно также перепуганъ извѣстіемъ. Конечно, онъ тотчасъ же согласился разыскивать всячески брата; но однако сомнѣвался, чтобы Карлуса похитили какіе-либо разбойники.

— Прежде бывали здѣсь шайки, говорилъ онъ. Постоянно грабили проѣзжихъ. Бывало мѣсяца не проѣздишь, чтобы кого-нибудь не ограбили. Только насъ не трогали и даже просили

всегда побольше возить народа, да потише, чтобы легче было носить! добродушно пояснилъ онъ.

Марья подробно выспросила у Дириха, какъ пробраться къ золовкѣ Якимовичевой. Путь былъ не малый, такъ какъ Анна жила въ Польскихъ Лифляндахъ. Марья однако рѣшилась побывать непременно и у умной Анны.

Никогда еще не выдавши семьи Якимовичевыхъ, Марья знала отъ мужа, что его сестра—женщина особеннаго ума и рѣшительности. Вообще, Марья была о ней самага высокаго мнѣнія.

— Вѣдь она почти приказчицей у своей панны! часто говорилъ ей мужъ.

Дирихъ подробно рассказалъ Марьѣ, какъ проѣхать черезъ границу и даже пообѣщался проводить ее верстъ хоть за сто.

Однако за одну ночь, что пробыла Марья въ домѣ Дириха, все измѣнилось.

За эту ночь латышка убѣдила своего мужа, слѣпо повиновавшася ей, что нужно поступить совершенно иначе. Для нея не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Карлусъ взять москалями и что онъ, Дирихъ, будетъ точно также взять въ скоромъ времени.

— Все это виновата Христина, сказала Трина своему сожителю. Она разъяснила царикѣ, гдѣ мы всѣ живемъ. И вотъ бабъ: Христину, Анну, Марью или меня не тронуть, а мужиковъ, Карлуса или тебя, москали непременно рѣшили не оставлять на свободѣ. Стало быть, надо ожидать въ скоромъ времени, что такимъ же или инымъ способомъ возьмутъ и тебя.

Дирихъ былъ пораженъ и повѣрилъ сразу.

— Что же намъ дѣлать, Трина?

— Да ты не согласишься. Я знаю, что дѣлать. Да ты, осель, упрешься, сказала Трина.

Дѣйствительно, когда латышка объяснила своему сожителю, что, по ея мнѣнью, слѣдуетъ предпринять, то Дирихъ растерялся, смутился и сталъ отказываться.

Однако, черезъ два часа переговоровъ среди ночи и, конечно, шепотомъ, чтобы не могла ничего слышать Марья, спавшая въ сосѣдней горницѣ, Трина убѣдила своего сожителя:

„Поскорѣе, не теряя ни дня, сбить Марью съ рукъ и заняться не Карлусовой, а своей собственной судьбой“.

Хитрая и умная латышка быстро приготовила почву для соглашенія. Все утро она охала на всѣ лады, дивясь, какъ

Марья могла отлучиться изъ дому послѣ такого казуса съ мужемъ.

Если и впрямь, говорила она, не разбойники, а москали выкрали Карлуса, то могутъ точно такимъ же образомъ явиться и покрасть дѣтей. И кто защититъ ихъ? Ужь, конечно, не панъ Лауренцкій, который отъ московскихъ солдатъ, или простыхъ сыщиковъ, спрячется самъ въ подвалѣ или въ стогѣ сѣна.

— Да вѣдь и я бы не могла защититъ ихъ, отозвалась нѣсколько встревоженная Марья.

— Вѣстимо. Но за то тебя бы взяли вмѣстѣ съ ними. По крайней мѣрѣ не разлучили бы. А вѣдь теперь ты можешь вернуться изъ своего путешествія къ Якимовичамъ и найти домъ пустымъ. Хорошо, если ты послѣ, тоже взятая, увидишь съ мужемъ и дѣтьми.

— Что же мнѣ дѣлать? говорила уже совершенно смущенная женщина.

Дирихъ предложилъ сестрѣ, возвращаться немедленно домой, и самъ вызвался ѣхать къ Аннѣ Якимовичевой, чтобы вмѣстѣ обсудить дѣло и начать розыски, но, разумѣется, на деньги Марьи.

Женщина съ радостью дала брату два червонца, а сама, въ сумерки, встревоженная всѣмъ, что краснорѣчиво наболтала ей хитрая латышка, пустилась домой, прося Бога найти лишь дѣтей цѣлыми и невредимыми въ Дохабенѣ.

А черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея отъѣзда въ избѣ Дириха шла спѣшная укладка и сборы. Ямщикъ уже получилъ расчетъ отъ хозяина.

Не мало удивился содержатель станціи и другіе ямщики и ихъ жены, узнавъ, что Дирихъ съ латышкою покидаютъ хо-рошую избу, за наймъ которой впередъ уплачено, и бросаютъ цѣлую десятину, засѣянную хлѣбомъ.

Разумѣется, Дирихъ не объяснилъ никому ничего, а сказалъ, что одинъ изъ проѣзжихъ нанялъ его въ кучера, верстѣ за сто отъ мѣста. Должно быть, Дирихъ лгать не умѣлъ, потому что на его лицѣ и въ глазахъ всѣ прочли, что есть нѣчто другое, побуждающее его быстро и безъ оглядки бѣжать со станціи.

Въ тотъ же вечеръ на телѣгѣ было свалено все небольшое имущество Дириха и Трины. На возъ была посажена младшая дѣвочка, а старшая, вмѣстѣ съ матерью и Дирихомъ, пошла пѣшкомъ.

Къ утру путники были уже версть за двадцать отъ деревушки и остановились въ полѣ отдохнуть. Путь ихъ былъ дѣйствительно къ польской Лифляндіи, но, добравшись черезъ недѣлю до мѣстечка Губно, Дирихъ оставилъ семью, пристроивъ на заѣзжемъ дворѣ, а самъ пошелъ искать себѣ мѣсто въ батраки.

Не болѣе какъ черезъ сутки и Дирихъ, и латышка — уже нанялись къ кущу, у котораго были большіе огороды. Однако нанялся къ огороднику не Дирихъ Скворощанекъ, не полякъ и католикъ, не 35-ти лѣтъ мужикъ, а нанялся Юррѣ Чамарый, латышъ, 50-ти лѣтъ и по вѣроисповѣданію уніатъ. Иначе говоря, по наученію Трины, предъ отбытіемъ со станціи, Дирихъ, напоивъ одного изъ товарищей ямщиковъ допьяна, просто-на-просто укралъ у него изъ кармана его билетъ.

— Ну, теперь здѣсь, шутила Трина, довольная и счастливая, никакіе москали, буде стануть разыскивать Дириха Скворощанка, не найдутъ насъ ни за что. Сто разъ пройдутъ и проѣдутъ они мимо Юррѣ Чамараго и не догадаются—кто этотъ Чамарый.

Поселившись здѣсь, Дирихъ и Трина не могли, конечно, узнать, что латышка оказалась еще умнѣе и хитрѣе, нежели всѣ думали.

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, что Дирихъ получилъ свой расчетъ у содержателя станціи, въ Вишкахъ и Дохабенѣ появились какія-то двѣ личности и, разспросивъ подробно о томъ, гдѣ живетъ и что дѣлаетъ братъ Карлуса Скворощанка, направились на ямскую станцію. Здѣсь они узнали, что Дириха давно нѣтъ, а куда онъ отправился—неизвѣстно.

Обѣ таинственныя личности въ продолженіе еще почти мѣсяца сновали по всей округѣ; разыскивая Дириха, чуть не обшаривая каждую деревушку и каждый поселокъ. Онѣ прямо говорили, что Дирихъ разыскивается за убійство проѣзжаго. И несмотря на то, что въ этомъ объясненіи не было ничего особеннаго, никто этому не повѣрилъ. Сами эти личности, плохо говорившія по польски и вовсе не говорившія по-латышски, были подозрительны для всѣхъ.

ХІІІ.

Однажды въ Дохабенѣ, на огородѣ, среди высокой конопли, сидѣли на землѣ двѣ фигуры, чернобровая красавица-крестьянка, очень молоденькая, живая и вертлявая, а около

нея, полулежа у гряды, бѣлокурый, рослый малый, лѣтъ двадцати, съ простовато-добрымъ лицомъ.

Это были дохабенскіе обитатели, друзья съ дѣтства: „гансъ“, т. е. пастухъ Дауць Цуберка и Софья Скворощанка.

Прежде они не только видались просто, не скрываясь и не таясь ни отъ кого, но даже проводили иногда цѣлые дни вмѣстѣ. Софья выходила всегда въ поле, гдѣ паслось дохабенское стадо, иногда же Цуберка, передавъ свою обязанность на время кому-либо изъ молодыхъ парней, забѣгалъ на дворъ Скворощанковъ—повидаться съ милой.

Затѣмъ ихъ дружба, перешедшая въ иное чувство, стала предметомъ какъ насмѣшекъ дохабенцевъ, такъ и гоненія со стороны родныхъ Софьи. Нищій-бобыль и простой деревенскій „гансъ“ не могъ быть парой для дѣвушки, отецъ которой былъ не простой крестьянинъ, а лакей, платящій большой оброкъ своему пану и живущій богато.

Теперь же Марья тщетно приказывала сыновьямъ—Антону, уже 18-ти лѣтнему парню, и даже мальчугану Мартыну, слѣдить за сестрой, чтобы она не водилась съ Цуберкой. Еслибъ латышъ былъ поменьше ростомъ и послабѣе, то Марья приказала бы даже старшему сыну бить возлюбленнаго сестры, но Цуберка былъ такой дюжій парень, что съ нимъ и мужику въ драку вступить было бы опасно.

Пользуясь горемъ и убитостью матери, Софья стала чаще и подолгу видаться съ возлюбленнымъ, скрываясь однако отъ приставленныхъ къ ней надзирателей-братьевъ.

Бесѣда влюбленной парочки на этотъ разъ была особенная. Софья тихо увѣряла Цуберку, что, благодаря внезапно придуманому ею плану, хитро обдуманному, больше вѣроятія, что она выйдетъ за него замужъ. Цуберка только косматою головою встряхивалъ и глуповато взглядывалъ на Софью.

Переговоривъ, они молча сидѣли, глядя другъ на друга, когда внезапно Софья услышала шаги въ коношлянникѣ.

— Антонъ крадется! шепнула она. Увидитъ, мы его обручаемъ. Чего бояться?

Шаги приближались и вдругъ, среди высокой конопли, показалась такая фигура, что Софья дико взвизгнула и бросилась съ мѣста въ сторону... Цуберка шаркнулъ то же зайцемъ въ другую сторону. Такого гостя и онъ оробѣлъ пуще самого чорта.

Фигура, очевидно, нечаянно наткнувшаяся на влюбленную

парочку, былъ баринъ-москаль изъ тѣхъ, что уже побывали разъ въ Дохабенѣ, разыскивая Дириха.

И Софья, и Цуберка хорошо узнали москаля, ибо когда-то не мало глядѣли на него съ трепетомъ на сердцѣ.

Разумѣется, дѣвушка бросилась бѣжать домой и всполошила семью извѣстіемъ о появленіи страшнаго гостя.

— Не ошиблась ли ты? спрашивалъ Антонъ.

— Москаль! Москаль! Вотъ какъ видѣла. И Цуберка видѣла. Москаль! повторяла Софья.

Дѣйствительно, въ Дохабенѣ появились снова тѣ же двѣ странныя личности. Въ тотъ же день вся деревня была на ногахъ, а гости явились въ домъ къ Скворощанкѣ и, уже не скрывая своего происхожденія и званія, объяснили Марьѣ, что они присланы изъ Москвы, чтобы предлагать Дириху, а равно и Марьѣ съ дѣтьми, ѣхать въ Россію.

— Тамъ вы увидите и съ Карлусомъ Самойловичемъ, заявили они.

Марья, ея сыновья и дочь, конечно, перепугавшись на смерть, тотчасъ дали знать объ ужасныхъ гостяхъ, явившихся уже второй разъ, какъ пану, гостившему у сосѣда, такъ и священнику.

Тотъ и другой немедленно явились и нашли у Марьи двухъ чисто одѣтыхъ молодцовъ, изъ которыхъ одинъ казался простымъ солдатомъ, а другой скорѣе смахивалъ на офицера. Но одѣты они были одинаково, въ простыхъ кафтанахъ и шароварахъ, съ высокими сапогами и въ шапкахъ въ родѣ гречневиковъ.

Появленіе мацитайса и отсутствовавшего изъ имѣнія пана шляхтича какъ будто сначала нѣсколько озадачило обоихъ. Но затѣмъ тотъ, который казался скорѣе бариномъ и офицеромъ, чѣмъ простымъ солдатомъ, отрекомендовался писемоводителемъ московской бергъ-коллегіи и объяснилъ, что ему дано порученіе отъ одного именитаго боярина пригласить какъ Дириха, если онъ найдется, такъ и Марью съ ея дѣтьми ѣхать въ Москву и получить выгодное занятіе.

— Можетъ быть, тамъ они и разбогатѣютъ, повторялъ чиновникъ.

Панъ Лауренцкій заявилъ, что господинъ секретарь бергъ-коллегіи можетъ увезти съ собою Марью съ дѣтьми, но предварительно купивъ ихъ у него, такъ какъ они его крѣпостные и онъ ихъ даромъ никому не отдастъ. Панъ Лауренцкій

думаль, что на этомъ прекратится весь разговоръ. Но, къ его удивленію, москаль сталъ торговаться и предлагать сумму, которая смутила небогатаго шляхтича.

Москаль предлагаль сто рублей за женщину съ шестью дѣтьми, изъ которыхъ только одинъ старшій сынъ могъ считаться уже хорошимъ работникомъ. Это была огромная цѣна.

Панъ Лауренцкій оторопѣль, не согласился тотчасъ, а попросилъ себѣ сутки на размышленіе. Вернувшись домой, онъ уже боялся только одного, что какъ бы москаль не раздумаль и не уѣхаль, или не предложиль бы вдругъ 25 рублей.

Лауренцкій отдалъ бы всю семью за 15 руб., что было хорошею цѣною за женщину съ дѣтьми, еще малыми и неспособными къ работѣ, но ему жаль было разстаться съ красавицей Софьей, на которую онъ имѣль уже свои виды. Впрочемъ, за сто рублей московскихъ, Лауренцкій съ радостью соглашался пожертвовать чернобровой Софьей.

Панъ уже собирался въ тотъ же вечеръ снова объясниться съ чиновникомъ бергъ-коллегіи, но къ нему неожиданно явился священникъ и, послѣ короткаго объясненія, панъ Лауренцкій уже совершенно перемѣнилъ свои намѣренія.

Мащитайсь, не ради того, чтобы услужить пану, котораго онъ презираль за его безобразный образъ жизни, но чтобы спасти Марью съ семьей, убѣдилъ пана не соглашаться, хотя бы и на крупную плату.

— Поймите, панъ, сказалъ онъ, въ чемъ дѣло. Карлуса похитили москали хитростью. Взять его силою они не хотѣли, чтобы не на шумѣть во всемъ нашемъ округѣ. Они заманили его на большую дорогу, или въ лѣсъ, а тамъ украли, какъ малаго ребенка. Теперь точно такимъ же образомъ... замѣтьте это панъ,—тѣмъ же самымъ манеромъ, ничего о себѣ не объясняя, разыскивали они Дириха Скворотскаго и, нигдѣ не найдя, явились и предложили вамъ уступить семью Карлуса. Если бы можно было украсть женщину и шестерыхъ дѣтей безъ шума, замая ихъ куда-нибудь, то повѣрьте, что ни Марья, ни дѣтей ея не было бы теперь уже въ Дохабенѣ. Но такъ какъ выкрасть цѣлое семейство мудренѣе, чѣмъ одного человекъ, то вотъ они поневолѣ и явились торговаться съ вами. По чьему указу они такъ дѣлають? Кому интересъ и выгода получить семью Карлуса?—Конечно, русскому царю! А какъ вы полагаете, что можетъ дать за свою прихоть или за какую-нибудь крайнюю нужду русскій царь? Представьте

себѣ, что царю или царицѣ русскимъ по зарѣзъ хочется, или даже необходимо заполучить къ себѣ въ Москву Дириха и семью Карлуса. Что русскій царь за эту необходимость или хоть за эту прихоть можетъ предложить владѣльцу, пану Лауренцкому? Неужели сто рублей? Нѣтъ, любезный панъ, ужъ если вамъ продавать такимъ покупателямъ, то продайте такъ, чтобы, благодаря такому случаю, единственному въ гисторіи, какой вамъ судьба и фортуна ваша посылаютъ, вы могли бы на эти деньги купить себѣ еще цѣлую другую вотчину. Поймите, панъ, что вы переговариваетесь теперь не съ писмоводителемъ бергъ-коллегіи. Онъ наемный посланецъ. Вы ведете теперь торгъ съ инымъ лицомъ!

И на утро Лауренцкій, убѣжденный мацитайсомъ, рѣшилъ просить за семью Скворощанковъ пятьсотъ рублей.

„Разумѣется, думалъ панъ, эти пріѣзжіе такой большой суммы не дадутъ и уѣдутъ обратно просить дальнѣйшихъ пріказаній. И когда-то еще москали доѣдутъ до Москвы и объявятъ о своей неудачѣ, да когда-то еще снова пошлютъ ихъ сюда съ новымъ предложеніемъ. А между тѣмъ, куда, онъ успѣетъ обдѣлать свои дѣла, близкія его сердцу. До тѣхъ поръ Софья Скворощанка перейдетъ въ полное его владѣніе, уже не какъ къ пану помѣщику, а какъ къ влюбленному въ нее. А затѣмъ, черезъ какихъ-нибудь полгода, когда явятся снова москали за Скворощанками, онъ получить крупную сумму и съ удовольствіемъ отдастъ имъ всю семью, съ Софьей включительно. Такимъ образомъ, двѣ его цѣли будутъ достигнуты“.

Въ полдень панъ Лауренцкій повидался съ загадочными гостями, ночевавшими въ Дохабенѣ, въ ожиданіи его отвѣта.

Секретарь бергъ-коллегіи былъ искренно и поддѣльно изумленъ отвѣтомъ пана шляхтича, т. е. той крупной суммою, которую желалъ получить панъ за женщину съ малолѣтними дѣтьми.

— Помилуйте, господинъ Лауренцкій. За эти деньги въ Россіи можно купить цѣлыхъ три имѣнія, цѣлую округу, цѣлый городокъ! возразилъ москаль.

— Да и у насъ также большую вотчину можно купить, — хоть бы вотъ одну изъ Радзивиловыхъ, смѣясь отозвался шляхтичъ. Но я полагаю, панъ секретарь, семейство Скворощанковъ стоитъ этого. Я полагаю, что вы, побывавши въ столицѣ Московскаго государства, вернетесь ко мнѣ снова и

привезете эту сумму сполна. У вашего хозяина денегъ много... Привезете!

— Не думаю, уже загадочно смѣясь отозвался москаль.

Черезъ нѣсколько часовъ гости уже выѣхали изъ Дохабена.

Марья съ семьею вздохнула свободнѣе. Избѣгнувъ опасности, ей оставалось только снова горевать о мужѣ. Однако, черезъ двое сутокъ, около полуночи, въ домѣ Марьи произошла сумятица. Маленькія дѣти завыли, а старшіе, Антонъ и Софья, мертво-блѣдные, дрожали какъ въ лихорадкѣ, поднятые вдругъ со сна.

Марья, еще болѣе перепуганная, едва могла отвѣчать на вопросы того, кто произвелъ эту сумятицу. Въ ея домѣ, пробравшись какъ воръ, появился тотъ же секретарь бергъ-коллегіи.

Напрасно онъ успокаивалъ женщину и дѣтей, клялся, что никакого худа имъ не сдѣлаетъ, что онъ пришелъ мирно уговорить ихъ ѣхать, чтобы свидѣться съ отцомъ.

— Помилуйте, глупая женщина, что я васъ отвезу туда, гдѣ теперь Карлусъ, который томится о васъ въ разлукѣ. Чтобы вы вѣрили мнѣ, вотъ доказательство самое лучшее. Возьмите это себѣ.

И ночной гость выложилъ на столъ двѣ горсти денегъ, гдѣ было серебро и нѣсколько червонцевъ.

— Вотъ вамъ для того, чтобы вы купили себѣ все нужное и собирались въ дорогу. А затѣмъ тайкомъ, какъ-нибудь ночью въ заранѣ условленный часъ, выходите на большую дорогу, гдѣ я буду ждать васъ съ двумя телѣгами.

Долго уговаривалъ и усовѣщалъ москаль и женщину и старшихъ дѣтей, согласиться тайно бѣжать изъ Дохабена и ѣхать въ Россію, чтобы свидѣться съ Карлусомъ. Старшія дѣти только мотали головами, пугливо озираясь и ожидая каждую минуту появленія вооруженныхъ людей въ помощь этому ночному посѣтителю.

Марья, нѣсколько успокоившись, колебалась глядя на деньги, вышпанные москалемъ на столъ. Наконецъ, будто ослѣненная лучемъ находчивости и присутствіемъ духа, она выговорила:

— Никогда, ни за что не двинусь я съ дѣтьми отсюда. Если вы говорите, что должны свезти меня туда, гдѣ Карлусъ, и что онъ въ вашихъ рукахъ, а не въ рукахъ какихъ-

нибудь разбойниковъ—то пускай онъ самъ явится съ вами и возьметъ насъ. Пускай онъ также явится тайкомъ, ночью, мы будемъ готовы и въ нѣсколько минутъ выйдемъ за вами. Съ Карлусомъ и съ дѣтьми хоть на край свѣта. А такъ, панъ москаль, я не двинусь. Если вы что-нибудь злое предпримите, я въ одну минуту всполошу всю деревню. Мы, съ благословенія пана священника и съ разрѣшенія пана Лауренцкаго, убьемъ васъ, зароемъ въ землю и къ разсвѣту объ васъ и помину не будетъ. Благо вы потихоньку и невидимо пришли. Уходите тотчасъ или я сейчасъ же крикну въ окошко одно слово, отъ котораго сразу встанетъ на ноги весь Дохабень. Стоить мнѣ крикнуть: „москалі!..“ и черезъ минуту всѣ мои сосѣди окружаютъ эту избу.

Секретарь бергъ-коллегии будто смутился, вѣроятно понимая, что женщина не зря угрожаетъ ему, что все ею сказанное можетъ легко сейчасъ перейти въ дѣйствительность. Онъ собралъ деньги со стола...

— Очень сожалѣю. Прощайте, выговорилъ онъ и быстро направился къ выходу.

Когда онъ исчезъ изъ избы, вся семья, сбившись въ кучку, какъ бараны отъ вихря или ливня, продолжали смущенно ахать и озирались. Это ночное появленіе начиналс казаться имъ какимъ-то сномъ. Они готовы были спрашивать другъ у друга: не приснился ли каждому изъ нихъ страшный сонъ?

— Обойти мнѣ дворъ и задворки, произнесъ Антонъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не пуцуй! воскликнула Марья. Они тебя могутъ украсть. Ты послабѣе Карлуса. Теперь я васъ ночью выпускать не буду. А изъ деревни и днемъ не смѣйте отлучаться одни.

XIV.

Наняться въ батраки къ кому-нибудь въ Губиѣ—Дириху пришло уже на умъ въ пути. Сначала онъ хотѣлъ добраться до сестры и найти себѣ мѣсто при ея помощи у „старостики Ростовской“, какъ звали во всемъ околоткѣ барыню Анны Якимовичевой.

Еслибъ барыня не взяла Дириха ради его соблазнительнаго сожителства съ чужой женой—то Дирихъ, по совѣту Трины, рѣшался—въ качествѣ вольнаго человѣка,—оставаться все-таки въ польскихъ Лифляндахъ, чтобы быть за границею Московскаго государства и внѣ власти москалей.

Когда-то Дирихъ былъ тоже крѣпостнымъ холопомъ Лауренцаго, но былъ имъ подаренъ дальнему родственнику. На подарокъ этотъ разчетливый панъ рѣшился потому, что глуповатый и неспособный Дирихъ, по мнѣнію своего пана: „умѣлъ добже зробить или хорошо работать только зубами и желудкомъ“. По пословицѣ, вдвойнѣ тутъ приложимой, что даровому коню въ зубы не смотря, родственникъ поблагодарилъ за подарокъ, но вскорѣ, убѣдясь, что дареный хлопъ дѣйствительно ни на что не годенъ по глупости, отпустилъ „дарового коня“ на волю, не положивъ даже опредѣлительно никакого выкупа.

— Что-нибудь присылай. Что можешь! сказалъ онъ хлопъ въ напутствіе. А нельзя—Богъ съ тобой...

Честный Дирихъ аккуратно посылалъ своему пану „съ okazji“ золотыхъ десять, иногда и болѣе, въ годъ. Но эти злоты не всегда достигали кармана помѣщика, а оставались въ рукахъ хитроумной Трина.

И помѣщикъ, и Дирихъ этого, конечно, не знали.

На счастье вольной семьи—все теперь уладилось гораздо лучше, чѣмъ можно было надѣяться. А главное, было то удачно, что можно было въ Губнѣ зажить подъ именемъ Юрре Чамараго, тогда какъ у панны Ростовской пришлось бы Дириху быть по прежнему Дирихомъ и Сковоротскимъ.

Нанявшись у купца-огородника, Чамарый упросился на недѣлю въ отлучку, прежде чѣмъ вступать окончательно въ услуженіе.

Трина и старшая дочь тотчасъ же принялись за работу и удивили купца своимъ усердіемъ, а Дирихъ отправился къ сестрѣ добросовѣстно исполнить порученіе невѣстки.

Безъ труда разыскалъ онъ деревню, гдѣ жила старостица Ростовская. Барыню эту знали на сто верстъ кругомъ... Даже болѣе того. На сто верстъ кругомъ была извѣстна плеть старостицы, ременная „трехъ-хвостка“ съ красной сафьяновой ручкой и съ серебрянымъ свисткомъ. Съ этой трехъ-хвосткой было знакомо все старство, и не легко было бы выискать ту спину, на которой эта плеть хотя бы разъ за сорокъ лѣтъ не свистнула.

Старостица была извѣстна въ округѣ какъ людоедъ-баба, и ее побаивались не только ея собственные хлопы, не только подданные другихъ пановъ, сосѣдей, но и сами нѣкоторые паны шляхта.

Къ этой - то барынѣ, которой принадлежала теперь Анна Скворощанка, выйдя замужъ за ея крѣпостного хлопа Михайлу Якимовичева, направился Дирихъ.

Когда простоватый съ лица мужикъ своимъ шепелявымъ и даже глупымъ, по звуку, голосомъ опрашивалъ прохожихъ и проѣзжихъ, какъ пробраться ему въ экономію старостихи Ростовской—то многіе ухмылялись, указывая путь, а нѣкоторые и шутили:

— Аль ученья ея отвѣдать захотѣлось... Смотри, у нея, братъ, если провинишься—вытянуть ременной плетью. А если ужъ, на свое счастье, ни въ чемъ не провинишься, ну тогда только розгами.

Вслѣдствіе этихъ частыхъ одинаковыхъ предсказаній, Дириха въ пути сталъ уже разбирать страхъ и брало сомнѣніе, продолжать ли путь? Но поколебавшись немного, Дирихъ рѣшилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ противъ старостихи и, конечно, ни въ чемъ не провинится за одинъ день пребывания у сестры и у зятя, а, слѣдовательно, можетъ смѣло надѣяться только на розги. А подобное съ нимъ уже раза три въ жизни было, и хотя давно, но онъ помнилъ хорошо, что это вещь, нестоящая вниманія.

„Розги одно баловничество, думалъ Дирихъ. Послѣ нихъ, лѣтомъ бываетъ хлопотливо на счетъ сидѣнія, а зимой послѣ розогъ дня съ два даже какъ-то теплѣе на дворѣ кажетъ“.

Въ семьѣ Якимовичевыхъ, конечно, чрезвычайно обрадовались прибытію близкаго родного.

Сколько лѣтъ Дирихъ не видался съ сестрой—они даже и сосчитать не могли.

Сначала, однако, никто пришельца не призналъ. Смуглая и черноволосая Анна, очень похожая съ лица на брата Карлуса, не могла узнать сразу, хотя и родного, но бѣловолосаго и бѣлоглазаго брата. Когда онъ назвался, конечно, Анна тотчасъ вспомнила младшаго брата, котораго когда-то забивала и колотила чаще и больше, чѣмъ другого брата и сестру.

Михайло Якимовичевъ призналъ тоже не сразу своего шурина, котораго видѣлъ разъ или два въ жизни. Онъ удивлялся не мало, какой Дирихъ бѣлый.

— Что онъ сѣдой иль всегда таковъ былъ? спросилъ Михайло жену.

— Онъ и Христина вѣкъ были таковы, отвѣчала Анна. А она—въ насъ съ Карлусомъ.

— Кто?

— Она... Ну... Марта.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ радостныхъ опросовъ, угощенья и всякой ласки, наступило грустное молчаніе, изумленіе и вздохи.

Дирихъ, начавъ съ вѣсти объ очевидной гибели старшаго брата, ни слова еще не сказавъ о главномъ, т.-е. свиданіи въ Ригѣ.

— Ахъ! вспомнилъ онъ... Мы вѣдь полагаемъ такъ, что Карлуса не разбойники угнали и убили, а все это дѣло подстроили москаля... царскіе хлопцы!

— Москаля... Царскіе хлопцы?! изумилась Анна.

Какое дѣло москалямъ до Карлуса, подумалъ и Михайло, глядя на шурина и соображая, что вѣроятно Дирихъ и впрямь угорѣлый дуракъ, какъ часто говаривала про брата Анна.

Дирихъ разсказалъ, насколько сумѣлъ, о плѣненіи Христины русскими войсками и о бесѣдѣ ея съ царицей въ Ригѣ.

Якимовичевы были изумлены и недовѣрчиво глядѣли на Дириха. Они конечно знали давно объ удивительной судьбѣ ихъ Марты. А тутъ вдругъ оказывается, что сестра Христина бесѣдовала съ ней.

„Не вретъ ли Дирихъ? Онъ всегда былъ какой-то помѣшанный!“ подумала Анна.

Однако разсказъ Дириха слишкомъ отзывался правдой. Да и подробности передалъ онъ такія, которыя придумать было трудно, въ особенности ему, съ его простотой.

И сразу страхъ и боязнь закралась въ сердце мужа и жены Якимовичевыхъ.

Если москаля сграбили и угнали въ Россію Карлуса за его родство съ Мартой, то и остальнымъ всѣмъ не сдобровать. Скоро перехватаютъ ихъ всѣхъ.

— Однако, вѣдь Христину въ Ригѣ не задержали, замѣтила Анна, а выпустили ее, напротивъ, изъ тюрьмы и дали ей еще много денегъ. Вѣрно это?

— Вѣрно. Вѣрно... Она и мнѣ червонецъ прислала изъ этихъ денегъ, заявилъ Дирихъ.

„Какъ же тутъ понять, соображала умная Анна. Христину сами москаля отпустили на волю, когда она была уже у нихъ въ заключеніи. А Карлуса розыскали и насильно увезли. Диковинно!“

— А сказала ли Христина, гдѣ мы живемъ? Чьи мы?.. спросилъ Михайло.

— Про всѣхъ, все у нее выпросили и она все рассказала, отвѣтилъ Дирихъ.

— Стало быть, прежде всѣхъ за тебя, братъ, примутся! сказалъ Михайло. А куда ты на свободѣ гуляешь, то намъ нечего опасаться.

Дирихъ нѣсколькими словами окончательно смутилъ и зятя, и сестру, объяснивъ, что онъ совсѣмъ бросилъ свое мѣсто-жительство, именно ради опасенія быть тоже угнаннымъ въ одну изъ Россій, а то и въ далекую Сибирь.

— Я и прозвище перемѣнилъ, прибавилъ Дирихъ. Меня теперь, ни царь русскій, ни круль польскій никакими жолнерами не разыщутъ.

Анна была смущена болѣе мужа; Михайло отнесся какъ-то легче къ извѣстію и даже заявилъ, что врядъ ли съ Карлусомъ приключилась что худое, если только его взяли москали.

— Я такъ думаю, рѣшилъ онъ уже вечеромъ, когда всѣ, поужинавъ, сидѣли вмѣстѣ и калякали при свѣтѣ лучины... Я думаю, что Карлусъ просто померъ гдѣ-либо. Волки съѣли, либо медвѣдь задралъ въ лѣсу, либо грабители убили. Онъ вѣдь любилъ хорошо одѣваться, какъ мнѣ сказывали проѣзжіе купцы изъ Вишекъ тому года два. Помнишь, Анна? Купцы, что съ товаромъ проѣзжали. Панна еще себѣ чулки купила и только половину денегъ заплатила, а другую половину обѣщала отдать или на томъ свѣтѣ угольками, или же на этомъ—плетьюми. Помнишь?

— Помню, отозвалась женщина, улыбаясь.

— Они намъ сказывали, что заѣзжали въ Вишки и знаютъ Карлуса. Они говорили: вы совсѣмъ мужики, а Карлусъ одѣтъ чисто, ухваткой ловкій... Будто какой княжій лакей или конюхъ. Ну, вотъ изъ-за этого платья его грабители и убили, рѣшилъ Михайло.

— Полно брехать-то! нетерпѣливо отозвалась жена его.

Анна заставила мужа замолчать, какъ это часто бывало у нихъ, сама же думала думу и пришла про себя къ совершенно иному заключенію.

— Что думаетъ обо всемъ этомъ сама Марья? спросила она Дириха.

— Она ничего не думаетъ. Въ Вишкахъ всѣ одно говорить, а въ Дохабенѣ другое.

И Дирихъ передалъ, какъ съумѣлъ, оба мнѣнія о судьбѣ Карлуса.

Анна примкнула къ мнѣнію дохабенскаго мацитайса. Продумавъ въ безсонницѣ всю ночь о братѣ и о подробностяхъ его исчезновенія, она была убѣждена, что Карлусъ въ Россіяхъ“.

XV.

На другой день, около полудня, рослый гайдукъ зашелъ въ избу Якимовичей и спросилъ:

— У васъ есть гость?.. Родственникъ...

— Есть. Братъ мой, отвѣчала Анна.

— Къ паннѣ его. Панна требуетъ.

Дирихъ, услышавшій голосъ и приглашеніе итти къ паннѣ съ трехъ-хвосткой, немного смутился, но Анна его успокоила:

— Чего ты робѣешь...

— А какъ же не робѣть. Я вѣдь не камень какой...

— Она же тебя не тронетъ. За что же? Она гнѣвна на провинности, а зря рѣдко злобится.

Дирихъ, въ сопровожденіи гайдука, направился въ усадьбу панны-старостихи.

Его ввели въ прихожую и велѣли дожидаться, пока не позвуютъ.

Долго просидѣлъ Дирихъ... Мимо него шныряли люди, дворовые слуги и простые холопы, но что болѣе всего удивляло Дириха—это было безчисленное количество кошекъ и котятъ, которые перебивали въ прихожей. Они входили и уходили, иные проходили только мимо, другіе, оглядѣвъ его, прыгали къ нему на колѣни или ложились около него, но, полежавъ, опять уходили. Какое-то безпокойство замѣтилъ Дирихъ во всѣхъ этихъ котахъ, кошкахъ и котятахъ.

— И-и-и! Панъ Богъ! Какое множество! восклицалъ Дирихъ шепотомъ.

Приходили и проходили звѣри эти: сѣрые, желтые, черные, бѣлые, ярко-красные, пестрые... Но во всѣхъ было одно и то же... Какое-то безпокойство! Они странно оглядывали и обнюхивали Дириха, будто соображая и примѣриваясь: нельзя ли его съѣсть, какъ крысу. Одинъ высокій и худой котъ, ярко-красный, въ черныхъ яблокахъ, съ чернымъ хвостомъ,

такъ мяукнулъ около Дириха и такъ разинулъ на него огромную пасть съ острыми зубами, что ямщикъ, выдавшій на своемъ вѣку не мало волковъ и медвѣдей, все-таки отодвинулся и почуялъ морозъ по кожѣ...

„Голодные что ли они всѣ?“ подумалъ онъ.

И простоватый Дирихъ угадалъ вѣрно. Старостиха, не любя котовъ, развела ихъ у себя кучу, но кормить не позволяла, ради того, чтобы они уничтожали въ домѣ и въ поляхъ крысъ и мышей, которыхъ она боялась до страсти.

Наконецъ, Дириха позвала къ паннѣ молодая горничная. Мужикъ вошелъ въ большую горницу съ накрытымъ обѣденнымъ столомъ посрединѣ. Въ противоположныя двери вышла къ нему навстрѣчу низенькая женщина, съ руками за спиной, скромно одѣтая, въ родѣ домоправительницы, за то очень полная и объемистая въ обхватъ, съ сѣдиной въ темныхъ волосахъ, на которыхъ торчалъ большой чепецъ съ висячими на грудь черными лентами. Маленькіе круглые глазки этой женщины блестѣли тоже, какъ кошачьи, да и походкой, тихой, мягкой и ровной, смахивала она на кошку.

„Только усовъ и хвоста нѣтъ!“ подумалъ простодушно Дирихъ, не ради остроумія, а чтобы убѣдить самого себя, что предъ нимъ женщина, а не огромнаго размѣра кошка.

Дирихъ ожидалъ, что эта кошка-домоправительница поведетъ его далѣе, къ лютой и знаменитой паннѣ старостихѣ.

— Ну, дурень... Слушай внимательно и отвѣчай толкомъ, выговорила женщина и стала передъ нимъ, держа руки за спиной.

Густой басъ ея раздался въ горницѣ, какъ если бы вдругъ волторна загудѣла.

— Не заставляй повторять вопроса два раза и не повторяй его самъ! продолжала волторна. Я этого не люблю. Понялъ вопросъ—отвѣчай. Не понялъ, то прямо, скажи: не понялъ. Ну, отвѣчай! Ты откуда?

— Изъ Губно, проговорилъ Дирихъ запинаясь и думая: „да кто же это такая, эта кошка?“

— Врешь... Будешь врать—сейчасъ велю выпороть плетьми. Откуда ты?.. Гдѣ ты жилъ до сихъ поръ?

„Это она сама!“ сразу догадался Дирихъ и подивился: „Неужели эта кошка и есть знаменитая панна-старостиха?“

Дирихъ объяснилъ, что жилъ на Псковскомъ трактѣ въ ямщикахъ, и на новые вопросы старался уже отвѣчать опре-

дѣленно, такъ какъ на плети онъ совсѣмъ не разсчитываль, думая не провиниться ни въ чемъ и обойтись однѣми розгами.

— Когда пропаль твой братъ Карлусъ?

Дирихъ выпучиль глаза.

„Да откуда же она это знаетъ?..“ думаль онъ и молчалъ.

— Ну! Чего таращишься, дурень? Ну! Отвѣчай! Ну!..

Старостиха шагнула ближе на одинъ шагъ, махнула рукой и вдругъ, что-то такое свистнуло, а затѣмъ, что-то жигануло Дириха по плечу, такъ что онъ ахнулъ на весь домъ.

„Трехъ-хвостка!“ увидѣль и почувствовалъ Дирихъ.

— Еще хочешь. А?

— Нѣтъ... Не извольте беспоко... Простите...

— Когда, говори, пропаль твой братъ?

— Съ мѣсяць назадъ! наобумъ выговориль Дирихъ.

— Расскажи, какимъ образомъ. Подробно, съ толкомъ. Да не врать! Не врать!

Дирихъ оживиль и даже замѣтно поумнѣль сразу отъ близости трехъ-хвостки, которая, просвиставъ, снова теперъ скрылась съ руками панны, заложенными за спину.

Это была любимая поза старостихи, когда она, стоя, разговаривала съ кѣмъ-нибудь или ходила изъ угла въ уголъ по всему дому, даже когда она гуляла пѣшкомъ по своимъ владѣнїямъ. Разумѣется, трехъ-хвостка не всегда бывала у нея въ рукахъ. Но всякій хлопъ, встрѣчавшій панну съ руками за спиной, конечно, не могъ знать святымъ духомъ: „туть трехъ-хвостка, или нѣтъ“. Иногда, при приближенїи панны на деревнѣ или на работахъ въ полѣ, крестьяне, издали завидѣвъ ее, засылали кого-нибудь забѣжать сзади и поглядѣть... И лазутчикъ знаками увѣдомляль заинтересованныхъ о результатѣ своей развѣдки.

Почти всегда сигналы развѣдчика говорили:

„Туть!“

Допросъ продолжался.

Дирихъ подробно все передалъ паннѣ. Но при этомъ старостиха не столько интересовалась свиданїемъ въ Ригѣ, сколько подробностями похищенїя Карлуса. Къ несчастью, въ этомъ отношенїи Дирихъ не могъ вполне удовлетворить любознательность панны, такъ какъ самъ мало зналь.

Трехъ-хвостка еще разъ мелькнула въ воздухѣ ради разъясненїя обстоятельства пропажи Карлуса. Но Дирихъ слезно

покаялся „Маткой Божіей“, что во всѣхъ Вишкахъ и въ Дохабенѣ никто подробностей не знаетъ.

— Но вѣдь этотъ москаль Яковъ пропалъ въ одно время съ Карлусомъ? спросила панна.

— Да. Вмѣстѣ уѣхали. Всѣ ихъ видѣли.

— И съ тѣхъ поръ оба пропали?

— Оба.

— А семья Карлуса не разореная? продолжала панна свой допросъ. Живетъ хорошо? Имущество есть у семьи? Карлусъ семью свою любилъ? Панъ имъ былъ доволенъ?

На эти вопросы Дирихъ отвѣчалъ утвердительно. Панна, видимо, была довольна собранными свѣдѣніями и даже улыбнулась. А про себя панна подумала:

„Ну, я буду поумнѣе пана Лауренцкаго“.

Паннѣ нужно было узнать, похищенъ Карлусъ московскими властями или самъ бѣжалъ ради бродяжничества. Убѣдившись, что Карлусъ выкраденъ, панна поняла, что дѣло можетъ дойти и до его родни.

Когда Дирихъ, счастливо отдѣлавшись отъ панны и только познакомившись близко съ ея трехъ-хвосткой, мирно вышелъ изъ усадьбы и пришелъ къ сестрѣ, то здѣсь, наоборотъ, нашелъ шумъ и услышалъ плачь и крикъ.

За его отсутствіе Анна разсердилась на мужа, и, какъ бывало не разъ въ году, жестоко его избивала палкой... Михайло плакалъ навзрыдъ, сидя за печкой, и не столько отъ боли, конечно, сколько съ горя. Онъ очень любилъ жену и чрезвычайно ея боялся. Гнѣвъ Анны нравственно потрясалъ все его существо страхомъ и трепетомъ. Если бы Михайлѣ Якимовичу сказали, что жена убьетъ его, онъ испугался бы не самой смерти, а того, что при этомъ скажетъ, накричитъ и сдѣлаетъ, безпокая себя, его дорогая Аннушка. Сыновья Якимовичевыхъ, молчаливые свидѣтели этихъ бурныхъ минутъ, спокойно и безъ страха оставались около. Они не боялись матери, ибо она обожала ихъ, баловала до-нельзя и никогда ни одного изъ нихъ пальцемъ не тронула. За то же мальчуганы были большіе шалуны и не предвѣщали ничего хорошаго.

Дирихъ сталъ было успокоивать сестру, но Анна расходилась настолько, что пообѣщала поучить и гостя-брата, „бѣло-брысаго дурня“.

Впрочемъ къ вечеру гроза прошла, и мужъ съ женой, не

мирясь, спокойно заговорили, какъ если бы утромъ не произошло между ними ничего особеннаго. Михайло только былъ особенно ласковъ къ женѣ и заискивалъ... Анна немного сумрачнѣе обыкновеннаго...

XVI.

Прошелъ наконецъ годъ съ исчезновенія Карлуса.

Въ Дохабенѣ жилось тихо и мирно послѣ страшнаго посѣщенія москаля.

Въ семьѣ же пропавшаго Карлуса была лишь одна новость, особаго рода.

Панъ Лауренцкій сталъ все чаще посѣщать избу Сковоротскихъ и часто ласково бесѣдовалъ съ Марьей и съ ея дѣтьми.

Марья, женщина не очень дальновидная въ житейскихъ дѣлахъ, даже немного наивная и довѣрчивая, но обладающая женскимъ чутьемъ въ бабьихъ дѣлахъ, тотчасъ почувяла, что ласковость и частыя посѣщенія холостяка и сердцеѣда Лауренцкаго дѣло не простое.

„Его притягиваетъ Софья“.

И мать, какъ бы не замѣтившая, что изъ шаловливой дѣвчонки, понемногу, потихоньку, изъ года въ годъ, выросла красавица-дѣвушка, теперь въ первый разъ поглядѣла на дочь иными глазами.

„Да, Софья и впрямь красавица писаная! подумала мать удивляясь. Какъ это я раньше не видала, не замѣтила ничего... Вѣдь она уже невѣста. Ее пора бы просватать...“

И Марья кончила тѣмъ, чѣмъ постоянно кончала теперь — вздохами и слезами.

— Эхъ, кабы былъ теперь Карлусъ съ нами! Да, будь Карлусъ, онъ врядъ ли допустилъ бы теперь, какъ Марья — хитрыя козни пана!

Впрочемъ Софья, которой минуло уже давно шестнадцать лѣтъ, но которой казались на видъ и всѣ 18, была настолько развита, избалована всѣми и поэтому бойка, что могла сама безъ помощи матери потягаться съ ухаживателемъ-паномъ. Софья давно видѣла и поняла то, что мать замѣтила теперь. Она была убѣждена, что они оттого и спаслись отъ москалей, что панъ съ ней не хотѣлъ разстаться. Иначе, конечно, онъ

продать бы семью за такую крупную сумму, какую ему москаль предлагалъ.

Софья рѣшила хитрить и вести себя такъ, чтобы панъ былъ доволенъ малымъ. Она всегда была ласкова съ нимъ, но избѣгала встрѣчь наединѣ, а встрѣтятся, ловко отдѣлывалась отъ назойливаго пана такъ, чтобъ его не разсердить.

Въ концѣ концовъ, за это лѣто, панъ Лауренцкій такъ влюбился въ Софью, какъ давно съ нимъ еще не случалось, но сталъ вести себя съ ней скромнѣе, боясь ее обидѣть...

Однажды, насильно удержавъ дѣвушку и безъ конца цѣлуя ее, онъ довелъ Софью до обильныхъ, горькихъ слезъ оскорбленія и досады... И ему стало жаль ее. Онъ сталъ искренно просить прощенія, обѣщаясь болѣе не сердить ее никогда.

По счастью для дѣвушки, Лауренцкій былъ уже 50-лѣтній, потертый жизнью, холостякъ, который, не будучи красивъ смолоду, теперь былъ особенно дурень. Цуберка, возлюбленный Софьи, конечно, волновался не мало, давно замѣтивъ, но не понявъ отношеній пана и дѣвушки. Софья была съ болыемъ все та-же, нѣжна и ласкова, но Цуберка ревновалъ ее къ пану Лауренцкому... въ будущемъ!..

Однажды въ сумерки, когда пастухъ пригналъ въ деревню все стадо, Софья встрѣтила его и позвала прійти за овины... Пастухъ, конечно, тотчасъ же, какъ управился, такъ и явился.

— Теперь намъ и прятаться нечего, заговорилъ Цуберка. Антона я не боюсь. Я его могу, если ты позволишь, отколотить на славу, если онъ сунется выговаривать...

— Нѣтъ, зачѣмъ. Да братъ теперь тебя и не тронетъ.

— А сунется... Я могу...

— Ты слушай вотъ меня! отозвалась Софья строго. Я все дѣло наше надумала гораздо лучше устроить... Ты не ходи въ Вишки завтра... Понялъ? Я надумала все иначе повершить...

— Да какъ, дорогая? Какъ?

— Это ужъ нѣ твоя забота... Я вотъ завтра опять повидаю пана и ему...

— Все пана... Я бы пана твоего избилъ бы до смерти! угрюмо вымолвилъ Цуберка и простовато-доброе лицо его омрачилось.

— Какой ты, право! Бѣда съ тобой. Вѣдь правду всѣ говорятъ, что ты глупый.

— Я знаю, что я глупъ. Да я люблю тебя и не могу терпѣть, когда ты съ кѣмъ-нибудь сладко разговариваешь. А

съ паномъ Лауренцкимъ ꙗ тебя всегда такія рѣчи, что у меня все нутро переворачивается.

— А ты слышала мои рѣчи пану? усмѣхнулась Софья.

— Не слыхала. Но издали видно... Издали все видно...

— Что?

— Все!

— Ахъ, глухой. Неужто ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что панъ мнѣ милъ? Старый, скверный...

— Теперь нѣтъ... А будешь часто съ нимъ такъ егозить, и понемножку...

— Полюблю его?..

— Нѣтъ... Онъ тебя полюбитъ. Онъ влюбчивый. А если онъ въ тебя влюбится, все пропало... Особенно безъ отца. Карлуса онъ побаивался. А теперь онъ прямо тебя силой возьметъ съ деревни къ себѣ въ домъ.

— Никогда этого не будетъ! мотнула дѣвушка головой.

— Развѣ онъ не можетъ современемъ въ тебя влюбиться?

— Не можетъ, усмѣхнулась Софья лукаво.

— Почему?

— Потому что онъ уже давнымъ-давно влюбленъ въ меня безъ ума...

Цуберка широко раскрылъ глаза и ротъ разинулъ.

— Какъ? вымолвилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Да, конечно, давно влюбленъ. Вѣдь всѣ это знаютъ даже. Только ты одинъ не знаешь.

— Софья, вымолвилъ пастухъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Софья, повторилъ онъ жалобно...

— Ну, вотъ тебѣ и разъ. Опять заплакалъ. Ахъ ты дурной, дурной. Да и какой же ты глупый!

Софья бросилась къ милому на шею.

— Что я тебѣ сказала? Развѣ я тебѣ сказала, что я пана люблю. А какое намъ дѣло, что онъ въ меня влюбленъ. Тѣмъ хуже для него и тѣмъ лучше для насъ.

— Да не понимаю я этого, отчаянно воскликнулъ Цуберка. Не понимаю!

— Да и не надо тебѣ понимать. Я все обдѣлаю. Посмотри, въ концѣ лѣта будемъ мы обвѣнчаны.

— Не вѣрю. Ей Богу, не вѣрю!

— Ну и не вѣрь!

Софья нѣжно обняла молодого малаго и поцѣловала.

Потомъ она усмѣхнулась и потрясла своей черной кудрявой головкой.

— Чему ты?

— Ничему... Я такъ думаю, какъ всѣ люди глупы. Какъ легко обманывать людей. И тоже какъ трудно заставить вѣрить. Я вотъ съ паномъ Лауренцкимъ притворяюсь и лгу — а онъ вѣритъ всему. Тебя я никогда еще не обманула, тебѣ я говорю всегда, что я тебя люблю больше всѣхъ и хочу быть твоей женой. А ты вотъ не вѣришь.

— А можешь быть, ты и меня обманываешь?

— Зачѣмъ? Какой прокъ мнѣ тебя обманывать?

— А пана зачѣмъ?

— Ахъ. Панъ—нашъ владѣлецъ, хозяинъ. Захочетъ, онъ завтра можетъ насъ всѣхъ продать, да еще разнымъ панамъ. Захочетъ, можетъ тоже меня, какъ ты говоришь, силой взять къ себѣ въ усадьбу... Вотъ я его и надуваю и обману какъ дурня... Ну, а съ тобой что жъ мнѣ?.. Ты бобыль-пастухъ. Если бы я тебя не любила, зачѣмъ бы я стала тебя увѣрять, что люблю? Зачѣмъ?.. Ну-ка, сообрази... Е

— Такъ, ради потѣхи... Молодые дѣвки часто ради одной потѣхи лгутъ и обманываютъ.

— Ну, съ тобой вѣдь не сговоришь. Не въ первый разъ... Ты упрямецъ! Вотъ женимся—я тебя бить буду.

— Бей и теперь, если охота... Твои побои я снесу и пальцемъ тебя не трону! произнесъ важно Цуберка.

— О, дурень! А то бы драться! Со мной? Да ты меня разъ своимъ кулакомъ ударишь, такъ изъ меня душа выскочить!

— Я и говорю, что не буду...

Софья закачала головой... Поглядѣвъ нѣсколько мгновений въ лицо молодого пастуха, Софья опустила глаза, задумалась, потомъ вздохнула и вымолвила:

— А вѣдь правда. Да. Ты очень, очень глупый...

XVII.

Новыя и подозрительныя отношенія пана Лауренцкаго и общей любимицы Яункундзе замѣтилъ не одинъ ея возлюбленный, а все латышское населеніе какъ Дохабена, такъ и всего околотка.

Вскорѣ явились доброжелатели и друзья, которые стали...

нашептывать совѣты и предупрежденія самой полувдовѣ, Марьѣ Скворощанкѣ.

— Берегися пана! рѣшилась наконецъ встревоженная Марья сказать дочери. Онъ вѣдь бѣдовый... Какъ бы чего не вышло... Лучше удаляйся отъ него всячески. Скорѣе убережешься.

— Зачѣмъ мнѣ беречься? Меня отъ него его собственная отвратительная фигура убережетъ! отозвалась, какъ отрѣзала, Софья.

— Знаю, что онъ старый да противный и, конечно, никого не соблазнить. Но вѣдь онъ нашъ панъ. Придетъ какая прихоть... Что мы сдѣлаемъ безъ отца? А вѣдь тебя потомъ никто замужъ не возьметъ. Пойми и помни это, дочь.

— Я это, мама, давно поняла, знаю и берегуся, отвѣтила Софья. Думала я обо всемъ этомъ не мало и додумалась, что мнѣ спасенія отъ пана нѣтъ. Будь отецъ съ нами, конечно, иное дѣло. Но безъ него—я пропала.

— Какъ пропала?!. Что ты... Покуда еще...

— Покуда еще ничего нѣтъ, хотите вы сказать? Нѣтъ, мама. Ужъ довольно! Больше мнѣ не нужно. Онъ мнѣ и такъ ужъ надоѣлъ до того, что я бы убѣжала изъ Дохабена. Надо это кончить...

— Кончить... Какъ?..

— Выдайте меня замужъ! твердо произнесла дѣвушка.

— Пожалуй. Я готова съ радостью, но за кого?..

— За того, кого я люблю и кто меня любить.

И Софья стала цѣловать мать и всячески ласкаться къ ней.

— Кто жъ это?

— Цуберка.

— Богъ съ тобой! Да онъ бобыль! Онъ нищій. У него даже избы нѣтъ! У него всего имущества одна рубаха да штаны.

— Въ нашей избѣ жить будетъ. А одежду можно ему нашить... Хуже будетъ, мама, если я пропаду отъ пана и ни за кого не выйду. Отецъ Цуберку любилъ, всегда хвалилъ за усердіе, за силу, за кротость.

— Правда, замѣтила Марья. Но замужъ тебя за него онъ никогда бы не выдалъ. Ему хотѣлось всегда найти тебѣ жениха получше, кого-либо съ постоялаго двора, изъ слугъ или изъ конюховъ.

— Кромѣ Цуберки мнѣ нельзя ни за кого выходить. Онъ одинъ меня защититъ отъ пана. И его одного панъ побоится.

— Отчего?

— Не могу сказать, мама. Согласитесь на нашъ бракъ, и я вамъ все расскажу.

Марья подумала, сообразила всѣ обстоятельства, свое безпомощное состояніе полувдовы и выговорила:

— Хорошо. Пожалуй. Я люблю Цуберку. Но видишь ли... Панъ захочетъ выкупа, коли ты выйдешь за Цуберку. Вѣдь онъ не панскій, а вольный, приписной...

— Да оттого-то я за него и хочу. Оттого-то онъ меня и защититъ отъ пана, что онъ вольный.

— А выкупъ! Гдѣ же Цуберка его возьметъ? Панъ на смѣхъ потребуетъ золотыхъ двадцать-тридцать, а то и больше. Ты дѣвка сильная и работница хорошая.

— Цуберка ни одного злота не имѣетъ!

— Ну... И я тоже... Какъ же быть?

Софья молчала и стояла потупясь... Но затѣмъ тихо выговорила:

— Вы согласны, чтобъ я за Цуберку шла?

— Да, пожалуй, говорю, но пойми...

— Больше, мама, ничего мнѣ не нужно. Все устроится. Только вы насъ благословите, а все остальное мы съ Цуберкой сами наладимъ.

Марья согласилась, съ оговорками...

Разумѣется, на другой же день, здоровенный латышъ, веселый и счастливый, появился въ домѣ Сковоротскихъ, чтобы, ради соблюденія приличія, объяснитьсь съ Марьей наединѣ.

Объясненіе было простое. Цуберка явился свататься и клялся, что изъ любви къ Софьѣ будетъ такъ работать, что непременно подъ старость разбогатѣетъ.

— Да покуда-то... Покуда! возразила Марья. Теперь-то у тебя вѣдь ничего нѣтъ.

— Нѣтъ... Какъ есть ничего нѣтъ! такимъ голосомъ отозвался Цуберка, какъ еслибъ объяснилъ, что у него цѣлый подвалъ золота и серебра.

Марья, не смотря на свое простодушіе, все-таки удивилась и покачала головой.

„Ишь вѣдь... Будто хвалится, что нѣтъ ничего!“ подумала она.

Разумѣется, Софья, Цуберка и добродушно присоединившійся къ нимъ Антонъ — живо уговорили мать. Она дала согласіе.

— Какъ же вы съ паномъ-то? спросила она.

— Это наше дѣло! весело отозвалась Софья.

— Объ этомъ не безпокойтесь! сказала и Цуберка. Съ этого дня началась никѣмъ не подозрѣваемая хитрая игра... Кошками были Софья и Цуберка, отчасти и Антонъ, а мышкой—панъ Лауренцкій. Разумѣется, онъ воображалъ себя котомъ, который выстѣживаетъ мышку Софью, чтобы проглотить ее простѣйшимъ образомъ.

Все было придумано самой Софьей и придумано хотя дерзко, но просто.

Цуберка былъ вольный. Сдѣлавшись женой свободнаго человѣка, Софья уже не принадлежала пану и становилась тоже вольной. Нужно было только письменное разрѣшеніе пана на ея бракъ безъ выкупа.

Панъ далъ сначала словесное разрѣшеніе, а затѣмъ справилъ законнымъ порядкомъ и выдалъ бумагу, въ которой не требовалъ ни съ Марьи, ни съ Цуберки никакой уплаты за дѣвушку. Онъ терялъ работницу даромъ.

Марья только дивилась. Мацитайсъ тоже дивился, какое добросердіе появилось у пана Лауренцкаго.

Тайна заключалась въ томъ, что Софья убѣдила пана, что она этого огромнаго дурака Цуберку не только не любить, но и видѣть спокойно не можетъ. Она любить давно его, пана. Но такъ просто принадлежать пану, на виду у всѣхъ срамиться, она не можетъ и никогда не согласится.—Лучше утопиться! Замужняя, иное дѣло... Прямо послѣ вѣнца она будетъ у пана, а затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, они спровадятъ бобыля куда-нибудь. Отъ него, вольнаго человѣка, пану легче было отдѣлаться, чѣмъ отъ своего хлопа. Приказать ему уйти изъ предѣловъ вотчины шляхтича—и конецъ!

Такъ уговаривалась Софья съ паномъ Лауренцкимъ и онъ, въ силу пословицы, что на всякаго мудреца довольно простоты, ослѣпленный своей самонадѣянностью, съ восторгомъ согласился на все. Для него тоже было выгоднѣе достигнуть своей цѣли безъ огласки.

Обвѣнчаться съ разрѣшенія самого пана, не уплатя выкупа, и, сдѣлавшись свободной, насмѣяться пану въ его скверную и старую физиономію, а затѣмъ уйти изъ Дохабена и наняться въ Вишкахъ, на постояломъ дворѣ,—содержатель котораго предупрежденъ—вотъ въ чемъ тайно уговорилась Софья съ Цуберкой.

„Но можетъ ли все уладиться такъ, какъ они затѣяли, раз-

суждали молодые люди. Если панъ Лауренцкій, обманутый и озлобленный, захочетъ силой отнять Софью у мужа... Тогда всё на него подымутся... И панъ мацитайсь прежде другихъ. Это будетъ соблазнъ, на который онъ не пойдетъ. Дакъ тому же Цуберка силачъ страшный, пообъщаетъ пану повстрѣчать его гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу наединѣ... И онъ такъ можетъ съ паномъ наединѣ побесѣдовать, что Дохабенъ тотчасъ перейдетъ затѣмъ къ одному дальнему родственнику пана по наслѣдству...“

XVIII.

Среди деревни Кегема, недалеко отъ господскаго дома самого пана Вульфеншильда, виднѣлся и ярко блестя на солнцѣ свѣжимъ лѣсомъ бревенъ и досокъ домикъ семьи Енриховыхъ.

Съ тѣхъ поръ, что Христина побывала въ Ригѣ, прошло безъ малаго три года.

За это время на деньги, полученные въ подарокъ отъ царицы, Енриховы выстроились вновь и завели хозяйство шире и богаче, чѣмъ прежде. А на все обзаведеніе ушла всего дюжина червонцевъ, хотя въ томъ числѣ были куплены кова и пара лошадей.

Мужъ Христины, дѣятельный, усердный рабочій и хозяинъ, мастеръ на всѣ руки, выстроился самъ.

Часть денегъ Христина, не менѣе прилежная въ работѣ, но расчетливая, сумѣла обратить съ пользой и барышомъ. Она накупила съ осени много льна и цѣлую зиму, при помощи двухъ нанятыхъ работницъ, наткала столько полотна, и такъ искусно продала его въ сосѣдній городъ, что къ концу зимы Енриховы стали почти богатые люди.

Христина давно и думать забыла о томъ, что обѣщала ей сѣдой панъ-полковникъ со словъ царицы, т. е. она бросила всякую мысль о перемѣнѣ своей участи милостью государыни.

— Спасибо и за эти деньги, думала и говорила она. При помощи ихъ мы разбогатѣемъ скоро такъ, что сами откупимся на волю у пана Вульфеншильда!

На свой барышъ, полученный съ продажи полотна, Христина собиралась предпринять еще два торговыхъ оборота. Успливъ производство въ слѣдующую зиму и холста, и полотна, она уже надѣялась, черезъ годъ или два, имѣть очень

крупную сумму. Дѣятельная женщина мечтала о томъ, чтобы завести кабакъ около деревни, на большомъ трактѣ.

Панъ Вульфеншильдъ, самъ скопившій себѣ свое состояніе трудомъ и расчетомъ, смотрѣлъ на Хрестину Енрихову нея дѣятельность съ удовольствіемъ.

Онъ заранѣе соглашался отпустить всю семью на волю за сравнительно малый выкупъ, а затѣмъ соглашался въ будущемъ дать имъ разрѣшеніе держать кабакъ на его землѣ.

Хотя у Енриховыхъ изъ троихъ дѣтей было два мальчика, т. е. двое будущихъ рабочихъ для помѣщика, Вульфеншильдъ не бралъ это въ расчетъ, потому что мальчики были еще малы, и даже старшій могъ сдѣлаться рабочимъ не ближе какъ лѣтъ черезъ пять, шесть. Отношенія пана съ рабами стали дружественныя.

Часто, при встрѣчѣ пана съ Енриховой, между ними затѣвался разговоръ о родствѣ Хрестины. Панъ, полушутя, спрашивалъ у крестьянки, не получала ли она какого извѣстія, письма изъ Москвы или изъ Петербурга отъ своего зятя; не знаетъ ли она чего о какой новой россійской войнѣ, со шведомъ или съ султаномъ. Хрестина усмѣхалась, добродушно отвѣчая, что она бы и рада списаться съ сестрой и съ зятемъ, да боится, чтобы изъ-за этихъ писулъ не попасть въ Сибирь.

Часто панъ Вульфеншильдъ, когда заходила рѣчь о будущемъ выкупѣ на свободу всей семьи, говорилъ Хрестинѣ, тоже полушутя:

— А вѣдь не слѣдовало бы мнѣ отпустить васъ на волю, въ особенности тебя. Захочетъ вдругъ твоя сестра откупить васъ у меня, такъ она побольше дастъ выкупа, чѣмъ вы съ Янкой.

— Ну, панъ... отшучивалась Хрестина, плохой расчетъ. Наши деньги съ Янкой, какія ни на есть, а вѣрнѣе тѣхъ, что заплатитъ вамъ сестра.

И въ концѣ бесѣды панъ Вульфеншильдъ тоже соглашался, посмѣиваясь, что онъ предпочтетъ нѣсколько десятковъ золотыхъ за семью Енриховыхъ тѣмъ сотнямъ, которыхъ надо дожидаться сто лѣтъ отъ русской царицы.

Панъ Вульфеншильдъ самъ не разъ серьезно говорилъ Енриховымъ, что имъ нечего мечтать и рассчитывать на переимѣну своего крестьянскаго состоянія по милости русской Императрицы.

— Если бы русская царица хотѣла это сдѣлать, то сдѣлала бы уже давно, говорилъ онъ. Будьте благодарны и за то, что васъ до сихъ поръ не перехватили, не увезли въ Москву и не засадили въ острогъ... А то и хуже того. Въ Москвѣ казнятъ, обезглавливають нынѣ не однихъ преступниковъ, а и тѣхъ, которые царю не по нраву...

Послѣдній разъ, что Христина бесѣдовала съ паномъ о Москвѣ и царицѣ, было передъ масляницей. Панъ ничего особеннаго не сказалъ, какъ вдругъ, на другой день, вызвалъ Христину къ себѣ въ усадьбу, и, когда женщина вошла, панъ Вульфеншильдъ съ важнымъ лицомъ повелъ женщину къ себѣ въ кабинетъ. Притворивъ двери, онъ прислушался и, убѣдившись, что никто изъ холоповъ не можетъ подслушать ихъ бесѣду, онъ передалъ Христинѣ диковинную вѣсть.

То, что передалъ подробно панъ Вульфеншильдъ, было молвой народной, которая бѣгала теперь по всей Россіи. Это былъ всякій вздоръ по поводу событія великой важности.

— Скончался въ Петербургѣ первый русскій императоръ—Петръ! Скончался вдругъ!..

Привыкъ ли народъ взирать на монарха-исполина какъ на полубога, какъ на мнѣическое существо, какъ на царя настолько великаго, что и безсмертнаго? Или было что-нибудь, какіе-нибудь темные слухи, украдкой выскользнувшіе изъ Петербурга въ Москву и далѣе, во всѣ края, во всю ширь православнаго царства? Но смерть перваго императора, Великаго Петра, поразила равно и русскій народъ, и всѣхъ подвластныхъ иновѣрцевъ. Какъ панъ Вульфеншильдъ шептался теперь съ Христиной, точно такъ же шептались и въ другихъ, далекихъ русскихъ окраинахъ. У Бѣлаго моря, у Каспійскаго, у Азова и у Балтійскаго порта, и на границахъ Нѣмецкихъ, и на границахъ Азіятскихъ.

Великій Петръ—мертвецъ. Эти два понятія были почти несовмѣстны для современниковъ.

Православное имя геніальнаго царя-богатыря и чудотворца произносилось теперь повсюду со страхомъ и трепетомъ, но уже не ради страха передъ его могучей личностью, а влѣдствіе паразитальнаго извѣстія, которое бѣгало тайкомъ по всему міру.

Говорили, что великій императоръ умеръ не своей естественной смертью. И тотъ народный вымыселъ возникъ исключительно потому, что великій царь для всѣхъ современниковъ

своихъ еще при жизни стали легендарнымъ героемъ и бессмертнымъ витяземъ.

Онъ не могъ умереть, а если и умеръ, то въ силу какихъ-либо коварныхъ волшебныхъ чаръ.

Енрихова узнала отъ Вульфеншильда тайкомъ, въ его кабинетѣ, о смерти русскаго императора, но для нея лично было еще и другое извѣстiе имѣвшее большее значенiе. Безразличное для всѣхъ россиянь, это событiе имѣло огромную важность для Енриховыхъ.

Марта была уже не супругою русскаго Императора и не вдовою его, а Императрицей Самодержицей, Монархомъ всея Россiи.

— Вотъ бы теперь царицѣ на васъ можно свою милость и благодѣянiя обратить, кончилъ Вульфеншильдъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ не сидѣлъ бы въ Кегемѣ сложа руки.

XIX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, панъ Вульфеншильдъ прямо сталъ совѣтовать женщинѣ отправляться снова въ Ригу, какъ въ ближайшiй большой городъ, и ей уже знакомый, чтобы сдѣлать заявленiе и подать просьбу главноначальствующему князю Решнину, прося его напомнить о ней съ семейю Великой Государынѣ Самодержицѣ.

— Не выйдетъ изъ этого ничего, сказалъ Вульфеншильдъ, ну, и не надо... А можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ!.. На поѣздку деньги у тебя есть.

Христина колебалась и возразила, что не видитъ никакой разницы между прежнимъ положенiемъ дѣла и теперешнимъ.

Женщина, вернувшись домой, продумала нѣсколько дней и затѣмъ объяснила мужу, что она ѣдетъ въ Ригу.

Енриховъ ахнулъ и всячески отговаривалъ жену.

— Отъ добра добра не ищутъ! былъ смыслъ его рѣчей. И такъ хорошо: и новый домъ, и скотъ, и полное хозяйство, и денегъ много. Черезъ года два будутъ они вольные и начнутъ еще больше богатѣть... Зачѣмъ стремиться къ чему-то неизвѣстному, темному. Какъ разъ въ бѣду попадешь.

Но Христина, разъ рѣшившаяся, стояла на своемъ и чрезъ день уже двигалась въ телѣжкѣ по большой дорогѣ.

Въ пути Христина была спокойна, но когда она очутилась

въ Ригѣ, то, при видѣ того же острога, гдѣ она когда-то сидѣла, ею овладѣлъ трепеть, и даже сказалося на сердцѣ какое-то дурное предчувствіе. Она готова была, не предпринимая ничего, скорѣе возвращаться домой. Однако тотчасъ же умной женщиной показалось это настолько безмысленнымъ, что она рѣшила не предаваться безцѣльному страху.

Панъ Вульфеншильдъ, конечно, самъ написалъ и вручилъ ей краткое прошеніе, или какъ называлось, „суплику“ на имя военачальника.

Въ этой супликѣ Христина объяснила, что она просить облегчить ея положеніе крѣпостной и выкупить ее съ семьей у господина Вульфеншильда.

Разумѣется, панъ ожидалъ, что если Репнинъ дастъ ходъ этой бумагѣ, то русская императрица неминуемо выкупить изъ неволи Христину и дать ему, помѣщику, хорошія деньги.

Христина, съ бумагой въ рукахъ, легко добралась до мѣстнаго начальника всего края.

Князь Репнинъ сразу узналъ Христину и вѣсело воскликнулъ:

— И хорошее дѣло!.. Вотъ удача. Мы тебя разыскивать хотѣли, а ты сама явилась.

Важный сановникъ тотчасъ же распорядился, чтобы женщину взяли и отвели въ помѣщеніе около того же замка.

Съ ужасомъ поняла Христина, что она снова заарестована.

Домъ, въ которомъ ее посадили въ отдѣльной горницѣ, запирался днемъ и ночью, а подъ окошками ходили безсмысленно двое часовыхъ. Не тотъ же ли это острогъ?

Никогда, во всю свою жизнь, Христина не была въ такомъ отчаяніи. Погубилъ ее панъ Вульфеншильдъ! Правду говорилъ мужъ: „отъ добра добра не ищутъ“. Когда она теперь увидитъ свою семью... Да и увидитъ ли!.. Нѣтъ, второй разъ уже не спасется ей.

Отчаяніе Христины было такъ велико, что она готова была наложить на себя руки, готова была, за неимѣніемъ какого-либо орудія, разозжить себѣ голову объ стѣну. Теперь отъ зари до зари сидѣла она недвижно, опустивъ голову на руки, какъ бы помертвѣвъ, и даже не замѣчала, какъ день смѣнялся ночью.

Такимъ образомъ нѣсколько ночей просидѣла она и продремала сидя. Сколько прошло дней, она не помнила; но од-

нажды все существо ея встрепенулось. Она вскочила, как ужаленная, при звукѣ голосовъ въ корридорѣ, выпрямилась и бросилась къ двери. И такъ какъ запертая дверь не отпиралась, она стала тащить ее за скобку, готовая въ кровь разодрать себѣ руки, лишь бы только отворить. Но дверь подалась сама и женщина, какъ полупомѣшанная, бросилась обнимать дѣтей и мужа. Въ это мгновеніе она не думала о томъ, что они тоже арестованы и будутъ здѣсь заключены, какъ преступники! Она была счастлива, хотя бы и тѣмъ, что разлука прекратилась.

Когда Христина совершенно пришла въ себя, то мужъ рассказалъ ей, что они были всѣ взяты посланными изъ Риги солдатами по приказанію начальства за какое-то ея важное преступленіе.

— Что ты сдѣлала? спросилъ Енриховъ. Что могла ты сдѣлать за такое короткое время?..

Христина была изумлена.

— Намъ сказали и пану Вульфеншильду объяснили при мнѣ, что ты здѣсь въ Ригѣ сдѣлала какое-то чрезвычайное преступленіе... Убила ты что ли кого, или ограбила кого? За это тебя посадили въ острогъ? А насъ, стало быть, взяли тоже изъ-за тебя.

Разумѣется, Христина ничего понять не могла. Объяснившись съ мужемъ, она пришла къ убѣжденію, что ихъ хотятъ погубить оговоромъ и клеветой.

Въ тотъ же вечеръ, когда главный смотритель дома зашелъ въ горницу, гдѣ были Енриховы, съ цѣлью посмотрѣть, какъ ихъ всѣхъ устроить, Христина заговорила съ нимъ и попросила разъяснить—какое преступленіе на нее взваливаютъ.

Смотритель-нѣмецъ, говорившій по-польски, выслушалъ все и, едва замѣтно усмѣхнувшись, выговорилъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Сорокъ съ небольшимъ, а то и меньше... Я не знаю...

— Ну, вотъ, милая моя, сорокъ лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ ты совершила великое преступленіе тѣмъ, что родилась отъ отца Самуила Сковоротскаго. Но ты не тревожься, я чаю, ничего особенно худого вамъ не будетъ.

— Казнятъ, выговорилъ однозвучно Енриховъ.

— Пустое! Не казнятъ... Потому что не за что... Это было бы безчеловѣчно... Это все враки. По всей вѣроятности,

вы здѣсь просидите нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ васъ сошлютъ куда-нибудь на окраину русскую. Тамъ будутъ содержать васъ всю жизнь вашу.

— Въ острогѣ? воскликнула Христина.

— Ужь не знаю... Чаю, что нѣтъ. Будете просто жить, какъ поселенные, не особенно хорошо, но и не дурно,— все такъ же, какъ теперь жили.

— Да вѣдь теперъ... невольно заговорилъ Енриховъ съ гнѣвомъ, у насъ цѣлое достояніе брошено... Мы было разжились совсѣмъ.

— Ну, что же дѣлать! отозвался смотритель. Бываетъ и хуже.

Къ вечеру въ горницу, гдѣ сидѣли Енриховы, принесли еще двѣ деревянныя кровати, столъ и три стула. При этомъ одинъ солдатъ, приставленный къ нимъ главнымъ надсмотрщикомъ, такъ какъ онъ говорилъ по-польски, объяснилъ арестованнымъ порученіе отъ начальства. Заключеннымъ предлагалось, если они того пожелаютъ, послать человѣка въ Кегему и привезти кое-что изъ ихъ рухляди и пожитковъ.

И Христина, и мужъ ея одинаково отказались отъ этого предложенія. Оба, не сговариваясь, равно подумали въ эту минуту: „Хотятъ ограбить! Пускай лучше достанется все пану Вульфеншильду. Если они когда-нибудь будутъ на свободѣ, то онъ возвратитъ имъ все, а что попадетъ въ руки москалей—то все пропадетъ“.

Черезъ нѣсколько дней, Енриховыхъ, мужа и жену, вызвали къ начальству и подъ конвоемъ двухъ вооруженныхъ солдатъ привели въ канцелярію военачальника. Тамъ, при помощи переводчика, говорившаго по-польски и по-русски, съ нихъ сняли подробный допросъ. Въ то же время* у нихъ выспросили подробно мѣста жительства Дириха Скворотскаго и семьи Якимовичевыхъ.

Когда Енриховъ изъ-за какого-то внезапнаго и дурнаго чувства, прибавилъ самъ къ допросу, что у Христины есть еще братъ, по имени Карлусъ, съ семьей, живущей на большомъ Псковскомъ трактѣ, то одинъ изъ чиновниковъ, очевидно главный судья, странно ухмыльнулся и велѣлъ перевести Енрихову:

— Гдѣ Карлусъ и гдѣ его семейство — мы лучше тебя знаемъ.

XX.

Въ Дохабенѣ всѣ ждали „полтрабендъ“, т. е. шумнаго вечера. Дѣвичникъ и пиръ горой или „брутесъ ваккарсъ“ и „дзершана“ были у всѣхъ на языкѣ.

Оставалось только нѣсколько дней до свадьбы Дауца Цуберки съ Софьей Скворощанкой.

Въ избѣ Марьи было всякій день весело и людно. Постоянно сноваль народъ, являлись гости.

Никто не попрекнулъ Марью, не пошутить и не посмѣлся надъ нею, что она выдаетъ дочь за ганца и бобыля безъ алтына въ карманѣ. Любили всѣ Цуберку за его добрый нравъ и услужливость, и радовались, что ему выпадало такое счастье: жениться на красавицѣ Яункундзе.

Скворотскіе прибирались въ домъ, готовя полтрабендъ и вообще ради будущихъ празднествъ, чтобы справить по обычаю брутесъ ваккарсъ или дѣвичникъ и другіе свадебные пиры. Они потѣснились. Надо было цѣлую горницу отдать будущимъ молодымъ супругамъ. На этотъ разъ не молодая жена должна была послѣдовать въ домъ мужа, а наоборотъ. У Цуберки не только не было избы, но, именно, по его увѣренію, всего имуществва было у него только рубаха, поясъ и штаны. Зимніе кафтанъ и шапку онъ бралъ вънаймы.

Панъ Лауренцкій уже давно предложилъ Цуберкѣ двѣ отличныя, свѣтлыя горницы въ надворномъ строеніи, около его усадьбы. Цуберка несказанно обрадовался и тотчасъ согласился, но Софья внѣ себя возстала противъ этого. Въ первый разъ отъ роду страшно разругала она своего жениха, назвала его простофилей и куликомъ.

Дѣвушка объявила, что ни за что не согласится поселиться въ усадьбѣ пана. Послѣ объясненія жениха съ невѣстой, онъ и самъ наконецъ сообразилъ свою наивность.

И впрямь я простофиля! сознался ганць.

Веселье было всеобщее и на всѣ лады. Надъ Цуберкой всѣ шутили изъ-за игры словъ, случившейся въ виду его перепереннаго званія жениха, такъ какъ по-латышски: пастухъ—ганць, невѣста—бруте, а женихъ—брутганць!

— Былъ ты, Цуберка, ганць, теперь ты брутганць, а чрезъ день будешь опять ганць дохабенскій.

Всѣ дѣти, отъ старшаго Антона до маленькой уже трехъ-

лѣтней Екатерины, глядѣли весело, забывъ, какъ истыя дѣти и истыя себялюбцы, что отецъ пропадаетъ безъ вѣсти и почти для нихъ покойникъ. Одна Марья поминала мужа, постоянно охала и вздыхала, а раза два принималась плакать. Въ-стѣ съ тѣмъ Марья чуяла, что дочь затѣваетъ что-то особенное.

Панъ Лауренцкій сталъ являться еще чаще, сдѣлалъ два богатыхъ подарка невѣстѣ, подарилъ кафтанъ и сапоги съ шапкой жениху. Все это поразило не одну Марью, а всѣхъ дохабенскихъ обывателей.

Но все это было подозрительно... Однимъ совершенно непонятно, другимъ ясно, какъ день. Но эти послѣдніе качали головою, укоризненно поглядывали на Софью, и ворчали про себя: „Будь отецъ здѣсь, не пропади Карлусъ, — тогда бы ничего этакого не случилось“.

Наконецъ Марья рѣшилась замѣтить дочери:

— Бѣдокуришь ты, дочка, чую я... Не наживи себѣ бѣды, не наживи сраму...

— Не бойся мама... весело отвѣчала Софья.

— Не могу не бояться... Чую я, что ты обманываешь...

— Правда, мама, обманываю... Ты угадала. Но только кого, мама?.. Вотъ что! Кого?

— Вѣстимо меня, да и Цуберку. А онъ малый честный и добрый... Это грѣхъ. Знай я такое, не дала бы я тебѣ моего согласія на бракъ съ нимъ.

— Нѣтъ, мама, не догадалась... Но больше я тебѣ ничего не скажу. Не бойся. Не даромъ я для всѣхъ Яункундзе.

— Коли не меня и Цуберку, то кого же ты обманываешь? воскликнула мать.

— Ахъ, мама! Кто же будетъ въ дуракахъ, коли не „велсъ“ (чортъ), т.-е. господинъ Лауренцкій, которому полста лѣтъ, а умишко, что у новорожденнаго младенца.

Наконецъ, въ тотъ же день когда былъ назначенъ полтрабендъ, для всѣхъ знакомыхъ, а „брутесъ ваккарсъ“ для невѣсты, Софья ожидала нетерпѣливо подругъ и пріятельницъ не только изъ Дохабена, но и изъ сосѣднихъ деревушекъ, а двухъ очень богатыхъ крестьянокъ изъ Вишекъ. Въ избѣ Сковоротскихъ было уже шумно и людно чуть не съ зари.

Въ полдень на дорогѣ изъ Вишекъ показался столбъ пыли. Шибко ѣхали три телѣги. Такая пыль поднимается только отъ праздничной ѣзды или развѣ отъ бѣды какой. О пожарѣ такъ

скачутъ извѣстить сосѣдей и просить рабочихъ рукъ, или бочку воды.

— Гости, гости! раздалось повсюду, и въ избѣ Скворотскихъ, и на улицѣ.

Телѣги крупной рысью приблизились къ околицѣ Дохабена, и весь народъ сразу, какъ по мановенію волшебника, остолбенѣлъ. Кто ахнулъ, а кто замеръ на мѣстѣ безъ звука. Въ трехъ телѣгахъ сидѣли не гости, а сидѣли солдаты-жолнеры.

Передняя телѣга, не останавливаясь, прямо поскакала во дворъ усадьбы пана Лауренцкаго, а двѣ другія поѣхали въ деревушку и остановились посрединѣ улицы.

Москали повыскакали и стали прохаживаться, будто разная члена, будто давно и издалека пріѣхали и засидѣлись въ телѣгахъ. Ихъ было пять человѣкъ.

Въ телѣгѣ, вѣхавшей во дворъ пана, было еще двое, изъ которыхъ одинъ, съ позументами на кафтанѣ, повидимому, офицеръ.

Не прошло получаса, какъ офицеръ со своими солдатами, но въ сопровожденіи самого пана, пѣшкомъ явился на деревню. Панъ Лауренцкій былъ блѣденъ какъ снѣгъ и что-то такое объяснялъ москалю, какъ бы извиняясь или оправдываясь. Москаль-офицеръ отвѣчалъ ему спокойно, вѣжливо, но холодно и сухо.

Придя на деревню, офицеръ крикнулъ остальныхъ солдатъ, и всѣ они, двинувшись, явились на крыльцѣ избы Скворотскихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ этой избѣ шель отчаянный вой. Слышались рыданія Марьи и Софьи, бессмысленный ревъ маленькихъ дѣтей, а около избы ревели и подвывали разныя крестьянки, молодья и старья.

Мужчины толпились на улицѣ, но близко къ избѣ не подходили, изъ боязни попасть въ бѣду. Всѣ поголовно были перепуганы, отъ пана до послѣдняго парнишки. Никто не понималъ, за что и почему страхась бѣда, но всѣ, конечно, понимали нѣчто общее между этими гостями и исчезновеніемъ Карлуса, а равно съ появленіемъ годъ назадъ сыпчиковъ, которые уговаривали Марью ѣхать къ мужу со всѣми дѣтьми.

На этотъ разъ уже не чиновникъ бергъ-коллегіи въ простомъ кафтанѣ, а настоящій офицеръ, съ настоящими солдатами, вооруженными саблями и огнестрѣльнымъ оружіемъ, уже не разсуждали съ Марьей. Они явились арестовать всю

семью Скворотскихъ „за продерзостныя рѣчи и противное законамъ поведеніе“.

Напрасно панъ Лауренцкій выбивался изъ силъ, объясняя офицеру, что Скворотскіе ни въ чемъ не виноваты, ни въ какихъ преступленіяхъ не замѣчены. Напрасно Марья валялась въ ногахъ офицера, умоляя не губить ее. Москали остались непреклонны.

Наконецъ, офицеръ, уставшій съ пути, потерялъ терпѣніе и, возвысивъ голосъ, выговорилъ пану Лауренцкому:

— Послушайте, панъ, вы дворянинъ, человѣкъ болѣе по своему состоянію толковый и понятливый. Они, мужики и бабы—люди темные, ничего не поймутъ!... А вы-то можете понять!.. Такъ поймите же, что у меня указъ государскій! Пріѣхаль я не за двѣ версты, а можетъ, и за двѣсти верстъ, за тѣмъ, чтобы арестовать всю семью Карлуса Скворотскаго: жену и дѣтей его... Неужели же вы думаете, что я теперь указъ начальства могу изорвать и, послѣ вашихъ увѣреній, взгляду отсюда опять одинъ со своими солдатами... Стало быть, нечего разговаривать и нечего ревѣть на всю округу. Вы, панъ, ступайте къ себѣ въ усадьбу. Мнѣ нужно было только предупредить васъ, а теперь вы мнѣ ни на что не нужны... Ты же со своими дѣтьми скорѣе собирайся! Бери кое-какіе пожитки, а остальное, конечно, все брось.

Панъ Лауренцкій, совершенно растерянный, какъ бы растерзанный на части своими собственными различными ощущеніями, былъ самъ не свой и, казалось, ничего ясно не понималъ. У него въ головѣ прыгали сто рублей, которые ему когда-то предлагалъ чиновникъ бергъ-коллегіи, прыгали и 500 руб., о которыхъ говорилъ ксендзь, прыгала красивая Софья и полтрабендъ, и свадебный поѣздъ, и вѣнчанье, и всякія мечты, соединенныя съ этой свадьбой. И только могло вполне разбудить его довольно грозное восклицаніе офицера: „Ступай, панъ, отъ бѣды домой!.. Нечего тебѣ тутъ дѣлать!“

Тогда панъ выкатился изъ избы Скворотскихъ и пустился домой.

XXI.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Дохабена собралась толпа крестьянъ и среди ихъ, головою выше всѣхъ, громко говорилъ и отчаянно махалъ руками богатырь Цуберка.

Онъ умолялъ односельцевъ не выдавать Сковоротскихъ, не выдавать его невѣсту офицеру, схватить каждому что попало въ руки, хоть кочергу, хоть простое дубье, и прогнать москалей.

Нѣкоторые поддавались уже на это наущеніе, большинство же стояло молча, угрюмо потупившись въ землю, и не только не двигалось, но прислушивалось къ рѣчамъ Цуберки, какъ прислушиваются къ журчанью ручья.

„Пускай себѣ надрывается, думали они. Дѣло понятное: парню горько такое приключеніе“.

— Вотъ тебѣ и полтрабендъ! думала и горевала молодежь.

Видя, что ничего подѣлать нельзя, Цуберка отчаянно махнулъ рукою, горько заплакалъ и, утирая большущими кулаками свое румяное и полнощекое лицо, быстро двинулся къ избѣ Сковоротскихъ.

Разыскавъ офицера, который сидѣлъ въ отдѣльной горницѣ, въ ожиданіи сборовъ, латышь бросился ему въ ноги и сталъ просить захватить и его вмѣстѣ со Сковоротскими.

— Это почему!? изумился офицеръ.

— Я женихъ...

— Чей?

— Ея... Софьи.

— Красавицы-то этой?

— Да. Черезъ нѣсколько дней наша свадьба должна бы быть.

Офицеръ покачалъ головой.

— Ну и хорошее дѣло, братецъ, что свадьба не состоялась. Нѣшто можно, чтобы такая удивительная красавица сдѣлалась женою такого пучеглазаго филина, какъ ты.

И офицеръ началъ смѣяться и шутить.

Цуберка стоялъ на колѣняхъ и усердно кланялся, повторяя: „возьмите меня“.

— Глупый! Думаешь ты, что я могу этакъ кого захочу, того и арестовывать... Я беру, кого мнѣ указано!.. Ты мнѣ не указанъ и въ бумагѣ не прописанъ.

— Такъ я самъ за вами поѣду.

— Это твое дѣло... Только, братъ, далеко ѣхать.

— А какъ далеко?

— Поѣдешь, увидишь... А сказать я не могу. Но полагаю, что не доѣдешь.

— А почему же это?

— Да потому, что у тебя и денегъ не хватитъ доѣхать.

— Сто верстъ будетъ, панъ?

— Можетъ и триста, можетъ и больше... А если захочешь ты вѣки-вѣчные за Софьей ѣздить, то, пожалуй, двѣ, три тысячи верстѣ наѣздишь... Ей, я чаю, еще много путешествовать придется.

— Что жъ!.. Я поѣду. Столько проѣду, сколько Богъ положитъ... снова заливаясь слезами, выговорилъ богатый.

— Верстѣ тридцать проѣдешь, вѣстимо...

Офицеръ невольно снова разсмѣялся. Потѣшенъ былъ этотъ богатый, плачущій какъ младенецъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Цуберка.

— Цуберка? Цуберка... И имя, то словно собачья кличка. Ну что жъ, поѣзжай за нами. Этого я запретить тебѣ не могу. Только говорю тебѣ, отстанешь. На весь нашъ путь и алтыны у тебя не хватитъ... Ну, а пока уходи: мнѣ отдохнуть надо.

Офицеръ собрался укладываться спать на той же лавкѣ, гдѣ и сидѣлъ, но предварительно велѣлъ солдатамъ смѣняться въ дверяхъ, въ качествѣ часовыхъ.*

„Чего добраго, думалъ онъ, соннаго, то и убьютъ... Это вѣдь дикари“.

Цуберка хотѣлъ пройти въ горницу, гдѣ, плача и охая, собирали кое-какіе пожитки Марія и ея дѣти, но солдаты не пустили его.

Пастухъ вышелъ на улицу и остановился недалеко отъ дома Сковоротскихъ, разведя руками и не зная, что дѣлать: ѣхать онъ собрался всей душой, но на чемъ? Гдѣ достать лошадь и телѣгу?.. Даже хотъ бы одну лошадь... Кто же дастъ ему коня, чтобы скакать неизвѣстно куда за московскими солдатами?.. Нанять не на что было.

Въ это самое мгновеніе, когда Цуберка уже рѣшилъ, что ему остается только одно: повѣситься на первомъ же попавшемся суку какого-нибудь дерева, къ нему опрометью подбѣжалъ мальчуганъ, казачекъ Лауренцаго.

— Панъ тебя зоветъ... Живо... Къ себѣ! крикнулъ казачекъ. Я тебѣ вездѣ разыскиваль... Живо, скорѣе!.. Панъ требуешь.

Цуберка грустно побрелъ въ усадьбу.

— Живо, живо!.. понукалъ его казачекъ. Дѣло важнѣе... Объ Сковоротскихъ.

Эти слова заставили Цуберку прибавить шагу и, наконецъ, пуститься даже рысью.

Дѣйствительно, панъ разыскивалъ Цуберку, чтобы дать порученіе, отъ котораго сразу засіяло лицо бобыля, засверкали добрые голубые глаза.

Панъ предлагалъ Цуберкѣ тайкомъ ѣхать, чтобы послѣдить, куда повезутъ Скворотскихъ, а главнымъ образомъ Софью. Панъ предлагалъ денегъ ему въ награду, а объ коняхъ съ телѣгой и говорить нечего—они были уже на-готовѣ.

— Если ты мнѣ узнаешь, куда отвезли Софью и вернешься съ докладомъ—я тебя озолочу! сказалъ Лауренцкій.

Цуберка ошалѣлъ отъ радости. И какъ не былъ простоватъ малый, однако промолчалъ о томъ, что самъ собирался скакать за невѣстой, промолчалъ и о томъ, что таиться ему отъ офицера не придется, не нужно, такъ какъ онъ имѣетъ его согласіе и дозволеніе.

Между тѣмъ, молодежь: крестьянки и парни, съѣзжавшіеся изъ разныхъ деревушекъ на брутесъ ваккарсъ и полтрабендъ, подѣзжали къ избѣ Скворотскихъ и тотчасъ отѣзжали, почти шарахались прочь, какъ галки и вороны отъ огороднаго пугала, или какъ пташки, завидя ястреба.

Разумѣтся, большая часть гостей поворачивала оглобли тотчасъ же и мчалась вонъ изъ Дохабена домой. Нѣкоторые заѣзжали къ другимъ крестьянамъ, узнать въ чемъ дѣло. Сумятица была во всѣхъ домахъ, во всѣхъ семьяхъ. Теперь уже всѣ поняли, что Марью съ дѣтьми увезутъ туда же, куда увезли Карлуса. Хорошо, если они свидятся съ нимъ, а можетъ быть, его уже и на свѣтѣ нѣтъ.

Въ то же время Марья, переставъ плакать, усердно увязывала узелки и наполняла два ящика всякой рухлядью. Одинъ изъ солдатъ, говорившій по-польски, объяснилъ ей и поклялся, что никакой бѣды ей и дѣтямъ ея у нихъ не будетъ. На вопросъ Марьи: увидится ли она съ мужемъ, солдатъ, даже не знавшій, что есть у этой женщины мужъ, отвѣчалъ на угадъ:

— Разумѣтся. Какъ пріѣдешь, такъ и увидишься. Онъ васъ ждетъ.

Этой ложью солдатъ сдѣлалъ то, что не могъ бы сдѣлать никакой приказъ офицера.

Марья и старшія дѣти начали живо собираться, перестали охать и выть и чрезъ два часа были совершенно готовы въ путь.

Изъ одной телѣги были вынесены и брошены въ сѣняхъ

три пары тяжелыхъ кандаловъ. Не мало народа перепугали эти кандалы. Антонъ Скворотскій, завидя ихъ въ сѣняхъ, тоже помертвѣлъ отъ страха.

Когда все было готово, телѣги снова запряжены, офицеръ, выславшись, вышелъ на крыльцо

— Прикажете надѣвать на нихъ? спросилъ одинъ изъ солдатъ указывая на цѣпи.

— Кой чортъ!... Зачѣмъ... Убирай.. отозвался офицеръ. Зачѣмъ вытаскилъ... Только народъ перепугалъ. На нихъ и бичева не нужна, не только кандалы.

Черезъ полчаса всѣ солдаты, офицеръ, Марья, красавица-дѣвушка, дѣти, взрослые и маленькія—всѣ размѣстились на трехъ телѣгахъ и тронулись въ путь.

Панъ Лауренцій стоялъ на балконѣ своего дома неподвиженъ, какъ истуканъ, и злобно глядѣлъ на выѣзжавшихъ.

Телѣги шагомъ выѣхали изъ деревушки, провожаемые всѣми обывателями, но молча, безъ единого слова напутствія. Когда солдаты съ арестованными скрылись среди мелколѣся и кустарника, со двора усадьбы выѣхала маленькая телѣжка съ парой сильныхъ, сытыхъ коней. Въ телѣжкѣ сидѣлъ Цуберка, веселый, счастливый и радостный. Онъ весело раскланивался направо и налево, какъ если бы ѣхалъ въ храмъ—вѣнчаться съ возлюбленной.

— Дурень! Куда собрался! восклицали многіе. Тебѣ тамъ москали голову отрубятъ.

XXII.

Почти одновременно съ пріѣздомъ семьи Енриховыхъ въ Ригу, въ вотчинѣ старостики Ростовской появился нечаянный гость, саксонскій офицеръ съ деньщикомъ.

Нѣмецъ, пріѣзжій, какъ говорилъ онъ, почти прямо изъ Дрездена, искалъ купить имѣніе.

Сначала панна была очень удивлена, узнавъ отъ гостя, что ему гдѣ-то будто бы сказали, что она продаетъ свою вотчину. Дѣлать это она не собиралась никогда за всю свою жизнь. Не смотря на это недоразумѣніе, на положительный отказъ Ростовской старостики и на то, что по близости, въ сосѣдствѣ не было никакого продающагося имѣнія, саксонскій офицеръ попросилъ позволенія, жалуясь на боль въ ногѣ, остаться у помѣщицы дня на два.

Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, говорливъ, рассказывалъ всякія исторія и вообще съумѣлъ такъ подладиться подъ крутой нравъ панны, что она нехотя согласилась на его пребываніе.

Но панна была женщина дальновидная и хитрая. Со времени своей бесѣды съ Дирихомъ и извѣстія, принесеннаго имъ о пропажѣ внезапной и загадочной Карлуса Скворотскаго, панна ожидала точно такой же пропажи семьи Якимовичевыхъ. Поэтому на всякую личность, являющуюся не только въ ея вотчинѣ, но и въ околоткѣ, панна смотрѣла подозрительно.

„Меня не проведешь, какъ Лауренцкаго!“ думала она.

Неожиданное прибытіе саксонскаго офицера съ денщикомъ, предлогъ посѣщенія, крайне неудачно выбранный, разумѣется, заставили панну зорко приглядываться къ гостю и къ его денщику.

Черезъ сутки оказалось, что офицеръ, говорившій съ акцентомъ по-польски, еще того хуже говорить по нѣмецки.

— О-го-го! произнесла панна, узнавъ, что нѣмецъ не знаетъ собственнаго своего языка.

Къ вечеру денщикъ офицера былъ угощенъ однимъ изъ дворовыхъ панны и, выпивъ не малое количество вина, сознался, что онъ и офицеръ такіе же нѣмцы, какъ и турки. Баринъ его русскій офицеръ изъ Риги, а онъ солдатъ, родомъ костромичъ.

Старостиха, конечно, рѣшительно и властно, тотчасъ потребовала объясненія отъ своего гостя. Она попросила офицера прямо и просто сказать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и зачѣмъ, будучи москалемъ, рядится въ саксонцы.

Офицеръ, взятый врасплохъ, конечно, поневолѣ сознался и объяснилъ паннѣ цѣль своего посѣщенія. Онъ явился узнать навѣрное, кто такіе Якимовичевы, находящіеся у панны въ крѣпостной зависимости.

— Тутъ никакой тайны нѣтъ, отвѣтствовала на это старостиха важно и спокойно.

Офицеръ попросилъ разузнать кой-какія подробности и старостиха охотно предложила ему позвать Анну и самому все у ней выспросить.

Такъ и было сдѣлано.

Явившаяся на вызовъ барыни, Анна подробно передала офицеру слово въ слово то же самое, что когда-то Христина передавала самой императрицѣ.

Она рассказала все о своемъ происхожденіи, о покойныхъ родныхъ, о судьбѣ младшей сестры Марты, взятой на воспитаніе теткой въ Крейцбургъ.

Выспросивъ все, московскій гость объяснилъ, что онъ офицеръ Пасынковъ, посланъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ для того, чтобы предложить паннѣ-старостихѣ продать всю семью Якимовичевыхъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отозвалась панна, сія лицомъ, и объявила, что если господинъ Пасынковъ уплатить ей тысячу рублей—то можетъ тотчасъ взять съ собою все семейство.

Пасынковъ хотѣлъ вскрикнуть эти два слова: „тысячу рублей“—но у него даже на восклицаніе это не хватило силы. Настолько онъ былъ пораженъ.

— Можетъ быть, панна хочетъ сказать: тысячу злѣтыхъ польскихъ?... вымолвилъ Пасынковъ. Но эта сумма огромная...

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, не тысячу злѣтыхъ, а тысячу русскихъ новыхъ серебряныхъ рублей... А въ каждомъ такомъ рублѣ два злѣтыхъ.

— Но вѣдь это страшная цѣна!.. воскликнулъ Пасынковъ.

— Цѣна, согласна я, особенная, изрядная... смѣясь, сказала панна-старостиха. Но вѣдь и крестьянка моя тоже особенная... Я думаю, стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такая крестьянка крѣпостная продаваться не будетъ... Весь свѣтъ обойди, не найдешь такой холопки.

При этомъ панна весело улыбалась и, какъ показалось Пасынкову, немножко насмѣшливо.

Офицеръ не нашелся ничего отвѣчать. Онъ помолчалъ, опустивъ голову, и затѣмъ выговорилъ:

— Такой суммы рижскій губернаторъ дать не можетъ... Даже половины этой суммы онъ дать не можетъ.

— Ну, что жь... Какъ ему будетъ угодно!.. отозвалась старостиха. Мое добро при мнѣ и останется.

— Пасынковъ началъ было уговаривать и усовѣщевать старостиху, но она отмахнулась рукой и объяснила:

— Не люблю я, панъ офицеръ, изъ пустого въ порожнее переливать. Ты пріѣхалъ ко мнѣ покупать—я продавать согласна, цѣну назначила, ты ее дать не можешь... Ну, стало быть, и разговору конецъ... Велю я закладывать твоихъ лошадей, и милости просимъ со двора долой.

Офицеръ поднялся нѣсколько разсерженный и невольно пригрозился:

— Вѣдь ты, панна, можешь Якимовичевыхъ зря, даромъ лишиться. Такъ лучше бы брала благоразумную цѣну.

— Какъ же это такъ, зря? вымолвила старостиha и при этомъ уперла руки въ боки.

— Пришлютъ сюда команду солдатъ и велятъ просто отобрать всю семью даромъ.

— Вотъ какъ! воскликнула насмѣшливо панна. Страсти какія... Панъ офицеръ забылъ, что онъ не въ Россіяхъ и что я подданная короля польскаго. Онъ самъ знаетъ, что силой взять у меня моихъ крѣпостныхъ онъ не можетъ... А если бы могъ, то и торговаться бы не сталъ; прямо бы захватилъ всѣхъ и увезъ.

Пасынковъ тотчасъ собрался и выѣхалъ отъ старостиhi, но однако успѣлъ черезъ денщика своего дать знать Аннѣ; что въ ту же ночь будетъ ждать ее для переговоровъ въ сосѣднемъ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ поселка старостиhi.

Остановившись въ одной деревушкѣ, въ назначенное время Пасынковъ отправился одинъ въ этотъ оврагъ и среди ясной ночи увидѣлъ фигуру крестьянки.

— Ну, вотъ и слава Богу! вымолвилъ офицеръ. Теперь сядемъ и потолкуемъ.

Пасынковъ объяснилъ крестьянкѣ, что ей предстоитъ перемѣна ея участи, конечно къ лучшему, что ея сестра и братъ съ семьями уже находятся въ Ригѣ, а другого брата разыскиваютъ вездѣ—но тщетно. При этомъ Пасынковъ разъяснилъ Аннѣ, что дѣло, по отношенію къ ней, особенно мудрено.

Купить семейство крестьянъ у панны за такую безумную цѣну рижскій губернаторъ не имѣетъ возможности, а взять всю семью насильно, явившись съ командой солдатъ, русское начальство не можетъ ради огласки и ради государственныхъ замѣшательствъ. Слѣдовательно, Якимовичевымъ остается только одно—бѣжать.

На счастье офицера, Анна оказалась женщина умная и рѣшительная. Она сразу все сообразила и на все согласилась. Бояться русскаго правительства Аннѣ казалось смѣшнымъ и бессмысленнымъ. Вѣдь не для казни же увлекаетъ ихъ русская царица.

Гонецъ Репнина и крѣпостная старостиhi сговорились.

День бѣгства и мѣсто свиданія было условлено: чрезъ пять дней, въ лѣсу недалеко отъ усадьбы Ростовской.

Но панна была барыня продувная. Съ минуты отъѣзда русскаго офицера она ни на одно мгновеніе не оставила Якимовичевыхъ безъ надзора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и виду не подавала имъ. Такимъ образомъ панна знала отъ своихъ соглядатаевъ, что Анна, въ первую же ночь по отъѣздѣ москаля, отлучилась изъ дому и вернулась только на зарѣ.

Этого было достаточно, и старостиха поняла, что затѣвается нѣчто... А это нѣчто могло быть лишь одно: бѣгство или похищеніе.

— Ладно... сказала старостиха. Дорого ты, москаль, заплатишь за свою дерзость. Шкуру въ моей берлогѣ оставишь!

Затѣмъ въ продолженіе послѣдующихъ дней за Якимовичевыми тщательно наблюдали приставленные люди.

Не трудно было замѣтить особенное, какъ бы загадочное выраженіе лица крестьянки, нѣсколько тревожное, смущенное лицо Михайлы и особенно оживленное, веселое и радостное лицо ихъ старшаго уже пятнадцатилѣтняго сына. Вдобавокъ, балованный малый, къ несчастью посвященный матерью въ тайну всего дѣла, сказалъ нѣсколько словъ одному изъ своихъ пріятелей. А эти слова побѣжали по деревнѣ и добѣжали до слуха панны.

Юный Якимовичъ сказалъ, что онъ съ тятей и съ мамой черезъ нѣсколько дней уже не будетъ мужикомъ, а будетъ богатымъ городскимъ жителемъ.

Въ то самое время, когда, пользуясь темнотою вечера, семья Якимовичевыхъ двинулась съ маленькими узелками черезъ огороды, по направленію къ сосѣднему лѣсу, шесть человекъ батраковъ панны, съ дубьемъ и даже съ топорами, двинулись на двухъ телѣгахъ по другой дорогѣ въ объѣздъ, но въ тотъ же лѣсъ.

Панна дала приказаніе своимъ крѣпостнымъ не выдавать ее, просила послужить ей вѣрой и правдой, и въ то же время дала разрѣшеніе „всячески“ напасть на москаля какъ на разбойника.

XXIII.

Въ густомъ лѣсу, версть за семь отъ всякаго жилья, и среди ночи, какъ московскій офицеръ, такъ и семья Якимовичевыхъ одинаково попали въ устроенную старостихой западню.

Офицеръ имѣлъ наивность явиться лишь вдвоемъ со своимъ деньщикомъ, и лишь совершенно случайно, въ качествѣ кучера на другой телѣгѣ, взявъ съ собой подростка-парня, латыша.

Пасынковъ явился первый на мѣсто,—небольшую лужайку около столовой дороги, и сталъ ждать.

Среди тишины ночи ему послышался невдалекѣ какой-то шумъ, трещалъ хворостъ въ чащѣ, даже послышался будто чей-то голосъ. На замѣчаніе Пасынкова, парень-латышъ объяснилъ, что тутъ такая глушь, что и днемъ никого не бываетъ, не то что вечеромъ или ночью. Большая дорога пуста, а въ чаще что же можетъ быть... Медвѣдь развѣ, такъ онъ на нихъ не полѣзеть...

Черезъ полчаса времени, среди той же чащи, на тропинкѣ показались крестьяне — мужикъ, за ними женщина и трое мальчишекъ.

— А!.. вотъ они... Славу Богу! невольно воскликнулъ Пасынковъ.

Встрѣтившись и поздоровавшись съ крестьянами, офицеръ тотчасъ вспомнилъ объ старостихѣ и пошутить:

— Вотъ тебѣ и тысяча рублей!.. Брала бы дура сто злотыхъ. А теперь останется съ шипемъ.

Всѣ пошли къ телѣгамъ, чтобы рассаживаться, но въ то же мгновеніе, съ того самаго мѣста, гдѣ слышался офицеру трескъ хвороста, выскочило шесть дюжихъ вооруженныхъ крестьянъ. Пасынковъ успѣлъ обнажить саблю и крикнуть своимъ: „не выдавай“! Но оба спутника его: безоружный солдатъ-деньщикъ, молодой латышъ, и вся семья Якимовичевыхъ—всѣ отскочили въ сторону и разсыпались.

Двое крестьянъ кинулись догонять прежде всего Михайлу и вскорѣ повалили его на землю, третій схватился за Анну, а остальные трое съ яростью бросились на офицера.

Латышъ исчезъ совсѣмъ, а солдатъ появился снова съ корягой въ рукахъ, на помощь къ барину-офицеру. Но только раза три или четыре удалось деньщику замахнуть своей корягой. Одинъ изъ крестьянъ, словившихъ Михайлу, явился на подмогу товарищамъ и однимъ ударомъ ножа въ спину повалилъ деньщика на землю. Ударъ былъ такъ силенъ, что ножъ пронзилъ солдата насквозь.

Въ нѣсколько мгновеній бой окончился. Двое крестьянъ были ранены саблей офицера, но самъ онъ, получивъ нѣсколько

ударовъ дубиной въ голову и два страшные удара какимъ-то оружіемъ, повалился безъ сознанія на траву, обливаясь кровью.

Крестьяне, осмотрѣвъ побѣжденнаго врага, рѣшили, что онъ готовъ, не дышетъ, и стали разсуждать о томъ, зарыть ли его въ землю или оставить такъ. На это никакого указа панны не было, поэтому старшій изъ мужиковъ рѣшилъ, что надо отправиться домой, спросить приказанія панны и если она прикажетъ, то на другой день пріѣхать и зарыть москаля.

Между тѣмъ, Михайло и Анна были уже давно скручены веревками по рукамъ и по ногамъ.

Телѣги Пасынкова стояли недалеко; но крестьяне, расправившись съ москалемъ, не обратили на нихъ вниманія.

Вся семья Якимовичевыхъ была посажена на телѣги, на которыхъ пріѣхали крестьяне, и чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ побѣдителей и плѣнныхъ уже катилъ по большой дорогѣ, по направленію къ вотчинѣ старостики Ростовской.

Часа черезъ полтора послѣ отъѣзда ихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, появился въ кустахъ латышъ, но вида на лужайкѣ двухъ недвижно лежащихъ москалей, побоялся даже подойти къ мертвецамъ, и сѣвъ на одну изъ телѣгъ, которая принадлежала ему, вскачь пустилъ коня въ свою деревню. Здѣсь, конечно, разсказалъ онъ все происшествіе и поднялъ на ноги весь народъ.

Поутру на лужайкѣ было уже много народа и мѣстный полицейскій стражникъ. Москаль-солдатъ оказался мертвымъ, холоднымъ, а москаль-офицеръ съ признаками жизни. Ихъ подняли, перенесли въ телѣги и повезли въ деревню.

Въ то же время въ усадьбѣ старостики Ростовской шла расправа: Михайлу и Анну пороли розгами за побѣгъ. Наказаніе, конечно, было жестокое, но панна строжайше приказала конюху-палачу быть осторожнымъ. Будучи въ духѣ, вслѣдствіе удачнаго окончанія компаніи, старостики улыбаясь объяснила, отдавая указъ наказывать Якимовичевыхъ:

— Поучи хорошенько, но осмотрительно — они дорогіе... Я на ихъ выкупъ цѣлую вотчину себѣ куплю... Избави Боже, заперешь на смерть — я тебя самого тотчасъ же запорю.

Это дипломатическое порученіе палачу, чтобы наказаніе было и жесточайшее, и не смертельное, было исполнено имъ въ точности. Михайлу въ самомъ жалкомъ видѣ, а Анну совершенно безъ сознанія, отнесли на рукахъ въ ихъ избу.

Черезъ нѣсколько дней, когда наказанные нѣсколько опра-

вились, ихъ, по приказанію старостиhi, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, перевели въ подвалъ подъ усадѣбнымъ домомъ. Въ единственномъ окнѣ подвала была уже сдѣлана желѣзная рѣшетка, дверь была окована тоже желѣзомъ и на ней навѣшенъ огромный замокъ.

Старостиha, прежде чѣмъ сажать Якимовичевыхъ, сама осмотрѣла мѣсто ихъ заключенія. Она осталась довольна и вымолвила:

— Ну вотъ здѣсь и посидятъ, пока мнѣ за нихъ не заплатятъ то, что я желаю взять.

Анна стала было умолять помѣщицу не запирасть съ нею и мужемъ ихъ троихъ сыновей и оставить ихъ на волѣ, но „рагане“ (вѣдьма) не согласилась.

— Не обманешь, милая. Ихъ тоже могутъ москали увезти, а безъ нихъ за васъ той же цѣны не получишь. Посидятъ твои „лїалы кунги“ (важные господа) и съ тобой.

— Они заболѣютъ въ подвалѣ. Бога ради, панни... молли Анна. Они помрутъ!

Но „рагане“ старостиha только сказала Аннѣ, что когда сыновья начнутъ умирать, чтобы она велѣла ей, паннѣ, доложить.

— Полѣчу, вылѣчу и опять засажу!..

И все лѣто Якимовичевы просидѣли въ подвалѣ въ качествѣ заключенныхъ. Однажды ихъ выпустили, но не ради человѣколюбія, а ради необходимости въ рабочихъ рукахъ. Двухъ младшихъ мальчишекъ, правда, выпускали просто на воздухъ побѣгать; но Михайлу съ Анной и старшимъ сыномъ выпускали только на работу и то въ теченіе не болѣе трехъ недѣль, въ самый разгаръ уборки хлѣба. Затѣмъ ихъ снова заперли.

Подошла осень, а объ московскомъ начальствѣ и вообще о москаляхъ не было ни слуху, ни духу. Старостихѣ надоѣло имѣть въ домѣ заключенныхъ. Къ тому же время начиналось сырое и холодное, приходилось или переводить семью въ другое помѣщеніе усадѣбнаго дома, или отапливать подвалъ. И то, и другое паннѣ было не на-руку.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, старостиha приказала дозволить Якимовичевымъ снова перейти въ ихъ избу.

Между тѣмъ Анна рѣшила, что въ день ихъ освобожденія они должны бѣжать прямо въ Губно, остановиться у брата Дириxa, а затѣмъ двинуться далѣе, прямо въ Ригу.

Какъ было ею предположено—такъ было и исполнено; при этомъ очень быстро и ловко.

Когда поутру пришли объявить паннѣ, что Якимовичевы исчезли, панна разослала во всѣ концы верховыхъ искать и ловить бѣглецовъ, но ни въ этотъ день, ни на другой, ни на третій—никто Якимовичевыхъ не настигъ и не видалъ. Даже изъ опросовъ по селамъ и деревнямъ верстъ за пятьдесятъ ничего не выяснилось.

Анна, отъ природы умная и хитрая, озлобленная теперь и наученная опытомъ, перехитрила хитрую старостицу.

Гонцы барыни скакали за сорокъ и болѣе верстъ по околотку, спрашивая вездѣ и разыскивая бѣглецовъ, а семья Якимовичевыхъ скрывалась, не смотря на стужу, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы, въ густомъ лѣсу.

Провизиі, т. е. хлѣба, Якимовичевы захватили достаточно, чтобы недѣлю прожить въ лѣсу, и по близости того мѣста, которое они выбрали, былъ родникъ съ хорошей ключевой водою.

Анна, выходящая въ сумерки на опушку лѣса недалеко отъ большой дороги, два раза видѣла гонцовъ барыни, скакавшихъ и возвращавшихся домой послѣ тщетныхъ поисковъ.

Черезъ недѣлю, рассчитавъ, что барыня уже бросила поиски, они двинулись въ Губно. Но здѣсь, къ удивленію Анны, никого не оказалось на лицо.

Купецъ хозяинъ объяснилъ, что вся семья Чамараго отлучилась на одинъ день въ гости и пригласилъ Якимовичевыхъ занять помѣщеніе ихъ родственника.

Но черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія ихъ, явилось мѣстное начальство и объявило ихъ арестованными.

Въ первыя минуты, конечно, вся семья перепугалась на смерть, воображая, что ихъ арестуютъ, чтобы отвести обратно къ старостицѣ! Но когда выяснилось, что ихъ везутъ въ Ригу, куда уже отвезенъ Чамарый, оказавшійся Сковоротскимъ, то Анна обрадовалась. Она объяснила начальнику, что бѣжала отъ старостицы съ семьей именно съ цѣлью отдаться въ руки русскаго начальства.

— И хорошее дѣло, отозвался тотъ. Въ Ригѣ вамъ хорошо будетъ... Я доставлялъ туда съ мѣсяцъ назадъ Дириха, и могу сообщить тебѣ, что вашихъ тамъ много.

— Что же они дѣлаютъ? спросила Анна.

— Живуть себѣ въ большомъ каменномъ домѣ на казенномъ содержаніи и не тужать.

— Въ каменномъ! изумился Михайло.

— Да.

— Да не въ острогѣ же? догадалась Анна.

— Н-нѣтъ, нерѣшительно выговорилъ начальникъ. Но живуть всѣ въ довольствѣ. Тепло, сытно... И все даровое... Ты не бойся...

Анна промолчала... Ее брало сомнѣніе...

„Въ „каменномъ“ домѣ живуть... мысленно повторяла она. Ну какъ это „ціатумсь“ (острогъ)!“

XXIV.

Между тѣмъ въ городѣ Ригѣ была новость.

На одной изъ лучшихъ улицъ города довольно большой двухъ-этажный домъ имѣлъ самый странный видъ, возбуждалъ крайнее любопытство всѣхъ обывателей и служилъ предметомъ разнообразнѣйшихъ толковъ.

Въ этомъ домѣ помѣщались пріѣзжія, или, лучше сказать, привезенныя изъ разныхъ мѣстъ семьи, имена которыхъ были неизвѣстны въ городѣ.

Всѣ знали, что въ домѣ живетъ нѣсколько семействъ, много дѣтей, что всѣ они содержатся на казенный счетъ, всѣ родня между собой и находятся подъ строжайшимъ присмотромъ князя Репнина.

Ворота во дворѣ дома всегда бывали заперты. Въ небольшомъ флигелѣ помѣщалась команда солдатъ, два офицера и, кромѣ того, при домѣ былъ главный надзиратель, родомъ нѣмецъ, уже старикъ, офицеръ въ отставкѣ, завѣдывавшій когда-то главнымъ тюремнымъ замкомъ Риги.

Нѣмецъ этотъ, Адамъ Ивановичъ Кронъ, былъ очень суровый на видъ, но въ сущности крайне мягкій и добрый человѣкъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ князя Репнина и если теперь былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ въ таинственный домъ, съ загадочными обитателями, то самое это назначеніе свидѣтельствовало объ особой важности всего касающагося до незнакомцевъ.

Обывателей дома поневолѣ всѣ называли просто: „оная фамилія“, ибо отъ Адама Иваныча узнать ничего было нельзя. Онъ былъ могилой для всякой тайны.

Семьи эти появились въ домѣ не сразу. Сначала тутъ по-мѣстили одну женщину, но вскорѣ же привезли мужчину съ дѣтьми, затѣмъ появилась еще одна женщина съ взрослой красавицей дочерью и съ тремя сыновьями и двумя маленькими дѣвочками; за ними послѣдовали, но не ближе какъ черезъ мѣсяцъ, двѣ другія личности съ двумя дочерьми и, наконецъ, въ концѣ сентября мѣсяца явилась еще цѣлая семья. Въ домѣ такимъ образомъ набралось болѣе 20 чело-вѣкъ мужчинъ, женщинъ и ихъ дѣтей, отъ 16 до 3-хъ лѣт-наго возраста.

Эти незнакомцы и загадочныя для рижанъ личности были, конечно, четыре семьи: Енриховы, Сковоротскіе, Дирихъ со своей латышкой Триной и ея дочерьми, наконецъ Якимовичевы.

Каждая семья по прїѣздѣ своемъ представлялась князю Репнину и каждой объявлялся одинъ и тотъ же приказъ: сидѣть смиренно и тихо въ домѣ и ожидать своей участи!

Разумѣется, всѣ обитатели дома вскорѣ сжились вмѣстѣ, перестали радоваться тому, что у нихъ не было никакой работы, никакихъ занятій—и вскорѣ же начали скучать и томиться. Пуще всего томила ихъ неизвѣстность своей судьбы. Одна семья Сковоротскихъ была еще сравнительно бодрѣе и веселѣе: Марья и дѣти надѣялись, со словъ князя Репнина, увидаться съ Карлусомъ.

Отчасти была довольна и Анна съ Михайлой, избавившись отъ злой панны-старостихи. Что касается до Енриховыхъ, то они тосковали болѣе всѣхъ, оставивъ тамъ у себя на родинѣ хорошее хозяйство и достатокъ. Не менѣе скучали и были недовольны Дирихъ и Трина, тѣмъ болѣе, что однажды латышку съ дочерьми хотѣли было, по приказанію князя Репнина, исключить изъ числа содержащихся и отпустить на волю.

Случилось это послѣ того, что было дознано, что Трина не жена, а простая сожительница Дириха Сковоротскаго, что дѣвушки эти—дочери не Дириха, а ея безъ вѣсти пропавшаго мужа. И только отчаяніе и просьбы Дириха побудили начальство отстрочить изгнаніе.

Всѣ заключенные знали хорошо, что ихъ повезутъ въ Петербургъ или Москву. Но зачѣмъ ихъ повезутъ, что съ ними будетъ, что намѣрена московская царица сдѣлать съ ними—было совершенно неизвѣстно. На этотъ счетъ князь Репнинъ не проронилъ ни слова.

Сотни разъ приставали заключенные къ суровому, но доб-

рому Адаму Ивановичу—сказать имъ хоть что-нибудь насчетъ ихъ судьбы. Нѣмецъ только успокаивалъ своихъ заключенныхъ въ минуты ихъ отчаянія.

Онъ клялся даже, что ничего дурного имъ не предстоитъ, что положеніе ихъ въ Россіи никакъ не можетъ быть хуже того, въ которомъ они были. Кронъ божился, что ихъ не казнятъ, не накажутъ, не засадятъ въ острогъ,—но что, по всей вѣроятности, ихъ отвезутъ очень далеко и поселятъ гдѣ-нибудь въ маленькомъ русскомъ городкѣ, а можетъ быть гдѣ и въ деревнѣ. За то избы, и скотину, и землю—все дадутъ. Только прикажутъ строжайше держать языкъ за зубами и ничего о себѣ непристойнаго не разглашать.

Такимъ образомъ изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, существовала огромная семья родственниковъ нѣсколько мѣсяцевъ. Иногда на нѣкоторыхъ изъ нихъ нападало страшное уныніе.

Отъ праздности ли, или дѣйствительно отъ неизвѣстности своей судьбы, нѣкоторые изъ заключенныхъ иногда впадали въ полное отчаяніе и черезъ своего главнаго смотрителя Адама Ивановича начинали просить начальство отпустить ихъ домой.

Но на эти просьбы, разумѣется, не обращали никакого вниманія.

Только разъ узнали заключенные, что князь Репнинъ постоянно, почти каждую недѣлю ожидаетъ вѣстей изъ столицы российской о томъ, чтобы снаряжать всѣхъ въ дорогу.

Въ началѣ зимы имъ было объявлено, что они скоро поѣдутъ, но затѣмъ все снова пошло по старому и никакихъ сборовъ и приготовленій не было.

Въ концѣ ноября мѣсяца случилось наконецъ въ домѣ, гдѣ содержалась „оная фамилія“, нѣ котораго рода событіе, которое взволновало не только начальство, не только самихъ заключенныхъ, но и почти половину всего города.

Въ числѣ содержавшихся таинственныхъ для Риги незнакомцевъ было одно лицо, томившееся болѣе другихъ и неимѣвшее возможности примириться какъ съ своимъ положеніемъ, такъ и съ предстоящей судьбой, т. е. путешествіемъ въ Россію. Это была юная и предприимчивая Софья.

Красавица-дѣвушка была какъ-бы на особомъ положеніи, благодаря своему горячему нраву, а отчасти своей привлекательности. Ее одну три раза вызывали къ князю Репнину,

и начальникъ края бесѣдовалъ по-польски съ красавицей, шутилъ, рассказывалъ ей про Россію, ласкалъ ее, успокаивалъ и говорилъ, что она въ Москвѣ, по всей вѣроятности, найдетъ себѣ хорошаго жениха. При этомъ князь Репнинъ каждый разъ говорилъ по-русски своему адъютанту одно и то же, что Софья могла понять, такъ какъ уже изрядно училась мараковать по-русски.

Репнинъ удивлялся, насколько Софья была похожа на государыню.

Вслѣдствіе этого вниманія Репнина, и самъ надзиратель дома Адамъ Ивановичъ обращался съ Софьей ласковѣе. По крайней мѣрѣ, раза четыре въ недѣлю Софья бывала въ гостяхъ у него, просиживала до сумерокъ съ его женой и съ его дочерью, хотя сначала объясняться съ ними ей было мудрено. Она не говорила ни слова по нѣмецки, а жена Крона лишь съ усиленіемъ могла объясняться по-латышски. Оставался одинъ польскій языкъ, на которомъ онѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, объяснялись. Но вскорѣ Софья поразила всѣхъ своими успѣхами въ изученіи новыхъ для нея языковъ.

Проводя почти ежедневно по нѣсколько часовъ, какъ въ семьѣ Крона, такъ и въ бесѣдахъ съ другими нѣмцами, Софья быстро освоилась съ ихъ языкомъ и начала довольно изрядно объясняться. Русскій языкъ давался ей почему-то съ большимъ трудомъ, но и на немъ могла она вскорѣ говорить. Въ дѣвушкѣ, очевидно, оказалась врожденная способность къ ученію и легкая переимчивость.

Вслѣдъ за Сковоротскими пріѣхалъ въ Ригу и молодой латышъ. Панъ Лауренцкій далъ ганцу достаточно денегъ для того, чтобы онъ могъ не только доѣхать до Риги, но и поселиться въ ней.

Черезъ нѣсколько дней послѣ помѣщенія Марьи съ семьей въ домъ, гдѣ были уже Енриховы, Цуберка съумѣлъ повидаться съ своей возлюбленной и, затѣмъ, они стали свободно видаться очень часто, но всегда вечеромъ и ночью.

Заключенныхъ не пускали на улицу, но внутри двора и въ саду, гдѣ расчищались дорожки, они были совершенно свободны. Поэтому Софья могла всегда по вечерамъ долго гулять по саду, и осенью, и зимой, а Цуберка просто перелѣзалъ къ ней черезъ заборъ изъ переулка. Эти частыя свиданія, конечно, облегчали горькую участь и заключеніе для Софьи.

Разумѣется, влюбленные только и толковали о своей разстроеннейшей внезапно свадьбѣ и о томъ, какъ имъ быть и что предпринять... И, конечно, они долго ничего придумать не могли и рѣшили пока ждать, что будетъ. У пастуха было достаточно денегъ, чтобы предпринять путешествіе даже въ Москву, вслѣдъ за Софьей. Было рѣшено, что Цуберка поѣдетъ за Скворотскими, хотя-бы на край свѣта, и тамъ, гдѣ они поселятся, будетъ сыграна ихъ свадьба.

Адамъ Ивановичъ былъ слишкомъ искусный и опытный тюремщикъ, чтобы не знать ничего о свиданіяхъ Софьи съ какимъ-то богатыремъ-латышемъ, но, не зная, что это бывший объявленный женихъ ея, смотрѣлъ на это добродушно. Крону и въ умъ не могло прійти, чтобы красавица-дѣвушка, похожая на барышню, а не на крестьянку, могла быть влюблена въ нелѣпаго косолапаго парня, грязно одѣтаго и крайне глупаго на видъ.

„Просто отъ тоски болтаетъ она съ мужикомъ въ саду“, думалъ Кронъ.

Но тюремщикъ далъ маху и затѣмъ, вскорѣ, ему пришлось перемѣнить свое мнѣніе на счетъ невинной привязанности Софьи.

Побывавъ однажды, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ докладомъ у начальника, Адамъ Ивановичъ въ разговорѣ съ Репнинымъ коснулся чудной дружбы Софьи съ молодымъ латышемъ. Осторожный Репнинъ взглянулъ на это иначе. Вернувшись домой и вызвавъ къ себѣ дѣвушку, Кронъ объяснилъ Софьѣ, что она должна перестать видаться со своимъ пріятелемъ и что если его снова поймаютъ какъ-нибудь въ саду, то засаждать въ острогъ.

Это, конечно, страшно поразило Софью...

На ея заявленіе, что она современемъ надѣется выйти за него замужъ, такъ какъ онъ поѣдетъ за ней вслѣдъ въ Россію и куда бы то ни было, Кронъ изумился, испугался и заявилъ дѣвушкѣ, что она ошибается, что этого не позволять, что молодого малаго не пустятъ ѣхать вслѣдъ за ними, а въ случаѣ неповиновенія, арестуютъ.

Нѣмецъ объяснилъ Софьѣ, что какова будетъ ея судьба въ Россіи—никому неизвѣстно, что, можетъ быть, ее выдадутъ замужъ по распоряженію начальства, и что во всякомъ случаѣ врядъ ли ей позволятъ выйти за простого латыша-пастуха.

Предполагая, что привязанность Софьи все-таки самая дѣт-

ская, нѣмецъ не поцеремонился, и на другой же день, увидя возлюбленныхъ снова въ саду, онъ пригрозился немедленно арестовать Цуберку и засадить его въ острогъ. Этого было, конечно, достаточно для предприимчивой и горячей нравомъ Софьи.

Черезъ два дня она повидалась снова съ возлюбленнымъ и, такъ какъ онъ боялся перелѣзть черезъ заборъ, то влюбленные бесѣдовали черезъ скважину въ заборѣ. И здѣсь они рѣшили, что на другой же день, въ полночь, Цуберка подѣдетъ съ лошадьми, а Софья выйдетъ, и къ утру они будутъ уже вереть за пятьдесятъ отъ Риги.

XXV.

Искреннее и серьезное чувство Софьи къ дохабенскому богатырю, доброму, но глуповатому, можно было объяснить только постоянствомъ характера. Еще тамъ, прежде, въ Дохабенѣ и въ Вишкахъ, мало ли кто ласково и предупредительно обращался съ Яункундзе. Иные молодцы, сыновья богатыхъ семей въ Вишкахъ, красивые и ловкіе, совсѣмъ панычи на видъ, прямо ухаживали за ней. Помимо пана Лауренцкаго, уже пожилого и некрасиваго, одно время другой сосѣдъ панъ, не молодой, но пригожій на видъ, былъ тоже влюбленъ немного въ Софью. Наконецъ, здѣсь въ Ригѣ одинъ изъ офицеровъ, состоявшихъ въ стражѣ „оной фамиліи“, молодой, красивый малый, успѣлъ тоже серьезно влюбиться въ красавицу.

Но Яункундзе только и отводила душу въ бесѣдахъ съ другомъ дѣтства.

Въ домѣ Адама Ивановича часто Софья встрѣчала кое-кого изъ нѣмцевъ рижанъ. Одинъ юный остзеецъ, сынъ богатаго землевладѣльца, узналъ тайно отъ Крона всю правду про „оную фамилію“ и узналъ, что ихъ всѣхъ, вѣроятно, повезутъ въ Петербургъ или въ Москву къ царицѣ. Затѣмъ онъ узналъ, что Софья, по сказанію всѣхъ и самого князя Репнина, удивительно похожа на императрицу. Оный нѣмецъ и его отецъ сообразили и взвѣсили оба эти обстоятельства.

„Царица хочетъ всѣхъ приблизить къ себѣ. Что изъ этого можетъ произойти? Это дѣло не простое, и всякій умный человѣкъ долженъ въ этомъ совпаденіи заранѣе увидѣть серьез-

ныя послѣдствія. Пожалуй, что эта нынѣ заключенная крестьянка можетъ сдѣлаться выгодной невѣстой.

Отецъ посовѣтоваль сыну бывать чаще у Адама Ивановича и, встрѣчаясь съ Софьей, ухаживать за ней.

Но всѣхъ этихъ вздыхателей Софья, какъ въ Вишкахъ и въ Дохабенѣ, такъ и теперь, въ домѣ Адама Ивановича, всегда встрѣчала одинаково хладнокровно и иногда даже презрительно.

Ей дорогъ былъ одинъ богатырь-пастухъ, одинъ глуповатый Цуберка; его она любила и предпочитала всѣмъ. Въ Дохабенѣ, когда ей было всего только 12 лѣтъ, она часто цѣловала его, предварительно умывши, такъ какъ Цуберка былъ всегда чумазый. Теперь, въ Ригѣ, дѣвушка-красавица, положеніе которой измѣнилось здѣсь и должно еще болѣе измѣниться со временемъ, точно также требовала, чтобы ганцъ умывался всякій день, и оставалась вѣрна своему дѣтскому чувству. Мысль о разлукѣ съ Цуберкой камнемъ лежала у нея на сердцѣ.

Съ первыхъ дней прибытія въ Ригу и заключенія, она смутно обдумала свой будущій побѣгъ... И теперь она рѣшилась. Что ей московская столица!.. Что ей государыня и все, что сулятъ ей тамъ! Все это не стоитъ ласки дохабенскаго пастуха.

Въ условленный часъ, конечно, ночью, Софья, заранѣе расцѣловавъ мать, братьевъ, маленькую сестренку, которую за послѣднее время привыкла нянчить, тихонько вышла въ садъ. Перелѣзть черезъ заборъ, сѣсть въ маленькія санки Цуберки—было для Яункундзе, конечно, дѣломъ одной минуты.

Дорогіе, сытые кони пана Лауренцкаго, которыхъ Цуберка въ Ригѣ берегъ и кормилъ вволю, такъ подхватили сани и такъ помчали по столбовой дорогѣ влюбленныхъ бѣглецовъ, что у обоихъ духъ захватывало.

Дохабенскій ганцъ любилъ кататься всегда и часто проѣзжалъ коней пана Лауренцкаго, когда онъ ему это поручалъ. Поэтому Цуберка выучился лихо править и теперь онъ боялся только одного, какъ бы не разлетѣлись вдребезги его санки отъ лихой ѣзды...

Въ семь часовъ утра, Марья первая хватилась дочери и обратилась съ вопросомъ ко всѣмъ остальнымъ родственникамъ; всѣ стали ее искать по горницамъ и въ саду, спрашивать другъ у друга: „гдѣ Софья“. Вѣсть о розыскахъ

дошла до команды, до самого Адама Ивановича, и въ домѣ заключенныхъ все поднялось на ноги, съ именемъ Софьи на устахъ. Но сама бѣглянка была уже теперь далеко отъ Риги.

Къ несчастью для влюбленныхъ, Цуберка былъ глушь, а Софья была по юности своей недостаточно хитра и расчетлива.

Бѣглецамъ слѣдовало бы, конечно, своротить куда-нибудь на проселокъ, завернуть въ какую-нибудь деревушку и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока тревога не уляжется вполне. Slѣдовало бы, однимъ словомъ, поступить такъ, какъ когда-то поступили Якимовичевы. Вдобавокъ, на бѣду бѣглецовъ, рижское начальство обладало большими средствами, чѣмъ старостица Ростовская.

Когда князь Репнинъ узналъ, что единственная взрослая дѣвушка всей фамилии бѣжала, вдобавокъ, старшая дочь и любимица Карлуса Скворотскаго, который былъ давно уже въ Россіи, начальникъ невольно смутился самъ и разгнѣвался на подчиненныхъ.

Репнинъ имѣлъ свои собственныя свѣдѣнія о Карлусѣ, онъ зналъ, какая судьба постигла его въ Россіи, поэтому онъ могъ предвидѣть, какъ посмотритъ императрица на исчезновеніе взрослой дочери Карлуса, которой, быть можетъ, самодержица готовитъ особенную участь.

Въ перепискѣ съ Петербургомъ, раза два или три были запросы, касавшіеся исключительно этой Карлусовой дочери.

Разумѣется, князь Репнинъ тотчасъ поднялъ на ноги все, что только могло быть въ его распоряженіи.

Команды солдатъ, съ офицерами, верхомъ и въ саняхъ, разсыпались по всѣмъ дорогамъ и полетѣли такъ же быстро, какъ летѣлъ Цуберка съ возлюбленной. За поимку бѣглянки, князь Репнинъ обѣщалъ большое вознагражденіе.

За то Кронъ немедленно за недосмотръ потерялъ свою должность, былъ арестованъ и посаженъ въ тотъ самый острогъ, которымъ управлялъ тридцать лѣтъ въ качествѣ начальника.

Разумѣется, весь городъ при такомъ извѣстіи ахнулъ, и толки объ Кронѣ, о бѣгствѣ дѣвушки, и вообще говоръ, разсужденія и пересуды объ „оной фамиліи“ всполошили всю Ригу! Говорили, что Крона будутъ судить. Дошли до того, что говорили, будто бы Софью выкралъ посланецъ отъ само-го польскаго короля.

Всѣ эти слухи и вся эта болтовня, доходившая иногда до князя Репнина, наконецъ до такой степени взбѣсили его, что, по его приказанію, было арестовано съ десятокъ человѣкъ въ городѣ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ гербергахъ и полживныхъ. Разумѣется, съ болтунами ничего не сдѣлали, предполагалось только продержать ихъ подъ арестомъ нѣсколько дней и выпустить. Нужна была только острастка, чтобы прекратить всякое „всенародное вранье, статскихъ дѣлъ касающееся“.

Въ числѣ офицеровъ, добровольно вызвавшихся искать бѣглецовъ, былъ одинъ, недавно выздоровѣвшій и снова способный къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Это былъ офицеръ Пасынковъ, котораго такъ жестоко проучила старостиха Ростовская.

Пасынковъ былъ почти при смерти. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ онъ въ деревушкѣ, затѣмъ еле живой доставленъ въ Ригу и здѣсь, кое-какъ, поднялся на ноги. На его счастье, у него было шесть ранъ, но ни одна изъ нихъ не оказалась опасной. Пасынковъ былъ самый удалой офицеръ въ распоряженіи Репнина. Разумѣется, начальникъ принялъ его предложеніе и даже былъ увѣренъ, что именно Пасынковъ и розыщеть бѣглецовъ.

Офицеръ имѣлъ то преимущество передъ другими гонцами военачальника, что зналъ хорошо въ лицо не только Софью, которую видалъ у Крона, но и самого Цуберку. Онъ могъ при розыскахъ по дорогѣ и въ деревняхъ давать подробное описаніе личностей.

Получивъ въ команду шесть человѣкъ солдатъ на отличныхъ коняхъ, Пасынковъ лихо выскакалъ изъ городской заставы. Выборъ дороги зависѣлъ отъ него и, конечно, Пасынковъ взялъ ту, направленіе которой, по его мнѣнію, долженъ былъ взять глухой Цуберка.

Проскакавъ нѣсколько верстъ по большому тракту, Пасынковъ свернулъ на другой трактъ, который шель къ мѣстечку Видава. Цуберка однажды описывалъ Пасынкову въ бесѣдѣ: „какое это хорошее мѣсто это Видава, какъ тамъ дешево хлѣбъ и какіе добрые люди живутъ“. И теперь Пасынковъ рѣшилъ, что Цуберка навѣрно поскакалъ въ свою Аркадію.

Разсчетъ офицера оказался совершенно вѣренъ...

Начавъ разпросы въ деревняхъ по дорогѣ, Пасынковъ скоро напалъ на слѣдъ бѣглецовъ. Примѣты двухъ лицъ, ко-

торыхъ онъ искалъ, было давать легко. Отличные кони, одинъ сѣрый, другой гнѣдой, маленькія санки, молодой, бѣлобрысый латышь, богатырски сложенный, а съ нимъ молодая, красивая крестьянка, черная, какъ смоль, съ огненными глазами, съ румянцемъ во всю щеку и съ такими бровями, какихъ, быть можетъ, не было во всей окрестности. При такихъ примѣтахъ, во второй же деревушкѣ по пути Пасынкова, нѣсколько поселянъ заахали и закричали.

— Вотъ, вотъ... Они и есть!.. Они были, проѣзжали... Останавливались и молоко пили... Превеселые...

— А какъ кони... спросилъ Пасынковъ. Приустановились?..

— Да, пристали, быть отвѣтъ. Видно, что загнали... Должно, сразу шибко гнали... Кони хорошіе, а ужъ почти еле бѣгутъ.

„Ну вотъ и слава Богу!“ рѣшилъ Пасынковъ и двинулся далѣе.

Разумѣется, разстояніе между бѣглецами и погоней сокращалось все болѣе. Команда Пасынкова летѣла верхомъ, бѣглецы ѣхали на лошадахъ, которыхъ успѣли покормить только одинъ разъ за цѣлыя сутки. Команда скакала ровно, бѣглецы ѣхали все тише и наконецъ рѣшили, что надо отдохнуть цѣлую ночь и подумать, куда ѣхать далѣе.

Такимъ образомъ черезъ сутки послѣ того, что въ Ригѣ все поднялось на ноги отъ бѣгства самаго виднаго члена „оной фамиліи“, молодецъ Пасынковъ могъ накрыть глуповатаго пастуха и красавицу Яункундзе.

Въ одной изъ деревушекъ, на разсвѣтѣ, поселяне на разспросы Пасынкова прямо указали на избу, гдѣ остановились пріѣзжіе.

— Мы такъ и думали, такъ и почуяли, отозвались они, что это должно быть не простые проѣзжіе, а конокрады.

И тутъ же Цуберка и Софья, въ качествѣ конокрадовъ, были арестованы, посажены въ ихъ собственныя сани и подъ конвоемъ команды двинулись обратно въ Ригу. Разумѣется, обратный путь совершался тише и благоразумнѣе.

Пасынковъ накрылъ бѣглецовъ почти за сто верстъ отъ Риги и поэтому пришлось сдѣлать четыре остановки для измученныхъ лошадей. Но черезъ сутки послѣ ареста бѣглецы были доставлены во дворъ дома князя Репнина.

Князь только-что поднялся и кушалъ кофе. Вѣсть несказанно обрадовала его. Онъ настолько былъ радъ успѣху, что даже обнялъ Пасынкова и сказалъ ему два слова: „не забуду!“

Затѣмъ, вызвавъ молодую дѣвушку къ себѣ въ кабинетъ, князь Репнинъ долго бесѣдовалъ въ ней наединѣ. О чемъ была эта бесѣда—осталось всѣмъ совершенно неизвѣстно. Софья вышла отъ военачальника вся въ слезахъ, но болѣе или мѣнѣе спокойная. Тревога, въ которой она была всю дорогу послѣ ареста, у нея прошла; озлобленіе на неудачу тоже исчезло.

По приказанію князя, Софью, въ его собственномъ экипажѣ, отвезли обратно въ домъ, занимаемый „оной фамиліей“. Что касается до похитителя Цуберки, то онъ былъ препровожденъ въ городской острогъ, и здѣсь, въ тотъ же день, латышу объяснили, что въ этомъ ціатумсѣ (острогѣ) онъ познакомится съ московскими „жаггари“ (розгами), такъ какъ его указало начальство наказать. „крѣпчайше и нещадно“, для примѣра прочимъ.

Такое взысканіе „нещадное“ могъ выдержать только такой богатырь, какимъ былъ пастухъ Дохабена.

Когда Софья плакала горько, сидя съ матерью, но не винаясь въ своемъ побѣгѣ и обманѣ, въ то же время изъ острога до прохожихъ и проѣзжихъ долетали дикіе вопли. Казалось, завывала благимъ матомъ какая-нибудь огромная бѣлуга или револьтъ какой-то звѣрь.

Послѣ наказанія Цуберку выпустили на свободу, но заявили, что его будутъ бить и пороть каждый разъ, если его встрѣтитъ кто-либо изъ начальства на улицѣ города Риги.

— Такъ я лучше уйду! воскликнулъ Цуберка догадавшись.

— Лучше, дуракъ, лучше...

— А какъ же Софья-то?.. спросилъ подумавъ ганць.

На это нѣсколько человѣкъ отвѣчали глупому латышу только хохотомъ.

Ганць Цуберка двинулся и пошелъ...

Съ тѣхъ поръ никто въ Ригѣ богатыря-ганца не встрѣчалъ, а дохабенскій бобыль всю жизнь помнилъ рижскій „ціатумсѣ“ и московскія „жаггари“.

XXVI.

Зима проходила. Новаго не было ничего. Всѣ заключенные уныло и праздно проводили время. Одна Софья отъ горя и скуки со страстью училась по-нѣмецки и по-русски и уже владѣла обоими языками настолько хорошо, что могла легко

вести всякую бесѣду. Кронъ, прощенный Репнинымъ и вновь занявшій свою должность, былъ главнымъ учителемъ Софьи. Болѣе всѣхъ, однако, волновался князь Репнинъ.

— Ахъ, чортъ бы ихъ побралъ! Перемерли бы они что ли всѣ до одинаго! Когда меня отъ этихъ дикобразовъ избавятъ!

Вотъ что думалъ и говорилъ наединѣ секретарю своему главный начальникъ края, каждый разъ, что дѣло касалось „оной фамиліи“, содержащейся подъ его охраной и покровительствомъ. Князь Репнинъ, какъ царедворецъ, совершенно не зналъ, что ему дѣлать съ „фамиліей“, какъ себя вести, что позволять, и что запрещать. Въ своихъ отношеніяхъ къ заключеннымъ онъ боялся и въ ласкѣ, и въ строгости недосолить или пересолить. Того и гляди возбудишь недовольство какъ за чрезмѣрную строгость въ надзорѣ, такъ и за неумѣстную ласку или попеченіе о нуждахъ всѣхъ этихъ хлоповъ. Главное обстоятельство, затруднявшее и смущавшее Репнина, заключалось въ томъ, что онъ окончательно не зналъ—какъ намѣрена поступить царица.

Постоянно переписываясь съ близкимъ къ царицѣ лицомъ—Макаровымъ—князь Репнинъ получалъ отъ него, конечно, по личному указанію самой царицы, самые противорѣчивые указанія и совѣты. Иногда Макаровъ совѣтовалъ ничего не жалѣть для удобствъ, спокойствія „оныхъ персонъ“, входить въ ихъ нужды, всячески „покоить“ и „обласкивать“. И вдругъ, послѣ того, получалъ онъ отъ Макарова приказаніе имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы оныя персоны „не плодили толковъ, не пускали соблазнительныхъ о себѣ рѣчей“, и по-сему имѣть за всѣми неукоснительный, строгій надзоръ и бдительное око“, а въ случаѣ же какого ослушанія прибѣгнуть и къ примѣрному взысканію.

Примѣрное взысканіе! Кромѣ розогъ не было ничего для подаванія примѣра...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Макаровъ въ проложеніи шести мѣсяцевъ обнадеживалъ Репнина, что вскорѣ будетъ присланъ къ нему въ Ригу довѣренный человекъ, который, принявъ отъ него всю фамилію, повезетъ всѣхъ въ Петербургъ.

— Господи! Когда я ихъ съ своей шею сбуду! восклицала поэтому Репнинъ все чаще и отчаяннѣе.

Наконецъ, подъ новый 1726 годъ, князь получилъ извѣстіе отъ Макарова, что курьеръ Левъ Микулинъ ѣдетъ изъ Петербурга за всѣми персонами, въ Ригѣ содержащимися.

Дѣйствительно, въ концѣ января явился офицеръ Микулинъ и привезъ приказъ отпустить Христину Енрихову со всей ея фамиліей, мужемъ, дѣтьми и сродственниками. При этомъ наказывалось князю не жалѣть денегъ на все, имъ „въ дорогу потребное, какъ въ одеждѣ, такъ и въ прочемъ“...

Такъ какъ всѣ двадцать человѣкъ все еще ходили въ своемъ крестьянскомъ платьѣ, къ тому же и поношенномъ, то пришлось всѣмъ, отъ мала до велика, шить одежду—камчатную женщинамъ и суконную мужчинамъ.

Князь Репнинъ хлопоталъ отъ зари до зари и спѣшилъ всячески. Онъ какъ бы боялся, чтобы тамъ, въ Питерѣ, не раздумали, не отложили опять перевоза „оной фамиліи.“

— И опять вся эта орава останется у меня на плечахъ! говорилъ онъ. Помилуй Богъ!

За двѣ недѣли все было готово...

Сковоротскіе, Енриховы и Якимовичевы одѣлись съ головы до пятъ въ простое, но чистое платье. А Софья была даже особенно принаряжена, благодаря женѣ Крона. На ней было такое ситцевое розовенькое платьице и нѣмецкій передникъ на помочахъ и съ кармашками, что дѣвушку совсѣмъ узнать было нельзя. Красавица Софья стала совсѣмъ „hochgebogene Fräulein“, т. е. чѣмъ ее уже давно прозвали латыши Дохабена.

Всѣ, вновь одѣтые, перемѣнились и лицомъ. Мужчинъ и мальчиковъ остригли по-русски, уничтоживъ у однихъ латышскую прическу, у другихъ „натуральную“, дѣлаемую лишь при помощи десяти пальцевъ. А именно эта прическа и была у всѣхъ мальчишекъ Енриховыхъ и Сковоротскихъ.

Всѣ были нѣсколько тревожны, но довольны... Если предстоящее путешествіе въ „дальнія Россіи“, — думалось имъ всѣмъ, — началось съ шитья новаго платья и уплаты кой-какихъ долговъ, то очевидно не за тѣмъ, чтобы, по привозѣ въ столицу москалей, отрубить всѣмъ головы. Можетъ быть, затѣмъ увезутъ далеко отъ столицы, поселятъ на краю Татаріи, но все-таки дадутъ избы, земли, скотъ, рухлядь и всякую всячину.

Но въ средѣ бодро собиравшихся въ путь членовъ „оной фамиліи“ были два члена съ грустными лицами — Софья и Дирихъ. Яункундзе горевала, плакала, вздыхала по своему Цуберкѣ, котораго уже давнымъ-давно не видала, но все надѣялась какъ-нибудь увидѣть. Теперь, покидая Ригу, она

должна была, конечно, бросить всякую мысль не только о своемъ замужествѣ, но и надежду повидаться съ милымъ.

Софья знала, что послѣ „примѣрнаго взыскація“, которое примѣрилъ князь Репнинъ на дохабенскомъ ганцѣ, ея Цуберка, по собственной волѣ, немедленно покинулъ Ригу. По просту сказать, ганцъ бѣжалъ безъ оглядки отъ возлюбленной, которую ревниво охраняли теперь горячія московскія „жаггари“. Это обстоятельство нѣсколько ожесточало горе самолюбивой Яункундзе.

„Какое бы наказаніе ни было, думалось ей, какъ можно было такъ быстро поддаться, струсить и бѣжать. Если любишь—то розги не великая бѣда. Трусь ты — Цуберка. Да. Или мало любилъ меня.“

Софья, нѣсколько оскорбленной въ своемъ чувствѣ этимъ слабодушіемъ возлюбленнаго и его измѣной, казалось, что сама она, напротивъ, не уступила бы никакимъ угрозамъ и никакимъ пыткамъ.

Но это, разумѣется, только казалось наивной дѣвущкѣ, балованной до сихъ поръ всѣми: отцомъ, родней, паномъ, подругами, затѣмъ москалями-начальниками и наконецъ самой судьбой, которая всѣхъ заставляла ласково обращаться съ Софьей. Суровый Адамъ Ивановичъ и тотъ не устоялъ и всей душой полюбилъ дѣвущку. А теперь новый начальникъ въ предстоящемъ путешествіи, офицеръ Микулинъ, тоже какъ-то особенно сладко и милостиво, масляными глазами, поглядывалъ на Софью.

Другой горюющій членъ „оной фамиліи“, но горюющій страшно, искренно и глубоко—былъ Дирихъ.

Его разлучили съ Триной.

Князь Репнинъ, а равно и Микулинъ, разобравъ дѣло, рѣшили, что слѣдуетъ везти одного Дириха или, какъ стали называть его москалями—Фридриха. Что касается до его сожительницы-латышки и ея двухъ дочерей, то ихъ брать съ собой для представленія въ столицу было не только не нужно, но даже и не благопріостойно.

Въ виду страшнаго отчаянія Дириха при вѣсти объ разлукѣ съ Триной—князь Репнинъ, испугавшись, что „бѣлоглазый дуракъ“ наложить на себя руки отъ горя, рѣшился было обвинять Дириха съ Триной, заручившись ихъ обоюдной, формальной объ этомъ просьбой. Но оказалось, къ несчастію, что Трина не вдова, а жена въ „бѣгахъ обрѣтаю-

щагося“ хлопа. Мало того, послѣ тщательнаго разслѣдова-
нія оказалось, что законный мужъ Трины извѣстный въ краѣ
„заглись“ или воръ, сидящій въ острогѣ. Едва не рѣшился
сановникъ притвориться ничего не знающимъ о незаконномъ
сожителствѣ Дириха съ Триной и отправить ихъ какъ „яко-
бы вѣнчаннаго мужа съ женой“, но при условіи не брать
двухъ ея дочерей.

— Ступай одна, предложилъ ей Микулинъ. А дѣтей оставь
здѣсь. Если позволять,—мы ихъ выпишемъ въ столицу.

Трина заявила, что она съ своими дочерьми ни за что не
согласна разстаться и предпочитаетъ разлуку съ Дирихомъ.

Хитрая латышка перехитрила, думая, что москали, изъ по-
печительности о Дирихѣ, согласятся захватить и ея дочерей.

Кончилось тѣмъ, что Тринѣ было заявлено, чтобы она не-
медленно, получивъ десять рублей на дорогу, покинула Ригу
и уходила на всѣ четыре стороны.

Бѣдный Дирихъ былъ почти убитъ...

XXVII.

Наконецъ столь желанный и счастливый день для имени-
таго начальника князя Репнина насталъ.

— Слава тебѣ Господи!... крестился онъ на образа у себя
въ кабинетъ,—сбылъ я эту треклятую фамилію!.. Замерзши
она въ дорогѣ, провалился подъ ледъ при переправѣ, или
разбѣгись въ пути—все мнѣ едино и до меня не касается!..
Сбылъ съ рукъ!.. Слава Создателю.

Изъ Риги выѣзжалъ цѣлый поѣздъ въ 17 подводъ. Помимо
двадцати безъ малаго лицъ, изъ которыхъ состояла „она
фамилія“, ѣхала команда въ 12 человекъ вооруженныхъ сол-
датъ при двухъ офицерахъ, подъ главнымъ начальствомъ
петербургскаго курьера Микулина.

Въ числѣ этихъ двухъ офицеровъ былъ и Пасынковъ, вы-
званный снова самъ провожать путниковъ.

Нѣсколько подводъ, не простыхъ розвальней, а полугород-
скихъ саней, вновь состроенныхъ, занимали три семьи. Вме-
реди всю дорогу ѣхали Сковоротскіе, за ними Енриховы и
затѣмъ Якимовичевы. Во главѣ поѣзда и въ хвостѣ двигались
команды съ офицерами. Микулинъ ѣхалъ въ отдѣльныхъ са-
няхъ, позади всѣхъ. Онъ хорошо понималъ совѣтъ князя
Репнина:

— Смотри въ оба: ѣдутъ многіе неохотливо... Какъ бы кто у тебя не утекъ!

Разумѣется, пуще всѣхъ отрекомендовалъ князь въ этомъ отношеніи Софью и Фридриха. По отношенію къ послѣднему, князь былъ правъ; что касается до Софьи, то она слишкомъ была оскорблена малодушіемъ своего возлюбленнаго, у котораго „жаггари“ выстегали долготѣтную любовь.

Софья не знала, какое искреннее убѣжденіе вынесъ Цуберка, что отъ москалевыхъ „жаггари“ никакая любовь не уступитъ.

По отношенію къ Дириху, Репнинъ оказался правъ. Не проѣхали путники сотни верстъ отъ Риги, какъ Дирихъ, хотя глупо и неловко, но уже два раза пытался бѣжать.

Однажды, при проѣздѣ черезъ густой лѣсъ, Дирихъ просто выскочилъ изъ саней, бросился въ чащу и исчезъ въ рыхломъ снѣгу. Цѣлый часъ ловили его солдаты по сугробамъ, какъ какого звѣря и, разумѣется, въ концѣ концовъ все-таки загнали къ санямъ. Разумѣется, всѣ они были недовольны и жаловались.

— Проклятый заяцъ... ворчали солдаты. Только перемочились и перемерзли всѣ изъ-за него.

Въ другой разъ Дирихъ на привалѣ тоже пропалъ и забился въ сосѣднемъ сѣновалѣ подъ сѣно. Опять нѣсколько часовъ искали его по всей деревушкѣ и только Пасынкову пришлось на умъ искать на сѣновалахъ.

При этомъ, конечно, пришлось перетрясти все сѣно всей деревни и въ одномъ изъ сараевъ накрыли почти ужъ задохнувшагося бѣглеца.

На этотъ разъ Микулинъ сталъ подумывать, хотя и съ боязнию, но беря ужъ на собственную отвѣтственность: не связать ли Дириха по ногамъ.

„Можетъ быть, за это зададутъ мнѣ трезвону въ столицѣ... думалъ онъ—да что же дѣлать! Если этакъ на каждомъ привалѣ или по пути ловить этого дурака, то вдвое долѣе проѣдешь, да и народъ замучаешь...“

Члены „оной фамиліи“, двигавшіеся по большому тракту на Псковъ, съ поклажей и съ провизіей, съ конвоемъ солдатъ, вѣжливо обращавшихся съ ними, и даже съ дѣтьми, выглядѣли теперь совершенно иначе.

Всѣ были чище одѣты, чѣмъ прежде, даже будто, казалось, всѣ были чище лицомъ. Недаромъ ихъ три раза кряду

передъ отъѣздомъ водили всѣхъ въ баню, недаромъ было отпущено изрядное количество казеннаго мыла. Наконецъ, всѣмъ было роздано на дорогу приличное теплое платье и теплыя шапки съ наушниками.

Путники двигались по подорожной, выданной курьеру Льву Микулину изъ московской канцелярии на его собственное имя „съ будущими“, состоящими изъ 18-ти человекъ. Путники не были названы поименно, а продолжали называться „персонами оной фамиліи“.

Въ личныхъ сношеніяхъ, какъ солдаты, такъ и офицеры, уже называли путниковъ совершенно иначе. Тутъ ѣхали Марья Ивановна и Софья Карлусовна Скворотскія, Христина и Анна Самойловны и, наконецъ, еще разъ пробовавшій на привалѣ бѣгать, въ надеждѣ улизнуть отъ москалей, Фридрихъ Самойловичъ Скворотскій. Этого послѣдняго Микулинъ и Пасынковъ заглазно называли съ досадою: „Чортъ Самойловичъ“.

Путь „оной фамиліи“ въ столицу продолжался мирно и тихо, безъ особенныхъ событій, такъ какъ послѣ третьяго побѣга „Чорта Самойловича“ ему наконецъ рѣшились надѣть пути и ужь не снимали вплоть до Ижоры.

Только одна новость была среди поѣзжанъ, но новость эта была пустая, всѣ поѣзжане знали это, подшучивали и посмѣивались. За неимѣніемъ другихъ разговоровъ, это было единственное, что занимало всѣхъ на привалахъ.

Новость заключалась въ томъ, что господинъ офицеръ Пасынковъ сильно ухаживалъ за Софьей Карлусовной, ѣхалъ съ ней уже въ однѣхъ саняхъ и былъ дѣйствительно влюбленъ въ Дохабенскую Яункундзе безъ памяти. Но что было всего удивительнѣе, что Софья за этотъ долгій путь, немного утомительный и хотя однообразный, но для нея все-таки полный впечатлѣній, много измѣнилась нравомъ, стала веселѣе, снова громче смѣялась милымъ серебрянымъ смѣхомъ и на ухаживаніе молодца-офицера отвѣчала снисходительно, т. е. кокетничала съ нимъ.

Когда же поѣздъ приближался къ столицѣ и былъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, то на одномъ изъ приваловъ, украдкой отъ всѣхъ, Пасынковъ горячо объяснился красавицѣ въ любви.

Но Яункундзе отвѣчала лукаво: „Это мнѣ большая честь. Но вы офицеръ, а я крестьянка и потому не смѣю любить васъ“.

Какимъ образомъ все случилось, Пасынковъ самъ не понималъ и даже смущался нѣсколько. Съ этой обворожительной и ласковой дѣвушкой шутить ему, простому офицеру, не приходилось.

Софья основала свою ласковость, т. е. кокетство съ Пасынковымъ, на оскорбленіи и на ненависти, которую питала теперь къ Цуберкѣ. Ей казалось, что во всемъ мірѣ не было и не будетъ такого человѣка, котораго бы она такъ искренно и глубоко ненавидѣла, какъ ганца Цуберку, измѣнившаго ей изъ-за нѣсколькихъ розогъ.

Въ теплый, почти весенній, мартовскій день, при яркомъ солнцѣ, по тающему желтому снѣгу, длинный поѣздъ „оной фамиліи“ прибылъ въ Стрѣльну, маленькую мызу въ нѣсколько домиковъ, и здѣсь временный, на сутки или на двое, привалъ, оказался не приваломъ, а прибытіемъ. Здѣсь, по распоряженію, полученному изъ Петербурга Микулинымъ, „оная фамилія“ остановилась надолго.

Прошелъ одинъ мѣсяцъ, потомъ другой, потомъ третій, было уже уже лѣто жаркое, а всѣ „персоны“, привезенныя изъ Риги, продолжали пребывать въ Стрѣльнѣ, размѣщенныя въ просторномъ домѣ. Всего у нихъ было вдоволь и всѣ они были довольны и веселы. Мѣстопробываніе ихъ была та же деревня, но получше Дохабена или Кегемы.

Постоянный гость и общій ихъ любимецъ, офицеръ Пасынковъ, часто привозилъ въ Стрѣльну изъ Питера хорошія и все лучшія извѣстія. Наконецъ, однажды, явился Пасынковъ и, подъ величайшимъ секретомъ, сообщилъ Софьѣ наединѣ, что утромъ въ Стрѣльну будетъ самъ Карлусъ Самойловичъ, ея отецъ.

— Какъ? Отецъ? ахнула Софья и чуть не бросилась на шею къ офицеру.

— Да, сама государыня его принимала и посылаетъ сюда.

Разумѣется, Софья не утерпѣла и передала извѣстіе матери. Марья Скворотская, мечтавшая о свиданіи съ мужемъ всю дорогу и за все время пребыванія въ Стрѣльнѣ — чуть не упала безъ памяти на полъ. Черезъ часъ вся „фамилія“ знала секретъ офицера. Когда къ дому подѣхалъ на утро „баринъ“, то всѣ бросились къ нему на встрѣчу, узнавъ Карлуса.

XXVIII.

Разумѣется, свиданіе Карлуса съ женой и дѣтьми стало въ Стрѣльнѣ праздникомъ. Но сумятица и веселье продолжались недолго, такъ какъ чрезъ два дня обитатели Стрѣльны несказанно перепугались. Они были оповѣщены прибывшимъ изъ Петербурга Микулинымъ, чтобы готовились къ посѣщенію самой государыни, которая желаетъ лично ихъ всѣхъ повидать.

Всѣ персоны „оной фамиліи“ сразу притихли и смутились. Заглазно они очень храбро разсуждали о Мартѣ, теперь же, ожидая прибытія русской царицы, совершенно растерялись. Одинъ Карлусъ Самойловичъ успокаивалъ сестеръ и жену, увѣряя, что государыня настолько ласкова и добра, что бояться ея совсѣмъ не приходится.

Впрочемъ, Христина была сравнительно спокойна. Она помнила хорошо свое рижское свиданіе. Фридрихъ Самойловичъ былъ совершенно спокоенъ, но потому только, что за послѣднее время какъ-то совсѣмъ опустился умственно, и глядѣлъ на все и всѣхъ не то разсѣяннo, не то бессмысленно. Его разсудокъ, казалось, отсутствовалъ и былъ теперь тамъ же, гдѣ неизмѣнно пребывало и сердце, т. е. съ Триной. Дѣйствительно, Дирихъ отъ зари до зари думалъ и говорилъ только о Тринѣ; горевалъ о прежней своей житейской долѣ, объ утраченномъ на вѣки счастьѣ. Насильственная разлука съ единственнымъ въ мірѣ существомъ, которое онъ любилъ, его какъ бы пришибла.

Болѣе всѣхъ волновалась Софья. Ей не хотѣлось показываться царицѣ таковой же, каковы всѣ они были, по словамъ отца.

— Ты, ничего, не бойся, успокоивалъ дочь Карлусъ. Ты вѣдь и тамъ, въ Вишкахъ, была — Яункундзе!.. А вотъ вы всѣ — совсѣмъ мужики неотесанные, прибавлялъ Карлусъ, весь день оглядывая родню свою. Не знаю ужъ, какъ съ вами быть. Никуда васъ выпустить нельзя. Срамъ одинъ отъ васъ будетъ въ столицѣ.

Дочь свою Карлусъ искренно и самоувѣренно успокаивалъ и обнадеживалъ. Любимица дочь дѣйствительно казалась ему „отметнымъ сободемъ“ около матери и тетокъ. Карлусъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что дѣвушка за время ихъ разлуки

какъ-то выправилась, стала и красивѣе, и бойчѣе, и рѣчистѣе, да вдобавокъ и держала себя не какъ простая крестьянка. Софья не голосила крикливо въ разговорѣ, какъ Анна, и не махала при этомъ руками, какъ Христина. Она была степеннѣе, сдержаннѣе и на видъ благовоспитаннѣе.

Разумѣется, родительскому сердцу Карла Самойловича это было чрезвычайно лестно и приятно.

— Гдѣ ты это навострилась? спрашивалъ онъ дочь, готовя ее къ встрѣчѣ съ царицей и обучая, какъ ей отвѣчать, кланяться, стоять или сидѣть во время предстоящаго свиданія.

Софья быстро все усваивала, что отецъ говорилъ, а иногда даже перечила отцу, находя иные его совѣты не совсѣмъ дѣльными и умѣстными.

— Скажи на милость, восклицалъ самодовольно Карлусъ. Сама знаетъ! Вѣдь это ты вѣроятно въ Ригѣ у вашего надзирателя Адама Иваныча такой важности нахвталась.

— Да, сознавалась Софья. Его жена меня часто журила и обучала. Да тамъ бывали тоже барыни разныя и офицеры. Я все приглядывалась, какъ они промежъ себя обращаются. Бывало, всякій день что-нибудь новое увидишь и узнаешь.

— Молодецъ дочка! Ей Богу... радовался Карлусъ... Тебя прежде въ шутку прозвали барышней, а теперь ты и взаправду барышня.

— Да я вѣдь, тятя, еще у тебя въ гостиницѣ въ Вишкахъ ко всякимъ проѣзжимъ такъ присматривалась, объяснила Софья.

— Яункундзе, восклицалъ Карлусъ съ восторгомъ, Яункундзе!

Наконецъ, всего болѣе удивило Карлуса то диковинное обстоятельство, что дочь за полгода пребыванія въ Ригѣ выучилась изрядно понимать и совсѣмъ свободно объясняться какъ по-русски, такъ и по-нѣмецки. Когда онъ насильственно разстался съ семьей, Софья знала только одинъ польскій языкъ.

Самому Карлусу, благодаря пребыванію въ гостиницѣ, русскій языкъ былъ, конечно, не чуждъ, теперь же онъ началъ говорить по-русски очень порядочно. За то же онъ по себѣ зналъ, что выучиться новому языку очень мудрено. А тутъ вдругъ дочь, которой еще только 17-тъ лѣтъ, въ полгода заговорила почти свободно на языкахъ, изъ которыхъ знала прежде только десятка два-три словъ.

— А по-нѣмецки ты какъ же болтаешь? Лучше или хуже,

чѣмъ по-русски? допытывался отецъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— Не знаю. Кажется, одинаково, усмѣхалась Софья. По-русски я со многими въ Ригѣ говорила. А по-нѣмецки только съ Крономъ, да съ однимъ нѣмцемъ, который хотѣлъ на мнѣ даже жениться...

— Все можешь, стало быть, понять! А сама то, сама какъ изъясняешься? Путаешь и свои слова сочиняешь...

— Нѣтъ. Зачѣмъ? весело смѣялась дѣвушка. Свои слова никто не пойметъ...

— А по-латышски не забыла? Нашлось съ кѣмъ говорить? Съ тѣмъ, съ кѣмъ бѣгала? подшучивалъ отецъ, знавшій теперь отъ жены исторію побѣга Софьи изъ Риги.

— По-латышски я забыла! иносказательно, но не улыбаясь отзывалась дѣвушка. Я зла на латышскій языкъ. Онъ предатель... Не стоитъ его помнить.

Наконецъ, однажды въ полдень, въ Стрѣльну вѣхалъ одинъ крытый блестящій рыдванъ четверней и остановился около дома, гдѣ жили пріѣзжіе изъ Риги личности.

На козлахъ былъ офицеръ Микулинъ и помимо его—ни конвоя, ни свиты. Соскочивъ съ козелъ и отворивъ дверцу экипажа, офицеръ помогъ выйти изъ него невысокой и полной женщиной въ темномъ платьѣ. Не румяное, а красноватое и пухлое лицо, немного заплавышіе глаза, высокая грудь, вообще, дородность всего тѣла—изобличали сразу пожилую и полнокровную женщину, ведущую сидячій образъ жизни... Это была государыня Екатерина Алексѣевна, пріѣхавшая съ величайшими предосторожностями и подъ строгимъ инкогнито.

Даже могущественный и всесильный временщикъ Меншиковъ не зналъ теперь, что царица поѣхала на свиданіе въ Стрѣльну.

Весь домъ зашумѣлъ, конечно, сразу и переполошился, принимая пріѣзжую. Всѣ обитатели отъ мала до велика, за исключеніемъ исчезнувшей Софьи, собрались въ одну горницу и стояли кучей, неловко переминаясь съ ноги на ногу передъ сидящей въ креслѣ государыней. Всѣ уже подошли къ ручкѣ, всѣ поочереды назвались или были названы Микулинымъ, и cadaго оглядѣла царица со вниманіемъ.

Долѣе всѣхъ оглядывала она Фридриха Самойловича и послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, на которые бѣлоголовый и бѣлоглазый ящикъ отвѣчалъ трусливо, совсѣмъ не то, что его спрашивали, государыня едва замѣтно вздохнула. Будто мысленно

порѣшила она что-то грустное. За то еще ласковѣе взглянула она на Карла Самойловича. Съ Христиной царица переглянулась какъ со старой знакомой, просто и добродушно, и замѣтила, что Енрихова помолодѣла со времени ихъ свиданія въ Ригѣ.

Наконецъ, Карлъ Самойловичъ, послѣ представленія троихъ сыновей, Антона, Мартына и Ивана, и двухъ крошекъ-дѣвочекъ, разыскалъ въ другой горницѣ сильно смущенную дочь и подвелъ Софью къ царицѣ. Государыня широко раскрыла глаза, двинулась и вдругъ радостно воскликнула, протягивая Софѣ руку:

— Вотъ хорошо... Lieber Gott! Какъ я рада! Ахъ, какъ я рада. Какъ это хорошо!

Софья поцѣловала второй разъ протянутую ей руку и зарумянилась отъ радости.

Что означало это восклицаніе, вырвавшееся какъ-бы невольно у царицы, никто, конечно, знать не могъ. Но Карлусъ и Софья сердцемъ почували, что это восклицаніе много значитъ. Долго царица глядѣла на смущенную Софью и молчала.

— Да вѣдь она на меня похожа!.. выговорила она наконецъ, обращаясь къ Карлусу. Очень похожа на меня... Какъ я этому рада... Поцѣлуй меня.

И государыня съ чувствомъ обняла и поцѣловала нѣсколько разъ въ лицо совершенно потерявшуюся отъ волненія дѣвушку.

— Да, совсѣмъ похожа!.. шептала государыня и голосъ ея упалъ, тоже отъ волненія и прилива чувства.

У Софьи появились на глазахъ слезы отъ восторга и трепета. Она сама теперь увидѣла, что она какъ родная дочь похожа на русскую царицу.

— Она у меня красавица... промолвилъ съ гордостью Карлъ Самойловичъ. Ее у насъ въ деревнѣ прозвали давно Яункундзе, что значитъ...

— По-латышски? Знаю! улыбнулась государыня. Меня такъ звала прислуга. Да, красавица ты, Софья. И я была такая!.. Я на тебя гляжу какъ въ зеркало! Это я... Я—какая была въ то время... Я хороша была!..

Но вдругъ Екатерина смолкла, подняла руку къ лицу и провела ею по глазамъ, гдѣ блеснули тоже крупныя слезы.

Софья плакала отъ того, что смутно рисовалось ей въ недалекомъ будущемъ, благодаря ласкѣ царицы...

Она, царица, заплакала отъ того, что промелькнуло вдругъ

въ ея воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, давно пережитомъ, но вѣчно миломъ... Сразу возстали въ ея памяти тѣ свѣтлые и дорогіе дни, когда была она военно-плѣнной, рабой русскихъ войскъ, звалась Мартой Василевской и впервые встрѣтила молодого и статнаго офицера московскаго войска, именовавшагося Петромъ Михайловымъ... Она полюбила его, не зная, кто и что онъ...

Государыня, вполне овладѣвъ собой, подавила въ себѣ невольную грусть и снова, пытливо и ласково вмѣстѣ, заговорила съ Софьей.

Карлъ Самойловичъ тотчасъ вставилъ свое словечко, возымѣвшее въ одинъ мигъ огромное значеніе и повліявшее, быть можетъ, на всю судьбу его дочери.

— Она недавно обучилась русскому языку, сказалъ Карлусъ. А то прежде знала только нѣсколько словъ. Въ Ригѣ и здѣсь обучилась. Да и заразъ двумъ языкамъ обучилась. И по-нѣмецки тоже болтаеть...

— По-нѣмецки? Ты говоришь по-нѣмецки? сразу оживившись, воскликнула государыня и, взявъ Софью за руку, потянула къ себѣ ближе.

— Да, немного... пролепетала Софья.

— Но понимаешь все хорошо?..

— Да, понимаю...

— Ты можешь все говорить и все понимаешь? быстро произнесла государыня уже по-нѣмецки.

— Да. И по-нѣмецки мнѣ какъ-то легче говорить, чѣмъ по-русски! отозвалась Софья на томъ же языкѣ.

— И нѣмецкая бесѣда съ царицей продлилась нѣсколько минутъ.

Государыня, оживляясь и съ видимымъ удовольствіемъ, стала разспрашивать дѣвушку о Ригѣ, о ихъ долгомъ путешествіи. Софья отвѣчала подробно и два раза разсмѣшила царицу своими остроумными замѣчаніями.

Черезъ полчаса императрица простилась со всѣми и вышла изъ дому, но вслѣдъ за ней вышла и сѣла вмѣстѣ съ ней въ тотъ же рыдванъ на-скоро собранная въ путь—Софья Карлусовна.

— Ты будешь жить со мной, около меня и называться фрейлиной... сказала государыня, увозя свой двойникъ. Фрейлиной ты будешь для всѣхъ! А я тебя стану звать Яункундзе. Это слово будетъ напоминать мнѣ Крейцбургъ и мое дѣтство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ Петербургѣ, которому еще не было 25 лѣтъ существованія, были уже хорошіе каменные дома. Неподалеку отъ дворца, гдѣ жила императрица и который помѣщался между густымъ садомъ и лугомъ, въ противоположномъ концѣ этого обширнаго луга стоялъ другой большой домъ, уже выходя на берегъ Невы.

Домъ этотъ принадлежалъ иностранцу, офицеру русской службы, адмиралу фонъ-Крюйсу.

Большое зданіе неправильной формы отличалось отъ сосѣднихъ домовъ своими размѣрами, и въ особенности высокой угловой башней или каланчой со шпиремъ, на которомъ развѣвался адмиральскій флагъ. Въ этомъ же домѣ была единственная церковь, въ которую могли прійти помолиться многочисленные иностранцы, уже переполнявшіе новую столицу-портъ.

Осенью 1726 года, когда „оная фамилія“ была уже давно на Стрѣльнинской мызѣ—домъ этотъ былъ купленъ казною у Крюйса и въ немъ началась перестройка, а затѣмъ дѣятельная работа внутри, по всѣмъ горницамъ двухъ этажей. Домъ отдѣлывался на казенный счетъ, богато и роскошно. Нѣсколько „голландокъ“, т. е. печей фигурныхъ и блестящихъ пуще бѣлаго мрамора, пріѣхали для этого дома на корабляхъ изъ Амстердама. Маленькія печурки и камельки пріѣхали цѣль-

ными, а большія, конечно, въ изразцахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ кораблей же появилась и будущая обстановка дома: мебель, зеркала и всякая утварь.

Все, въ эти времена заходясь въ Петербургъ, приходило изъ за моря и получалось въ это, только что прорубленное „окно“ прямо изъ Европы... Попасть самому, благополучно съѣздить, или послать купить было гораздо легче „по морю“, чѣмъ „по суху“. Достигнуть до береговъ Нѣмци, Даніи, Швеци, было гораздо удобнѣе, вѣрнѣе, спокойнѣе и дешевле, чѣмъ по непроходимымъ топямъ, трясинамъ и болотамъ добраться до столицы Русской Имперіи. Да тамъ, въ Москвѣ, и не найдешь въ продажѣ ничего такого, что нужно для обстановки богатаго дома.

У тамошнихъ баръ и сановниковъ есть, конечно, все, но все это руками ихъ крѣпостныхъ дѣлается и валяется ловко и искусно, но для себя, а не на продажу:

Къ концу 1726 года, домъ, за которымъ надолго осталось въ народѣ имя его перваго владѣльца: „Кройсовъ домъ“, былъ готовъ, стоялъ и сіялъ, являясь взорамъ обывателей „съ иглочки“.

Сюда-то вотъ, подъ самое Рождество, и пріѣхалъ поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ возковъ и саней... Онъ привезъ цѣлыхъ три семейства, которыя размѣстились въ богатомъ домѣ.

Но настоящій хозяинъ этого дома былъ собственно одинъ изъ пріѣзжихъ—господинъ Карлъ Самойловичъ Сковороетскій. Ему подарены были на словахъ эти палаты самой государыней.

Когда всѣ пріѣзжіе вошли въ домъ и вступили въ длинную амфиладу гостиныхъ, гдѣ повсюду блестѣла позолота, гдѣ на встрѣчу къ нимъ вышли вереницы лакеевъ и гайдуковъ, съ низкими поклонами—всѣ члены „оной фамиліи“ оторопѣли. Они молчаливо двигались, останавливались, молча толклись на одномъ мѣстѣ гурьбой и опять, не проронивъ ни слова, двигались далѣе...

По всѣмъ комнатамъ, навстрѣчу къ нимъ или рядомъ, тоже появлялись и двигались какія-то кучки людей, мужчинъ и женщинъ, съ дѣтьми, и всѣ въ темномъ дорожномъ платьѣ, съ угрюмыми или сильно смущенными лицами. Эти кучки скользящихъ людей казались привидѣніями...

И не всѣ члены „оной фамиліи“, а только Анна и Марья

Сковоротская тотчас сообразили, кто это или что это ходить въ домѣ около нихъ такой же кучей, какъ и они сами.

Дирихъ робѣлъ болѣе всѣхъ, даже болѣе дѣтей, встрѣчая по всѣмъ горницамъ этихъ странныхъ обитателей дома, потому что онъ видѣлъ и понималъ, что это не живые люди, да кромѣ того, не смотря на полусумракъ вечера, онъ хорошо разглядѣлъ въ этой скользящей кучкѣ одну страшную фигуру... Такого же Дириха, какъ и онъ самъ. И однажды тотъ Дирихъ, близко подойдя къ нему, такъ глянулъ на него, что этотъ пугливо отскочилъ въ сторону... Но и тотъ мгновенно тоже спрятался въ кучку своихъ...

Достигнувъ горницы, гдѣ были кровати, на которыхъ висѣли съ потолка занавѣси, „оная фамилія“ размѣстилась какъ пришлося... „Гдѣ ужъ тутъ разсуждать, кому куда итти... Завтра видно будетъ. Утро вечера мудренѣе!“

Одинъ Карлъ Самойловичъ весело и даже важно оглядывалъ всѣ горницы. Ему, уже побывавшему во дворцѣ у царицы и дочери, были не диковиной ни золотыя кресла, ни стѣнные зеркала, изъ которыхъ глядѣлъ на него гордо и самодовольно „Цара-брались“, т. е. царскій братъ. Впрочемъ господинъ Карлъ Самойловичъ Сковоротскій, въ качествѣ трактирнаго служителя, видалъ уже подобное зеркало, хотя сровнительно и маленькое, въ „васибасъ-намсъ“ мѣстечка Вишки.

Плохо проспавъ ночь на новомъ мѣстѣ, сугубо и стократно „новомъ“ для всѣхъ трехъ семействъ—всѣ члены „оной фамиліи“ уже болѣе бодро и смѣло обошли на утро весь Крюковъ домъ сверху до-низу.

Пока „оная фамилія“ содержалась въ Стрѣльнѣ, въ столицѣ, конечно, знали объ ея пріѣздѣ и мѣстопребываніи. Но такъ какъ всѣ они содержались въ сокровенности и такъ какъ царица была въ Стрѣльнѣ только одинъ разъ, при соблюденіи строжайшаго инкогнито, то въ Петербургѣ толковали о пріѣзжихъ съ осторожностью, боясь, что бесѣды о нихъ будутъ сочтены „государственнымъ враньемъ“.

— „Оная фамилія“ пребываетъ въ Стрѣльнѣ! говорили всѣ, но никто еще не смѣлъ иначе называть пріѣзжихъ изъ Риги. „Оная фамилія“ состоитъ изъ многихъ персонъ, говорили городскіе всезнайки.

Наконецъ, однажды въ городѣ узнали, что одна персона изъ „оной фамиліи“ уже появилась во дворцѣ.

Оказалось, что это былъ Карлъ Самойловичъ, человѣкъ уже не молодой. Оказалось, что Карлъ Самойловичъ проживалъ гдѣ-то около Москвы, что онъ былъ уже давно, проѣздомъ, въ Петербургъ, повидался съ государыней и опять уѣхалъ, а теперь снова появился въ Питерѣ.

Наконецъ, однажды Петербургъ, отъ царедворца до послѣдняго обывателя, зашумѣлъ отъ неожиданной новости: другая персона изъ „оной фамилии“ появилась во дворцѣ. Она жила въ апартаментѣхъ рядомъ съ государыней, пользовалась всякими льготами и вообще была на правахъ члена царской фамилии. Къ тому же эта персона была молодая дѣвушка, очень красивая особю, а къ довершенію всего было одно удивительное обстоятельство. Тѣ, кто помнили царицу въ молодости, удивлялись и ахали тому, что родная дочь не могла бы такъ походить на мать, какъ появившаяся персона изъ Стрѣльны походила на царицу.

Вскорѣ послѣ этого произошло и переѣздъ стрѣльнинскихъ обывателей въ столицу. Въ Петербургѣ были теперь три семейства: братья Скавронскіе, ихъ сестра Генрихова съ семьей, и другая сестра Ефимовская съ семьей.

Послѣ многихъ совѣщаній съ людьми учеными, государыня сама, официально, дала эти три фамиліи. Какъ старый знакомый Карла Самойловича и почти главный виновникъ его похищенія и привоза въ столицу, магнатъ графъ Салтъга былъ тоже спрошенъ государыней относительно того, какую фамилію дать.

Салтъга объяснилъ, что эти прозвища Скворощанковъ, Скворотскихъ и Скворонскихъ, неправильны. Все это вѣроятно извращеніе настоящей фамиліи, и надо думать, что фамилія отца была: Скавронскій, происходя отъ польскаго слова „skawronek“, что значить „жаворонокъ“. Что касается до фамиліи двухъ сестеръ, то онѣ очевидно происходятъ отъ двухъ мужскихъ именъ: Генриха и Якима, или въ просторѣчїи Ефима, слѣдовательно правильнѣе называться имъ: Генриховыми и Ефимовскими.

Всѣ эти три семьи зажили такъ смиренно въ своемъ домѣ, что о нихъ скоро перестали говорить, перестали интересоваться ими. Одного Карла Самойловича видали изрѣдка на улицахъ катающимся съ дѣтьми въ великолѣпной каретѣ, на кровныхъ красивыхъ лошадяхъ, подаренныхъ ему царицей.

Видѣвшіе его прежде замѣчали только, что господинъ Скав-

ронскій не по днямъ, а по часамъ толстѣеть и даже тучнѣеть. Его роздало съ привольнаго житья и въ щекахъ, и въ плечахъ. Другихъ обывателей Крюцова дома почти не видали. Дѣтей, когда и встрѣчали, то не всегда признавали, не зная ихъ въ лицо.

Сыновья Ефимовскихъ, вмѣстѣ съ сыновьями Карла Самойловича, шесть красивыхъ мальчугановъ отъ 18 до 7-лѣтняго возраста, часто выѣзжали кататься и въ экипажахъ, и верхомъ; но не скоро всѣ узнали, кто таковые эти красивые юноши и мальчуганы.

За то одна личность изъ всѣхъ привлекла къ себѣ общее вниманіе и, не смотря на склонность къ злословію всего придворнаго люда, почти никто не находилъ возможности отнестись къ этой личности неприязненно, насмѣшливо или оскорбительно. Эта была красавица-дѣвушка, именуемая теперь въ Петербургѣ особеннымъ именемъ. Для всѣхъ она была „польская фрейлина“. Почему ее такъ прозвали—сказать было трудно. Хотя родной языкъ Софьи Карловны былъ польскій, но она настолько изрядно объяснялась и по-нѣмецки, и по-русски, что могла и не заслуживать этого прозвища.

Фрейлина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становилась любимицей государыни. У нея были свои двѣ горницы, переполненныя всякимъ добромъ, подарками царицы, юнаго государя Петра Алексѣевича, цесаревны Елизаветы, а равно и приношеніями разныхъ льстивыхъ царедворцевъ. Всѣ ухаживали за Софьей „Карлусовной“, всѣ старались заслужить ея ласку и вниманіе.

Вскорѣ красавица-фрейлина стала послѣ царевнѣ—первымъ лицомъ въ Петербургѣ.

Надо было дѣйствительно быть самородкомъ и самородкомъ исключительнымъ, диковиннымъ, чтобы удержаться на той высотѣ, куда сразу вознесла Дохабенскую поселянку сумасшедшая и безумная въ своихъ дѣяніяхъ фортуна.

Въ первый разъ, что Дохабенская Яункундзе очутилась на большомъ приѣмѣ во дворцѣ и увидала себя среди золота, серебра, всякаго ярко бьющаго въ глаза блеска—она нѣсколько оробѣла и смутилась.

Сама государыня, явившаяся когда-то въ Стрѣльну, не смутила ее такъ, какъ эта вся природная толпа. Въ ней, царицѣ, она видѣла женщину, ласково разговаривающую съ ней о простыхъ вещахъ... Здѣсь же было какое-то море людское,

холодное, гордое, завистливое и злоязычное, враждебно къ ней настроенное, хотя безъ всякаго повода съ ея стороны...

Все это она замѣтила, почувствовала, не смотря на при-
творно-ласковую рѣчь и лживо-сладкіе взгляды окружающихъ.

„Какіе они всѣ, должно быть, злые!“ невольно дума-
ла она.

Вмѣстѣ съ тѣмъ взгляды этихъ людей для нея были не
новостью. Ей казалось, что всѣ они смотрятъ такъ, какъ
смотрѣлъ на нее еще въ Вишкахъ молодой графъ Салѣга.

Иногда Софѣ казалось, что всѣ они чего-то отъ нея какъ
будто ждутъ, пристально и непріязненно мѣряя ее взглядомъ...
Но чего же? Чего они ждутъ? Глупаго и смѣшнаго! Она дер-
житъ себя, ходитъ и говоритъ такъ же, какъ и они всѣ.
Да и нисколько не мудрено быть такой же, какъ они всѣ.
Они всѣ такіе же, какіхъ она, въ лицѣ проѣзжихъ, часто
видала въ гостиницѣ Вишекъ.

Не долго Дохабенская крестьянка присматривалась боязливо
къ этому окружающему люду... Скоро чувство робости прошло
и замѣнилось чувствомъ или ощущеніемъ равенства съ ними,
а затѣмъ, еще черезъ нѣсколько времени, Софья Карловна, го-
ворившая на трехъ языкахъ, перемолвившись кой о чемъ съ
русскими сановниками, съ польскими и нѣмецкими выходцами
и резидентами—увидѣла и сказала себѣ:

— Да. Это все то же... Такъ же вотъ, какъ въ Вишкахъ
и Дохабенѣ... Панъ Лауренцкій и панъ ксендзъ—такіе же...
А съ ними я не робѣла, всегда себя ровней считала.

Еще одинъ шагъ, и Софья Карловна, фрейлина и любимица
царицы, проходя въ этой толпѣ, уже немного выше подняла
свою красивую головку.

Очевидно, что на этотъ разъ фортуна не ошиблась въ вы-
борѣ. Невѣста латыша-ганца и дочь буфетчика постоялаго
двора, если и была игралищемъ судьбы, то была и своего
рода чудомъ природы.

Вскорѣ, скорѣе чѣмъ другая дѣвушка, Софья Карловна,
получившая еще тамъ, въ глуши, титулъ Яункундзе, очу-
тившись во дворцѣ императрицы, уже не чувствовала себя
сказочно перенесенной на волшебномъ коврѣ-самолетѣ изъ
одного міра въ другой. Напротивъ! она быстро ощущала себя
совершенно въ своей колее, какъ если бы родилась въ этомъ
дворцѣ и вѣкъ жила въ этой средѣ, блестящей только сна-
ружи.

II.

Всѣ три семьи размѣстились въ Крюйсовомъ домѣ такъ, что у каждаго было свое отдѣльное помѣщеніе. Самую лучшую часть дома занималъ Карлъ Самойловичъ, но вмѣстѣ съ нимъ жилъ и его братъ, одинокій, невольный холостякъ Дирихъ, котораго назвали было сначала Фридрихомъ, а послѣ переѣзда изъ Стрѣльны въ Петербургъ указано было именовать Теодоромъ Самойловичемъ.

У всѣхъ трехъ семействъ была своя многочисленная прислуга и свое особое хозяйство, но за столъ садились всѣ вмѣстѣ. Поэтому обѣды и ужины были многолюдны, при чемъ главное предсѣдательское мѣсто принадлежало старшему брату.

Вообще, Карлъ Самойловичъ былъ главнымъ лицомъ и какъ бы признаннымъ патриархомъ всѣхъ трехъ семей. Все способствовало къ тому, чтобъ онъ игралъ главную роль. Его болѣе раннее прибытіе въ Россію, его знаніе русскаго языка, его сравнительная близость съ царицей, его большая „людовскость“ и умѣнье изрядно держать себя въ обществѣ, т. е. степенно и добропорядочно. Наконецъ, самое главное обстоятельство, дававшее ему главенство въ семьѣ, были деньги, которыя государыня приказала выдавать на всѣхъ въ его полное распоряженіе. Кромѣ того, изрѣдка пріѣзжавшіе къ нимъ знакомиться дворяне, исключительно спрашивали всегда Карла Самойловича, какъ бы признавая его за хозяина дома. Даже прислуга относилась къ нему со всякимъ дѣломъ, касавшимся всѣхъ господъ и дома. Люди сообразили, что если у него всѣ деньги, то, стало-быть, онъ и настоящій, главный баринъ.

Разумѣется, положеніе прежняго Карлуса становилось исключительномъ и вслѣдствіе возвышенія его дочери, какъ фрейлины государыни и признанной любимицы. .

Софья Карловна становилась совсѣмъ важной особой при дворѣ. Между незамужней цесаревной Елизаветой и ею уже не было почти никакой разницы. Обѣ одинаково близки были къ монархинѣ: одна—какъ любимица-дочь, другая—какъ любимица.

Многіе изъ царедворцевъ, у которыхъ придворный нюхъ бываетъ до сверхъестественности чутокъ, тонокъ и проника-

теленъ, уже забѣгали къ „польской фрейлинѣ“ съ задняго крыльца, съ поклономъ подносили подарки и одолѣвали „просьбицами“ о милостяхъ, о покровительствѣ или заступничествѣ. Понемножку выяснилось, что фрейлина была дѣйствительно властна и слово ея сильно предъ царицей.

Между тѣмъ сама Яункундзе, измѣнившаяся, какъ въ сказкѣ, и своей внѣшностью, такъ какъ носила платья съ богатыми украшеніями, и своей „обычностью“, т. е. поведеніемъ, манерами и привычками—сама въ глубинѣ души оставалась какъ будто той же Дохабенской поселанкой... Она какъ будто разыгрывала комедію и ждала терпѣливо, когда окончится это лицедѣйство, и явится возможность снять съ себя все то, во что она вырядилась...

Многіе молодые люди, сыновья именитыхъ людей, заглядывались на красавицу. Было двое, которые казались серьезно влюбленными въ нее. Тотъ же молодой графъ Сапѣга, знакомецъ Вишекъ, часто особенно любезно заговаривалъ съ фрейлиной. Но Софья одинаково холодно относилась ко всѣмъ молодымъ людямъ, была даже высокомерна съ ними.

По вечерамъ, оставаясь одна въ своей спальнѣ, Яункундзе, случалось, подолгу сидѣла недвижно, погруженная въ тяжелыя думы. Отъ нихъ же иногда не спала она до зари. Въ головѣ польской фрейлины роились и проходили чередой инныя свѣтлыя картины, совершенно чуждыя всему окружающему ее теперь. Дохабенъ и Цуберка—вотъ что властвовало надъ ней въ эти мгновенья! Она возвращалась мысленно въ это свое прошлое и иногда сердце ея вдругъ такъ больно сжималось, что слезы выступали на глаза.

Являлся самъ-собой на сердцѣ удивительный вопросъ—странный, глупый!.. И Софья не знала, что отвѣчать на этотъ вопросъ! Сомнѣвалась, колебалась и дивилась! Но уже это одно сомнѣнье или колебанье было яснымъ отвѣтомъ.

Фрейлина спрашивала себя: не лучше ли было бы, и не была ли бы она счастливѣе, еслибъ осталась Дохабенской Софьей Скворощанкой, чтобы сдѣлаться Софьей Цуберкой?

Не зная, что отвѣчать на это, дѣвушка тѣмъ самымъ бессознательно, но искренно сознавалась, что предпочла бы остаться крестьянкой и быть женой нищаго, придурковатаго бобыля, но добраго, красиваго и любящаго...

Часто вспоминала Софья, что команда русскихъ солдатъ явилась въ тотъ день, когда былъ уже назначенъ дѣвичникъ.

Опоздай московскій офицеръ на день или два. Что было бы? Теперь она была бы здѣсь съ мужемъ. Цуберку признала бы и приблизила къ себѣ царица, также какъ мужей Христины и Анны. А чѣмъ ея милый Цуберка хуже Михайлы Якимовичева или Янко Енрихова.

„Странная судьба! Грустная судьба!“ если не говорила, то чувствовала красавица-дѣвушка, въ которой первая искра первой любви такъ глубоко запала въ сердцѣ, что уже очевидно не могла потухнуть въ немъ.

Однажды, послѣ цѣлаго вечера думанья и нѣкотораго волненья, Софья, плохо проспавъ ночь, на утро поѣхала къ отцу.

Карль Самойловичъ былъ всегда особенно радъ посѣщенію дочери, на которую уже взиралъ теперь не только съ восхищеніемъ, но и съ извѣстной долей подобострастья.

Впрочемъ, всѣ обитатели Крюйсова дома всегда встрѣчали Софью радостно, шумно, но относились къ ней уже съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ и удивленіемъ.

— Тутъ дѣло не чисто! говорили объ теткѣ относительно возвышенія Софьи. Но, разумѣется, вполне высказаться онѣ не могли, потому что сами не находили объясненія... за исключеніемъ развѣ колдовства.

На этотъ разъ Софья явилась нѣсколько взволнованная, съ особымъ выраженіемъ въ лицѣ. Она собралась объяснить съ отцомъ на счетъ очень важнаго дѣла.

И не сразу рѣшилась дѣвушка заговорить.

— Ты не сердись отецъ, не пугайся... А пуще всего не кричи на меня... объяснила она.

— Ладно. Ладно... Говори. Начудила, бѣдѣ какихъ натворила что ли? недоумѣвалъ Карль Самойловичъ.

— Нѣтъ... Я съ просьбой... Съ важной просьбой. И не чаешь, какая она важная.

— Ну, ну... Какія у тебя могутъ быть до меня просьбы! Мнѣ у тебя, а не тебѣ у меня просить надо въ нуждахъ.

— Я хочу замужъ... Выдай меня замужъ! сразу выговорила какъ выпалила Софья.

— Любое дѣло, дочка.

— Такъ ты мнѣ перечить не станешь?

— Зачѣмъ. Любое дѣло. Но оно отъ меня нынѣ не зависитъ. Все теперь зависитъ отъ государыни. Какъ она соизволитъ. Ее проси.

— Боюсь. Ты попроси...
 — Что жъ. Изволь... Это дѣло простое... Жениха ей тебѣ выбрать въ столицѣ не мудрено. Всякій тебя возьметъ.

— Нѣтъ. Женихъ есть... Только согласіе нужно.

— Есть?!.. Какъ есть? Кто такой?!

— Да все тотъ же, батюшка...

— Тотъ же? Какой такой—тотъ же?

— Тотъ, котораго я и прежде хотѣла въ мужья. Еще въ Дохабенѣ, нерѣшительно проговорила Софья.

— Въ Дохабенѣ? изумился Карль Самойловичъ. Что ты? Я ничего не пойму.

— Былъ же у меня женихъ въ Дохабенѣ.

— Цуберка тамъ былъ у тебя... А другого я...

— Да, Цуберка.

Карль Самойловичъ вытаращилъ глаза на дочь и изумленно молчалъ. Онъ ничего не понималъ.

— Что ты... Ума рѣшилаесь... или я не понялъ тебя... Или ты балуешься... выговорилъ онъ. Цуберка? Нынѣ за Цуберку замужъ собралась... Да что ты, рехнулась совсѣмъ, что ли?

— Я его, отецъ, люблю... Какъ прежде, такъ и теперь... отозвалась Софья грустно.

Карль Самойловичъ развелъ руками.

— Ну, Софья, я отъ тебя этакого не чаялъ услышать, вымолвилъ онъ наконецъ гнѣвно. Съ виду ты стала совсѣмъ другая. Всѣ даже дивятся, глядя на тебя. А ты вдругъ выходить— совсѣмъ дура глупая.

Софья вдругъ оживилась и стала горячо доказывать отцу, что еслибъ команда, арестовавшая всю ихъ семью, запоздала на два дня, то она была бы теперь здѣсь, въ Петербургѣ, уже съ мужемъ, такъ же какъ и ея двѣ тетки—Христина и Анна.

И слава тебѣ Господи, что не успѣли свадьбу сыграть, воскликнулъ отецъ. Что бы тогда было. Ты бы сидѣла теперь здѣсь съ нами, какъ твои тетки. Царица допустила бы тебя къ себѣ только разъ или два. А теперь ты живешь у нея во дворцѣ.

— Что жъ изъ того. Я была бы замужемъ и счастливая. А теперь я—одна.

— Да тебя выдадутъ замужъ. Я буду просить государыню.

Она найдетъ тебѣ мужа изъ дворянъ здѣшнихъ, изъ вельможныхъ... А не ганца-свинопаса.

— Цуберка свиней не пасъ никогда! ребяческимъ голосомъ произнесла Софья, слегка обидѣвшись.

— Въ стадѣ всякомъ и свиньи есть... Да не въ томъ дѣло. Онъ простой мужикъ! сердился Карлъ Самойловичъ.

— А мы?

— Мы? Какъ мы... Что ты?

— Мы-то кто же? Тѣ же мужики!

— Мы!

— Да изъ мужиковъ же...

— Теперь уже дворяне русскіе.

— Были мужики, да еще крѣпостные, а не вольные.

— Были. Ну такъ что же?

— Цуберка могъ бы тоже сдѣлаться дворяниномъ милостью царицы.

— Пастухъ. Дуракъ... Хорошъ бы онъ былъ дворянинъ. Срамъ и соблазнъ одинъ. Вѣдь этотъ Цуберка—дурень совсѣмъ, оголтѣлый дурень.

— Не простѣ дяди Дириха, или Ѳедора что ли, отозвалась Софья рѣзко.

Карлъ Самойловичъ замолчалъ и не зналъ что отвѣтить, хотя понималъ и чувствовалъ всѣмъ сердцемъ, что его Софья съ одной стороны просто „ума лишилась“, а съ другой—совершенно права. Братъ Дирихъ или Ѳедоръ—тотъ же Цуберка. А Цуберка пастухъ, бобиль—и только... И латышъ, и нищій, и дуракъ. Да чего еще хуже-то?!

Карлъ Самойловичъ сталъ доказывать теперь дочери, что еслибъ онъ былъ теперь въ Дохабенѣ съ семьей, то все-таки никогда бы дочь свою не выдалъ за нищаго ганца. Объ его согласіи на такой бракъ смѣшно бы было и думать! Но главное, что поразило Скавронскаго—какимъ образомъ дохабенская Яункундзе и нынѣшняя фрейлина, столь быстро сжившаяся съ новой обстановкой своей, какимъ образомъ эта прирожденная дворянка и барышня—могла любить и помнить попрежнему дурака ганца.

— Вѣдь это чистое колдовство! Цуберка опоилъ тебя какимъ-нибудь зельемъ, приворотомъ любовнымъ... воскликнулъ наконецъ Карлъ Самойловичъ.

— Что жъ! Можетъ быть! отозвалась Софья. Оно и похоже на это, потому что я вижу, что мнѣ безъ него жизнь не въ жизнь.

Карлусъ не ожидалъ такого признанія и только руками развелъ беспомощно.

— Диковинно, пропенталь онъ наконецъ какъ бы самъ себѣ. И умница чудесная, и дура пѣтая...

III.

Въ первыхъ числахъ января новаго 1726 года весь Петербургъ, забывшій на время про „оную фамилію“, снова загудѣлъ, толкуя и шутя по поводу новости, до нея касающейся.

Въ Крещенье за обѣдней, на Иорданѣ и затѣмъ на приѣмѣ во дворцѣ — присутствовала красавица-фрейлина, а малолѣтняго великаго князя Петра и цесаревны Елизаветы — не было на торжествѣ.

Всѣ терялись въ догадкахъ — какое значеніе надо приписать такому событію. Многіе однако знали, что это была чистая случайность и что Петръ былъ нездоровъ и его побоялись выпустить изъ-за сильнаго мороза, а цесаревна заупрямилась почему-то и сказалаь больной.

Но отсутствіе двухъ ближайшихъ къ царицѣ личностей было еще не такъ важно и любопытно, какъ другая новость...

Карль Самойловичъ со всей семьей и его братъ были пожалованы въ графы Россійской Имперіи.

При этомъ говорили, что чрезъ нѣсколько дней старшій братъ Скавронскій — получить кавалерію, т. е. новый и единственный россійскій орденъ Андрея Первозваннаго.

15-го числа января гофъ-маршалъ Шепелевъ, магнатъ графъ Сапѣга и многіе придворные вельможи и сановники, съ всемогущимъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ во главѣ, а вслѣдъ за ними и разные резиденты и представители иностранныхъ государей — явились въ Курюсовъ домъ поздравить графовъ Скавронскихъ съ царской милостью.

Принималъ всѣхъ и бесѣдовалъ, немного смущаясь и робѣя, графъ Карль Самойловичъ, но при этомъ присутствовали равно графъ Ѳедоръ Самойловичъ и графиня Марья Ивановна. Они не проронили, ни тотъ, ни другая, ни единого звука — такъ какъ по русски все еще не знали почти ни слова.

Графиню Софью Карловну поздравляли тоже, но у нея въ апартаментахъ, гдѣ присутствовала, явившися какъ-бы въ гости, и сама государыня.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого графы Скавронскіе по-

лучили на словахъ въ подарокъ отъ царицы нѣсколько подмосковныхъ вотчинъ, богатыхъ угодыми и густо населенныхъ крестьянами. Оба брата сравнялись съ самыми богатыми царедворцами.

Одновременно съ этимъ старшій сынъ графа Карла Самойловича былъ отданъ въ „Школу Математическихъ и Навигацкихъ Наукъ“, но получилъ сразу званіе „гардемарина“ съ обѣщаніемъ чрезъ полгода быть произведеннымъ въ унтерълейтенанты, минуя чинъ мичмана. Антонъ надѣлъ мундиръ. Что касается до красавицы Софьи, то государыня стала выбирать подходящаго жениха для своей фрейлины.

Новая графиня Софья Карлусовна съ своей стороны стала нѣсколько грустнѣе и задумчивѣе... Она попрежнему часто навѣщала родныхъ, но разговаривала съ матерью и тетками только объ одномъ: о Дохабенѣ и Вишкахъ.

Иногда приходилось юной родственницѣ, ставшей [выше всѣхъ, являться и въ качествѣ судьи и примирителя. Дѣло въ томъ, что въ Крюсовомъ домѣ уже кое-что не ладилось. Появилось разногласіе въ семьѣ, среди членовъ „оной фамиліи“, все росло и скоро перешло въ постоянныя ссоры. Дѣти дрались между собой, родители вступались и часто драка дѣтей кончалась шумомъ между большими.

Въ особенности буянили и дрались съ двоюродными братьями и сестрами сыновья Анны. Всѣ три мальчика были страшно избалованы матерью и еще прежде, въ вотчинѣ старостихи, часто попадали подъ розги помѣщицы, такъ какъ были дерзки со всѣми, даже съ отцомъ, благодаря его добродушію и слабости характера.

Теперь же они окончательно отбились отъ рукъ, буянили страшно и боялись только одного дяди Карла Самойловича, такъ какъ чуяли, что сама мать передъ нимъ уступаетъ.

Что касается до дяди Ѳедора Самойловича, то, разумѣется, Ефимовскіе его въ грошъ не ставили. Анна всегда называла брата при дѣтяхъ и даже при лакеяхъ: „Этотъ дурень“.

Праздность и незнаніе, какъ убить время — заѣдало равно всѣхъ членовъ трехъ семействъ. Они слонялись по дому изъ горницы въ горницу и часто ссора и брань возникали изъ-за такихъ пустяковъ, что даже Карлъ Самойловичъ догадывался о причинѣ.

— Вѣдь это вы отъ бездѣлья да съ жиру бѣситесь! говорилъ онъ.

Самый неугомонный и неуживчивый членъ была Анна. Женщина умная, но черствая сердцемъ, крутая нравомъ, отъ природы властолюбивая, не терпящая противорѣчія, она обращалась со всѣми свысока. Насколько она была рабой своихъ избалованныхъ мальчугановъ, настолько желала быть повелительницей всей родни и главнымъ лицомъ въ домѣ.

— Пускай Карлусъ, заявляла она, будетъ у насъ набольшимъ во всѣхъ дѣлахъ по нашему новому званію. А по хозяйству—я буду набольшая.

Марья Скавронская, отъ природы тихая и немного лѣнивая, охотно уступала Аннѣ первое мѣсто во всемъ. Но Христина поддавалась съ трудомъ, спорила и между сестрами часто бывали крупныя ссоры и стычки, едва не доходившія до драки.

За то мужа двухъ воевавшихъ сестеръ жили дружно и только жаловались другъ дружкѣ на своихъ женъ. Янко хотя былъ далеко не глупый человѣкъ, но во всемъ всегда повиновался женѣ и обожалъ ее, считая много умнѣ себя и искусиѣ во всякомъ дѣлѣ. Михайло же не столько любилъ, сколько просто боялся жены. Онъ еще прежде не могъ никогда разрѣшить одного вопроса. Кого онъ боится больше: жены или старостихи? Помѣщицы своей онъ собственно боялся за ея трехъ-хвостку и ея священное право наказывать его розгами, когда вздумается. Жены же своей Михайло боялся и тѣломъ, и душой. Достаточно было Аннѣ строго взглянуть на мужа, чтобы Михайло уже оторопѣлъ.

Если бы не борьба Анны и Христины изъ-за первенства въ хозяйствѣ—въ Крюйсовомъ домѣ могло бы быть всегда тихо. А главное, если бы у всѣхъ было занятіе, работа...

Скавронскіе съ дѣтьми жили мирно. Марьи было положительно не слышать въ домѣ, а Карлусъ часто выходилъ и выѣзжалъ. Впрочемъ, онъ даже не допускалъ Анну до противорѣчія себѣ въ чемъ-либо.

— Ну... Анна Самойловна... Я, голубушка, тебѣ не Михайло твой! говорилъ онъ строго сестрѣ. Да къ тому же и деньги-то на прожитокъ нашъ государыня велитъ мнѣ на руки выдавать...

И Анна смолкала тотчасъ же.

Однажды, когда дѣти Ефимовскія черезчуръ отколотили за что-то третьяго сына Скавронскаго Ивана, а Мартынъ, по-старше, отомстилъ съ лихвою за братишку—то Анна ворва-

лась къ Карлусу на половину и стала кричать, что она всѣхъ его сыновой сама отколотитъ до смерти за своихъ.

— Я твоихъ чертенятъ всѣхъ передую! вскрикнула она въ пылу гнѣва.

— А! вотъ какъ! Ладно! выговорилъ Карль Самойловичъ холодно, но гнѣвно. Ладно, сестра... Посмотримъ! Марья, давай мнѣ мой новый кафтанъ. Поѣду во дворецъ просить государыню, чтобы она сейчасъ указала Анну съ семьей изъ этого дома перевести въ другое помѣщеніе...

Анна смутилась, тотчасъ же стала просить прощеніе у брата и съ тѣхъ поръ смирилась передъ нимъ. За то война между взрослыми и юными Ефимовскими и Генриховыми продолжалась еще пуще.

Одинъ Ѳедоръ Самойловичъ былъ въ сторонѣ, ходилъ угрюмый и только изрѣдка выговаривалъ.

— Эхъ, какъ бы я васъ — будь я властенъ—успокоилъ... Плачутъ по васъ палка да кнутъ.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ сталъ еще тише, чѣмъ былъ прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ становился какъ будто умнѣе и злѣе. Добродушіе его замѣнилось какой-то ядовитостью по отношенію ко всему и ко всѣмъ.

Съ Дирихомъ случилось то же, что съ инымъ безобиднымъ звѣремъ, котораго человѣкъ беретъ съ воли полей и лѣсовъ и запираетъ въ клѣтъ, желая прикормить себя на потѣху. И лисица, и барсукъ, и даже иной матерый заяцъ, не трогая человѣка на волѣ, разъ въ неволѣ, въ рабствѣ—огрызаются и кусаются...

Дирихъ бывало никогда ни на кого не огрызался, ни надъ кѣмъ не издѣвался, теперь же онъ вполголоса или совсѣмъ себя подъ носъ ворчалъ на всѣхъ, въ особенности на двухъ сестеръ, и часто находилъ въ себѣ умнѣніе остроумно и ядовито пошутить надъ ними.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ все чаще выпивать и бродилъ если не пьяный, то отуманенный виномъ.

Ворчаньемъ и виномъ Дирихъ срывалъ или тушилъ свое собственное горе. — Разлука съ Триной—камнемъ лежала у него на сердцѣ, съ такимъ же гнетомъ какъ и въ первые дни, во время пути изъ Риги въ Петербургъ.

Въ Стрѣльнѣ Дириху жилось еще какъ-то легче, но послѣ переѣзда въ Крюйсовъ домъ—онъ началъ тосковать.

Вдобавокъ были въ этомъ домѣ двѣ вещи, которыя его

дѣлали несчастнымъ. Во-первыхъ у него была большая кровать съ бѣльемъ и одѣяломъ, въ которую братъ его Карлусъ приказывалъ ему ложиться на ночь и строго слѣдилъ за исполненіемъ приказанія.

— Это царица указала, строго говорилъ Карлусъ. И мнѣ она велѣла нарочито блюсти за этимъ.

Дирихъ окончательно не могъ спать въ этой кровати раздѣтый и „голымъ тѣломъ“, какъ онъ выражался, жалуясь брату. Ему было и неловко, и холодно, а главное — какъ-то совѣстно предъ самимъ собой, предъ своей прямой и чистой душой, не допуская комедіи и обмана.

Разумѣется, Дирихъ, когда могъ, обманывалъ брата и въ недѣлю раза три или четыре спалъ одѣтый на полу, подостлавъ кафтанъ. И сладко спалъ онъ въ эти ночи, слаще чѣмъ на матрацѣ, подъ одѣяломъ, но „голымъ тѣломъ“.

Другое обстоятельство, выводившее Дириха изъ себя, преслѣдовавшее его въ этомъ домѣ какъ бы нечистая сила — были многочисленныя большія, стоячія, или развѣшанныя повсюду зеркала. Отъ этихъ проклятыхъ „дыръ“, какъ называлъ ихъ Дирихъ, никуда дѣваться было нельзя.

Всюду были эти огромныя, свѣтлыя, блестящія какъ окна — „дыры“, а въ нихъ добро бы видно было лѣсъ, рѣчку, поселокъ! — а то самъ и самъ! Видѣть самого себя, со всѣхъ сторонъ — было Дириху нестерпимо. Никогда отъ роду прежде онъ не видывалъ самого себя, проживя почти сорокъ лѣтъ на свѣтѣ.

Случалось прежде видѣть разъ съ десятокъ въ кусочекъ зеркала свой носъ или глазъ, и то ради баловства. А тутъ, въ эти большущія дыры, видишь и руки, и ноги, видишь какъ идешь, какъ говоришь... Даже какъ-то страшно.

— Чистое навожденіе! бурчалъ сначала Дирихъ. Дьявольщина! Хотя вскорѣ страхъ пройдетъ, но осталось худшее... Ему будто „больно“ было глядѣться въ зеркало. Увидишь себя и всего какъ-то начнетъ крочить и съезживать, даже тошнить.

А этихъ большихъ зеркалъ было въ домѣ десятка съ два!..

IV.

Другая личность, тоже измѣнившаяся въ новой обстановкѣ на особый, необычный и неожиданный, конечно, ладъ — была графиня Марья Ивановна Скавронская. Она все молчала,

иногда призадумывалась, иногда тяжело вздыхала, но никому не говорила, что у нея на умѣ бродить.

Она окончательно не знала и не могла по совѣсти сказать: рада ли она перемѣнѣ, происшедшей со всей семьей.

Она была безмѣрно счастлива въ тотъ мигъ, когда свидѣлась съ мужемъ послѣ разлуки и узнала, что онъ живъ и невредимъ. Но затѣмъ, все, что произошло послѣ этого, заставляло ее сомнѣваться.

Однажды, оставшись одна съ дочерью, слушая ея рассказы о царицѣ и придворныхъ порядкахъ — Марья Ивановна не выдержала, вздохнула и вымолвила:

— Да, все это такъ... Но, ей Богу, лучше было бы, еслибъ мы остались въ Дохабенѣ. Я, глупая, такъ думаю.

— Какъ? удивилась Софья.

— Да... Лучше бы было, еслибъ царица дала намъ денегъ купить землю, обстроиться и жить просто какъ богатые поселяне живутъ. Мы бы отлично зажили, на тотъ-же нашъ старый ладъ, но безъ нужды, и безъ утомительной работы на пана. А теперь, чую я, только худое будетъ съ нами.

— Царица ничего вамъ худого не сдѣлаетъ, за это ужъ даже я могу поручиться! воскликнула Софья, не понявшая матери.

— Не царица... Мы сами себѣ худое всякое причинимъ, объяснилась Скавронская. Посмотри, какіе мы всѣ становимся. Мы ужъ не тѣ, а хуже, много хуже... Дирихъ... ну Ѳедоръ что ли... сталъ много пить. Этакъ онъ скоро совсѣмъ горькій пьяница сдѣлается. Твой отецъ сталъ такъ много кушать, что все болѣетъ, а прежде никогда не болѣлъ. Онъ сталъ скучать, а прежде никогда не скучалъ. Антонъ мой болтается по столицѣ и не вѣсть что творить, меня разлюбилъ, все огрызается, даже разъ мужичкой назвалъ. Христина все спитъ и теперь стала совсѣмъ какая-то другая, лѣнивая и точно какой деревянный истуканъ. Анна стала злая и жадная. Что ни увидить, хотѣла бы все себѣ у насъ оттягать... Нѣтъ, дочка, мы худо кончимъ въ этакой жизни. Миѣ-то что... А вотъ сыновья, три сына... Подростутъ Мартынъ и Иванъ, тоже начнутъ творить, что теперь вотъ Антонъ творить.

Слова графини Скавронской, относительно старшаго сына, подтвердились тотчасъ же, хотя и совершенно неожиданно.

Пока мать съ дочерью бесѣдовали, въ сосѣднихъ комна-

тахъ послышался шумъ и крики, а затѣмъ появился Антонъ Скавронскій, красный и шатающійся на ногахъ...

— Опять... воскликнула Марья Ивановна, вставая на встрѣчу къ сыну. Да что жъ это такое, Софья, полюбуйся... Что я тебѣ сейчасъ сказывала?

— Молчать! закричалъ Антонъ покачиваясь. Молчать! ты мнѣ не указъ. Я гардемаринъ флота... Понимаешь. Нѣтъ, ты, мужичка, этого... Не можешь этого понять. Не можешь...

— Какъ ты смѣешь такъ матушку обзывать! воскликнула Софья, наступая на брата.

— Вы обѣ бабы дуры! заоралъ Антонъ. Говори, что есть арихметика-логистика? А? Не знаешь... А я фендрикъ! Я знаю... А ты дура. Арихметика есть сугуба. Первая арихметика, политика сирѣчь, гражданская! заговорилъ Антонъ нараспѣвъ, твердо, но бессмысленно зазубренные слова...

— Ну вотъ... Все, знай, одно повторяетъ, сказала мать.

— Молчи! заоралъ Антонъ... Первая арихметика, политика сирѣчь гражданская, а вторая арихметика логистика, хрипливо зашѣлъ онъ снова, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ... Дурамъ вамъ не по рылу... Подите къ чорту...

— Если ты дашь пить и грубиянствовать съ матушкой, вспылчиво произнесла Софья, то я все доложу государынѣ. Тебя разжалуютъ въ солдаты, поставятъ къ ружью.

— У насъ нѣтъ солдатъ... У насъ навигаторы...

— Поди. Выспись... Антонъ... мягко сказала Марья Ивановна, взявъ сына за руку.

— Не смѣй трогать, мужичка! закричалъ снова Антонъ. Самъ пойду, самъ лягу и самъ выплось.

И малый, шатаясь, прошелъ въ свою горницу.

Марья Ивановна начала плакать.

Софья не произнесла ни слова, не стала успокаивать мать и молча уѣхала отъ нея.

Она чувствовала, что мать права, что, кромѣ худого, нечего ждать въ будущемъ для Антона, а пожалуй и для другихъ братьевъ.

„Да. Это правда, думалось ей уже у себя въ горницѣ во дворцѣ. Дали бы денегъ купить усадьбу и землю, а не возили бы сюда. Да, правда“...

И Софья вдругъ представилась усадьба красивая, просторная, съ садомъ, съ прудомъ... А вокругъ земли много, де-

ревня со своими крѣпостными холопами. А она живетъ богато въ этой усадьбѣ съ мужемъ. Съ нимъ, конечно, съ Цуберкой!..

— Господи! А вѣдь это могло бы быть! Это не чудо! прошептала Софья сама себѣ.

— Вскорѣ, по особой и безсознательной потребности сердца, Софья чаще и больше сидѣла и бесѣдовала съ своимъ простоватымъ дядей графомъ Ѳеодоромъ Самойловичемъ.

Случалось, что фрейлина просиживала у дяди по три часа, и о чемъ они бесѣдовали наединѣ—было никому неизвѣстно, а графу Карлу Самойловичу даже и непонятно, удивительно. О чемъ можетъ его умница-дочь бесѣдовать съ простакомъ братомъ—было загадкой для него. А между тѣмъ дѣло было самое простое.

Графъ Ѳеодоръ говорилъ племянницѣ безъ конца о своей милой, дорогой, неоцѣненной и незамѣнимой Тринѣ.

Графиня Софья говорила дядѣ о своемъ миломъ, золотомъ и несравненномъ Цуберкѣ.

И оба слушали другъ друга, вмѣстѣ вздыхали, горевали или мечтали, обманывая себя несбыточными надеждами... Но оба за то отводили душу. Дядя не называлъ Цуберку свинопасомъ, а племянница не называла Трину дурнорожей латышкой.

Въ сущности и дядя, и племянница искренно сочувствовали другъ-другѣ и взаимно находили сердечный откликъ въ своихъ одинаковыхъ печаляхъ. Софья жаловалась, что ей ищутъ и скоро найдутъ постылаго человѣка въ мужья, а Ѳеодоръ жаловался, что его задумываютъ тоже женить на какой-то дворянкѣ.

Однажды, когда Софья пріѣхала въ Крюйсовъ домъ и пришла прямо не къ отцу, а въ горницы дяди Ѳеодора Самойловича, она нашла его въ какомъ-то странномъ состояніи. Не сразу могла дѣвушка понять, что ей представилось. Графъ Ѳеодоръ Самойловичъ сидѣлъ у стола предъ двумя опорожненными склянницами и былъ совершенно пьянъ.

Увидя племянницу, онъ дико повелъ глазами и заоралъ какъ звѣрь:

— Врешь! я Дирихъ, а не Ѳеодоръ. Не хочу я... Врете вы, черти. Не графъ! Врете... И не голый...

Софья, конечно, не разъ въ своей жизни на деревнѣ видала пьяныхъ и поэтому не смутилась нисколько. Но видя,

что бесѣдовать на этотъ разъ съ дядей нельзя, повернулась и хотѣла уходить.

— Стой! Софья. Это ты... Родная! Стой... Не бойся! Иди сюда! выговорилъ Ѳедоръ Самойловичъ совершенно другимъ голосомъ.

Софья остановилась.

— Иди. Иди. Сядь... Ты одна... Одна ты, родная, все понимаешь...

Ѳедоръ Самойловичъ началъ всхлипывать и затѣмъ, нѣсколько разъ ударивъ себя въ грудь, зарыдалъ такъ отчаянно, что огласилъ всѣ сосѣднія горницы.

— Губители! Злодѣи! Что я имъ сдѣлалъ? За что они меня всего лишили? Зачѣмъ они мнѣ, проклятые москали, не отрубятъ голову на площади? Одинъ бы конецъ... Гдѣ Трина? А? Гдѣ она? спроси у нихъ, у злодѣевъ... Спроси, родная...

Софья стала успокаивать дядю; онъ пересталъ кричать, но продолжалъ горько плакать навзрыдъ какъ малый ребенокъ и причитать по-бабьи... И все перебралъ онъ, всѣ свои горести... И разлуку съ Триною, и спанье „голымъ тѣломъ“, и зеркала, и обиды отъ Анны и ея дѣтей...

Эти горячія слезы какъ будто постепенно отрезвляли графа Ѳедора Самойловича. Онъ сталъ смотрѣть разумнѣе и только покачивался на стулѣ безпомощно, какъ бы хилый и разслабленный старикъ.

— Не могу я тутъ жить взаперти... да въ „дыры“ смотрѣться! Что мнѣ ихъ золотыя стѣны, да золотыя стулья. Провались все это. Я уйду. Убѣгу. Пѣшкомъ дойду до Литвы... Разущу Трину. Я не хочу жить безъ Трины. Ты забыла... Продала своего жениха Цуберку за ихъ золотыя стулья. А я нѣтъ. Я не таковъ... У меня здѣсь... Вотъ гдѣ у меня Трина.

И графъ Ѳедоръ Самойловичъ сталъ жестоко, съ озлобленіемъ стучать себѣ въ грудь.

— А ты продала Цуберку. Ты такая же, какъ всѣ они... А гдѣ онъ, бѣдный, теперь... Онъ-то, поди, тебя любить, помнить, изнываетъ теперь по тебѣ... А ты на золотыхъ стульяхъ сидишь...

Но полушьяный Ѳедоръ Самойловичъ вдругъ замолчалъ и сталъ, удивленно вытаращивъ глаза, глядѣть на племянницу. Софья рыдала въ свой чередъ, закрывая лицо руками.

— Что ты... Что... О чемъ? глухимъ голосомъ спрашивалъ дядя, но не получалъ отвѣта отъ дѣвушки, страстно и судорожно рыдавшей противъ него.

V.

Почти одновременно съ переѣздомъ „оной фамилин“ изъ Стрѣльны въ Крюйсовъ домъ, въ Петербургъ прибыла издалека и остановилась въ небольшомъ гербергѣ, подешевле и поскромнѣе прочихъ, одна польская панна.

Не говоря ни слова по-русски, она въ первые дни не выходила никуда, но разсылала за то повсюду привезеннаго съ собой молодого хлопа, смѣтливаго и прыткаго, который исполнялъ всѣ ея порученія. На этотъ разъ порученіе панны состояло въ томъ, чтобы разыскать въ столицѣ Московской имперіи какого-нибудь ходатая по дѣламъ, дьяка или писаря.

Эта панна была—старостиха Ростовская, пріѣхавшая въ столицу хлопотать и жаловаться на кровную обиду.

Лихая нравомъ помѣщица почти ночей не спала, со злости, съ того дня, что Анна съ семьей исчезла изъ ея имѣнія. Разумѣется, при этомъ, старостиха не сидѣла сложа руки... Вскорѣ послѣ бѣгства рабовъ ея, она тотчасъ же послала въ Петербургъ повѣреннаго; но онъ вернулся, объявивъ, что въ столицѣ слыхомъ не слыхали о лицахъ, коихъ она разыскивала.

Старостиха послала своего повѣреннаго слишкомъ рано: семья Ефимовскихъ была тогда еще въ Ригѣ.

Захвативъ съ собой денегъ для ходатайства и всѣхъ хлопотъ, не столько изъ жадности и желанія получить выкупъ за своихъ крестьянъ, сколько изъ-за обиды—старостиха рѣшила ѣхать сама.

Появленіе ея въ Петербургѣ какъ разъ совпало съ переѣздомъ семьи въ Крюйсовъ домъ.

Черезъ нѣсколько дней молодой малый уже разыскалъ для панны дьяка, который, если самъ не говорилъ по-польски, то былъ женатъ на женщинѣ, родомъ еврейкѣ, говорившей на нѣсколькихъ языкахъ. И вотъ, при помощи переводчицы, панна толково передала дьяку все свое дѣло и цѣль своего прібытія.

Подъячій, конечно, объяснилъ старостихѣ, что дѣло это

крайне мудреное... Заявлять свои помѣщичьи права на семью было даже нѣсколько опасно. Но старостиха была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могли бы струсить.

— Миѣ какое дѣло... Кто она ни будь, эта Анна, — она моя холопка. И никто ее у меня отобрать не можетъ насильно. Пускай купятъ!.. Да и второе, я не русская, а подданная короля польскаго.

Подъячій, не смотря на свое обѣщаніе въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль не сдѣлалъ, разумѣется, ничего. Онъ только разузналъ черезъ людей Крюцова дома, живеть ли тамъ дѣйствительно семья, состоящая изъ пяти человекъ, по имени Якимовичевы или Ефимовскіе. Въстѣ съ этимъ онъ узналъ, что въ семьѣ часто поминаютъ вотчину панны и ее самое, старостиху. При этомъ большею частью Анна, ея мужъ и дѣти равно ругаютъ прежнюю свою помѣщицу не на животь, а на смерть.

Пока ходатай не предпринималъ еще ничего серьезнаго, старостиха не дремала и продолжала сама свои попытки и розыски.

Кто-то изъ поляковъ, шляхтичъ, съ которымъ она познакомилась случайно, на какомъ-то гуляньѣ, далъ ей добрый совѣтъ... И старостиха тотчасъ же воспользовалась имъ. Шляхтичъ объяснилъ паннѣ-старостихѣ, что есть одна личность въ Петербургѣ, которая можетъ взять ее подъ свое покровительство и похлопотать объ дѣлѣ.

— Онъ важный, богатѣющій польскій магнатъ графъ Сапѣга. Къ тому же онъ и съ императрицей состоить въ пріязни... Если онъ не обдѣлаетъ это дѣло—ну тогда нечего и пробовать.

И старостиха однажды добилась аудіенціи у стараго магната.

Графъ Сапѣга, привыкшій къ тому, что къ нему часто обращались его соотечественники, большею частью ради помощи, принялъ старостиху въ числѣ прочихъ.

Въ залѣ, гдѣ происходилъ пріемъ, было нѣсколько постороннихъ лицъ.

— Я не могу, яснотельможный панъ, объясняться при другихъ лицахъ, объяснила Ростовская. Дѣло мое государственной важности.

На подобнаго рода заявленіе, которое не мало удивило Сапѣгу, онъ предложилъ паннѣ пройти въ свой кабинетъ. Здѣсь панна рассказала графу все и, прося его заступни-

чества и покровительства, заявила, что удовольствуется выкупомъ.

— Пускай русское правительство заплатитъ мнѣ за семью Анны хотя бы только тысячу рублей.

— Помилуй, пани!.. воскликнулъ Сапѣга... Такой цѣны за семью холоповъ, весь свѣтъ обойди, не услышишь... Ты сама знаешь, какая холопу съ женой и съ малолѣтними дѣтьми красная цѣна, какъ у насъ въ Литвѣ, такъ и здѣсь... А здѣсь даже, почитай, много дешевле... А за тысячу рублей можно купить вотчину съ двумя стами душъ.

— Все это вѣрно, ясновельможный панъ, да моя холопка не простого происхожденія.

— Ну, это ты, пани, врешь... отозвался смѣясь магнатъ.

Однако Сапѣга обѣщаль старостихѣ похлопотать объ ея дѣлѣ и назначилъ паннѣ явиться черезъ недѣлю за отвѣтомъ.

Панна рѣшила, что сидѣть цѣлую недѣлю безъ дѣла и скучно, да и глупо... Ей пришло на умъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побывать въ гостяхъ у своихъ холоповъ.

На третій же день послѣ свиданія съ Сапѣгой, старостиха Ростовская, нанявъ извозчика, велѣла себя везти въ Крюйсовъ домъ.

Подѣхавъ къ большому дому, который былъ много выше и красивѣе сосѣднихъ, старостиха, быть можетъ въ первый разъ въ жизни, призадумалась.

„Или все вранье, подумала она, что они живутъ въ этомъ домѣ... Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ ихъ помѣстили. Или же стали они совсѣмъ будто паны важные“...

Разспросивъ какого-то сѣденькаго старичка, сидѣвшаго на ступеняхъ крыльца, старостиха узнала, что въ этомъ домѣ, который дѣйствительно Крюйсовъ домъ, живетъ господинъ графъ Карлусъ Самойловичъ Скавронскій, а съ нимъ вмѣстѣ помѣщается его семья, да еще двѣ его сестрицы: панна Ефимовская съ семействомъ и панна Генрихова съ семействомъ.

— Ну, вотъ, ихъ-то мнѣ и нужно!.. сказала старостиха, войдя въ швейцарскую, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ лакеевъ.

Не скоро Анна, бывшая въ углу дома, узнала о томъ, что ее спрашиваетъ какая-то барыня. Такъ какъ Ефимовскіе опасались гостей, иногда заѣзжавшихъ въ Крюйсовъ домъ, то всякій разъ отправлялись совѣтоваться съ братомъ Карломъ

Самойловичемъ. На этотъ разъ Анна послала своего мужа къ брату.

— Какая-то барыня насъ спрашиваетъ, сказалъ онъ Карлусу.

— Ну, такъ что же?..

— Да какъ намъ тутъ поступить... Боимся мы съ женой, можетъ быть, какая важная барыня... Ты лучше бы ее къ себѣ пустилъ.

Карль Самойловичъ прежде всего отправилъ человѣка узнать, кто такая барыня. Вернувшійся назадъ лакей объяснилъ, что спрашиваютъ не его, Скавронскаго, а госпожу Анну Самойловну, и спрашиваетъ старостиха Ростовская.

Имя это имѣло такое значеніе для Михайлы Ефимовскаго, что онъ и теперь, забывъ всю перемену, съ семьей происшедшую, измѣнился въ лицѣ.

— Что ты... Ошалѣлъ что ли! вымолвилъ Карль Самойловичъ. Что же она тебѣ здѣсь сдѣлать можетъ... Выпореть что ли!..

Но Михайло Ефимовскій, ничего не отвѣчая, пустился бѣгомъ на половину жены.

— Панна Ростовская!.. Панна Ростовская!.. прокричалъ онъ такимъ голосомъ, какъ если бы его собирались казнить.

Анна тоже смутилась. Не смотря на то, что она была женщина умная, но, въ силу долготѣней привычки дрожать передъ этимъ именемъ, она и теперь чуть-чуть струсила, оторопѣла и стояла какъ столбъ, не говоря ни слова.

— Ну, что же... произнесла она, наконецъ, разводя руками. Вѣдь не можетъ же она, панна, насъ взять силкомъ да и увести... Да, пустое!.. Чего ты, глупый, растерялся... да и я-то тоже глуше тебя... Что она намъ можетъ сдѣлать? Теперь конецъ... Мы вольные люди. Теперь ужъ я покажу ей себя!..

И Анна, нѣсколько ехидно улыбаясь, крикнула людямъ въ ближайшую комнату:

— Ступайте и ведите сюда эту барыню!

Черезъ нѣсколько минутъ появилась панна Ростовская. Она шла, медленно оглядываясь по сторонамъ, по стѣнамъ, по мебели. Лицо ея выражало одно изумленіе.

Обѣ женщины встрѣтились. Панна улыбнулась благосклонно и ласково, а Анна нѣсколько ехидно. Онѣ стали другъ передъ другомъ, не зная, что сдѣлать и что сказать. Михайло съ невольнымъ чувствомъ, котораго онъ не могъ пересилить,

стоялъ за женой, будто бы хотѣлъ за нее спрятаться. Въ дверяхъ появились трое ихъ сыновей и съ неподдѣльнымъ ужасомъ взирали на страшную старостиху... Они лучше и больше всѣхъ мальчишекъ въ вотчинѣ панны были знакомы съ ея барскими ручками, не гнушавшимися давать затрещины и надирать вихры. Старшаго сына даже поразило теперь то обстоятельство, что, панна-старостиха стояла посреди горницы съ пустыми руками, безъ своей трехъ-хвостки.

— Ну, что же... Поцѣлуемся теперь, выговорила старостиха... Вишь, какъ вы живете...

Женщины сухо поцѣловались, только для примѣра. Старостиха не желала цѣловаться какъ слѣдуетъ, а Анна все-таки какъ-то не посмѣла. Затѣмъ панна безъ приглашенія сѣла на диванъ и вымолвила:

— Ну, садись... Побесѣдуемъ. Я приѣхала изъ-за васъ... Ловко ты, моя голубушка, меня обдѣлала. Вѣкъ буду жить, не забуду, какую дуру изъ меня сотворила... Вѣдь ты меня ограбила.

— Какъ ограбила!?!.. произнесла Анна.

— Да такъ ограбила. Если бы ты не убѣждала,—то я бы тебя за хорошую цѣну могла продать... А теперь приѣзжай да хлопочи... А все таки я тебѣ скажу, что я это дѣло такъ не оставлю. Мнѣ что же... Я польская подданная, что жъ мнѣ бояться!... Пускай она всю семью вашу у меня выкупить.

Анна сидѣла, ухмыляясь ехидно, но тѣмъ не менѣе какой-то трепетъ все-таки западалъ ей въ душу.

Ей представлялось нѣчто возможное по ея мнѣнію, а между тѣмъ это нѣчто было ужасно. Вдругъ царица скажетъ: „не хочу я тебя выкупать, Анна, а поѣзжай ты обратно въ крѣпость и въ кабалу къ своей паннѣ“... И что тогда эта панна, теперь цѣлующаяся съ ней, сдѣлаетъ!. И чувство увѣренности въ своей судьбѣ смѣнялось ежеминутно чувствомъ страха и сомнѣній.

Панна что-то говорила шибко и громко. Но Анна не слушала и понемножку старалась овладѣть собой. Она поглядѣла на своего мужа, увидѣла его несчастную, все еще подобострастную позу около кресла старостихи... И вдругъ Аннѣ стало смѣшно, вдругъ почему-то смѣлость вернулась къ ней.

— Это дѣло, пани, до насъ, можно сказать, не касается, сказала Анна. Отправляйтесь и просите царицу... Захочетъ

она вамъ что заплатитъ — тѣмъ лучше для васъ... А не заплатитъ, то вы...

— А не заплатитъ,—такъ я васъ повезу къ себѣ домой! выговорила старостиха, слегка всплывъ.

— То-ись какъ же?.. Какъ же, пани, силою возьмешь всѣхъ?

— Вѣстимо, силою. Найму молодцовъ, свяжу и повезу.

— А здѣшніе солдаты позволяютъ тебѣ это? вымолвила Анна.

— А какъ же не позволять. Я польская подданная...

Анна ничего не отвѣтила. Въ ней опять не было увѣренности, что она права, а панна не права... Царица должна ихъ выкупить, а если не захочетъ—то должна ихъ отпустить въ кабалу... И вдругъ Анна надумалась и, обернувшись къ мужу, вымолвила:

— Позови брата Карлуса.

— Отлично, подхватила старостиха, позови сюда Карлуса вашего. Я съ нимъ побесѣдую. Онъ пойметъ все. Онъ, сказываютъ, всѣхъ васъ умнѣе.

VI.

Карль Самойловичъ явился тотчасъ же, и панна Ростовская увидала сразу, что братъ далеко не похожъ на сестру.

Карлусъ, прежде чѣмъ прійти, успѣлъ надѣть новый кафтанъ съ позументомъ. Войдя въ комнату, онъ сталъ передъ старостихой руки въ боки, оглядѣлъ ее съ головы до пятъ, покачалъ головой и усмѣхнувшись выговорилъ:

— Вишь, какая молодецъ баба! Вижу я теперь, что правду мнѣ Анна про тебя сказывала, что ты свирѣпа съ людьми... По лицу видно, что ты людоѣдъ... Ну, а гдѣ же кнутъ твой?.. Али оставила дома?.. Напрасно!.. Ты бы и кнутъ съ собой взяла...

— Зачѣмъ онъ мнѣ здѣсь... вымолвила старостиха, нѣсколько опѣшивъ сразу отъ дерзкихъ словъ Скавронскаго.

— Ладнѣ бы было съ кнутомъ. Къ лицу! Вотъ что солдать съ ружьемъ...

— Онъ мнѣ здѣсь не нуженъ. Сѣчь некого ради науки.

— Какъ, некого... Мы можетъ быть его у тебя отобрали да тебя же бы и отстегали.

Панна вспыхнула...

— Видно, ты и впрямь дворянинъ со вчерашняго дня... Мужикъ былъ, мужикомъ и остался.

— Нѣтъ, я не мужикъ, пани... Да и не былъ имъ никогда. Анна, Христина, да братъ Дирихъ — были мужиками; а я никогда имъ не былъ. Да и хорошее дѣло!.. Будь я твоимъ, къ примѣру крѣпостнымъ, я бы былъ теперь въ каторгѣ, потому что я тебѣ непремѣнно бы голову свергълъ.

— Ну, ты браниться съ панной брось, выговорила Анна... Давай поговоримъ лучше о дѣлѣ.

Анна заговорила уже совершенно другимъ голосомъ.

Обращеніе брата Карлуса съ этой когда-то страшной старостихой, и, вдобавокъ, ея легкое смущеніе, которое не ускользнуло отъ зоркаго глаза Анны — все это сильно подѣйствовало на умную женщину. Она стала смѣлѣе и сама увѣрала себя мысленно, что никакой бѣды отъ прибытія старостихи быть не можетъ.

Ростовская разъяснила все Карлу Самойловичу. Онъ выслушалъ и разсмѣялся.

— Такъ ты пріѣхала тратиться, пани?.. Видно, у тебя денегъ много!.. Во что же тебѣ обойдется твое путешествіе сюда и обратно... Пожалуй, поди, рублей пятьдесятъ...

— Больше, больше!.. воскликнула старостиха.

— Ну, хоть и больше... Хотя при твоёмъ скряжничествѣ, пожалуй, меньше... И зачѣмъ же ты тратиться сюда пріѣхала? Велятъ тебѣ сказать, что Анна съ мужемъ и съ дѣтьми російская дворянка, и что тебѣ, старостихѣ Ростовской, нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

— Нѣтъ... Я такъ не позволю! выговорила пани, опять всплывивъ.

— Да тебя о твоёмъ позволеніи и не спросятъ. А будешь шумѣть...

— Конечно, буду шумѣть.

— Вѣрю... Вижу, что будешь шумѣть... Не такой ты человекъ. У тебя на лицѣ шумъ написанъ... А будешь ты шумѣть — то тебя свяжутъ по рукамъ и ногамъ, положить въ санки и повезутъ обратно въ Польское королевство.

— Ну, это ты врешь, господинъ Карлъ Самойловичъ! воскликнула старостиха, вставая съ кресла.

— Ну, вотъ, увидишь!.. разсмѣялся Скавронскій.

— Больше мнѣ съ тобой толковать не о чемъ. И старостиха, обернувшись грозно къ Аннѣ, выговорила. Я уже

была у нашего ясновельможнаго пана и магната — графа Сапѣги. Онъ мнѣ обѣщаль охлопотать либо выкупъ большой, либо васъ всѣхъ въ кандалы и съ солдатами ко мнѣ отправять.

— Это кто же... Сапѣга обѣщаль? выговорилъ Карлъ Самойловичъ.

— Да, самъ ясновельможный панъ Сапѣга.

— Правда ли это? Ты врешь, можетъ быть..

— Убей меня Богъ, если я вру... Онъ мнѣ все дѣло справить.

— Увидишь ты его, пани, скоро?..

— Да, увижу черезъ четыре дня.

— Ну, такъ, пани, скажи ему отъ меня... Можешь ты аккуратно мое порученіе справить?

— Могу!.. удивилась Ростовская.

— Ну, хорошо. Скажи ему отъ меня, что графъ Карлъ Самойловичъ приказаль графу Сапѣгѣ низко кланяться, и сказать, что онъ дуракъ. Онъ—Сапѣга, а не я...

Скавронскій сказаль это такимъ голосомъ, что Анна, будучи все время задумчива, разсмѣялась, даже Михайло робко улыбнулся, а дѣти, стоявшія въ дверяхъ, начали хихикать.

— Ну, что жъ! Вы же мужики были, мужики и остались, выговорила Ростовская важно и, не прощаясь, пошла изъ горницы.

Черезъ четыре дня, старостиха была снова у Сапѣги. На этотъ разъ самъ магнатъ попросилъ панну къ себѣ въ кабинетъ и объяснилъ ей, что хлопоталь по ея дѣлу, но результатъ получился совсѣмъ неожиданный... Ей, паннѣ, приказано немедленно выѣзжать изъ Петербурга къ себѣ домой.

— Главное, пани, не дѣлай ты никакого шума, даже не говори никому, что Михайло и Анна Ефимовскіе твои бывшіе холопы, а то будетъ тебѣ неприятность. Приключится что-нибудь худое.

— Да какъ же это такъ?!. растерялась старостиха.

— Да такъ. Даже и говорить никому не надо, за какимъ дѣломъ ты сюда пріѣхала.

— А выкупъ?

— Какой выкупъ... Пойми ты, никакой рѣчи объ этомъ и быть не можетъ... Уѣзжай поскорѣе. Мнѣ вѣрные люди сказали, что это самое лучшее будетъ.

— Кто же тебѣ, панъ ясновельможный, сказаль?.. И какъ

могу я, какъ дура какая, уѣхать съ пустыми руками отсюда... Нѣтъ, панъ, я не такая. Я весь Петербургъ вверхъ ногами поставлю. Я до царицы дойду.

— Нѣтъ, пани, я тебѣ дружескій совѣтъ даю... Если на то пошло, то я прямо тебѣ скажу. Мнѣ сама государыня приказала тебя изъ Петербурга выпроводить безъ всякаго шума. Денегъ тебѣ ничего не дадутъ, и не потому, чтобы денегъ жалѣли... Пойми ты, деньги у русской царицы, вѣстимо, есть. А потому, что не хотятъ плодить разговоровъ о выкупѣ Ефимовскихъ. Здѣсь всѣ сдѣлаютъ видъ, что ты женщина ума рѣшившаяся, что семью Ефимовскихъ принимаешь за какихъ-то яко бы бѣжавшихъ у тебя хлоповъ Якимовичей. И вотъ тебя, яко бы безумную, свяжутъ да и засадятъ, пожалуй, куда-нибудь.

— Да вѣдь это разбой, ясновельможный панъ... Вѣдь это настоящій разбой!.. Отобрали у меня цѣлую семью и не хотятъ ничего заплатить. Я буду королю польскому жаловаться.

Сапѣга махнулъ рукой.

— Ну, я вижу, тебя не убѣдишь... Съ тобой говорить—все равно, что воду толочь. Ну, и ступай жалуйся королю польскому. А то хоть императору Римской имперіи... Да кстати ужъ прихвати и св. отца—папу.

Панна хотѣла продолжать разговоръ, убѣждать и просить Сапѣгу ходатайствовать о ней снова, чтобы получить хотя бы только пятьсотъ рублей,—но Сапѣга только отмахивался и молчалъ.

— Ну, вотъ что, ясновельможный панъ. Двѣсти рублей. Такъ ужъ и быть! воскликнула панна. Это мое послѣднее слово.

— Ну, а мое послѣднее слово, пани старостиха: какъ вернешься въ гербергъ, укладывай свои пожитки и тихонько выѣзжай изъ Петербурга домой.

Сапѣга всталъ и началъ выпроваживать молившую его на всѣ лады старостиху.

— Недосугъ мнѣ, пани. Ступай!..

Въ это время появился въ горницѣ какой-то молодой человекъ, и графъ Сапѣга, обернувшись къ нему, вымолвилъ довольно строго:

— Проводи панну до подъѣзда и прикажи внизу, что если панна захочетъ со мной опять видѣться, чтобы ей всегда говорили, что я уѣхалъ.

Ростовская озлобленно взглянула на магната, внутренне обозлилась, но промолчала и быстрой походкой двинулась через всѣ комнаты.

Разумѣется, въ Крюковомъ домѣ послѣ посѣщенія старости всякій день только и было рѣчи, что о ней, о ея намѣреніи и даже ея угрозы.

Карль Самойловичъ успѣлъ убѣдить сестру и зятя, что баба-людоѣдъ съ ума сошла, если рѣшилась угрожать имъ.

— Здѣсь, въ Петербургѣ, говорилъ онъ,—мы съ ней можемъ сдѣлать что хотимъ... Захотимъ—мы можемъ просто ее отколотить.

— Ну, вотъ!... воскликнула Анна. Какимъ же это образомъ?..

— Да очень просто. Ухвати это ее Михайло, коли она пріѣдетъ, да и отдуй... или хоть выпори. Что же она сдѣлаетъ? Кому она пойдетъ жаловаться? Царицѣ доложить — такъ объ закладъ бьюсь: она только посмѣется.

— Да это ты только такъ, ради смѣха говоришь? отозвалась Анна какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Конечно, ради смѣха... Не станемъ же мы ее нарочно заманивать къ себѣ да пороть. Да и ей надо быть о двухъ головахъ, чтобы къ намъ пріѣхать опять... За насъ царица и вся Россійская имперія станутъ.

Черезъ день или два Карль Самойловичъ съѣздилъ къ своей дочери-фрейлинѣ, переговорить съ ней.

Софья побывала у императрицы, вышла къ отцу и сказала, что государыня знаетъ о пріѣздѣ старости Ростовской, что ей докладывалъ обо всемъ графъ Сапѣга.

— Ну, что же она? спросилъ Карлусъ. Какъ она это дѣло обсудить?

— Этого она мнѣ не сказывала, отвѣтила Софья.

— А говорила ты ей, что старостиха грозитъ Анну съ мужемъ и дѣтьми взять силой и увезти къ себѣ въ кандалахъ?

— Сказывала.

— Что же царица?

— Она много смѣялась...

— Ну, вотъ! Я тоже говорю! весело воскликнулъ Карль Самойловичъ.

— Спросила я у государыни, опасаться ли тетушкѣ самой, за себя и за семью?

— Ну, что же?..

— Государыня опять, еще больше, даже до слезъ смѣялась.

— Ничего она не сказала?

— Нѣтъ сказала: „ахъ вы глупые, глупые! Какая-то старостиха пріѣхала, да васъ напугала... Да васъ не только она, а и король польскій взять у меня не можетъ“.

— Ну вотъ, ну вотъ! весело воскликнулъ снова Карлусъ. И я такъ-то думалъ.

Разумѣется, весь этотъ разговоръ съ дочерью Скавронскій передалъ дома сестрамъ и всей семьѣ.

Не только Анна, но даже Михайло Ефимовскій пріободрились, смѣялись и подшучивали заглазно надъ старостихой.

— Экая въ самомъ дѣлѣ дура, говорилъ даже Михайло. Пріѣхала въ Петербургъ—насъ страшаетъ. А русскую царицу польскимъ королемъ испугать хочеть... Этакая дура!

VII.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ скучалъ все болѣе и болѣе. Обстановка Крюсова дома, казалось, тяготѣла надъ нимъ страшнымъ игомъ, онъ томился и чахъ, даже таялъ... какъ говорить народъ.

Дѣйствительно, прежде Дирихъ былъ если не очень плотный и дородный мужикъ, то все-таки не совсѣмъ тощій. Теперь графъ Ѳедоръ Скавронскій похудѣлъ настолько, что вся семья замѣтила это, несмотря на то, что видала его всякій день.

— Хворость какая-либо петербургская привязалась къ нему! говорила Христина.

— Это отъ тоски! Ему Трину жалко, бѣдному, говорила Марья. Выписать бы ее къ нему или его отпустить повидаваться съ ней. За что бѣдному этакъ терзаться. Вѣдь онъ помереть отъ жалости своей.

— Это все отъ пьянства. Онъ скоро сопьется совсѣмъ! говорили зятя Ефимовскій и Генриховъ.

— Все это отъ глупости отъ его, говорила Анна. Дуракъ онъ! А дуракъ и дурачками болѣзнями болѣеть, и дурацкой смертью умираеть.

Но Ѳедоръ Самойловичъ однажды вдругъ пересталъ пить,

повеселѣлъ, немного сталъ опрятнѣе одѣваться, чаще выходилъ и выѣзжалъ изъ дому и вообще измѣнился.

Всѣ дѣти Крюсова дома дивились, глядя на „дядю Дириха“, какъ привыкли они называть его еще въ Ригѣ и въ Стрѣльнѣ.

Одинъ Карлъ Самойловичъ, присматриваясь къ брату, задумывался и тревожился. Ему показалось, что на блѣдномъ и худомъ лицѣ бѣлобрысаго брата было какое-то особенное, будто торжественное выраженіе, а въ бѣлыхъ глазахъ что-то недоброе.

Федоръ Самойловичъ, вдобавокъ, положительно избѣгалъ взгляда старшаго брата, будто боялся его. Можно было по неволѣ подумать, что у него не чисто на совѣсти.

— Что ты это? спросилъ однажды брата Карлъ Самойловичъ.

— Что? отвѣтилъ Дирихъ, глядя въ сторону.

— Повадка другая... Отскребся какъ конь... Жениться что ли собрался? Зазноба завелась?

Дирихъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поднялъ глаза на брата и взглядъ его бѣловатыхъ зрачковъ блеснулъ яростно и озлобленно, какъ еслибъ братъ сказалъ ему нѣчто особенно оскорбительное.

— Чего обидѣлся? Тебѣ и вправду жениться бы слѣдъ. А то этакъ хуже пропадешь.

Дирихъ мотнулъ головой, повернулся къ брату спиной и на всѣ его рѣчи о необходимости жениться и начать жить степенно „по-дворянски“ не отвѣчалъ ни слова.

Карлусъ махнулъ рукой и мысленно прибавилъ:

„Да что жъ мнѣ! Вѣкъ жили розно. Пускай дѣлаеть, что хочетъ. Не маленькій. Хоть утопится!“

Однажды въ Крюсовъ домъ пріѣхала Софья Карловна и, повидавъ всю родню, осталась обѣдать.

Видя, что мѣсто дяди, графа Федора Самойловича, осталось незанято, она вспомнила о немъ и спросила у матери:

— А что дядюшка, хвораетъ что ли?

— Нѣтъ, отозвалась мать. Онъ сидитъ у себя въ горницѣ, третій день не выходитъ, молчитъ какъ убитый и все о чемъ-то думаетъ.

— О чемъ ему думать! рѣзко замѣтила Анна Самойловна. Это ему дѣло не привычное. За него о прежде всегда его Трина думала...

— Не начудилъ бы онъ что-нибудь! сказала Карлъ Самойловичъ. Боюсь я очень, что братъ что-то затѣваетъ тайно. Не удивилъ бы онъ насъ.

Послѣ обѣда Софья пошла къ дядѣ. Дверь его оказалась заперта изнутри. Она постучалась.

— Кто тамъ? раздался угрюмый голосъ Дириха.

Софья назвалась... Щелкнулъ замокъ и дверь тотчасъ же отворилась.

— Ты... Иное дѣло. Входи, встрѣтилъ племянницу графъ Фѣдоръ Самойловичъ... И, впустивъ дѣвушку къ себѣ, онъ снова заперъ дверь на ключъ.

— Не хочу я ихъ видѣть. Никого. Они дураки! сердито прибавилъ онъ.

Сѣвъ и усадивъ племянницу, графъ тоскливо сталъ глядѣть на нее.

— Что ты, хвораетъ? спросила Софья дядю.

— Нѣтъ... Но помру и безъ хворости, если не...

Онъ не договорилъ и замолкъ.

— Отчего же ты не выходишь отсюда, не обѣдаешь?..

— Я ѣмъ хлѣбъ. Вотъ, видишь... А вонъ вода въ кувшинѣ. Поѣмъ и напьюсь.

— Одного хлѣба?..

— Одного хлѣба!.. насмѣшливо повторилъ дядя. Ахъ вы... И ты тоже... Ахъ, дураки. Да прежде что жъ вы ѣли. Все одни пряники да пироги... Или у васъ память у всѣхъ отшибло...

— Прежде. Да... Конечно—поневоля... Но теперь зачѣмъ же я буду одинъ хлѣбъ ѣсть! наивно сказала Софья.

Отъ мяса жиръ у человѣка заводится, а съ жиру человѣкъ бѣсится. Вотъ твои тетки, да и отецъ съ матерью тоже—стали мясо ѣсть и стали бѣситься. А я не хочу... Ну, говори мнѣ? Что ты? Какъ живешь?

— Ничего.

— Ничего... хорошо? Ну тебѣ-то можно по молодости. Привыкнешь и къ этой жизни... А я не могу... Я, Софья, уйду.

— Куда?

— Къ себѣ. Домой... Въ Литву или въ Лифлянды.

— Тебя, дядя, не пустятъ.

— Я и проситься не стану...

— Какъ же ты... Убѣжишь тайкомъ?

— Убѣгу... Что жъ... побоюсь что ли?! Мнѣ бы только за заставу выбраться, а разъ въ полѣ — меня ни съ какими собаками не отыщутъ.

— Государыня разгнѣвается, дядя.

— Ну такъ что жъ. Гнѣвайся на здоровье.

— Если тебя поймаютъ, то могутъ запереть въ крѣпость, солгала нарочно Софья.

— Не поймаютъ... А если и поймаютъ — то сажай! Запирай! Я тогда удавлюся. Хуже будетъ.

Дядя и племянница помолчали минуту.

— Тебѣ скучно. Ты скучаешь по Тринѣ? заговорила Софья.

На глазахъ Дириха отъ этихъ словъ сразу навернулись слезы. Онъ не отвѣтилъ и махнулъ рукой.

— Просить мнѣ государыню, чтобъ она велѣла разыскать и привести Трину? выговорила Софья.

— Просили. Я просилъ. Прошеніе подавалъ. Сказала, что все пустое. Что она меня женить на дворянкѣ. А это страшное дѣло.

— Отчего страшное?

— Я ее зарѣжу—эту дворянку.

— Богъ съ тобой, дядя...

— Они говорятъ: Тринѣ не годно быть здѣсь со мной, что она мнѣ чужая жена, и что дочери Трины поганья латышки. А они сами здѣсь, дворяне и царедворцы, развѣ не живутъ съ чужими женами? Развѣ не пьянствуютъ здѣсь разныя боярыни...

— Полно. Что ты...

— Я правду говорю... Я все это знаю, отъ вѣрнаго чело-вѣка.

И графъ Ѳедоръ Самойловичъ, оживясь, гнѣвно и озлобленно сталъ подробно разсказывать дѣвушкѣ все, что зналъ о житьѣ-бытьѣ Петербурга.

— У насъ, въ Лифляндахъ на деревняхъ не живутъ такъ зазорно, какъ они, дворяне, здѣсь живутъ! горячо окончилъ свою рѣчь Дирихъ. Люди все тѣ же, Софья, во что ни выряди ихъ. Вотъ я графомъ именуюсь, былъ и Фридрихомъ, теперь Ѳедоръ... Платье и кафтаны тоже разные носилъ... А что жъ, я пересталъ развѣ Дирихомъ быть? Ты вотъ графиня Скавронская, а не Софья Скворощанка. Чинъ у тебя придворный, а развѣ ты другая стала? Ты была и въ Дохабенѣ барышней, и теперь все такая же. И не хуже ихъ,

дочерей вельможныхъ. Ты въ деревнѣ была Яункундзе, а иная здѣсь рожденная важная старуха-княгиня—совсѣмъ, по нашему, „рагане“, чистая вѣдьма.

Побесѣдовавъ съ дядей, Софья поспѣшила домой, такъ какъ въ этотъ день ей надо было присутствовать на вечерѣ у государыни.

Изрѣдка, раза три или четыре въ мѣсяцъ, въ малыхъ аппаратахъ императрицы собирались самые близкіе ей люди, человѣкъ до пятнадцати. Въ числѣ гостей бывалъ всегда и любимецъ государыни, магнатъ Сапѣга съ сыномъ. Софья не разъ поэтому случалось вступать въ разговоръ съ своимъ знакомцемъ еще по Вишкамъ. Однако эти бесѣды не клеились, такъ какъ Яункундзе изъ Дохабена, какъ тогда тамъ, равно и здѣсь, продолжала все съ той же непріязнью относиться къ молодому магнату, не вынося его гордой и надменной манеры держаться со всѣми.

На этотъ разъ Петръ Сапѣга, на вечерѣ у государыни, увидя Софью въ углу горницы, одну и задумчивую, подошелъ къ ней и сѣлъ.

— О чемъ сгрустнулась, пани графиня? участливо спросилъ онъ по-польски. Вспоминаешь родину?

— Софья почудился въ этомъ вопросѣ намекъ на ея прежнее крестьянское состояніе.

— Да, родину... раздражительно отозвалась она. Вспоминаю и жалѣю о ней. Тамъ я была счастливѣе! невольно вырвалось у дѣвушки какъ бы на смѣхъ этому гордецу.

— Счастливѣе? удивился магнатъ. Не понимаю...

Софья не отвѣтила и наступило молчаніе.

— Помнишь ли, графиня, заговорилъ Сапѣга задумчиво и серьезно, какъ мы съ тобой познакомились, помнишь ли нашу бесѣду въ віасибасъ-намсѣ, все, что ты говорила...

— Конечно, ничего не помню... отвѣчала Софья насмѣшливо. Такой пустякъ помнить нельзя. Я даже забыла, что мы встрѣтились тогда въ Вишкахъ! солгала она.

— Не вѣрю... Право не вѣрю, что ты забыла даже про встрѣчу, не только про бесѣду, разсмѣялся добродушно молодой человѣкъ.

Софья молча пожала слегка плечами, но вспыхнула.

— Ну, а я помню все... улыбнулся Сапѣга, ласково глядя на дѣвушку, волнующуюся отъ непріязненнаго къ нему чув-

ства, которое овладѣвало ею каждый разъ что молодой чело-
вѣкъ заводилъ съ ней разговоръ.

„Гордецъ! думалось ей всегда. Почитаеть себя превыше
всѣхъ!“

— Я помню, какъ ты насмѣялась надо мной и даже оскор-
бительно отнеслась ко мнѣ, продолжалъ Сапѣга, я потомъ
долго вспоминалъ объ этой Лункундзе и объ ея обидныхъ
рѣчахъ...

— Да... Тогда въ вiасибасъ-намсѣ, при разговорѣ магната
съ крестьянкой, заговорила Софья, дѣйствительно, нѣкто над-
менно, грубо, хвастливо и самонадѣянно вель рѣчи!

— Не я же, пани графиня.

— Не я же, панъ графъ.

— Что же я тогда сказалъ такого... грубаго или дерзкаго?
Вспомни, скажи...

— Вспомни самъ. Я и помнить не хочу, потому что не
стоитъ.

— Я говорилъ, что, если бы ты была моя крѣпостная, то
я бы ни за кого тебя замужь не выдалъ, а взялъ бы за себя...
Это значить, что ты мнѣ...

— Себѣ... А не за себя!.. оборвала его рѣчь Софья.

— Но это значить, что ты мнѣ понравилась. А развѣ дѣ-
вушкѣ оскорбительно слышать такое. Ты же, наоборотъ, от-
вѣтила мнѣ презрительно, что знаешь одного ганца, который
много краше и милѣе меня...

— Мнѣ... Да... Это правда... Это не оскорбленіе, а прав-
дивое заявленіе. Ганць для меня—и теперь скажу—краше и
много милѣе пана графа. Это правда!

— Была правда, съ удареніемъ произнесъ Сапѣга.

— Была? Какъ была...

— Ты сказываешь: это правда. Надо сказывать: это была
правда.

— Исправляй, панъ, свою рѣчь. Чужія рѣчи исправлять
ужь очень самонадѣянно. Я сказала и говорю: это правда!

— Стало-быть, надо понимать, что и теперь этотъ ганць
для тебя краше меня... Ну и всѣхъ другихъ, стало-быть.

Сапѣга улыбнулся, какъ бы поймавъ дѣвушку на противо-
рѣчii, но тотчасъ же пересталъ улыбаться, ибо увидѣлъ огнен-
ный взоръ молодой графини Скавронской, гнѣвно и презри-
тельно устремленный на него... Такъ же, точъ-въ-точъ, когда-
то глянула она на него въ горницѣ постоялаго двора.

— Извини, графиня, заговорилъ онъ, но я никогда не повѣрю тебѣ, что теперь для тебя этотъ пастухъ такъ же милъ, какъ былъ, можетъ быть, тогда, въ деревнѣ, въ твоемъ прежнемъ состоянii...

— Извини, графъ, но какъ былъ этотъ пастухъ для меня краше всѣхъ, такъ и остался...

— Не говори же этого, скрывай... А то надъ тобой всѣ смѣяться стануть, вымолвилъ Сапѣга.

— Скрываютъ только худое, а это не...

— Будутъ на твой счетъ злоязычничать.

— Я этого не испугаюсь... надменно отозвалась Софья.

— Могутъ вѣдь подумать, что ты говоришь правду.

Софья съ крайнимъ изумленiемъ поглядѣла на молодого магната.

— Даже не вѣрить! вдругъ прошептала она и тотчасъ вспомнила невольно, что то же самое восклицанiе вырвалось у нея когда-то на порогѣ горницы въ Вишкахъ.

Сапѣга размѣялся, ибо тоже вспомнилъ.

— Графиня. Неужели же въ самомъ дѣлѣ—это правда? Побожися... Вѣдь ты шутишь? спросилъ онъ.

— Не зачѣмъ божиться. Графу это не нужно и не любопытно.

— Если бы я не былъ обрученнымъ женихомъ княжны Марьи Александровны Меншиковой, то мнѣ это было бы очень любопытно и очень нужно знать, странно выговорилъ Сапѣга, не глядя на дѣвушку.

— Почему?.. удивилась Софья.

— Догадайтесь, пани графиня.

— Не стойть голову ломать... холодно произнесла она.

— Если бъ я не былъ женихомъ другой, я бы сталь, тихо выговорилъ Сапѣга, ревновать Лункундзе къ этому ганцу, потому что она мнѣ очень по сердцу.

— Полно, графъ... Пустыя рѣчи!.. Не старайся мой разумъ, хотя бы на единый мигъ, собою плѣнить, ради бездѣлья или похвальбы. Я не податлива на пустой звонъ! Да и знай, что мой разумъ, душа, сердце, все... грустно прошептала Софья,—тамъ, на родинѣ, въ Дохабенѣ...

— У простого ганца?..

— Да. У нищаго пастуха, латыша! горячо воскликнула она.

— Не сказывай этого никому, графиня... Въ скоморохи у всѣхъ попадешь! заговорилъ рѣзко Сапѣга, но какъ-то стран-

но, будто раздражительно, будто съ волненіемъ. И тотчасъ же молодой магнать, быстро поднявшись, отошелъ отъ графини Скавронской, не дожидаясь отвѣта. Дѣвушка осталась одна, взволнованная и гнѣвная...

На другой же день, Софья, проволновавшись всю ночь, рѣшилась снова переговорить съ отцомъ. По пріѣздѣ въ Крюковъ домъ, вся храбрость ея пропала. Она рѣшила, поболтавъ о пустякахъ, проститься и уѣхать, но видя, что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, Дохабенская Яункундзе не выдержала. Вдругъ, сразу и горячо стала она умолять отца сдѣлать ее счастливой, т.-е. разыскать ганца Дауца Цуберку и, привезя въ столицу, просить у государыни дозволенія и согласія на ея бракъ съ „новымъ“ дворяниномъ.

— Вѣдь стали же мы считаться дворянами, да еще графами, потому что „такое“ на бумагѣ написали, а царица свое имя проставила! объяснила Софья. Вѣдь это, право, легче, чѣмъ многое простое, пойми, отецъ. Мнѣ было, право, мудренѣе заслужить прозвище Яункундзе отъ сосѣдей по деревнѣ, чѣмъ здѣсь получить прозвище графини Скавронской! наивно, но мѣтко и вѣрно сообразила Софья.

Карль Самойловичъ молчалъ угрюмо на всѣ доводы дочери и чѣмъ болѣе оживлялась она, поминая имя милаго ганца, чѣмъ болѣе блестяли ея глаза и румянилось лицо, тѣмъ угрюмѣе смотрѣлъ изподлобья графъ Скавронскій.

— Хорошо. Я на сихъ дняхъ поговорю о тебѣ съ государыней! сказалъ онъ, но, отсылая дочь домой, во дворецъ, на всѣ ея вопросы не захотѣлъ ничего добавить въ объясненіе. Софья уѣхала грустная и озабоченная.

Дѣйствительно, Карль Самойловичъ получилъ аудіенцію у государыни и доложилъ ей, что дочь Софья очень желаетъ быть выданной замужъ.

— Она полюбила кого-нибудь? спросила Екатерина.

— Да. Но этотъ человѣкъ ей не пара. Да это и пустое, сказалъ вскользь графъ Скавронскій. Вы лучше извольте сами найти достойнаго жениха.

— Непремѣнно. Отлично. На свадьбѣ попируемъ.

И государыня взялась горячо за дѣло. Она объявила всѣмъ приближеннымъ, что хочетъ выдать Софью за родовитаго человѣка и дать за ней такое приданое, отъ котораго ахнетъ вся столица.

Сначала императрица вспомнила о предполагавшемся жени-

хѣ своей дочери Елизаветы, на домогательства котораго она отвѣчала отказомъ. Это былъ Морицъ Саксонскій. Если не для дочери, то для „новой“ графини онъ былъ парой. Впрочемъ, вскорѣ Екатерина бросила мысль объ этомъ бракѣ, ибо ей захотѣлось, чтобы ея Яункундзе, — какъ она звала Софью — оставалась съ ней въ Петербургѣ.

„Надо выдать ее за кого-либо изъ сыновей здѣшнихъ вельможъ!“ рѣшила царица и обратилась за совѣтомъ и помощью къ своему секретарю и довѣренному лицу, Макарову. Чрезъ недѣлю уже весь Петербургъ зналъ, что польской фрейлинѣ ищутъ жениха и что приданое ея хватитъ за миллионъ рублей.

Софья тоже узнала отъ отца свою роковую судьбу и захворала съ горя, а оправившись, бродила печальная.

VIII.

Однажды, въ сѣрый пасмурный день, одинъ изъ праздныхъ, сонныхъ лакеевъ доложилъ Аннѣ Самойловнѣ, сидѣвшей у себя въ горницѣ, что опять пріѣхала та же „сердитая“ барыня, которая уже разъ была.

— Ростовская? воскликнула Анна радостно.

— Не знаю... А та, что вотъ была уже разъ... Сердитая такая. Спрашиваетъ васъ по дѣлу.

На этотъ разъ Михайло, явившійся въ комнату вслѣдъ за лакеемъ, глядѣлъ весело. Увидавъ въ окно, что старостиха опять пожаловала къ нимъ, Ефимовскій даже размѣялся и пошелъ доложить женѣ.

— Любопытно, Анна, зачѣмъ опять къ намъ лѣзетъ эта „рагана“ вѣдьма? сказалъ онъ.

Анна сидѣла и молчала; очевидно она что-то обдумывала. Наконецъ, она встала и выговорила мужу строго:

— Я пойду... Мнѣ нужно. А ты выйди къ паннѣ-старостихѣ и проводи ее въ ту зеленую комнату, въ угловую, и съ ней тамъ сядь и толкуй. Толкуй, о чемъ хочешь, но жди пока я не приду.

— А ты? странно спросилъ Михайло, вдругъ съезжившись.

— А что?.. Да ты никакъ опять оробѣлъ... Вотъ дуракъ-то... И вправду всю жизнь дуракомъ слылъ.

— Нѣтъ, я ничего... выговорилъ Михайло такимъ голосомъ, который его выдавалъ.

— Да что жъ она, прибѣетъ тебя что ли!...

— Да нѣтъ... Я не про то... А ты-то куда же.

— Ну, слушай, безтолковый! Я тебѣ приказываю: веди ее въ зеленую горницу и сиди тамъ, пока я не приду... Слышишь ты?

Голосъ Анны былъ такъ строгъ, что мужъ нѣсколько смутился, но уже не отъ предстоящей бесѣды наединѣ со старостихой, а отъ гнѣва жены.

— Ну, ладно... ладно. Все сдѣлаю. Ты долго проходишь?

— Долго, долго... Но сколько бы я ни проходила, ты все съ ней сиди! Хоть до завтра!... ужь рѣзко и грозно выговорила Анна.

Михайло отправился къ парадной лѣсницѣ и, вѣжливо встрѣтивъ старостиху, повелъ ее въ горницу, про которую говорила жена.

Старостиха выступала съ важнымъ видомъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ, и по лицу ея можно было догадаться, что она явилась съ какимъ-то рѣшительнымъ намѣреніемъ... Вдобавокъ, у нея была палка въ рукахъ и она, слегка прихрамывая, опиралась на нее. Михайло вспомнилъ, что никогда отъ роду онъ не видалъ старостиху хромающей... И онъ былъ теперь глубоко убѣжденъ, что это была одна игра, ради того, чтобы узаконить присутствіе толстой и здоровенной палки.

„А вѣдь она меня, пожалуй, отколотитъ, думалъ Михайло, провожая гостью. Всѣ наши на смѣхъ подымутъ. А что тутъ съ ней подѣлаешь? Долго ли ударитъ“.

— Куда же ты меня ведешь! вымолвила старостиха.

— А вотъ, пожалуй сюда вотъ... Тамъ не такъ просторно, выговорилъ Михайло, не зная, что сказать. Тамъ лучше будетъ, прибавилъ онъ, спохватившись, что совралъ.

Старостиха, важно шагая, старалась слегка прихрамывать. Гордо закинувъ голову назадъ, съ величественнымъ выраженіемъ лица, медленно прослѣдовала она въ зеленую горницу, которая была на самомъ краю большого дома.

Здѣсь она усѣлась на большое кресло и, поглядѣвъ на Михайлу, спросила:

— А Анна?..

— Жена сейчасъ придетъ.

— То-то... А съ тобой дуракомъ я и говорить ни о чемъ не стану. Мнѣ ее нужно, а не тебя—осель!

— Она сейчасъ придетъ, повторилъ Михайло предупредительнѣе.

И робкій отъ природы человекъ не сѣлъ, а, стоя передъ старостихой, соображалъ:

„Чудное это дѣло... Диковинное!.. Вѣдь вотъ сама русская царица сказала, чтобы намъ не бояться. А я все боюсь... Такъ вотъ мнѣ и кажется, что она сейчасъ меня разложитъ и велитъ пороть“.

Прошло около четверти часа въ полномъ молчаніи. Старостиха сидѣла не двигаясь и только какъ-то фыркала и отдувалась. Бурныя мысли и чувства, волновавшія ее, вырывались этомъ фырканиемъ наружу.

„Грабители, схизматики, варвары!...“ повторяла про себя старостиха на всѣ лады.

Михайло перешелъ тихонько и сталъ у окошка, переминаясь съ ноги на ногу и не спуская глазъ съ панны-старостихи.

„И когда это жена придетъ?“ думалъ онъ, тоскуя какъ собака, неожиданно привязанная на веревочкѣ.

Просидѣвъ еще минутъ десять, старостиха, глубоко задумавшаяся, вдругъ пришла въ себя, грозно вскинула очами и, стукнувъ палкой объ полъ, строго крикнула:

— Бѣги за женой!... Скажи ей, что она не смѣетъ заставлять свою панну такъ долго дожидаться... Бѣги!...

Михайло только этого и ждалъ, чтобы вырваться изъ горницы. Онъ опрометью бросился по дому розыскивать жену, но въ прихожей онъ наскочилъ на Анну, которая шла ему настрѣчу; лицо ея было какое-то особенное. Михайло остановился, сталъ какъ вкопанный, и удивляясь, глядѣлъ на жену.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Ничего, отозвалась Анна.

— У тебя лицо какое-то.

— А, пошелъ ты, дуракъ!... Гдѣ она?...

— Да тамъ, въ зеленой горницѣ.

— Ладно... Мы вотъ сейчасъ увидимъ, кто... Я или она...

Но Анна не успѣла договорить... Въ ту же дверь, у которой явилась она, вошло четверо слугъ, дюжихъ парней, и у двоихъ изъ нихъ въ рукахъ были пучки розогъ.

— Что ты, Анна... Что ты!... прошенталъ Михайло потерявшись.

— Цыцъ... Не твое дѣло!... отозвалась гнѣвно жена, двигаясь далѣе.

Пройдя нѣсколько комнатъ, Ефимовская обернулась къ лаке-

ямъ и приказала имъ запереть за собой двери на ключъ. Затѣмъ, пройдя въ слѣдующую комнату, она приказала то же самое.

Наконецъ, вступая въ угловую горницу, гдѣ сидѣла старостиха, Анна велѣла людямъ сразу войти за ней и сразу запереть на ключъ.

Въ одну секунду обомлѣвшая и окаменѣвшая, какъ истуканъ, старостиха очутилась лицомъ къ лицу съ Анной и съ четырьмя молодцами, изъ рукъ которыхъ топырились на нее прутья въ связкахъ.

Михайло, воспользовавшись быстрымъ передвиженіемъ арміи жены, умшленно остался запертый съ обѣихъ сторонъ въ содѣйней горницѣ.

Анна выступила передъ старостихой и отъ своего напускного гнѣва, или отъ давнишней злобы и ненависти, отъ жажды мести, выросла на цѣлую голову.

— Ну, пани... долгъ платежемъ красенъ!.. Вы! Живо!.. обратилась она къ двумъ холопамъ, у которыхъ руки были свободны... Раздѣвайте эту „рагане“.

Старостиха стремглавъ кинулась со своего кресла на молодцовъ, которые двинулись къ ней, и палка ея засвистала по воздуху. Но это былъ поступокъ для старостихи самый неосторожный. Оба молодца, выступивъ нѣсколько нерѣшительно, обозлились сразу, когда каждый получилъ нѣсколько здоровыхъ тукманокъ по головѣ. Завязалась борьба, длившаяся, конечно, полминуты.

При первыхъ же вопляхъ старостихи, Михайло Ефимовскій потерялъ окончательно голову; онъ чуялъ, что Анна затѣяла погибельное дѣло. Онъ сталъ звать жену и ломиться въ дверь зеленой гостиной, но понялъ, что она была заперта на ключъ. Тогда Ефимовскій бросился въ другія двери, отперъ ихъ и побѣжалъ къ Карлусу.

Черезъ минуту весь домъ всполошился. И женщины, и дѣти, и люди—всѣ были на ногахъ! Всѣ бросились къ горницѣ, гдѣ продолжала звѣреть орать старостиха.

Карлъ Самойловичъ прежде всѣхъ сталъ стучать что есть силы въ дверь и кричать:

— Анна, отопри!..

Разумѣется, черезъ нѣсколько мгновеній старостиха была освобождена отъ своихъ палачей.

Нѣсколько людей вывели гостью изъ дому и посадили ее

въ телѣжку, въ которой она пріѣхала. Панна, синебагровая или отъ злобы, или отъ испытаннаго въ первый разъ въ жизни наказанія, смотрѣла какъ обезумѣвшая.

Если бы люди, посадившіе ее въ телѣжку, не приказали кучеру везти барыню домой, то она, казалось, не смогла бы сдѣлать это сама.

Карль Самойловичъ сначала сердился, бранилъ и упрекалъ Анну въ самоуправствѣ. Онъ боялся, что можетъ дѣло дойти до царицы и разгнѣвать ее. Но затѣмъ, видя у всѣхъ веселыя лица и сдерживаемый смѣхъ, невольно и Карль Самойловичъ сталъ смѣяться.

— Нѣтъ, братъ, заговорила молчавшая Анна. Если бы даже я наказаніе какое претерпѣла отъ царицы—то все-таки раскаиваться не буду... Пускай лучше меня сошлютъ вотъ, или запрутъ въ крѣпость! Все-таки я буду знать, что я этому людоеду отплатила и за себя, и за мужа, и за дѣтей. Сколько разъ она, проклятая, насъ такъ наказывала! А пуще всего мнѣ дорога отместка за дѣтей... Сколько разъ она за пустяки старшихъ дѣтей порола... А теперь на себѣ испробовала.

Не прошло десяти минутъ, не успѣла старостиха доѣхать къ себѣ домой, какъ въ Крюйсовомъ домѣ раскатистый, веселый хохотъ раздавался во всѣхъ горницахъ. Хохотали господа, хохотали дѣти, хохотали холопы.

— Ай да угостили польскую гостью!... радовались всѣ.

— По дѣломъ этой „рагане“ проклятой! говорилъ и Карль Самойловичъ. Но я боюсь, подасть она жалобу государынѣ. Не нажить бы намъ бѣды.

Черезъ два дня графу Скавронскому, нѣсколько оторопѣвшему, доложили, что къ нему пожаловалъ отъ государыни генераль Девьеръ.

Карль Самойловичъ быстро вышелъ къ зятю могущественнаго князя Меншикова и понялъ тотчасъ причину посѣщенія такого лица.

Девьеръ вѣжливо, но холодно распросилъ все, касающееся до приключенія съ польской панной въ Крюйсовомъ домѣ.

— Я долженъ тебѣ, господинъ графъ Карль Самойловичъ, передать, сказалъ Девьеръ, въ случаѣ, если все оное приключеніе правдиво, что ея величество симъ поступленіемъ вашимъ очень будетъ огорчена... Дворянинъ пори холопа. Это законы статскіе одобряютъ. Но дворянинъ дворянина или дво-

рянку пороть не долженъ. Оное дѣяніе соблазнительно для холоповъ стать можетъ.

Девьеръ уѣхаль, говоря, что подробно доложить все государынѣ, а Скавронскій волновался цѣлый день и попрекаль не менѣе смущенную Анну.

— Всего лишить могутъ, говорилъ онъ сестрѣ.

Но ввечеру пріѣхала фрейлина и рассказала, что хотя не присутствовала при докладѣ Девьера, но слышала все въ растворенныя двери.

— Что же государыня?! воскликнуло въ разъ нѣсколько голосовъ.

— Государыня все качала головой! наивно вымолвила Софья. Все качала головой, но ни слова не сказала.

IX.

Однажды, вскорѣ послѣ этого приключенія, всѣ обыватели Крюкова дома, плотно пообѣдавъ, собрались въ одну большую гостиную, чтобы съѣсть десять фунтовъ калужскаго тѣста, подареннаго имъ наканунѣ однимъ изъ питерскихъ сановниковъ.

Сановникъ этотъ былъ пзъ числа тѣхъ, которые считаютъ святымъ долгомъ, актомъ великой философіи обыденнаго разума ухаживать заранѣе, во-время, за каждой личностью, которая можетъ современемъ оказаться полезной.

Появленіе въ столицѣ членовъ „оной фамиліи“ заставило многихъ петербургскихъ дворянъ заискивать у нихъ съ первыхъ же дней. „Почемъ знать!“

Коробка съ калужскимъ тѣстомъ, изъ которой вырѣзывались здоровенныя порціи на взрослыхъ и дѣтей трехъ семей—быстро опорожнилась.

— А дядѣ Дириху? произнесъ вдругъ двѣнадцатилѣтній Мартынъ Скавронскій.

— Его нѣту. Не пришелъ, такъ и по дѣломъ, отозвалась Анна. Валяется, небось, у себя на постели, пьяный.

— Его тамъ нѣтъ, замѣтилъ кто-то изъ сыновей Ефимовской.

— Его и ночью не было, сказалъ Антонъ Скавронскій.

— Какъ! Ночью не было?! отозвались нѣсколько человекъ за разъ.

— Да такъ. Я былъ вчера ввечеру у него въ горницѣ—его не было. Нынче, рано поутру, опять пришелъ—все его

нѣтъ, объяснилъ юноша. Я ужь спрашивалъ всѣхъ холоповъ—говорять, со вчерашняго дня дяди Дириха нѣтъ.

— Что ты врешь!.. воскликнулъ Карлъ Самойловичъ, нѣсколько тревожно.

— Ей Богу, отецъ!... отозвался Антонъ.

— Что же ты мнѣ не сказалъ?.. Что ты махонькой что ли, не понимаешь, что это дѣло важное.

— Да думаль—вернется къ обѣду.

Карлусъ тотчасъ же вскочилъ и пошелъ опрашивать людей. Вслѣдъ за нимъ поднялись и другіе, и скоро опросы пошли по всѣмъ горницамъ, у всѣхъ дворовыхъ мужчинъ и женщинъ.

Оказалось то же, что говорилъ старшій Скавронскій отцу. Люди отвѣчали, что графа Федора Самойловича нѣтъ со вчерашняго дня.

— Да какъ же вы всѣ молчка... Ахъ, черти! отчаянно воскликнулъ Карлусъ.

Такимъ образомъ было уже 24 часа, что Дирихъ исчезъ изъ дому и никто о немъ не хватился. Всѣ обитатели Крюкова дома, видя чрезвычайно встревоженное лицо Карлуса, поняли сразу, что исчезновеніе ихъ полоумнаго родственника имѣеть значеніе событія.

Разумѣется, графъ Скавронскій тотчасъ же принялъ всякія мѣры, поѣхалъ самъ и послалъ старшаго сына, а равно зятя Михайлу Ефимовскаго къ начальствующимъ лицамъ въ городѣ, чтобы заявить о случившемся.

Начальство поднялось на ноги, но болѣе или менѣе лѣниво и неохотно.

— Можетъ гдѣ-нибудь въ городѣ, говорили они. Вечеромъ вернется.

На другой день, рано утромъ, все столичное начальство не только было на ногахъ, но усиленно хлопотало и озабоченно рыскало по городу.

Случилось это потому, что императрица, которой доложила обо всемъ Софья, встревожилась и приказала разыскать пропавшаго какъ можно скорѣе.

Но всѣ поиски въ столицѣ оказались тщетны. Обшарили и обыскали всѣ мышиныя норки—но нигдѣ графа Федора Самойловича Скавронскаго не оказалось, никто его даже не видалъ. Онъ канулъ какъ топоръ въ воду.

— Ужъ и впрямь не утопился ли, встревожился Карлусъ.

— Хорошее бы дѣло... заявляла Анна.

— Нѣтъ, не утопился, говорила Марья Скавронская... Вѣрно вамъ говорю... Я знаю. Онъ мнѣ не разъ проговаривался... Онъ убѣждалъ, и искать его нечего... Богъ съ нимъ! Онъ здѣсь помретъ отъ тоски.

— Съ ума ты сошла! отозвался Карлусъ. Развѣ можно дозволить, чтобы графъ Скавронскій въ ямчики опять пошелъ и съ латышкой жить сталъ!.. Надо его разыскать и хоть на веревкѣ привести обратно.

— Ну, а если разыскивать, объяснила Марья, то ищите его тамъ, гдѣ Трина.

— Гдѣ Трина? Да чортъ ее знаетъ, гдѣ она теперь!

Карлусъ снова отправился по начальству, заявилъ о своемъ предположеніи, что братъ вышелъ или выѣхалъ изъ столицы и что искать его нужно на большомъ трактѣ во вновь завоеванный край.

Два курьера были тотчасъ же отправлены въ русскую Лифляндію и Эстляндію; а двухъ другихъ отправили въ Литву и польскую Лифляндію.

Каждому изъ посланцевъ было обѣщено по ста рублей награды за находку... А это было суммой очень большой!..

Между тѣмъ, пока въ столицѣ хватились графа Ѳедора Скавронскаго, безпокоились и искали, самъ бѣлобрысый Дирихъ мирно двигался по большому тракту на Псковъ.

Когда добродушный графъ Ѳедоръ Самойловичъ рѣшилъ, что ему или умереть, или сдѣлаться снова прежнимъ Дирихомъ Скворотскимъ—онъ бросилъ свою прежнюю жизнь, оставилъ пьянство и сталъ все готовить къ своему побѣгу.

Торжественность въ лицѣ и недоброе выраженіе въ глазахъ, которое замѣтилъ недавно въ братѣ Карлусъ—быди послѣдствіемъ этого внутренняго рѣшенія, о которомъ Дирихъ признался Софѣ и только вскользь намекалъ Марѣ,—единственные женщины, къ которымъ онъ относился сердечно.

Наканунѣ того дня, что вся семья собралась ѣсть калужское тѣсто, Дирихъ вышелъ изъ дому какъ бы для прогулки. И еслибы лакеи, сидѣвшіе въ передней, были повнимательнѣе, то замѣтили бы, какъ сіяло довольствомъ лицо графа Ѳедора Самойловича. Выйдя изъ дому, Дирихъ ничего не взялъ съ собою, только въ кафтанѣ его что-то топорщилось сбоку. Это были мѣшочекъ съ деньгами, золотомъ и серебромъ, которыя онъ добылъ себѣ на путешествіе.

Глуповатый челоуѣкъ съумѣлъ, еще за недѣлю до побѣга,

достать себѣ въ Петербургѣ, у иностранца полу-еврея, двѣсти рублей займа.

Ростовщикъ съ удовольствіемъ ссудилъ его этой суммой подъ документъ, по которому Скавронскій обязался уплатить черезъ годъ вдвое. Прямо изъ Крюсова дома, Дирихъ дошелъ пѣшкомъ до Подъяческой улицы, тамъ повидался съ однимъ приказнымъ и получилъ отъ него правильно написанный видъ на имя уроженца города Варшавы, шляхтича Свенцинскаго.

Сдѣлавшись сразу, хотя бы и подложнымъ, но, тѣмъ не менѣе, польскимъ подданнымъ, графъ Скавронскій—Игнатій Свенцинскій — Дирихъ Сковоротскій—отправился къ устью рѣчки Фонтанки, въ деревушку Мятеловку, гдѣ имѣли пребываніе въ то время разныя сомнительныя личности и въ томъ числѣ конокрады.

Здѣсь какой-то обыватель уже заранѣе приготовилъ для неизвѣстнаго ему бѣлоглазаго и бѣловолосаго петербургскаго жителя пару отличныхъ коней и чухонскую телѣжку на двухъ колесахъ.

Дирихъ уплатилъ за все 25 рублей, сѣлъ въ телѣжку, подобралъ возжи, взмахнулъ кнутомъ и въ этотъ моментъ преобразился. Сердце задрожало въ прежнемъ ямщикѣ, очутившемся вдругъ „въ своей тарелкѣ“, вдобавокъ съ надеждой живо доскакать до тѣхъ предѣловъ, гдѣ живетъ „она“—та, о которой изнывалъ онъ болѣе года.

Сначала, на первыхъ верстахъ, гдѣ были заставы и рогатки, Игнатію Свенцинскому пришлось показать свой видъ. И вездѣ, конечно, его пропускали.

Первую станцію Дирихъ ѣхалъ порядливо и степенно, жалѣючи вновь пріобрѣтенныхъ коней. Озираясь изъ своей таратайки на поля, луга и лѣса, на развернувшуюся передъ нимъ сѣрымъ холстомъ столбовую дорогу, Дирихъ не разъ перекрестился и не разъ слезы восторга выступили у него на блѣдныхъ, осунувшихся щекахъ. Человѣкъ этотъ былъ теперь самый счастливый изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ.

Онъ стремительно и радостно вырвался изъ ненавистнаго ему Крюсова дома, съ золоченой мебелью и штофными матеріями по стѣнамъ. Такъ птички выпархиваютъ изъ золоченой клѣтки, гдѣ и корму, и воды вволю запасено, гдѣ даже есть сахаръ, воткнутый заботливой рукой, но для птицы небесной ненужный!

Такого сахара много было въ Крюйсовомъ домѣ—но онъ не имѣлъ никакого значенія для Дириха.

Видя себя въ кафтанѣ съ позументами, на креслѣ съ золотыми ножками, у окна, гдѣ, непонятно зачѣмъ, висятъ какія-то матеріи,—якобы для того, чтобы закрываться съ улицы,—Дирихъ чувствовалъ то же, что котъ, посаженный въ воду... Можетъ быть, это кому и приятно, и нужно—да не для него.

Проѣхавъ версть 20 отъ Петербурга, Дирихъ сталъ воображать, что за нимъ непремѣнно послѣ розысковъ будетъ погоня и что его будутъ искать, конечно, на этомъ трактѣ. Слѣдовательно, нельзя ѣхать порядливо, какъ бывало ѣзжалъ онъ, будучи ямщикомъ.

„Жаль бѣдныхъ коней, да что дѣлать! Надо гнать. Коли заморятся и падутъ, придется купить другихъ“.

Такимъ образомъ, не кормя, проѣхалъ онъ версть пятьдесятъ. Покормивъ лошадей на постояломъ дворѣ, часовъ черезъ пять, Дирихъ погналъ дальше. Черезъ сутки, когда его хватились родственники—онъ былъ уже далеко.

А въ то утро, когда сама государыня встревожилась, по докладу Софьи и приказала разыскивать исчезнушаго графа Федора Самойловича, у Дириха пала одна лошадь, и Игнатій Свенцинскій, разгуливая по базару въ большомъ мѣстечкѣ, версть за 250 отъ Петербурга, выискивалъ себѣ новаго коня.

Когда посланцы петербургскіе доскакали по его слѣдамъ до этого мѣстечка, опрашивая по дорогѣ о бѣглецѣ и давая его рѣзкія примѣты,—то въ мѣстечкѣ заявили, что видѣли такого человѣка, бѣловодосаго и бѣлоглазаго, у котораго отъ быстрой ѣзды изъ столицы, якобы курьера — палъ конь. Но имя этого курьера было извѣстно только въ трактирѣ.

Опрошенные хозяинъ и люди трактира объяснили то же самое о проѣзжемъ и прибавили, что это варшавскій шляхтичъ—Свенцинскій.

Посланца это извѣстіе сбило съ толку. Онъ былъ настолько наивенъ, что не догадался о возможности перемѣны имени.

Прошло болѣе мѣсяца и въ Петербургѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній ни о графѣ Федорѣ Самойловичѣ Скавронскомъ, ни о посланныхъ за нимъ.

Этотъ мѣсяцъ Игнатій Свенцинскій, изъ боязни быть схваченнымъ, держалъ себя осторожно, но странствовалъ изъ мѣста въ мѣсто. Будь онъ Дирихомъ Сковоротскимъ, не только графомъ Скавронскимъ, то, конечно, давно бы очутился

въ рукахъ властей московскихъ. Всюду въ городахъ, по тайному приказанію изъ Петербурга, знали о „розыскѣ, учиняемомъ неукоснительно, въ предметъ персоны господина графа Скавронскаго“ всѣми начальниками и властями Литвы и обѣихъ Лифляндъ.

Странствуя то на лошади, то пѣшкомъ, изъ предосторожности, изъ одного города въ другой, Дирихъ побывалъ въ темную ночь и на той станціи, гдѣ когда-то жилъ въ ямщикахъ... Опросивъ о Тринѣ, онъ двинулся далѣе... Но сердце его сжалось дурнымъ предчувствіемъ. Изба, гдѣ они жили когда-то такъ мирно и счастливо, предстала предъ его очами въ однѣхъ черныхъ головняхъ. Слѣды этого, хотя и давняго уже, пожара, будто символически глянули на Дириха... Какъ огонь уничтожилъ эту избу, бывшую его гнѣздомъ, такъ, можетъ быть, окажется порванной и его нравственная, сердечная связь съ любимой женщиной.

Предзнаменованіе оказалось вѣрнымъ. Сгорѣвшая изба пророчески глянула въ робкую и суевѣрную душу Дириха. Но разумъ Дириха, предугадывавшій всевозможныя несчастныя случайности, все-таки не угадалъ, не могъ даже представить себѣ, что его ожидаетъ? Какое горе?!.. Горшее изъ всѣхъ! А между тѣмъ самое заурядное на свѣтѣ. Дирихъ боялся, что онъ нигдѣ не найдетъ дорогую Трину. Всѣ Лифлянды и всю Литву не обыхнешь какъ свой карманъ.

„Ну и ищи всю жизнь! рѣшилъ Дирихъ твердо на сердцѣ своемъ. Ищи, пока не помрешь въ пути“.

Затѣмъ Дирихъ боялся, что Трина снова сошлась со своимъ законнымъ мужемъ, такъ какъ мѣстопробываніе его въ рижскомъ острогѣ было открыто, когда Репнинъ собрался было поженить ихъ, передъ отправкой въ Россію.

„Отъ законнаго мужа какъ же сманивать! Грѣхъ. Да и не пойдеть, ради своихъ дочерей!“ разсуждалъ Дирихъ.

Въ Ригѣ, послѣ укрывательства и разспросовъ въ продолженіе двухъ дней, Дирихъ узналъ, что мужъ Трины, знаменитый въ своемъ родѣ „зиргазались“ или конокрадъ и мошенникъ, уже наказанъ былъ кнутомъ и еле живой сосланъ куда-то за тысячи верстъ.

„Стало быть, Трина свободна, почти вдова, имѣетъ право выходить замужъ!“ возрадовался Дирихъ.

Но ему тутъ же сказали, въ Ригѣ, что жена острожника очень хворала, живя въ предмѣстьи съ годъ назадъ.

„А если она умерла?“ съ леденящимъ сердце ужасомъ думаль Дирихъ и двинулся далѣе, по указанію добрыхъ людей.

— Ищи ее, коли она тебѣ нужна, на границѣ польской. Помнится, туда посылалъ ей денегъ острожникъ, на поминъ о себѣ, предъ кнutowаніемъ, отъ котораго чаяль подохнуть!..

Однажды, въ богатомъ мѣстечкѣ, по близости границы королевства, Дириху попалась на глаза дѣвчонка лѣтъ тринадцати, и онъ вскрикнулъ. Это была младшая дочь Трины.

Дѣвочка узнала и обрадовалась прежнему своему названному отцу. Она объяснила, что отдана матерью здѣсь въ услуженіе, а что сама Трина живетъ въ тридцати верстахъ, въ латышской деревушкѣ — „Ліалсъ-межсъ“, среди дремучаго лѣса. Самое названіе деревушки „большой лѣсъ“ говорило это.

Дирихъ тотчасъ, ради эффекта, купилъ пару лошадей, телѣжку и черезъ три часа уже не ѣхаль, а скакаль, опрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, какъ попасть въ Ліалсъ-межсъ.

— Да вонъ онъ! отвѣчали ему наконецъ. А поселокъ въ верстѣ отъ опушки.

Дѣйствительно, по всему горизонту протянулся темносиней полосой большой лѣсъ.

Скоро Дирихъ остановилъ запыхавшихся и взмыленныхъ коней предъ бѣдной лачугой. Поселяне, показавшіеся дикими даже Дириху, обступили удивительнаго и важнаго пріѣзжаго, который можетъ заганивать такихъ дорогихъ зиргсовъ.

— Трина! Трина! восклицаль пріѣзжіи, соскочивъ съ телѣжки...

На порогѣ явилась пожилая и некрасивая женщина и громко ахнула. Это была Трина. Но за ней тотчасъ же появился огромный молодой мужикъ, чуть не великанъ.

— Здравствуй! Добро пожаловать! радостно сказала Трина, глядя на коней. А вотъ мой мужъ.

Дирихъ былъ нравственно убитъ однимъ этимъ словомъ.

Дѣйствительно, законно овдовѣвшая Трина уже успѣла снова выйти замужъ, да къ тому же, какъ оказалось тотчасъ, боготворила своего молодого великана-мужа.

Обо всемъ передумаль тосковавшій Дирихъ, все предвидѣль, всего боялся, но „подобное“ ни разу за цѣлый годъ не пришло ему на умъ.

X.

Во дни Екатерины I былъ въ Петербургѣ одинъ человѣкъ, положеніе котораго было безъисходное, мудреное и тяжелое. Онъ былъ на той высотѣ общественной и государственной іерархической лѣстницы, на которой трудно было даже держаться... Ступить выше не было уже возможности! При малѣйшемъ невольномъ движеніи отъ чуждаго толчка онъ могъ только спуститься ниже. Взоры всей Россіи были устремлены на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всеобщее негодованіе и всеобщая ненависть избрали его мишенью.

Дворъ и сенатъ, столбовое дворянство Петербурга и Москвы, все духовенство и весь простой народъ, отъ столицы до крайнихъ предѣловъ великой имперіи—все равно злобствовали на этого человѣка, проклиная его и обвиняя во всевозможныхъ преступленіяхъ.

Человѣкъ этотъ былъ полновластный вельможа, временщикъ, князь Ижорскій.

Когда-то, лѣтъ 30 тому назадъ, пытливый и зоркій глазъ Великаго Петра вывелъ изъ темной толпы молодого парня, мастера на все руки, веселаго собесѣдника и остраго шутника. Молодецъ этотъ былъ сыномъ конюха потѣшнаго Преображенскаго войска—Данилы Меншикова.

Такъ какъ весь людъ, состоявшій въ то время въ потѣшномъ войскѣ молодого царя, перебивался съ трудомъ, не имѣя порядочнаго жалованья, то каждый старался зашибить деньгу постороннимъ занятіемъ.

Такимъ образомъ сынъ конюха, мастеръ на все руки, принимался за всякаго рода обороты и, наконецъ, нашелъ самое выгодное—продавать среди потѣшнаго войска пироги и калачи.

Пришлось, конечно, съ этимъ товаромъ входить въ сношенія съ важными боярами и скоро все знали „Алексапку-пирожника“. Послѣ бояръ пришелъ чередъ и царю покушать пирожковъ Алексапкиныхъ; но за то скоро послѣ этого, малый, бросивъ свой лотокъ, попалъ уже въ число служителей молодого государя. Все полюбили его, а вскорѣ стали особенно покровительствовать ему два сильныхъ у царя человѣка, иностранцы—Гордонъ и Лефортъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ первой компаніи, неудачной и неумѣлой, противъ шведовъ, но въ которой офицеръ Алек-

сашка отличился нѣсколько разъ—онъ былъ уже въ чинѣ капитана.

Однажды весною, лейтенантъ Петръ Михайловъ, — т. е. самъ великій царь, взявшій себѣ это прозвище и доблестно выслужившій этотъ чинъ,—съ нѣсколькими людьми, въ томъ числѣ и съ капитаномъ Александромъ Меншиковымъ, пустился странствовать по дебрямъ безлюднаго края. Онъ внимательно изучалъ устье широкой рѣки, полной острововъ, болотъ, прибрежной травы, осоки и всякихъ трясинъ, растянувшихся на далекое пространство кругомъ караульнаго шведскаго поста Нienшанца.

Однажды, въ сумерки, немногочисленная русская команда увидѣла нѣчто среди широкой рѣки и невольно оробѣла. Это были два военныхъ корабля, и, слѣдовательно,—шведы.

Только двое молодыхъ командировъ: лейтенантъ Михайловъ и капитанъ Меншиковъ не оробѣли, а, напротивъ, задумали дерзкую до ребячества затѣю... Сразиться съ этими кораблями, и что Богъ дастъ.

Въ эту же ночь Богъ послалъ невѣроятное приключеніе въ исторіи морскихъ сраженій. Самъ герой царь, описывая грамоту въ Москву къ боярамъ и думнымъ людямъ, назвалъ это морское дѣло „никогда бываемою викторіею“.

Маленькая кучка удалцовъ, окруживъ оба корабля на шлюпкахъ, привела шведовъ въ состояніе паники, ибо они считали себя среди этихъ дебрей въ полной безопасности. Это былъ такой закоулокъ міра, гдѣ и рыбаковъ видали изрѣдка. А тутъ вдругъ, среди темной ночи, гудятъ голоса русскихъ, гудятъ выстрѣлы... Шведы сдались непріятелю и были всѣ перебиты.

День этотъ навсегда остался достопамятнымъ, дорогимъ, святымъ воспоминаніемъ въ сердцѣ русскаго Царя Петра. Ни къ какому своему великому дѣянію въ послѣдствіи не относился дѣятель-великанъ съ тѣмъ же теплымъ чувствомъ, съ тою же, чуть не юношескою восторженностью, съ какими мысленно обращался къ этому дню. А между тѣмъ больше всѣхъ и съ нимъ рядомъ отличился въ томъ же подвигѣ капитанъ „Алексашка“. Быть можетъ, съ этого дня сердце Петра избрало Меншикова своимъ любимцемъ.

Тогда же, здѣсь на берегу, повалили они вмѣстѣ нѣсколько деревь, обтесали ихъ топорами и положили фундаментъ для строящейся караульной избы.

Это было 16 мая 1703 г. Эти нѣсколько бревенъ были основаніемъ порта Санктпетербурга.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать слишкомъ лѣтъ. Тогдашній капитанъ Меншиковъ, начавшій уже мечтать о томъ, чтобы стать, пожалуй, и полковникомъ, и генераломъ—теперь былъ имъ давно и уже мечталъ лишь о томъ, чтобы только удержаться на той высотѣ, которой онъ достигъ. Положеніе его было настолько высоко, имя его настолько прогремѣло въ Россіи и въ чужихъ предѣлахъ, что молва народная, зная честолюбіе пржняго пирожника, приписывала ему дальнѣйшія дерзкія мечты, жажду дальнѣйшихъ трофеевъ.

Но о чемъ же можетъ онъ мечтать? Онъ первое лицо имперіи, главный совѣтникъ императрицы, которая его указаніямъ слѣпо повинуется, съ которымъ она дружна уже болѣе 35-ти лѣтъ.

Молва, однако, нашла, что навязать общему врагу и нелюбимцу, въ чемъ заподозрить его, въ чемъ обвинить. Одно слово, прозвище мѣткое, злобное, клеветническое, пролетѣло по всей Россіи, изъ края въ край, и опредѣлило ясно то, чего православный людъ ожидалъ отъ этого человѣка, или же злобно клеймилъ его.

— Годуновъ!.. говорилъ и старъ и младъ, и сановникъ и простой мѣщанинъ. Быть на Руси новому Годунову, быть новому царевичу Димитрію.

Однимъ словомъ, всѣ ненавистники всемогущаго честолюбца-временщика громко обвиняли его въ томъ, что, возведя на престолъ императрицу Екатерину, помимо того, кто имѣлъ неоспоримыя права наслѣдственныя, Меншиковъ не удовольствуется этимъ. Онъ отдѣляется отъ этого царственного отрока для того, чтобы, слѣдуя примѣру Годунова, самому сѣсть на всероссійскій престолъ.

Меншиковъ видѣлъ и чувствовалъ съ высоты, на которой онъ стоялъ, всю злобу, обращенную къ нему, читалъ въ ежедневныхъ подметныхъ письмахъ и листкахъ, въ чемъ подозреваютъ его и клеймятъ всенародно.

Выйти изъ этого положенія было мудрено.

Чтобы снять съ себя клевету и подозрѣніе, осталось одно: явно перейти на сторону молодого царевича, записаться въ его приверженцы.

Этимъ путемъ онъ прямо попадалъ, современемъ, быть можетъ и скоро, въ роль руководителя судебъ Россійской

имперіи, въ качествѣ регента за малолѣтствомъ несовершеннолѣтняго императора. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь это дѣйствіе возбудитъ только еще горшее замѣшательство, еще лучше подозрѣніе со стороны всѣхъ сословіи государства.

Достаточно было князю Меншикову отправиться однажды съ ребенкомъ-царевичемъ на охоту въ Ропшу, чтобы весь Петербургъ повторилъ грозную шутку:

— Поѣхали они...

— Куда?

— Въ Угличъ.

„Поѣхали въ Угличъ“, горько повторилъ самъ про себя князь Меншиковъ... Что же дѣлать? Какъ подойти къ царевичу, стать его приверженцемъ и пѣстуномъ, заставить полюбить себя, содѣйствовать будущему воцаренію его на основаніи священныхъ правъ, помимо сводныхъ сестеръ-цесаревенъ?.. И въ то же время сдѣлать это такъ, чтобы вся Россія не заговорила: „онъ замышляетъ Угличъ!“

XI.

У князя Меншикова были, конечно, приверженцы и друзья, хотя большинство ихъ обманывало его и, подъ маской пріязни и лести, завидовало ему и клеветало на него.

Единственные люди въ Россіи, относившіеся къ могущественному князю Ижорскому искренно, были большею частью иностранцы. Одинъ изъ нихъ дѣйствительно любилъ Меншикова—это былъ дипломатъ, датскій посланникъ Вестфаленъ, человекъ изучившій нравы страны, въ которой онъ дѣятельно преслѣдовалъ цѣли своего правительства.

Данія была въ особенныхъ отношеніяхъ къ Россіи, такъ какъ старшая цесаревна была замужемъ за Голштинскимъ принцемъ. Вестфаленъ, человекъ умный, надумалъ то простое средство для князя Меншикова, которое было нужно, чтобы всенародно очистить себя отъ всякихъ подозрѣній и клеветъ.

— Объявите свою дочь невѣстой великаго князя Петра! сказалъ онъ.—Тогда все распутается и уладится.

Разумѣется, Меншиковъ сначала былъ ошеломленъ предложеніемъ, но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ дней совѣщанія съ Вестфаленомъ, убѣдился его доводами.

— Примѣры такого рода бракосочетаній въ исторіи много-

численны, говорилъ тотъ,— конечно, ради высшихъ государственныхъ соображеній.

Князь Меншиковъ, всесторонне обдумавъ это предложеніе, долженъ былъ самъ сознаться, что это было не только лучшее, но единственное для него средство спасенія.

Конечно, онъ рѣшился приступить къ дѣйствіямъ неотложно, но сама судьба помогла... Слѣпая фортуна иногда, какъ будто бессмысленно, любитъ играть въ людей какъ въ игрушки, любитъ сочетать самыя разнородныя случайныя обстоятельства и изъ двухъ мелочей склеить иногда великое событіе, имѣющее историческое значеніе.

Секретарь государыни, Макаровъ, встрѣтился однажды съ княземъ Меншиковымъ и, ухмыляясь, шепнулъ ему на ухо:

— Знаешь ли князь, чѣмъ я на сихъ дняхъ занимался, голову себѣ ломалъ?

— А чѣмъ? угрюмо спросилъ Меншиковъ, занятый своимъ великимъ предпріятіемъ.

— Листу молодцовъ-парней составлялъ.

— Что такъ? Зачѣмъ?

— А вотъ такъ. Выбралъ я изъ всѣхъ молодцовъ россійскихъ, петербургскихъ и московскихъ, здѣсь обрѣтающихся и отсутствующихъ — полдюжины. При выборѣ руководился тѣмъ, чтобы каждый-то былъ стариннаго рода, благородной крови, съ иждивеніемъ, да чтобы былъ собою красивъ, и уменье, и нравомъ ласковый.

— Вотъ какъ! улыбнулся князь Меншиковъ.

— Да, князь. И этакихъ-то витязей, Ивановъ-царевичей, понадобилось мнѣ найти полдюжины.

— Да зачѣмъ?! спросилъ князь...— На кой прокъ?

— Государыня указала.

— На что? удивился Меншиковъ.

— Государыня указала сдѣлать оную листу изъ шести молодцовъ, богатыхъ дворянъ, знатныхъ и добронравныхъ, и поднести ей нынѣ въ полдень.

— Зачѣмъ! Господь съ тобой! Зачѣмъ?

— Догадайся, князь.

— Хоть убей, не могу...

— Мои шесть молодцовъ на выборъ— для невѣсты.

— Для кого?

— А для той самой, которую уже прочили за Маврикія, князя Саксонскаго.

— Софья Карлусовна Скавронская?

— Она самая. Государыня восхотѣла непременно и неотлагательно выдать ее замужъ. И такъ какъ у оной Софьи Карлусовны, полагательно мнѣ, ни къ кому изъ придворныхъ и боярскихъ молодцовъ сердце еще не лежитъ, то государыня обѣщала ей прислать на выборъ листу. И вотъ нынѣ польская флейлина будетъ чинить свой выборъ изъ моей полудюжины.

— Кого же ты набралъ?

— Макаровъ перечислил нѣсколько знатныхъ русскихъ именъ, гдѣ были и Апраксины, и Трубецкіе, и Голицыны.

— Какъ же это? возразилъ Меншиковъ. — Вѣдь вотъ нѣкоторые изъ нихъ, я знаю, не захотятъ жениться на Софьѣ Карлусовнѣ.

— Ну, это ихъ дѣло, князь! Государыня дала любимицѣ своей крѣпкое слово, что кого Софья Карлусовна выберетъ— тотъ и будетъ ея мужемъ, хоть бы пришлось для того свѣтъ вывернуть на изнанку. Ты знаешь, что за послѣдніе дни государыня отъ хворости стала имѣть удивительныя прихоти, которыхъ за всю ея жизнь не бывало... Вынь да положь, что въ душу запало—то и подавай.

— Это правда суцая... задумчиво произнесъ Меншиковъ.

Макаровъ продолжалъ что-то говорить, но князь уже не слушалъ; онъ внутренно страшно взволновался. Новая мысль, диковинная, блеснула у него въ головѣ.

Князю Меншикову показалось, что этотъ случай, эта встрѣча съ Макаровымъ—есть какое-то указаніе свыше, вѣлніе судьбы.

Задумчиво распроставшись съ Макаровымъ, князь Меншиковъ тотчасъ, не теряя ни единого мгновенія, двинулся въ ту сторону дворца, гдѣ въ двухъ горницахъ помѣщалась любимая фрейлина императрицы.

Софья Карловна была у себя, спдѣла грустная у окошка и ожидала вызова къ государынѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ потребуютъ ее къ государынѣ, и она должна будетъ выбрать себѣ мужа изъ числа нѣсколькихъ, равно ей чуждыхъ, равно неизвѣстныхъ. Съ однимъ ихъ нихъ она должна на всю жизнь связать свою судьбу.

Голосъ горничной привелъ фрейлину въ себя; та что-то говорила, но графиня Софья не сразу могла понять. Доклады-

вавшая дѣвушка была смущена, оторопѣла; лицо у ней было почти испуганное.

— Князь... Самъ князь Александръ Даниловичъ, повторяла дѣвушка.

— Что?.. Гдѣ?... отозвалась наконецъ Софья.

— Князь Александръ Даниловичъ вотъ тутъ. Онъ желаетъ тебя, боярышня, видѣть по важнѣйшему дѣлу.

Софья тоже смутилась при этомъ имени. Она избѣгала всемогущаго Меншикова, видалась съ нимъ почти ежедневно, но издали, ибо она, какъ многіе другіе, боялась его. И если въ ней было какое-нибудь чувство къ этому временщику, то чувство это было скорѣе непріязненное, нежели дружелюбное. Она не любила его, сама не зная почему. Вѣроятно, общая ненависть къ вельможѣ, проникавшая повсюду, сообщилась зря, безъ повода, и душѣ молодой дѣвушки.

— Какъ же быть? шепнула она теряясь.

Въ то же самое мгновеніе на порогѣ ея горницы показался самъ князь и, ласково улыбаясь, протянулъ ей руки.

— Здравствуй, графинюшка моя! ласково произнесъ онъ. Не дивись, что я пришелъ къ тебѣ... Нужно намъ толково побесѣдовать о важнѣющихъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависить твоя судьба.

Софья настолько была смущена, что не могла даже отвѣчать. Она молча встала, поклонилась и сѣла.

Меншиковъ сѣлъ противъ нея, потрепалъ ее по щекѣ,—ласка, которую онъ часто позволялъ себѣ съ дѣвицами, какъ пожилой человѣкъ и всемогущій вельможа.

XII.

— Послушай меня, Софья Карлусовна! заговорилъ князь.— Мы съ тобой до сей поры видались только издали, не сдружались и никогда ни о чемъ не бесѣдовали... Ты меня полагаешь быть такимъ человѣкомъ, что, почитай, не лучше самого чорта. Да и какъ же тебѣ иначе мыслить обо мнѣ, когда всѣ здѣсь—мои ненавистники... Но ты выбрось дурныя мысли: Александръ Даниловичъ страшенъ тѣмъ, кого не влюбить,—тебя же я полюбилъ съ перваго дня, равно какъ твоего отца. Слыхала ли ты когда что дурное обо мнѣ отъ государыни, которую ты любишь, или же хоть отъ своихъ родителей?

— Нѣтъ, чрезъ силу выговорила Софья.—Батюшка васъ почитаетъ. А государыня еще того болѣе...

— Ну вотъ, подумай: кому же тебѣ больше вѣрить? Роднымъ, или чужимъ людямъ и ихъ злоязычю? Признайся мнѣ теперь: можешь ли ты повѣрить, что я пришелъ къ тебѣ для добраго дѣла? Коли вѣришь, то отвѣчай мнѣ по душѣ, по правдѣ... Скажи мнѣ, ты просила царицу о томъ, чтобы она тебя выдала замужъ?

— Не я... Я не просила! быстро отозвалась Софья.

И по этой живости проницательный умъ царедворца, искушеннаго жизнью, ясно угадалъ немудреную тайну дѣвушки.

— Кто же просилъ? Не сама же она надумала? спросилъ князь.

— Отецъ просилъ.

— По твоей просьбѣ? Ты послала его?

Софья упорно молчала, опутивъ глаза на руки. Тайна ея была совсѣмъ отгадана царедворцемъ.

— И вотъ тебя теперь выдадутъ замужъ, противъ воли, за нелюбого... вмѣсто любого.

Молчаніе Софьи было краснорѣчивымъ отвѣтомъ.

— А желала бы ты выйти за своего любого? наудачу выговорилъ Меншиковъ и, разумѣется, попалъ вѣрно.

— Сейчасъ бы пошла, прошептала Софья.

— Ну, такъ слушай, графинюшка. Я беру все на себя. И все уладится по твоему желанію. Скажи мнѣ первое дѣло: кто твой возлюбленный? Авось онъ холостъ, а не женатый? пошутилъ князь смѣясь.

— Вѣстимо. Нешто можно женатаго полюбить, смущаясь вымолвила Софья.

— Кто жъ онъ? Офицеръ гвардіи, придворный, нашъ пѣтерскій или какой прѣзжій изъ Москвы? Знатный онъ російскій дворянинъ?

— Нѣтъ, отозвалась Софья.

— Какъ, то-ись, нѣтъ! Не русскій?

— Нѣтъ. Не русскій!

— Вона какъ, удивился князь.—Что жъ, кто-либо изъ канцелярій нашихъ резидентовъ чужестранныхъ! Какой-нибудь секретарь цесарскаго посла, графа Рабутина, или изъ легациі короля французскаго? Да говори же, золотая моя.

— Нѣтъ. Онъ просто—пастухъ! робѣя и тихо вымолвила Софья.

- Что?! воскликнулъ князь.
 — Пастухъ... еще тише отозвалась дѣвушка.
 — Да какъ же, то-ись... пастухъ... Я не понимаю тебя. Какой такой пастухъ.
 — Да вотъ что стадо пасеть... Такихъ называютъ пастухами... По латышки: ганць. Ихъ дѣло всегда за стадомъ смотрѣть..

Князь сидѣлъ отчасти ошеломленный и совершенно не понималъ, что говоритъ Софья.

— Гдѣ стадо?... Какое стадо?.. Господь съ тобой!.. произнесъ онъ.

— Въ Дохабенѣ... Тамъ, гдѣ я родилась. Въ нашей деревнѣ!

— Въ Дохабенѣ... пастухъ? Въ Лифляндахъ?

И вдругъ Меншиковъ невольно вскрикнулъ:

— А!.. Вотъ оно что!.. А я-то глупый не догадался.. Ты, моя пташка, полюбила пастуха тамъ, у себя, полюбила еще въ крестьянскомъ состояніи будучи, и по сю пору любишь.. Ну это иное дѣло... Уже не знаю, въ честь ли оно тебѣ, или въ осужденіе.

Меншиковъ замолчалъ и думалъ, а затѣмъ проговорилъ:

— Нѣтъ, графинюшка, это тебѣ въ честь. Если послѣ всего, что пережила, послѣ всѣхъ переменъ, которыя свершились, послѣ того, что изъ крестьянокъ стала ближайшей къ государынѣ фрейлиной, ты любишь все такъ же простого пастуха... Нѣтъ, это тебѣ въ честь, а не въ осужденіе... Такъ вотъ ты какая!.. Много разъ я тебя видаль издали, а не зналъ, что ты такая.. Ну, а что же, теперь ты бы за него пошла?

— Вѣстимо.

— Да какъ же это сдѣлать?.. Вѣдь это, родная, мудренѣе мудренаго... На это царица соизволенія не дастъ, да поди, и твой отецъ съ матерью никогда не дадутъ своего согласія. Надо, чтобы онъ изъ крестьянъ сталъ дворяниномъ.

— Если бы государыня пожелала, то вѣдь это въ одинъ мигъ можно сдѣлать, оживляясь заговорила Софья.—Вѣдь сталъ же батюшка графомъ Скавронскимъ, даже дядя Дирихъ сталъ графомъ... А Цуберка не хуже...

— Какая Цуберка?.. Кто такая?

— Цуберка.. Онъ то-ись... Чѣмъ онъ хуже насъ! А стали же мы графами, потому что одну бумагу написали про насъ..

— Да про кого ты сказываешь?
 — Да про моего любаго. Не хуже онъ...
 — Вѣрю, что не хуже.. А я спрашиваю: она-то кто?..
 — Кто? повторила тоже вопросомъ Софья.
 — Она, которую ты поминаешь... Пріятельница твоя, что-ли? Сейчасъ говорила, Бурцилка какая-то!
 — Цуберка. Это мой женихъ и былъ. Имя его такое: Дауцъ Цуберка.

— Жениха такъ звать? Вотъ оно что... Ну что жъ, ладно! разсмѣялся князь.—Коли Цуберка, такъ будь Цуберкой. Такъ, стало быть, чтобы тебѣ съ нимъ вѣнчаться, надо сильному человѣку тебѣ помочь. Хочешь ли ты меня въ помощники.

Софья молчала, но глаза ея, все лицо, покрывшееся яркимъ румянцемъ, слезы, выступившія на рѣсницахъ, движеніе ея рукъ, которыя сами собой порывисто протянулись къ князю—все отвѣчало за нее.

— Ну вотъ, ладно. Такъ слушай теперь меня и не пророни ни единого словечка.

И князь Ижорскій, послѣ недолгой паузы, собравшись съ мыслями, заговорилъ и передалъ изумившейся дѣвушкѣ длинную и для нея путаную исторію.

Софья хорошо поняла главное. Князь потребовалъ отъ нея, чтобы она не обмолвилась ни единымъ словомъ кому-либо объ ихъ тайной бесѣдѣ и объ ихъ уговорѣ, шла къ царицѣ просить себѣ въ мужья одного молодого человѣка, котораго онъ назоветъ ей. Ей слѣдовало объяснить государынѣ, что она любитъ этого молодца и только за него одного пойдетъ съ радостью замужъ.

Дохабенская Яункундзе, хотя и была смышленная дѣвушка, однако теперь чувствовала, что совсѣмъ сбита съ толку. Сейчасъ князь обѣщаль ей устроить ея бракъ съ милымъ Цуберкой и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ ее къ царицѣ просить себѣ въ мужья кого-то другого.

Меншиковъ сразу угадалъ ея мысли и сталъ толково объяснять ей, что онъ беретъ все на себя. Этотъ молодой изъ придворныхъ будетъ ея объявленнымъ женихомъ, хотя бы даже и обрученнымъ съ ней, но мужемъ ея никогда не будетъ. И напослѣдокъ она все-таки выйдетъ за своего Цуберку.

— Я все берусь устроить! кончилъ князь.

Софья, конечно, не знала, что существуютъ два слова, хотя и иностранныя, хорошо опредѣляющія то предложеніе, ко-

торое ей теперь дѣлалъ всемогущій царедворецъ. Онъ уговаривался съ ней въ томъ, чтобы вести—интригу и траму. Его хитрый планъ, въ которомъ Софья должна была интриговать и служить ему слѣпымъ орудіемъ, былъ именно то, что называется трамой.

Понемногу князь счумѣлъ все разъяснить дѣвушкамъ. И какъ себя вести, и что говорить, и какъ поступать относительно государыни, родителей ея, а равно и съ самимъ молодымъ человѣкомъ.

Но главное заключалось въ томъ, что князь за одну бесѣду счумѣлъ внушить дѣвушкамъ къ себѣ довѣріе и увѣренность въ успѣхъ ихъ тайнаго уговора.

Софья понемногу оживилась, перестала бояться временщика и, соглашаясь на все, только опасалась, что не счумѣетъ разыграть свою роль съ должнымъ искусствомъ.

— Небось. Я за тебя порукой, усмѣхнулся Меншиковъ. — Коли ты въ себя мало вѣры имѣешь, такъ я за тебя не опасаясь...

— Ну, а кто же онъ?... Этого... Ну этого молодой бояринъ, котораго мнѣ просить у царицы? уже весело спросила Софья.

— Графъ Сапѣга! тихо сказалъ князь.

— Сапѣга!? воскликнула дѣвушка и оцѣпенѣла на мѣстѣ.

— Что съ тобой? Чего ты испугалась?..

— Сапѣга? Сапѣга? Сынъ фельдмаршала. Молодой графъ Петръ Сапѣга?... повторяла Софья упавшимъ голосомъ.

— Да... Что же съ тобой?..

Наступило молчаніе.

— Я боюсь... едва слышно проговорила Софья.

— Чего?..

— Не знаю.

— Вотъ такъ блинъ! разсмѣялся князь.—Умница дѣвушка, а говоритъ—боюсь, чего—сама не знаю... Господь съ тобой, графинюшка!

— Сапѣга! шептала Софья, забывъ про князя и будто себѣ самой.

И въ ея воображеніи ярко возстала картина свиданія и разговора ея съ Сапѣгой въ горницѣ постоялаго двора Вишекъ. Затѣмъ отъѣздъ графовъ и ея мысли, ея чувства.. Ей вдругъ захотѣлось теперь все рассказать Меншикову и убѣдить его, что лучше выбрать для ихъ комедіи другого, а не Сапѣгу.

„Все рассказать?“ подумала она.—Да что же—все-то?.. Вѣдь и рассказывать-то нечего... Нѣтъ, есть“... Ей всегда чудилось, и уже давно, что между ею и Сапѣгой что-то произойдетъ... Ну вотъ теперь такъ и наладилось. Между ними будетъ лицедѣйство, они поиграютъ, какъ руженные на святкахъ, въ жениха и невѣсту.

— Ну, чего же ты задумалась, графинюшка? первый заговорилъ князь.—Не все ли тебѣ равно, кого у царицы просить въ подставные женихи, только ради отвода глазъ, ради моего важнѣющаго дѣла, коего ты не вѣдаешь. Да поняла ли ты меня? Я опасуюсь уже, что ты ничего не поняла.

— Понимаю. Знаю. Все сдѣлаю въ точности! быстро воскликнула молодая дѣвушка,—но побожися мнѣ, Александръ Данилычъ, что въ концѣ концовъ не поведутъ меня въ храмъ вѣнчать съ этимъ Сапѣгой.

— Вотъ тебѣ Господь Богъ святъ... съ чувствомъ вымолвилъ Меншиковъ.—Давно ли я говѣлъ, исповѣдывался и причастился Св. Таинъ, чтобы мнѣ лгать и даромъ крестное знаменіе на себя класть?.. Вотъ тебѣ крестъ, что будешь ты за своимъ Цуберкой.

— Ну, хорошо... Вѣрю теперь! отозвалась дѣвушка.

Софья смутно сознавала уже, что существуетъ огромный планъ у князя. Но одного только она совѣмъ не понимала: для какой именно цѣли все это ему нужно? И съ этимъ вопросомъ обратилась она къ вставшему и ухивившему князю Ижорскому.

— Зачѣмъ?.. Цѣль какая? воскликнулъ онъ.—Ну, это, родная моя, пока не твое дѣло. А послѣ сама ты поймешь и ахнешь. Поймешь, что стоитъ поблагодарить мнѣ тебя за ту великую услугу, которую ты мнѣ окажешь, сама того не зная.

XIII.

Едва Меншиковъ успѣлъ выйти отъ польской фрейлины, какъ кто-то изъ придворныхъ служителей явился съ приказаніемъ отъ императрицы явиться къ ней.

Софья, смущенная и грустная за часъ передъ тѣмъ, бодро и весело двинулась въ апартаменты государыни и нашла ее въ опочивальнѣ, въ постели.

— Ну, вотъ обѣщанное, произнесла Екатерина Алексѣев-

на.—Подойди, поцѣлуй меня!.. Вотъ шесть человѣкъ: всѣ они знатные и родовитые дворяне россійскіе, одинъ краше другого, одинъ именитѣе другого... да и богаты всѣ. Выбирай любого, присматривайся. Завтра во дворцѣ будетъ множество народа, по случаю праздника. Высмотри всѣхъ этихъ молодцовъ и выбери изъ нихъ, который тебѣ по сердцу, и приходи мнѣ скажи. Не пройдетъ и мѣсяца — будешь за нимъ замужемъ.

Роль Софьи, какъ агента хитраго вельможи, начиналась. Слѣдовало тотчасъ что-нибудь сказать въ отвѣтъ государынѣ, а Софья стояла какъ потерянная, съ листомъ бумаги, который дрожалъ у нея въ рукахъ.

Государыня тихо, уже въ третій разъ, повторила:

— Ступай къ себѣ.

Но Софья не слыхала приказанія; смущеніе овладѣло всѣмъ ея существомъ и сковало ея члены.

„Надо говорить, надо просить, надо назвать“, повторялось у нея въ головѣ и на сердцѣ. Отъ страха не сумѣть исполнить приказаніе Меншикова, Софья вдругъ поблѣднѣла, даже губы ея поблѣзли, а листъ бумаги выпалъ изъ рукъ на полъ.

— Что ты!?!.. изумилась императрица.

— Я... я не могу... пролепетала Софья.

И потерянный видъ молодой дѣвушки сразу заставилъ государыню догадаться — какъ она думала — и понять это смущеніе по своему. Своими вопросами Екатерина Алексѣевна облегчила дѣло и порученіе князя.

— Ты любишь кого-нибудь?

— Да, отозвалась дѣвушка.

— Такъ чего же ты... Такъ бы и говорила! Господь съ тобою! Мнѣ все едино. Я даю тебѣ выбирать изъ знатныхъ молодцовъ любого, а коли есть у тебя таковой уже на примѣтѣ, такъ Господь съ тобой, вѣнчайся съ нимъ!.

— Коли ваше будетъ на то согласіе, проговорила Софья точно чужія, затверженные слова.

— Конечно, будетъ... И не только мое согласіе, но я все сдѣлаю, все устрою...

— Побожитесь мнѣ, что вы препятствовать не будете! вдругъ, Богъ вѣсть почему, рѣшилась выговорить Софья.

— Изволь... божуся: Господь меня накажи, если я не исполню твоего сердечнаго желанія!.. Вѣдь я тебѣ счастья хочу, а не погибели! Кто бы ни былъ твой желанный — будетъ

онъ твоимъ мужемъ, чего бы то ни стало... И государыня прибавила быстро и горячо: Накажи меня Господь! Хотя вотъ усугуби мою болѣзнь — если я не исполню пообѣщаннаго. Кто же такой онъ?

— Графъ Сапѣга, чрезъ силу произнесла Софья, чуя, что если князь Меншиковъ ее обманываетъ, то этими двумя словами она губить себя на вѣки. Послѣ этихъ словъ возврата нѣтъ.

— Графъ Сапѣга! Петръ Сапѣга?! два раза повторила государыня.—Ты сказываешь—Сапѣга?.. Что ты!..

— Да, глухо отозвалась Софья.—Онъ самый.

Государыня поднялась и, опираясь на одну руку, сѣла въ кровати. Она глядѣла изумленными глазами на дѣвушку, и лицо ея нѣсколько измѣнилось.

— Господи помилуй, произнесла она—Что же это такое!.. Я дала тебѣ страшную клятву, не спрося, за кого ты собралась замужъ. Да развѣ это возможное дѣло!..

Государыня замолчала, но продолжала, сидя въ кровати, гнѣвно смотрѣть въ лицо любимицы, а Софья, потупившись, виновато стояла передъ ней и не понимала ничего: ни оживленія, ни гнѣва государыни.

— Да знаешь ли ты, что единственный человекъ во всей моей имперіи, котораго я не могу, не властна дать тебѣ въ мужа! Вѣдь Сапѣга женихъ княжны Меншиковой!

Софья вздрогнула, подняла изумленные глаза на государыню и схватила себя невольно за голову.

— Ты не знала этого? удивясь спросила государыня.

— Знала! Знала! тихо, робко пролепетала дѣвушка. — Давно слышала, да только забыла. Вотъ вамъ Господь — забыла. Да я... я теперь ничего не понимаю.

Государыня что-то спросила, но Софья не слыхала и стояла, какъ пораженная. Наконецъ она увидѣла гнѣвный жестъ царицы и поняла, что ей приказываютъ выйти.

Софья безъ оглядки выбѣжала вонъ, а государыня осталась смущенная разговоромъ съ любимицей, встревоженная донельзя, и долго волновалась. То садилась она въ постели, то снова опускалась на подушки.

„Что дѣлать! думала она.—Просить нечего, я могу и приказать выбрать другого. Да не въ томъ сила. Сила въ томъ, что я страшную клятву дала. Не исполни — меня Богъ накажетъ“.

И императрица рѣшила, успокоившись и все обдумавъ, не отказывать Софѣ въ ея просьбѣ, а во что бы то ни стало отнять у дочери друга и вельможи ея жениха, а ей найти другого.

„Надо умолить Александра Даниловича! рѣшила она. — А для его дочери найти кого-нибудь не хуже магната“.

Государыня не рѣшалась посылать въ этотъ же вечеръ за княземъ Ижорскимъ, и только на утро онъ былъ вызванъ къ ней въ кабинетъ, гдѣ наединѣ произошла бесѣда, о сугубой важности которой узналось только впоследствии.

Меншиковъ пробылъ съ царицей около двухъ часовъ; сначала сидѣлъ онъ угрюмый и печальный, а царица говорила краснорѣчиво, убѣдительно и даже прослезилась два раза. Затѣмъ князь заговорилъ, а царица, оторопѣвъ, молчала...

Между ними состоялся уговоръ, который долженъ былъ прогремѣть по всей Россіи, какъ ударъ грома.

То, что было наполовину рѣшено между императрицей и первымъ вельможей государства, должно было имѣть историческое значеніе.

Послѣ аудіенціи князь гордо прошелъ мимо толпы придворныхъ.

На улицахъ столицы, отвѣчая на поклоны прохожихъ и профессижъ, хорошо знавшихъ временщика въ лицо, онъ думалъ съ радостнымъ трепетомъ на сердцѣ:

„Да!.. Скоро не буду я для васъ Годуновымъ. Не будете вы и его ровнять съ царевичемъ Дмитріемъ... И все это, благодаря тому, что судьба послала въ Петербургъ польскую крестьянку. Не будь, ея здѣсь—ничего бы не могъ подѣлать и ты, Александръ Даниловичъ... Вотъ оно, что зоветъ мольба народная: суженымъ... И благо, коли это суженое посылается Богомъ, а не врагомъ человѣческимъ!..“

Такъ думалъ, чуть не говорилъ восторженно вслухъ князь Ижорскій... И сердце его не чувало, что это теперешнее, якобы суженое, именно и посылается ему—сатаню.

XIV.

Черезъ два дня послѣ бесѣды князя Ижорскаго съ государыней, во дворцѣ замѣчалось особенное волненіе.

Эта тревога вскорѣ передалась въ дома высшихъ сановниковъ государства, наконецъ распространилась по всему городу.

Поднявшее всѣхъ на ноги въ столицѣ должно было вскорѣ взволновать всю Россію.

Императрица сама объяснила своимъ двумъ дочерямъ, что ради пользы „статскихъ дѣлъ“ и изъ любви къ отечеству, она рѣшила соединить брачными узами молодого царевича Петра съ дочерью князя Ижорскаго.

Это былъ первый громовой ударъ великой политической важности, который переживала новая столица.

Впослѣдствіи самыя крупныя событія, какъ паденіе людоѣда Бирона, переворотъ лейбъ-компаніи, Іюньскіе дни и воцареніе Екатерины II—менѣе, казалось, смутили Петербургъ, нежели теперь это извѣстіе, что дочь ненавистнаго князя-пирожника станетъ русской императрицей.

Петербургъ не зналъ мотивовъ, которые подвинули царицу и временщика на такое рѣшеніе государственной важности.

Князь и безъ того, за малолѣтствомъ будущаго государя, долженъ былъ поневолѣ во главѣ всѣхъ дѣлъ у кормила правленія. Такъ не лучше ли обставить дѣло такъ, чтобы этотъ несовершеннолѣтній государь былъ для него родственникомъ, дабы благоденствіе его царствованія стало благомъ и для тѣста-регента.

Государыня не скрывала отъ себя самой и отъ другихъ, что здоровье ея сильно пошатнулось, врядъ ли остается ей еще жить болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Если же судьба захочетъ, чтобы ея преемникъ замѣнилъ ее на престолѣ еще ребенкомъ, то кого же, какъ не Меншикова, всемогущаго, опытнаго и искуснаго мужа, выбрать пѣстуномъ малолѣтняго императора, причемъ еще тѣснѣе связать ихъ родственными узами.

Когда князь Меншиковъ въ первый разъ произнесъ имя одиннадцатилѣтняго ребенка, какъ желаемаго имъ жениха для своей дочери, государыня смутилась и даже думала, что князь шутитъ. Но затѣмъ, по разъясненіи всего дѣла, она поняла и убѣдилась, что умнѣе и надумать было трудно, конечно, изъ высшихъ государственныхъ соображеній.

Краснорѣчіе Меншикова скоро убѣдило ее, и особенно подѣйствовало на государыню то обстоятельство, которое она въ первый разъ слышала теперь.

— Вы не знаете, сказалъ князь, — что я—Годуновъ для всего двора, для столицы, для всей имперіи, а Петра Алексѣевича уподобляютъ новому царевичу Дмитрію. И что изъ всей молвы

народной можетъ произойти?.. Злыдни, которымъ понадобится царевичъ или царь Петръ Алексѣвичъ, совершать свое лхое дѣло и легко свалить это на новаго Годунова—на меня... И вся Россія повѣритъ этому. Когда же дочь моя будетъ его супругой и императрицей, а его наслѣдникъ и будущій царь—моимъ роднымъ внукомъ, никто не посмѣетъ назвать меня Годуновымъ.

Рѣшась объявить, пока еще частнымъ образомъ, о состоявшемся рѣшеніи насчетъ немедленнаго обрученія одиннадцатилѣтняго мальчика съ семнадцатилѣтнею дочерью Меншикова, государыня поневолѣ сама удивилась тому волненію, которое началось повсюду.

Прежде всего обѣ цесаревны, наученныя своими приверженцами, явились къ матери и бросились къ ней въ ноги, умоляя не губить отечество и поставляя ей на видъ, что она расчищаетъ путь честолюбу-вельможѣ къ престолу.

Чѣмъ ближе будетъ онъ стоять около царя Петра Алексѣвича, тѣмъ больше опасности предстоить для отрока.

Послѣ цесаревенъ явились другія личности.

Черезъ день послѣ этого, когда Петербургъ уже начиналъ ликовать, что козни князя Ижорскаго разбиты и уничтожены, Меншиковъ имѣлъ новое продолжительное свиданіе съ государыней и снова вышелъ отъ нея довольный и сіяющій лицомъ, но имѣя въ карманѣ бѣлый листъ бумаги, внизу котораго стояла подпись государыни.

Надъ этой самодержавной подписью на бѣломъ листѣ, князь Ижорскій получилъ словесное право написать все, что ему заблагоразсудится.

Если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы поставить нѣсколько строкъ, повелѣвающихъ немедленную ссылку или заточеніе самого молодого царевича.

Между тѣмъ, во дворцѣ и въ городѣ, восторжествовавшая многолюдная партія Петра Алексѣвича еще ничего не знала и пожинала лавры своей побѣды.

Всюду, гдѣ только проходилъ князь Меншиковъ, онъ встрѣчалъ злобно-радостныя лица; вездѣ всѣ взгляды говорили ему.

„Что братъ, и на тебя есть рука. Не все коту масляница... Силенъ ты, а вотъ первый блинъ уже скушалъ“.

Нѣкоторыя лица смотрѣли на князя съ такимъ выраженіемъ, что онъ читалъ въ нихъ угрозы на будущее время.

„Это еще цвѣточки, ягодки впереди будутъ“, говорили ему злобно-краснорѣчивые взгляды.

Послѣ второй аудіенціи князя у императрицы, Петербургъ снова узналъ, что государыня вторично и уже безповоротно рѣшила немедленное обрученіе княжны Меншиковой съ ребенкомъ-царевичемъ. Волненіе усилилось. Всѣ были готовы на борьбу съ временщикомъ и шли на нее радостно и смѣло.

XV.

Въ эти смутные дни одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ придворныхъ сановниковъ сталъ какъ бы центромъ всеобщаго движенія, недовольства и ропота. Это былъ собственный зять князя—графъ Девьеръ, португальскій выходецъ, женатый на его сестрѣ Аннѣ Даниловнѣ.

Девьеръ ненавидѣлъ Меншикова за то, что любимецъ покойнаго царя, за все прошлое царствованіе, недостаточно, по его мнѣнію, помогаль своему зятю выйти въ люди. Девьеръ въ концѣ царствованія Петра тщетно добивался, и едва могъ только за полгода передъ тѣмъ добиться графскаго достоинства.

Съ другой стороны, Девьеръ шелъ противъ всемогущаго князя, тайно надѣясь, что, въ случаѣ упорной борьбы, князь Меншиковъ все-таки не рѣшится круто дѣйствовать съ мужемъ родной сестры.

Прошло нѣсколько дней, но волненіе не улеглось. Меншиковъ видѣлъ, что цесаревны съ ихъ приверженцами, вся многочисленная партія приверженцевъ молодого царевича что-то предпринимаютъ, о чемъ-то дѣятельно хлопчатъ. Меншиковъ вдругъ увидѣлъ, что произошло то, чего онъ никакъ ожидать не могъ.

Онъ перешелъ изъ одного лагеря въ другой, въ сильнѣйшій. Но этотъ лагерь его не принялъ! Приверженцы молодого царевича отшатнулись отъ него, а лагерь цесаревень возненавидѣлъ его тоже и считалъ измѣнникомъ, перебѣжчикомъ. И на глазахъ одиноко стоящаго человѣка два дотолѣ враждебные лагеря подали другъ-другу руку.

Цесаревны заявили, что, если когда и мечтали о престолѣ, то теперь покидаютъ всякую мысль о немъ, а удовольствуются приличнымъ приданымъ, и отказываются отъ всякихъ притязаній за себя и своихъ наслѣдниковъ...

И вдругъ, въ Петербургѣ наступила рѣдкая минута—отсутствіе враждебныхъ партій. Теперь всѣ и все было за молодого царя, но всѣ и все противъ Меншикова.

Жена князя, твердо вѣрившая въ счастливую звѣзду мужа, смутилась и спросила, что онъ намѣренъ дѣлать.

Князь улыбнулся и отвѣчалъ:

— Не робѣй, родная моя. Я боялся за всю мою жизнь только одного человѣка, да и тотъ, Великій, нынѣ спитъ мертвымъ сномъ. А нынѣ мнѣ некого бояться и никто мнѣ не страшень.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю. Пускай шумятъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а я пока буду глядѣть. Мое дѣло прицѣливаться... вотъ прицѣлюсь и выпалю!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора между Меншиковыми, государыня снова почувствовала себя особенно нехорошо. Призванные медики-иностранцы объявили, что на этотъ разъ болѣзнь принимаетъ крайне опасный видъ.

Съ каждымъ днемъ силы больной слабѣли, часто являлось безсознательное состояніе и бредъ.

Меншиковъ, конечно, постоянно бывшій около больной, снова видѣлъ вокругъ себя то же озлобленіе, ту же ненависть. Ни единой души не встрѣчалъ онъ во дворцѣ, за исключеніемъ лишь фрейлины Скавронской, которая отнеслась бы къ нему доброжелательно. Одна Софья прямо, ласково смотрѣла въ лицо князя, и гордилась тѣмъ, что, выборомъ Сапѣги, сдѣлала его дочь невѣстой государя.

За эти же дни смуты и волненій—было объявлено о стговорѣ Софьи съ сыномъ польскаго магната. Предполагалось совершить ихъ обрученіе, какъ только государыня будетъ въ состояніи встать съ постели.

Однако судьба судила иначе.

Однажды въ сумерки всѣ горницы дворца были переполнены придворными, вездѣ была мертвая тишина. Доктора, выходящіе отъ больной, прямо говорили, что государыня кончается. Многіе ходили съ заплаканными глазами, но всѣ безъ исключенія, во всѣхъ горницахъ, сидѣли тихо, въ уныніи или въ задумчивости.

Въ одной изъ ближайшихъ горницъ къ опочивальнѣ около сумерекъ собралось нѣсколько важныхъ сановниковъ. Здѣсь же время отъ времени появлялись выходящіи изъ опочи-

вальни обѣ цесаревны; и наконецъ явился юный наслѣдникъ престола, и тоже сѣлъ тихонько среди большого дивана.

Въ числѣ прочихъ вельможъ, находился тутъ и генералъ Девьеръ; здѣсь же былъ и молодой придворный князь Никита Трубецкой, у котораго было странное прозвище „Егоръ“, извѣстное на всю столицу.

Девьеръ, натура южная, нервная, пылкая, не смотря на возрастъ, не могъ усидѣть на мѣстѣ. Его волновала опасность, въ которой находилась государыня. Какъ натура отчасти упрямая, онъ не могъ легко покинуть мысль о томъ, что одна изъ цесаревенъ могла бы быть императрицей помимо малолѣтняго царевича, и что тогда его судьба стала бы совершенно иною.

Девьеръ, взволнованный, нервно переходилъ отъ одного лица къ другому и тихо переговаривался.

Вышла изъ опочивальни цесаревна Елизавета, прижимая платокъ къ глазамъ; сердце Девьера дрогнуло.

„Ужъ не умерла ли“, подумалось ему, и онъ нервно подбѣжалъ къ цесаревнѣ, узналъ отъ нея, что государыня въ бреду, и сталъ ее утѣшать, что нечего плакать, „зачѣмъ свое красивое личико и глазки портить, Богъ дастъ еще все обойдется счастливо“.

Когда появился въ горницѣ царевичъ, Девьеръ подсѣлъ къ нему и сталъ что-то шептать ему на ухо; царевичъ слушалъ и вдругъ улыбнулся.

Всѣ видѣли бесѣду шепотомъ, всѣ видѣли эту улыбку дѣтскую, и многимъ показалось, что неприлично въ такія минуты говорить молодому царевичу такія рѣчи, отъ которыхъ онъ можетъ улыбаться. А между тѣмъ Девьеръ даже не видалъ этой улыбки.

Говорилъ онъ на ухо ребенку такія вещи, отъ которыхъ улыбнуться было можно.

Онъ говорилъ, что нечего горевать, что Богъ дастъ все будетъ счастливо, что вотъ обручатъ его съ княжной Меншиковой, будетъ занятъ онъ только своею молодою невѣстой, и всѣ его заботы будутъ въ томъ, чтобы ходить за ней да ревновать къ ней всякаго, кто подступится.

Когда вышла изъ опочивальни фрейлина государыни, графиня Скавронская, Девьеръ подошелъ къ ней, сталъ спрашивать, каково положеніе царицы, когда послѣдній разъ приходила она въ сознаніе? — Софья Карловна едва могла

отвѣчать. Она рыдала! Быть можетъ, за исключеніемъ цесаревенъ, она рыдала искреннѣе всѣхъ среди этого многолюднаго общества.

Она дѣйствительно могла потерять въ лицѣ государыни истинную благодѣтельницу, которая подала ей руку и вывела изъ крестьянокъ въ царскія приближенныя.

Такъ какъ дѣвушка не могла справиться со своими рыданіями, пошатываясь на ногахъ, то Девьеръ обхватилъ ее за талию, взялъ за руку и хотѣлъ довести до стула. Но дѣвушка съ трудомъ справилась сама, отошла и сѣла.

— Воды бы выпить... произнесла она едва слышно.

Въ этотъ моментъ въ противоположныхъ дверяхъ появилась фигура придворнаго лакея, по имени Егора.

Девьеръ, отойдя нѣсколько шаговъ отъ фрейлины, крикнулъ:

— Егоръ! Воды стаканъ поскорѣе!

Послѣднія слова были сказаны тише, но имя прозвучало громче.

Князь Трубецкой, стоявшій лицомъ къ окошку, быстро обернулся, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ тому мѣсту, гдѣ послышалось его прозвище, но не зная, кто сказалъ это обидное слово, сталъ гнѣвно всѣхъ оглядывать. Всѣ сидѣвшіе въ приемной, какъ бы по уговору, невольно фыркнули и разсмѣялись. Но тотчасъ же, вспомнивъ, гдѣ они и въ какія минуты находятся во дворцѣ, всѣ тотчасъ сдѣлались серьезными.

Но скандалъ произошелъ.

До вечера чередовались здѣсь вельможи петербургскіе. Ввечеру показались симптомы, подававшіе надежды.

На утро императрица чувствовала себя уже гораздо лучше, была въ полномъ сознаніи. Черезъ сутки уже прямо объявлялось и говорилось на всѣхъ улицахъ столицы, что государыня не въ опасности и Богъ дастъ недѣли черезъ двѣ встанетъ съ постели.

Но въ то же время, когда многіе и многіе радовались, кто искренно, а кто и лукаво, выздоровленію царицы, пошла по городу вѣсть, смутившая весь придворный и боярскій кругъ.

XVI.

Графъ Головкинъ, какъ первое лицо верховнаго тайнаго совѣта, получилъ приказъ, подписанный императрицей и переданный ему изъ рукъ въ руки самимъ княземъ Меншиковымъ.

По указу этому слѣдовало дѣйствовать немедленно. А заключался онъ въ томъ, чтобы арестовать генерала графа Девьера и допросить, что происходило въ день 16 апрѣля въ горницѣ дворца, ближайшей къ опочивальнѣ, въ тѣ минуты, когда государыня была между жизнью и смертью.

„Буде господинъ генераль-лейтенантъ Девьеръ“, говорилось въ приказѣ, „будетъ упорствовать, то комиссіи, назначенной для слѣдствія надъ нимъ, не возбраняется прибѣгнуть къ пыткѣ“.

Девьеръ, думавшій, что князь Меншиковъ никогда не рѣшится ничего предпринять противъ него, жестоко ошибся.

Князь, своей властью на полученномъ бѣломъ листѣ и бланкѣ государыни, отдалъ его подъ судъ.

Разумѣется, на этой пыткѣ, послѣ 25 ударовъ плетью, Девьеръ заговорилъ такъ, какъ заговаривали и всѣ.

Онъ не только сознался во всемъ, въ чемъ его обвиняли, во всѣхъ клеветахъ на него возводимыхъ, но и назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Этихъ сообщниковъ называла, конечно, сама комиссія, а Девьеръ подтверждалъ „не стерпя побой“ мнѣніе комиссіи.

Такимъ образомъ оказалось, что существуетъ заговоръ съ какими-то тайными, неизвѣстными цѣлями. Какія цѣли заговорщиковъ, комиссіи знать было не нужно. Вина была не нужна, нужны были лишь виновные. Имена, которыя объявилъ Девьеръ, были: Толстой съ сыномъ, Бутурлинъ, Ушаковъ, Нарышкинъ, Долгорукіе и другія лица.

Всѣ эти люди были самыми главными ораторами за послѣдніе дни, громко говорившими противъ обрученія княжны Меншиковой съ Петромъ.

Не входя въ подробности заговора, комиссія обвинила Девьера лишь въ возмутительномъ поведеніи въ тѣ минуты, когда государыня была при смерти.

Его обвиняли въ пяти пунктахъ: первое, что онъ уговаривалъ цесаревну Елизавету Петровну не плакать, говоря что „не стоитъ“ свое личико портить. Второе, что предлагалъ шутя Аннѣ Петровнѣ ради печали выпить вина. Третье, говорилъ неприличныя слова на ухо великому князю и заставлялъ ребенка въ такія печальныя минуты размѣяться. Четвертое, — забывъ всякое благоприличіе и долгъ вѣрноподданнаго, ухватилъ плачущую фрейлину графиню Скавронскую за талію и „тащилъ танцовать“, чтобы ее якобы развеселить.

И пятое, чтобы заставить всѣхъ смѣяться, обозвалъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго извѣстнымъ на всю столицу прозвищемъ: „Егоръ“.

Разумѣется, самъ Девьеръ и всѣ его друзья знали, что оправдываться нечего. Его виновность была необходима. Многие были свидѣтелями помощи, оказанной имъ фрейлингъ императрицы, и нечаяннаго совпаденія того, что явившійся лакей дѣйствительно назывался Егоромъ.

На бѣду Девьера, всѣ, на кого онъ ссылался въ свое оправданіе, отозвались не въ пользу обвиняемаго. Цесаревны ничего не помнили; князь же Трубецкой, человекъ трусливый, отозвался, что убѣжденъ въ умышенномъ произнесеніи Девьеромъ его глупаго прозвища.

— Это случалось со мной не разъ, говорилъ онъ.— Часто бывало такъ: вызовутъ лакея, дѣйствительно Егора, да около меня его и позовутъ. То же случилось и въ оный день во дворцѣ.

Наконецъ, къ ужасу обвиняемаго и соблазну многихъ его друзей, фрейлина графиня Скавронская подтвердила, что графъ Девьеръ, обхватя ее, говорилъ ей: „Давай плясать. Чего тутъ плакать!“

Нѣкоторые лица бросились къ фрейлингъ, умоляя ее взять эти показанія назадъ, какъ клевету и ложь, но Дохабенская Юнкундзе плакала, даже рыдая сознавалась, что это клевета и ложь,—но взять своихъ словъ изъ судной комиссіи она, по одной сокровенной причинѣ, не можетъ. Разумѣется, не могла она потому, что это былъ приказъ Меншикова. Между этимъ приказаніемъ и ея будущей судьбой, даже судьбой ея возлюбленнаго Цуберки—была тѣсная связь.

Не сразу согласилась на жесвидѣтельство добрая дѣвушка, но князь убѣдилъ новую пріятельницу, что она не усугубитъ положенія Девьера, что дѣло его пропадшее.

Судъ надъ Девьеромъ и его сообщниками произвелъ то дѣйствіе, которое было нужно для Меншикова.

Волненіе по поводу обрученія и будущаго бракосоченія его дочери съ великимъ княземъ сразу улеглось, и все стихло и присмирѣло сразу.

— Поджали хвосты! говорилъ смѣясь князь Меншиковъ.— Какъ мало нужно, чтобы заставить всѣхъ васъ замолчать и попрятаться каждому въ свой шестокъ!

Между тѣмъ, пока судились виновные, государыня вдругъ снова почувствовала себя гораздо хуже—снова была при смерти.

На этотъ разъ доктора уже совершенно отчаивались. Та же болѣзнь, съ сильнѣйшими приступами, повторялась и видимо уносила послѣднія силы.

Наступило 6 мая, и по странной случайности, въ одинъ день произошли два событія, измѣнившія совершенно положеніе властнаго князя Ижорскаго.

Днемъ состоялся указъ: „Девьера съ сообщниками лишить чиновъ, чести и деревень данныхъ и сослать: Девьера въ Якутскъ, а другихъ въ разныя окраины имперіи“. Въ концѣ приказа было прибавлено: „Девьеру передъ ссылкой учинить наказаніе, бить кнутомъ“.

А въ девятомъ часу вечера не приходившая за нѣсколько дней въ сознаніе государыня—скончалась.

Одинъ вопросъ, одна забота, одна мысль тревожили всѣхъ: кто будетъ наслѣдникомъ, кто вступитъ на престоль, такъ какъ воли своей покойная государыня не выражала.

Но въ ту же ночь ближайшіе сановники, ближе всѣхъ стоявшіе къ кормилу правленія, узнали, что завѣщаніе есть.

На утро 7 мая, при всеобщемъ сборѣ во дворцѣ, гдѣ присутствовала вся царская фамилія, всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, всѣ члены сената и синода и весь генералитетъ,—было прочитано завѣщаніе покойной императрицы, по которому ея преемникомъ назначался великій князь Петръ Алексѣевичъ.

Князь Меншиковъ сталъ наконецъ нареченнымъ тестемъ царствующаго государя, дочь его поминалась во всѣхъ храмахъ какъ обрученная невѣста царствующаго государя... А приказомъ верховнаго тайнаго совѣта были сосланы и разбѣжались по разнымъ дальнимъ трущобамъ всѣ его главные враги. Единственное, чѣмъ утѣшались тайные враги, оставшіеся невредимыми, было то обстоятельство, что императору лишь одиннадцать лѣтъ.

До той минуты, когда онъ можетъ сдѣлаться супругомъ Меншиковой, а она императрицей, должно пройти по крайней мѣрѣ лѣтъ шесть. А за это время еще много воды утечетъ.

Можетъ умереть и самъ Меншиковъ, а бракъ разстроится.

Въ тотъ же день, 7 мая, послѣ торжественнаго чтенія завѣщанія, было назначено генеральное поздравленіе новому императору со вступленіемъ на престоль. А затѣмъ вельможи и сановники поголовно сдѣлали визитъ, котораго отъ нихъ никто не требовалъ, никакой законъ и никакой этикетъ. Тре-

бовали этого их личная безопасность и нежелание со-дня-на-день раздѣлить судьбу Девьера и многихъ другихъ лицъ, еще недавно бывшихъ среди нихъ.

Всѣ отправились поздравлять „Ея Высочество“, невѣсту молодого государя императора.

XVII.

Изъ всѣхъ важныхъ домовъ Петербурга былъ одинъ домъ, гдѣ кончина императрицы произвела наибольшее впечатлѣніе. Это былъ, конечно, Крюсовъ домъ.

Всѣ три семьи — Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Генриховыхъ, взрослые и дѣти, равно притихли, потерялись, оробѣли, даже порядокъ въ домѣ пошелъ другой.

Графъ Карлъ Самойловичъ былъ убѣжденъ, что имъ всѣмъ грозитъ горькая участь. Онъ передалъ свои мысли всей семьѣ.

— Слава Богу, говорилъ,—если насъ возьмутъ и отошлютъ обратно въ Ригу, а затѣмъ велятъ водворить на прежнія мѣста. А то и хуже: лишать всего и сошлютъ куда-нибудь къ Бѣлому морю, въ Соловки, или заточать въ крѣпость.

Разумѣется, изъ всѣхъ членовъ семьи всего болѣе потерялась, была въ полномъ отчаяніи — Анна Ефимовская.

— Шутить ты, говорила она брату. Что съ нами будетъ, если вернуть насъ къ старостихѣ Ростовской, послѣ того, что я съ ней сдѣлала!

— Да, признавался Карлъ Самойловичъ,—твое дѣло самое пропащее, тебѣ ужъ лучше проситься въ ссылку.

— Проситься. Хорошо, если послушаютъ. Разумѣется, намъ лучше въ крѣпости быть или въ монастыри постричься всѣмъ, нежели возвращаться къ старостихѣ.

Бывшая фрейлина покойной императрицы, въ день смерти своей покровительницы, переѣхала въ Крюсовъ домъ. Она горько и искренно плакала по своей благодѣтельницѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она обнадеживала отца и родню, что, по ея мнѣнію, худого ничего съ ними не будетъ. Но сама она не была вполнѣ убѣждена въ томъ, что говорила.

Будетъ ли относиться къ ней попржему, какъ бывало, всемогущій властелинъ въ государствѣ, князь Александръ Даниловичъ? Или же теперь, когда мечты и желанія его осуществились, онъ не захочетъ и поглядѣть на нее.

Только раз встрѣтила Софья князя Меншикова во дворцѣ, на другой день послѣ кончины царицы. Онъ странно взглянул на нее, сурово, гнѣвно. Или это ей такъ показалось, или, можетъ быть, озабоченный чѣмъ-то, онъ и не узналъ ее?

Но дѣло въ томъ, что князь Меншиковъ, глянувъ на дѣвущку свысока, прошелъ мимо и даже не кивнулъ головою на ея поклонъ.

Праздные люди, любящіе мѣшаться не въ свои дѣла, любящіе выдумывать и разносить всякій вздоръ, появлялись и въ Крюсовомъ домѣ. Всѣ они одинаково увѣряли графа Карла Самойловича, что его положеніе, а равно положеніе всѣхъ его родственниковъ крайне печальное.

Для новаго царя, по ихъ словамъ, недавно привезенные въ Петербургъ члены „оной фамиліи“, конечно, ничего не значать. Отъ нихъ постараются какъ можно скорѣе отдѣлаться. Очень дурного съ ними ничего не сдѣлаютъ, но ужъ изъ Петербурга вышлютъ непременно и, по всей вѣроятности, на старыя мѣста.

Всѣ совѣтовали графу Скавронскому, а равно и его дочери, итти искать заступничества и покровительства у цесаревны Елизаветы. Но и на это была плохая надежда: цесаревна, за все время пребыванія членовъ семьи, относилась къ нимъ сдержанно, а зачастую, какъ говорили, называла ихъ часто „мужиками и мужичками“.

Съ Софьей цесаревна обращалась во дворцѣ ласково, но хотя онѣ были почти однихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе дружба между ними не возникла.

Такъ прошла недѣля. Однажды, въ полдень, къ поѣзду Крюсова дома подкатилъ великолѣпный раззолоченный экипажъ. Обитатели, жившіе за все послѣднее время, какъ скаываетъ народъ, „на чеку“, бросились къ окнамъ и, увидя кто выходитъ изъ колымаги, сіявшей позолотой, оторопѣли и не знали—радоваться или ужасаться... Появился и вошелъ въ домъ могущественный Меншиковъ, тотъ самый челоуѣкъ, по слову котораго въ эти же дни отправились въ ссылку, лишенные чиновъ, чести, дворянства и имущества, многіе столбовые дворяне — Толстые, Нарышкины, Бутурлины и другіе.

Князь Ижорскій опросилъ людей и, не дожидаясь, конечно, внизу, сталъ подниматься въ верхній этажъ.

Все населеніе дома встрѣтило вельможу съ низкими покло-

нами, робѣя и трепеща. Князь холодно оглядѣлъ ихъ всѣхъ, улыбнулся, но не ласково, а скорѣе насмѣшливо.

— Ну, вы, графы и князья свѣтлѣйшіе, какъ поживаете? выговорилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, спросилъ у Карла Самойловича, гдѣ его дочь.

Всѣ бросились было за Софьей Карловной въ ея горницу, но князь остановилъ ихъ однимъ словомъ:

— Не надо. Я самъ пойду къ ней. Мнѣ ее нужно.

Князь прошелъ нѣсколько горницъ. Въ той самой угловой зеленой комнатѣ, гдѣ когда-то Ефимовская жестоко распорядилась со старостихой Ростовской, жила теперь бывшая фрейлина. Она смутилась при видѣ князя, но, пристально глянувъ ему въ лицо, не испугалась, а, напротивъ, хорошее чувство проникло ей въ душу.

Князь заперъ за собой дверь и подошелъ къ дѣвушкѣ. Протянувъ руку, онъ погладилъ ее по гладко причесаннымъ волосамъ, улыбнулся и произнесъ:

— Ну, сядемъ, потолкуемъ, я радъ съ тобой побесѣдовать. Видишь—не забудь. Хоть много у меня заботъ государскихъ, а вотъ не прошло недѣли, какъ я къ тебѣ пріѣхалъ о твоемъ дѣлѣ бесѣдовать. Я вѣдь тебя очень полюбилъ... Знаешь ли ты это?

— Благодарствую, отозвалась Софья.—А то я теперь потеряла все.

— Ничего ты не потеряла, отозвался Меншиковъ.

— У меня была только одна покровительница — государыня. А теперь я совсѣмъ одна.

— Ну, это ты, голубушка, не такъ сказываешь и не такъ думаешь. Есть у тебя покровитель, пожалуй, сильнѣйшій, чѣмъ была царица. Она была все-таки женщина съ прихотями и съ причудами... Знаешь ли ты, за что я тебя люблю?

— Нѣтъ, солгала Софья, потому что отлично понимала, чѣмъ услужила Меншикову.

Князь поглядѣлъ на нее и угадалъ ея мысль.

— Ты думаешь, глупая, что я за то тебя люблю, что ты отняла у дочери графа Сапѣгу и помогла мнѣ у царицы выпросить другого жениха, лучше... Нѣтъ, моя милая, не оттого. Ты, правда, помогла мнѣ, и не мало, но все-таки я бы и безъ тебя добился того же... Я тебя люблю за то, что ты единственный человѣкъ на весь Петербургъ, кромѣ жены моей да дочери, единственный чужой мнѣ человѣкъ на всю столи-

цу, который не желаетъ мнѣ всякаго зла и погибели. Всѣ, кого я знаю, меня ненавидятъ. Я это вижу по глазамъ ихъ... Ты одна вотъ сейчасъ встрѣтила меня съ такимъ лицомъ, что я вотъ дамъ тебѣ въ руки ножъ, засну тутъ и буду спать спокойно, зная, что ты меня не зарѣжешь. Такогого же я ни съ кѣмъ во всей столицѣ, да, поди, даже во всей имперіи, учинить не могу, смѣлости не хватитъ... И вотъ за это я тебя и полюбилъ... Ну, давай теперь говорить о дѣлѣ. Ты все-таки невѣстой Петра Сапѣги считаешься?

— Да. Но кажется, они, и отецъ, и сынъ, на попятный дворъ собираются! улыбнулась Софья.

— Вѣрно! Графы мои боятся, что государь тебѣ не дастъ того приданого, что царица дать хотѣла. Когда вы видѣлись?

— Да послѣ кончины государыни только всего одинъ разъ, да и то мелькомъ, съ великимъ спѣхомъ.

— Виду не подаешь ему, что мы съ тобою лиходѣйствуемъ и обманываемъ его?

— Нѣтъ.

— Ну, то-то же. Такъ и продолжай. Пускай онъ самъ отказывается...

— Фельдмаршалъ хотѣлъ просить самъ государя—разяснить дѣло о приданомъ за мною.

— Пускай просить! Намъ какое дѣло, усмѣхнулся князь.— Послѣ-завтра я пошлю ему сказать, что твое приданое подъ сомнѣніемъ. Ты должна вѣдь получить нѣсколько вотчинъ, изъ коихъ есть конфискованныя у сосланныхъ. Слѣдовательно, надо еще многое упорядочить, перевести законно все на твое имя. Вотъ дѣла и затянутся на все лѣто. А пока мы пошлемъ человѣка два-три достать, добыть и привезти сюда твоего возлюбленнаго. Здѣсь мы перемѣнимъ ему кличку. А та очень ужъ мудрена, да и кажись, помнится, смѣшная какая-то. Мы выдумаемъ ему другое прозвище; въ графы, конечно, не произведемъ, но въ полкъ его напишемъ и сдѣлаемъ офицеромъ и дворяниномъ. Довольна ли ты будешь?

Софья, въ порывѣ восторга, бросилась къ князю, схватила его руку и поцѣловала.

— Ну, такъ вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать. Веди себя съ Сапѣгами, и съ сыномъ, и со старикомъ, осторожно, показывай видъ, что ничего противъ брака сего не имѣешь, что оттягивается онъ не по твоей волѣ... Пойми, Софья Карлусовна, что это нужно для тебя самой, да къ тому же нуж-

но и для меня. У графа Сапѣги старика есть за пазухой такой камешекъ, который онъ можетъ достать и швырнуть въ меня. А я боюсь этого камешка. Поняла ты?

— Нѣтъ, отозвалась Софья.

— Графъ Сапѣга знаетъ одно такое дѣло, которое онъ пока держитъ про себя. Если онъ огласитъ сіе, то мнѣ великій причинитъ ущербъ... Хотя силенъ я, а это вредительство Сапѣги мнѣ страшно. Пока онъ будетъ молчать, ожидая, что я, твой свать, выхлопочу у государя для тебя, будущей его невѣстки, большущее приданое... А знай онъ, что мы съ тобой лицедействуемъ, скромороществуемъ и ихъ надуваемъ—бѣда! Какъ разъ слазаетъ онъ за пазуху и пуститъ симъ булыжникомъ въ меня... Такъ вотъ будь же съ ними обоими осторожна. Со старикомъ ласкова, а съ молодымъ, дѣлать нечего, прикидывайся его любовью.

Меншиковъ всталъ и только тутъ Софья вспомнила о томъ, что надлежало узнать у властнаго князя. На вопросъ ея, опасаться ли всѣмъ имъ, родичамъ царицы, „дурного съ ними поступленія“, Меншиковъ разсмѣялся:

— Ничего вамъ не будетъ... За что? Вы сидѣли и сидите смирно. Отецъ твой, и дядя не мѣшались ни во что, ни въ какіе переплеты не попадали, друзей не приобрѣли себѣ, да и за то враговъ себѣ не нажили. Васъ никто не тронетъ. Можетъ быть, всѣ вы получите меньше вотчинъ и иждивенія, чѣмъ предполагала покойная царица, правда!.. Но худого вамъ ничего учинено не будетъ. А развѣ они всѣ опасаются?

— Да, отвѣчала Софья. — Они боятся, что всѣхъ возьмутъ и водворятъ на старыя мѣста въ крѣпость къ прежнимъ помѣщикамъ — Лауренцкому, Вульфеншильду и Ростовской. А то, говорятъ, засадятъ всѣхъ въ острогъ или сошлютъ въ Соловки.

— Пустое! Пойдемъ, я имъ скажу сейчасъ, чтобы они не тревожились.

Князь вышелъ изъ горницы въ сопровожденіи Софьи. Вся семья была въ сборѣ въ большой столовой и снова съ поклонами встрѣтила князя, менѣе робѣя и трепеща, чѣмъ прежде, такъ какъ долгая бесѣда его съ дѣвушкой предсказывала нѣчто хорошее. Но ласковое лицо Меншикова снова сдѣлалось серьезнѣе и холоднѣе.

Онъ оглядѣлъ всю толпу взрослыхъ, подростковъ и дѣтей

и произнесъ сухо, преимущественно обращаясь къ Карлу Самойловичу:

— Вы бросьте тревожиться. Опасаться вамъ нечего: никакой бѣды вамъ не приключится. Будетъ съ вами поступлено по совѣсти и по закону. Чтò общала вамъ покойная государыня—то и будетъ. Получите вы разныя подмосковныя и замосковныя вотчины и поѣдете въ нихъ хозяйничать и управляться со своими рабами. А вотъ Яункундзе выйдеть замужъ за графа Сапѣгу.

И Меншиковъ, поглядѣвъ въ лицо Софьи, остался доволенъ ею. Она не смутилась при этой лжи князя, смѣло смотрѣла на всѣхъ, какъ бы подтверждая слова его.

Князь Меншиковъ уѣхаль, а въ Крюсовомъ домѣ стало весело. Анна Ефимовская, приходившая въ отчаяніе за всѣ эти дни и только не плакавшая потому, что не умѣла дѣлать этого, теперъ снова начала воевать съ сестрой, мужемъ и дѣтьми. Но болѣе всего доставалось, конечно, прислугѣ.

XVIII.

Вскорѣ послѣ этого дня въ семьѣ Скавронскихъ случилось событіе не малой важности: появился въ домѣ привезенный изъ польской Лифляндіи бѣглець—Дирихъ.

Офицеръ, доставившій графа Ѳедора Самойловича Скавронскаго, передалъ его съ рукъ на руки графу Карлусу Самойловичу. Вся родня едва узнала привезеннаго бѣглеца: онъ, казалось, постарѣлъ лѣтъ на десять.

На разпросы всѣхъ, даже на просьбы брата Карлуса, даже на ласки Марьи Скавронской—Дирихъ отзывался только односложно, но ничего не говорилъ о себѣ, ничего не рассказываль. Гдѣ онъ былъ? Что дѣлаль? Нашель ли и видѣлся ли со своей Триной?—онъ ни словомъ не обмолвился.

Родня, не добившись ничего, махнула рукой. Бѣглеца снова свели въ отдѣльную комнату и стали уже сторожить. Былъ отдавъ строжайшій приказъ, даже всей прислугѣ, не спускать графа Ѳедора Самойловича съ глазъ. Всѣмъ дѣтямъ было тоже поручено слѣдить за дядей Дирихомъ, и если будетъ замѣчено, что онъ собирается со двора, то сейчасъ же дать знать или Карлу Самойловичу, или, за его отсутствіемъ, старшему сыну его—Антону.

Съ этого дня, графъ Ѳедоръ Самойловичъ жилъ какъ бы подь крѣпчайшимъ карауломъ. Но какъ въ первый день, такъ и въ послѣдующіе никто отъ него ничего не добился. Даже Марія Скавронская, которую онъ наиболѣе любилъ, напрасно приставала къ нему, спрашивая ласково и сердечно, и стараясь, изъ одного лишь участія, вызвать его на откровенную бесѣду—Ѳедоръ Самойловичъ только тихо трясъ головою и ничего не говорилъ.

Черезъ недѣлю послѣ его возвращенія явился къ нему Карлусъ, сѣлъ подлѣ него и выговорилъ:

— Ну, братъ, я къ тебѣ по важному дѣлу. Приказаніе тебѣ вышло, коего ослушаться ты не можешь. Я знаю, ты не будешь отвѣчать мнѣ, будешь только мычать по-коровьи, да головой трясти!.. Но это твое дѣло. А то, что тебѣ приказано, мы должны всячески стараться тебя заставить исполнить... И заставимъ! Тебѣ строжайше вышелъ приказъ—жениться.

Дирихъ, сидѣвшій, какъ всегда, немножко сторбившись и опустивъ бѣлые глаза въ полъ, вдругъ встрепенулся и съ ужасомъ глянулъ брату въ лицо.

— Жениться!... проговорилъ онъ.

— Ага, заговорилъ!.. усмѣхнулся Карлусъ.—Ну, вотъ и слава Богу!.. Да, братецъ ты мой, приказъ тебѣ жениться... Мало того, великая княжна цесаревна Елизавета Петровна тебѣ уже и невѣсту выискала. Не очень она молода, да и не очень собой хороша—да тебѣ это и не нужно. За то она старинная російская дворянка. Дѣвица золотого сердца и прекрасная хозяйка. Имя ея Екатерина, стало быть тоже Трина, по отчеству Родивоновна, а по прозванію Сабурова.

— Не хочу, отозвался Дирихъ глухо.

— Хочешь ты, не хочешь, объ этомъ рѣчи не будетъ. Приказано тебѣ жениться, невѣсту нашли и будемъ мы тебя вѣнчать не нынѣ—завтра.

— Я ее зарѣжу, также глухо отозвался Дирихъ.

— Тогда тебя отстегаютъ плетьюми! строго произнесъ Карлъ Самойловичъ.

— И пуцай!

— Да еще отрубятъ голову черезъ палача.

— И пуцай! снова отозвался Дирихъ.

Карлъ Самойловичъ началъ уговаривать брата, убѣждать, даже началъ ласкать его, гладить по плечу и по колѣну, какъ

малаго ребенка. Онъ сталъ увѣрять его въ томъ, какъ вся родня его любитъ, какъ цесаревна заботится о его счастья. Затѣмъ графъ Скавронскій началъ яркими красками описывать Дириху, какъ онъ будетъ счастливъ, когда будетъ женатъ на россійской дворянкѣ изъ стариннаго рода.

— У невѣсты Сабуровой, говорилъ Карлусъ, родня большая. И братья, и сестры, и всякіе родичи. Всѣ они будутъ уважать тебя, якобы старшаго. Пойдутъ у тебя дѣти, будутъ такіе же вотъ сыновья, какъ и у меня. Будешь ты россійскій дворянинъ—и по видимости, а не такъ вотъ. Графъ Скавронскій настоящій съ многочисленнымъ семействомъ... Можетъ, у тебя будетъ двѣнадцать сыновей и двѣнадцать дочерей, расписывалъ Карлъ Самойловичъ.

— Чортъ съ ними!.. отозвался Дирихъ.

— Съ кѣмъ?

— А съ этими твоими сыновьями и дочерьми.

— Да не съ моими... Глупый! У тебя ихъ будетъ столько.

— Не хочу... Не нужно... Я ихъ всѣхъ передешу какъ котятъ.

Карлусъ невольно усмѣхнулся:

— Ишь ты какой!.. Они еще не родились, а онъ ихъ душить хочетъ.

— Все равно что не родились! безмысленно проговорилъ Дирихъ.

— Такъ какъ же съ тобой быть? спросилъ наконецъ Карлусъ.—Что же я скажу цесаревнѣ?.. Стало быть силкомъ мы тебя будемъ вѣнчать, свяжемъ да и повеземъ въ церковь... Вѣдь это не гоже. Вѣдь это срамъ будетъ.

— Я утоплюсь! отрѣзалъ Дирихъ.

— Ну, вотъ! Утоплюсь... То всѣхъ рѣзать собирался, а теперь топиться. А ты подумай-ка, подумай-ка обо всемъ, что я тебѣ говорилъ. Можетъ, Богъ дастъ, раздумаешь да и согласишься. И отчего бы тебѣ не жениться на невѣстѣ, которую разыскала сама цесаревна?.. Какія причины?

— А Трина?.. выговорилъ вдругъ громко и отчаяннымъ голосомъ Дирихъ.

— Трина...Заладилъ про свою Трину. Ты долженъ о ней забыть, какъ если бы она никогда не жила. Да вѣдь и эта Сабурова—Катерина, стало быть, Трина. Вотъ въ утѣшеніе себѣ и зови ее Триной. Оно будто все то же и будетъ.

— Нѣтъ не то же. То одна Трина, а это другая—Трина.

— Все одно. За то эта мужичка, а эта дворянка. Ты вот подумай и мнѣ отвѣтъ дай, а я доложу цесаревнѣ.

Съ этого дня, въ продолженіи цѣлой недѣли, Карлусъ, а въ особенности Софья и ея братъ Антонъ ежедневно уговаривали дядю, стараясь то лаской, то угрозой выманить у него согласіе.

Женитьбу эту придумала вся родня, чтобы сбыть съ рукъ своего арестанта на руки въ семью Сабуровыхъ и бракомъ этимъ пресѣчь возможность новыхъ попытокъ къ бѣгству.

Наконецъ, однажды, Марья Скавронская уговорила Федора Самойловича. Цѣлый вечеръ проплакалъ онъ, какъ малый ребенокъ, затѣмъ заявилъ желаніе видѣться съ ксендзомъ. За неимѣніемъ такового въ городѣ, позвали въ домъ католическаго пастора, челоуѣка уже пожилого и почтеннаго.

Федоръ Самойловичъ изъявилъ желаніе исповѣдываться и причаститься, готовясь къ женитьбѣ какъ якобы къ смерти. Ему не перечили.

Вернувшись изъ церкви, Федоръ Самойловичъ заговорилъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихимъ и грустнымъ. Онъ объявилъ, не то шутя, не то серьезно, при чемъ губы его улыбались, а на глазахъ стояли слезы:

— Дирихъ Сковоротскій померъ! Нѣтъ его на свѣтѣ... А графъ Федоръ Самойловичъ женится и зоветъ васъ къ себѣ на свадьбу.

Вся родня не знала, смѣяться ли словамъ этимъ или тревожиться. Балуется ли Федоръ Самойловичъ, или разумъ у него сталъ мѣшаться. Въ дѣйствительности не было ни того, ни другого. Разумъ его просвѣтлѣлъ. И Федоръ Самойловичъ не шутилъ, говоря, что Дирихъ умеръ. Онъ похоронилъ въ себѣ чувство къ любимой женщинѣ, которая измѣнила ему, бросилъ мечты снова жить съ ней. Онъ рѣшилъ поэтому, что Дирихъ не существуетъ якобы на свѣтѣ, а теперь надо быть графомъ Скавронскимъ, мужемъ госпожи Сабуровой.

Скоро была справлена свадьба, на которой присутствовала многочисленная родня невѣсты. Все прошло порядливо и богато. На свадьбѣ обѣщала быть сама цесаревна Елизавета, но не явилась по нездоровью. За то было много сановниковъ и богатыхъ дворянъ.

Въ толпѣ народа, затѣснившей со всѣхъ сторонъ паперть и наполнявшей сосѣднія улицы, чтобы поглазѣть на золотыя

кареты и чудныхъ коней свадебнаго поѣзда,—бѣжала молвь одна и та же по всѣмъ устамъ.

— Ну, ужъ, не позавидуешь невѣстѣ!... Этакаго бѣлоглазаго да бѣлобрысаго въ мужья получить! говорили одни.

— Ну, ужъ, не позавидуешь жениху... Этакую дурную, да старую жену получить! говорили другіе.

— Ну, ужъ, и самъ-то хорошъ! прибавлялось къ этому.

— Ну, ужъ, и сама-то тоже хороша! прибавлялось еще.

Разумѣется, молодые супруги поселились въ отдѣльномъ домѣ со своимъ штатомъ дворовыхъ. Но въ домѣ этомъ черезъ нѣсколько дней уже стало очень людно: была цѣлая куча господъ, распорядившихся всѣмъ имуществомъ. Все это была родня молодой супруги.

Цесаревна, выбирая невѣсту для графа Федора Скавронскаго, которому предполагалось дать большія средства вотчинами и деньгами, одновременно пристроила цѣлое семейство обѣднѣвшихъ дворянъ, которому она покровительствовала.

Разумѣется, при такомъ хозяинѣ, какимъ сталъ графъ Федоръ Самойловичъ, могъ легко забрать власть въ руки, и въ домѣ, и въ вотчинахъ, всякій, кто бы ни пожелалъ. Впрочемъ, съ главнымъ членомъ семьи—графомъ, всѣ Сабуровы и ихъ прихлебатели обращались вѣжливо и ласково, величая его и дядюшкой, и дѣдушкой, и сіятельствомъ... И понемножку прежній ямщикъ Дирихъ, прежній страстный обожатель Трины, почувствовалъ себя болѣе или менѣе счастливымъ.

Эта обстановка тяготила его менѣе, нежели жизнь въ Крюйсовомъ домѣ. Имя Трины стало для него символомъ чего-то давнишняго, но безвозвратно потеряннаго, какъ молодость..

„Видно, такъ Богъ судилъ!“ думалось графу Федору Скавронскому. „Но на томъ свѣтѣ—Трина отвѣтъ дастъ за меня!“

XIX.

Такъ прошло болѣе мѣсяца со смерти царицы. Былъ уже конецъ іюня, а въ Крюйсовомъ домѣ не было ничего новаго. Всѣ обитатели жили въ ожиданіи дальнѣйшей своей судьбы. Болѣе всѣхъ, конечно, волновалась Яункундзе.

Наконецъ, однажды, къ ея великой радости, за ней пріѣхала карета отъ князя Меншикова: онъ просилъ ее къ себѣ.

Софья быстро собралась и еще быстрѣе покатила по зеле-

нѣющему берегу широкой Невы. Въ концѣ Галерной улицы, она оставила экипажъ, прошла пѣшкомъ, пересѣла въ лодку, ее ожидавшую, и быстро переѣхала Неву.

На берегу Васильевского Острова ее ждалъ другой экипажъ, который помчалъ ее далѣе, во дворецъ князя, гдѣ уже съ кончины царицы имѣлъ пребываніе и самъ младенецъ-императоръ.

Князь Меншиковъ уже давно озаботился, чтобы его царственный пленецъ былъ ближе къ нему, подъ его ежечаснымъ, неуспыннымъ надзоромъ. Здѣсь же жилъ приставленный къ нему учителемъ и опекуномъ хитроумный нѣмецъ Остерманъ. Сюда, во дворецъ князя Меншикова, долженъ былъ являться всякій, желающій представиться молодому государю.

Меншиковъ принялъ Софью Карловну такъ же ласково, какъ и прежде, но сразу долженъ былъ опечалить свою любимицу.

Плохи твои дѣла, Софья Карлусовна, сказалъ онъ.—Вернулись мои молодцы изъ твоей деревушки, изъ твоихъ краевъ, и никакого Цуберки... Такъ ли сказалъ я?..

— Такъ! воскликнула Софья.

— Ну, никакого Цуберки не нашли. Молодцы эти не глупые, поняли, что порученіе мое важное, и, желая получить награду, перешарили весь край. Они разузнавали все, что могли, распросили всѣхъ, кто имъ ни попадался, и помѣшниковъ, и ксендзовъ. И вотъ узнали они, что любезный твой, послѣ твоего отъѣзда изъ Риги въ Петербургъ, содержался у Репнина въ острогѣ, потомъ былъ выпущенъ на свободу и вернулся въ твою деревушку.. Какъ ты зовешь ее?

— Дохабенъ.

— Ну, да. Такъ оно и стоитъ въ донесеніи. Вернулся онъ въ Дохабенъ, опять принялся за свое дѣло, пасть стада, а затѣмъ, съ полгода тому назадъ, а кто говоритъ не болѣе какъ мѣсяца съ два, распрощался онъ со всѣми и исчезъ. Одни сказываютъ, что ушелъ въ Польшу, другіе увѣряютъ, что будто въ нѣмецкія земли, да кто говоритъ... Только ты не пугайся!.. Говорятъ, что будто погрозился онъ покончить съ собой—удавиться, аль-бы утопиться.

Софья измѣнилась въ лицѣ.

— Вотъ ты и перепугалась, а напрасно. Этому я не вѣрю. Да и есть у меня и другія вѣсти изъ иного мѣста, что

твой возлюбленный болтается около Риги. Может, надѣется тебя тамъ увидѣть. Но ты вотъ теперь о чемъ посуди. Что жъ намъ дѣлать? Надо вѣдь ждать, надо опять искать... Стало быть, надо по прежнему тянуть и обманывать стараго Сапѣгу. А ужъ какъ будетъ невтерпежь ему—тогда мы съ нимъ просто покончимъ, по хохлацкому обычаю: пошлемъ ему арбузь. Цѣлый возъ арбузовъ.

И Меншиковъ началъ смѣяться, но Софья сидѣла задумчивая и печальная.

— Развеселися, графинюшка. Рано ли, поздно ли, общаю тебѣ устроить все такъ же хорошо, какъ ты помогла мнѣ устроить мои дѣла.. Ну, пока прощай! На сихъ дняхъ пошлю я опять съ поддюжины гонцовъ въ Литву и Польшу. А какъ они вернутся, такъ опять за тобой приплю. А съ Сапѣгами ты старайся видаться рѣже.

— Да я и такъ менѣе раза въ недѣлю видаю ихъ, отозвалась Софья.

— Ну, вотъ... Иной разъ, когда пріѣдетъ кто изъ нихъ къ вамъ, то скажися хворой, въ постели, а когда придется повидаться—то веди себя такъ: не шатко, не валко, не ласково, не сердито... Мнѣ, молъ, все равно, что ни будь. Нечего теперь намъ съ ними очень опасно обходиться. Старикъ мнѣ больше не страшень; камешекъ свой, про который я тебѣ сказывалъ, онъ изъ-за пазухи уже вынималъ, имъ въ меня цѣлилсѣ. Да не утерпѣлъ старый, ужъ выпустилъ изъ рукъ, не попалъ въ голову, какъ мѣтилъ, и промахнулся мимо. Я старику простить этого не могу. Поэтому мы съ тобою еще нѣкоторое время съ нимъ будемъ по старому въ женихи и невѣсты играть, а потомъ и плюнемъ на него... Ну, вать и все. Прощай!

Послѣ этого посѣщенія князя, Софья снова прожила болѣе мѣсяца въ Крюсовомъ домѣ, но за все время не болѣе двухъ разъ видѣлась со своимъ нареченнымъ женихомъ. Сапѣги дѣйствовали тоже какъ-то двусмысленно...

Молодой графъ, болѣе чѣмъ когда-либо, не нравился Софѣ Карловнѣ. И прежде онъ отталкивалъ невѣсту своимъ пренебрежительнымъ, высокомернымъ отношеніемъ къ ней. Теперь же онъ рѣзко и не стѣсняясь ни мало, смѣялся на счетъ своей странной судьбы, что ему, магнату, приходится жениться на простой крестьянкѣ.

Во второе свое посѣщеніе молодой Сапѣга, пріѣхавъ съ

отцомъ провести весь вечеръ у своей невѣсты, подалъ поводъ къ размолвкѣ. Вслѣдствіе одного неумѣстнаго и колкаго отзыва молодого графа о покойной императрицѣ, Софья не выдержала и отвѣтила рѣзко:

— Можно быть крестьяниномъ съ благороднымъ сердцемъ и можно быть знатнымъ магнатомъ съ холопскими чувствами!

Сапѣги, отецъ и сынъ, оскорбились, холодно простились тотчасъ же съ юной графиней и съ ея отцомъ и уѣхали видимо взволнованные.

Они будто почували, что Софья Карлона желаетъ прервать всякія отношенія съ ними, не только выходить замужъ... Карлъ Самойловичъ, не знавшій, конечно, объ уговорѣ дочери съ княземъ Меншиковымъ, сталъ журить дочь за суровое обращеніе съ женихомъ. Но она махнула рукой, ничего не сказала и, видимо довольная, ушла къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого въ Крюйсовъ домъ пришло извѣстіе, которое подняло на ноги весь городъ. Но во всемъ городѣ радовались и веселились, а въ Крюйсовомъ домѣ опечалились при этомъ извѣстіи. Что касается до Софьи, то она измѣнилась въ лицѣ и даже заплакала. Пришло извѣстіе, что князь Меншиковъ опасно боленъ у себя въ Ораніенбаумѣ и самъ пишетъ молодому царю, что собирается умирать.

„Что же будетъ со мною?“ невольно подумала Софья.

Но затѣмъ вскорѣ пришло извѣстіе, что князь снова поправился, снова здоровъ. Софья обрадовалась и уже собиралась вмѣстѣ съ отцомъ ѣхать въ Ораніенбаумъ навѣстить своего покровителя, когда черезъ день или два снова страшная, невѣроятная вѣсть пришла въ Крюйсовъ домъ, вѣсть, поразившая Софью еще болѣе, нежели поразило бы ее извѣстіе о смерти князя Меншикова.

Скавронскіе узнали такъ же, какъ узналъ весь городъ, что всемогущій князь въ опалѣ. Ему запрещено выѣзжать изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, запрещено являться предъ ясныя очи молодого государя.

За время болѣзни князя враги его не дремали, и выздоровѣвшій временщикъ былъ уже опальнымъ вельможей. Скоро молва народная уже разжаловала его въ простые дворяне.

— Какой же онъ вельможа? говорили повсюду.

Вскорѣ затѣмъ появилось на устахъ у всѣхъ слово: „пирожникъ“, а затѣмъ слово: „Алексапка“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи узнали, что ненавистный всѣмъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ отданъ подѣ судъ за многія преступленія и ссылается въ городъ Раненбургъ, который недавно онъ выстроилъ.

Софья, одна на всю столицу, а быть можетъ и на всю Россію, горько плакала. Въ ея слезахъ были слезы о князѣ, но были слезы и о себѣ, о своей судьбѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября, князь Меншиковъ съ женою и дочерью, „рушенною невѣстой“, и съ ближайшими родственниками, съ нѣсколькими холопами—выѣхалъ изъ Петербурга подѣ конвоемъ конной стражи.

Но едва доѣхалъ онъ до Раненбурга, какъ, лишенный уже всего, что приобрѣлъ онъ за свою жизнь, отъ титула до имущества, въ простомъ мужицкомъ зипунѣ отправился далѣе. На Волгѣ, подѣ Казанью, онъ овдовѣлъ и, схоронивъ жену не на кладбищѣ, по христіански, а зарывъ ее просто на берегу матушки-Волги, около Усоляя, отправился далѣе въ Березовъ. Здѣсь онъ остался до дня своей кончины, давая своей жизни примѣръ современникамъ и потомству, что бѣдствія, принимаемыя христіаниномъ какъ кара Господня, облагораживаютъ и возвышаютъ природу человѣческую.

Жизнь бывшаго всемогущаго временщика въ Березовѣ была не жизнью ссыльнаго, а подвижничествомъ.

XX.

Паденіе Меншикова въ Крюсовомъ домѣ не произвело никакого впечатлѣнія, такъ какъ у его обитателей явилась новая покровительница, ласково съ ними обращающаяся и общавшая имъ исполненіе всего, что желала сдѣлать покойная государыня. Это была цесаревна Елизавета Петровна, которая съ паденіемъ князя Меншикова стала первымъ лицомъ въ государствѣ, какъ обожаемая молодымъ государемъ тетюшка.

Но если Скавронскіе, Генриховы и Ефимовскіе были довольны и счастливы, то Софья Карловна, казалось, выплакала всѣ свои слезы. И чего ждала она съ ужасомъ и трепетомъ — то и случилось.

Однажды явилась покровительница цесаревна и спросила

у нея, почему оттягивается ея свадьба съ ея „возлюбленнымъ“. Цесаревна, не зная причинъ, почему это дѣло затягивается, обѣщала дѣвушкѣ похлопотать, чтобы поскорѣе все устроилось.

У Софьи не хватило духу проронить ни единого слова. Она была слишкомъ поражена такимъ оборотомъ дѣла... „Возлюбленный?! Онъ? Сапѣга?!“

Черезъ два дня она была вызвана къ цесаревнѣ и та объяснила дѣвушкѣ, что за ней закрѣпляются разныя вотчины, во исполненіе воли покойной государыни, до двухъ милліоновъ рублей стоимостью, и потому свадьба ея можетъ быть назначена безотлагательно.

Софья стояла какъ истуканъ, не благодарила и молчала. И то тяжкое горе, которое сказывалось въ ней и игромъ лежало у ней на сердцѣ, было принято цесаревной и объяснено ею, какъ неразвитіе или грубоватость природы этой графини-крестьянки.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды съ цесаревной, рѣшившей безповоротно участь и судьбу дохабенской Яункундзе, молодая дѣвушка, съ невѣроятнымъ усиліемъ подавлявшая въ себѣ свое горе—не справилась съ нимъ. Горе побѣдило, и Софья въ бреду слегла въ постель. Иностранецъ-медикъ, призванный перепуганнымъ отцомъ дѣвушки, объявилъ болѣзнь опасною, назвавъ ее „инфламацией головы“, а въ то же время знахарка, найденная графиней Марьей Ивановной, объяснила, что у молодой графинюшки „огневица“.

Весь Крюйсовъ домъ, опечаленный болѣзнью любимицы, притихъ. Всѣ наперерывъ ухаживали за больною. Молодые силы скоро сказались, и Софья чрезъ недѣлю уже не металась и не бредила, какъ въ первые дни. Черезъ три недѣли она была на ногахъ, среди обрадованной родни.

Но тогда-то и началась смута въ Крюйсовомъ домѣ. Болѣе всѣхъ былъ встревоженъ графъ Карлъ Самойловичъ.

Дочь объявила и объяснила ему все... Теперь, когда князь Меншиковъ былъ уже въ ссылкѣ, можно было выдать всю тайну, рассказать про ихъ интригу и заговоръ.

Софья подробно передала отцу свой уговоръ съ павшимъ временщикомъ и прибавила, что ни за что не пойдетъ за человѣка, котораго не любить и который, вдобавокъ, относится къ ней съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Ему мое приданое нужно! сказала Софья.— А я ему

не нужна. Я буду несчастна съ нимъ всю жизнь. А главное... Я хочу знать: что и гдѣ Цуберка?

Карль Самойловичъ сдался на этотъ разъ и сталъ на сторону дочери.

— Что жъ, что мужикъ и пастухъ. А мы-то кто же такіе?.. мысленно сознавался теперь прежній буфетчикъ Карлусъ.

Началась борьба, въ которой приняла участіе и цесаревна. Разумѣется, болѣе всѣхъ негодоваль обманутый графъ Сапѣга-отецъ, взволновался и даже сталъ грозить. Онъ близко принималъ къ сердцу дѣло о бракѣ Софьи съ его сыномъ, именно ради состоянія. Но дѣвушка боролась упорно. До тѣхъ поръ не давала она своего согласія, пока не привезли къ ней изъ Дохабена того самого мацитайса или ксендза, который хорошо зналъ Цуберку чуть не съ дѣтства и долженъ былъ когда-то вѣнчать его съ Софьей.

Ксендзъ подтвердилъ первоначальную вѣсть, полученную еще Меншиковымъ. Къ этому онъ прибавилъ, быть-можетъ по наученію Сапѣги, что дохабенскій ганць не только считался утопившимся, но что нѣкоторые изъ дохабенскихъ крестьянъ видѣли трупъ утопленника.

И Софья подъ этимъ ударомъ еще разъ и еще горячѣе поплакала о судьбѣ своего бывшего жениха.

Между тѣмъ, старый магнатъ объяснилъ Карлу Самойловичу, что если его дочь согласится выйти за его сына, то завѣщаніе покойной императрицы насчетъ приданаго ея любимицы будетъ исполнено въ точности. Если же она выйдетъ за другого кого, то цесаревна, недовольная упрямствомъ дѣвушки, отступится отъ Скавронскихъ. Дѣйствительно, цесаревна заявила, что если Софья пожелаетъ выйти за иного русскаго дворянина, то она предоставляет самимъ Скавронскимъ хлопотать у государя Петра Алексѣевича объ исполненіи воли покойной царицы. Разумѣется, отецъ и мать Скавронскіе принялись приставать ежедневно къ дочери, уговаривать и упрашивать ее, чтобы она дала свое согласіе.

Софья Карловна, похоронивъ въ сердцѣ Цуберку, стала приглядываться иными глазами къ молодому поляку и скоро поневолѣ должна была сознаться, что онъ былъ женихъ самый завидный во всемъ Петербургѣ. Онъ былъ молодецъ, красивый, уменъ, и теперь сталъ вдругъ чрезвычайно нѣженъ и добръ къ ней. Вдобавокъ, онъ былъ одной съ нею религіи, и родной языкъ его былъ роднымъ языкомъ молодой дѣвушки,

которую даже прозвали, при появленіи въ Петербургѣ, „польской фрейлиной“.

„Если ужъ не за Цуберку“, рѣшила, наконецъ, Софья, „то все равно за кого. Видно, онъ мой суженый! Ужъ лучше за поляка выйти, чтобы жить не здѣсь, а на родимой сторонѣ“.

И вскорѣ, къ радости всей родни, была отпразднована пышная свадьба. „Яункундзе“ у себя на родинѣ, „первая“ фрейлина въ Россіи—стала польскою графиней Сапѣгой.

Всѣ придворные, вся знать и, разумѣется, вся родня невѣсты—были на свадьбѣ. Послѣ вѣнчанія въ католической церкви, любопытнаго для многихъ дворянъ-гостей, былъ парадный обѣдъ во дворцѣ. Не смотря однако на всѣ старанія посаженной матери, цесаревны, торжественности за свадебнымъ столомъ не было никакой.

Юный государь настолько въ этотъ день распалился, что его не могли даже заставить сѣсть за общій столъ. Онъ объявилъ, что будетъ обѣдать въ сосѣдней горницѣ съ четырьмя фрейлинами, къ которымъ относился особенно благосклонно. Многие опасались, что за обѣдомъ будетъ себя держать невоздержно дядя невѣсты, графъ Ѳедоръ Самойловичъ. Къ нему приставили и около него даже посадили довѣреннаго чловѣка, чтобы кормить его, но пить не давать. Вышло, однако же, совершенно иное: прежній Дирихъ, никогда не бывшій въ придворномъ обществѣ и очутившійся теперь почти впервые на торжественномъ обѣдѣ, среди блестящихъ сановниковъ, настолько былъ смущенъ, что не только пить, но и ѣсть не могъ.

Послѣ вѣнца молодые супруги поселились временно въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Петербурга, но отъѣздъ ихъ въ Литву и Польшу былъ рѣшенъ еще до свадьбы.

Вскорѣ послѣ этого, „вслѣдствіе соблазнительнаго поведения нѣкоторыхъ членовъ Скавронской фамиліи“, т. е. шалостей въ городѣ юнаго Антона Карловича, и „вслѣдствіе безпокойства и возбужденія толковъ и пересудовъ въ столицѣ“—всѣ обыватели Крюсова дома были, по приказанію государя, препровождены на жительство въ Москву.

Шалость Антона была лишь пустымъ предлогомъ удалить Скавронскихъ, Генриховыхъ и Ефимовскихъ отъ двора.

Московское дворянство встрѣтило новыхъ гостей холодно. Въ Петербургѣ многіе по собственной волѣ являлись на поклонъ въ Крюсовъ домъ и искали ихъ знакомства. Здѣсь

же, въ Первопрестольной, не смотря на приказаніе изъ Петербурга войти въ сношенія и обращаться благосклонно и дружелюбно съ „оной фамиліей“, москвичи не поддались. Немногіе лишь баре сдѣлали графамъ Скавронскимъ по одному визиту, по одному разу позвали ихъ къ себѣ и затѣмъ перестали съ ними знаться, объясняясь просто:

— Не повадливо! Совсѣмъ мужики! Наши собственные холопы надъ нами смѣяться станутъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, всѣ три семейства были введены во владѣніе своими многочисленными вотчинами, пожалованными имъ по завѣщанію Екатерины Алексѣевны.

Среди первой же зимы всѣ три семьи настолько переругались между собою, что даже разъѣхались и поселились въ разныхъ домахъ. Съ весною всѣ они переѣхали въ лучшія вотчины, каждый въ свою. Но такъ какъ всѣ три семейства не были правильно раздѣлены, нѣкоторыя вотчины, а въ особенности большія, были пожалованы имъ въ общее владѣніе, то, разумѣется, начались дразги, ссоры, препирательства, и кончилось тѣмъ, что, на глазахъ московскихъ дворянъ, началась цѣлая война.

Совѣтники молодого государя, до которыхъ доходили вѣсти о соблазнительномъ поведеніи „оной фамиліи“, собирались именемъ государя принять строгія мѣры, но каждый разъ цесаревна являлась ихъ защитницей. Вскорѣ сама судьба явилась ихъ карателемъ.

XXI.

Мгновенный, сказочный переходъ изъ крестьянъ въ дворяне, изъ простыхъ хлоповъ и рабочихъ въ сановники—не могъ обойтись даромъ. Эта метаморфоза принесла свои плоды. Праздная жизнь, тоска за неимѣніемъ какого-либо занятія, невоздержность во всемъ томъ, что было всю жизнь запретнымъ плодомъ—сдѣлали свое дѣло.

Жизнь въ Москвѣ и подмосковныхъ вотчинахъ для старшихъ членовъ бывшей „оной фамиліи“ продолжалась не долго.

Живя въ Петербургѣ, въ Крюсовомъ домѣ почти безвыходно, почти никого не принимая, безъ какого-либо занятія, въ бездѣятельности, всѣ проводили жизнь сравнительно хорошо. Изрѣдка лишь бывали ссоры между Ефимовскою и остальными членами семьи изъ-за порядковъ въ домѣ и изъ-за хозяйства.

Теперь въ Москвѣ, жизнь пошла шире: Крюйсовъ домъ былъ нѣчто въ родѣ тюрьмы, а здѣсь они всѣ очутились на свободѣ. Главною причиною перемѣны ихъ положенія было то простое обстоятельство, что въ Крюйсовомъ домѣ у нихъ было только дюжины три прислуги—теперь же всѣ они стали помѣщиками, властителями надъ сотнями крѣпостныхъ душъ. Они стали воистину господами, у нихъ явились свои рабы.

Въ качествѣ московскихъ обывателей, дворянъ и помѣщиковъ, они входили теперь въ соприкосновеніе съ людьми различныхъ сословій. Слѣдовательно, у нихъ заводилось и наконецъ завелось большое знакомство.

Старинное дворянство московское сторонилось отъ нихъ, или, какъ говорили: „чуралось“ новоиспеченныхъ иноземныхъ дворянъ, что вдругъ попали, по манію царицы, „изъ грязи да въ князи“. За то другія сословія, ниже ихъ стоящія по общественной іерархіи, но выше ихъ по относительному образованію, въ томъ числѣ многіе купцы, духовныя лица, московскіе богатые мѣщане—преимущественно познакомились и водились теперь съ новыми дворянами. Выскочкамъ въ люди было менѣе стѣснительно съ ними, чѣмъ съ гордыми дворянами.

Здѣсь, въ Москвѣ, на этой свободѣ и уже въ роли помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ, личныя качества и недостатки, вообще характеры членовъ трехъ семей—сказались ярче.

Проживъ зиму въ Москвѣ, ранней весною всѣ они разъѣхались по разнымъ вотчинамъ. Одинъ графъ Карлъ Самойловичъ оставался въ Москвѣ и хлопоталъ черезъ цесаревну Елизавету Петровну о томъ, чтобы получить въ подарокъ домъ въ Москвѣ, такъ какъ ему было обидно и зазорно жить въ „наемной фатерѣ“, а не въ своемъ собственномъ домѣ, въ видѣ боярскихъ палатъ.

Генриховы уѣхали въ большую вотчину, полученную ими въ Рязанской провинціи. Христина перестала звать мужа ласкательнымъ прозвищемъ Янко. Такъ какъ настоящее двойное имя его, данное при крещеніи, было Симонъ-Іоаннъ, то Генриховъ сталъ для жены и для всѣхъ: Семень Ивановичъ. И здѣсь вскорѣ Христина и Семень Генриховы, дѣльные люди и дѣятельные хозяева, стали служить примѣромъ всѣмъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ.

Все, что попадало къ нимъ въ руки—и семьи крестьянъ, и деревушки, и всякія угодыя—все тотчасъ же принимало

другой видъ и приходило въ цвѣтущее состояніе. Нечего и говорить о томъ, что рабы Генриховыхъ, при ласковомъ обращеніи, стали обожать своихъ господъ.

Христина Самойловна и Семень Ивановичъ хорошо помнили какъ не злой, но скупой и требовательный панъ Вульфеншильдъ моришь ихъ непосильною работою, требуя больше того, что самая усердная семья работниковъ могла сдѣлать. Теперь новые помѣщики и господа Генриховы не отягощали своихъ рабовъ ни барщиной, ни оброкомъ.

Старшіе сыновья Карла Самойловича, графъ Антонъ Карлусовичъ и Мартынъ Карлусовичъ, отправленные отцомъ для занятія хозяйствомъ, конечно, ничего не дѣлали, проводили время во всякихъ забавахъ и удовольствіяхъ; дружились со со своими сверстниками, сыновьями помѣщиковъ, кутили и буйнили.

Скоро, благодаря обоимъ графчикамъ, имя графовъ Скавронскихъ стало синонимомъ добрыхъ, но буйныхъ молодцовъ. Во всей ихъ округѣ, гдѣ они жили, около Коломны, въ большомъ богатомъ селѣ Горы, часто говорилось про кого-нибудь:

— Экой сорви-голова! Не хуже Скавронскаго графчика.

Молодые люди могли бы кончить очень дурно, такъ какъ были безо всякаго призора. Мать была слишкомъ добрая, слабавольная женщина, отецъ совершенно облѣнился еще въ Крюковомъ домѣ, теперь же, казалось, сдѣлался еще тяжелѣе на подъемъ. Занимало его лишь одно поваренное искусство, стряпня всякихъ кушаній и всякихъ сластей. Онъ ухитрялся покушать до шести разъ въ сутки.

Графъ Ѳеодоръ Самойловичъ, съ женою своею Екатериною Родивоной и съ многочисленною толпою бѣдныхъ родственниковъ Сабуровыхъ, жилъ въ большомъ селѣ подъ самой Москвою. Дѣтей у него не было, да и ожидать ихъ было нельзя.

Все управленіе своими рабами онъ передалъ въ руки двухъ братьевъ жены, двухъ лихихъ молодцовъ, которые распорядились всѣмъ какъ хотѣли.

Единственно, чего не допускалъ прежній Дирихъ, добрый и сердечный человѣкъ, было жестокое обращеніе съ рабами. Всегда тихій, и даже печально тихій, графъ Ѳеодоръ Самойловичъ оживлялся, пылилъ и возвышалъ голосъ, когда дѣло касалось обиды или притѣсненія кого-либо изъ его новыхъ крѣпостныхъ.

Скоро Сабуровы подчинились этому. Они не обижали ни-

кого изъ крѣпостныхъ графа словомъ или дѣломъ, но за то изводили ихъ поборами, отнимая все, что было можно отнять, даже у бѣднѣйшаго изъ крестьянъ. На это холопы жаловаться барину-графу не ходили. Поэтому Сабуровскій способъ управленія вотчинами не могъ дойти до свѣдѣнія Федора Самойловича.

Семья Ефимовскихъ точно также стала барствовать и управляться съ рабами, но эти новые господа были уже совершенно иными, чѣмъ Генриховы и Скавронскіе.

Крутая нравомъ и даже отчасти злая, Анна еще недавно была одно время любимицей старостихи Ростовской, именно потому, что помѣщица увидѣла въ ней достойную себѣ наперсницу, женщину крутую и любящую повелѣвать. И если эта Анна тогда жестоко обращалась съ хлопами старостихи, то теперь, конечно, ея властолюбію и всякому самодурству было широкое поле.

Барыня Ефимовская вскорѣ стала тоже служить примѣромъ для сосѣдей, какъ и барыня Генрихова; но разница была огромная. Барыню Ефимовскую часто обзывали свои и чужіе „бабой людоѣдомъ“.

Христина Генрихова знала по себѣ, каково быть холопкой, и это ее постоянно сдерживало по отношенію къ ея крестьянамъ. Анна Ефимовская тоже знала по себѣ каково быть крѣпостною, но у ней при этомъ являлось совершенно иное чувство. Казалось, что она на своихъ новыхъ подданныхъ вымещаетъ свои прежнія кровныя обиды, нанесенныя ей помѣщицей-старостихой.

Разные дикіе поступки Анны Самойловны были настолько громки, настолько нашумѣли, что дѣло дошло до слуха Елизаветы Петровны.

Къ Ефимовскимъ было прислано довѣренное лицо изъ Петербурга, съ приказаніемъ цесаревны вести себя кротче и тише, иначе Аннѣ грозили, что она будетъ подлежать гнѣву самого государя и строгому отвѣту. Но Анна не унялась, и случай подлежать отвѣту представился въ то же лѣто.

Всѣ имѣнія и вотчины, со всѣми угодьями, которыя были закрѣплены за Скавронскими, были даны имъ въ общее владѣніе. Скавронскіе, оба брата, не были правильно и законно раздѣлены съ сестрами Генриховой и Ефимовской.

Случилось такъ, что двѣ вотчины, доставшіяся Ефимов-

скимъ и графу Ѳедору Самойловичу, были смежны въ одной Можайской провинціи.

Отсюда, съ первыхъ же дней весны, начались пререканія, недоразумѣнія и ссоры между сыновьями Анны и зятями Скавронскаго. Понемногу началась настоящая усобица; страсти съ обѣихъ сторонъ разгорались все болѣе. Сначала все ограничивалось личными спорами и бранью, потомъ обѣ стороны перенесли препирательства на бумагу, стали подавать прошенія въ Нижній и въ Верхній земскіе суды, нанимали подъячихъ и ходатаевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они начали писать жалобы и посланія, жалуясь другъ на друга нѣкоторымъ вельможамъ петербургскимъ, прося ходатайствовать у покровительницы, цесаревны Елизаветы.

Наконецъ, среди лѣта усобица и мелкія стычки перешли уже въ побоища...

Крестьяне деревень и селъ этихъ вотчинъ, сбитые съ толку, уже не знали, кому повиноваться. Сабуровы требовали съ нихъ послѣдніе гроши, говоря, что они законные рабы господина графа Скавронскаго; Ефимовскіе являлись и требовали повиновенія, налагали наказаніе, говоря, что они настоящіе господа.

Нѣсколько разъ случалось, что и тѣ, и другіе, собравъ крестьянъ, числомъ до сотни и болѣе, шли другъ на друга. Происходила стычка жестокая и кровопролитная, гдѣ-нибудь въ лѣсу, на лугахъ, чаще всего на сельскихъ работахъ, на сѣнокосѣ.

Вся эта война завершилась наконецъ маленькимъ событіемъ, слухъ о которомъ дошелъ до Петербурга, и на происшествіе обратила особенное вниманіе цесаревна.

XXXII.

Дѣло случилось просто... Ѳедоръ Самойловичъ, проживъ довольно неудобно зиму въ Москвѣ, рѣшилъ, на собственной своей землѣ, большомъ пустырьѣ около Никитскихъ воротъ, выстроить себѣ хорошія барскія палаты. Такъ какъ въ Можайской вотчинѣ былъ у него хорошій строевой лѣсъ, то управители-зятья взялись ретиво за дѣло, обѣщая добродушному, всегда на все согласному шурина, что къ зимѣ будетъ у него въ Москвѣ чуть не дворецъ изъ собственнаго лѣса.

Вскорѣ въ Можайской округѣ застучали сотни топоровъ, легъ на землю великолѣпный заповѣдный боръ и какъ бы сползъ затѣмъ въ сосѣднюю рѣчку. Большіе, многочисленные плоты, на которые съ завистью глядѣли сосѣди, направились караваномъ по рѣкѣ, чтобы, перейдя въ Москву рѣчку, прибыть въ первопрестольную столицу.

Ни Сабуровы, ни графъ Ѳедоръ Самойловичъ, конечно, не могли предчувствовать, что будетъ...

Извѣщенная обо всемъ Анна Ефимовская, жившая въ это время съ сыновьями въ совершенно другомъ мѣстѣ, явилась въ Можайскую вотчину и удостовѣрилась лично, что большой лѣсъ дѣйствительно рубился и сплавался въ Москву. Анна Самойловна тотчасъ же заявила мѣстнымъ властямъ, что самозванные распорядители, господа Сабуровы, неизвѣстно по какому праву, срубили лѣсъ, ей принадлежащій.

Она грозила судомъ, пыткой, чуть не ссылкой въ Сибирь не только Сабуровыхъ, но и своего родного брата; но, не получивъ никакой помощи отъ властей, Анна Самойловна рѣшилась дѣйствовать сама.

Она собрала до полутора ста человѣкъ крестьянъ, вооружила свое самодѣльное войско чѣмъ попало: вилами, топорами, косами и, во главѣ его, вмѣстѣ съ адъютантами-сыновьями, двинулась къ Москвѣ. Здѣсь армія эта содержалась, конечно, на ея счетъ и стояла лагеремъ за Воробьевыми горами въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Полководецъ, т. е. Анна Самойловна, выжидалъ, чтобы большая часть каравана пришла на мѣсто.

Московскія власти, увѣдомленные о какомъ-то нашествіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то стоялъ съ полчищемъ самъ Крымскій ханъ, пожегшій Москву, отправили развѣдчиковъ. Узнавъ, что это извѣстная уже своимъ нравомъ барыня Анна Самойловна Ефимовская чудить и дурить, власти махнули рукой. „Все жъ таки она извѣстная особа“ и связываться съ ней было непрятно, такъ какъ ей покровительствуетъ цесаревна, любимица молодого царя.

Братья Сабуровы были молодцы не промахъ; у нихъ были свои вѣрные люди, которые донесли имъ о появленіи барыни Анны Самойловны въ первый же день, когда она еще жаловалась можайскимъ властямъ.

Узнавъ о походѣ и засадѣ Ефимовской, Сабуровы доло-

жили обо всемъ Ѳедору Самойловичу и просили его позволенія дѣйствовать и не уступать.

Сначала добрый Дирихъ хотѣлъ бросить дѣло, отступить отъ плотовъ лѣса, но затѣмъ зятя съумѣли разжечь въ немъ самолюбіе и гнѣвъ, насколько онъ былъ способенъ на него.

Ѳедоръ Самойловичъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Дѣлайте, какъ хотите! Но я приду поглядѣть.

Лихіе молодцы тотчасъ сдѣлали то же, что и Анна Самойловна.

Узнавъ, что Анна собрала полтора ста человѣкъ крестьянъ, они собрали двѣ сотни. Точно также вооружили и они своихъ всякимъ оружіемъ, обыкновенно предназначеннымъ не для сраженій съ людьми, а для сраженій съ травой, землей и лѣсомъ.

И въ тѣ дни, когда армія Ефимовской стояла лагеремъ и скрывалась за Воробьевыми горами, армія Сабуровыхъ появилась подъ Москвой и, добывъ нѣсколько лодокъ, переплыла рѣку подъ самымъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Страшно смутились и перепугались на смерть многія благодушныя монахини и схимницы въ этомъ монастырѣ, гдѣ находилась въ эти дни сама бабка царствующаго государя, постриженная еще Петромъ, царица Евдокія Ѳедоровна.

Весь Дѣвичій монастырь твердо вѣрилъ, что это новое нашествіе монголовъ, поляковъ, или крымцевъ.

Армія Сабуровыхъ давно переплыла Москву-рѣку и уже скрылась въ мелколѣсѣ, покрывавшемъ берегъ около Крымскаго брода, а въ Дѣвичьемъ монастырѣ все еще продолжали лазать на стѣны, ожидая увидѣть великое зарево и пожараще всей Москвы.

Снова были предупреждены власти московскія, что въ Дѣвичьей рошѣ появилось тоже многолюдство съ господами Сабуровыми, что при нихъ находится ихъ шуринъ, графъ Скавронскій, и что они затѣваютъ тоже что-то „изрядное и невѣдомое“.

Власти повѣрили, на основаніи прежнихъ слуховъ о житьѣ-бытьѣ сосѣдей Сабуровыхъ и Ефимовскихъ, что дѣйствительно готовится нѣчто „изрядное“, но рѣшеніе послѣдовало то же самое. „Оставить ихъ. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ. Вѣдь они не противъ города, а другъ на дружку. Ну и пускай расправляются между собою“.

Черезъ день послѣ появленія арміи, которая стала бивуакомъ въ Дѣвичей роцѣ, появилась на противоположномъ берегу Москвы-рѣки тоже армія.

Вся рѣка между ними была почти загромождена плотами, пришедшими изъ Можайской вотчины.

Казалось бы, стратегическія движенія обѣихъ армій судьба направила такъ, что все могло обойтись мирно. Такъ думалъ графъ Ѳеодоръ Самойловичъ, пріѣхавшій изъ города съ молодой свояченицей, чтобы поглазѣть, что будетъ у сестры и зятьевъ, изъ-за плотовъ.

— Маху дали, говорили братья Сабуровы. Не надо было чрезъ рѣку переправляться, надо было къ нимъ въ тылъ итти.

— Маху дали, говорила Анна Самойловна. Надо было не сидѣть за Воробьевыми горами, а итти къ этимъ чертямъ наперерѣзъ и ихъ не въ городѣ, а въ полѣ расколотить.

Когда армія Сабуровыхъ, сложивъ свое оружіе, принялась за работу, т. е., начала разбирать плоты и таскать лѣсъ на берегъ, на противоположномъ берегу Москвы-рѣки появилась армія Ефимовской, блестя на солнцѣ своимъ оружіемъ.

Злоба душила Анну—но что же было дѣлать! Она послала вплавъ нѣсколькихъ гонцовъ къ неприятелю съ приказаньемъ не трогать ея лѣса. Гонцовъ связали, съ прибаутками положили на берегъ и подъ командой Сабуровыхъ продолжали работу.

Графъ Ѳеодоръ Самойловичъ вмѣстѣ съ молодой свояченицей отошелъ немного въ сторону, сѣлъ на курганчикъ и, благодушно улыбаясь, поглядывалъ то на свою армію, работающую лихо въ рѣкѣ и на берегу, то на неприятеля, грозно стоящаго на противоположной сторонѣ.

— Ахъ, ужъ эта сестра! Анна Самойловна! говорилъ онъ свояченицѣ. Бѣдовая баба... Всегда была бѣдовая, а теперь съ жиру сбѣсилась. Вѣдь знаетъ, что лѣсъ мой, а шумить. Мнѣ вотъ всего моего иждивенія ни на что не нужно, побросалъ бы я все тотчасъ же и убѣжалъ бы безъ оглядки. И былъ бы счастливъ, да Бога благодарилъ... А ей все мало! Подари ей цесаревна всѣ свои вотчины, подари ей хоть поль-Россіи—все ей будетъ мало. Все ея завидущее око будетъ коситься на сосѣднее добро.

Около часа продолжалась работа крестьянъ Скавронскаго. Люди Анны Самойловны ухитрились поймать нѣсколько пло-

товъ, ближайшихъ къ ихъ берегу, и стали тащить ихъ. Но Анна Самойловна не могла этимъ удовольствоваться. Гнѣвъ душилъ ее.

„Какъ смѣетъ этотъ дуракъ Дирихъ распоряжаться ея лѣсомъ!.. Да и дѣло не въ лѣсѣ. Чертъ съ нимъ! Тутъ всего на сто рублей или на двѣсти. Цѣна лѣсу алтынъ! Дѣло въ его непокорности, въ его неуваженіи къ ея сестринымъ правамъ помѣщичьимъ. Бросить развѣ лѣсъ, и отправиться самой въ Петербургъ—жаловаться цесаревнѣ. Оно будетъ вѣрнѣе, да и хуже для брата!“

Быть можетъ, мирно бы кончилось все, еслибъ не явился вдругъ услужливый человѣкъ и не доложилъ Аннѣ Самойловнѣ.

— Туточки, неподалечку мѣсто низменное, прозвище ему въ Москвѣ: Крымскій бродъ. Тутъ теперича курица пѣшкомъ перейдетъ, а не то что человѣкъ.

— Гдѣ!?. воскликнула Анна.

— Да вотъ... туточки.

Дѣйствительно оказалось, что обѣ арміи стояли неподалеку отъ мелководнаго мѣста Москвы-рѣки, гдѣ въ иное лѣто можно было переправляться, идя по горло въ водѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ люди Анны Самойловны бросили свою работу, снова взяли за оружіе и двинулись впередъ.

Въ полуверстѣ разстоянія,—какъ если бы въ самомъ дѣлѣ этой толпой командовалъ настоящій полководецъ — полторы сотни людей Ефимовской быстро раздѣлись на половину и дружно бросились въ воду. И лихо былъ перейденъ тотъ самый бродъ, черезъ который, за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, точно такъ же перешель страшный для Москвы непріатель, Крымскій ханъ.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ, а равно и Сабуровы, видѣли маневръ непріателя, бросили работу, схватились за сложенное оружіе и стали рядами, чтобы защищать лѣсъ...

Черезъ мгновеніе, здѣсь, въ верстѣ отъ черты города и отъ заставы московской; произошло страшное побоище. Топоры, вилы, лопаты и дубины—все пошло въ ходъ. Сражающіеся съ первыхъ же мгновеній забыли, за что они сражаются... Тутъ было не до лѣсу, не до господъ, не до ихъ ссоръ и дразгъ. Первые же раненые, первые крики умирающихъ, первая кровь остервенила и обезсмыслила сражающихся. Не прошло получаса, какъ берегъ Москвы-рѣки усялся полу-

сотней убитыхъ и тяжело раненыхъ. До сотни человекъ легко раненыхъ расплозлось кругомъ. Многіе потрусливше бросились въ рѣку вплавь, другіе бродомъ. Берега и рѣка окрасились кровью людской, какъ въ оны дни, при битвахъ москвичей съ крымцами.

Армія наступающая, хотя малочисленнѣе, дѣйствовала по командѣ, если не искуснаго, то озлобленнаго предводителя—барыни Анны Самойловны. Люди графа Скавронскаго подались тотчасъ отъ перваго же натиска и вскорѣ побѣжали, оставляя непріятелю въ добычу все сокровище, въ сто рублей цѣною, т. е. весь лѣсъ на берегу и въ плотяхъ.

Одинъ изъ братьевъ Сабуровыхъ исчезъ, другой попался въ плѣнъ, спасая сестренку, а затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, былъ отысканъ бѣжавшій и скрывавшійся въ кустахъ близъ Дѣвичьяго монастыря самъ графъ Ѳеодоръ Самойловичъ. Всѣ они были приведены предъ ясныя очи побѣдителя, какъ нѣкогда семейство Дарія къ ногамъ Александра Македонскаго... И Анна Самойловна поступила такъ же великодушно, какъ и герой македонскій, хотя руководилась совершенно другими соображеніями. Она удовольствовалась однимъ удовлетвореніемъ своего самолюбія, полученіемъ лѣса и приличнымъ нравоученіемъ, т.-е. разбранивъ, отпустила всѣхъ на свободу.

Графъ Ѳеодоръ Самойловичъ былъ внѣ себя отъ всего происшедшаго, отъ всего имъ видѣннаго, т.-е. мертвцовъ, раненыхъ и пролитой крови. Взволнованный, онъ не нашелъ даже своего экипажа и пустился пѣшкомъ, на рысяхъ, въ городъ, сопутствуемый свояченицей и зятемъ.

По счастью, Никитская и домъ, который онъ теперь занималъ, были недалеко. Черезъ часъ Скавронскій былъ уже дома и рассказывалъ женѣ и домашнимъ о томъ пораженіи, какое претерпѣлъ на берегу Москвы-рѣки.

Новый Александръ Македонскій распорядился, между тѣмъ, чтобы скорѣе таскать лѣсъ на берегъ и затѣмъ тотчасъ же продать его какому-нибудь московскому купцу. Что касается мертвыхъ тѣлъ, на берегу, а равно и мертвцовъ, плывшихъ по Москвѣ-рѣкѣ мимо изумленныхъ обывателей, то это до барыни Ефимовской не касалось. Это было, по ея мнѣнію, дѣломъ полиціи—убирать павшихъ въ сраженіи.

— Да и мудрено, столько народу похоронить! рѣшила она.

Разумѣется, это происшествіе дошло до Петербурга, и съ

этого дня цесаревна Екатерина Петровна гораздо строже прибрала всѣхъ къ рукамъ, а въ особенности Ефимовскую.

Прежде всего Аннѣ Самойловнѣ было приказано ѣхать въ вотчину и не только не вѣзжать въ первопрестольную столицу впредь до разрѣшенія, но даже не приближаться къ ней.

Затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, графа Ѳедора Самойловича и Анну Самойловну законнымъ образомъ раздѣлили, устранивъ главный поводъ ихъ борьбы, т. е. смежность ихъ вотчинъ.

Долго вспоминали москвичи объ этомъ побоищѣ, и Крымскій бродъ чуть не сталъ „Ефимовскимъ бродомъ“.

XXIII.

Дальнѣйшая судьба „оной фамиліи“ самая простая, но и поучительно странная, фатальная...

Къ концу первой же зимы жизни въ Москвѣ, графъ Карлъ Самойловичъ такъ растолстѣлъ, облѣнился, отупѣлъ, что переходилъ только отъ стола къ постели. И здѣсь однажды, весною, нашли только что плотно покушавшаго графа уже отошедшимъ въ другой міръ. А велѣніемъ роковой судьбы въ томъ же году овдовѣли и обѣ сестры, одна за другою.

Лѣтомъ умеръ Михайло Ефимовскій, „дюже поученный“ своею женой, какъ говорили злые языки. Къ осени умеръ тихій и единственно ведшій себя прилично — Семенъ Ивановичъ Генриховъ.

Но на этомъ коса смерти не остановилась. Слѣдующей зимой заболѣла опасно Христина и на Ѳоминой недѣлѣ была уже на томъ свѣтѣ. Вслѣдъ за ней, почти тотчасъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, скончался и графъ Ѳедоръ Самойловичъ Скавронскій, жившій въ своемъ домѣ на Никитской и служившій соблазномъ всей Москвы.

Его смерти никто не удивился, а всѣ ее ждали. Превжній ямщикъ Дирихъ сталъ снова пить безъ просыпу. За послѣдній годъ, его еще никто не видалъ трезвымъ. Онъ напивался мертво пьянымъ, падалъ, гдѣ выпивалъ, и снова спалъ безъ просыпу.

Кого-нибудь изъ близкихъ, кто бы могъ остановить Дириха лаской или усовѣщеваніемъ—не было. Жену онъ возненавидѣлъ и, конечно, не слушался ея. И жизнь его за послѣднее время была настолько переполнена всякаго рода срамными поступками, что, когда графа Ѳедора Самойловича отгѣвали и

хоронили въ оградѣ церкви Вознесенія на Никитской, то никто не явился на его похороны. Бывшая въ то время въ Москвѣ цесаревна тоже не пріѣхала: уже слишкомъ прославилъ себя прежній Дирихъ.

А между тѣмъ, кто же былъ виновенъ во всемъ! Часто, въ минуты трезвости, графъ Ѳеодоръ Самойловичъ горько жаловался, говоря, что, будь съ нимъ его Трина, онъ никогда бы до такого забвенія всего не дошелъ.

Смерть, скосивъ сразу почти все поколѣніе старшихъ членовъ семьи и оставивъ въ живыхъ только на время одну сумасбродную Анну, перешла вскорѣ и на слѣдующее поколѣніе.

Черезъ полтора года послѣ графа Ѳеодора Самойловича умеръ отъ разгульной жизни, молодой, всего только двадцатилѣтній, графъ Антонъ Карловичъ; вслѣдъ за нимъ, спустя немного, умеръ его младшій братъ Иванъ Карловичъ.

Когда, въ 1730 г. вступила на престолъ императрица Анна, то изъ всѣхъ членовъ „оной фамилии“, три года спустя послѣ ея появленія въ Петербургѣ, остался только одинъ представитель, юный графъ Мартынъ Карловичъ.

Со вступленіемъ на престолъ „дщерь Петрова“ вспомнила и о семьѣ. Сыновья Христины и Анны были возведены ею въ графское достоинство. Потомкамъ графовъ Генриховыхъ и графовъ Ефимовскихъ суждено было судьбой продолжать свои роды и существовать на свѣтѣ.

Что же касается до „Цара брались“, то родъ его угасъ еще въ лицѣ третьяго своего представителя. Внукъ Карлуса изъ Вишекъ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій дипломатъ и посланникъ въ Италиі, женатый на родной племянницѣ знаменитаго князя Таврическаго, не имѣлъ сыновей и умеръ незадолго до кончины Великой Екатерины.

Потомства отъ него въ Россіи — даже и въ женскомъ колѣнѣ — не осталось. Одна изъ дочерей его и одна внучка вышли замужъ за чужеземцевъ и сдѣлались обѣ русскими прабабками двухъ аристократическихъ фамилій Англіи и Франціи — лордовъ Гауденъ и графовъ Де-Морнѣ.

XXIV.

Прямыми представителями рода „Цара бралиса“, въ предѣлахъ не Россіи, а Польши, остались одни потомки графа Петра Сапѣги и Софьи Яункундзе, первой фрейлины первой императрицы.

Графиня Софья Карловна Сапѣга прожила долго и безмятежно, хотя первые дни ея замужней жизни не общали мирной и счастливой доли на землѣ.

Обвѣнчавшись съ молодымъ красавцемъ-магнатомъ почти поневолѣ, понуждаемая цесаревной Елизаветой, Софья очутилась въ положеніи, которое предчувствовала заранѣе.

Сапѣги, и свекоръ, и мужъ, отнеслись къ ней вѣжливо-надменно, какъ истые аристократы. Старикъ-фельдмаршалъ прямо говорилъ, что женилъ сына на крестьянкѣ-полулатышкѣ изъ-за ея полуторамилліоннаго приданого. Петръ Сапѣга, повиновавшійся во всемъ своему отцу, не скрывалъ отъ жены, что женился на ней поневолѣ.

Софья тоскливо приняла на себя новыя обязанности замужней женщины и невѣстки не какъ „таланъ“, посланный ей Провидѣніемъ, а какъ лихую долю, какъ мудреное, если не тяжкое, иго. Послѣдствіемъ—были отношенія не любовныя, а тоскливо приличныя и холодно-вѣжливыя.

И съ перваго же дня замужества дохабенская Яункундзе еще безавѣтнѣе, горячѣе, всей огненной натурой своей, стала обожать дорогой, но уже смутно рисующійся въ ея головѣ образъ своего ганца. Софья все-таки не знала навѣрное: живъ или умеръ ея Дауцъ Цуберка, ибо не хотѣла и какъ бы не могла вѣрять вѣстямъ объ ужасной судьбѣ его.

Теперь образъ этого простодушнаго и красиваго пастуха, съ дѣтства обожавшаго ее, ея „брутганца“ или жениха—съ которымъ ее разлучили за день до вѣнчанія—ожилъ въ сердцѣ графини Сапѣги и повелѣвалъ надъ ней еще полновластнѣе, чѣмъ когда-то надъ поселанкой Яункундзе и затѣмъ надъ фрейлиной Скавронской.

Графъ Петръ Сапѣга это зналъ, по догадкамъ, внутренне подсмѣивался надъ привязанностью жены къ деревенскому ганцу-латышу, но относился къ этому явленію равнодушно. Кого бы постылая жена ни любила—не все ли равно.

Софья безропотно, покорно, съ тайными вздохами и старательно скрываемыми слезами, переносила свою участь и обращалась со свекромъ почтительно, а съ мужемъ—дружески, привѣтливо, но сдержанно...

На счастье, обоимъ, молодой Сапѣга никого еще не любилъ, когда женился. Сердце его не испытало еще никакого чувства до встрѣчи съ теперешней женой. И по капризу судьбы, или по тайному закону природы, молодой мужъ, незави-

симо отъ воли своей, незамѣтно, понемногу, началъ привязываться къ красавицѣ и умницѣ-женѣ, нѣжной и страстной во всемъ, ко всему и ко всѣмъ—кромѣ него.

Черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы и жизни въ Петербургѣ, когда Софья уже страстно обожала обликъ своего Цуберки—Петръ Сапѣга страстно обожалъ жену.

Софья только удивлялась перемѣнѣ въ мужѣ, она даже не догадывалась или не допускала и мысли объ иномъ чувствѣ, кромѣ простой дружбы. Она готова была назвать эту новую нѣжность къ ней мужа—притворствомъ и игрой.

Поводъ былъ у него! Старикъ магнатъ вмѣстѣ съ сыномъ собирались покинуть Россію, ѣхать на родину, и поэтому нужно было продать, конечно съ согласія Софьи, всѣ ея вѣчины, чтобы капитализовать состояніе.

Скоро молодой Сапѣга уже мучился какъ истый влюбленный отъ холодной привѣтливости обожаемой женщины. Его чувство—была „первая любовь“, искренняя и пылкая, къ тому же къ собственной женѣ... А она не вѣрила этому, не могла и не хотѣла вѣрить. Препрежнее высокомеріе его и надменность будто закрыли ему навсегда доступъ въ ея сердце. Къ тому же, ей какъ бы приходилось сказать теперь мысленно:

„Поздно! Я снова люблю, и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, того, кто съ дѣтства обожалъ меня, былъ моимъ женихомъ“.

Однако, вслѣдствіе перемѣны обращенія съ ней мужа, графиня понемногу сильнѣе привязалась къ нему, но какъ къ близкому другу или милому брату.

Сапѣга затаилъ въ себѣ свое разгоравшееся чувство, отчасти грустилъ, но надѣялся и думалъ:

„Завоюю я тебя все-таки! Заставлю любить себя!.. Потому что твое чувство къ деревенскому ганцу—самообманъ!..“

Бесѣдъ объ ихъ отношеніяхъ они избѣгали и только разъ Сапѣга рѣшилъ объясниться съ женой, но это объясненіе чуть не стало роковымъ для обоихъ. Оно заронило въ голову Софьи безсмысленный планъ и пагубное намѣреніе.

— Что же мнѣ дѣлать, если я по старому люблю того, кого всегда любила, съ первыхъ лѣтъ жизни, тихо и грустно объяснила Софья, какъ бы винась въ невольной винѣ и независящемъ отъ нея проступкѣ.—Если тебѣ это оскорбительно, тебя гнѣвить, дозволю мнѣ постричься въ монашество, а самъ выбери дѣвушку достойную тебя и женись вновь.

Состояніе мое, конечно, оставь себѣ. Мнѣ въ монастырской кельѣ нужно будетъ столько же, сколько нужно нищенкѣ: кусокъ хлѣба и ковшъ воды.

Графъ Сапѣга не отвѣтилъ на это ни слова, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ жену, но быстро, безъ оглядки, выбѣжалъ изъ горницы...

„Обрадовался возможности отдѣлаться отъ меня!“ подумала Софья тоскливо.

Но тотчасъ, почувствовавъ что-то щекочущее на щекахъ, она провела рукой по лицу своему и удивилась: оно было мокро... отъ слезъ. Но это были не ея слезы.

„Что же это такое?“ подумала она.

XXV.

Между тѣмъ сборы въ путь шли дѣятельно и наконецъ наступилъ день отъѣзда въ королевство, которое для „польской фрейлины“, какъ здѣсь прозвали когда-то Софью, было не чуждо. Она безъ сожалѣнія покидала Петербургъ и Россію, куда уже не суждено ей было вновь вернуться.

Фельдмаршалъ Сапѣга, желавшій побывать въ Голштиніи, уѣхалъ впередъ и моремъ, а графъ Петръ съ женой двинулся, недѣлю спустя, на своихъ лошадяхъ, въ дорожной великолѣпной каретѣ.

Уже верстъ за сто отъ Петербурга, графъ смутилъ жену вопросомъ:

— Можно взять два пути... Одинъ изъ нихъ идетъ черезъ твой край и Вишки. Какъ ты пожелаешь, моя дорогая?..

Софья знала, что Вишки на пути ихъ, и была увѣрена, что мужъ постарается миновать ея родину.

— Я не знаю... Все равно... отозвалась она взволнованнѣе...

— Тебѣ все равно?

— Да.

— Зачѣмъ же, милая моя, лгать? Тебѣ не можетъ быть это безразлично.

— Да вѣдь „его“ нѣтъ тамъ. Онъ на томъ свѣтѣ, или пропадаетъ безъ вѣсти! искренно и горячо воскликнула Яункундзе.

— Нѣтъ. Я увѣренъ, что все это вздоръ!.. значительно произнесъ Сапѣга.—Онъ, твой пріятель, по всей вѣроятности, живъ и невредимъ.

Послѣ паузы въ нѣсколько секундъ, Софья произнесла глухо и потупляясь:

— Нѣтъ. Не хочу.

— Ъхать на Вишки?

— Не хочу. Не надо. Надо мимо...

— Хорошо. Будь по твоему, отозвался графъ.

Прошло нѣсколько дней однообразнаго пути по доламъ и лѣсамъ, по селамъ и мѣстечкамъ, и наконецъ латышское сплошное населеніе, появившееся кругомъ нихъ, говорило графинѣ Сапѣгѣ, что она уже въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ родилась и гдѣ была когда-то счастлива... Счастливіе!

Однажды, на одномъ ночлегѣ, до ея слуха коснулось знакомое названіе.

— Покури лошадей въ Юрровомъ борѣ сказалъ кто-то.

„Гдѣ же мы ѣдемъ!“ подумала Софья и встревожилась. Оказалось, что графиня Сапѣга не ошиблась.

Они ѣхали чрезъ родныя мѣста и на другой день, въ сумерки, должны были остановиться для ночлега въ томъ самомъ „віасибасъ намсъ“, гдѣ служилъ когда-то Карлусъ.

— Мы ѣдемъ на Вишки? рѣшила она сказать мужу.

— Да, отозвался Сапѣга коротко и сухо.

— Зачѣмъ же?

— Не все ли равно.

— Нѣтъ. Не все равно. Мнѣ это не „все равно“! Зачѣмъ же тогда... дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ произнесла графиня.

Сапѣга не отвѣтилъ ни слова, но затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, вымолвилъ, какъ бы въ объясненіе чего-то:

— Приѣдемъ къ вечеру, ночуемъ въ гостиницѣ, а рано утромъ выѣдемъ. Что жъ тутъ...

Графиня только подавила тяжелый вздохъ.

Она думала: „Да, конечно... Только пройдемъ. Но я увижу дорогія мѣста и это только растравитъ мнѣ сердечную боль“...

Черезъ мгновеніе молодая женщина видимо взволновалась.

„А если онъ живъ?! Если онъ случайно очутится въ Вишкахъ? Онъ всегда хотѣлъ наняться пастухомъ въ Вишки. Послѣ нашей свадьбы мы тотчасъ должны были перейти туда“.

„Если онъ живъ, то непременно въ Вишкахъ“, рѣшила наконецъ Софья, и сердце замерло въ ней.

Когда черезъ сутки карета графа Сапѣги катилась по жи-

вописной мѣстности, графиня пытливо выглядывала въ окно и вдругъ яркій румянецъ покрылъ ея лицо. Она не удержалась и показала мужу...

— Вотъ!.. Я знаю... Это Красный Холмъ... Это Сарканъ Калнэсъ! Такъ зовутъ! Я здѣсь бывала. Отсюда двѣнадцать верстъ до Вишекъ...

Сапѣга промолчалъ.

Графиня не произнесла болѣе ни единого слова, но вся какъ бы ушла въ зрѣніе и не спускала глазъ съ окрестности. Все кругомъ становилось ей знакомѣе и знакомѣе...

— Акменсъ! Мой камень! вскрикнула она вдругъ.

Задумчивый Сапѣга невольно вздрогнулъ, но промолчалъ опять.

— Я на этомъ камнѣ часто Яункундзе исполняла въ игрѣ... произнесла Софья тихо, и сердце ея стало какъ то странно стучать и замирать... „Сейчасъ Вишки! Сейчасъ Вишки! Сейчасъ Вишки!“ будто отстукивало оно въ ней и сжималось томительно.

За ровнымъ полемъ показалось жильё... Сѣренькіе домики... Церковь... Вправо—лѣсъ...

— По этому лѣсу дорога въ Дохабенъ! произнесла графиня громко, но она уже не замѣчала, что говорить вслухъ. Она не владѣла собой.

Черезъ полчаса церковь и сѣрые домики, разбросанные среди ровной мѣстности, были уже подъ глазами путниковъ, направо и на лѣво отъ нихъ, ибо карета вѣѣзжала въ мѣстечко.

Графиня, волновавшаяся все болѣе, вдругъ порывомъ двинулась и высунулась въ открытое окошко кареты... За четверть версты, въ полѣ, подымалась столбомъ пыль и, застилая яркое, заходящее солнце, распласталась по горизонту сѣро-краснымъ облакомъ, съ золотыми краями и какъ бы съ заревомъ въ выси. Дохабенская Яункундзе, какъ и всякая деревенская жительница, сразу поняла, что это за облако. Въ деревняхъ, ввечеру, его ожидаютъ и выходятъ навстрѣчу ему подростки, мальчишки, дѣвчонки, а гдѣ ихъ нѣтъ—и взрослые. Къ нему выходятъ радостно, привѣтливо, какъ бы съ любовью.

Это облако поднимается стадомъ, возвращающимся съ пастбища на ночлегъ домой.

Графиня уже различала вдали весь скотъ; ясно и отчет-

ливо доносилось до ея уха мычанье, блѣяніе и вся дикая, но милая музыка этихъ любимцевъ крестьянскихъ, въ которыхъ половина всего достоянія и благосостоянія деревни.

„Но если онъ нанялся въ Вишкахъ?!“

Графиня Сапѣга всей силой воли напрягала свое зрѣніе... Подъ этимъ сѣро-краснымъ, будто зловѣще сіяющимъ облакомъ, шевелилась, приближаясь, сплошная масса. Но понемногу Яункундзе могла уже различать коровъ, овецъ, телятъ и свиней. Масса эта движется прямо, дорогой, лишь кой-гдѣ телята отбиваются въ сторону...

Но вдругъ большой быкъ вылетѣлъ на рыскахъ вонъ изъ стада на сторону. За нимъ метнулась фигура... Человѣческая фигура! Это пастухъ съ кнутомъ... Пастухъ широкоплечъ, высокаго роста!.. Онъ на бѣгу двинулъ едва замѣтно рукой и около него, на красноватомъ горизонтѣ, мелькнула какъ бы длинная змѣя—кнутъ. Раздался сухой, четкій ударъ... Три раза развилась эта змѣя и три звонкихъ удара двинули стадо еще быстрѣе. Но въ этой высокой фигурѣ пастуха, въ движеніи его руки, привычно дѣйствующей кнутовищемъ, и въ этихъ сухихъ звукахъ удара кнута, — сказалось что-то особенное для дохабенской Яункундзе, потому что графиня Сапѣга тихо ахнула и, лишившись чувствъ, опрокинулась въ глубь кареты...

— Софья! Софья! воскликнулъ графъ въ перепугѣ и, выснувшись, онъ отчаянно крикнулъ кучеру:—Пошелъ! Скорѣе!

XXVI.

Графиня быстро очнулась отъ легкаго обморока.

Когда карета подкатила къ постоялому двору, носившему громкое названіе „віасибась намсъ“, бывшая когда-то часто въ этомъ домѣ Яункундзе уже сознательно осматривалась и узнала домъ.

Она тоскиво улыбнулась.

— Какъ ты себя чувствуешь? дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ, уже въ третій разъ спрашивалъ графъ.

— Ничего... лучше!.. Это такъ!.. Это въ первый разъ въ жизни... и въ послѣдній...

— Да! Я надѣюсь крѣпко, что въ послѣдній! вдругъ гнѣвно вырвалось у Сапѣги. И въ голосѣ его прозвучало что-то

особенное... То была будто угроза. Но не женѣ, а кому-то или чему-то другому! Обмолвка о какомъ-то намѣреніи, до нея будто не касающемся.

Графиня вошла въ домъ, озираясь грустно. Все было то же, такъ же, повсюду: и горницы, и стѣны и обстановка... Но все это стало гораздо бѣднѣе, грязнѣе, невзрачнѣе, и странно... все стало—меньше, уже, тѣснѣе.

Всюду было когда-то и хорошо и красиво, а стало теперь скверно, почти омерзительно...

Графиня дивилась и вздыхала...

„Вѣроятно, хозяинъ другой... Все запустилъ“... подумала она, но вдругъ ахнула. Предъ ней появился бывший хозяинъ ея отца...

Онъ былъ тогда важный и почтенный, зажиточный человекъ, котораго отецъ ея уважалъ и тоже побаивался. А теперь это какой-то мужикъ, грязновато одѣтый.

Онъ съ низкими поклонами, подобострастно встрѣтилъ знатныхъ проѣзжихъ и самъ провелъ въ лучшую большую горницу.

Черезъ мгновенье молодая женщина осталась одна въ горницѣ и озиралась съ тѣмъ же удивленіемъ на лицѣ и въ глазахъ. Лучи заходящаго солнца золотили стѣну этой комнаты, и ея сѣроватость, неприглядность и убожество еще рѣзче бросались въ глаза графинѣ Сапѣги.

Она поникла головой, опустила глаза и глубоко, даже тяжело задумалась, будто вопрошая себя о чемъ-то, будто рѣшая загадку, внезапно поставленную ей окружающимъ.

А графъ, въ эти минуты, былъ уже далеко. Онъ быстро шелъ пѣшкомъ по улицѣ и шагаль такъ рѣшительно, двигаясь на самый край мѣстечка, какъ если бы у него было самое важное и неотложное дѣло.

Съ минуты приѣзда путешественниковъ прошло уже болѣе получаса, а никто не появлялся въ горницѣ, гдѣ была графиня... Люди не хлопотали и не сновали какъ всегда бывало на привалахъ. Никто ничего не выносилъ изъ кареты и изъ фургона, слѣдовавшаго за ней; ничего не готовилось для ужина и для ночлега... Все въ горницахъ и на улицѣ было тихо... И было все такъ, по строгому приказу самого графа.

Два раза приходила въ себя графиня и, полусознательно осмотрѣвшись, удивлялась и затишью, и отсутствию не только людей, но даже мужа.

Наконецъ, вдругъ скрипнула дверь. Графиня подняла глаза

и невольно вскрикнула, двинулась, но осталась на стулѣ, какъ бы окаменѣвъ въ испугѣ... На ея глазахъ, будто втолкнутый насильно, влетѣлъ въ дверь и тотчасъ снова попятился къ ней широкоплечій, высокій и лохматый мужикъ, въ засаленной посконной рубахѣ и въ короткихъ штанахъ съ рваными краями на голыхъ загрязненныхъ ногахъ. Рубаха безъ пояса висѣла балахономъ, а растегнутый воротъ обнажалъ грязно-сизую грудь. Въ рукѣ его былъ длинный, собранный въ пукъ, пастушій кнутъ... Онъ молча и растерянно сталъ предъ ней, весь въ лучахъ золотящаго горницу солнца. Изъ-за этихъ яркихъ лучей, изъ за пыли, грязи, а равно изъ-за взлохмаченной бороды глянуло на Софью что-то знакомое... Наконецъ, она приглядѣлась и снова вскрикнула, но иначе и тише. Будто отъ легкой боли или отъ роковой вѣсти!

— Что же это? едва слышно произнесли ея губы.

Мужикъ стоялъ истуканомъ и удивленно таращилъ глаза на важную барыню... Онъ не понималъ и боялся, какую затѣю съ нимъ замыслилъ сердитый баринъ, приведшій его и втолкнувшій сюда безъ всякихъ объясненій.

Графиня вдругъ, въ силу неуволимаго чувства, опустила глаза въ полъ, какъ опускаетъ ихъ женщина лишь отъ стыда, а лицо ея запылало румянцемъ. Опущенный взоръ невольно приковался теперь къ босымъ ступнямъ прищельца.

Пальцы этихъ здоровенныхъ ступней, залѣпленныхъ слоемъ грязи, растопырились на полу, а большіе пальцы, оттопырясь отъ остальныхъ, какъ-то торчали впередъ...

— Цуберка? Вѣдь это ты? произнесла, наконецъ, графиня по-латышки.

— Цуберка... Я... Что укажешь Лель-Матэ? Барыня? произнесъ ганць.

— Ты не узнаешь меня? прибавила она дрогнувшимъ голосомъ.

Ганць приглядѣлся, разинулъ ротъ, охнулъ протяжно и, улыбнувшись вдругъ широкой глуповатой улыбкой, поднялъ отъ смущенія руку и началъ чесать свою лохматую голову.

— А я гляжу... гляжу... заговорилъ онъ, фыркнувъ. Вотъ, думаю, похоже. Очень похоже!.. Точно будто лѣшій балуется, глаза отводитъ... А оно и вправду—Софья Скворощанка...

Цуберка размѣялся на всю горницу, и отъ этого смѣха лицо графини вспыхнуло еще болѣе, а въ глазахъ стали слезы...

— Ты что дѣлаешь? ганцемъ? чрезъ силу произнесла она, почти не зная, что говорить.

— Ганцемъ въ Вишкахъ...

Наступило молчаніе.

— А ты что дѣлаешь? Ты Лель-Матэ стала?

— Давно я не видала... Давно... проговорила графиня глухо, какъ бы сама себѣ.

— Да, съ тѣхъ поръ, что меня въ Рижскій ціатумсъ стащили москали и розгами все вотъ...

— „Что же это такое?“ повторяла мысленно графиня. „Что же это? Это не мой Цуберка. Это не онъ! Или это онъ же, но не тотъ, котораго я... въ сердцѣ... Да что же это? Это колдовство!..“

Она тихо откачнулась, прислонилась къ спинкѣ стула и вдругъ крупныя слезы полились по ея лицу... Она закрылась платкомъ и тихо заплакала...

— Ты не плачь... Тогда больно было... А теперь ничего... Прошло! Я думать забылъ.

Графиня вдругъ порывисто поднялась и подошла къ ганцу. Доставъ изъ кармана вязаный кошелекъ съ десяткомъ червонцевъ, она стала на шагъ отъ него.

— Эйть ность! Уходи вонъ! глухо произнесла она, протягивая руку съ деньгами.

— Это мнѣ?...

— Бери... Ступай. Діесь артевимъ! Богъ съ тобой!..

— А „онъ“ не заругаетъ? Не побьетъ?.. взволнованно колебался Цуберка братъ кошелекъ.

— Бери... Женися скорѣе и...

— Ладно. За меня Хевуска замужъ хочетъ...

— Эйть ность. Эйть ность! повторила тихо графиня, отъвернувшись въ сторону.

Ганцъ сжалъ кошелекъ въ своемъ громадномъ кулакѣ и отчасти растерянно двинулся къ дверямъ.

— Богъ съ тобой! шепнула Софья по-русски ему вслѣдъ.

Мужикъ пролѣзъ въ двери, а молодая женщина осталась среди горницы, стояла недвижно и все смотрѣла на эту затворившуюся дверь...

Ей почудилось, что въ груди ея будто оторвалось что-то, камнемъ упало на сердце и придавило его.

Солнце исчезло за краемъ земли, яркая позолота сошла со стѣнъ горницы и все потемнѣло сразу... И какъ здѣсь кру-

гомъ стало вдругъ темно, такъ же темно сдѣлалось будто и на душѣ молодой женщины. Будто кто-то умеръ вдругъ! Или что-то умерло для нея, умерло въ ней...

Но гдѣ же Цуберка? Гдѣ ея милый, обожаемый Цуберка, образъ котораго носила она въ сердцѣ своемъ? Здѣсь сейчасъ былъ не онъ. Такъ гдѣ же онъ? Неужели его не было никогда? Да что же это? Это колдовство!

Графиня трепетно, дрожащей рукой перекрестилась три раза и стала пугливо озираться въ темной горницѣ...

— Что же мнѣ дѣлать? шепнула она вслухъ.

Дверь отворилась, въ горницу вошелъ графъ и, тихо приблизясь, молча остановился предъ женой. Софья вздрогнула, потомъ опустила голову, потупилась и стояла.

Графъ подошелъ ближе, но молчалъ...

Наконецъ Софья тихо двинулась къ нему и, не поднимая головы, съ опущенными руками, какъ бы не смѣя тронуть его, медленно прислонилась этой поникнутой головой къ нему на грудь... Графъ порывисто обнялъ жену и, страстно цѣлуя, вымолвилъ:

— Полюбишь ты меня теперь?

— Да. Да... Такъ же, какъ любила его... Его! Не этого! Прости меня. Я не виновата! Это колдовство... Пойдемъ въ церковь... Пойдемъ молиться. Я боюсь...

— Не бойся, дорогая... Я тебѣ поясню колдовство! Я угадалъ вѣрно... Ты любила не ганца Цуберку, а свою картину, портретъ, не похожій на него, который нарисовали въ твоемъ сердцѣ—разлука и мечты...

A0000002164892

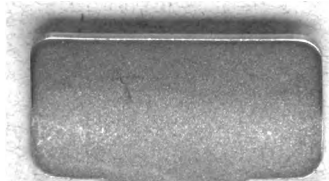
✓
PG3470

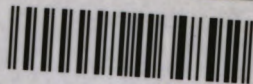
.S2

1894

t.11

A000002164892